

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОЛОГИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

Научный журнал

2023

№ 82

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-29496 от 27 сентября 2007 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Индексируется в БД Scopus
и Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»

*Редакционная коллегия журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Филология»*

Т.А. Демешкина (Томск, Россия) –
главный редактор
И.А. Айзикова (Томск, Россия) –
зам. главного редактора
Ю.М. Ершов (Севастополь, Россия) –
зам. главного редактора
М.М. Угрюмова (Томск, Россия) –
отв. секретарь
П.П. Каминский (Томск, Россия) –
зам. отв. секретаря
К.В. Анисимов (Красноярск, Россия)
Н.В. Жиликова (Томск, Россия)
Е.В. Иванцова (Томск, Россия)
И.Е. Ким (Новосибирск, Россия)
В.С. Киселев (Томск, Россия)
А.В. Колмогорова
(Санкт-Петербург, Россия)
Н.А. Мишанкина (Томск, Россия)
Н.Е. Никонова (Томск, Россия)
Т.Л. Рыбальченко (Томск, Россия)
В.А. Суханов (Томск, Россия)
И.В. Тубалова (Томск, Россия)

*Редакционный совет журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Филология»*

Дж.Ф. Бейлин (Стоуни-Брук, США)
Е.Л. Березович (Екатеринбург, Россия)
Е.Л. Варганова (Москва, Россия)
Н.Д. Голев (Кемерово, Россия)
Е.А. Добренко (Венеция, Италия)
М.Н. Липовецкий (Боулдер, США)
З.И. Резанова (Томск, Россия)
И.В. Силантьев (Новосибирск, Россия)
А.Н. Соболев (Санкт-Петербург, Россия)
С.Л. Фрэнкс (Блумингтон, США)
Т.В. Шмелева (Великий Новгород, Россия)

*Editorial Board
of the Tomsk State University
Journal of Philology*

T.A. Demeshkina (Tomsk, Russia) –
Editor-in-Chief
I.A. Aizikova (Tomsk, Russia) –
Deputy Editor-in-Chief
Yu.M. Yershov (Sevastopol, Russia) –
Deputy Editor-in-Chief
M.M. Ugryumova (Tomsk, Russia) –
Executive Editor
P.P. Kaminskiy (Tomsk, Russia) –
Deputy Executive Editor
K.V. Anisimov (Krasnoyarsk, Russia)
N.V. Zhilyakova (Tomsk, Russia)
Ye.V. Ivantsova (Tomsk, Russia)
I.Ye. Kim (Novosibirsk, Russia)
V.S. Kiselev (Tomsk, Russia)
A.V. Kolmogorova
(Saint Petersburg, Russia)
N.A. Mishankina (Tomsk, Russia)
N.E. Nikonova (Tomsk, Russia)
T.L. Rybalchenko (Tomsk, Russia)
V.A. Sukhanov (Tomsk, Russia)
I.V. Tubalova (Tomsk, Russia)

*Editorial Council
of the Tomsk State University
Journal of Philology*

J.F. Bailyn (Stony Brook, USA)
E.L. Berezovich (Yekaterinburg, Russia)
Ye.L. Vartanova (Moscow, Russia)
N.D. Golev (Kemerovo, Russia)
E.A. Dobrenko (Venice, Italy)
M.N. Lipovetsky (Boulder, USA)
Z.I. Rezanova (Tomsk, Russia)
I.V. Silantev (Novosibirsk, Russia)
A.N. Sobolev (Saint Petersburg, Russia)
S.L. Franks (Bloomington, USA)
T.V. Shmeleva (Veliky Novgorod, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

Андреев С.Н. Распределение атрибутов в поэмах А.С. Пушкина и гипотеза Скиннера	5
Басалаева Е.Г., Носенко Н.В. Образ моря в романе А. Мердок «Море, море»: к проблеме авторской и переводческой интерпретации	23
Евсеева И.В., Славкина И.А. Концепт «санкции» в юмористическом дискурсе	41
Захарова Ю.Г. Метаязыковой макропараметр в исследовании неологии второй половины XIX в. (на материале писем русских литераторов)	63
Лю Я. Структура лексико-семантического поля «Польза» в диалектах русского языка	89
Маркасова Е.В. «Я несчастный, но живой»: адъективный предикат при местоимении «я»	103
Москвин В.П. Сталинская «Ода» О. Мандельштама: комментарии лингвиста	118
Соколова Т.С., Старикова Г.Н. Фразеологические единицы с названиями времен суток и их производными как реализация номинативно-derivационного потенциала исходных слов	163

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Андреева С.Л., Бедрикова М.Л. Концепты «Время» и «Ускорение» как константы утопического типа сознания в свержповести В. Хлебникова «Зангези»	191
Анисимов К.В., Пономарев Е.Р. Книга очерков И.А. Бунина «Храм Солнца»: История текста	218
Вахненко Е.Е. Литературная личность А.М. Ремизова в сибирской периодической печати 1910-х гг.	254
Гнюсова И.Ф. «Убивающее мастерство»: роман Э. Тrollope «Бертрамы» в оценке Л.Н. Толстого	271
Королева В.В. «Гофмановский комплекс» в рассказе Э. По «Без дыхания»	288
Filimonova A.P., Mazhitayeva Sh.M. Staged history: Concept of theatricality in the modern utopia (<i>England, England</i> by Julian Barnes)	303

ЖУРНАЛИСТИКА

Варганова Е.Л., Вырковский А.В. Медиа и социальные конфликты: теоретико-методологические вызовы междисциплинарного подхода	321
--	-----

CONTENTS

LINGUISTICS

Andreev S.N. The distribution of attributes in poems by Alexander Pushkin and Skinner's hypothesis	5
Basalaeva E.G., Nosenko N.V. The image of the sea in Iris Murdoch's <i>The Sea, the Sea</i> : On the problem of author's and translator's interpretation	23
Evseeva I.V., Slavkina I.A. The concept "sanctions" in humorous discourse	41
Zakharova Yu.G. Metalanguage macroparameter in the study of neology of the second half of the 19th century (based on letters of Russian writers)	63
Liu Y. The structure of the lexical-semantic field "Benefit" in the dialects of the Russian language	89
Markasova E.V. "I am unhappy, but alive": The adjectival predicate for the pronoun "I"	103
Moskvin V.P. Subtexts of Osip Mandelstam's "Ode" to Stalin: A linguist's commentaries	118
Sokolova T.S., Starikova G.N. Phraseological units with the names of the times of the day and their derivatives as a realization of the nominative-derivational potential of the original words	163

LITERATURE STUDIES

Andreeva S.L., Bedrikova M.L. The concepts "Time" and "Acceleration" as constants of a utopian type of consciousness in Velimir Khlebnikov's supersaga <i>Zangezi</i>	191
Anisimov K.V., Ponomarev E.R. Ivan Bunin's book of travel sketches <i>The Temple of the Sun</i> : A history of the text	218
Vakhnenko E.E. The literary personality of Alexei Remizov in the Siberian periodical press of the 1910s	254
Gnyusova I.F. "A killing excellence": Anthony Trollope's <i>The Bertrams</i> in Leo Tolstoy's evaluation	271
Koroleva V.V. "Hoffmann's complex" in Edgar Allan Poe's story "Loss of Breath"	288
Filimonova A.P., Mazhitayeva Sh.M. Staged history: Concept of theatricality in the modern utopia (<i>England, England</i> by Julian Barnes)	303

JOURNALISM

Vartanova E.L., Vyrkovskiy A.V. Media and social conflicts: Theoretical and methodological challenges of an interdisciplinary approach	321
---	-----

ЛИНГВИСТИКА

Научная статья

УДК 81-32

doi: 10.17223/19986645/82/1

Распределение атрибутов в поэмах А.С. Пушкина и гипотеза Скиннера

Сергей Николаевич Андреев¹

¹ Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия, smol.an@mail.ru

Аннотация. Проверяется гипотеза Скиннера относительно распределения лингвистических единиц в тексте, в соответствии с которой расстояния между сходными лингвистическими единицами должны быть меньше, чем между различающимися единицами. В более общем виде ставится вопрос, имеется ли закономерность в распределении расстояний, на которых находятся идентичные единицы в тексте. В качестве таких единиц берутся слова, замещающие синтаксическую позицию определения (атрибуты). Материалом исследования являются шесть поэм А.С. Пушкина. Для анализа применялись коэффициент Бузмана, хи-квадрат и др.

Ключевые слова: гипотеза Скиннера, атрибуты, поэмы Пушкина, распределение, скрытая тенденция, экспоненциальная функция

Для цитирования: Андреев С.Н. Распределение атрибутов в поэмах А.С. Пушкина и гипотеза Скиннера // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 82. С. 5–22. doi: 10.17223/19986645/82/1

Original article

doi: 10.17223/19986645/82/1

The distribution of attributes in poems by Alexander Pushkin and Skinner's hypothesis

Sergey N. Andreev¹

¹ Smolensk State University, Smolensk, Russian Federation, smol.an@mail.ru

Abstract. The article aims to test Skinner's hypothesis regarding the distribution of linguistic units in the text. In accordance with this hypothesis, the distances between similar linguistic units should be less than between different units. In a more general form, one can raise the question of whether there is any regularity in the length of distances between identical units in the text. The units taken for this study are distinguished at a rather abstract level – different types of attributes. The scheme of attribute types is based on the part-of-speech characteristics of words that replace the syntactic position of the attribute. Attributes, constituting an extremely important component of the description of the artistic world, at the same time are an optional syntactic element in the sentence structure and are not determined by the valency of verbs in the predicative position. This allows the author to use attributes based on

one's preferences and the characteristics of the author's style, which makes attributes an extremely successful means of describing an individual style. Distances between attribute types are determined by the number of steps from one attribute to another identical attribute in the chain formed by all attributes in the order in which they appear in the text. The article also considers the possibility of identifying patterns in the alternation of distances between attributes of the same type. The research material is six poems by Alexander Pushkin, written in iambic tetrameter. These poems are especially significant in connection with the place of the brilliant poet in the development of Russian literature and the Russian language. The poems are: "Ruslan and Lyudmila", "The Prisoner of the Caucasus", "The Fountain of Bakhchisaray", "Count Nulin", "Poltava" and "The Bronze Horseman". The study was carried out by quantitative analysis of large volumes of text using a number of statistical measures (Busemann's coefficient, chi-square, etc.). As a result of the analysis, data were obtained on the degree of attraction of the same type of attributes to each other, and the degree of structural ordering of the description was determined. The use of the exponential function was very successful in fitting the distribution of distances between identical attributes. It was found that within each poem there is not only a predominance of short distances over large distances for identical attributes, but also a certain trend in the distribution of these distances, which is well caught by the exponential function. As a result of the analysis, Skinner's hypothesis was confirmed. This is expressed in the fact that in judging by the distances between attributes of the same type there is a hidden tendency towards order in preserving formal repetition until the fading of the stimulus.

Keywords: Skinner's hypothesis, attributes, poems by Pushkin, distribution, latent tendency, exponential function

For citation: Andreev, S.N. (2023) The distribution of attributes in poems by Alexander Pushkin and Skinner's hypothesis. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 82. pp. 5–22. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/82/1

Введение

Согласно гипотезе Б.Ф. Скиннера [1–2] идентичные языковые сущности имеют тенденцию появляться на близком расстоянии друг от друга, потому что сила стимула вначале достаточно велика и вызывает стремление осуществить повтор, в основе которого лежит тенденция «формального закрепления». Затем действие стимула постепенно слабеет и угасает вовсе, заменяясь воздействием другого стимула и, соответственно, образованием другой цепочки идентичных единиц. Одним из последствий этого является превалирование малых расстояний между идентичными лингвистическими единицами.

Скиннер подтверждал свою гипотезу, рассматривая, в частности, случаи аллитерации в стихотворных текстах, в которых находил статистическое подтверждение того, что фонетические единицы распределены в тексте не случайным образом, а в той или иной степени сгруппированы и расположены в определенной последовательности. По его мнению, эти случаи не всегда могут быть объяснены смыслом выражаемых единиц (их осмысленным повторением) и поэтому должны рассматриваться как пример

«формального упорства» говорящего, возникающего благодаря продолжающемуся воздействию исходного стимула. Доказательством того, что такой процесс, ответственный за фонетические повторы, имеет место, служили результаты его статистического анализа достаточно большой выборки. Именно такой квантитативный подход, по мнению Скиннера, является единственно возможным способом проверки его гипотезы.

Данную гипотезу формального подкрепления в фонетике можно попробовать перенести на другие уровни языка. На лексическом уровне свидетельством проявления этой тенденции служит наличие тавтологий (*загадать загадку, рычать звериным рыком, улыбаться широкой улыбкой, случайный случай, рассказывать в рассказе, бездоказательные доказательства* и др.) и плеоназмов (*впервые познакомиться, тогда был просто месяц май, самый лучший, толпа людей, час времени* и др.). На уровне синтаксических структур в ряде случаев к тавтологии относят конструкции типа «дурак дураком», «друг есть друг» [3–4].

Возникает вопрос: можно ли наблюдать эту закономерность для языковых единиц, выделяемых на более высокой степени абстракции. Для ответа на указанный вопрос рассмотрим распределение различных видов атрибутов (синтаксического определения).

Определения (атрибуты) составляют важный компонент в структуре предложения как в плане его синтаксической организации, так и в содержательном аспекте, поскольку, не являясь элементом обязательного глагольного окружения [5, 6], в то же время они играют основную роль в описании художественного мира автора. Тот факт, что синтаксическая позиция определения является факультативной, позволяет автору использовать атрибуты, исходя из своих предпочтений и особенностей авторского стиля. С другой стороны, такие единицы не столь очевидны для автора, как фонемы или слова с их тематической отнесенностью, и, соответственно, не так легко могут им контролироваться.

Обобщая задачу проверки гипотезы Скиннера, можно выделить два аспекта:

- 1) превышает ли количество малых расстояний между идентичными атрибутами количество больших расстояний;
- 2) есть ли вообще какая-либо упорядоченность в дистанциях между однотипными атрибутами.

Распределению расстояний между идентичными языковыми элементами текста в последнее время уделялось достаточно большое внимание.

Прежде всего следует отметить исследования самого Скиннера относительно расстояний между одинаковыми фонемами в сонетах Шекспира [1].

Большое внимание распределению идентичных языковых элементов в текстах и их расстоянию друг от друга уделяется в работах, направленных на выявление различных типов последовательностей: «мотивов Кёллера» [7], цепочек [8–9].

В ходе этих исследований изучаются последовательности единиц, находящиеся между идентичными элементами, либо определяется длина

последовательностей, содержащих сходные единицы, их концентрация в речи. К анализу привлекаются единицы, отражающие достаточно широкий спектр: фонетические [10], морфологические [11], синтаксические [12, 13], лексико-семантические, стилистические [14–16].

Следует отметить, что в большинстве случаев систематического анализа распределения расстояний различной длины между идентичными элементами, как правило, не проводится и непосредственной проверки гипотезы Скиннера, по крайней мере в отношении атрибутов в русской поэзии, не осуществлялось.

Вопросы о степени распределения различных типов атрибутов в художественном тексте и характере их соотношения рассматривались в ряде наших работ, выполненных в рамках коллективных исследований [17, 18]. В указанных исследованиях получены предварительные результаты относительно подтверждения гипотезы Скиннера для прозы, однако они пока еще не носят исчерпывающего характера и не были детально рассмотрены на материале поэтических текстов, которые, как известно, отличаются повышенной упорядоченностью и сложным взаимодействием и взаимовлиянием различных лингвистических подсистем [19–21].

Материал и схема признаков

Поскольку в дальнейшем результаты этого исследования планируется использовать для сопоставительного анализа индивидуального стиля поэтов, творчество которых относится к различным периодам развития русской поэзии, на первом этапе целесообразно провести анализ поэтов золотого века русской литературы, и в первую очередь его главного поэта – А.С. Пушкина.

Для исследования были взяты поэмы Пушкина, написанные 4-ст. ямбом. Их список включает следующие произведения (в косых скобках приводятся обозначения поэм, в круглых – объем взятого текста): «Руслан и Людмила» /РиЛ/ (берется посвящение и первая песня), «Кавказский пленник» /КП/ (часть I и часть II до черкесской песни), «Бахчисарайский фонтан» /БФ/ (полностью), «Граф Нулин» /ГрН/ (полностью), «Полтава» /Плт/ (первая песня), «Медный всадник» /МВ/ (полностью). Взятые тексты в целом можно рассматривать как соотносимые по объему. Тексты берутся по изданию «А.С. Пушкин. Собрание сочинений в 10 томах» [22].

Из поэм, написанных 4-ст. ямбом, в этот список не были включены поэма «Цыганы», в которой имеется большое количество прямой речи, неоконченные поэмы «Братья разбойники», «Вадим», «Езерский», «Тазит», а также поэма «Тень Фонвизина», не вошедшая в используемое здесь в качестве источника академическое издание.

Виды атрибутов в данной статье определяются на основании частеречной принадлежности слов, замещающих синтаксическую позицию определения. Список атрибутов, которые были установлены в рассматриваемых текстах, приводится ниже. Прописными буквами даны сокращения, после

двоеточия приводятся примеры. В скобках указаны краткие названия поэм, список которых приведен выше.

ПЛГ – прилагательное: Нет, он скупает *бранной* славой, / Устала *грозная* рука (БФ); Сидят три витязя *младые* (РиЛ).

ПРЛЖ – приложение: Я пошажу твою обитель, / *Темницу* дочери моей (Плт); Смеялся Лидин, их *сосед*, / *Помещик* двадцати трех лет (ГрН).

МЕСТ – местоимение-прилагательное: Не то *моя* прольется кровь (Плт); И с ними дядька *их* морской (РиЛ); И *свой* гарем опять узрел (БФ); ...сказку *эту* / Поведаю теперь я свету (РиЛ); Однообразен *каждый* день (БФ); Не знаешь ты, *какого* змия / Ласкаешь на груди своей (Плт); *Чья* дочь в объятиях его? (Плт); *Ничьих* не требуя похвал (РиЛ).

ГЕН – существительное в родительном падеже (генитив): На берегу пустынных *волн* (МВ); *Времен* минувших небылицы (РиЛ).

ПК – именная предложная конструкция: Мысль *о* потерянной невесте (РиЛ); Monsieur Picard ему приносит ...Щипцы *с* пружиною, будильник (ГрН).

ПРЧ – причастие: И *зеленеющая* влага / Пред ним и блещет и шумит (БФ); Или кончиной *ускоренной* / Унылы дни ее пресек (БФ); И гасну я, как пламень дымный, / *Забытый* среди пустых долин (КП); Но скоро как-то развлекалась / *Перед* окном возникшей дракой (ГрН).

ПП – придаточное предложение: Те песни, *кои он* слагал (Плт); Ума недального, ленивцы, / *Которым* жизнь куда легка! (МВ).

ДАТ – существительное в дательном падеже: Да вой волков. Но то-то счастье / *Охотнику!* (ГрН); И в мире *старцу* утешенье (РиЛ).

Определение расстояний

Во всех взятых для анализа текстах были определены атрибуты и маркированы их типы. Опустив все остальные слова, можно получить цепочки, отражающие последовательность различных типов атрибутов в текстах. В качестве примера показана последовательность атрибутов в начальных пяти строфах первой песни «Руслана и Людмилы»:

ПРЧ, ГЕН, ПЛГ, ПЛГ, ГЕН, ПЛГ, ПРЛЖ, ПЛГ, ПЛГ, ПРЛЖ, ПЛГ, МЕСТ, МЕСТ, ПЛГ, ПРЧ, ПК, ПК, ПЛГ, ГЕН, ПЛГ, ПЛГ, ПЛГ, ГЕН, ПЛГ, ПЛГ, ПРЛЖ, ПРЧ, ПРЧ, ПЛГ, ПРЧ, ПЛГ, МЕСТ, ПЛГ, ПЛГ, ПЛГ, ПЛГ, ПЛГ, ПЛГ, ПЛГ, ПЛГ, ГЕН, ГЕН, ГЕН, ПРЛЖ, ПРЛЖ, ПЛГ, ПРЧ, ПЛГ, ПЛГ, ГЕН, ПРЛЖ, ПРЛЖ, ПЛГ, ПРЧ, ПЛГ, ПЛГ, ПЛГ, ПЛГ, ПЛГ, ПРЛЖ, ПРЛЖ, ПЛГ, ПЛГ, ПЛГ, ПЛГ, ПЛГ, ПЛГ, ПЛГ...

Для того чтобы проверить гипотезу Скиннера, необходимо установить все расстояния между одинаковыми типами атрибутов. Эти расстояния могут быть измерены различными способами. В статье такие расстояния между однотипными атрибутами были определены по количеству «шагов», которые необходимы, чтобы перейти от данного атрибута к следующему идентичному ему атрибуту.

Так, в указанной выше последовательности на первой позиции находится атрибут ПРЧ. Следующий атрибут ПРЧ расположен только на 15-й позиции. Таким образом, для того чтобы перейти от первого до второго атрибута ПРЧ требуется 14 шагов ($15 - 1 = 14$). От второго до третьего атрибута, выраженных причастиями (ПРЧ) требуется 12 шагов, а от третьего до четвертого расстояние составляет только 1 шаг. Расстояние от первого атрибута ГЕН до следующего равно 3 шагам, от второго до третьего ГЕН оно составляет 14 шагов, далее – 4 шага и т.д. Подобным образом осуществляется подсчет шагов для всех атрибутивных типов. В результате для этого отрывка из РиЛ получаем следующие данные по количеству расстояний между идентичными типами атрибутов (ИТА):

Между ПЛГ зафиксировано 23 расстояния в один шаг (23Р – 1Ш), 11 расстояний в два шага (11Р – 2Ш), 2Р – 3Ш, 3Р – 4Ш, 1Р – 6Ш.

МЕСТ: 1 расстояние в 1Ш, 1Р – 23Ш, 1Р – 33Ш.

ГЕН: 2Р – 1Ш, 1Р – 3Ш, 1Р – 4Ш, 1Р – 7Ш, 1Р – 14Ш, 2Р – 18Ш.

ПРЛЖ: 3Р – 1Ш, 1Р – 3Ш, по 1 разу 6Ш, 8Ш, 16Ш, 18Ш.

ПК: 1Р – 1Ш.

ПРЧ: по 1 разу 1Ш, 2Ш, 7Ш, 12Ш, 14Ш, 17Ш.

Сложив все одинаковые расстояния, получаем следующую числовую последовательность, описывающую атрибутивную дистанционную структуру в первых пяти строках первой песни «Руслана и Людмилы»: 1 шаг наблюдается 31 раз, 2Ш (12), 3Ш (4), 4Ш (4), 6Ш (2), 7Ш (2), 8Ш (1), 12Ш (1), 14Ш (2), 16Ш (1), 17Ш (1), 18Ш (3), 19Ш (1), 33Ш (1).

В соответствии с этим подходом были произведены подсчеты дистанций ИТА во всех шести поэмах. Суммарные данные о расстояниях между идентичными типами атрибутов во всех рассматриваемых поэмах представлены в табл. 1. Величина расстояний, отраженных в этой таблице, ограничена пределом в 20 шагов. Все остальные расстояния вряд ли представляют интерес для нашего исследования, они немногочисленны и составляют менее 5% от общего количества расстояний.

Таблица 1

**Суммарные данные расстояний между идентичными атрибутами
в шести поэмах Пушкина**

Шагов	Типы определений								
	ПЛГ	МЕСТ	ГЕН	ПК	ПРЛЖ	ПРЧ	ПП	ДАТ	Всего
1	690	89	91	1	12	22	4	0	909
2	311	58	69	2	6	13	6	0	465
3	148	43	59	0	2	4	0	0	256
4	68	34	63	2	0	7	0	0	174
5	38	25	27	1	4	5	0	0	100
6	17	22	30	1	1	6	0	0	77
7	7	11	23	2	0	6	0	0	49
8	5	9	19	0	0	2	0	0	35
9	1	18	21	0	1	1	0	0	42

Шагов	Типы определений								Всего
	ПЛГ	МЕСТ	ГЕН	ПК	ПРЛЖ	ПРЧ	ПП	ДАТ	
10	1	6	19	0	0	4	0	0	30
11	1	7	8	0	3	12	0	0	31
12	0	6	8	0	1	3	0	0	18
13	0	4	6	1	2	1	0	0	14
14	0	4	2	0	2	3	0	0	11
15	0	4	4	0	0	5	0	0	13
16	0	3	3	2	1	2	0	0	11
17	0	2	7	0	2	0	0	0	11
18	0	1	1	2	0	7	0	0	11
19	0	15	2	0	0	4	0	0	21
20	0	4	1	0	3	8	0	0	16

Как видно из таблицы, в текстах крайне мало представлены ПК, ПРЛЖ, ПП, а существительные в позиции определения в дательном падеже вообще очень редки и имеют слишком большие расстояния друг от друга, превышая порог в 20 шагов.

Сопоставление расстояний показывает, что небольшие расстояния явно преобладают. В диапазоне 1–3 шага за исключением достаточно редких ПП и ПК и, как указывалось, ДАТ, между идентичными атрибутами количество минимальных расстояний превышает количество расстояний в 2 шага, а расстояние в 2 шага – количество расстояний в 3 шага. Таким образом, наблюдается своего рода тяготение идентичных атрибутов к совместному использованию.

Определения ПЛГ и условно относимые к адъективным атрибуты МЕСТ достаточно строго упорядочены в плане постепенного уменьшения величины расстояний. Использование атрибутов ГЕН упорядочено в меньшей степени – здесь иногда количество больших расстояний превышает количество расстояний меньших. Правда, это не нарушает общей тенденции к уменьшению случаев с большим разрывом между ИТА. Именные атрибуты ПК и ПП достаточно редки, чтобы делать надежные выводы. Можно лишь отметить, что ПП соответствует общей тенденции «взаимного притяжения» ИТА, в то время как ПК – единственный атрибут, который общему правилу не подчиняется. Здесь разброс расстояний достаточно велик.

Суммарные данные еще более показательны в отношении постепенного угасания стимула и превалирования системы притяжения однородных элементов. Эти данные можно представить на графике (рис. 1).

Ось абсцисс отражает величину расстояний (количество шагов, для достижения следующего идентичного атрибута), ось ординат – количество (частоту) таких расстояний между идентичными атрибутами в исследуемых текстах.

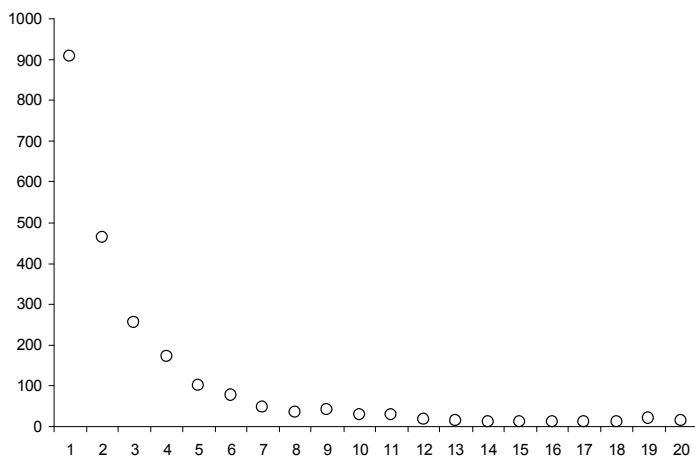

Рис. 1. Количество (частот) расстояний разной величины между однотипными определениями

Кружками обозначены частоты расстояний. На графике ясно видно уменьшение частоты расстояний с увеличением их длины. Падение заканчивается между шагами 6–8. По-видимому, здесь находится граница взаимодействия идентичных определений.

Распределение расстояний

Анализируя график, можно поставить вопрос о том, есть ли какая-либо упорядоченность в частотах наблюдаемых расстояний между атрибутами. На графике видно, что кружки расположены в той последовательности, которая напоминает экспоненциальную кривую со спадом. Для проверки этого предположения мы использовали формулу экспоненциальной функции + 1, которая была предложена Г. Альтманом и использовалась для решения похожих вопросов в лингвистике [23. Р. 41; 24. Р. 99]:

$$f(x) = 1 + a \cdot e^{-bx},$$

где a и b – параметры. Параметр a зависит от максимальной (первой в нисходящем ряду) частоты, параметр b отражает силу инерции сигнала. Чем больше b , тем сильнее увеличиваются большие расстояния [25. Р. 70].

В результате использования этой формулы для нашего материала были получены следующие данные: $a = 1592,38$, $b = 0,58$, график функции показан на рис. 2.

На графике кружками, как и прежде, обозначены частоты расстояний между идентичными атрибутами, которые наблюдаются в текстах всех поэм (суммарно). Сплошная черта отражает распределение, которое было бы получено, если бы распределение соответствовало экспоненциальной функции по указанной формуле. Как видно на рис. 1 и 2, кружки либо

близки к этому ожидаемому распределению, либо накладываются на линию. Такое практически полное совмещение теоретически ожидаемых и эмпирически наблюдаемых частот свидетельствует о том, что формула хорошо отразила их распределение.

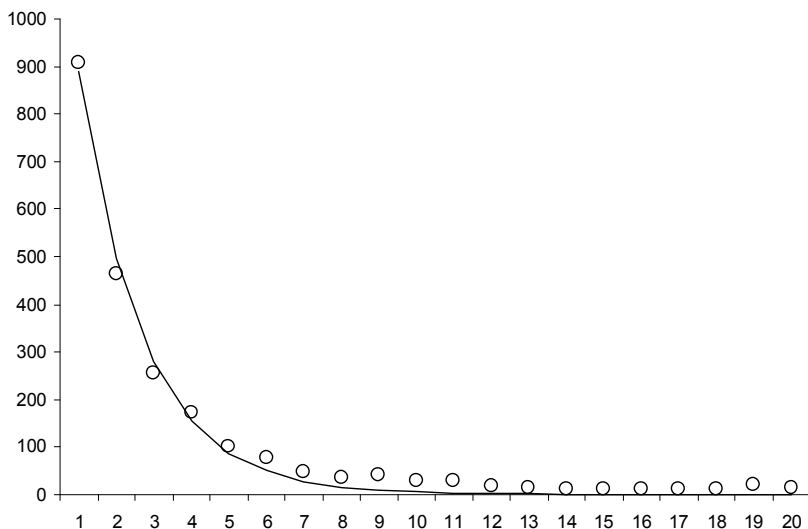

Рис. 2. Распределение частот расстояний, взятых суммарно для всех шести поэзм

Этот вывод подтверждается коэффициентом детерминации R^2 . Значение коэффициента детерминации показывает, насколько успешна формула для отражения наблюдаемого распределения частот. Чем ближе R^2 к 1, тем более успешным является ее применение. Достаточным часто считается показатель $R^2 > 0,8$. В нашем случае коэффициент детерминации $R^2 = 0,991$ свидетельствует об очень высокой успешности результата аппроксимации.

Можно заключить, что расстояния, на которые удалены друг от друга атрибуты идентичных типов, отражают определенную закономерность и их частоты подчиняются экспоненциальному распределению.

Рассмотрим, наблюдается ли эта тенденция в образовании расстояний между ИТА в каждой из шести поэзм, взятой отдельно от других. Результаты отражены в табл. 2. В последней строке таблицы указаны значения коэффициента детерминации (R^2) и параметры, установленные для данного распределения частот расстояний.

Судя по коэффициенту детерминации, для всех шести поэзм указанная выше формула также очень хорошо аппроксимирует частоты расстояний. Таким образом, тенденция экспоненциального распределения частот расстояний ИТА, измеренных в шагах, имеет место и в отдельно взятых поэмах.

Таблица 2

Расстояния между всеми однотипными атрибутами в каждой из шести поэм

Суммарные расстояния	РиЛ	КП	БФ	ГрН	Плт	МВ
1	174	163	231	81	119	141
2	108	65	86	43	103	60
3	40	39	62	21	58	36
4	37	28	38	10	28	33
5	20	14	19	10	16	21
6	12	15	20	5	9	16
7	9	6	9	3	10	12
8	8	2	4	2	8	11
9	8	6	13	8	2	5
10	4	6	13	2	4	1
11	5	7	9	2	2	6
12	8	1	4	2	1	2
13	3	1	3	0	5	2
14	2	1	3	0	3	2
15	0	4	4	2	0	3
16	4	2	2	1	1	1
17	4	1	2	2	1	1
18	2	1	3	2	0	3
19	3	2	2	0	12	2
20	1	4	5	1	2	3
R ²	0,986	0,982	0,9738	0,9903	0,9648	0,9674
a	309,27	324,29	454,58	153,74	197,52	238,74
b	0,57	0,72	0,72	0,65	0,44	0,59

Как было сказано выше, параметр b в нашем случае позволяет судить о скорости угасания сигнала, что проявляется в относительно более быстром увеличении расстояний между ИТА. Сопоставление значений этого параметра показывает, что в разных поэмах он имеет относительно близкие значения, однако различия все-таки есть. Наиболее сильное снижение числа коротких расстояний наблюдается в Плт, наиболее плавное – в КП и БФ.

Структурная однородность атрибутивных цепочек

Идентичные атрибуты могут распределяться по тексту равномерно либо образовывать тесные группы – констелляции, когда они следуют непосредственно друг за другом. Тогда можно выделить одноэлементные, двухэлементные, трехэлементные и т.д. единицы атрибутивных цепочек. В приводимой ниже последовательности (рассмотренный ранее отрывок из РиЛ) имеется 41 единица (они заключены в фигурные скобки):

{ПРЧ} – {ГЕН} – {ПЛИГ, ПЛИГ} – {ГЕН} – {ПЛИГ} – {ПРЛЖ} – {ПЛИГ, ПЛИГ} – {ПРЛЖ} – {ПЛИГ} – {МЕСТ, МЕСТ} – {ПЛИГ} – {ПРЧ} – {ПК, ПК} – {ПЛИГ} – {ГЕН} – {ПЛИГ, ПЛИГ, ПЛИГ} – {ГЕН} – {ПЛИГ, ПЛИГ} – {ПРЛЖ} –

{ПРЧ, ПРЧ} – {ПЛГ} – {ПРЧ} – {ПЛГ} – {МЕСТ} – {ПЛГ, ПЛГ, ПЛГ, ПЛГ, ПЛГ, ПЛГ, ПЛГ, ПЛГ, ПЛГ} – {ГЕН, ГЕН, ГЕН} – {ПРЛЖ, ПРЛЖ} – {ПЛГ} – {ПРЧ} – {ПЛГ, ПЛГ} – {ГЕН} – {ПРЛЖ, ПРЛЖ} – {ПЛГ} – {ПРЧ} – {ПЛГ, ПЛГ, ПЛГ, ПЛГ, ПЛГ} – {ПРЛЖ, ПРЛЖ} – {ПЛГ, ПЛГ, ПЛГ} – {МЕСТ} – {ПЛГ, ПЛГ} – {ГЕН} – {ПЛГ, ПЛГ, ПЛГ, ПЛГ}.

В отрывке 24 одноэлементных, 11 двухэлементных, 3 трехэлементных единиц; по одной единице включают в себя 4, 5 и 8 элементов. Общее количество атрибутов в этом отрывке равно 72. Рассматривая степень взаимного «притяжения» ИТА, можно определить индекс сгруппированности, или плотности, атрибутивных цепочек в тексте. Этот индекс получается путем деления общего числа атрибутов на количество единиц в последовательности. В нашем случае этот индекс будет равен $I = 72 / 41 = 1,76$

В табл. 3 приводятся данные о количестве групп ИТА в шести поэмах.

Т а б л и ц а 3

Количество групп ИТА в 6 поэмах Пушкина

Поэма	Всего атрибутов	Всего групп	Индекс сгруппированности
РиЛ	486	314	1,548
КП	563	335	1,681
БФ	534	363	1,471
ГрН	222	142	1,563
Птл	402	288	1,396
МВ	394	254	1,551

Индексы сгруппированности ИТА в разных поэмах различаются относительно мало, но, как и в случае с параметром b , различия все-таки имеются. Они хорошо заметны на графике (рис. 3).

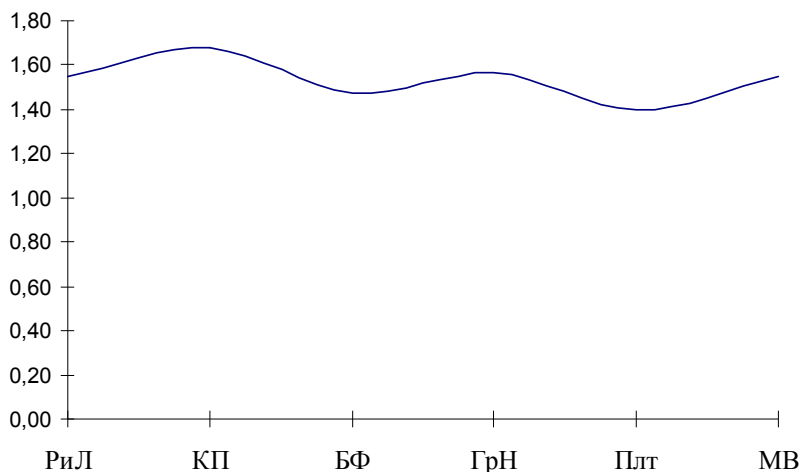

Рис. 3. Индекс сгруппированности ИТА в шести поэмах

Обращает на себя внимание волнообразный характер изменения значений индекса. Причем каждый раз после некоторого подъема следует небольшой спад. Здесь следует отметить, что поэмы на диаграмме расположены по времени их создания, поэтому можно предположить, что имели место некоторые изменения стиля у поэта в направлении от большей к меньшей монотонности в организации атрибутивной структуры и наоборот. Разумеется, надо учитывать, что не были взяты неоконченные поэмы и поэма «Цыганы» (последняя из-за большого количества диалогов).

Соотношение одноэлементных и многоэлементных групп

Наибольший интерес для нас представляют группы, которые включают более одного компонента. В табл. 4 показано разделение на подгруппы в зависимости от количества элементов, входящих в эти группы.

Т а б л и ц а 4

Количественный состав единиц атрибутивных цепочек

Поэмы	Количество элементов в цепочке												Всего многоэле- ментных групп (2–12)
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	
РиЛ	220	48	28	11	4	0	2	1	0	0	0	0	94
КП	231	47	31	7	9	6	1	1	1	0	0	1	104
БФ	266	55	25	11	2	2	1	0	0	1	0	0	97
ГрН	106	16	10	4	3	1	0	1	1	0	0	0	36
Плт	228	36	8	8	5	1	1	1	0	0	0	0	60
МВ	167	56	19	8	3	0	0	0	0	0	1	0	87

Соотношение многоэлементных объединений с элементарными (однокомпонентными) единицами может быть установлено по формуле Бузмана [26, 27]:

$$Б = \frac{М}{П + М},$$

где П – все одиночные атрибуты, М – количество многоэлементных объединений. Коэффициент может принимать значения в диапазоне от 0 до 1.

При $Б > 0,55$ имеет место повышенное использование атрибутивных цепочек; при $Б < 0,45$ преобладают одиночные атрибуты; при $0,45 \leq Б \leq 0,55$ – отклонения в ту или иную сторону нет.

Проверка результатов производится при помощи критерия χ^2 по формуле, предложенной в [28. Р. 74]:

$$\chi^2 = \frac{(П - М)^2}{П + М}.$$

Коэффициент Б статистически значим (одна степень свободы и уровень значимости $p < 0,05$), если $\chi^2 > 3,84$.

В результате проведенных подсчетов были определены значения этого коэффициента для всех поэм (табл. 5).

Т а б л и ц а 5

Коэффициент Бузмана и χ^2

Поэма	Коэффициент Бузмана	χ^2
РиЛ	0,30	50,56
КП	0,31	48,15
БФ	0,27	78,68
ГрН	0,25	34,51
Плт	0,21	98,00
МВ	0,34	25,20

Во всех случаях коэффициент оказался статистически значимым. В поэмах наблюдается достаточно выраженное превосходство альтернирующей структуры описания. Максимально эта тенденция выражена в «Полтаве». Напротив, наиболее структурное единообразие описания имеет место в «Медном всаднике». Тенденция к варьированию оказалась не такой сильной, как можно было ожидать.

Для того чтобы сопоставить поэмы между собой можно использовать значения параметра b и коэффициента Бузмана и построить диаграмму рассеяния поэм (рис. 4).

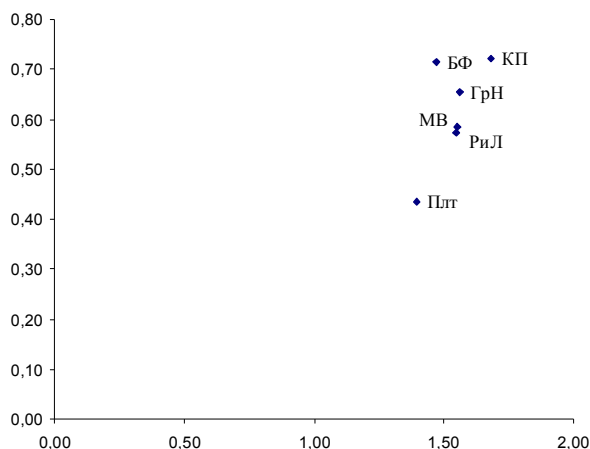

Рис. 4. Диаграмма рассеяния поэм по индексу группированности атрибутов (ось x) и параметру b (ось y)

На диаграмме точками обозначены поэмы, координаты которых равны значениям коэффициента Бузмана и параметра b экспоненциальной функции. Судя по расположению точек относительно друг друга, можно определить степень их сходства или различия. Чем ближе друг к другу находятся точки, тем больше сходство у соответствующих поэм.

В целом можно заключить, что все поэмы образуют достаточно плотную группу, которая, однако, может быть разбита на три подгруппы. Относительно дальше от других находится поэма «Полтава», которая образует самостоятельный кластер. Весьма сходными (на диаграмме близкими друг к другу) оказались поэмы «Руслан и Людмила» и «Медный всадник». Это достаточно интересное явление, отмеченное в исследованиях по динамике стиля американских романтиков Г. Лонгфелло и Э. По [29, 30], когда наблюдается сходство между ранними произведениями автора и произведениями, написанными им в зрелый период.

Еще одну подгруппу образуют КП, БФ и ГрН.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Гипотеза Скиннера для единиц достаточно высокого уровня обобщения (атрибутов) вполне подтверждается. Соотношение расстояний между идентичными атрибутами подчиняется скрытой закономерности, которая проявляется в том, что распределение различных расстояний между идентичными атрибутами имеет экспоненциальный характер.

Таким образом, также подтверждается тезис о наличии в речи формальной инерции, которая может быть объяснена продолжающимся некоторое время воздействием стимула с постепенным его затуханием.

Степень интеграции атрибутивной структуры в поэмах Пушкина относительно невысока и отражает вариативность описания. В плане динамики стиля (изменения во времени) структура описания в целом сохраняется, некоторые изменения носят волнообразный характер от одного произведения к следующему по времени создания.

Соотношение одноэлементных и многоэлементных кластеров в различных поэмах достаточно одинаково. «Полтава» имеет менее жестко структурированную организацию атрибутивного выражения (менее жесткое чередование атрибутивных типов), чем более ранние произведения.

По характеру увеличения расстояний между ИТА и по соотношению элементарных единиц атрибутивной последовательности с единицами, состоящими из цепочек ИТА, можно выделить три группы произведений, которые включают следующие поэмы: (1) «Полтава»; (2) «Руслан и Людмила» – «Медный всадник»; (3) «Кавказский пленник» – «Бахчисарайский фонтан» – «Граф Нулин».

Результаты проведенного исследования позволяют для каждого поэта установить индекс инерции описания, который отражает инерцию поэта в использовании атрибутивных типов. Такой параметр, определяемый с достаточно большой степенью объективности, может быть использован как в теоретическом, так и в практическом плане. В первом случае он может быть применен для классификации индивидуальных стилей поэтов, а также, в более общем виде, для характеристики целых школ и направлений. Интересным представляется также вопрос, меняется ли, и если меняется, то как, инерция в описании у поэтов XIX–XXI вв.

Этот параметр может быть использован как один из признаков индивидуального стиля для атрибуции анонимных и псевдонимных текстов, поскольку такой индекс устойчивости (инерции) описания, мало меняется во времени у одного и того же автора.

Кроме того, по той же причине получаемые показатели могут использоваться при генерировании художественного текста для поддержания тождественности его стиля.

Полученные выводы носят предварительный характер. Дальнейшие исследования предполагают увеличение материала путем привлечения других произведений Пушкина, а также других поэтов, возможно, включая и прозаические произведения. Еще более дальняя цель – проверка гипотезы Скиннера и характера распределения лингвистических единиц еще более высокого уровня обобщения – синтаксических структур словосочетаний, предложений и агрегированных признаков (мотивов, цепочек Белзы и др. [31–33]).

Список источников

1. *Skinner B.F.* The alliteration in Shakespeare's sonnets: A study in literary behavior // *Psychological Record*. 1939. № 3. P. 186–192.
2. *Skinner B.F.* A quantitative estimate of certain types of sound-patterning in poetry // *The American Journal of Psychology*. 1941. Vol. 54. P. 64–79.
3. *Vilinbakhova E., Escandell-Vidal V.* Interpreting nominal tautologies: Dimensions of knowledge and genericity // *Journal of Pragmatics*. 2020. Vol. 160. P. 97–113.
4. *Janda L.A., Kopotev M., Nessel T.* Constructions, their families and their neighborhoods: the case of *durak durakom* 'a fool times two' // *Russian Linguistics*. 2020. Vol. 44. P. 109–127.
5. *Теньер Л.* Основа структурного синтаксиса. М. : Прогресс, 1988. 656 с.
6. *Холодович А.А.* Залог: Определение. Исчисление // *Категория залога*. Л., 1970. С. 2–26.
7. *Köhler R., Naumann S.* A syntagmatic approach to automatic text classification. Statistical properties of F- and L-motifs as text characteristics // *Text and Language, structures, functions, interrelations, quantitative perspectives*. Wien : Praesens, 2010. P. 81–89.
8. *Altmann G.* Supra-sentence levels // *Glottology* 2014. Vol. 5(1). P. 25–39.
9. *Hřebíček L.* Text in communication: Supra-sentence structures. Bochum : Brockmeter, 1992.
10. *Altmann G.* The Nature and Hierarchy of Belza-Chains // *Glottometrics*. 2018. Vol. 42. P. 75–85.
11. *Tatar D., Lupea M., Altmann G.* Hreb-like analysis of Eminescu's poems // *Glottometrics* 2014. Vol. 28. P. 37–55.
12. *Zhang H. and Liu H.* Motifs of Generalized Valencies // *Motifs in Language and Text*. Berlin; Munich; Boston : Walter de Gruyter GmbH, 2017. P. 231–260.
13. *Köhler R., Naumann S.* Syntactic Text Characterisation Using Linguistic S-Motifs // *Glottometrics*. 2016. Vol. 34. P. 1–8.
14. *Roelcke Th., Popescu I.-I., Altmann G.* Aspects of text concentration // *Glottometrics*. 2017. Vol. 36. P. 70–86.
15. *Köhler R., Altmann G.* Problems in Quantitative Linguistics. Is. 4. Lüdenscheld : Ram-Verlag, 2014. P. 11–12.
16. *Chen R., Altmann G.* Conceptual inertia in texts // *Glottometrics*. Vol. 30. 2015. P. 73–85.

17. Andreev S., Popescu I.-I., Altmann G. Some properties of adnominals in Russian texts // *Glottometrics*. 2017. Vol. 38. P. 77–106.
18. Andreev S., Popescu I.-I., Altmann G. On Russian adnominals // *Glottometrics*. 2017. Vol. 35. P. 64–83.
19. Гаспаров М.Л. Фонетика, морфология и синтаксис в борьбе за стих // *Избранные труды. Лингвистика стиха*. М., 2012. Т. 4. С. 325–334.
20. Гаспаров М. Теснота стихового ряда. Семантика и синтаксис // *Analysieren als Deuten*. Wolf Schmid zum 60. Hamburg : Hamburg University Press, 2004. P. 85–96.
21. Баевский В.С. Пастернак – лирик. Смоленск : Траст-имаком, 1993. 240 с.
22. Пушкин А.С. Собрание сочинений : в 10 т. М. : ГИХЛ, 1950. Т. 3.
23. Melka T. Stylistic study of *Omnilingual* by H. Beam Piper // *Glottometrics*. 2018. Vol. 43. P. 31–57.
24. Mistecky M., Altmann G. Tense and Persons in English: Modelling Attempts // *Glottometrics*. 2019. Vol. 46. P. 98–104.
25. Altmann G. Some Properties of Adjectives in Texts // *Glottometrics*. 2018. Vol. 41. P. 67–79.
26. Naumann S., Popescu I.-I., Altmann G. Aspects of nominal style // *Glottometrics*. 2016. Vol. 23. P. 23–55.
27. Popescu I.-I., Čech R., Altmann G. Descriptivity in Slovak lyrics // *Glottology*. 2013. Vol. 4. Is. 1. P. 92–104.
28. Popescu I.-I., Čech R., Altmann G. Descriptivity in special texts // *Glottometrics*. 2014. Vol. 29. P. 70–80.
29. Andreev V. Style Evolution: Space and Movement in Longfellow's Lyrical Poems // *Bakhtiniana*. 2021. Vol. 16. Is. 3. P. 166–186.
30. Андреев В.С. Динамика стиля Э.А. По (на материале лирики) // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2008. № 72. С. 168–174.
31. Köhler R. Sequences of linguistic quantities. Report on a new unit of investigation // *Glottology*. 2008. Vol. 1. Is. 1. P. 115–119.
32. Sanada H. Distribution of motifs in Japanese texts // *Text and Language*. Wien : Praesens Verlag, 2010. P. 183–194.
33. Andreev S., Lupea M., Altmann G. Belza chains of adnominals // *Glottometrics*. 2017. Vol. 39. P. 72–86.

References

1. Skinner, B.F. (1939) The alliteration in Shakespeare's sonnets: A study in literary behavior. *Psychological Record*. 3. pp. 186–192.
2. Skinner, B.F. (1941) A quantitative estimate of certain types of sound-patterning in poetry. *The American Journal of Psychology*. 54. pp. 64–79.
3. Vilibakhova, E. & Escandell-Vidal, V. (2020) Interpreting nominal tautologies: Dimensions of knowledge and genericity. *Journal of Pragmatics*. 160. pp. 97–113.
4. Janda, L.A., Kopotev, M. & Nessel, T. (2020) Constructions, their families and their neighborhoods: the case of *durak durakom* 'a fool times two'. *Russian Linguistics*. 44. pp. 109–127.
5. Tesnière, L. (1988) *Osnova strukturnogo sintaksisa* [Elements of Structural Syntax]. Moscow: Progress.
6. Kholodovich, A.A. (1970) Zalog. Opredelenie. Ischislenie [Pledge. Definition. Calculus]. In: *Kategoriya zaloga* [Category of Voice]. Leningrad: Nauka. pp. 2–26.
7. Köhler, R. & Naumann, S. (2010) A syntagmatic approach to automatic text classification. Statistical properties of F- and L-motifs as text characteristics. In: Grzybek, P., Kelih, E. & Mačutek, J. (eds) *Text and Language, structures, functions, interrelations*,

quantitative perspectives. Wien: Praesens. pp. 81–89.

8. Altmann, G. (2014) Supra-sentence levels. *Glottottheory*. 1 (5). pp. 25–39.

9. Hřebíček, L. (1992) *Text in Communication: Supra-sentence structures*. Bochum: Brockmeter.

10. Altmann, G. (2018) The nature and hierarchy of Belza-chains. *Glottometrics*. 42. pp. 75–85.

11. Tatar, D., Lupea, M. & Altmann, G. (2014) Hreb-like analysis of Eminescu's poems. *Glottometrics*. 28. pp. 37–55.

12. Zhang, H. & Liu, H. (2017) Motifs of Generalized Valencies. In: Zhang, H. & Liu, H. (eds) *Motifs in Language and Text*. Berlin; Munich; Boston: Walter de Gruyter GmbH. pp. 231–260.

13. Köhler, R. & Naumann, S. (2016) Syntactic text characterisation using linguistic S-motifs. *Glottometrics*. 34. pp. 1–8.

14. Roelcke, Th., Popescu, I.-I. & Altmann, G. (2017) Aspects of text concentration. *Glottometrics*. 36. pp. 70–86.

15. Köhler, R. & Altmann, G. (eds) (2014) *Problems in Quantitative Linguistics*. 4. Lüdenscheid: Ram-Verlag. pp. 11–12.

16. Chen, R. & Altmann, G. (2015) Conceptual inertia in texts. *Glottometrics*. 30. pp. 73–85.

17. Andreev, S., Popescu, I.-I. & Altmann, G. (2017) Some properties of adnominals in Russian texts. *Glottometrics*. 38. pp. 77–106.

18. Andreev, S., Popescu, I.-I. & Altmann, G. (2017) On Russian adnominals. *Glottometrics*. 35. pp. 64–83.

19. Gasparov, M.L. (2012) Фonetika, morfologiya i sintaksis v bor'be za stikh [Phonetics, morphology and syntax in the struggle for verse]. In: Gasparov, M.L. *Izbrannye trudy. Lingvistika stikha* [Selected Works. Linguistics of the verse]. Vol. 4. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 325–334.

20. Gasparov, M. (2004) Tesnota stikhovogo ryada. Semantika i sintaksis [The tightness of the verse series. Semantics and syntax]. In: Fleischmann, L., Goelz, C. & Hansen-Loeve, A.A. (eds) *Analysieren als Deuten. Wolf Schmid zum 60*. Hamburg: Hamburg University Press. pp. 85–96.

21. Baevskiy, V.S. (1993) *Pasternak – lirik* [Pasternak is a Lyricist]. Smolensk: Trastimakom.

22. Pushkin, A.S. (1950) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 3. Moscow: GIKhL.

23. Melka, T. (2018) Stylistic study of Omnilingual by H. Beam Piper. *Glottometrics*. 43. pp. 31–57.

24. Mistecky, M. & Altmann, G. (2019) Tense and persons in English: Modelling attempts. *Glottometrics*. 46. pp. 98–104.

25. Altmann, G. (2018) Some properties of adjectives in texts. *Glottometrics*. 41. pp. 67–79.

26. Naumann, S., Popescu, I.-I. & Altmann, G. (2016) Aspects of nominal style. *Glottometrics*. 23. pp. 23–55.

27. Popescu, I.-I., Čech, R. & Altmann, G. (2013) Descriptivity in Slovak lyrics. *Glottottheory*. 1 (4). pp. 92–104.

28. Popescu, I.-I., Čech, R. & Altmann, G. (2014) Descriptivity in special texts. *Glottometrics*. 29. pp. 70–80.

29. Andreev, V. (2021) Style evolution: Space and movement in Longfellow's lyrical poems. *Bakhtiniana*. 3 (16). pp. 166–186.

30. Andreev, V.S. (2008) Dinamika stilya E.A. Po (na materiale liriki) [Dynamics of E.A. Po (on the material of the lyrics)]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*. 72. pp. 168–174.

31. Köhler, R. (2008) Sequences of linguistic quantities. Report on a new unit of investigation. *Glottology*. 1 (1). pp. 115–119.

32. Sanada, H. (2010) Distribution of motifs in Japanese texts. In: Grzybek, P., Kelih, E. & Mačutek, J. (eds) *Text and Language. Structures. Functions. Interrelations Quantitative Perspectives*. Wien: Praesens Verlag. pp. 183–194.

33. Andreev, S., Lupea, M. & Altmann, G. (2017) Belza chains of adnominals. *Glottometrics*. 39. pp. 72–86.

Информация об авторе:

Андреев С.Н. – д-р филол. наук, профессор кафедры иностранных языков Смоленского государственного университета (Смоленск, Россия). E-mail: smol.an@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

S.N. Andreev, Dr. Sci. (Philology), professor, Smolensk State University (Smolensk, Russian Federation). E-mail: smol.an@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 07.04.2022;
одобрена после рецензирования 20.09.2022; принята к публикации 13.03.2023.*

*The article was submitted 07.04.2022;
approved after reviewing 20.09.2022; accepted for publication 13.03.2023.*

Научная статья
УДК 811.111'37+81
doi: 10.17223/19986645/82/2

Образ моря в романе А. Мердок «Море, море»: к проблеме авторской и переводческой интерпретации

Елена Геннадьевна Басалаева¹, Наталья Владимировна Носенко²

^{1, 2} Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия

¹ lena.bas@mail.ru

² mossenko@mail.ru

Аннотация. Рассматривается ключевой образ моря в романе А. Мердок «Море, море» и его переводе на русский язык. Моделирование авторского образа осуществляется через описание моря сквозь призму каналов перцепции и организацию текста на основе таких метафор, как «море – жизнь», «море – смерть», «море – творец» и др. Анализ перевода свидетельствует о достаточно высокой степени эквивалентности в передаче метафор, при этом случаи трансформаций являются оправданными с точки зрения передачи эмоционального фона произведения.

Ключевые слова: лексика восприятия, А. Мердок, образ моря, писатели-маринисты, метафора, перевод, переводческие трансформации

Для цитирования: Басалаева Е.Г., Носенко Н.В. Образ моря в романе А. Мердок «Море, море»: к проблеме авторской и переводческой интерпретации // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 82. С. 23–40. doi: 10.17223/19986645/82/2

Original article
doi: 10.17223/19986645/82/2

The image of the sea in Iris Murdoch's *The Sea, the Sea*: On the problem of author's and translator's interpretation

Elena G. Basalaeva¹, Natalia V. Nosenko²

^{1, 2} Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation

¹ lena.bas@mail.ru

² mossenko@mail.ru

Abstract. The article examines the central *sea* image of Iris Murdoch's novel *The Sea, the Sea*. The image of *sea*, as one of the key ones in the world literature, is considered on the material of the original novel and in its translation into Russian by Maria Lorie. The aim of the study is to analyze the linguistic means of embodying the image of *sea* and their text-forming potential in the above-mentioned novel and its translation into Russian. The study is based on the method of modeling the author's image by analyzing various ways of its linguistic representation and metaphorization. The translation analysis is based on the study of shifts as the consequences of interlin-

gual asymmetry. The authors note that the modeling of the author's image of *sea* is carried out in the novel in different ways: the description of *sea* through the prism of different channels of perception (visual, auditory, olfactory); organization of the text on the basis of such key metaphors as "sea – life", "sea – death", "sea – creator", etc. The analysis of various ways of linguistic representation of perceptual images of *sea*, which are closely related to thinking and the subconscious, associative memory and imagination, has shown the special importance and semantic loading in the text of lexical groups of the sphere of perception. The authors stress that visual perception is in first place in terms of the importance and volume of information received by a person; followed by hearing, touch, smell and taste. The dominant feature of *sea* from the point of view of perception is visual (color, light, size, shape, etc.). Thanks to visual features, a unique image of *sea* is created – frosted glass, a mirror that emits light, reflects human experiences and is reflected in a person. Before the reader there is the image of *sea* as a living being, habitat, a protector, a refuge, medicine, a source of danger and death, a creator. *Sea* is often alive; it smiles, jumps, splashes; *sea* can be a threat. Sometimes it serves as a background against which the characters experience a wide range of feelings and emotions (jealousy, hatred, struggle). It makes the reader think about eternity. However, *sea* does not accompany a person, but lives its own life. On the one hand, in *sea*, as in a mirror, emotions and experiences of a person are reflected. On the other hand, a person adapts to *sea*, which can be good or evil, can caress or kill. The analysis of the Russian translation of the text indicates a fairly high degree of equivalence in the translation of metaphors and reflection of all shades of the image of the sea. All translation shifts are justified in terms of conveying the emotional background of the work.

Keywords: lexis of perception, Iris Murdoch, image of sea, seascape writers, metaphor, translation, translation shifts

For citation: Basalaeva, E.G. & Nosenko, N.V. (2023) The image of the sea in Iris Murdoch's *The Sea, the Sea*: On the problem of author's and translator's interpretation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 82. pp. 23–40. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/82/2

Художественный текст представляет собой реализацию индивидуальной картины мира, созданной творческим воображением автора и воплощенной при помощи целенаправленно отобранных языковых средств. Одним из частотных, любимых образов мировой литературы становится образ моря. Для англосаксов, как пишет И.А. Чугунов, «море – это не только часть бытия. Это слияние души человека с душой природы, с единой мировой душой» [1. С. 140]. Центральное место образ моря занимает и в романе английской писательницы и философа, лауреата Букеровской премии Айрис Мердок «Море, море». Так, Л.Л. Шевченко, анализируя метафоры, свойственные творчеству А. Мердок, пишет, что «самой характерной для концептуальной системы Айрис Мердок является водная стихия. <...> Герои часто проходят «испытание и очищение водой». Сила воды заключается во внутренних ее свойствах, в ее способности поглощать и преобразовывать энергию» [2. С. 15].

Стоит отметить, что индивидуально-авторское мировосприятие базируется на общепринятых представлениях о мире, которые переосмысливаются

автором, проходят процесс концептуализации. Поэтому, несмотря на субъективность художественного текста, он является понятным носителем того языка, к которому принадлежит автор. Но этот факт обуславливает определенные трудности в работе переводчика, так как ему необходимо не только расшифровать авторские концепты, но и подобрать средства и способы их передачи на другой язык.

Целью настоящего исследования является анализ ключевого образа моря (а именно языковых средств его воплощения и их текстообразующего потенциала) в романе А. Мердок «Море, море» [3] и его переводе на русский язык [4].

Актуальность исследования. Необходимо сказать, что к творчеству А. Мердок обращались многие исследователи (Ю.И. Зырянова [5], Л.К. Байрамкулова [6], А.Н. Никифорова [7], Ю.В. Локшина [8], Н.А. Малишевская [9], О.В. Эпштейн [10] и др.). Так, Ю.И. Зырянова отмечает, что в романе «Море, море» сохраняются традиции готического романа, где «основная территория романских событий – “замок”, точка в пространстве, насыщенная временем, например мрачный дом, одиноко стоящий где-нибудь на холме или у моря» [5. С. 136–140]. При этом не до конца изучены вопросы о языковой организации и способах вербальной репрезентации образной системы романа «Море, море» и ее передачи средствами другого языка, что определяет новизну настоящего исследования.

Материалы и методы исследования. В качестве материала исследования мы привлекли оригинал романа «Море, море» (1978 г.) [3] и его перевод, выполненный М.Ф. Лорие [4]. Анализ перевода опирается на изучение переводческих трансформаций как следствия межъязыковой асимметрии в понимании, представленном в работах Н.А. Гарбовского, а именно как процесс перевода, в ходе которого «система смыслов, заключенная в речевых формах исходного текста <...> трансформируется естественным образом вследствие межъязыковой асимметрии в более или менее аналогичную систему смыслов, облекаемую в формы языка перевода» [11. С. 366].

Прежде чем говорить о специфике переводческих стратегий, проанализируем в целом особенности образа моря в указанном произведении, его текстообразующий потенциал.

Заглавие романа, являющееся аллюзией на крылатое выражение из «Анабасиса» Ксенофонта [12. Р. 74], вводит морскую тему, ставя роман А. Мердок в один ряд с произведениями писателей-маринистов (Гомер, В. Скотт, Ф. Купер, В. Гюго, М. Твен, Дж. Лондон, Э. Хэмингуэй и др.). Заглавие дает несколько ключей к раскрытию морской темы, перекликаясь со стихотворением «Le Cimetiere Marin» («Морское кладбище») Поля Вальери [13], в первой строфе которого есть стих, также цитирующий крики греков: «Midi le juste y compose de feux La mer, la mer, toujours recommencée» («Юг праведный огни слагать готов В извечно возникающее море!», перевод Б.К. Лившица [14]). Стихотворение «Слава морю» с отсылками к Ксенофону входит в сборник «Северное море» Генриха Гейне: «Thalatta! Thalatta! Sei mir gegrüßt, du ewiges Meer!» [15] («Таласса! Та-

ласса! Славлю тебя, о вечное море!», перевод В. Левика [16. С. 59]). По мнению переводчика А. Мердок, А.Я. Ливерганта, название – это аллюзия на стихотворение Барри Корнуолла «Море» [16], которое начинается словами: «THE SEA! the sea! the open sea! The blue, the fresh, the ever free!» («Море! Море! Открытое море! Синее, свежее, всегда свободное! – пер. Н.В. Носенко). Помимо поэтических текстов, заглавие романа А. Мердок отсылает читателя и к роману Дж. Джойса «Улисс», герой которого цитирует радостный возглас греков, вернувшихся на родину: «Талатта! Талатта! Наша великая и нежная мать» [17. С. 3]. На наш взгляд, ключевым моментом в понимании авторского кода заглавия является факт, обоснованный Н.С. Зелезинской, по мнению которой на первый план в романе выступает **игра с читателем**, свойственная В. Шекспиру: роман Мердок «перекликается со всем творчеством Шекспира», мотив «моря» отсылает читателя к пьесе «Буря»: «С «Бурей» помимо мотива моря роман объединен идеей всемогущего волшебника, который «мог добывать добро и наделять им других»» [18]. Карнавал смыслов, образов, аллюзий, зашифрованных в названии, уносит читателя в разные эпохи, к различным событиям и героям, однако в данном исследовании интерес представляет именно авторская трактовка образа моря и то, как этот образ интерпретируется в переводе.

В первую очередь стоит отметить, что ключевая метафора *море*, реализующаяся в системе ассоциативно-смысловых полей, формирует главный художественный образ произведения. В большей степени море имеет архетипические черты, поскольку, по утверждению Е.С. Галимовой, оказывается «равновелико жизни, смерти, человеку и мирозданию» [19. С. 80–87].

Моделирование авторского образа моря осуществляется в романе разными способами.

I. Описание моря через призму разных каналов перцепции. В зоне восприятия оказываются самые разнообразные признаки моря, которые, с одной стороны, представляют объект целостно, с другой – становятся ценностным параметром, необходимым для освоения смысла, идей текста.

II. Формирование различных метафорических образов, задающих определенную интерпретацию текста и восходящих к таким метафорическим моделям, как «Море – жизнь», «Море – смерть», «Море – символ искусства, творец» и др.

Результаты и обсуждение

Охарактеризуем выявленные выше особенности более подробно.

I. Анализ различных способов языковой репрезентации перцептивных образов моря, теснейшим образом связанных с мышлением и подсознанием, ассоциативной памятью и воображением, показал особую важность и семантическую нагруженность в тексте лексических групп сферы восприятия. Отметим, что в тексте зрительное восприятие находится на первом месте по важности и объему поступающей к человеку информации; далее

следуют слух, осязание, обоняние и вкус. Подобная иерархия в перцептивной системе наблюдается и в языке [20. С. 48].

Ситуация **зрительного восприятия** моря в романе охватывает чрезвычайно большую сферу разнообразных физических явлений: цвет, свет, окраску, размеры, форму, количество, пространство, расстояние и др.

Так, цветовая палитра моря, выраженная прилагательными, глаголами, постоянно контрастирует или сливается с небесной и земной:

(1) The sea which lies before me as I write **glows rather than sparkles** in the bland May sunshine. <...> Near to the horizon it is **a luxurious purple**, spotted with regular lines of **emerald green**. At the horizon it is **indigo**. Near to the shore, where my view is framed by rising heaps of **humpy yellow rock**, there is a band of **lighter green, icy and pure**, less radiant, opaque however, not transparent (Prehistory) // Море, которое раскинулось передо мною сейчас, когда я пишу эти строки, **не сверкает**, а скорее **рдеет** в мягком свете майского солнца. <...> Ближе к горизонту море окрашено в **пурпур**, прочерченный **изумрудно-зелеными** штрихами. У самого горизонта оно **темно-синее**. Ближе к берегу, где вид на него ограничивают громаздящиеся справа и слева **песочно-желтые скалы**, протянулась **зеленая полоса посветлее, ледяная и чистая**, но не прозрачная, а приглушенно матовая (с. 5) (выделено нами. – Е.Б., Н.Н.).

(2) The cloudless sky is **very pale at the indigo horizon which it lightly pencils in with silver** (Prehistory) // У самого горизонта **очень бледное безоблачное небо** разбросало по **темно-синей воде** **легкие серебряные блики** (с. 5).

(3) It has stopped raining and the sun is shining, but over most of the sea the sky is **a thick leaden grey**. The **sunny golden rocks** stand out against that **dark background** (Prehistory) // Дождь перестал, светит солнце, но небо над морем почти **сплошь свинцово-серое**. На этом **темном фоне скалы** под солнцем **горят золотом** (с. 133).

(4) ...they met the rocks in a **creamy swirl** (History Five) // ...пока они не разбивались о скалы **мутно-белым** прибором (с. 534).

Часто описывается динамика цвета, но она создается за счет не только цветовых прилагательных, но и оценочных:

(5) It is cloudy and the sea is **a choppy dark blue-grey, an aggressive and unpleasant colour** (Prehistory) // Небо в тучах, море **неспокойное, синесерое, какого-то враждебного, неприятного цвета** (с. 108).

Цветовые характеристики моря постепенно изменяются: от лазурного (спокойного, безмятежного) к темному, серому (таящему в себе скрытую угрозу), тем самым поддерживаются на текстовом уровне изменения во внутреннем мире героя, отношение к нему. Например, угнетенное состояние героя сопровождается описанием моря враждебного, неприятного цвета (пример (5)).

В переводе довольно точно передаются оттенки цвета, при этом в редких случаях переводчик прибегает к уточняющим заменам (*индиго – темно-синий; светится, пылает – рдеет*; во фразе *humpy yellow rock* (*горбатая желтая скала*) пропадает указание на форму – *песочно-желтые скалы*)).

Переводчик расставляет акценты, заменяя «аппетитный (creamy)» цвет на *грязный (мутный)*, типичный цвет пены для русскоязычного читателя.

Кроме цветовой характеристики, море наделяется способностью проливать свет. Этот свет ослепляет героя, изменяет его эмоциональное состояние, превращает в **свидетеля тайн природы**.

(6) **The sea was shining into the room like an enamelled mirror with its own especial clear light. This light excited and upset me, and dazzled me so that now I could scarcely see my surroundings (History Two)** // Море светило в комнату, **как зеркало**, излучающее собственный **ясный свет**. Этот свет **возбуждал** меня, выводил из равновесия и **слепил** так, что я почти ничего не видел вокруг себя (с. 183).

(7) And I was no longer I but something pinned down as an atom, an atom of an atom, a necessary captive spectator, **a tiny mirror** into which it was all **indifferently beamed**, as it **motionlessly seethed and boiled, gold behind gold behind gold (History Two)** // И я уже был не я, а некий атом, некий атом атома, подневольный, пригвожденный к месту зритель, **крошечное зеркало**, в которое **все это без разбора светило** в своем **неподвижном кипении и кружении, золото, а за ним еще золото**, и так без конца (с. 214–215).

Перцептивные образы в данных примерах формируются не только благодаря использованию соответствующей лексики (*ясный, свет, светить*), но и введению метафоры *зеркало*. Отметим, что в переводе (6) опускается характеристика *an enamelled mirror* (*эмалевое зеркало*), тем самым снимается признак приглушенного света матированного (матового) зеркала моря. Море в переводе становится более ярким с точки зрения восприятия.

Размер и форма моря также становятся ведущими визуальными признаками в тексте. Так, большой размер моря описывается лексемами *huge* (необъятный), *great space* (простор) и под.:

(8) How **huge** it is, how **empty**, this great space for which I have been longing all my life (Prehistory) // Какой он **необъятный**, какой **пустой** этот простор, к которому меня тянуло с детства (с. 27).

Визуализировать масштабность моря, его форму и цвет позволяет и метафора море – чаша, море – котел, которая реализует идею статичности, неподвижности:

(9) **The vast bowl** of the sea was glowing a very pale blue with silvery mirages and streaks of light (History Two) // **Огромная чаша** моря светилась бледной голубизной с серебристыми бликами (с. 181).

(10) The sea was as flat as I had ever seen it, quite still and held up brimming as if it were in **a bowl**, the tide being in (History Three) // Море было совершенно плоское, неподвижное, словно **чаша**, налитая до краев, – было время прилива (с. 306).

Аудиальные образы моря также работают на передачу идеи «масштабности» пространства. Звуки моря, как правило, громкие, ритмичные, они, в отличие от визуальных характеристик, чаще связаны с активностью, динамичностью (ср. сочетание звуковой лексики с глаголами движения (врываться), отглагольными существительными (взрыв) и пр.):

(11) At one point, near to my house, the sea has actually composed an arched bridge of rock under which **it roars into** a deep open steep-sided enclosure beyond (Prehistory) // В одном месте, совсем близко от моего дома, вода построила из скал горбатый мост, под которым она **с грохотом врывается** в глубокую, с отвесными краями впадину (с. 12).

Лексика со звуковой семантикой участвует и в формировании и анималистических метафор: море ритмично дышит, его шум уподобляется сердцебиению, сливается с сердцебиением героя. Мы видим художественное конструирование психологического состояния персонажа сквозь призму его созерцания и аудиального восприятия моря:

(12) I listened to **the loud hollow regular noise** from the cauldron and the force of it seemed to enter my body, it began to seem **like a strong beating heart, like a strong beating of my own heart**, and then like the menacing accelerating sound of the wooden clappers used in the Japanese theatre (History Six) // Я вслушивался в **громкие, гулкие взрывы** из Миннова Котла, и сила их словно проникла в мое тело, **обернулась сильным, бьющимся сердцем, уподобилась громкому биению моего собственного сердца**, а потом – грозному, все убыстряющемуся стуку трещоток из японского театра (с. 628).

(13) The smooth foamless sea was rising and falling against the rocks **with a gentle inviting rhythm** (History One) // Гладкое беспенное море вздымалось и опадало у подножия **скал в тихом, зовущем ритме** (с. 135).

Аудиальные образы моря переводятся точно, тем самым сохраняется образность описания исходного текста.

Значимыми параметрами моря становятся и его **осязательные признаки**.

В тексте мы находим сравнение моря с гладкими поверхностями (например, *стеклянными*), много сравнений, преимущественно предметных (*кожура*), вещественных (*глицерин, желе*), появляется, когда описывается спокойное, гладкое, т.е. статичное, море.

(14) Yesterday **the sea was so motionlessly smooth** that it supported a whole flotilla of blue flies which seemed actually **to crawl upon the surface tension** (Prehistory) // Вчера **море было так неподвижно**, что на нем держалась целая флотилия синих мух, **которые словно ползали по его гладкой поверхности** (с. 20).

(15) The water undulated calmly, smooth and shining upon the surface, like **the rind of a fruit** (History Three) // Поверхность воды чуть колыхалась, **гладкая и блестящая, как яблочная кожура** (с. 301).

(16) The sea was a **glassy** slightly heaving plain (History Two. // Море, как **стеклянная**, чуть вздымающаяся равнина (с. 205–206).

(17) A shadow-cormorant skims the **glycerine** sea (Prehistory. // Баклан на бредущем полете носится над **глицериновым** морем (с. 103).

(18) The sea, where it was, when I walked out, just visible, caressing the rocks, was **oily-smooth** (History Three) // Море, там, где я смог его разглядеть, когда вышел из дому, ластилось к скалам, **гладкое и маслянистое** (с. 266).

(19) The afternoon advanced, very hot, with renewed grumblings of distant thunder. The sea was like **liquid jelly**, rising and falling with a **thick smooth dense** movement (History Five) // День тянулся, было очень жарко, и вдали опять ворчал гром. Море было как **жидкое желе**, вздымалось и опадало **гладкими** густыми валами (с. 508).

В переводе все эти смыслы передаются довольно точно, за исключением трансформации – конкретизации в примере (15): *the rind of a fruit* (букв. кожа плода) – *яблочная кожура*.

Тактильные, температурные признаки, так же как и аудиальные, часто становятся основой метафор, связанных с анимализацией образа моря. Вода предстает в образе живого существа или его части; она уподобляется коже, чешуе (*обволакивает тело*), языку (*лизжет скалы*). Образ моря строится на постоянном контрасте теплого и холодного. Следует отметить, что в переводе при сохранении тактильного образа моря в целом может меняться основание метафорического переноса (ср. *water taps the rocks* (букв. вода бьет по скалам – пер. М.Ф. Лорие «вода лизжет скалы»).

(20) Of course the water is very cold, but after a few seconds **it seems to coat the body in a kind of warm silvery skin, as if one had acquired the scales of a merman**. The challenged blood rejoices with a new strength. Yes, this is my natural element (Prehistory) // Вода, конечно, очень холодная, но уже через несколько секунд она словно **обволакивает тело теплой серебряной кожей**, словно обрастаешь чешуей, как тритон. Кровь, взбодренная холодом, ликует, наливаясь новой силой. Да, это моя стихия (с. 10).

(20) Where the gentle **water taps the rocks** there is still a surface skin of colour (Prehistory) // Там, где **вода лизжет скалы**, на ее поверхности еще сохраняется пленка цвета (с. 5).

(21) The sea was cool about my warm limbs, **coating them with its cool scales** (History Three) // Море прохладно обняло мое теплое тело, **обволокло меня своей прохладной чешуей** (с. 301).

Отметим, что анималистическая метафора сохраняется и в переводе, переводчик использует трансформацию – генерализацию (*конечности – все тело*).

Близость аудиальных и тактильных образов подкрепляется примерами синестезии, когда при описании моря как живого существа актуализируются звуковые и осязательные признаки. Ср.:

(22) I could now hear the **soft grating sound** of the waves, like a gentle scratching of fingers upon a soft surface (History One) // Теперь мне было слышно **мягкое шуршание волн**, словно кто-то легонько скребет ногтями по мягкой поверхности (с. 149).

Обонятельные и вкусовые признаки моря представлены в тексте минимально. К примеру, вводится пищевая метафора море – (вонючий) суп, где актуализируются как температурные характеристики (теплый), так и обонятельные (вонючий):

(24) Oh blessed northern sea, a real sea with clean merciful tides, not like **the stinking soupy Mediterranean!** (Prehistory) // О благословенное северное

море, настоящее море, с чистыми, милостивыми приливами и отливами, не то что **Средиземное, этот котел вонючего разогретого супа!** (с. 7).

Таким образом, лексика чувственного восприятия, используемая при описании моря, становится символизацией психических состояний героя, маркирует их изменение, участвует в олицетворении моря, проецируется на собственную самооценку героя (его одиночество, слияние со стихией, ожидания и разочарования, победа над собой и под.).

II. Образ моря в тексте предстает не только в качестве дополнительного средства, с помощью которого описывается духовное состояние героя. Море предстает порой как самостоятельный персонаж. Достигается это разными приемами, ведущим из которых является метафора.

Можно выделить несколько ключевых метафорических образов, значимых для организации текста.

1. Текстовая метафора «море – жизнь».

Море в тексте предстает как субъект, сравнивается с живым существом. Достаточно часто описание моря включает лексику, номинирующую различные типы движения (*вздымающаяся равнина, медленно двигалось, льнет*), проявления силы, эмоций.

(25) Beneath it the sea is **a live choppy lyrical** goldeny-brown, jumping with white flecks (Prehistory) // Море под ней беспокойное, **точно живое**, золотисто-коричневое в пляшущих белых мазках (с. 43).

(26) The sea is golden, speckled with white points of light, lapping with a sort of **mechanical self-satisfaction** under a pale green sky (Prehistory) // Море золотое, усыпано белыми точками света, **плещется успокоенно и равномерно, как неживое**, под бледно-зеленым небом (с. 27).

(27) With deliberation and to calm myself by the discovery that there was of course nothing to see I began again to study **the jumping waters** (History Four) // Неспешно, чтобы убедиться, что ничего и не увижу, и успокоиться, я снова принялся разглядывать **пляшущее море** (с. 357).

В данных примерах жизнь моря связана с его движением, активностью. Спокойное состояние делает море как бы безжизненным. В переводе примеров (26) и (27) мы видим лексические замены, которые подчеркивают эту мысль: *mechanical* (механический) заменяется на *неживой*, а *jumping* (прыгающие) воды – на *пляшущее море*.

Море явно сильнее человека, но в то же время может проявлять человеческие эмоции (*ластится, ласково пошепывает*), играть с человеком (*шалить*), успокаивать (*баюкать*). Человек находится в постоянном физическом (телесном) взаимодействии с морем, как с живым существом, выстраивает с ним отношения (ср. *мое, обняло, верный поклонник; оно холодное, тело теплое*), указывает на поведенческие характеристики. Данные смыслы иногда усиливаются в переводе (ср. пример (29): *to stroke the rocks* (букв. гладят камни) – *ластятся к скалам*).

(28) With the tide turning, **it leans quietly against the land**, almost unflecked by ripples or by foam (Prehistory) // Начался прилив, и оно **тихо льнет к земле**, почти не тронутое рябью и пеной (с. 5).

(29) ...and the sea has a misleadingly docile silvered look, as if the substantial wavelets were determined **to stroke the rocks** as hard as they could without showing any trace of foam (Prehistory) // ...у моря вид обманчиво смирный, словно маленькие серебристые волны из всех сил **ластятся к скалам**, решив не выдавать себя ни единым белым гребешком (с. 103).

(30) It was so close to the sea which was **gently slapping** the rock just below, it was like being in a boat (History Two) // Чуть ниже меня море **ласково пошлепывало** скалы, казалось, я лежу в лодке (с. 212).

(31) The waves simply **pluck one off**. It is remarkable how **quietly firmly powerful my sportive sea** can be (Prehistory) // Волны попросту **сбивают вас с ног**. Прямо-таки поражаешься, какую упорную, **молчаливую силу** способно проявить **мое шаловливое** море (с. 13).

Море наделено душой, чувствами, эмоциями:

(32) It is a compact radiant **complacent** sort of sea, very beautiful (Prehistory) // Это плотное, светлое, **благодарное** море, очень красивое (с. 103).

(33) The sea was a glassy slightly heaving plain, moving slowly past me, and as if it were **shrugging reflectively as it absent-mindedly supported** its devotee (History Two) // Море, как стеклянная, чуть вздымающаяся равнина, медленно двигалось мимо меня, словно задумчиво **пожимало плечами, рассеянно баюкая** своего верного поклонника (с. 205–206).

(34) Equal mad delight possessed me, and **the sea was joyful and the taste of the salt water was the taste of hope and joy** (History Four) // То же упоение владело и мной, и **море смеялось, и вкус соленой воды был вкусом надежды и счастья** (с. 372).

(35) It had the look of a **happy sea** and I felt I was seeing it through Titus's eyes (History Six) // Какое **счастливое море**, подумал я и почувствовал, что смотрю на него глазами Титуса (с. 555).

(36) The sea was **in a restless fussy mood**, dark blue in colour, that grim cold northern blue which even in summertime can convey a wintry menace (History Six) // Темно-синее море было **чем-то встревожено**, даже летом эта холодная северная синева порой таит в себе зимнюю угрозу (с. 616).

Море изменяется и способно изменить эмоциональное состояние человека, его сознание. В то же время море способно поддержать физически и морально:

(37) The sea is always **a refreshment to the spirit**, it is good to see the horizon as a clean line (Prehistory) // Море всегда **возвышает дух**, отрадно видеть горизонт как чистую линию (с. 86).

Отсюда вытекает еще один важный смысл. Море выступает защитником человека, оно сохраняет жизнь. Выражение этого смысла можно найти в многократно повторяемых сравнениях моря с пещерой, убежищем:

(38) I remember James saying something about people who end their lives in caves. **Well, this, here, is my cave** (Prehistory) // Помню, Джеймс что-то говорил насчет людей, которые кончают свои дни в пещерах. **Ну так вот, море – моя пещера** (с. 10).

(39) I trust, in any case, that you are having a well-earned rest in **your marine abode** (Prehistory) // Во всяком случае, хочется думать, что в твоём приморском убежище ты вкушаешь заслуженный отдых (с. 86).

Герой не боится моря, он выступает с ним на равных:

(40) **I am a skillful fearless swimmer** and I am not afraid of rough water. Today the sea was gentle compared with antipodean oceans where I have sported like a dolphin (Prehistory) // Я – бесстрашный, искусный пловец, и волны меня не пугают. Сегодня море было тихое по сравнению с океанами другого полушария, где мне доводилось резвиться, как дельфину (с. 10).

Единение с морем настолько велико, что его безучастие опустошает, делает одиноким:

(41) And I felt upon the empty darkening road a shuddering sense of my utter solitude, my vulnerability, among these **silent rocks, beside this self-absorbed and alien sea** (History One) // И на пустом темнеющем шоссе я с содроганием осознал полное свое одиночество, свою беззащитность среди этих безмолвных скал, у поглощенного собой, безучастного моря (с. 149).

Связь моря с жизнью подчеркивается еще одним важным образом: море – это лекарство. Моря приписываются целебные свойства:

(42) Perhaps I had not been wrong in thinking of the sea as a source of peace, but it was an **ineffective medicine thus taken in a gulp. It required a regime** (History Two) // Может быть, я и не ошибался, приписывая морю целительные свойства, но одной дозы лекарства, пусть и большой, оказалось мало, его надо принимать регулярно (с. 206).

Наконец, море дарит свободу в жизни:

(43) **I feel innocent and free.** Perhaps it is all that swimming (Prehistory) // Ощущение невинности и свободы. Может, все оттого, что много купаюсь (с. 104).

(44) Then she lifted her head and started looking at the sea, **image of an inaccessible freedom** (History Four) // Потом, подняв голову, поглядела на море, это воплощение недостижимой свободы (с. 381).

И все чувства, которые испытывает герой и которые кардинально меняют жизнь героя, делают его свободным, также уподобляются водному пространству:

(45) Now, I realized, it was done; and my desire was **like a river which has forced its channel to the sea.** She made me whole as I had never been since she left me (History Three) // Теперь это свершилось; и моя любовь стала подобна реке, прорвавшейся к морю. Хартли вернула мне цельность, которую я утратил, когда она ушла от меня (с. 273).

Но эта свобода оказывается невозможна в реальной жизни, попытки стать отшельником, жить в единении с морем, стать его частью разбиваются о быт. Персонажи из прошлой жизни вторгаются в созданный героем мир, который в конце концов рушится.

Анализируя перевод, необходимо отметить, что все контексты переведены достаточно точно, лишь однажды в целом поддерживая анимизацию моря, переводчик усиливает этот образ, делая замены, например, в контек-

сте *It glittered* (= сияло) *at me* // Оно улыбалось мне; *in a restless fussy mood* (море было в беспокойном суетливом настроении) // было чем-то встревожено.

2. Текстовая метафора «Море – смерть».

Море, помимо того что связано с жизненным началом, может олицетворять опасность, выступать соперником, быть убийцей. Здесь уже сила выступает не как объект восхищения, а как потенциальный источник смерти. Борьба разворачивается внутри моря, где нет места человеку, в то же время это борьба моря и человека, где последний оказывается слабым звеном.

(46) A feature of the coastline is that here and there the water has worn the rocks into holes, which I would not dignify with the name of caves, but which, from the swimmer's-eye-view, present a striking and **slightly sinister appearance**. <...> **the violent forces** which the churning waves, advancing or retreating, generate within the confined space of the rocky hole (Prehistory) // Гротами их не назовешь, много чести, но если смотреть на них снизу, из воды, выглядят они интересно и **немного зловеще**. <...> Вспененные волны, кидаясь вперед и отступая, рождают в этой замкнутой каменной яме **неистовое противоборство сил** (с. 12).

Море способно управлять жизнью человека, распоряжаться ею (сбивать с ног, приподнимать, отдергивать и пр.):

(47) **The gentle waves teased me, lifting me up towards the rock face**, then plucking me away. My fingers, questing for a crevice, were again and again pulled off. Becoming tired, I swam around trying other places where the sea was running restlessly in and out, but the difficulty was greater since **there was deep water below me** and even if the rocks were less sheer they were smoother or slippery with weed and I could not hold on. **At last I managed to climb up my cliff**, clinging with fingers and toes, then kneeling sideways upon a ledge. When I reached the top and lay panting in the sun I found that **my hands and knees were bleeding** (Prehistory) // **Легкие волны дразнили меня — приподнимали и тут же опять отдергивали от скал**, снова и снова отрывая мои пальцы, ищущие, за что бы ухватиться, немного, высматривая другие места, где море беспокойно металось взад-вперед, но там вылезти было еще труднее — **подо мной была большая глубина**, а скалы, хоть и не такие крутые, были совсем гладкие либо скользкие от водорослей, и я не мог за них удержаться. **В конце концов я все же вскарабкался на свой утес**, впиваясь в камень пальцами рук и ног, потом примостился боком на коленях на одном из выступов. Добравшись до вершины и растянувшись на солнце, чтобы отдышаться, я заметил, **что руки и колени у меня в крови** (с. 11).

(48) He had been with me such a short time; and he had come to me as to his death, as to his executioner. By what strange path of accidents, alive with so many other possibilities, had he made his way to the base of that sheer rock where he had tried again and again to pull himself out of the **moving teasing killing sea** (History Six) // То, что он никогда не вернется, оставалось непостижимым. Он пробыл со мной так недолго и шел ко мне как на смерть, как к палачу. Какие причудливые случайности привели его не куда-

нибудь, а к подножию этой отвесной скалы, где он снова и снова пытался выбраться из **бушующего, глумливого, кровожадного моря?** (с. 656).

Опасность может быть и потенциальной – морское пространство способно порождать чудовища, вызывающие ужас у человека:

(49) ...I saw **a monster** rising from the waves. I can describe this in no other way. Out of a perfectly calm empty sea, at a distance of perhaps a quarter of a mile (or less), I saw an immense creature break the surface and arch itself upward. At first **it looked like a black snake, then a long thickening body with a ridgy spiny back followed the elongated neck. There was something which might have been a flipper or perhaps a fin** (Prehistory) // ...Я увидел, как из моря поднялось чудовище. Иначе я не могу это выразить. На моих глазах из совершенно спокойного, пустого моря за четверть мили от меня (или даже ближе). **Какое-то гигантское существо разбило водную гладь и дугой выгнулось вверх. Сперва оно было похоже на черную змею, потом за длинной шеей последовало продолговатое толстобокое туловище с хребтом из острых шипов** (с. 32–33).

(50) **The shock and the horror of it were so great that for some time I could not move.** I wanted to run away, I feared beyond anything that the animal would reappear closer to land, perhaps rising up at my very feet (Prehistory) // **Сраженный ужасом, я сначала не мог пошевелиться.** Я хотел спастись бегством. Больше всего меня страшило, что чудовище появится снова, ближе к берегу – может быть, прямо у моего утеса (с. 33).

Даже за внешним спокойствием моря может таиться опасность, об этом свидетельствуют текстовые фрагменты, в которых содержится лексика с семантикой эмоций, т.е. море, подобно человеку, может притворяться, злиться и т.д.:

(51) ...and the sea has **a misleadingly docile silvered look** (Prehistory) // у моря **вид обманчиво смирный** (с. 103).

(52) The sea, although it **looked calm** because it was so **exceedingly glossy and smooth** after the rain, was in a **quietly dangerously violent mood, coming in in large sleek humpbacked waves which showed no trace of foam until they met the rocks in a creamy swirl** (History 5) // Море, хоть и казалось спокойным, потому что **зыбь** после дождя была такой **лоснящейся и гладкой, полно было затаенной злобы, грозно катило огромные горбатые волны, на которых не видно было пены, пока они не разбивались о скалы мутно-белым прибоем** (с. 534).

(53) What made me suddenly write that teasing semi-serious letter to her I wonder? **Some fear of loneliness and death which has come to me out of the sea** (Prehistory) // Не пойму, с чего я вдруг написал ей это провокационное полушутливое письмо? **Или это страх перед одиночеством, страх смерти явился ко мне из моря** (с. 77).

(54) I swam about **feeling the loneliness of the sea** and that particular sensation which I now identified as **a sense of death** which it seemed to have always carried into my heart (History Six) // Я стал плавать, **ощущая одиночество**

моря и то особое чувство, **теперь осознанное как чувство смерти**, которое оно, казалось, всегда в меня вселяло (с. 663).

Интересно, что отношение к морю как источнику опасности у разных героев сильно разнится. Для большинства персонажей море – потенциальный убийца, в нем легко утонуть. Но главный герой за счет особого единения с морем находится с ним как бы на равных, осознает опасность, но не боится.

(55) The clientele **seem** to resent the fact that I go swimming in a sea whose **killer propensities** they are so proud of (Prehistory)// Завсегдатаи **словно** воспринимают как личную обиду, что я купаюсь в море, которым они гордятся как **потенциальным убийцей** (с. 102).

(56) My responsibility for Titus's death, which now so largely occupied my mind, amounted to this: I had never **warned him about the sea** (History Six) // Не дававшую мне покоя мысль, что я повинен в смерти Титуса, можно объяснить так: я никогда **не пугал его морем** (с. 572).

Таким образом, море одновременно изображается как дающее покой и представляющее угрозу, безжалостная природная стихия.

3. Текстовая метафора «море – творец».

Наделение моря человеческими качествами, способностью порождать жизнь и отнимать ее дает возможность интерпретировать еще один развернутый образ моря в тексте: море – символ искусства, творец; оно такое же сильное и бессмертное, как и искусство.

Море способно создавать произведения искусства:

(57) **The driftwood is so beautiful, smoothed by the sea** and blanched to a pale grey colour, it seems a shame to burn it (Prehistory) // **Плавник такой красивый, отполирован морем**, выветлен до бледно-серого цвета, его и жечь-то жалко (с. 115).

(58) ...the miniature seaweed trees **looked like jewels** by Faberge (History Two) // пестрые камушки и миниатюрные деревца-водоросли **напоминали драгоценности** от Фаберже (с. 206).

(59) **The stones, so close-textured, so variously decorated, so individual, so handy**, pleased me as if they were a small harmless tribe which I had discovered. **Some of them were beautiful with a simple wit beyond that of any artist** (History Four) // **Эти камни, такие приятные на ощупь, такие разные, каждый со своим рисунком**, радовали меня, словно были маленьким безобидным племенем, которое я обнаружил в пустыне. **Многие из них восхищали искусством**, в простоте своей недоступным никакому художнику (с. 351).

Границы темы вечности искусства и бренности человека в романе расширяются за счет аллюзий к произведениям Шекспира. Образ моря становится одним из ключей к шекспировскому коду романа [19. С. 270]. Роман изобилует отсылками как к произведениям Шекспира, так и к его биографии (главный герой родился в Стратфорде на Эйвоне, он говорит о себе «В театр я пошел, разумеется, ради Шекспира <...> этот бог с самого начала направлял мои шаги» (с. 47) и т.п.). В первую очередь параллели

выстраиваются с 60-м сонетом «Как движется к земле морской прибой» и пьесой «Буря», фразы из которой цитирует герой.

Выводы

Таким образом, перед читателем возникает образ моря как среды обитания (это осязаемое всеми органами чувств пространство, без которого не мыслится жизнь, комфортная среда для жизни на определенном этапе); защиты, убежища, лекарства, данные смыслы традиционны и были подсказаны читателю заглавием. Море часто живое, оно улыбается, прыгает, пошлепывает, море может нести угрозу. Иногда оно служит фоном, на котором герои переживают целый спектр чувств, эмоций (ревность, ненависть, борьба). Оно заставляет задуматься о вечном. Но море не сопровождает человека, а живет своей жизнью. С одной стороны, в море, как в зеркале, отражаются эмоции и переживания человека, а с другой – человек вынужден подстраиваться под море, которое может быть добрым или злым, может ласкать или убивать.

Автором создается уникальный образ моря – матового стекла, зеркала (зеркала с матовым стеклом), которое излучает свет, причем как переживания человека могут отражаться в этом зеркале, так и сам человек, становясь как бы принимающим устройством, способен поглощать этот свет, проникаться, напиваться морем.

Сопоставительный анализ оригинального текста и его перевода показал, что ведущим способом передачи ключевых признаков моря, текстовых метафор, является калькирование (по Я.И. Рецкеру, т.е. сохранение образа при точном воспроизводстве слов и выражений [21. С. 117]). Лишь изредка составляются акценты, при этом используются переводческие трансформации: конкретизация (например, **indigo** (индиго) – *темно-синий*, **creamy** (кремовый) – *мутно-белый*, **the rind of a fruit** (кожура плода) – *яблочная кожура*), **killing sea** (смертоносное море) – *кровожадное*, **supported** (поддерживало) – *баюкало*; генерализация (**an enamelled mirror** (эмалевое, матовое зеркало) – *просто зеркало*, **limbs** (конечности) – *весь человек*), **to glow** (пылать) – *рдеть*, **soft grating sound** (тихий скрежещающий звук) – *мягкое шуршание*). Примеры наглядно подтверждают, что в подавляющем большинстве случаев переводчик сохранил авторские метафоры в неизменном виде.

Список источников

1. Чугунов А.И. Образ моря в англоязычной литературе // STUDENT RESEARCH: сборник статей VI Международного научно-практического конкурса. М., 2019. С. 138–140.
2. Шевченко Л.Л. Метафора как средство моделирования концептуальной системы автора (на материале произведений Айрис Мердок) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2005. 20 с.
3. Murdoch I. The Sea, the Sea. URL: https://bookscafe.net/read/murdoch_iris-the_sea_the_sea-236651.html#p1 (дата обращения: 02.04.2022).
4. Мердок А. Море, море: роман / пер. М. Лорие. М. : Эксмо ; СПб. : Домино, 2008. 720 с.

5. Зырянова Ю.И. Традиции английского готического романа в произведениях А. Мердок («Черный принц», «Дитя слова», «Море, море») // Вестник Челябинского государственного университета. 1996. Т. 2. № 1. С. 136–140.
6. Байрамкулова Л.К. Поэтика Айрис Мердок в свете проблемы интертекстуальности : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 32 с.
7. Никифорова А.Н. Поэтика романов Айрис Мердок 1950-х годов : дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2007. 178 с.
8. Локина Ю.В. Традиции готического романа в творчестве Айрис Мердок и Джона Фаулза : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 23 с.
9. Малишевская Н.А. Игровые практики в культуре постмодерна (А. Мердок) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2013. № 6 (178). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/igrovye-praktiki-v-kulture-postmoderna-a-merdok> (дата обращения: 02.04.2022).
10. Эпштейн О.В. Концептуальный мир А. Мердок в зеркале перевода // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 6. Ч. 2. С. 177–179.
11. Гарбовский Н.К. Теория перевода. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2007. 544 с.
12. Cisco M., Day T., Heames I., Ladkin S., Parker R. Glossator 8: Practice and Theory of the Commentary. 2013. 354 p.
13. Valéry Paul. Le Cimetière marin. URL: <https://www.tania-soleil.com/paul-valery-le-cimetiere-marin/> (дата обращения: 26.06.2022).
14. Deutsche Poesie. URL: <https://deutsche-poesie.com/heine/meergrus/> (дата обращения: 26.06.2022).
15. Гейне Г. Стихотворения : пер. с нем. М. : Худож. лит., 1985. 319 с.
16. Ливергант А.Я. Вариации на тему: О последних романах Айрис Мёрдок // Литературное обозрение. 1986. № 1. С. 110–112.
17. Джойс Дж. Улисс / пер. с англ. В. Хинкиса, С. Хоружего. М. : Иностранка : Азбука-Аттикус, 2014. 928 с.
18. Зелезинская Н.С. Романы Айрис Мёрдок. Уроки шекспировского жанра // Вопросы литературы. 2013. № 6. С. 264–273.
19. Галимова Е.С. Образ-архетип моря в художественном пространстве Северного текста русской литературы // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 3. С. 80–87.
20. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: Попытка системного исследования // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37–68.
21. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. М. : Междунар. отношения, 1974. 237 с.

References

1. Chugunov, A.I. (2019) *Obraz morya v angloyazychnoy literature* [The image of the sea in English literature]. In: *STUDENT RESEARCH*. Moscow: Nauka i prosveshchenie. pp. 138–140.
2. Shevchenko, L.L. (2005) *Metafora kak sredstvo modelirovaniya kontseptual'noy sistemy avtora (na materiale proizvedeniy Ayris Merdok)* [Metaphor as a means of modeling the author's conceptual system (based on the works of Iris Murdoch)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Barnaul.
3. Murdoch, I. (1978) *The Sea, the Sea*. [Online] Available from: https://booksafe.net/read/murdoch_iris-the_sea_the_sea-236651.html#p1. (Accessed: 02.04.2022).
4. Murdoch, I. (2008) *More, more* [The Sea, the Sea]. Translated by M. Lorie. Moscow: Eksmo; Saint Petersburg: Domino.
5. Zyryanova, Yu.I. (1996) *Traditsii angliyskogo goticheskogo romana v proizvedeniyakh A. Merdok* ("Chernyy prints", "Ditya slova", "More, more") [Traditions of the English Gothic novel in the works of I. Murdoch (The Black Prince, A Word Child, The Sea, the Sea)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1 (2). pp. 136–140.

6. Bayramkulova, L.K. (2005) *Poetika Ayris Merdok v svete problemy intertekstual'nosti* [Poetics of Iris Murdoch in the light of the problem of intertextuality]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
7. Nikiforova A.N. (2007) *Poetika romanov Ayris Merdok 1950-kh godov* [The Poetics of Iris Murdoch's Novels of the 1950s]. Philology Cand. Diss. Ufa.
8. Lokshina, Yu.V. (2015) *Traditsii goticheskogo romana v tvorchestve Ayris Merdok i Dzhona Faulza* [Traditions of the Gothic novel in the works of Iris Murdoch and John Fowles]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
9. Malishevskaya, N.A. (2013) *Igrovye praktiki v kul'ture postmoderna (A. Merdok)* [Game practices in postmodern culture (I. Murdoch)]. *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskiy region. Seriya: Obshchestvennye nauki*. 6 (178). [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/igrovye-praktiki-v-kulture-postmoderna-a-merdok>. (Accessed: 02.04.2022).
10. Epshteyn, O.V. (2016) *Kontseptual'nyy mir A. Merdok v zerkale perevoda* [I. Murdoch's conceptual world in the mirror of translation]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 6 (60). Part 2. pp. 177–179.
11. Garbovskiy, N.K. (2007) *Teoriya perevoda* [Translation Theory]. Moscow: Moscow State University.
12. Cisco, M., Day, T., Heames, I., Ladkin, S. & Parker R. (2013) *Glossator 8: Practice and Theory of the Commentary*.
13. Valéry, P. (n.d.) *Le Cimetière marin*. [Online] Available from: <https://www.tania-soleil.com/paul-valery-le-cimetiere-marin/>. (Accessed: 26.06.2022).
14. *Deutsche Poesie*. (n.d.) [Online] Available from: <https://deutsche-poesie.com/heine/meergrus/>. (Accessed: 26.06.2022).
15. Heine, H. (1985) *Stikhotvoreniya* [Poems]. Translated from German. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
16. Livergant, A.Ya. (1986) *Variatsii na temu: O poslednikh romanakh Ayris Merdok* [Variations on the theme: About the latest novels of Iris Murdoch]. *Literaturnoe obozrenie*. 1. pp. 110–112.
17. Joyce, J. (2014) *Ulyss* [Ulysses]. Translated from English by Khinkis, V. & Khoruzhiy, S. Moscow: Inostranka, Azbuka-Attikus.
18. Zelezinskaya, N.S. (2013) *Romany Ayris Merdok. Uroki shekspirovskogo zhanra* [Novels by Iris Murdoch. Lessons of the Shakespearean Genre]. *Voprosy literatury*. 6. pp. 264–273.
19. Galimova, E.S. (2012) *Obraz-arkhetip morya v khudozhestvennom prostranstve Severnogo teksta russkoy literatury* [Image-archetype of the sea in the artistic space of the Northern text of Russian literature]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 3. pp. 80–87.
20. Apresyan, Yu.D. (1995) *Obraz cheloveka po dannym yazyka: Popytka sistemnogo issledovaniya* [The image of a person according to language: An attempt at a systematic study]. *Voprosy yazykoznaniya*. 1. pp. 37–68.
21. Retsker, Ya.I. (1974) *Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika* [Translation Theory and Translation Practice]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.

Информация об авторах:

Басалаева Е.Г. – канд. филол. наук, доцент кафедры теории языка и межкультурной коммуникации Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск, Россия). E-mail: lena.bas@mail.ru

Носенко Н.В. – канд. филол. наук, зав. кафедрой теории языка и межкультурной коммуникации Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск, Россия). E-mail: nnossenکو@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.G. Basalaeva, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: lena.bas@mail.ru

N.V. Nosenko, Cand. Sci. (Philology), head of the Department of Theory of Language and Intercultural Communication, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: nnossenko@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 02.04.2022;
одобрена после рецензирования 24.08.2022; принята к публикации 13.03.2023.*

*The article was submitted 02.04.2022;
approved after reviewing 24.08.2022; accepted for publication 13.03.2023.*

Научная статья
УДК 81.42
doi: 10.17223/19986645/82/3

Концепт «санкции» в юмористическом дискурсе

Ирина Владимировна Евсеева¹, Инга Анатольевна Славкина²

^{1, 2} *Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия*

¹ *ivevseeva@yandex.ru*

² *ingaslavkina@yandex.ru*

Аннотация. Анализируется концепт «санкции», функционирующий в юмористическом дискурсе. Предложена модель фрейма, позволяющая систематизировать сведения о смысловом наполнении обозначенного концепта. Выявлены жанровые разновидности юмористических текстов. Определены и охарактеризованы ведущие тематические группы текстов антисанкционного содержания.

Ключевые слова: концепт «санкции», фреймовое моделирование, юмористический дискурс, жанровые формы, языковая игра

Для цитирования: Евсеева И.В., Славкина И.А. Концепт «санкции» в контексте юмористического дискурса // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 82. С. 41–62. doi: 10.17223/19986645/82/3

Original article
doi: 10.17223/19986645/82/3

The concept “sanctions” in humorous discourse

Irina V. Evseeva¹, Inga A. Slavkina²

^{1, 2} *Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation*

¹ *ivevseeva@yandex.ru*

² *ingaslavkina@yandex.ru*

Abstract. Understanding the social and socio-political events of recent history allowed us to look at them through the prism of a laughing discourse. The events related to the special military operation intensified the topic of sanctions, including in a humorous way, which significantly expanded the semantic field of the concept “sanctions”. The aim of the work is to record the innovations contained in the genre format of comic texts about sanctions and in their content. In the study of humorous texts on sanctions, we used the method of conceptual analysis, which allowed us to obtain (1) knowledge about the concept existing in the minds of the concept carriers, (2) knowledge embedded by the author in the text (in our case, a humorous one). A frame-type model was developed to describe the concept “sanctions”. The methods of analysis developed by the theory of speech genres contributed to the identification of forms of presentation of humorous information. Humorous texts presented in open access on the Internet were taken as the empirical basis of the study by the continuous

sampling method. To demonstrate the conclusions in the presented work, the texts of the first half of 2022 are mainly used. Applying the frame modeling methodology to the analysis of the concept “sanctions”, we consider the frame as a structure based on a deep multicomponent proposition with its semantic roles (subject, object, cause, purpose, tool, result), which is demonstrated in the article by concrete examples. Humorous texts, which were a kind of response to anti-Russian sanctions, differ in genre diversity (joke, gratitude, question-joke, chastushka, anti-slogan, transformed proverb, forecast, reproach, advice, announcement, advertisement, humorous rhymes). The genres of joke and meme have become the most widespread and active. The analysis of humorous texts of the period of sanctions allows, among other things, raising questions and problems that reflect the values and mood of the people through language. The humorous product demonstrates the creativity of people’s thinking and the creative potencies of language. The symbiosis of these components leads to an emotional evaluation of the situation. In this regard, the texts of humorous discourse, on the one hand, can be considered as a verbal weapon; on the other, as a psychological shield. The involvement of the method of conceptual analysis in the analysis of humorous texts of the sanctions discourse allowed us to form an idea of the spectrum of semantic potencies of the concept “sanctions” existing in the minds of native speakers of the Russian language. The frame modeling technique contributed to the disclosure of the knowledge laid down by the creators of anti-sanction texts, and the clarification of the semantic content of the concept through the analysis of emotive meanings.

Keywords: concept “sanctions”, frame modeling, humorous discourse, genre forms, language game

For citation: Evseeva, I.V. & Slavkina, I.A. (2023) The concept “sanctions” in humorous discourse. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 82. pp. 41–62. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/82/3

1. К постановке проблемы

Язык мгновенно реагирует на любое важное социально-экономическое, политическое и проч. событие, что в первую очередь проявляется в лексико-семантической области. За последние 35 лет можно выделить пять глобальных событий, которые не только повлияли на ход истории и жизнь россиян, но и были зафиксированы в лексико-фразеологической системе языка: этап перестройки, начало которого датируется 1987 г.; распад СССР в 1991 г.; историческое возвращение Крыма в состав РФ в 2014 г.; в 2020 г. период пандемии, вызванной COVID-19, продолжающийся до сих пор; военные события на Украине, начавшиеся 24 февраля 2022 г.

Все перечисленные выше события получали и получают творческую интерпретацию не только в виде лексико-фразеологических результатов (*политика нового мышления, лихие девяностые, Крымская весна, коронавирусная эпоха, демилитаризация и денацификация* и др., см., например, источники [1, 2]), но и в модификации разных типов дискурса, а также новых жанровых формах. В данном исследовании рассмотрены особенности юмористического дискурса, которому свойственна особая функция, тесно связанная со здоровьесохраняющей деятельностью человека, что чрезвычайно актуально в периоды разного рода исторических и социальных ката-

клизмов. Здесь мы ссылаемся на исследование психолога Н.П. Дедова, экспериментально изучившего роль юмора в экстремальных условиях и доказавшего, что юмористические произведения помимо развлекательной выполняют такую регулятивную функцию поведения человека, как психотерапевтическая [3]. Юмористические тексты изначально были ориентированы на снятие напряженности в обществе, осмеяние социальных и прочих пороков, подлежащих исправлению [4]. Поэтому в современном мире информационного хаоса роль юмористического дискурса представляется одной из ведущих в поддержании эмоционального баланса общества.

Современный юмористический дискурс характеризуется, среди прочего, быстротой распространения информации посредством сетевых технологий и массовым вовлечением людей в этот тип дискурса. Лежащее в основе обозначенного типа дискурса остроумие является особым способом обработки информации, характеризующимся компактностью, многоплановостью, многофункциональностью и возможностью передаваться значительно меньшим по объему текстом. Одной из наиболее значимых для россиян явилась тема санкций против России, существенно наполнившая юмористический дискурс текстами разных жанров. Данный тип дискурса активизировался в 2014 г. в связи с включением в состав Российской Федерации Крыма и Севастополя. Уже тогда на просторах Интернета появились комические тексты, связанные с темой санкций. Позднее было запущено столько санкционных волн, что сегодня сложно подсчитать, какую волну мы переживаем в настоящее время. События, связанные со специальной военной операцией, активизировали обозначенную тему в том числе и в юмористическом ключе, что значительно расширило смысловое поле концепта «санкции».

Выявление смысловой характеристики концепта «санкции» в юмористических текстах и жанровой природы этих текстов – основная цель этой работы.

Обращение к анализу указанного концепта представляется актуальным, так как лексема *санкции* претендует на отнесение к «ключевым словам текущего момента» (далее – КСТМ, термин в научный оборот введен Т.В. Шмелевой), среди языковых примет которых ученый выделяет девять признаков: частотность, текстовое пространство, грамматический потенциал, сочетаемость и парадигматику слова, онимическое употребление, наличие дефиниции и языковой рефлексии, а также языковую игру со словом. Работа над составом словаря КСТМ преследует «изучение социально-психологических явлений, реконструируемых по данным функционирования КСТМ» [5. С. 39], а одним из методологических путей исследования КСТМ филолог считает лингвистическую методику реконструкции концептов.

2. Методологические принципы и материал исследования

Работа выполнена в русле одного из подразделов когнитивной лингвистики – лингвистической концептологии, в задачи которого входит изучение

языка как средства доступа к содержанию концептов и средства их моделирования. Использование лингвокогнитивного подхода к анализу концепта позволяет получить многогранное представление о его содержании.

В исследовании приняты положения, разрабатываемые в области лингвистической концептологии, касающиеся сущности концептов, позволяющих хранить знания о мире и являющихся строительными элементами концептуальной системы [6], и структур знания – фреймов, организованных вокруг некоторого концепта [7].

В качестве ведущего метода при изучении юмористических текстов санкционной тематики используем метод концептуального анализа, который позволяет получить (1) знание о концепте, существующем в сознании концептоносителей (по Д.С. Лихачёву [8]), (2) знание, заложенное автором в тексте (в нашем случае – юмористическом). Уточнению смыслового наполнения концепта «санкции» способствовал семантический анализ эмотивных значений.

Для описания концепта «санкции» нами была разработана модель фреймового типа. Обращение к теории и методологии фреймов не случайно, так как в когнитивной лингвистике уже признанным считается, что когнитивные структуры знания (фрейм, слот, мыслительный образ и др.) организованы «“вокруг” некоторого концепта. В противоположность простому набору ассоциаций эти единицы содержат основную, типичную и потенциально возможную информацию, которая ассоциирована с тем или иным концептом. Кроме того, не исключено, что фреймы имеют более или менее конвенциональную природу и потому могут определять и описывать, что в данном обществе является “характерным” или “типичным”» [7. С. 16]. А фрейм (англ. ‘рамка’) по праву считается «главной фигурой» отражения знания, под которым, вслед за М. Минским, понимаем структуру языкового знания, организованного вокруг некоторого понятия, в которой «ассоциирована информация разных видов» [9. С. 7]. Элементом фрейма выступают слоты, которые предназначены для конкретизации фрейма посредством заполнения содержательными данными.

В качестве эмпирического материала методом сплошной выборки были взяты юмористические тексты разной жанровой природы, представленные в открытом доступе в сети Интернет и распространяемые в социальных сетях. Для демонстрации результатов работы преимущественно используются тексты, появившиеся в сети в первую половину 2022 г.

Выявлению форм представления юмористической информации способствовали приемы анализа, выработанные теорией речевых жанров. Первичная обработка эмпирического материала – отнесение того или иного юмористического текста к конкретному речевому жанру – проводилась с учетом конституирующих признаков, выделенных Т.В. Шмелёвой в «модели речевого жанра» [10]. В работе принимаются во внимание достижения отечественных и зарубежных лингвистов, исследующих отдельные жанры юмористического дискурса: анекдот [11, 12], пародия [13, 14], шутка [15, 16] и нек. др.

3. Концептуальный анализ юмористических текстов, объединенных темой «санкции»

3.1. Фреймовая модель концепта «санкции»

Применяя к анализу концепта «санкции» методику фреймового моделирования, рассматриваем фрейм как структуру, основу которой составляет глубинная многокомпонентная пропозиция с ее семантическими ролями (субъект, объект, причина, цель, инструмент, результат), демонстрирующая участников санкционного процесса, цель и предполагаемый результат. Обозначенные семантические роли согласуются с четвертым лексико-семантическим вариантом лексемы *санкции* (в международном праве – меры воздействия, применяемые к государству при нарушении им своих международных обязательств или норм международного права), представленным в словаре-справочнике [17].

Предикативную функцию этой пропозиции выполняет целевая установка санкций (*воздействовать*), в актантных ролях выступают: субъект, инициатор целевой установки, – политический истеблишмент США и Евросоюза, объектом влияния – ведущие политические персоны РФ (в первую очередь президент РФ и члены правительства), на которых воздействие осуществляется посредством ограничения деятельности жизненно важных секторов страны (экономика, технологии, спорт, культура и др.) по причине нарушения норм с позиции инициатора санкций. Целевая установка должна привести к результату, который, по мнению политиков Евросоюза, спровоцирует серьезные социальные и экономические последствия в РФ: дефицит товаров и услуг, социальную разобщенность, недовольство политикой руководства страны и, как следствие, смену власти. Определение санкций как воздействия на объект предполагает ответное действие – согласиться с требованиями или противостоять им. Анализ юмористических текстов демонстрирует осмысление россиянами развернутого против России санкционного процесса и отображает отношение к нему русского языкового коллектива.

Важно отметить, что инициаторы санкций воздействуют на политических лидеров РФ через народ, который выступает косвенным объектом, а по сути – инструментом, орудием санкций. Именно народ, вступая в коммуникацию с инициаторами санкционного процесса, предстает создателем текстов юмористического дискурса.

Обозначенные в фреймовой структуре концепта «санкции» семантические роли (субъект, объект, причина, цель, инструмент, результат) нашли отражение в юмористических текстах. Продемонстрируем это конкретными примерами.

Субъект – инициатор санкций (политический истеблишмент США и Евросоюза):

Евросоюз столкнулся с небывалым дефицитом санкций.

В тексте высмеивается субъект санкций, увлекшийся введением все новых и новых «пакетов», что привело к исчерпанию санкционных мер, так как они оказались не в полной мере действенными.

США высылают российских дипломатов в качестве санкций. Великобритания – в знак поддержки США. Болгария – чтобы подлизаться к Великобритании. Все прибалты – чтобы просто нагадить. Чехия – с перепуга. Израиль – из экономии. Северная Македония – чтобы знали, что она есть.

Высмеивается европейский политический истеблишмент, который вынужденным введением санкционных мер демонстрирует полную зависимость от США.

Объект влияния (ведущие политики РФ):

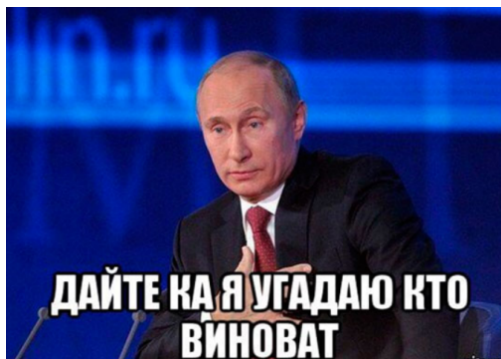
В центре внимания в первую очередь оказались президент РФ, пресс-секретарь президента и министр иностранных дел РФ.

США вводят санкции против супруги Пескова и его взрослых детей. Песков: «Мне ничего не известно о наличии у меня жены и детей».

Причина санкций (нарушение международных обязательств или норм международного права с позиции субъекта).

Наложение санкций объясняется политическими и финансово-экономическими факторами. Истинные же причины значительно более глубокие, что понимается и российским, и, как кажется, мировым сообществом.

Я удивляюсь, как Россию еще не обвинили в гибели Титаника! А то скоро всплывут факты, что Дед Мазай с зайцами на лодке протаранил корабль. Да еще черный ящик найдут! Ждем!!!

Инструменты влияния (жизненно важные секторы: экономика, технологии, спорт, культура и др.).

Судя по тому, что творит ВАДА последние годы, это не Всемирное Анти Допинговое Агентство, а Всемирное Антирусское Денежное Агентство 😏

Шёл 2027 год, Россия стонала от СМЕХА... от 34-го уровня экономических санкций... Госдеп издал 3-й том со списками, кому нельзя приезжать в США... Европа топила дровами.))))))))

Россия – США. Хоккей! 6:1!!! СЕЙЧАС САНКЦИИ НАЧНУТ ВВОДИТЬ)))) Завтра НАТО сделает заявление — «российские хоккеисты-сепаратисты 6 раз атаковали мирно катающихся американских фигуристов».

Цель санкций (вызвать серьезные социальные и экономические последствия в РФ).

Ценные бумаги раньше vs.
Ценные бумаги сейчас

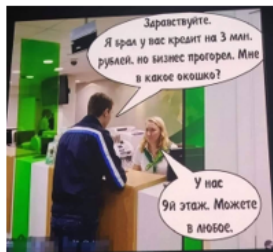

Сегодня каждый может сказать, что у него последний айфон.

Результат санкций

Юмористические тексты демонстрируют ответную реакцию русского языкового коллектива на санкционное воздействие. Ярким примером выступает трансформация эмоциональной реакции объекта санкций: от полной растерянности и непонимания до поиска выгод.

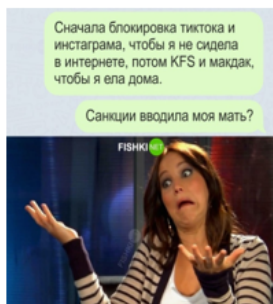
В представленных юмористических текстах наблюдается смена актантных ролей по сравнению с представленной выше фреймовой структурой концепта «санкции»: субъектом выступает народ РФ, объектом осмеяния – политический лидер США и страны Европы.

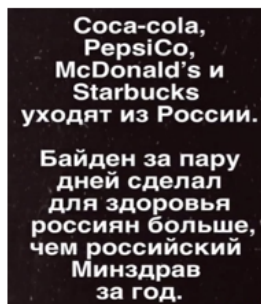
Непонимание, и растерянность

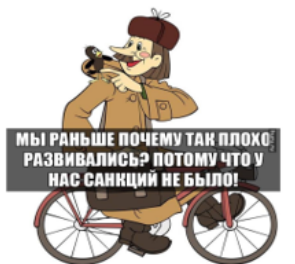
Паника

Обдумывание

Поиск плюсов

Гиперболизация выгод

3.2. Жанровые формы юмористических текстов

Юмористические тексты, явившиеся своеобразным ответом на антирос-сийские санкции, отличаются жанровым разнообразием. Наибольшее рас-пространение и активность получили следующие:

1. Анекдот:

- Ты где такую уборщицу нашёл? В пять минут все полы помыла!
- Из кёрлинга после санкций пришла.
- Сервис орфографии T9™ при соседился к сенсациям противень Росси
- Вася, какие ты ввел санкции против Турции?
- Я теперь варю кофе не в турке, а в обычной кастрюле.

2. Вопросы-шутки:

А кто с вами поделился рецептом гречневого варенья?

Откуда столько экономистов, нормальные же вирусологи были?

3. Благодарность:

От души благодарим Apple за закрытие продаж вашей продукции накануне 8 Марта! От души, братаны. Подпись: мужчины России.

4. Трансформированная поговорка:

Не хотите по-плохому, по-хорошему будет хуже

5. Частушка:

*В знак ответных санкций, кстати,
Нацарапал лично я
На икеевской кровати
Слово неприличное.*

*Взял котлету в полумраке,
Сверху хлеб и руккола.
Получилось как в макдаке
Жаль, жена застучала.*

6. Прогноз:

Я давно говорил, что если закручивать гайки в таком темпе, в котором это делают наши бывшие западные партнеры, то гайки скоро закончатся...

7. Упрёк:

Это всё потому, что все постоянно говорили «последний айфон» вместо «крайний». Дебилы!

8. Совет:

Для поддержания оптимизма помните, чем хуже настроение, тем нежнее отбивные

9. Объявления:

Лично готов уничтожить по 5 кг санкционных продуктов в неделю. Качественно! Быстро! Без посредников!

Меняю пачку A4 на ауди аналогичной модели.

10. Реклама:

Перескажу нового «Бетмена». Цена – 200 руб. С выражением и по ролям – 500 руб.

11. Юмористические стихи:

*Шматочек сала, «отmundиренной» картошки,
Селёдки жирненькой да рюмку водки,
Лучок зелёнький, пучок редиски...
На кой мне гамбургер? И на фиг виски?*

12. Антислоганы (Тэфаль теперь не думает о нас).

Отметим, что последний из вышеозначенных жанров не является находкой собственно русского юмористического дискурса. Антислоган получил распространение «с лёгкой руки» американского режиссёра и сценариста Натана Рюггера, который несколько лет назад в своем Твиттере высказался о том, что прошедшее время глагола превращает девизы в слоганы блокбастеров: *Упражнения для сценариста: возьмите рекламный слоган и напишите*

его в прошедшем времени. Теперь у вас есть загадочный слоган для нового блокбастера. Я начну: Ты был в хороших руках... (@Nate Ruegger). Игра со слоганами была поддержана пользователями, в итоге возникли такие варианты, как *Билайн... Жил на яркой стороне; МТС... Был на шаг впереди; Вискас... потому что кошка вам доверяла...* и под.

Введение нового пакета антироссийских санкций и последовавшее за ними прекращение деятельности на территории РФ ряда известных западных компаний дали новый импульс активности антислоганов в русском юмористическом дискурсе. Изменившиеся реалии выдвинули новые правила составления текстов в этом жанре. В современных антислоганах нет установки на создание «ореола таинственности», напротив, есть «привкус» упрёка и некоторой издёвки над глобальностью и патетикой слоганов известных западных брендов: *Tefal больше не думает о вас. L'Oreal – ты этого не достойна. Johnson Baby теперь щиплет глазки. Maybelline – все не в восторге от тебя. Редбулл больше не окрыляет. Тормози без сникерсни. Баунти – адское наслаждение. Рексона всё-таки подведет* и т.д. И если в прежних антислоганах в качестве средства выражения измененной семантики использовалась форма прошедшего времени глагола, то новый эмоциональный посыл текстов этого жанра достигается за счет включения / отбрасывания частицы НЕ; нейтрализации «лексем-абсолютов» (*всегда, лучший*); замены антонимами (*райский – адский*); введением лексем, изменяющих смысл и эмотивность контекста (*Gillet больше для мужчины нет*).

13. Мемы. Одним из самых частотных жанров юмористического дискурса сегодня является мем, в то время как еще 15 лет назад эту позицию занимал анекдот. В настоящее время мы наблюдаем переход одного жанра в другой, когда, например, текст анекдота в электронной среде, сопровождаясь изображением, переходит в жанр мема.

Россияне в ответ на продуктовые санкции сказали, что, в принципе, могут пить и без закуски!!!

Россияне в ответ на продуктовые санкции сказали, что, в принципе, могут пить и без закуски

Именно в мемы как в поликодовый текст легко «вшивается» информация и эмоциональная реакция человека «на злобу дня». Одним из самых популярных мемов на протяжении последних двух лет остается мем про котов и Наташу (возник в период пандемии). О.С. Иссерс, анализируя его, выделяет 8 регулярных трансформаций [18].

На пакет санкций против России в 2022 г. мгновенно появилась реакция в виде очередных мемов этой серии.

Представленный перечень жанровых форм не является завершенным, поскольку санкционный процесс остается открытым, что провоцирует создание новых разновидностей текстов. Как отмечал Д.С. Лихачев, «наиболее сильные дозы юмора – гомеопатические, но они нужны и употреблять их следует гомеопатическими способами – размеренно, постоянно» [19. С. 356].

3.3. Языковая игра в санкционном юмористическом дискурсе

Безусловно, некоторая абсолютизация положительного исхода антироссийских санкций, проявляющаяся в том числе и в юмористическом дискурсе, по нашему мнению, является своеобразной защитной реакцией языкового коллектива на стрессовую ситуацию. Как справедливо отмечает А. Фокеева, «в ситуациях стресса общество, особенно такое литературоцентричное, как российское, пытается избавиться от тревоги с помощью языковой игры» [20]. Языковая игра в санкционном юмористическом дискурсе проявляется на разных уровнях: графико-фонетическом, лексическом и словообразовательном.

Серией мемов, содержащих графическую игру, отозвалось российское интернет-сообщество на приостановку деятельности сети Макдональдс.

Уход торговой сети «ZARA» с российского рынка тоже не остался без внимания: *ZARA откажется от буквы Z в названии и перенесет главный офис в Ереван.*

Фонетические средства создания языковой игры менее частотны, но и они присутствуют в санкционном дискурсе. Так, в приведенных ниже примерах обыгрывается звуковая близость с отдельными словами прецедентных текстов.

К языковой игре на словообразовательном уровне можно отнести контексты, лишь косвенно связанные с введением санкций, но в большей мере иллюстрирующие отношение россиян к оценке нашедших поступков некоторых представителей актерской элиты.

Так, реакцией на неоднозначные высказывания пресс-секретаря президента РФ Д. Пескова в защиту «испуганных патриотов», уехавших за границу, появился глагол *пескануть* в значении ‘сморозить несусветную чушь’. Р. Кадыров вступил в заочный спор с Д. Песковым, чем спровоцировал появление в виртуальном «словаре эпохи санкций» лексемы *откадырить* ‘поставить на место человека, который песканул’. По аналогии с названными словами на просторах интернета возникли образования *байдовать* ‘спать стоя’ и *замакробнить* ‘крайне надоесть звонками’.

Образность этих единиц была оценена журналистами и некоторые из вербальных новообразований замелькали в заголовках новостных лент (*Так вот, предлагаю всех, кто не любит Россию, – откадырить!; Валерия Меладзе предложили откадырить, чтобы не песочил*), а глаголы *пескануть* и *отпесочить* в публицистическом дискурсе уже приобрели видовой коррелят – *песочить* ‘говорить глупости’.

Наиболее ярким средством языковой игры на лексическом уровне явилось столкновение смыслов языковых единиц. Это в разговорной речи, как отмечают исследователи, «связано, главным образом, с обострением в непринужденной речи игровых коллизий» [21. С. 197]. По нашему мнению, для медиапродукта намеренная двусмысленность – это ещё и средство воплощения многомерности. Юмористическому дискурсу свойственны такие игры со смысловой неоднозначностью, когда текстовое окружение не снимает, а, напротив, подчеркивает вероятность прочтения слова по-разному, смещает акцент с собственно информации на ее комментарий, эмоциональную оценку, давая возможность потребителю контента расшифровать игровой языковой код. Проиллюстрируем это на примере следующих контекстов:

Прочитал в новостях, что санкции никак не повлияют на российские банки. И правильно. Смотрю на свои банки с огурцами и грибочками – и как на них могут санкции повлиять?

ZEWA объявила об уходе с Российского рынка. Вот это удар ниже пояса! «Хенкель Рус» считает, что Россия без порошка Persil и клея «Момент» в грязи утонет и расклеится.

Скоро фраза «расплатиться телефоном или часами» будет восприниматься так же, как в провинциальной подворотне в конце 90-х, где я как-то раз и лицом расплатился.

Из Гидрометцентра сообщили, что геомагнитная обстановка тоже возмущена антироссийскими санкциями.

Против России ввели очередной пакет санкций, но Россия убрала этот пакет в пакет с пакетами.

Рассмотренные выше факты языковой игры, характеризующие концепт «санкции», вступают в конфликт между категориями «этическое» и «эсте-

тическое», которые являются значимыми в теории одного из новых направлений языкознания – эмотивной лингвоэкологии [22]. А.П. Сковородников, анализируя художественные и публицистические юмористические тексты с позиций эколлингвистики, отмечает, что «некоторые противоречия между этическим и эстетическим возникают и в то же время частично нейтрализуются тогда, когда отклонение от речевой этики допускается (если не сказать – «предполагается») спецификой жанра. К таким жанрам относятся анекдот, комический диалог, сатирический комментарий, «прикол» и некоторые другие малоформатные жанры» [23]. В этой связи введение в юмористические тексты единиц, нарушающих этическую норму, в большинстве случаев представляется оправданным жанровой природой этих текстов.

3.4. Ведущие темы юмористических антисанкционных текстов

Юмористический дискурс, связанный с темой «санкции», характеризуется тематическим разнообразием. Выделим темы, которые оказались наиболее активными в антисанкционных текстах.

1. Абсурдность вводимых санкций. Международная федерация кошек (FIFE) ввела санкции на участие кошек из России в международных выставках. Тургеневский дуб исключен из участия в европейском конкурсе «Дерево года». Эти решения зарубежных организаций в качестве ответной реакции россиян породили следующий мем.

2. Присоединение к антироссийским санкциям небольших государств.

3. Совпадение окончания антиковидных мер и начала специальной военной операции на территории Украины.

Covid-19 тоже отзывает свои штаммы и прекращает работу в России.

Путин получил Нобелевскую премию по медицине за прекращение пандемии COVID. Fake News

ШВЕЙЦАРИЯ – После серьезных обсуждений внутри сверхсекретного совещания Нобелевской премии в Швейцарии или где-либо еще Нобелевский комитет по медицине присудил желанную Нобелевскую премию по медицине президенту России Владимиру Путину за то, что он единолично положил конец пандемии COVID практически за одну ночь.

4. Импортозамещение / помощь третьих государств.

В ответ на санкции Запада сколковские учёные предложили вместо инъекций ботокса использовать укусы отечественных имелей.

– Это точно Версаче?

– Да, да, Версаче!

– Становись на картоночку!

5. Формальные санкции некоторых компаний.

**Сообщается, что из России
временно уходят левые
палочки Твикс.**

**Официальный представитель
сообщает, что шоколадки
будут комплектоваться
двумя правыми палочками.**

**НОВОСТИ: Toyota изменила решение
о своём полном уходе с российского
автомобильного рынка.**

6. Инфляция.

Инфляция – это когда всю жизнь копил «на черный день», а накопил на черный хлеб.

Заключение

Одной из отличительных черт русских является склонность к самоуничижению. Д.С. Лихачев отмечал: «Восхвалением самих себя *настоящему русские* никогда „не хворали“. Напротив, русские очень часто, а особенно в XIX и начале XX века, были склонны к самоуничижению – преувеличивали отсталость своей культуры» [19. С. 63]. О том же писал Ф.М. Достоевский: «Народ наш с беспощадной силой выставляет на вид свои недостатки и пред целым светом готов толковать о своих язвах, беспощадно бичевать самого себя, иногда даже он несправедлив к самому себе, – во имя негодующей любви к правде, истине» [24. С. 22].

В юмористическом дискурсе санкции являются не только объектом рассмотрения, но и своеобразным мерилom проблем российского общества. Причем степень эмоционального накала варьируется от легкого подтрунивания до значительного самоуничижения, что следует из примеров:

Пытаться воздействовать на российских чиновников вводя санкции – то же самое, что для борьбы с птицами поджечь со всех сторон лес. Всё живое сгорит, а птицы улетят в другое тёплое место.

Под гнётом санкций чиновники учились брать взятки в рублях.

США ввели ограничения на продажу в Россию программного обеспечения. И этим они собираются подорвать экономику страны, в которой покупка ПО рассматривается как акт благотворительности?

Анализ юмористических текстов периода санкций позволяет, среди прочего, поднимать вопросы и проблемы, отражающие посредством языка ценностные представления и настроение народа. Юмор, выраженный как в неологизмах – отдельных словах и словосочетаниях, так и в текстах разных жанров, демонстрирует креативность мышления людей и творческие потенции языка. Симбиоз этих составляющих приводит к эмоциональному оцениванию ситуации. В этой связи тексты юмористического дискурса, с одной стороны, могут рассматриваться как вербальное оружие, с другой – как психологический щит.

Исследование юмористических текстов посредством концептуального анализа позволило сформировать представление о существующем в сознании носителей русского языка спектра эмоционально-смыслового потенциала концепта «санкции». Методика фреймового моделирования способствовала вскрытию знаний, заложенных создателями антисанкционных текстов, и уточнению смыслового наполнения этого концепта. Характеристика глубинной многокомпонентной пропозиции фреймовой структуры концепта «санкции» на материале текстов юмористического дискурса системно высветила семантические роли всех участников санкционного процесса, причину, цель и предполагаемый результат.

Список источников

1. *Новые слова и значения*: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века : в 3 т. / отв. ред. Т.Н. Буцева. СПб. : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2009–2014. 816 с.

2. *Словарь* русского языка коронавирусной эпохи / сост. Х. Вальтер, Е.С. Громенко, А.Ю. Кожевников, Н.В. Козловская, Н.А. Козулина, С.Д. Левина, В.М. Мокиенко, А.С. Павлова, М.Н. Приемышева, Ю.С. Ридецкая; ред. коллегия: Е.С. Громенко, А.С. Павлова, М.Н. Приемышева (отв. ред.), Ю.С. Ридецкая. СПб. : Институт лингвистических исследований РАН, 2021. 550 с.
3. *Дедов Н.П.* Диагностирующая и регулирующая роль юмора в экстремальных условиях : дис. ... канд. психол. наук. М., 2000. 224 с.
4. *Карасев В.Л.* Смех и зло // *Человек*. 1992. № 3. С. 14–27.
5. *Шмелева Т.В.* Ключевые слова текущего момента // *Colleqium*. 1993. № 1. С. 33–41.
6. *Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г.* Краткий словарь когнитивных терминов. М. : Филол. фак. МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. 245 с.
7. *Дейк ван Т.А.* Фреймы знаний и понимание речевых актов / пер. с англ. М.А. Дмитриевой // *Язык. Познание. Коммуникация* : сб. работ. М., 1989. 310 с.
8. *Лихачев Д.С.* Концептосфера русского языка // *Известия РАН. Серия литературы и языка*. 1993. № 1. С. 3–9.
9. *Минский М.* Фреймы для представления знаний / пер с англ. О.Н. Гринбаума; под ред. Ф.М. Кулакова. М. : Энергия, 1979. 154 с.
10. *Шмелева Т.В.* Модель речевого жанра // *Жанры речи*. 1997. № 1. С. 88–98.
11. *Карасик В.И.* Анекдот как предмет лингвистического изучения // *Жанры речи*. Саратов : Колледж, 1997. С. 144–153.
12. *Шмелев А.Д., Шмелева Е.Я.* Анекдот в разных видах речевой деятельности // *Аксиологическая лингвистика: игровое и комическое в общении* : сб. науч. тр. / под ред. В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина. Волгоград : Перемена, 2003. С. 219–229.
13. *Брыжина Т.С.* Интерпретация пародийной тональности // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2009. № 5 (39). С. 20–24.
14. *Вербицкая М.В.* Теория вторичных текстов (на материале современного английского языка) : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2000. 312 с.
15. *Щурина Ю.В.* Речевые жанры комического // *Жанры речи* : сб. ст. Саратов : Колледж, 1999. Вып. 2. С. 146–157.
16. *Соколова Н.С.* Лингвокогнитивный анализ текстов типа «joke» (на материале англоязычного юмора) : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2008. 175 с.
17. *Политическая наука* : словарь-справочник / авт. и сост.: И.И. Санжаревский. Тамбов, 2010. 988 с.
18. *Иссерс О.С.* Потенциал трансформаций поликодового интернет-мема в бытийном контексте 2020 года // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание*. 2021. Т. 20. № 2. С. 26–41.
19. *Лихачев Д.С.* Заметки о русском. М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2017. 480 с.
20. *Фокеева А.* Языковые итоги года: ирония и пандемия. URL: <https://tass.ru/obschestvo/10132851> (дата обращения: 09.09.2021).
21. *Земская Е.А., Китайгородская М.А., Розанова Н.Н.* Языковая игра // *Русская разговорная речь*. М., 1983. С. 172–214.
22. *Шаховский В.И.* Эмоциональная коммуникация как модератор модуса экологичности // *Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Лингвистика*. 2015. № 1. С. 11–19.
23. *Сковородников А.П.* Конфликт этического и эстетического в художественных и публицистических текстах как проблема эколингвистики (субъективные заметки) // *Человек в коммуникации: от категоризации эмоций к эмотивной лингвистике* : сборник научных трудов, посвященный 75-летию профессора В.И. Шаховского. Волгоград, 2013. С. 347–357.
24. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений : в 30 т. Л. : Наука, 1980. Т. 20. 423 с.

References

1. Butseva, T.N. (ed.) (2009–2014) *Novye slova i znacheniya. Slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 90-kh godov XX veka* [New Words and Meanings. Reference dictionary on the materials of the press and literature of the 1990s]. Saint Petersburg: DMITRIY BULANIN.
2. Priemysheva, M.N. (ed.) (2021) *Slovar' russkogo yazyka koronavirusnoy epokhi* [Dictionary of the Russian Language of the Coronavirus Era]. Saint Petersburg: Institute for Linguistic Studies RAS.
3. Dedov, N.P. (2000) *Diagnostiruyushchaya i reguliruyushchaya rol' yumora v ekstremal'nykh usloviyakh* [Diagnostic and Regulatory Role of Humor in Extreme Conditions]. Psychology Cand. Diss. Moscow.
4. Karasev, V.L. (1992) Smekh i zlo [Laughter and Evil]. *Chelovek*. 3. pp. 14–27.
5. Shmeleva, T.V. (1993) Klyuchevye slova tekushchego momenta [Key words of the current moment]. *Collegium*. 1. pp. 33–41.
6. Kubryakova, E.S. et al. (1996) *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* [A Brief Dictionary of Cognitive Terms]. Moscow: Moscow State University.
7. van Dijk, T.A. (1989) *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Translated from English by M.A. Dmitrieva. Moscow: Progress. pp. 12–40.
8. Likhachev, D.S. (1993) Kontseptosfera russkogo yazyka [Conceptosphere of the Russian language]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*. 1. pp. 3–9.
9. Minsky, M. (1979) *Freymy dlya predstavleniya znaniy* [A Framework for Representing Knowledge]. Translated from English by O.N. Grinbaum. Moscow: Energiya.
10. Shmeleva, T.V. (1997) Model' rechevogo zhanra [Model of speech genre]. *Zhanry rechi*. 1. pp. 88–98.
11. Karasik, V.I. (1997) Anekdot kak predmet lingvisticheskogo izucheniya [Anecdote as a subject of linguistic study]. In: Goldin, V.E. (ed.) *Zhanry rechi* [Genres of Speech]. Saratov: Kolledzh. pp. 144–153.
12. Shmelev, A.D. & Shmeleva, E.Ya. (2003) Anekdot v raznykh vidakh rechevoy deyatel'nosti [Anecdote in different types of speech activity]. In: Karasik, V.I. & Slyshkin, G.G. (eds) *Aksiologicheskaya lingvistika: igrovoe i komicheskoe v obshchenii* [Axiological Linguistics: Game and the comic in communication]. Volgograd: Peremena. pp. 219–229.
13. Bryzhina, T.S. (2009) Interpretatsiya parodiynoy tonal'nosti [Interpretation of parodic tone]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 5 (39). pp. 20–24.
14. Verbitskaya, M.V. (2000) *Teoriya vtorichnykh tekstov (na materiale sovremennogo angliyskogo yazyka)* [Theory of secondary texts (based on the material of modern English)]. Philology Dr. Diss. Moscow.
15. Shchurina, Yu.V. (1999) Rechevye zhanry komicheskogo [Speech genres of the comic]. In: Goldin, V.E. (ed.) *Zhanry rechi* [Genres of Speech]. Vol. 2. Saratov: Kolledzh. pp. 146–157.
16. Sokolova, N.S. (2008) *Lingvokognitivnyy analiz tekstov tipa "joke" (na materiale angloyazychnogo yumora)* [Linguistic and cognitive analysis of "joke" type texts (on the material of English-language humor)]. Philology Cand. Diss. Saint Petersburg.
17. Sanzharevskiy, I.I. (ed.) (2010) *Politicheskaya nauka: slovar'-spravochnik* [Political Science: Dictionary-reference book]. Tambov: [s.n.].
18. Issers, O.S. (2021) Potentsial transformatsiy polikodovogo internet-mema v sobytiynom kontekste 2020 goda [Transformation potential of a polycode Internet meme in the event context of 2020]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie*. 2 (20). pp. 26–41.
19. Likhachev, D.S. (2017) *Zametki o russkom* [Notes about Russian]. Moscow: KoLibri, Azbuka-Attikus.

20. Fokeeva, A. (2020) Yazykovye itogi goda: ironiya i pandemiya [Language results of the year: irony and pandemic]. *TASS.ru*. [Online] Available from: <https://tass.ru/obschestvo/10132851>. (Accessed: 09.09.2021).

21. Zemskaya, E.A., Kitaygorodskaya, M.A. & Rozanova, N.N. (1983) Yazykovaya igra [Language game]. In: Glovinskaya, M.Ya. et al. *Russkaya razgovornaya rech'* [Russian Colloquial Speech]. Moscow: Nauka. pp. 172–214.

22. Shakhovskiy, V.I. (2015) Emotsional'naya kommunikatsiya kak moderator modusa ekologichnosti [Emotional communication as a moderator of the mode of environmental friendliness]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Lingvistika*. 1. pp. 11–19.

23. Skovorodnikov, A.P. (2013) Konflikt eticheskogo i esteticheskogo v khudozhestvennykh i publitsisticheskikh tekstakh kak problema ekolingvistiki (sub'ektivnye zametki) [The conflict between the ethical and the aesthetic in fiction and journalistic texts as a problem of ecolinguistics (subjective notes)]. In: Panchenko, N.N. (ed.) *Chelovek v kommunikatsii: ot kategorizatsii emotsiy k emotivnoy lingvistike* [Man in Communication: From the categorization of emotions to emotive linguistics]. Volgograd: Volgogradskoe nauchnoe izdatel'stvo. pp. 347–357.

24. Dostoevskiy, F.M. (1980) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 20. Leningrad: Nauka.

Информация об авторах:

Евсеева И.В. – д-р филол. наук, зав. кафедрой русского языка и речевой коммуникации Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия). E-mail: ivevseeva@yandex.ru

Славкина И.А. – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и речевой коммуникации Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия). E-mail: ingaslavkina@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

I.V. Evseeva, Dr. Sci. (Philology), head of the Department of the Russian Language and Speech Communication, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: ivevseeva@yandex.ru

I.A. Slavkina, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: ingaslavkina@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 05.07.2022;
одобрена после рецензирования 07.10.2022; принята к публикации 13.03.2023.*

*The article was submitted 05.07.2022;
approved after reviewing 07.10.2022; accepted for publication 13.03.2023.*

Научная статья
УДК 811.161.1.37
doi: 10.17223/19986645/82/4

Метаязыковой макропараметр в исследовании неологии второй половины XIX в. (на материале писем русских литераторов)

Юлия Георгиевна Захарова¹

¹ *Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия, zug1977@inbox.ru*

Аннотация. На материале эпистолярных текстов русских писателей второй половины XIX в. в неологии как направлении лингвистики разрабатывается метаязыковой макропараметр, который включает в себя четыре аспекта: хронологический, прагматический, семантический, деривационный. Метаязыковые рефлексивы позволяют определить время появления новой единицы, установить ее относительную датировку, хронологические рамки сохранения коннотации новизны; выявить прагматические характеристики неологизма; получить информацию о деривационных процессах в семантической структуре слова и словообразовательной мотивации неолексемы.

Ключевые слова: метаязыковая рефлексия, рефлексив, эпистолярный, неология, русский язык XIX в.

Для цитирования: Захарова Ю.Г. Метаязыковой макропараметр в исследовании неологии второй половины XIX в. (на материале писем русских литераторов) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 82. С. 63–88. doi: 10.17223/19986645/82/4

Original article
doi: 10.17223/19986645/82/4

Metallanguage macroparameter in the study of neology of the second half of the 19th century (based on letters of Russian writers)

Yuliya G. Zakharova¹

¹ *Pacific State University, Khabarovsk, Russian Federation, zug1977@inbox.ru*

Abstract. The epistolary works of Russian writers (L.N. Tolstoy, I.S. Turgenev, A.P. Chekhov, M.E. Saltykov-Shchedrin, I.A. Goncharov, A.I. Herzen, N.S. Leskov, F.M. Dostoevsky, V.M. Garshin, V.G. Korolenko) contain rich linguistic material. The letters comprehended innovations in language and speech that appeared in the second half of the 19th century under the influence of extralinguistic factors, as well as internal laws of the development of the language system: actualization of certain word-formation types, semantic derivational models; tendencies to fill gaps in the

word-formation and lexical system; the law of analogy, etc. As a result of this understanding, *reflexive metalanguage contexts* appeared in the letters, in which a native speaker evaluates a particular linguistic or speech fact. Traditionally, there are such criteria for determining the neological status of a unit and its analysis as chronological, local, psycholinguistic, sociolinguistic, functional, statistical, lexicographic. The presence of metalanguage reflection is also an important criterion for judging the novelty of a word or a meaning. The metalanguage contexts of the 19th century as a neological source have not been studied enough, there are no special studies of them in epistolary discourse. At the same time, they can provide valuable information for the *Dictionary of the Russian Language of the 19th century*, which is compiled at the Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg). The material for the study was 101 “reflexives”, extracted by the method of a complete sample from the letters of Russian writers. The methods of component, layer-based and contextual analysis were used. The article develops the content of the term *metalanguage macroparameter of the diachronic study of neology*, which means a set of particular criteria used to establish the neological status of a language/speech unit and its properties on the basis of metalanguage data available in reflexives of the second half of the 19th century. The chronological criterion makes it possible to evaluate the information contained in the reflexive about the time of the appearance of a neological unit, to determine the period within which it retained the effect of novelty, lack of development by the language system. The pragmatic criterion makes it possible to determine how a new word (meaning) was evaluated by native speakers: in terms of its compliance with the laws of the Russian language, social labeling, stylistic connotation, etc. The semantic criterion presupposes the identification in reflexives of data on changes in the semantic structure of a word (metaphorization of meaning, its terminologization or determinologization), on the use of a word in an occasional meaning, on the formation of a shade of meaning in speech. The derivational criterion is aimed at obtaining data on the word-formation structure and meaning of new units that were used in colloquial speech or were individually authored.

Keywords: metalanguage reflection, reflexive, epistolary works, neology, Russian language of 19th century

For citation: Zakharova, Yu.G. (2023) Metalanguage macroparameter in the study of neology of the second half of the 19th century (based on letters of Russian writers). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 82. pp. 63–88. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/82/4

И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой, А.И. Герцен, Ф.М. Достоевский, И.А. Гончаров, А.П. Чехов и другие крупные писатели XIX в. стояли в центре русского и в целом европейского литературного движения, вели переписку со многими выдающимися деятелями культуры России и Западной Европы. Письма касаются важных событий мировой истории, в них отражено научное и литературное движение, развитие искусств в России и за рубежом. В связи с этим эпистолярный содержит богатейший лингвистический материал, ярко отражает те процессы, которые проходили в языке и речи соответствующего периода.

Одна из важнейших функций эпистолярного дискурса – метаязыковая, отражающая работу языкового сознания участников эпистолярной коммуникации, проявляющаяся в «свойстве быть средством исследования и описания языка в терминах самого языка» [1. С. 148].

Под метаязыковой рефлексией в современной лингвистике понимается деятельность сознания, направленная на осмысление фактов языка и речи, а также результат этой деятельности, выраженный в **рефлексивах** – метаязыковых контекстах, в которых носитель языка дает оценку тому или иному языковому или речевому факту [2. С. 4; 3. С. 4]. Метаязыковая рефлексия – это проявление метаязыкового сознания, под которым А.Н. Ростова понимает «область рационально-логического, рефлексирующего языкового сознания, направленного на отражение языка-объекта как элемента действительного мира». Эта область представляет собой «совокупность знаний, представлений, суждений о языке, элементах его структуры, их формальной и смысловой соотносительности, функционировании, развитии и т.д.» [4. С. 12]. Метаязыковое сознание предстает не только в явной, вербализованной форме, но и включает сферу скрытого сознания.

По наблюдениям И.Т. Вепревой, интенсивные процессы в социуме и языке обостряют языковую рефлексия носителя языка [5. С. 8]. Вторая половина XIX в. в России – время бурных общественно-политических процессов, развития науки (особенно естественно-научных областей – биологии, медицины), культуры, промышленности, торговли, финансов, системы кредита и формирования соответствующей терминологии, что находило отражение в языковом сознании русских писателей. Э.Л. Трикоз пишет о неологии второй половины XIX в. как объекте метаязыковой рефлексии: «Культурно-исторические и социально-экономические преобразования исследуемого периода повлияли прежде всего на словарный состав языка, который ежеминутно опробовался носителями языка в устной и письменной речи. Наивное метаязыковое сознание перерабатывало огромное количество неологизмов, терминологической, абстрактной, иноязычной лексики, диалектных и просторечных слов в то время, когда словари и нормативные справочники не успевали за лексическими новациями» [2. С. 16]. Метаязыковые комментарии могли становиться источником распространения кодифицированной лексической нормы [6. С. 285].

Традиционно выделяют такие критерии определения неологического статуса единицы и ее анализа, как хронологический, локальный, психолингвистический, социоллингвистический, функциональный, статистический, лексикографический [7. С. 8]. Важным критерием, позволяющим судить о новизне слова или значения, является **наличие метаязыковой рефлексии**. Метаязыковые контексты XIX в. в качестве неологического источника изучены недостаточно, отсутствуют специальные исследования их в эпистолярном дискурсе. Как правило, внимание лингвистов сосредоточено на самом феномене метаязыковой рефлексии (стимулах к ее запуску, закономерностях осознания говорящими языковой действительности, способах и средствах языковой экспликации знаний о языке, метапоказателях автокоррекции в речи), а не на той информации о новом слове / значении, которую дает рефлексив.

Общепризнан факт, что писатели наделены языковой рефлексией в максимальной степени, ее проявление «представляет большую ценность,

обладает высоким престижем, может быть использовано в нормализации языка» [8. С. 800], писатель «занимает в социуме особое место, его мнение влияет на формирование "языкового вкуса эпохи"» [9. С. 17]. Эпистолярный русский писатель в этом отношении служит значимым источником, поскольку дает богатый материал для исследования рефлексивов в историко-лексикологическом аспекте. В письмах осмысливались инновации в языке и речи, которые появились под действием экстралингвистических факторов, а также внутренних законов развития языковой системы: актуализации тех или иных словообразовательных типов, семантических деривационных моделей; тенденции к заполнению лакун в словообразовательной и лексической системе; закона аналогии и др.

Неологизмы эпохи неоднократно становятся в письмах объектом метаязыковой рефлексии: отмечается новизна слов, их соответствие / несоответствие языковой норме, поясняется семантика, осмысливаются сфера употребления, происхождение, возможность или невозможность адекватной замены русским словом, прагматические характеристики (тип оценочности, эмотивность, стилистическая окраска, престиж слова) и др.

Таким образом, само наличие метаязыковой рефлексии – критерий новизны слова (значения), а метаязыковой контекст – важный источник лингвистической информации о неологизме. Рефлексивы в письмах нередко несут ценные сведения о том или ином языковом факте, не нашедшие отражения в лексикографических изданиях, и могут стать важным источником для «Словаря русского языка XIX в.», который составляется в Институте лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург).

И.Т. Вепрева выделяет два типа рефлексивов: 1) канонический текст-рефлексив, отдельное речевое произведение; 2) рефлексив, включенный в целый текст: он может представлять собой авторское попутное замечание, словесную реплику, ремарку о факте языка / речи; метаязыковое высказывание; цепочку взаимосвязанных высказываний [5. С. 75]. Эпистолярные тексты русских писателей второй половины XIX в. включают рефлексивы второго типа.

Рефлексив выделяется из письменного текста на основании его метаязыковой функции. С этой функцией соотносится типовая семантическая структура рефлексива, включающая следующие компоненты: а) объект рефлексии (единица языка или факт речи, подвергающиеся комментированию); б) статусный квалификатор (номинация, определяющая лингвистический статус объекта: *слово, падеж, подлежащее, жанр* и т.д.); в) субъект метаязыковой оценки; г) собственно метаязыковую характеристику [9. С. 19].

Коммуникативная установка говорящего / пишущего может варьироваться, поэтому выделяют, во-первых, такой вид рефлексива, как *метаязыковой комментарий*: в нем субъект речи комментирует слово или его употребление в контексте, назначение такого рефлексива – сообщить о языковой единице какую-либо информацию; во-вторых, рефлексив, представляющий собой *метаязыковую интерпретацию*: говорящий выражает свое отношение к языковому (речевому) факту, дает ему оценку: «Рефлексивы

данного типа оцениваются как аксиологические высказывания с преобладанием рациональной или эмоциональной реакции, направленной на собственное отношение к слову, но апеллирующей к мнению адресата» [5. С. 81].

Е.Е. Козлова выделила ряд составляющих обыденного метаязыкового сознания, направленного на осмысление заимствованных неолексем: 1) стимулы к активизации функций метаязыкового сознания; 2) функции метаязыкового сознания; 3) способы его проявления; 4) средства выражения.

К стимулам запуска механизмов рефлексии исследователь относит необходимость осмыслить семантику слова и объяснить ее партнеру по коммуникации; потребность дать оценку иноязычному неологизму или процессу заимствования (оценка влияет на интенсивность вхождения «чужих» слов в систему языка-реципиента); желание определить место неолексем в идиолексиконе. Главными функциями метаязыкового сознания при освоении заимствованных слов являются *интерпретационная* – она проявляется в стремлении говорящего истолковать семантику нового слова; *оценочная* – носитель языка дает оценку новому слову; *классифицирующая* – говорящий / пишущий относит заимствованное слово к какому-либо классу лексем (например, англицизмам).

Функции метаязыкового сознания реализуются в конкретных способах проявления метаязыковой рефлексии. Интерпретационная функция выражается в семантизации заимствований с помощью описательного, синонимического, эпидигматического способов толкования (под последним Е.Е. Козлова понимает отсылку к значению мотивирующей основы производного иноязычного слова в языке-доноре), калькирования и толкования через противопоставление. Оценочная функция проявляется в вербальном обозначении оценки неологизма (положительной, отрицательной, нейтральной). Классифицирующая функция выражается в различных характеристиках заимствованного слова: «ксеноразличительной» (выделение признаков «свой» – «чужой» в лексике), временной, частотно-дистрибутивной, социально-стратификационной, нормативной и стилистической [10].

Материалом для нашего исследования послужил 101 рефлексив, извлеченный методом сплошной выборки из писем Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, А.П. Чехова, М.Е. Салтыкова-Щедрина, И.А. Гончарова, А.И. Герцена, Н.С. Лескова, Ф.М. Достоевского, В.М. Гаршина, В.Г. Короленко.

Все рефлексивы в рассматриваемых эпистолярных текстах русских писателей XIX в. содержат один или несколько метаоператоров (дискурсивных маркеров – И.Т. Вепрева) – показателей метаязыковой рефлексии. В письмах встречаются невербальные (графические) и вербальные маркеры метаязыка [11].

Графические метаоператоры в письмах – кавычки, скобки, вопросительный знак, подчеркивание слов. В некоторых случаях кавычки являются единственным метаязыковым показателем. Они обращают внимание корреспондента на необычность слова, например его иноязычное происхождение, неосвоенность русским языком, переносное значение, употребительность в определенной социальной группе, творимость, чужое авторство.

Невербальные метаоператоры чаще всего сочетаются с вербальными – метаязыковыми терминами, называющими речевые единицы или процессы (*слово, фраза, галлицизм, сказать, величать*), вводными конструкциями, авторскими глоссами (выраженными вставными или пояснительными конструкциями, отдельными словами), вопросительными предложениями и др.

Под **метаязыковым макропараметром** диахронного исследования неологии мы понимаем комплекс частных критериев (хронологического, прагматического, семантического, деривационного), который применяется при установлении неологического статуса единицы языка / речи и ее свойств на базе имеющихся в рефлексивах второй половины XIX в. метаязыковых данных.

1. Рефлексивы (наряду с другими показателями) позволяют определить нижнюю временную границу употребления слова в русском языке (речи), а также (при вхождении у узус) тот минимальный период, в пределах которого ощущалась новизна слова, его неосвоенность лексической системой языка-реципиента, т.е. определить **возможности применения хронологического критерия** в диахронном исследовании процесса неологизации.

В качестве показателей новизны слова / неосвоенности лексической системой выступают такие метаоператоры, как кавычки; устойчивые сочетания (например, *так называемый*); авторские ремарки, выраженные вставными конструкциями; вставки слов над текстом и другие глоссы; вопросительные предложения; комментарии.

Указание на время появления слова в языке может быть **прямым**. В письме в форме вопросительного предложения и комментария к нему может содержаться непосредственное указание на то, что автор слышит какое-либо слово впервые: «Он пишет: "Все лучшие интеллигенты приветствуют переход Ваш от пантеизма к *антропоцентризму*". **Что значит антропоцентризм? Отродясь не слышал такого слова**»¹ (А.П. Чехов – А.С. Суворину, 1893 г.) [12. Т. 5. С. 164].

В метаязыковом контексте могут сопоставляться исконное и заимствованное слово, при этом присутствует временной конкретизатор – подчеркивается, что иноязычная единица стала употребляться недавно, на памяти писателя (используются наречия со значением времени): «Достоинство картины, по моему мнению, в том, что она правдива (*реалистична, как говорят теперь*) в самом настоящем значении этого слова. Христос не такой, какого бы было приятно видеть, а именно такой, каким должен быть человек, которого мучили целую ночь и ведут мучать» (Л.Н. Толстой – Джорджу Кеннану (George Kennan), 1890 г.) [13. Т. 6. С. 140]. По данным НКРЯ, первые примеры прилагательного *реалистичный* (заимствованного из английского (realistic) или немецкого (realistisch) языка) датируются

¹ Все метаоператоры выделяются в примерах полужирным шрифтом (в случаях использования писателем кавычек или подчеркивания эти метаоператоры выделены вместе со словом – объектом рефлексии).

60-ми гг. XIX в., но оно воспринималось как свежее, судя по письму Л.Н. Толстого, и в 1890 г.

К **косвенным** показатели новизны слова относятся кавычки, метаязыковые операторы, содержащие оценку собственного употребления иноязычного слова (с точки зрения его существования в языке, верности понимания смысла), толкование значения, перевод и т.д.

Кавычки служат типичным дискурсивным индикатором неологизма на стадии его узуализации. Они сигнализируют коммуниканту, что лексема пока мало известна в языковом коллективе и необходимы когнитивные усилия реципиента для ее интерпретации. Кавычки могут свидетельствовать о том, что новое слово заимствовано автором текста из дискурса другой языковой личности и полностью им не принято [14. С. 164]. Чаще всего кавычками маркируются в письмах иноязычные неолексемы: «О чуме у нас толкуют очень оживленно. Но кажется, рассуждений о мероприятиях будет в изобилии, а самые мероприятия не очень-то. Здесь говорят, что 2 1/2 миллиона, назначенные для чумы, большею частью разбредутся по карманам **"дезинфекторов"**» (В.М. Гаршин – Е.С. Гаршиной, 1879 г.) [15. с. 174]; «То, что я Вам писал о нищете Соловьева-Несмелова, лежавшего в окровавленных лохмотьях, не было **"шантаж"**»¹ (Н.С. Лесков – А.С. Суворину, 1892 г.) [17. Т. 11. С. 517]; «Я прихожу к решительному убеждению, что здесь была **"симуляция"** вотского жертвоприношения» (М.И. Дрягину, 1895 г.) [18. Т. 10. С. 242].

Кавычки могут быть показателем того, что слово применялось в русском языке только по отношению к условиям жизни какой-либо страны, в языке которой оно появилось. Такую функцию выполняют кавычки в одном из писем В.Г. Короленко, написанном в США: «Вечером 3-го числа явился репортер "The Sun", но мы уже раздевались, зато 4-го репортер "New-York Times'a" застиг меня, когда я брал в **"оффисе"** ключ» (А.С. Короленко, 1893 г., New York) [18. Т. 10. С. 196]. Существительное *офис* окончательно было заимствовано русским языком из английского только в конце XX в., поэтому ряд контекстов с ним в НКРЯ, датируемых концом XIX – первой половиной XX в., также содержит метаязыковые показатели: кавычки, лексические глоссы, пояснительные конструкции, ср.: «Европейцы только являются сюда в свои *оффисы*, **то есть конторы, канцелярии** и пр.» (К.М. Станюкович. Вокруг света на Коршуне (1895)); «Последнее время Форд прыгает редко, работая в **"оффисе"** (конторе) фирмы (Л.Г. Минов. Русский летчик в американском небе (1930)) [19].

О коннотации новизны, присущей иноязычному слову в русском языке на протяжении довольно длительного периода, свидетельствует метаоператор *так называемый*: «Вопрос этот очень деликатный, особенно ввиду положения, в которое **так называемые марксисты** поставлены цензурой: защищаться им негде, их собственный сборник сожжен, и потому нападать

¹ Слово *шантаж* (фр. chantage) известно в русском языке с 70-х гг. XIX в. [16. Т. 2. С. 401], однако в словарях XIX в. оно не получило отражения.

на них нужно весьма и весьма осторожно» (В.Г. Короленко – И.И. Сведенцову, 1896 г.) [18. Т. 10. С. 244]. Начало употребления существительного *марксист* в русском языке приходится на 1870-е гг. [19], однако и в конце века при нем употребляется дискурсивный маркер.

Необходимость **толкования значения** слова свидетельствует о его новизне в большинстве случаев. При помощи пояснительной конструкции может раскрываться значение иносистемной единицы, малоизвестной в тот период в русском языке, имевшей ограниченное распространение. Материал НКРЯ показывает, что существительное *лакуна* стало употребляться в русском языке с конца XIX в. первоначально в качестве научного термина. Во французском языке-источнике терминологическое значение являлось производным, прямое было более широким: «*Lacune*, sf. пропуск, пробел, недостаток; || Анат. ямка, ложбинка на верхней губе; || Бот. впадина» [20. С. 731], в русском же – наоборот: «*Лакуна*. Незанятое место, пустота внутри какого-либо тела. || Углубление, вдавленность на поверхности чего-либо. || Переносно: промежуток, пробел, пропуск. *Лакуна* в тексте» [21. Т. 5. Вып. 1. С. 154]. Употребляя иносистемную лексику *lacune* в прямом для французского языка значении, Л.Н. Толстой поясняет его: «Всё работаю – совестно говорить такое слово – вожусь с статьей об искусстве и вижу уже не только конец, но вижу только *lacunes*, **пустые места, к[оторые] надо заполнить**» (В.Г. Черткову, 1897 г.) [13. Т. 88. С. 22].

Письма дают информацию и о начале функционирования иноязычных единиц в русском языке в перекодированном (при помощи транскрипции или транслитерации) графико-фонетическом облике. Существительное *шимпанзе* известно в русском языке со второй половины XIX в. Первоначально оно использовалось в двух фонетических вариантах: *шимпанзе* (фр. chimpanzé) и *чimpanзе* (англ. chimpanzee) [16. Т. 2. С. 411]. Судя по письму А.И. Герцена, которому понадобилось объяснить значение слова, начало употребления лексики приходится на 1850-е гг. Живя в Англии, писатель использует слово во французской огласовке, поскольку источником распространения его в Европе стал французский язык: «А мы с Сашей ходили смотреть *шимпанзе*, **таких обезьян умных, как люди**, они в саду возле нас. Кривляются, как Энгельсон, и мать носит свою дочь на руках и ласкает» (М. К. Рейхель, 1852 г., Лондон) [22. Т. 24. С. 369–370].

Английское существительное *steeple-chase* в латинской графике, а также в транслитерированном варианте *стипль-шес* впервые отражено в словаре иностранных слов 1861 г. с двумя значениями: «1) скачка с препятствиями, 2) игра, в которой представляется охотник, гонящийся за зверем через разные препятствия» [23. С. 483]. В словарях иностранных слов 1871 г. [24. С. 496] и 1879 г. [25. С. 61] даются также варианты *степльшас* и *стиплишас*. К концу века побеждает вариант *стипль-чез* (перекодированный путем транскрипции) [26. С. 535], именно он используется в письме А.И. Герцена 1853 г. Писатель поясняет дочери название английской игры: «Тата, у Саши готова для вас игра *стипль-чез*: **лошадки прыгают через заборчики и кто скорее обгонит**» (М.К. Рейхель и Н.А. Герцен, 1853 г., Лондон) [22. Т. 25. С. 50].

При перекодировании иноязычной единицы для точности понимания транслитерированное слово может поясняться с помощью словосочетания из языка-источника: «Вчера X<оецкий> получил письмо от Mme Lemoine, она пишет, что Беше, услышав о том, что у X<оецкого> есть деньги, между прочим сказал: "Пусть сделают *сомацию* (**une sommation légale**), то я и отдам"» (А.И. Герцен – М.К. Рейхель, 1852 г.) [22. Т. 24. С. 241]. Французское существительное *sommation* имело общее значение «требование», а также значение юридического термина – «повестка, вызов в суд» [20. С. 1132]. В приведенном контексте имеется в виду официальное требование, что и поясняется с помощью французской вставки. С тем же значением это слово впервые фиксируется во втором издании словаря В.И. Даля (1882): «Сомация фрн. воззвание, призыв, бол. словесный, в делах полицейских, требование покориться закону, порядку» [27. Т. 4. С. 269].

Могут поясняться лексические единицы, не вошедшие в узус и представляющие собой результат единичного авторского перекодирования слова с иностранного языка при помощи русских графических и морфологических средств или окказиональный дериват иноязычного слова. Л.Н. Толстой использует надстрочную глосску к причастию *интеромпирующих* (*заслоняющих*), которое является формой интерсистемного глагола *интеромпировать* (фр. *interrompre* – «преграждать, пресекать, прерывать» [20. С. 709]): «И это убеждение вросло сильно и ежели будет резня с нашим кротким народом, то только вследствие этого незнания своих настоящих отношений к земле и помещику, а правительство секретничает изо всех сил и воображает, что это внутренняя политика, и ставит помещиков в положении людей ^{заслоняющих} интеромпирующих от народа милости свыше» (Е.П. Ковалевскому, 1856 г.) [13. Т. 60. С. 89]. В другом письме Л.Н. Толстой с помощью синонима *смягчить* поясняет значение перекодированного с французского языка глагола *элюдировать* (фр. *éluder* – «обходить, избегать, увёртываться» [20. С. 467]): «Мне ужасно неприятно – больно бы было узнать, что вы несогласны с требованиями нравствен[наго] закона Христа, с его 5-ю заповедями, что вы считаете возможным *элюдировать*, *смягчить* какую-нибудь из них, как это часто бывает» (В.Г. Черткову, 1884 г.) [13. Т. 85. С. 101]. Ф.М. Достоевский использовал в одном из писем глагол *рекомандировать*, образованный им от французского прилагательного *recommandé* («заказной»). Поскольку адресат не понял значения по причине окказионального характера лексемы, автору письма пришлось его объяснить: «Если я Вам и писал, чтобы просто вложить 25 р. в письмо, так это потому, что здесь наши деньги легко меняются. Но все-таки я Вам приписал в письме: *рекомандируйте, т.е. застрахуйте*» (А.Н. Майкову, 1868 г.) [28. Т. 28, ч. 2. С. 295].

При существовании в лексической системе русского языка лакуны в письмах для семантизации иноязычного слова может предприниматься попытка его перевода: при помощи русских словообразовательных морфем создается индивидуально-авторское слово, максимально точно передающее семантику иносистемной единицы: «Если б я был *скрытен*, тогда бы,

конечно, никто ничего этого не видал, а я, к сожалению, *expansif* (**излиятелен, что ли, в переводе**), а натура довольно разнообразна и впечатлительна – и я обнаруживаюсь, как я есть» (Е.А. и С.А. Никитенко, 1860 г.) [29. Т. 8. С. 354]. Прилагательное *излиятельный* было образовано И.А. Гончаровым от архаичного глагола *излиять* при помощи суффикса *-тельн-* для передачи семантики французского *expansif*, ср. первое толкование значения прилагательного *экспансивный* в словаре иноязычных слов конца XIX в.: «Экспансивный (фр. от лат.). Легко *изливающий* свои чувства» (выделено нами. – Ю.З.) [30. С. 970].

Значение русского слова могло быть шире семантики иноязычного, таким образом, в русском языке существовала видовая лексическая лакуна. Она не позволяла точно выразить смысл и могла компенсироваться с помощью иносистемной единицы. Такая конкретизация значения и оценка русского языка с точки зрения возможности выражения значения в отдельно взятой коммуникативной ситуации встречаются в одной из метаязыковых интерпретаций И.С. Тургенева: «Мне бы очень хотелось знать не только Ваши намерения, – но и *числа* их, т.е. **leur date** (**А плох и неловок еще русский язык**)» (Е.А. Ламберт, 1861 г.; *leur date* – «их даты» (фр.)) [31. Т. 4. С. 342].

Существительное *дата* (содержащее, в отличие от *число*, дифференцирующие семы «месяц», «письмо», официальные бумаги») впервые фиксируется в словаре иностранных слов 1871 г. в двух вариантах – *датум* и *дата*: «Число месяца, выставляемое на письмах, официальных бумагах и т.п.» [24. С. 184]. Использование существительного *date* в нетранслитерированном французском варианте для пояснения значения русского слова позволяет провести относительную хронологизацию заимствования и расширить круг его возможных источников. Письмо И.С. Тургенева написано в 1861 г., таким образом, слово *дата* было заимствовано русским языком не ранее 60-х гг. XIX в. Материал НКРЯ подтверждает это: первые примеры употребления его в кирилловской графике датируются 1863 и 1864 гг. Н.М. Шанский в качестве источников заимствования слова называет немецкий или итальянский языки, письмо И.С. Тургенева позволяет говорить и о французском языке.

Иноязычное слово нередко оказывалось экономным средством выражения смысла, поскольку заменяло русское словосочетание или предложение. Так, в одном из писем используется интерсистемное прилагательное *прегнантный* (нем. *prägnant* – «полный мыслей»), компенсирующее на уровне речи русскую лексическую лакуну. В качестве метаоператоров в данном контексте выступают кавычки и метаязыковое замечание, указывающее на происхождение слова – немецкий язык: «Ваша характеристика Н<екрасова> так верна – что я не решаюсь сжечь Ваше письмо, как Вы того желаете – а лучше возвращу его Вам. **”Прегнантнее”** – (как говорят немцы) – подчеркнутых мною строк Вы никогда не найдете» (И.С. Тургенев – П.В. Анненкову, 1878 г.) [31. Т. 16. Кн. 1. С. 19].

Итак, показателями новизны слова могут являться графические и лексические метаоператоры. Они помогают в установлении точного или отно-

сительного времени появления неологизма; периода сохранения им эффекта непривычности, неосвоенности языковой системой; определении окказионального характера; выявлении коммуникативной потребности в новой единице у носителей языка и др.

2. Метаязыковые контексты служат ценным источником информации *о прагматических характеристиках неологизма второй половины XIX в.*, под которыми мы понимаем особенности употребления слов в речевой коммуникации, отражающие отношение «говорящий – знак». Оно, в свою очередь, нередко является проекцией отношения «говорящий – денотат» [32. С. 37].

По справедливому замечанию В.И. Заботкиной, любое новое слово обладает прагматическим зарядом в отличие от канонического, прагматический потенциал которого может быть нулевым: среди причин, которые вызывают появление нового слова, кроме когнитивных факторов, большую роль играют прагматические стимулы; в акте порождения нового слова его семантика отражает прагматические намерения человека и прагматику контекста; в процессе адаптации слова в языке, принятия его социумом определенное значение играют прагматические факторы, связанные с восприятием слова носителями языка; по мере вхождения слова в лексическую систему оно вбирает в себя новые черты, которыми обладают прагматические контексты его употребления [33. С. 7–8].

Под прагматическим компонентом значения неологизма понимается та часть его семантики, которая остается «за вычетом когнитивного содержания». Этот компонент несет информацию не о референте, а о его восприятии говорящим [32. С. 37]. Прагматическую характеристику чаще всего получают в письмах иноязычные или калькированные единицы. Неологизм может оцениваться с точки зрения правильности его употребления носителями языка (верности значения нового слова в русском языке); соотношения структуры слова и семантики, морфологических характеристик; социальной маркированности; степени адаптации в русском языке (оценка по шкале «свое – чужое»); стилистической уместности и т.д.

Оценка писателем языкового факта может быть имплицитной и эксплицитной. Имплицитно в некоторых письмах содержится рациональная нормативная оценка [34. С. 75] несоответствия неологизма лексической системе русского языка. В качестве показателей эксплицитной оценки выступают, прежде всего, лексические прагматические маркеры, под которыми понимаются лексемы, отражающие «различные параметры позиционирования субъекта-отправителя по отношению к отображаемым событиям, сущностям и / или к получателю» [35. С. 76]. Слову может даваться эмоциональная или эстетическая оценка. Эмоциональная оценка выражается с помощью прилагательных (*небрежный, самый вопиющий, нелестный, скверный, странный*), словосочетаний (*ударить по щеке*); эстетическая – с помощью наречия (*уродливо*). В качестве невербального прагматического маркера используются кавычки.

Может оцениваться соответствие значения заимствованного слова его семантике в языке-источнике. В процессе адаптации лексемы в русском

языке в ее значении часто наблюдались изменения, например расширение или сужение, которые могли восприниматься билингвами как свидетельство плохого знания иностранного языка. И.А. Гончаров в письме, датированном 1877 г., оценивает употребление глагола *игнорировать* в значении, свойственном ему в современном русском языке («умышленно не замечать, не принимать во внимание» [36. С. 235]), как ошибочное, искажающее смысл французского слова: «Индиферентизм, прохождение молчанием, или *игнорирование* (**как уродливо понимают и употребляют теперь слово *ignorer***) есть одно из страшных оружий века» (П.А. Валуеву, 1877 г.) [37. С. 306]. Как «непозволительное» оценивает это слово и В.И. Даль во втором издании своего словаря [27. Т. 2. С. 6]. Вместе с тем материал НКРЯ свидетельствует об активном употреблении глагола именно в этом значении с 50-х гг. XIX в. Значение глагола в языке-источнике – «не знать» [20. С. 680], таким образом, в русском языке он пережил существенный сдвиг в семантике: появились дифференцирующие семы «не хотеть» (знать), «не замечать».

Письма позволяют уточнить период, на протяжении которого кальки-омонимы, появившиеся в результате поморфемного перевода европейских прототипов и совпавшие в звуковом облике и структуре с исконно русскими словами, воспринимались носителями элитарной речевой культуры как новые лексемы, не освоенные русским языком, представляющие в нем ограниченные территориально или чужеродные и не оправданные в употреблении элементы.

По наблюдениям В.В. Виноградова, в семантической структуре прилагательного *безразличный* под влиянием французского *indifferent*, которое по морфемной структуре совпало с русским словом (*in* – «без», *different* – «различный»), с начала XIX в. постепенно стали формироваться значения «равнодушный, безучастный», «не имеющий существенного значения» [38. С. 56]; исконные значения адъектива в русском языке – «неразличимый; одинаковый, равный». В одном из писем И.С. Тургенева содержится рефлексив, представляющий собой аксиологическое высказывание о засорении речи корреспондента иноязычными словами. Он показывает, что даже в середине XIX в. прилагательное *безразличный* во французском значении воспринималось как галлицизм, несвойственный лексико-семантической системе русского языка: «В этом последнем отрывке слог твой уже чересчур небрежен; галлицизмы самые вопиющие попадают на каждом шагу <...> Коленопреклоненно умоляю тебя: не употребляй слово: *безразличный*! Особенно в одном месте оно меня точно по щеке ударило» (А.И. Герцену, 1857 г.) [31. Т. 3. С. 182–183].

Комментарий писателя может свидетельствовать о степени освоенности кальки русским языком, распространенности какого-либо слова (значения). Глагол *выглядеть* в значении «иметь вид» являлся словообразовательной калькой с немецкого *aussehen* и стал использоваться в разговорной речи жителей Петербурга с 40-х гг. XIX в. [39. С. 170]. Хотя это слово достаточно активно употреблялось во второй половине XIX в. разными авторами,

нельзя считать, что оно вошло в систему литературного языка в этот период. В 1859 г. И.С. Тургенев подчеркивает его территориальную ограниченность, распространенность только в речи жителей Петербурга: «А здесь у нас проявились разные новые лица: г-жа Маркович <...> которая так **выглядит** (как говорят петербуржцы) – как будто не ведает, какою рукою берется за перо» (В.П. Боткину, 1859 г.) [31. Т. 4. С. 17]. Длительность вхождения слова в узус объяснялась наличием омонима в лексической системе русского языка, противоречием между словообразовательной структурой и новой семантикой глагола. В академическом словаре русского языка под редакцией Я.К. Грота подчеркивалось его несоответствие норме: «Часто встречающееся употребление гл. *выглядеть* в значении немецкого *aussehen* (иметь такой-то вид, смотреть тем-то) противно как духу русского языка, так и грамматике: *он выглядит*, как форма совершенного вида действ. гл., есть будущее время, а не настоящее, и однозначнее с выражением: *он высмотрит*, требующим дополнения в винит. падеже: *что он выглядит?*» [21. Т. 2. С. 606].

Оцениваться с точки зрения адаптации в русском языке может и семантическая калька. Глагол *улыбаться* под влиянием французского языка приобрел переносное значение «нравиться», ср. фр. *souffire* «усмехаться, улыбаться; благоприятствовать; нравиться». Такое употребление глагола в форме 3 л. ед. ч. встречается в НКРЯ с 40-х гг. XIX в., однако в письмах он сопровождается метаязыковыми замечаниями, свидетельствующими о том, что и в 60-х гг. это значение воспринималось как неосвоенное, чужое для русского языка: «Последние обстоятельства, а именно – отсутствие кринолина, мне **(опять говоря на французский лад) улыбается**» (И.С. Тургенев – Е.С. Кочубей. 1862 г.) [31. Т. 5. С. 56]; «Подстреливать куропаток и зайцев – единственное занятие, которое, **говоря по-французски – улыбается мне**» (И.С. Тургенев – Е.Е. Ламберт, 1863 г.) [31. Т. 5. С. 195].

Метаязыковой контекст позволяет выявить в языке-источнике первоначальную пренебрежительную коннотативную окраску и отрицательную оценочность слова, обусловленную негативной социальной оценкой референта и этимологией номинации. Французское существительное *богема* употребляется И.А. Гончаровым в качестве иноязычного вкрапления: «<> не решались бы соваться неучи, живущие со дня на день, перебивающиеся кое-как всем и, между прочим, легким, на их взгляд, и почти даровым хлебом от сценической трапезы, без всяких прав, то есть и без таланта и без всякого образования, составляя из себя тот безобразный слой в обществе, **который носит на Западе нелестное имя *bohême*, *cabotins* и т. п.!**» (П.Д. Боборыкину, 1876 г.) [29. Т. 8. С. 487–488].

Отрицательная оценочность, свойственная слову, была связана с отношением к тем слоям общества, которые им обозначались первоначально (*bohême* буквально – «цыганщина»): цыганам, ворам, клошарам – их объединяли презрение к общественным нормам, беспорядочный образ жизни и свобода [40. С. 44]. Существительное *богема* было заимствовано русским языком во второй половине XIX в. Оно получило распространение после

выхода в 1849 г. в Париже «Сцен из жизни богемы» А. Мюрже, который так назвал студентов Латинского квартала, и с тех пор слово *богема* стало обозначать «всякую интеллигентную бедноту, которая артистически весело и беззаботно переносит лишения и даже с некоторым презрением относится к благам земным» [41. Т. 4. С. 165]. К концу XIX в. слово приобретает в российском общественном сознании расширительный смысл и используется в значении «художественная элита» [42. С. 18].

Интерес представляют и контексты, в которых заимствованию адресантом письма дается не конвенциональная, а индивидуальная оценка, связанная с субъективными ассоциациями, опытом, ощущением неблагозвучности, мрачности слова. Так оценивает существительное *психоз*, заимствованное из французского языка в последней четверти XIX в., В.М. Гаршин: «Думаю, вопреки всем психиатрам, что умственный труд – правильный, конечно, – не способствует, а предотвращает развитие *"психоза"* – **есть же на свете такие скверные слова...**» (В.А. Фаусеку, 1881 г.) [15. С. 223].

Писатели неоднократно оценивали с точки зрения стилистической уместности использование иноязычной лексики в текстах писем или художественных произведений. И.С. Тургенев иноязычные слова, имевшие стилистическую окраску книжности и не совсем уместные в тексте дружеского письма, сопровождает метаязыковым замечанием *говоря по-русски*, чем выражает самоиронию по поводу употребления иностилевой лексики: «<...> это бы крайне меня обрадовало и *арранжировало*, **говоря по-русски**» (А.И. Герцену, 1861 г.; фр. *arranger* – «устроить») [31. Т. 4. С. 342]; «Вы мастер *резюмировать* данный момент эпохи (*говоря по-русски*)» (П.В. Анненкову, 1861 г.; фр. *résumer*) [31. Т. 4. С. 75].

Метаязыковые комментарии даются и относительно применения научной терминологии в литературном тексте. Первые примеры употребления существительного *бифуркация* в русском языке датируются 50-ми гг. XIX в. [43]. В словарях XIX в. это существительное фиксируется в качестве термина географии и анатомии: «раздвоение реки, горного хребта, кровеносного сосуда и пр.» [26. С. 73]. И.А. Гончаров подчеркивает невозможность использования этого слова в художественном произведении: «В заключение замечу мимоходом, что **в разговор вкралось, редко и мало впрочем, несколько книжных, малоупотребительных, порой странных (в романе) выражений** (*бифуркация самолюбия*, например)» (П.А. Валугу, 1877 г.) [37. С. 316–317].

Рефлексивы позволяют получить информацию и о прагматике русских лексических новообразований второй половины XIX в.: ассоциированности неологизма в общественном сознании с именем какого-либо конкретного писателя; конвенциональной оценочности неолексемы в рассматриваемый период; распространенности ее в определенных кругах, известности не всем носителям языка; стилистической маркированности.

В 80-е гг. XIX в. окончательно сложилось религиозно-философское учение Л.Н. Толстого. В одном из писем Н.С. Лесков употребил слово *толстовство*, выделил его кавычками, подчеркнув этим новизну понятия и

негативную коннотацию лексемы, которая объяснялась, прежде всего, отрицательным отношением к толстовству церкви и государственной власти: «О "Соборниках" говорите правду: они "Вам ближе". <...> **Но это небось называется "толстовство"**, а то, нимало не сходное с учением Христа, есть "православие"... Я и не спорю, когда его называют этим именем, но оно не христианство!» (Л.И. Веселитской, 1893 г.) [17. Т. 11. С. 529].

В этот же период в русском языке появилось слово *непротивление*, которое ассоциировалось в общественном сознании с Л. Толстым, его учением и изначально воспринималось как религиозно-философский термин. Принадлежность слова Л. Толстому В.М. Гаршин обозначает с помощью кавычек: «Защищать драму Толстого и признавать его благоглупости и особенно **"непротивление"** – две вещи совершенно разные <...> Очень любя Черткова, я в теоретических рассуждениях ни в чем с ним и с Т. не схожусь» (Е.М. Гаршину, 1887 г.) [15. С. 391].

Слова *злыхательный*, *злыхательство* и *злыхательствовать* укрепились в стилях газетно-публицистического языка 70–80-х гг. XIX в. [38. С. 203]. И.А. Гончаров маркирует кавычками существительное *злыхательство*, поскольку оно было образовано М.Е. Салтыковым-Щедриным, имело яркую экспрессивную окраску и ассоциировалось, по крайней мере, до конца века с их создателем¹: «Я все прихварываю – и по вечерам сижу дома, угрюмый, скучный, не только "без слез, без жизни, без любви", но и без всякой книги. Только что нюхаю табак, да предаюсь **"злыхательству"** – в этом и все мое развлечение» (М.М. Стасюлевичу, 1888 г.) [44. С. 206].

Известен факт наличия диахронических омонимов у слов *нигилист* и *нигилизм* в первой половине XIX в. как в русском, так и в иностранных языках. Слово *нигилист* было впервые отмечено во французском «Словаре неологизмов» Мерсье в 1801 г. со значением «крайний скептик». В немецком отвлеченное существительное *Nihilismus* появилось на рубеже конца XVIII – начала XIX в. и обозначало форму идеализма, в которой идея представляется абсолютным началом бытия и из нее выводится вся действительность. В русском языке слово *нигилист* впервые употребил Н.И. Надеждин в 1829 г., затем использовали Н. Полевой, В.Г. Белинский и другие авторы в разных значениях.

¹ Об этом свидетельствуют метаязыковые замечания, которыми сопровождалось слово до конца века. Например, Г.З. Елисеев в своих «Воспоминаниях» (1891) пишет: «При этом Некрасов был редактором самого распространенного и влиятельного в то время журнала. Этих двух атрибутов было вполне достаточно, чтобы зависть и, **как выражался Салтыков**, *злыхательство* постоянно носились около него, как около намеченной ими жертвы, которую им рано или поздно предназначено пожрать». Ср. также у Д.Н. Мамина-Сибиряка в романе «Ранние всходы» (1896): «А еще сколько мы с тобой недавно говорили о терпимости, об уважении к чужим убеждениям, о широком взгляде на жизнь и людей. И вдруг в твоих письмах какое-то *злыхательство*, **как говорит Щедрин**» (цит. по: [38. С. 203]).

«Вторая жизнь» началась у слов *нигилист* и *нигилизм* в русском языке после выхода в свет романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» в 1862 г. В.В. Виноградов писал, что «в русском языке лишь И.С. Тургенев, применив имя нигилиста к типической психологии шестидесятника, придал ему историческую устойчивость и могучую силу крылатого термина. Тургенев с полным правом мог считать себя создателем нового слова <...>» [38. С. 23]. Справедливость этих слов подтверждается указанием на И.С. Тургенева как на автора существительного *нигилист* в письме М.Е. Салтыкова-Щедрина. Это слово с 60-х гг. XIX в. прочно связывалось в сознании носителей языка с именем писателя: «**Какое, однако, слово Тургенев выдумал "нигилисты" – всякая собака им пользуется**» (П.В. Анненкову, 1875 г.) [45. Т. 18, кн. 2. С. 208].

Метаязыковые операторы могут выполнять социально-стратификационную функцию, указывая на принадлежность слова определенному социальному слою и сниженный стилистический характер лексемы. В одном из писем подчеркнуто наречие *огульно* и сопровождается метаязыковым замечанием *как говорится у нас* (подразумевается крестьянское просторечие)¹: «Петербург, как всякая столица, не подводится под один уровень: в нем есть много совершенно различных слоев; и те, которые осуждают его, **как говорится у нас – огульно** – только показывают тем, что они его не знают» (И.С. Тургенев – В.П. Боткину. 1862 г.) [31. Т. 5. С. 35]. Контекст показывает, что в семантике слова в 60-е гг. XIX в. наблюдался девиационный сдвиг: на базе значения «сплошь, подряд, без разбору» [27. Т. 2. С. 649] формируется новое – «безосновательно». Сам факт употребления такого слова в эпистолярном тексте писателя говорит о постепенном расширении сферы употребления наречия, переходе его в разряд разговорной общерусской лексики.

Кавычки при существительном *петровец* показывают, что слово было образовано и употреблялось в разговорной речи в студенческой среде (*петровец*, *Петровка* – номинации, связанные с Петровско-Разумовской земледельческой академией в Москве): «Я уже писал вам из Москвы о том, что заезжал туда. Я встретил по дороге одного окончившего **"петровца"**, который напомнил мне о товарищах и соблазнил заехать, в каковом моем поступке я не раскаиваюсь» (В.М. Гаршин – Е.С. Гаршиной, 1879 г.) [15. С. 192].

Сниженный стилистический оттенок лексического новообразования, его маргинальность в языковой системе могли осознаваться писателем в силу структурных особенностей слова, и это находило отражение в маркировании неолексемы кавычками. В одном из писем выделен разговорный глагол *популярничать*, который был образован от прилагательного *попу-*

¹ Ср. метаязыковое замечание А.Н. Энгельгардта: «Действительно, делать что-нибудь *сообща, огульно, как говорят крестьяне*, делать так, что работу каждого нельзя учесть в отдельности, противно крестьянам (А.Н. Энгельгардт. Письма из деревни (1872–1887 гг.). Письмо седьмое (1878)) [19].

лярный во второй половине XIX в. с помощью суффикса *-нича-*, имеющего разговорную окраску [46. С. 744]: «Не из желания "уловить момент" – или **"популярничать"** – взялся я за этот последний сюжет, который, впрочем, давно во мне вертелся; я сознавал, что жизнь бежит в эту сторону, я сделал набросок, я указал пальцем на настоящую дорогу» (И.С. Тургенев – А.М. Жемчужникову, 1877 г.) [31. Т. 15, кн. 2. С. 87].

Существительное *псих* было образовано, по-видимому, на базе словосочетания *психически больной (ненормальный) человек* путем усечения. Один из ранних примеров употребления универбата встречается в письме А.И. Герцена 1869 г. (первый контекст с ним в НКРЯ датируется 1890 г.). Слово относится к просторечной лексике и имеет коннотативную окраску фамильярности [47. Т. 3. С. 1058], что передано в эпистолярном тексте с помощью кавычек: «Я же сказал: "Такую тройку, в которой ты коренной, – стоит изучить". Протестую, что ты отнес и это к фонду и потому пристегнул Чернец<кого>. Я же говорил о **"психе"** – Баку(нине), Нечаеве – на пристяжке и о тебе в корню» (Н.П. Огареву, 1869 г.) [22. Т. 30, кн. 1. С. 144].

Таким образом, метаязыковые контексты в эпистолярной литературе позволяют судить о конвенциональных и индивидуальных оценках, которые получали неологизмы второй половины XIX в., об их стилистической и социальной маркированности. Лингвистическая компетентность русских писателей (свободное владение русским и иностранными языками, знание норм), принадлежность их текстов к элитарной речевой культуре позволяют считать письма важным источником изучения прагматических свойств новых слов.

3. Рефлексивы в письмах позволяют получить информацию **о семантических деривационных процессах в языке и речи**. Это касается как исконной, так и иноязычной лексики. С помощью метаязыковых маркеров может передаваться информация о появлении нового значения у какой-либо лексемы в языке (речи); об употреблении слова в индивидуально-авторском значении; о стилистической окрашенности значения, известности его в какой-либо социальной группе, кружке и т.д.

Сигналом формирования в семантической структуре слова переносного значения чаще всего служат кавычки. Этот метаоператор используется как для узуальных, так и для окказиональных значений и всегда свидетельствует о том, что новизна, метафоричность семантического деривата еще не стерлись, чувствовались автором письма. Н.С. Лесков в письме маркирует кавычками слово *картавить*, употребляя его в переносном значении «фальшивить, кривить» [48. Т. 2. С. 709]: «О Л. Толстом Вы судите правильно, и надо жалеть, что Вы этого не можете печатать, а печатать нельзя, потому что ясно говорить Вы не можете, а **"картавить"** – значит вредить себе и самому делу» (А.С. Суворину, 1887 г.) [17. Т. 11. С. 339].

Кавычки могут свидетельствовать об употреблении какого-либо научного термина в нетерминологическом значении. Существительное *потенциал* было заимствовано из немецкого или французского языка в конце XIX в. Оно получает отражение в словаре иностранных слов 1904 г. со значением термина физики [49. С. 452]. Переносное значение в качестве

семантического неологизма политической сферы впервые фиксируется в словаре под редакцией Д.Н. Ушакова (1939 г.): «2. *перен.* Совокупность средств, условий, необходимых для ведения, поддержания, сохранения чего-н. (нов. полит.)» [47. Т. 3. С. 652]. Однако одно из писем В.М. Гаршина, в котором слово *потенциал* заключено в кавычки, свидетельствует о формировании переносного значения уже в последней четверти XIX в.: «Литературные мои дела находятся в блестящем положении, если брать **”потенциал”**. Только пиши, а брать везде будут» (В.Н. Афанасьеву, 1878 г.) [15. С. 150]. Приведенный контекст, в котором имеется в виду творческий потенциал, свидетельствует о том, что переносное значение слова не было связано только с политической сферой. Ср. примеры употребления слова в новом значении в начале XX в.: *потенциал серии идей, чувств, волнений* (1907); *потенциалы нравственных и религиозных идей* (1912); *человечность как потенциал* (1912) [19].

Рефлексивы в письмах позволяют увидеть и противоположный процесс: формирование терминологического значения на базе первичного в семантической структуре слова. Примером может служить метаязыковой контекст, отражающий историю слова *символизм*. По данным НКРЯ и словарей, это существительное было заимствовано русским языком (фр. *symbolisme*) в середине XIX в. в общем, нетерминологическом значении «символическое значение, придаваемое чему-либо» [50. Т. 13. С. 811]. В конце XIX в., во время формирования символистского течения в литературе и искусстве, на базе этого значения формируется новое, терминологическое, связанное с отражением реальности в новом направлении: «изображение действительных явлений, мыслей, чувств и отвлеченных понятий в символах, т.е. в чувственных образах, условно принимаемых за то, что хотят ими выразить» [49. С. 354] (кроме того, формируется значение «символическое направление»). В.Г. Короленко в письме указывает на терминологизацию значения слова и ее недавний характер: «Символы – вещь вполне законная, но **почему-то выработался же термин ”символизм”**. Дело в том, что символ должен занимать свое место; когда же для символа искажается действительность, – когда он выступает на первый план, а остальное располагается согласно его сухой схеме, это и будет *символизм*, **в его современном значении**» (О.Э. Котылевой, 1900 г.) [18. Т. 10. С. 298].

Метаоператоры (кавычки, метаязыковые замечания) могут свидетельствовать о формировании нового оттенка в структуре переносного значения слова, об известности этого оттенка определенному кругу лиц и разговорной стилистической окраске. Глагол *kozyрять*, судя по материалу НКРЯ, с 40-х гг. XIX в. приобрел значение «хвастаться». В одном из писем И.С. Тургенева он употреблен с новым оттенком значения – «стараться произвести впечатление» («бить на эффект» [47. Т. 1. С. 1395]), с помощью которого охарактеризована художественная манера писателя: «Какая-то ложная струя проходит по всей повести, какая-то болезненная и самодовольная любовь к небывалым положениям, психологическим тонкостям и штучкам, глубоким и оригинальным натурам и т.д. Первая половина

«Я<кова> Я<ковлича> недурна – в ней заметен юмор – хотя и тут автор **”козыряет”**; **а мы знаем, что значит это слово**» (Н.А. Некрасову и И.И. Панаеву, 1852 г.) [31. Т. 2. С. 167].

Эпистолярные тексты – ценный источник изучения такого пути неологизации лексической системы, как семантическая деривация. Вторичное использование языковых знаков было связано с как с внутриязыковой тенденцией к экспрессивности, так и с процессом заимствования, который служил стимулом для вербализации или трансноминации различных концептов. Дискурсивные маркеры в письмах русских литераторов позволяют определить время появления неосемем и проанализировать специфику отражения в метаязыковом сознании изменений в семантической структуре лексем.

4. Метаязыковые контексты дают сведения *о словообразовательной структуре и семантике лексических новообразований* второй половины XIX в.

На первом этапе употребления русского лексического неологизма его значение могло быть диффузным, четко не определенным. Это наблюдается в тех случаях, когда в производном слове закреплялись ассоциативные семы, связанные с именем литературного персонажа, исторического деятеля и т.п. Спектр этих ассоциаций мог варьироваться до тех пор, пока узусальное значение слова не закреплялось в языке. Слово *хлестаковщина*, по данным НКРЯ, начало употребляться в русском языке с 60-х гг. XIX в. И.А. Гончаров в письме 1860 г. поясняет, что он понимает под этой неолексемой: «Вот отчего это так бесит меня иногда, хотя сознаюсь, что надо бы все это сделать иначе, то есть не доверять бархатной мягкости, в которую иногда одевается пустота, *хлестаковщина*, **наружная, умильная простота, добродушие и скрытое, систематическое плутовство**» (С.А. Никитенко, 1860 г.)¹ [29. Т. 8. С. 344]. В узусе же со временем закрепилось значение, содержащее противоположную сему, ср.: «**наглое, лживо-легкомысленное хвастовство**» [47. Т. 4. С. 1153].

Метаязыковой контекст может давать информацию о лексеме, которая не получила отражения в словарях и НКРЯ, но употреблялась в речи в какой-то конкретный период. Письмо И.С. Тургенева свидетельствует о распространенности в речи слова *вспышечница* в 70-е гг. XIX в. В рефлексиве писателя слово выделено кавычками, что свидетельствует о его новизне и разговорной окраске; указано мотивирующее слово – *вспышка* и пояснено значение неологизма: «Что же касается до г-жи Кулишевой Елены – коей настоящее имя Анна Михайловна Макаревич – то // это молодая, недурная, очень ограниченная и очень бойкая бакунистка – или, **как говорят теперь, ”вспышечница”** (от слова: **”вспышка”**) – проповедующая, что не надо учить, а подымать и зажигать народ и т.д». (П.В. Анненкову, 1878 г.) [31. Т. 16, кн. 1. С. 99–100].

¹ Ср. пример, приведенный в словаре Д.Н. Ушакова: «Он весь ушел... в глупую, смешную рисовку, в *хлестаковщину* самого последнего сорта» (Д.Н. Боборыкин) (подчеркнуто нами. – Ю.З.) [47. Т. 4. С. 1153].

Указание на мотивирующее слово встречается и в отношении неузualных лексем. Л.Н. Толстой в письме к брату С.Н. Толстому называет оным *Лир* в качестве производящего слова к образованному отвлеченному существительному *лирство*, под которым писатель подразумевал участь короля Лира – раздор с дочерьми: «Ты, кажется, несешь свое *Лирство* (**Король Лир**) мужественно» (Гр. С.Н. Толстому, 1899 г.) [13. Т. 72. С. 242].

Выводы. Метаязыковой макропараметр очень важен в исследовании неологии второй половины XIX в. Рефлексивы являются ярким показателем новизны слова, его неосвоенности системой языка и содержат ценные данные, позволяющие судить о времени появления, степени адаптации слова (значения), его восприятии носителями языка, мотивационных связях и др.

1. При установлении неологического статуса нового слова (значения) в языке / речи, хронологизации его употребления необходимо учитывать прямые и косвенные метаязыковые показатели. К прямым относится указание на то, что адресант письма слышит слово *впервые*, а также *временной конкретизатор* (наречие со значением времени). К косвенным принадлежат *кавычки*, которые говорят о новизне, непривычности лексемы и / или возможности ее употребления только по отношению к заграничным реалиям; различные *приемы глоссирования* слова: пояснительные конструкции (с союзом *то есть* или без него) на русском или иностранном языке, надстрочные и внутривстрочные вставки в виде единичных лексем-синонимов, авторский перевод иноязычного слова при помощи окказионализма, конструкции, в которых конкретизируется значение неологизма; *указание на язык-донор* (его носителей). Иноязычное вкрапление, выполняющее функцию конкретизатора семантики русского слова, может быть использовано для относительной хронологизации заимствования: не ранее даты употребления иноязычной лексемы в качестве вкрапления, поясняющего значение исконной лексемы.

2. Эпистолярные тексты позволяют судить об имплицитных рациональных (нормативных), а также эксплицитных эстетических, эмоциональных оценках, которые русские писатели давали неологическим единицам с точки зрения адекватности значения иноязычного неологизма его семантике в языке-доноре; соответствия структуры и семантики словообразовательной кальки законам русской лексической, морфологической и словообразовательной системы; стилистической уместности неологизма в эпистолярных и художественных произведениях; правильности его употребления в контексте. Метаязыковые контексты дают сведения о территориальной или социальной ограниченности употребления лексемы; ее маркированности как «чужой» единицы; конвенциональной или индивидуальной оценке нового слова.

3. Рефлексивы в письмах служат ценным источником для изучения таких деривационных процессов, как метафоризация значения; его терминологизация или детерминологизация и появлении у слова окказионального значения; формирование в речи оттенка значения.

4. Метаязыковые контексты дают возможность проследить процесс формирования узуального значения русского лексического неологизма; обнаружить лексемы, не нашедшие отражения в других источниках; определить значение и словообразовательную структуру единиц, которые использовались в разговорной речи или были индивидуально-авторскими.

Список источников

1. Курьянович А.В. Функциональные возможности эпистолярного дискурса как особой формы межличностной коммуникации // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2009. Вып. 9 (87). С. 146–150.
2. Трикоз Э.Л. Обыденная метаязыковая рефлексия носителя русского языка второй половины XIX в. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Вологда, 2010. 22 с.
3. Шумарина М.Р. Язык в зеркале художественного текста: (Метаязыковая рефлексия в произведениях русской прозы). М. : ФЛИНТА-Наука, 2011. 328 с.
4. Ростова А.Н. Метатекст как форма экспликации языкового сознания (на материале русских говоров Сибири) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2000. 40 с.
5. Венрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2005. 384 с.
6. Трикоз Э.Л. Метаязыковые высказывания как стимул освоения лексических новаций в русском языке второй половины XIX века // Русский язык XIX века: динамика языковых процессов / отв. ред. В.Н. Калиновская. СПб., 2008. С. 285–289.
7. Касьянова Л.Ю. Когнитивно-дискурсивные проблемы неологизации в русском языке конца XX – начала XXI века : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Астрахань, 2009. 47 с.
8. Шмелева Т.В. Языковая рефлексия // Эффективное речевое общение (базовые компоненты): слов.-справ. / Электронное изд. под ред. А.П. Сковородникова. 2-е изд., перераб. и доп. Красноярск, 2014. С. 800.
9. Шумарина М.Р. Метаязыковая рефлексия в фольклорном и литературном тексте : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. 47 с.
10. Козлова Е.Е. Заимствования как объект метаязыковой рефлексии рядовых носителей русского литературного языка (начало XXI века) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2012. 26 с.
11. Захарова Ю.Г. Метаязыковая рефлексия в письмах русских писателей XIX в. // Русский язык в школе. 2017. № 7. С. 54–58.
12. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Письма : в 12 т. Т. 1–9. М. : Наука, 1974–1980.
13. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. Письма. Т. 59–72, 83–88. М. : Худож. лит., 1935–1957.
14. Никитина О.А. О способах дискурсивной индикации неологизмов на стадии узуализации // Неология и неография: современное состояние и перспективы (к 50-летию научного направления) : сб. науч. ст. / отв. ред. Т. Н. Буцева. СПб., 2016. С. 163–167.
15. Гаршин В.М. Письма. Л. : Academia, 1934. 616 с.
16. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. 3-е изд., стер. М. : Рус. яз., 1999.
17. Лесков Н.С. Собрание сочинений : в 11 т. Т. 10–11. М. : Худож. лит., 1958.
18. Короленко В.Г. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 10 : Письма. 1879–1921. М. : Гослитиздат, 1956. 717 с.
19. Национальный корпус русского языка (НКРЯ). URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 03.12.2021).

20. Макаров Н.П. Полный французско-русский словарь. По изданию 1884 г. М. : АСТ-Астрель, 2004. 1309 с.
21. Словарь русского языка, составленный Вторым отделением императорской Академии наук. Т. 1–4. СПб., 1891–1916.
22. Герцен А.И. Собрание сочинений : в 30 т. Т. 23–30. Письма. М. : Наука, 1961–1965.
23. Полный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / Е.П. Печаткин (изд.). СПб., 1861. 574 с.
24. Бурдон И.Ф., Михельсон А.Д. Словотолкователь 30 000 иностранных слов, вошедших в состав русского языка, с объяснением их корней. 3-е изд., испр. М., 1871. 608 с.
25. Новый словотолкователь. 53 000 иностранных слов, вошедших в русский язык / под ред. Лучинского. М., 1879. 910 с.
26. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / сост. по Энциклопедическому словарю Ф. Павленкова. СПб., 1900. 714 с.
27. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. 2-е изд. М. : Рус. яз., 1998.
28. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Т. 28–30. Письма. Л. : Наука, 1985–1988.
29. Гончаров И.А. Полное собрание сочинений и писем : в 8 т. Т. 8. М. : ГИХЛ, 1955.
30. Чудинов А.Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / В.И. Губинский (изд.). 1-е изд. СПб., 1894. 989 с.
31. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Письма : в 18 т. Т. 2–16. 2-е изд., испр. и доп. М. : Наука, 1987–2003.
32. Касьянова Л.Ю. Коннотативно-прагматическое содержание неологизма // Известия государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. Т. 7. № 28. С. 36–49.
33. Заботкина В.И. Семантика и прагматика нового слова (на материале английского языка) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1991. 51 с.
34. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М. : Наука, 1988. 339 с.
35. Горло Е.А. К вопросу о лексических прагматических маркерах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 7 (25). С. 75–77.
36. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М. : Азбуковник, 1997. 944 с.
37. Гончаров И.А. Литературно-критические статьи и письма. Л. : Гослитиздат, 1938. 404 с.
38. Виноградов В.В. История слов. М. : Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, 1999. 1138 с.
39. Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90-е годы XIX в. М. ; Л. : Наука, 1965. 565 с.
40. Султанова А.Н. Происхождение понятия «богема» // Дискуссия. 2011. № 2, 3 (11). С. 44–46.
41. Энциклопедический словарь / изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1890–1907.
42. Султанова А.Н. Социокультурный феномен богемы : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2013. 25 с.
43. Епишкин Н.И. Исторический словарь галлицизмов русского языка. М. : ЭТС, 2010. 5140 с. URL: <http://gallicismes.academic.ru/> (дата обращения: 03.12.2021).
44. Стасюлевич и его современники в их переписке / под ред. М.К. Лемке. СПб., 1912. Т. 4. 519 с.
45. Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений : в 20 т. Т. 18–20. Письма. М. : Худ. лит., 1965–1977.

46. Лопатин В.В., Удуханов И.С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М. : Азбуковник, 2016. 812 с.
47. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М. : Сов. энцикл. : ОГИЗ, 1935–1940.
48. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. 1-е изд. М., 1863–1866.
49. Попов М. Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке. М., 1904. 458 с.
50. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. М. ; Л. : Наука, 1950–1965.

References

1. Kur'yanovich, A.V. (2009) Funktsional'nye vozmozhnosti epistolyarnogo diskursa kak osoboy formy mezhlichnostnoy kommunikatsii [Functionality of epistolary discourse as a special form of interpersonal communication]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 9 (87). pp. 146–150.
2. Trikoz, E.L. (2010) *Obydannaya metazykovaya refleksiya nositelya russkogo yazyka vtoroy poloviny XIX v.* [Ordinary metalinguistic reflection of a native speaker of the Russian language in the second half of the 19th century]. Abstract of Philology Cand. Diss. Vologda.
3. Shumarina, M.R. (2011) *Yazyk v zerkale khudozhestvennogo teksta (Metazykovaya refleksiya v proizvedeniyakh russkoy prozy)* [Language in the Mirror of a Literary Text (Metalinguistic reflection in works of Russian prose)]. Moscow: FLINTA-Nauka.
4. Rostova, A.N. (2000) *Metatekst kak forma eksplikatsii yazykovogo soznaniya (na materiale russkikh govorov Sibiri)* [Metatext as a form of explication of linguistic consciousness (on the material of Russian dialects of Siberia)]. Abstract of Philology Dr. Diss. Tomsk.
5. Vepreva, I.T. (2005) *Yazykovaya refleksiya v postsovetскую epokhu* [Linguistic Reflection in the Post-Soviet Era]. Moscow: OLMA-PRESS.
6. Trikoz, E.L. (2008) *Metazykovyye vyskazyvaniya kak stimul osvoeniya leksicheskikh novatsiy v russkom yazyke vtoroy poloviny XIX veka* [Metalinguistic statements as a stimulus for the development of lexical innovations in the Russian language of the second half of the 19th century]. In: Kalinovskaya, V.N. (ed.) *Russkiy yazyk XIX veka: dinamika yazykovykh protsessov* [The Russian Language of the 19th Century: Dynamics of language processes]. Saint Petersburg: Nauka. pp. 285–289.
7. Kas'yanova, L.Yu. (2009) *Kognitivno-diskursivnye problemy neologizatsii v russkom yazyke kontsa XX – nachala XXI veka* [Cognitive-discursive problems of neologization in the Russian language of the late 20th – early 21st centuries]. Abstract of Philology Dr. Diss. Astrakhan.
8. Shmeleva, T.V. (2014) *Yazykovaya refleksiya* [Language reflection]. In: Skovorodnikov, A.P. (ed.) *Effektivnoe rechevoe obshchenie (bazovye komponenty)* [Effective Verbal Communication (basic components)]. Electronic edition. 2nd ed. Krasnoyarsk: Siberian Federal University.
9. Shumarina, M.R. (2011) *Metazykovaya refleksiya v fol'klornom i literaturnom tekste* [Metalinguistic reflection in folklore and literary text]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.
10. Kozlova, E.E. (2012) *Zaimstvovaniya kak ob'ekt metazykovoy refleksii ryadovykh nositeley russkogo literaturnogo yazyka (nachalo XXI veka)* [Borrowings as an object of metalinguistic reflection of ordinary speakers of the Russian literary language (beginning of the 21st century)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.

11. Zakharova, Yu.G. (2017) Metazykovaya refleksiya v pis'makh russkikh pisateley XIX v. [Metalinguistic reflection in the letters of Russian writers of the 19th century]. *Russkiy yazyk v shkole*. 7. pp. 54–58.
12. Chekhov, A.P. (1974–1980) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]; *Pis'ma* [Letters]. Vols 1–9. Moscow: Nauka.
13. Tolstoy, L.N. (1935–1957) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vols 59–72. *Pis'ma* [Letters]. Vols 83–88. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
14. Nikitina, O.A. (2016) O sposobakh diskursivnoy indikatsii neologizmov na stadii uzualizatsii [On the methods of discursive indication of neologisms at the stage of usage]. In: Butseva, T.N. (ed.) *Neologiya i neografiya: sovremennoe sostoyanie i perspektivy* [Neology and Neography: Current state and prospects] Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 163–167.
15. Garshin, V.M. (1934) *Pis'ma* [Letters]. Leningrad: Academia.
16. Chernykh, P.Ya. (1999) *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Historical and Etymological dictionary of the Modern Russian Language]. 3rd ed. Moscow: Russkiy yazyk.
17. Leskov, N.S. (1958) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vols 10–11. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
18. Korolenko, V.G. (1956) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 10. Moscow: Goslitizdat.
19. *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka (NKRYa)* [Russian National Corpus]. [Online] Available from: <http://www.ruscorpora.ru/>. (Accessed: 03.12.2021).
20. Makarov, N.P. (2004) *Polnyy frantsuzsko-russkiy slovar'. Po izdaniyu 1884 g.* [Complete French-Russian Dictionary. According to the edition of 1884]. Moscow: AST-Astrel'.
21. Grot, Ya.K. (ed.) (1891–1916) *Slovar' russkogo yazyka, sostavlennyy Vtorym otdeleniem imperatorskoy Akademii nauk* [Dictionary of the Russian Language, compiled by the Second Department of the Imperial Academy of Sciences]. Vols. 1–4. Saint Petersburg: Tip. Imperatorskoy akademii nauk.
22. Gertsen, A.I. (1961–1965) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. *Pis'ma* [Letters]. Vols 23–30. Moscow: Nauka.
23. Pechatkin, E.P. (ed.) (1861) *Polnyy slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v sostav russkogo yazyka* [A Complete Dictionary of Foreign Words Included in the Russian Language]. Saint Petersburg: Tip. K. Vul'fa.
24. Burdon, I.F. & Mikhel'son, A.D. (1871) *Slovotolkovatel' 30000 inostrannykh slov, voshedshikh v sostav russkogo yazyka, s ob'yasneniem ikh korney* [Interpreter of 30,000 Foreign Words Included in the Russian Language, with an Explanation of Their Roots]. 3rd ed. Moscow: Tip. Bakhmeteva.
25. Luchinskiy. (ed.) (1879) *Novyy slovotolkovatel'. 53000 inostrannykh slov, voshedshikh v russkiy yazyk* [New Word Interpreter. 53,000 foreign words included in the Russian language]. Moscow: Tip. F. Ioganson.
26. Pavlenkov, F.F. (1900) *Slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v sostav russkogo yazyka. Sostavlennyy po Entsiklopedicheskomu slovaryu F. Pavlenkova* [Dictionary of Foreign Words Included in the Russian Language. Compiled according to the Encyclopedic Dictionary of F. Pavlenkov]. Saint Petersburg: Tip. Yu.N. Erlikh.
27. Dal', V.I. (1998) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. 2nd ed. Moscow: Russkiy yazyk.
28. Dostoevskiy, F.M. (1985–1988) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. *Pis'ma* [Letters]. Vols 28–30. Leningrad: Nauka.
29. Goncharov, I.A. (1955) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]. Vol. 8. Moscow: GIKhL.
30. Chudinov, A.N. (1894) *Slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v sostav russkogo yazyka* [Dictionary of foreign Words Included in the Russian Language]. 1st ed. Saint Petersburg: Tip. S.N. Khudekova.

31. Turgenev, I.S. (1987–2003) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]. *Pis'ma* [Letters]. Vols 2–16. 2nd ed. Moscow: Nauka.
32. Kas'yanova, L.Yu. (2007) Konnotativno-pragmatischeskoe sodержanie neologizma [Connotative-pragmatic content of neologism]. *Izvestiya gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*. 28 (7). pp. 36–49.
33. Zabotkina, V.I. (1991) *Semantika i pragmatika novogo slova (na materiale angliyskogo yazyka)* [Semantics and pragmatics of a new word (on the material of the English language)]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.
34. Arutyunova, N.D. (1988) *Tipy yazykovykh znacheniy. Otsenka. Sobytie. Fakt* [Types of Language Values. Assessment. Event. Fact]. Moscow: Nauka.
35. Gorlo, E.A. (2013) K voprosu o leksicheskikh pragmaticheskikh markerakh [On the issue of lexical pragmatic markers]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 7 (25). pp. 75–77.
36. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (1997) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Azbukovnik.
37. Goncharov, I.A. (1938) *Literaturno-kriticheskie stat'i i pis'ma* [Literary-Critical Articles and Letters]. Leningrad: Goslitizdat.
38. Vinogradov, V.V. (1999) *Istoriya slov* [History of Words]. Moscow: Russian Language Institute RAS.
39. Sorokin, Yu.S. (1965) *Razvitie slovarnogo sostava russkogo literaturnogo yazyka. 30-e–90-e gody XIX v* [Development of the Vocabulary of the Russian Literary Language. 1830s – 1890s]. Moscow; Leningrad: Nauka.
40. Sultanova, A.N. (2011) Proiskhozhdenie ponyatiya “bogema” [The origin of the concept of “bohemian”]. *Diskussiya*. 2, 3 (11). pp. 44–46.
41. Brokgauz, F.A. & Efron, I.A. (eds) (1890–1907) *Entsiklopedicheskiy slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. Saint Petersburg: Tipografiya Aktsionernogo obshchestva Brokgauz-Efron.
42. Sultanova, A.N. (2013) *Sotsiokul'turnyy fenomen bogemy* [Sociocultural phenomenon of bohemianism]. Abstract of Philology Cand. Diss. Rostov-on-Don.
43. Epishkin, N.I. (2010) *Istoricheskiy slovar' gallitsizmov russkogo yazyka* [Historical Dictionary of Gallicisms of the Russian Language]. Moscow: ETS. [Online] Available from: <http://gallicismes.academic.ru/>. (Accessed: 03.12.2021).
44. Lemke, M.K. (ed.) (1912) *Stasyulevich i ego sovremenniki v ikh perepiske* [Stasyulevich and His Contemporaries in Their Correspondence]. Vol. 4. Saint Petersburg: Tipografiya M. Stasyulevicha.
45. Saltykov-Shchedrin, M.E. (1965–1977) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. *Pis'ma* [Letters]. Vols 18–20. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
46. Lopatin, V.V. & Ulukhanov, I.S. (2016) *Slovar' slovoobrazovatel'nykh affiksov sovremennogo russkogo yazyka* [Dictionary of Word-Building Affixes of the Modern Russian Language]. Moscow: Azbukovnik.
47. Ushakov, D.N. (ed.) (1935–1940) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Sov. Entsikl.: OGIZ.
48. Dal', V.I. (1863–1866) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. 1st ed. Moscow: Tip. A. Semena.
49. Popov, M. (1904) *Polnyy slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v upotreblenie v russkom yazyke* [A Complete Dictionary of Foreign Words that Have Come into Use in the Russian Language]. Moscow: Tipografiya tovarishchestva I. D. Sytina.
50. Chernyshev, V.I. (ed.) (1950–1965) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of the Modern Russian Literary Language]. Moscow; Leningrad: Nauka.

Информация об авторе:

Захарова Ю.Г. – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и издательского дела Педагогического института Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск, Россия). E-mail: zug1977@inbox.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Yu.G. Zakharova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Pacific State University (Khabarovsk, Russian Federation). E-mail: zug1977@inbox.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 13.12.2021;
одобрена после рецензирования 07.09.2022; принята к публикации 13.03.2023.*

*The article was submitted 13.12.2021;
approved after reviewing 07.09.2022; accepted for publication 13.03.2023.*

Научная статья

УДК 811.161.1

doi: 10.17223/19986645/82/5

Структура лексико-семантического поля «Польза» в диалектах русского языка

Лю Яньчунь

¹ *Даляньский университет иностранных языков, Далянь, Китай, liuyanchun@mail.ru*

Аннотация. Рассматривается лексико-семантическое поле «Польза» с точки зрения структуры в диалектах русского языка. На основе лексикографических источников определен состав лексико-семантического поля. Результатом исследования стал вывод, что поле сохраняет на уровне лексики следы общего развития представления о полезном, связанного в раннем и неразвитом в ценностном отношении сознании с удовлетворением жизненных потребностей и с общим (общественным) интересом, и отражает усложнение понятия о пользе, полезном под влиянием церковнославянского видения: актуализация пользы как полезно-го для души и тела, для здоровья, его поддержания.

Ключевые слова: утилитарная оценка, понятие «польза», лексико-семантическое поле, диалектная лексика, русский язык

Источник финансирования: Публикация подготовлена при поддержке Фундаментального научно-исследовательского проекта Управления образования провинции Ляонин LJKQR2021054 (本论文为2021年辽宁省教育厅基本科研项目 (LJKQR2021054) 阶段性研究成果).

Для цитирования: Лю Я. Структура лексико-семантического поля «Польза» в диалектах русского языка // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 82. С. 89–102. doi: 10.17223/19986645/82/5

Original article

doi: 10.17223/19986645/82/5

The structure of the lexical-semantic field “Benefit” in the dialects of the Russian language

Liu Yanchun

¹ *Dalian University of Foreign Languages, Dalian, China, liuyanchun@mail.ru*

Abstract. This article discusses the lexical-semantic field “Benefit” from the point of view of structure in the dialects of the Russian language. Based on lexicographic sources (Dictionary of Russian Dialects, 52 issues), the composition of the lexico-semantic field was determined. The analysis revealed the core of the field – the lexemes *benefit/behoof* and *suitability/pleasure/fit*, the near-nuclear zone – *gain* and the ability to distinguish two subfields in terms of the expressed evaluation: “Benefit/contributing to benefit, positive result” and “Benefit/gain”. The result of the study

showed the following. Firstly, the segmentation of the first subfield (“Useful as something suitable for the subject”, “Useful as something contributing, helping”, “Useful as something healing, curing”) reflects the interaction of the lexico-semantic field “Benefit” with the lexical fields “(something) Suitable”, “Assistance/help”, “Treatment”. The lexico-semantic field “Assistance/help” also intersects with the field “Profit”. The subfield “Benefit/gain” is difficult to divide into segments, it closely interacts with the lexico-semantic field “Profit”. Secondly, the dialects retain a trace of the general development of the idea of the useful, associated in the early and value-undeveloped consciousness with the satisfaction of vital needs and with a general (public) interest, with the idea of the useful as essential, necessary for the physical existence of a person (compare the derivatives *god(n)-*, *dob(n)-*, *gain* in the center of the field; *possessions*, *feeding*, etc. in the near periphery). Thirdly, the structure of the dialect field “Benefit” reflected the complication of the concept of benefit, useful under the influence of the Church Slavonic vision: the actualization of benefit as useful for the soul and body, for health, its maintenance, “correction”. This affected the composition of the lexemes of the center of the field, which included derivatives of *polg/polz-* with the meaning “to heal”, and the establishment of close interaction of the lexico-semantic field “Benefit” with the lexico-semantic field “Treatment/healing” (*treat in a quack way*, *correct*, *cure*, etc.). Fourthly, the analysis of the lexico-semantic field “Benefit” in dialects shows the complication of the concept of the benefit of the new time from the point of view of evaluation, associated with the increasing discrepancy between personal and general (public) interests (the basis for the allocation of subfields of the lexico-semantic field). But among dialect speakers, this restructuring of values associated with changes in social, industrial relations is still poorly expressed, retains echoes of community consciousness, which is evident when comparing the semantic structure of the word *greed*, its derivatives and, in general, in the semantics of most of the vocabulary of the second subfield, associated with the designation of material benefits, avail, profits, and bearing a positive evaluation.

Keywords: utilitarian evaluation, concept “benefit”, lexico-semantic field, dialect lexicon, Russian language

Financial support: This research is supported by Basic Scientific Research Project of Liaoning Provincial Department of Education of China LJKQR2021054.

For citation: Liu, Y. (2023) The structure of the lexical-semantic field “Benefit” in the dialects of the Russian language. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 82. pp. 89–102. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/82/5

Польза – ценностное понятие, отражающее положительное значение предметов и явлений в их отношении к интересам субъекта (индивидуального или коллективного). Как правило, польза связывается с богатством, властью, наслаждением, здоровьем, навыками и умениями, трудом. При конфликте интересов, личного и общего, коллективного, представление о пользе трансформируется в понятие «выгода / корысть», меняет положительную оценку на отрицательную.

В данной статье проанализируем структуру лексико-семантического поля (ЛСП) «Польза» в диалектах русского языка, чтобы выявить значение понятия «польза», ее особенности в сознании носителей народного языка – диалектов. Методика анализа включает метод (прием) сплошной выборки материала (лексики, связанной с понятием «польза») из Словаря русских

народных говоров (СРНГ; 52 выпуска) на основе дефиниционного анализа. В результате формируется структура лексико-семантического поля в зависимости от того, с какими аспектами понятия «польза» связана семантика анализируемой лексики. ЛСП «Польза» представлено достаточно большим количеством (около 500) лексем, прямым или переносным значением выражающих понятие «польза». Языковое выражение понятия «польза» привлекало внимание лингвистов в разных аспектах [1–4], привлекало оно и наше внимание [5], но на материале диалектов русского языка не рассматривалось.

Наиболее широко представленными и полно выражающими понятие «польза» в диалектах оказались лексемы *польга*, *пользя* и производные от *годный* – *пригода*, *угода* / *угодь*, *сгода*.

Диал. *польга* ‘польза’ представлено во всех диалектных зонах (*Грамоту господь узаконил добрым людям на польг. Польги в том нет никакой*; арх., сев.-двин., беломор., печор., новг., волог., костром., яросл., влад., нижегор., вят., сев.-зап., пск., твер., казан., куйбыш., орл., тул., перм., урал., тобол., том., алт., енис., иркут., якут.). Известно это слово в диалектах и в значении ‘выгода, прибыль’ (*От этого товару мало мне польгу*; вят., 1848, новг., север., вост.), и в значении ‘облегчение (в болезни), выздоровление’ (*Дело на польгу пошло. Сколь лечили, а польги нет*. волог., 1847, арх., яросл., влад., перм., куйбыш., енис.). Тот же спектр значений фиксируют варианты: *польза* ‘медицинская помощь, лечение’ (смол. *пользу дать* ‘помочь в лечении; помочь роженице’), *пользя* ‘облегчение (в болезни), выздоровление’ (влад., новг., нижегор., р. Урал., свердл.), ‘выгода, прибыль; барыш (р. Урал.)’, *пользение*, *пользня* ‘польза, исцеление’ (смол.), *пользия* ‘польза; корысть’ (перм.), *пользовитый* ‘полезный’ (юго-вост. кубан.), *пользить* ‘иметь пользу, прибыль с чего-л.’ (сиб.) и др. [6. С. 180–181].

Производные *польг-* / *польз-* являются наследием церковнославянского языка, заимствованием из старославянского языка. Создатели старославянского языка осмыслили и выразили в языке более сложное, назревшее для Средних веков понимание пользы, актуализировав наряду с физическим нравственный аспект существования человека («полезное» – это «нечто благоприятное, дающее облегчение / исцеление / здоровье (души и тела)») и выразив это словом *польза* (внутренняя форма слова *польза* – «облегчение / исцеление (души и тела)» [7. С. 54–55]). Это усложнение понятия хорошо вписалось в представление о мире и человеке в нем носителей русского языка, представленного его диалектами, что наглядно показывает наличие собственно древнерусского наследия в ядре ЛСП – производных *год(ьн)-*.

Производные от *годный* / *годить*–*пригода*, *угода* / *угодь*, *сгода*, *погодный* (и их производные) также отмечены в разных диалектных зонах, но более всего в северных диалектах: *пригода* ‘польза, пригодность’ (Слов. Акад. 1822, 1847; *Быть (стать) в пригоде* ‘быть (стать) полезным’ – *Батюшки! Не бейте! – просится баба яга, я вам сама в пригоде буду что хотите, все вам достану*. Афанасьев), *пригодный* ‘необходимый, нужный’

(арх.), 'полезный, целебный' (волог.), 'способный к чему-л.' (арх.), *пригожий* 'годный, подходящий' (Слов. Акад. 1847. *Пригожая и для старух, и для молодых* [целебная трава]; арх., твер.), *пригожаться, пригодиться* 'быть годным, пригодным для кого-, чего-л.' (Даль; пск., смол.) и др. [8. С. 165–166]; *сгода* 'надобность необходимость; пригодность' (Даль; арх.), *сгодный* 'пригодный; полезный; хороший' (Даль; олон., новг. *Сгодная ягода, сгодные травы* 'лекарственные травы' [какие?]), *сгодить* 'пригодиться' (волог.), *сгожаться* 'оказываться годным, полезным' (Даль) [9. С. 27–29]; *угода, угоды* 'то, что полезно, удобно, приятно для кого-л.' (Даль; арх., волог., новг., костр., нижегор.), 'выгода, прибыль' (костр.), *угодые* 'удобство, о чем-л. приятном, пришедшемся по душе кому-л.' (север, олон., арх., новг., костр., самар., перм., урал., тобол., том.), 'лекарство, снадобье' (волог.), 'о чем-л. находящемся в постоянном употреблении' (арх., тобол.), *угожий* 'пригодный для использования, удобный для чего-л.' (Слов. Акад. 1822. дон., 1800), 'полезный, нужный кому-л.' (Даль, смол., твер., оренб., забайк.), 'целебный' (о воде в колодце; яросл.) [10. С. 212–218]; *погодный* 'подходящий; годный, пригодный' (*Эта кадка для капусты не будет погодна*; влад.), *погодиться* 'оказаться нужным, пригодиться' (волог., 1897. *Погодился мне, Самсону, крест на ворота...*; арх., костром., влад., новосиб., тобол.) [11. С. 299–300].

В диалектах сохранились и бесприставочные однокорневые образования: *годня* 'все то, что годно для чего-либо' (волог., Даль), *годье* 'то, что годно, годится для чего-либо' (арх., Даль), *гожий, годящий* 'годный, пригодный' (сев.-двин., олон., арх., новг., волог., пск., перм., тамб., сарат., самар., курск., орл., тул., калуж.) [10. С. 270, 275, 277]. Эта лексика восходит к слав. *goditi, *godъ с исходной семантикой 'быть подходящим, (подходящее) время, случай'. Приставочно-суффиксальные производные способствовали расчлененности исходно общей положительной оценки производящей лексики, в результате чего производные от *god-, *god-ьп- в славянских языках могут выражать положительную общую, утилитарную, этическую, эстетическую оценки [12. С. 41–53]. Функционально-семантически слав. *god-ьп близко слав. *dob-гъ (*'подходящий / соответствующий' – общепринятая реконструкция значения) [12. С. 50], ср. сохранившийся спектр значений у производных с корнем *доб-* в диалектах: диал. *удобный* – 'хороший' (о погоде; карел.), 'плодородный' (о земле; моск.), 'крепкий, богатый' (о хозяйстве; ленингр.), 'полезный' (о пище; морд.), 'красивый, миловидный, приятный' (о человеке; пенз., морд.), 'вкусный, сдобный' (о хлебе; ленингр.), (с неопр. формой глаг.) 'способный, умелый делать что-л.' (*На все удобный: и найти, и купить, и все сделать*; груз.); *удобитый* 'удобный, пригодный' (пск., твер.), *принадобный* 'полезный' (смол.), *подобный* 'надобный, нужный; пригодный' (казан., 1854. ворон.; курск. *Может климат им не подобен*; пск. *Земля подобная*), 'подходящий, соответствующий' (Слов. Акад. 1822; брян.); *сдобное дело* 'хорошее, прибыльное дело' (Даль) [10. С. 303; 8. С. 305; 13. С. 107; 9. С. 76].

Интересно толкование слова *угода* у В. Даля, толкование, которое соотносит производные с корнем *год-* и *доб-*: «*Угода, угодые* – удоба, удобство, все нужное, полезное в обиходной жизни, все, что дано природой или приспособлено человеком для насущной потребности, для вещественной пользы, что годится, пригождается человеку» [14. С. 937]. Исторически закреплённая положительная оценка в семантике лексики с корнем *год-* и *доб-* получила некоторое отступление в производном с приставкой *вы-*: лексема *выгода* разграничивает понимание пользы как реализации только личного или общего интереса. Это слово в восточнославянском ареале фиксируется с конца XVII в. (*Выгода* ‘то, что человеку годится, пригождается’ (*Стый Николай шукаль выгоды Бзскои, старался, жебы оугодити Бгу.* XVII в.), *выгодитися* ‘удолить, услужить’ (*И церкви и соборь выводити можетъ.* 1599 г. [15. С. 383])). В Словаре русского языка XI–XVII вв. это слово не отмечено. Относительно поздно прилагательное *выгодный* и однокорневые слова выступают в литературном языке основными выразителями того аспекта понятия «польза», который связан с разнооценочностью в зависимости от наличия или отсутствия конфликта интересов (личного и общественного). В диалектах же эта лексика представлена мало, ср. *выгодливый* ‘соблюдающий свою пользу’ (влад. 1907), *выгодно* (*выгодно собой* ‘выгодно для себя’; олон.), *выгодчик* ‘ловкий, практичный человек, умеющий приспособиться к обстоятельствам и извлечь для себя выгоду; человек, преследующий корыстные цели, действующий с расчётом, в своих интересах’ [16. С. 268]. Основным выразителем разнооценочного (по ситуации) аспекта понятия «польза» в диалектах являются лексема *корысть* и ее производные.

Имеющая праславянские корни лексема *корысть* / **koristь* с исходным значением ‘добыча’ [17. С. 71] и его производные в письменных памятниках русского языка, вероятно, из-за принадлежности к народной речи, отмечаются лишь с XVI в. В семантике их присутствует преимущественно положительная или нейтральная оценка, ср. *корыс(т)ный* ‘торговый, относящийся к торговле, торговой прибыли’ (XVI в.), ‘полезный’ (XVII в.), *корыс(т)никъ* ‘человек, делающий что-л. полезное’ (XVI в.), ‘корыстолюбивый человек’ (XVII в.) [18. С. 351–352]. Такое же разнообразие относительно оценки в семантике слова *корысть* и его производных наблюдаем в диалектах русского языка, где представлен широкий спектр оценок (исторически обусловленный исходным значением): диал. *корысть* ‘доход, прибыль’ (яросл., 1852), ‘зависть’ (пск., твер., 1855), *корыстный* ‘хороший’ (арх., волог., вят., перм., ворон., свердл., челяб., урал., курган., тобол., иркут.), ‘полезный в каком-либо отношении’ (волог., свердл., хакас., краснаяр. *Наш климат – корыстный для вас, городских*), ‘богатый’ (смол.), ‘красивый’ (ворон., иркут.), ‘большой, обильный’ (Ср. Урал) и ‘плохой’ (енис., читин.), ‘живущий нечестным трудом’ (сарат.), ‘завистливый’ (пск., твер.), а также *корыстаться* ‘извлекать из чего-либо для себя пользу, выгоду; пользоваться чем-либо чужим для себя’ (моск., смол., Слов. Акад. 1914), *корыститься* ‘тж’, ‘стараться изо всех сил при-

обрести что-либо, 'завидовать' (пск., твер., 1855, смол., 1914) [19. С. 34–36]. В русском литературном языке слово *корысть* имеет значения 'выгода, материальная польза (прост.)' и 'корыстолюбие' [20. С. 1480].

Таким образом, в диалектном ЛСП «Польза» можно выделить два субполя, разделяющих лексику поля в зависимости от способности слов выражать только положительную оценку или быть разнооценочными – субполе «Польза / способствующее пользе, положительный результат» и субполе «Польза / корысть». Ядро поля представляют лексемы *польза / пользя* и *пригода / угода / сгода*, а околядерную зону – лексема *корысть*.

Особенность диалектного ЛСП «Польза», по сравнению с ЛСП литературного языка, в том, что, являясь частью системы с большим количеством подсистем, оно включает в себя обширный и далеко не однородный материал как результат рефлексии более конкретного мышления носителей диалектов. В нашем случае есть возможность подробнее рассмотреть содержательную структуру субполей. В первом субполе, полагаем, можно условно выделить три сегмента: «Полезное как нечто пригодное для субъекта», «Полезное как нечто способствующее, помогающее», «Полезное как нечто исцеляющее, лечащее». Такая сегментация отражает взаимодействие ЛСП «Польза» с лексическими полями «(нечто) Пригодное», «Содействие / помощь», «Лечение». ЛСП «Содействие / помощь» пересекается и с полем «Прибыль». Субполе «Польза / корысть» трудно разделить на сегменты, оно тесно взаимодействует с ЛСП «Прибыль» (об этом ниже).

На ближнюю периферию поля определяем лексемы, для которых основное значение соотносится со значением данного сегмента, на дальнюю – те лексемы, для которых это значение переносное. На ближней периферии сегмента «Полезное как нечто пригодное для субъекта» оказываются производные с корнем *доб-* (*принадобный* 'полезный' (смол.), *подобный* 'надобный, нужный; пригодный' (пск., брян., казан., ворон.; курск.), *удобитый* 'удобный, пригодный' (пск., твер.); о них выше), а также производные от *лад* (*ладиться* 'быть полезным в чем-либо, годиться куда-либо, употребляться на что-либо' (*Хорошее ко всему ладится. Бanya от многих болезней ладится*; олон.); *ладный* 'годный, пригодный на что-либо, подходящий для чего-либо' (*Ладный ли день работать сегодня?* твер., пск., новг., вят., барнаул.) [21. С. 234, 236]; *путь* (*путный* 'хороший, стоящий, пригодный, полезный' (вят., перм., арх. *Че ле путне говорите, беспутнее – нет*; новосиб., иркут. *Путних грибов не было*), *впуть* 'на пользу, кстати' (влад., костр. *Думаешь, впуть пойдут тебе эти деньги*), *в путь* 'на пользу, на здоровье' (олон.), 'дельно, как следует' (волог.) [16. С. 181]; *прок* 'толк, прибыль' (*Чужое не дается проком – выпрет боком. Даль. Долго торговал, а проку не видал*, сарат.; *будет прок (проку) в ком-л.* 'будет польза, толк от кого-л.'; волог.) [22. С. 151], *напрок* 'на пользу' (*Напрок ему каша пошла*; свердл.) [23. С. 100], *попрочить* 'сделать так, чтобы пошло впрок, на пользу, помочь' (терек., влад.) [24. С. 9].

На дальнюю периферию попадают лексемы *смак* 'толк, прок, польза' (*Что смаку без пути колотиться*; тамб., твер., нижегор.) [25. С. 340], *спа-*

сенье 'польза, выгода' (нижегор., смол.) [26. С. 118], *служимый* 'пригодный, полезный, дельный' (арх., олон., Даль) [25. С. 310], *казистый* 'благоприятный, выгодный, полезный' (*Дело-то его не больно казисто*; костром., влад., калуж.) [27. С. 319], *уклюжий* 'годный, дельный, пригодный' (*А ведь дело-то уклюже, путь будет!* Даль), *попалый* 'нужный, полезный; толковый, дельный' (*Попалый мужик, что и говорить*; арх., 1852) [28. С. 70; 6. С. 297] и др.

Ближнюю периферию сегмента «Полезное как нечто способствующее, помогающее» представляет прежде всего словообразовательное гнездо производных от *помог/ч-* и *(с/по/под)соб-*. Производные от *помог-* широко представлены и в литературном языке, и во всех диалектах, не отличаясь в значениях, но в диалектах немало фонетических вариантов: *помочь* (*помог*), *подмога*, *спомога* 'помощь, поддержка' (*Иди к нам на помочь, мы слабы стали*; омск. *Мне твоя помочь не нужна, я и сам справлюсь*; моск.), *помогть*, *помогчи*, *помочи*, *спомогать*, *спомочь*. *помогнуть*, *подмогнуть* 'помочь', *помогаться*, *помочься* 'оказывать помощь, помогать друг другу' (*Живите ладом, помогайтесь*; арх.), *можить* 'помогать' (*Ему счастье можит*. курск., 1851) [13. С. 82–83, 217–219, 227; 29. С. 201].

Достаточно широко в диалектах употребляются и производные от *(с/по/под)соб-*: *впособ* 'на пользу кого-, чего-либо', «в помощь, в пособие, не напротив» (*Впособ ли будут ему деньги-то?* волог. 1883–1889) [16. С. 175], *собтить*, *собствовать* 'благоприятствовать, содействовать, помогать кому-л.', *собство* 'содействие, помощь' (*Собство от сватьев – и работой, и хлебом помогают*; сарат.) [30. С. 176]. В этих же значениях употребляются и приставочные образования: *пособь* (*пособа*, *пособ*, *пособление*; *подсоб*, *подсоба*) 'помощь, содействие в чем-л.'. (*Дураку и деньги не пособа*; сарат. *Для пособу семерых мало*; Даль, арх., пск., твер., влад., моск., вят., перм., курск., смол., ряз., сиб.) [13. С. 187; 24. С. 189], а также *способ* (*способь*) 'помощь, поддержка' (Даль. *Он нам много способу дал*; смол.), *способый* 'удобный, подходящий' (пск., твер.), *способствовать* 'способствовать к чему-л., оказывать помощь' (Слов. Акад. 1963) [26. С. 240–242]. Часть лексики этой группы отражает в своей семантике тесную связь понятий «помогать» и «лечить»: *пособить*, *беду пособить* 'помочь в беде' (*Не знаю, як эту беду пособить*; смол.) и *пособить* 'вылечить' (сев.-двин., сиб.), *пособляться*, *пособиться* 'помогать' (Даль; том., свердл. *Поди, пособляться надо, держать ще*) и 'лечиться' (арх. *Он пособляется у бабки. Всем пособлялась, ничто не помогает*; волог., перм., иркут. *Научил пособиться от змеи*), *пособина* 'помощь' (сарат.), мн.ч. 'лечение' (волог., север.), 'ворожба, заговоры знахарей' (сарат., север.) [24. С. 190].

Дальнюю периферию сегмента «Полезное как нечто способствующее, помогающее» составляет лексика типа *повада* 'помощь, поддержка, содействие' (*Нет нам от батюшки ни зрады, ни повады!* смол., моск.) [11. С. 213], *поноровка* 'помощь, поддержка' (яросл., сев.-двин.) [6. С. 267], *подспор*, *подспорка*, *поспорье* 'помощь, подспорье' (пск., твер., новг.) [13. С. 193; 24. С. 203]; *поддёржка* 'поддержка, помощь' (дон., омск., том.),

поддержать, поддърживать 'оказывать помощь, поддержку' (сев.-вост., омск., том.) [11. С. 390, 394, 399], *ручить* 'оказывать поддержку, содействовать кому-л.' [31. С. 280] и др.

Ближнюю периферию сегмента «Полезное как нечто исцеляющее, лечащее» представляют *польга* и его производные и образования с корнем *год-*: *польга* 'облегчение (в болезни), выздоровление' (волог., арх., яросл., влад., куйбыш., перм., енис. *Дело на пользу пошло. Сколь лечили, а польги нет*), *польза* 'медицинская помощь, лечение', *пользу дать* 'помочь в лечении; помочь роженице' (*Нашлась деревенском бабка: дохтора и кушерки ничего не поделали, а деревенском баба пользу дала*; смол., 1890), *(с)пользование, пользня* 'польза; исцеление' (смол.), *спользить* 'вылечить кого-л.', *пользущий* 'целебный (о травах, настоях)' (зап., Даль) [6. С. 180; 26. С. 215]; производные с корнем *год-*: *пригодный* 'полезный, целебный' (*В нашей степе пригодных трав чего больше*; терек., волог.) [8. С. 165]; *угодье* 'лекарство, снадобье' (*Валя, ты мне угодья-то купила? Не то сегодня голова шибко болит*; волог.), *пойти по угодье* 'пойти за лекарством' (волог.), *угожее* 'целебный (о воде в колодце), яросл.) [10. С. 216].

Дальнюю периферию сегмента «Полезное как нечто исцеляющее, лечащее» составляет лексика с общим значением 'исцеляющее, восстанавливающее здоровье': *ладить, поладить, налаживать* 'лечить знахарским способом (травами, на/заговорами и т.п.)' (олон., онеж., арх., смол., перм., свердл., тобол., том., иркут. *Сходи-ко к ей: ладит, говорят, хорошо. Ладить от лихорадки*) [21. С. 233; 23. С. 6; 6. С. 33], *побасить* 'полечить кого-л.' (ряз., Даль; дон., тамб.) [11. С. 186], *отволхвить* 'вылечить, исцелить волхованием' (смол. *Отволхвила бабка молодуху, от притки*) [32. С. 145], *очерчивать, очертить* 'у знахарей – лечить болячку, обводя больное место безымянным пальцем и наговаривая при этом определенные слова' (южн. сиб., 1847) [33. С. 65], *откупывать* 'купаньем лечить кого-либо, избавлять от болезни' и т.п. (*На младенца крикса напала, бабушка его откупывала*. Даль) [32. С. 220], *поправлять, поправить* 'лечить' (арх., пск., брян. *Я ходила спину поправлять*) [6. С. 339] и др.

В субполе «Польза / корысть» ближняя периферия представлена производными от *польз/з-*, *год-* и *корысть*: *польга* 'выгода, прибыль' (вят., новг., север., вост. *От этого товару мало мне пользу*; казан., перм., тобол.), *пользить* 'иметь пользу, прибыль с чего-л.' (сиб.), *пользия* 'польза; корысть' (перм.) [6. С. 180–181]; *угода* 'выгода, прибыль' (*Что угода-то тебе? что прибыли-то тебе?* костр.), *угодливый* 'выгодный для кого-, чего-л.' (пск., твер.), *изгода* 'выгода' (новг., Слов. Акад. 1922) [10. С. 212, 214], *выгодно* 'выгодно собой, выгодно для себя' (олон.) [16. С. 268], а также производные *корысть* – *корыстник* 'тот, кто занимается перепродажей ради барыша, барышник' (волог., Слов. Акад. 1914), *покорыстовать* 'извлечь выгоду, поживиться чем-л.' (тобол.) и др. (о них выше) и *барыш* 'удача, счастливый случай' (перм., 1923), *барышный* 'выгодный, доходный, дающий барыш' (Даль, арх., якут.) и 'падкий на прибыль, барыш, жадный',

(пск., твер.), *подходящий* 'выгодный' (пск., твер.), *повадный* 'выгодный' (арх.), *казистый* 'благоприятный, выгодный, полезный' (костр., влад., калуж. *Дело-то его не больно казисто*) и др. [13. С. 242, 297, 397–398; 11. С. 214; 8. С. 126; 27. С. 319], а также с отрицательной оценкой: *закаштанить* 'начать делать, жить с выгодой для себя, в ущерб другим' (вят., 1892), *нагреть* 'обмануть; обыграть' (влад., 1910, смол., пск., ленингр. *Нагреть лапу* 'получить барыш, прибыль' (пск., твер., 1855), *мякиш* 'булка' (новг., 1931. (К) себе мякишем воротить 'извлекать выгоду для себя в ущерб другим людям'. *Как ни хороши, а все себе мякишем воротят*; новг., перм. 1930), *отхватить* 'обманув при продаже, получить большую выгоду, прибыль' (*Продал клячу и отхватил сто рублей*; пск., 1919–1934), *ребухи* 'нечестные доходы' (*Ребухов нахватался*; смол., 1914) [36. С. 122; 29. С. 214; 37. С. 78; 32. С. 351; 31. С. 363].

Таким образом, обширный материал системы русских диалектов позволяет получить подробную картину представления о пользе в сознании носителей народного языка (диалектов). Во-первых, в диалектах сохраняется след общего развития представления о полезном, связанного в раннем и неразвитом в ценностном отношении сознании с удовлетворением жизненных потребностей и с общим (общественным) интересом, с представлением о пользе, полезном как насущном, необходимом для физического существования человека (ср. в центре поля производные *год(н)-*, *доб(н)-*, *корысть*; на ближней периферии – *пожиток*, *покормка* и др.).

Во-вторых, в структуре диалектного поля «Польза» нашло отражение усложнение понятия о пользе, полезном под влиянием церковнославянского видения: актуализация пользы как полезного для души и тела, для здоровья, его поддержания, «поправления». Это сказалось на составе лексем центра поля, куда вошли производные *польз/польз-* со значением 'лечить', и на установлении тесного взаимодействия ЛСП «Польза» с ЛСП «лечение / исцеление» (*ладить, поправить, побасить, волхвить, очертить* и др.).

В-третьих, анализ ЛСП «Польза» в диалектах показывает усложнение понятия о пользе нового времени с точки зрения оценки, связанное с нарастанием несовпадения личного и общего (общественного) интересов (основание для выделения субполей ЛСП). Но у носителей диалектов эта ценностная перестройка, связанная с изменением общественных, производственных отношений, выражена еще слабо, сохраняет отголоски общинного сознания, что видно при сравнении семантической структуры слова *корысть*, его производных и в целом в семантике большей части лексики второго субполя, связанной с обозначением материальной пользы, выгоды, прибыли и несущей положительную оценку.

Список сокращений

Сокращения: слав. – славянский; в. – век; вып. – выпуск; диал. – диалектный; прост. – просторечное; стар. – старое.

Диалекты: алт. – алтайский; арх. – архангельский; барнаул. – барнаульский; беломор. – беломорский; брян. – брянский; дон. – донской; влад. – владимирский; волог. – вологодский; ворон. – воронежский; вост. – восточный; вят. – вятский; дон. – донской;

енис. – енисейский; забайк. – забайкальский; зап. – западный; иркут. – иркутский; казан. – казанский; калуж. – калужский; карел. – карельский; костром. – костромской; краснояр. – красноярский; кубан. – кубанский; куйбыш. – куйбышевский; курган. – курганский; курск. – курский; ленингр. – ленинградский; морд. – мордовский; моск. – московский; нижегор. – нижегородский; новг. – новгородский; новосиб. – новосибирский; олон. – олонекский; омск. – омский; оренб. – оренбургский; орл. – орловский; пенз. – пензенский; перм. – пермский; печор. – печорский; пск. – псковский; ряз. – рязанский; самар. – самарский; сарат. – саратовский; свердл. – свердловский; сев.-двин. – северодвинский; север. – северный; сиб. – сибирский; смол. – смоленский; тамб. – тамбовский; твер. – тверской; терек. – терекский; тобол. – тобольский; том. – томский; тул. – тульский; урал. – уральский; хакас. – хакаский; челяб. – челябинский; читин. – читинский; якут. – якутский; яросл. – ярославский.

Список источников

1. *Хорошунова И.В.* Семантические процессы в лексико-семантическом поле (на материале лексико-семантического поля утилитарной оценки «ПОЛЬЗА / ВРЕД»): дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2002. 344 с.
2. *Погорелова С.Д.* Сопоставительное исследование лексики утилитарной оценки в русском и английском языках (по материалам лексикографии): дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002. 238 с.
3. *Азылбекова Г.О.* Семантико-прагматические особенности утилитарной оценки (на материале русского и немецкого языков): дис. ... канд. филол. наук. Тобольск, 2011. 205 с.
4. *Савельева Е.А.* Концептуализация утилитарных оценок полезный / вредный в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2014. 211 с.
5. Лю Яньчунь, Дронова Л.П. Формирование понятия «польза» в русском языке // *Филология и человек*. 2022. № 2. С. 65–82.
6. *Словарь русских народных говоров* / гл. ред. Ф.П. Сороколетов. Вып. 29. СПб.: Наука, 1995.
7. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Рус. яз., 1994. Т.2.
8. *Словарь русских народных говоров* / гл. ред. Ф.П. Сороколетов. Вып. 31. СПб.: Наука, 1997.
9. *Словарь русских народных говоров* / гл. ред. Ф.П. Сороколетов. Вып. 37. СПб.: Наука, 2003.
10. *Словарь русских народных говоров* / гл. ред. Ф.П. Сороколетов. Вып. 46. СПб.: Наука, 2013.
11. *Словарь русских народных говоров* / гл. ред. Ф.П. Сороколетов. Вып. 27. СПб.: Наука, 1992.
12. *Дронова Л.П.* Становление и эволюция модально-оценочной лексики русского языка: этнолингвистический аспект. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. 256 с.
13. *Словарь русских народных говоров* / гл. ред. Ф.П. Сороколетов. Вып. 28. СПб.: Наука, 1994.
14. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1–4. 3-е изд., испр. и доп. / под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. М.: Прогресс-Универс, (1907) 1994. Т. 4.
15. *Историчний словник українського мови*. Т. 1: А–Ж / зред. Е. Тимченко. Харків; Київ: Державне видавництво України, 1930 (електр. ресурс).
16. *Словарь русских народных говоров* / гл. ред. Ф.П. Филин. Вып. 5. Л.: Наука, 1970.
17. *Этимологический словарь славянских языков*. Праoslavянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачева. М.: Наука, 1984. Вып. 11.

18. *Словарь русского языка XI–XVII вв.* / гл. ред. Ф.П. Филин. М. : Наука, 1980. Вып. 7.
19. *Словарь русских народных говоров* / гл. ред. Ф.П. Филин. Вып. 15. Л. : Наука, 1979.
20. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. М., 1994. Т. 1.
21. *Словарь русских народных говоров* / гл. ред. Ф.П. Филин. Вып. 16. Л. : Наука, 1980.
22. *Словарь русских народных говоров* / гл. ред. Ф.П. Сороколетов. Вып. 32. СПб. : Наука, 1998.
23. *Словарь русских народных говоров* / гл. ред. Ф.П. Филин. Вып. 20. Л. : Наука, 1985.
24. *Словарь русских народных говоров* / гл. ред. Ф.П. Сороколетов. Вып. 30. СПб. : Наука, 1996.
25. *Словарь русских народных говоров* / гл. ред. Ф.П. Сороколетов. Вып. 38. СПб. : Наука, 2004.
26. *Словарь русских народных говоров* / гл. ред. Ф.П. Сороколетов. Вып. 40. СПб. : Наука, 2006.
27. *Словарь русских народных говоров* / гл. ред. Ф.П. Филин. Вып. 12. Л. : Наука, 1977.
28. *Словарь русских народных говоров* / гл. ред. С.А. Мызников. Вып. 47. СПб. : Наука, 2014.
29. *Словарь русских народных говоров* / гл. ред. Ф.П. Филин. Вып. 18. Л. : Наука, 1982.
30. *Словарь русских народных говоров* / гл. ред. Ф.П. Сороколетов. Вып. 39. СПб. : Наука, 2005.
31. *Словарь русских народных говоров* / гл. ред. Ф.П. Сороколетов. Вып. 34. СПб. : Наука, 2000.
32. *Словарь русских народных говоров* / гл. ред. Ф.П. Сороколетов. Вып. 24. Л. : Наука, 1989.
33. *Словарь русских народных говоров* / гл. ред. Ф.П. Сороколетов. Вып. 25. Л. : Наука, 1990.
34. *Словарь русских народных говоров* / гл. ред. Ф.П. Филин. Вып. 2. М. ; Л. : Наука, 1966.
35. *Словарь русских народных говоров* / гл. ред. Ф.П. Филин. Вып. 13. Л. : Наука, 1977.
36. *Словарь русских народных говоров* / гл. ред. Ф.П. Филин. Вып. 10. Л. : Наука, 1974.
37. *Словарь русских народных говоров* / гл. ред. Ф.П. Филин. Вып. 19. Л. : Наука, 1983.

References

1. Khoroshunova, I.V. (2002) *Semanticheskie protsessy v leksiko-semanticheskom pole (na materiale leksiko-semanticheskogo polya utilitarnoy otsenki "POL'ZA/VRED")* [Semantic processes in the lexico-semantic field (on the material of the lexico-semantic field of the utilitarian assessment "BENEFIT / HARM")]. Philology Cand. Diss. Voronezh.
2. Pogorelova, S.D. (2002) *Sopostavitel'noe issledovanie leksiki utilitarnoy otsenki v russkom i angliyskom yazykakh (po materialam leksikografii)* [Comparative study of the lexicon of utilitarian evaluation in Russian and English (based on lexicography materials)]. Philology Cand. Diss. Yekaterinburg.
3. Azyzbekova, G.O. (2011) *Semantiko-pragmaticheskie osobennosti utilitarnoy otsenki (na materiale russkogo i nemetskogo yazykov)* [Semantic and pragmatic features of utilitarian evaluation (based on the Russian and German languages)]. Philology Cand. Diss. Tobolsk.

4. Savel'eva, E.A. (2014) *Kontseptualizatsiya utilitarnykh otsenok poleznyy/vrednyy v russkom yazyke* [Conceptualization of utilitarian assessments helpful / harmful in Russian]. Philology Cand. Diss. Omsk.
5. Liu, Ya. & Dronova, L.P. (2022) Formirovanie ponyatiya "pol'za" v russkom yazyke [Formation of the concept of "benefit" in the Russian language]. *Filologiya i chelovek*. 2. pp. 65–82.
6. Sorokoletov, F.P. (ed.) (1995) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Folk Dialects]. Vol. 29. Saint Petersburg: Nauka.
7. Chernykh, P.Ya. (1994) *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Historical and Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]. Vol. 2. Moscow: Russkii yazyk.
8. Sorokoletov, F.P. (ed.) (1997) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Folk Dialects]. Vol. 31. Saint Petersburg: Nauka.
9. Sorokoletov, F.P. (ed.) (2003) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Folk Dialects]. Vol. 37. Saint Petersburg: Nauka.
10. Sorokoletov, F.P. (ed.) (2013) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Folk Dialects]. Vol. 46. Saint Petersburg: Nauka.
11. Sorokoletov, F.P. (ed.) (1992) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Folk Dialects]. Vol. 27. Saint Petersburg: Nauka.
12. Dronova, L.P. (2006) *Stanovlenie i evolyutsiya modal'no-otsenочноy leksiki russkogo yazyka: etnolingvистический аспект* [Formation and Evolution of the Modal-Evaluative Vocabulary of the Russian Language: Ethnolinguistic aspect]. Tomsk: Tomsk State University.
13. Sorokoletov, F.P. (ed.) (1994) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Folk Dialects]. Vol. 28. Saint Petersburg: Nauka.
14. Dal', V.I. (1994) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Vol. 4. 3rd ed. Moscow: Progress, Univ.
15. Timchenko, E. (ed.) (1930) *Istorichnyi slovník ukráinsk'ogo yazyka* [Historical Dictionary of the Ukrainian Language]. Vol. 1. Kharkiv; Kyiv: Derzhavne vidavnistvo Ukraїni.
16. Filin, F.P. (ed.) (1970) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Folk Dialects]. Vol. 5. Leningrad: Nauka.
17. Trubachev, O.N. (ed.) (1984) *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskii leksicheskiy fond* [Etymological Dictionary of Slavic Languages. Proto-Slavic lexical fund]. Vol. 11. Moscow: Nauka.
18. Filin, F.P. (ed.) (1980) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th – 17th Centuries]. Vol. 7. Moscow: Nauka.
19. Filin, F.P. (ed.) (1979) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Folk Dialects]. Vol. 15. Leningrad: Nauka.
20. Ushakov, D.N. (1994) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Vol. 1. Moscow: Rus. Slovari.
21. Filin, F.P. (ed.) (1980) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Folk Dialects]. Vol. 16. Leningrad: Nauka.
22. Sorokoletov, F.P. (ed.) (1998) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Folk Dialects]. Vol. 32. Saint Petersburg: Nauka.
23. Filin, F.P. (ed.) (1985) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Folk Dialects]. Vol. 20. Leningrad: Nauka.
24. Sorokoletov, F.P. (ed.) (1996) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Folk Dialects]. Vol. 30. Saint Petersburg: Nauka.
25. Sorokoletov, F.P. (ed.) (2004) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Folk Dialects]. Vol. 38. Saint Petersburg: Nauka.

26. Sorokoletov, F.P. (ed.) (2006) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Folk Dialects]. Vol. 40. Saint Petersburg: Nauka.
27. Filin, F.P. (ed.) (1977) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Folk Dialects]. Vol. 12. Leningrad: Nauka.
28. Myznikov, S.A. (ed.) (2014) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Folk Dialects]. Vol. 47. Saint Petersburg: Nauka.
29. Filin, F.P. (ed.) (1982) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Folk Dialects]. Vol. 18. Leningrad: Nauka.
30. Sorokoletov, F.P. (ed.) (2005) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Folk Dialects]. Vol. 39. Saint Petersburg: Nauka.
31. Sorokoletov, F.P. (ed.) (2000) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Folk Dialects]. Vol. 34. Saint Petersburg: Nauka.
32. Sorokoletov, F.P. (ed.) (1989) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Folk Dialects]. Vol. 24. Leningrad: Nauka.
33. Sorokoletov, F.P. (ed.) (1990) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Vol. 25. Leningrad: Nauka.
34. Filin, F.P. (ed.) (1966) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Folk Dialects]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: Nauka.
35. Filin, F.P. (ed.) (1977) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Folk Dialects]. Vol. 13. Leningrad: Nauka.
36. Filin, F.P. (ed.) (1974) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Folk Dialects]. Vol. 10. Leningrad: Nauka.
37. Filin, F.P. (ed.) (1983) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Folk Dialects]. Vol. 19. Leningrad: Nauka.

Информация об авторе:

Лю Я. – канд. филол. наук, старший преподаватель Даляньского университета иностранных языков (Далянь, Китай). E-mail: liuyanchun@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Liu Y., Cand. Sci. (Philology), senior lecturer, Dalian University of Foreign Languages (Dalian, China). E-mail: liuyanchun@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 26.06.2022;
одобрена после рецензирования 26.12.2022; принята к публикации 13.03.2023.*

*The article was submitted 26.06.2022;
approved after reviewing 26.12.2022; accepted for publication 13.03.2023.*

Научная статья

УДК 81'42

doi: 10.17223/19986645/82/6

«Я несчастный, но живой»: адъективный предикат при местоимении «я»

Елена Валерьевна Маркасова¹

¹ Пекинский университет иностранных языков, Пекин, Китай,
markasovaelena@yandex.ru

Аннотация. Описаны изменения состава адъективных предикатов при местоимении «я» с 1700 по 2000 гг. Выявлены основные клише, используемые в этой модели самопрезентации. Семантика прилагательных, характеризующих Я, отражает изменения представлений человека о персональной идентичности. Перемены в привычных дискурсивных практиках, вызванные политическими и экономическими потрясениями, приводят к росту потребности индивида в самоидентификации и самопрезентации, что отражается в описываемых конструкциях.

Ключевые слова: местоимение «я», имя прилагательное, прагматика, персональная идентичность, диахроническая психология

Благодарности. Автор благодарит независимого исследователя В.И. Бескровных за помощь в статистической обработке материала и ценные советы и д.ф.н. О.В. Орлову за критическое прочтение этой работы.

Для цитирования: Маркасова Е.В. «Я несчастный, но живой»: адъективный предикат при местоимении я // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 82. С. 103–117. doi: 10.17223/19986645/82/6

Original article

doi: 10.17223/19986645/82/6

“I am unhappy, but alive”: The adjectival predicate for the pronoun “I”

Elena V. Markasova¹

¹ Beijing Foreign Studies University, Beijing, China, *markasovaelena@yandex.ru*

Abstract. The article describes the formation of the construction “I + adjectival predicate” and its existence in the Russian language for three hundred years. A person’s ideas about one’s Self are manifested in the choice of adjectives, the composition of which is updated. The need to characterize oneself is considered in the article in connection with the data of diachronic psychology on the growth of the individual’s social independence and the increase in the value of the “I” in the 18th and 19th cen-

turies. The “top” list of adjectives (*unhappy, alive, stupid, good, kind, young, evil, alien, old, poor*) was formed by the beginning of the 20th century and has survived to the present day. Observations on the general chronology of the appearance of new components within the framework of the construction allowed establishing that until the mid-1820s the construction “I + adjectival predicate” was rare, and the adjective was usually a definition with a predicate noun, but not an independent predicate. Now the adjective began to characterize a person regardless of one’s type of activity or social role. The total use of the construction has been growing since the 1850s. Adjectives-predicates usually represent a characteristic of a person according to various parameters: moral self-esteem, character traits, intelligence, health status or physical data, features of self-perception. A positive evaluation in the predicate is less common than a negative one. In the first half of the 20th century, personality characteristics related to the socio-political situation are increasingly appearing in the structure of the construction) and testifying to the exit of the perception of the Self into the philosophical sphere. The second half of the 20th century is characterized by the active exploitation of clichéd means of autocharacteristics formed in the previous period; the growing popularity of tautologies and repetitions, the spread of the predicate by specifying the manifestations of the declared quality or explaining possible cause-and-effect relationships, detailing negative / positive characteristics; the growth of the use of adjectives denoting characteristics understandable to a narrow circle of people or ambivalent characteristics, as well as qualities condemned by public opinion. Changes in the usual discursive practices caused by political and economic upheavals lead to an increase in the individual’s need for self-identification and self-presentation, which is reflected in the described constructions.

Keywords: pronoun “Ya” (I), adjective, pragmatics, subjective modality, personal identity, diachronic psychology

Acknowledgments. The author expresses her gratitude to the independent researcher V.I. Beskrovnykh for help in the statistical processing of the material and valuable advice, and O.V. Orlova, Dr. Sci. (Philology), for a critical reading of this work.

For citation: Markasova, E.V. (2023) “I am unhappy, but alive”: The adjectival predicate for the pronoun “I”. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 82. pp. 103–117. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/82/6

Введение

Постановка проблемы. В лингвистике последних тридцати лет все чаще появляются работы, посвященные частям речи, которые отличаются прагматической перегруженностью, в частности личным местоимениям ([1–3] и мн. др.). Местоимение «я» непосредственно связывают с понятием персональной идентичности («самости», self-identity) [4], которое не равно социальной идентичности [5, 6]. Существенным фактором, усилившим интерес к понятию Я, стало изучение идентичности в психологии, социологии, философии [7–11], становление диахронической психологии, а также интенсивное изучение проблем, связанных с выражением точки зрения, позицией наблюдателя и субъективной модальностью в лингвистике.

Представления человека о своем Я влияют на характер употребления местоимения «я» едва ли не больше, чем привычно перечисляемые факто-

ры ситуации, интенции, социального статуса и пр. Так, тавтологические конструкции с местоимением «я» (*я есть я, я это я, я не я*) отражают глубокие переживания, связанные с поиском равенства человека самому себе. [12]. Предикаты-существительные при личном местоимении «я» (*я же мать, я же учитель* и др.) отражают представления говорящего о своем статусе и ограничениях в речевом поведении, обусловленных ранговыми распределениями в обществе [13].

Отношение к своему *Я* подвижно: возможны кризисы личной идентичности на разных этапах становления конкретной личности, возможны массовые кризисы идентичности, обусловленные социальными потрясениями. [14–16]. В XVIII–XIX вв. идет «сложный процесс, в котором объективное (пространственное и социальное) обособление индивида и рост его социальной самостоятельности сочетались с повышением психологической ценности «Я», интимизацией и усложнением внутреннего мира личности» [6. С. 97].

Поэтому мы предположили, что оценочная составляющая в предикате должна отражать эту нестабильность. «Самоидентификация (что такое «я» для себя) оборачивается своей второй стороной – самопрезентацией (что такое «я» для других)» [1. С. 29], а состав прилагательных в функции предиката при местоимении «я» является важным источником информации об изменениях в восприятии *Я* на протяжении трех веков. Усложнение внутреннего мира подталкивает человека к поиску определения своих эмоциональных состояний, заставляет признать непостоянство собственных качеств, что должно было отразиться в моделях речевого поведения.

Обоснование подхода к материалу. Импульсом к изучению состава прилагательных в функции предиката при местоимении «я» стали работы Б.Ю. Нормана о безусловно положительном отношении к «я-сфере» [1], а также описание специфики оценочных суждений и ограничений на негативные коннотации при автохарактеристике [17, 18]. Кроме того, мы опирались на выводы Е.В. Падучевой относительно ограничений на предикат при местоимении первого лица [19–21]. «Большой класс аномалий в контексте 1 лица дают слова, в семантику которых входит взгляд со стороны. Это слова, предполагающие присутствие внешнего наблюдателя или субъекта сознания» [21]. Изучение прилагательных оценки обязывает опираться на традиции описания семантических классов прилагательных [22].

При описании аномалий и нормы исследователи учитывали разграничение канонической и неканонической речевой ситуации [23, 24]. Местоимение «я», представленное в нарративе и означающее персонажа или повествователя, нельзя приравнивать к *Я* в канонической речевой ситуации. Однако это не основание для отказа от литературных примеров, поскольку типизация есть свойство литературы; поэтому общая картина употребления изучаемых конструкций также может считаться отражением живых процессов в истории языка и рассматриваться в связи с проблемой персональной идентичности.

Хронологические рамки и методология. Хронологические рамки исследования – 1700–2000 гг. Поиск в НКРЯ производился по формуле: «я (SPRO, nom, sg, 1p) + _ (A,nom,sg,(m|f))». Было рассмотрено более 20 тыс. вхождений. Примеры распадаются на следующие группы:

1) подлежащее (Я) + предикат (прилагательное + существительное), например: *Я дворянская дочь; так выйти мне за тебя нельзя...* (А.П. Сумароков. Опекун. 1765). Такие случаи мы не рассматривали, поскольку они фиксируют включенность Я в некую социальную группу и не представляют собой собственно характеристику Я. Также были исключены примеры типа *Я хороший человек*;

2) подлежащее (Я) + определение (прилагательное) + предикат, например: *Как я, бедный, покажусь в городе?* (Н.М. Карамзин. Письма русского путешественника. 1793). Такие случаи были исключены, поскольку прилагательное не является предикатом, т.е. характеристика Я не главное содержание предложения. В основном прилагательные в таких структурах представляют собой клише (*грешный, бедный, безумный, всеподданнейший, многогрешный, низжайший, несчастный, окаянный, худой* и др.). Среди этих клише нет ни одного случая положительной оценки, все они не являются автохарактеристикой говорящего: это формулы самоуничижения, посредством которых можно представить себя адресату в качестве рангово низшего существа;

3) фразеологизм *Не я первый, не я последний*¹. Этот фразеологизм (именно с местоимением «я») представлен в НКРЯ большим количеством примеров (28), но все они исключены из выборки. Других фразеологизмов с такой структурой в НКРЯ нет;

4) «я + прилагательное или причастие, перешедшее в существительное (*рабочий, трудящийся, заключенный* и др.)». Именно применительно к этому материалу актуализируется вопрос о спорной частеречной принадлежности словоформ (обзор см.: [25]). Так, в примере *я красивый* «красивый» – прилагательное, тогда как в случае *я нищий* нельзя определить, это прилагательное или существительное. Количество примеров такого типа в НКРЯ существенно увеличивается с середины 1820-х гг. (всего за 300 лет около 70 словоформ), например: *беглый, глухонемой, каторжный, крепостной, православный, русский, бездомный, подозреваемый, подследственный, подсудимый* и мн.др. Мы не включали эти случаи в выборку;

5) случаи «я + притяжательное прилагательное», «я + сравнительная / превосходная степень прилагательного», «я + фамилия» также были исключены.

Методологически сложным был для нас вопрос, учитывать ли примеры типа *Он сказал, что я глупая*, поскольку это передача мнения другого лица, а не акт автохарактеристики. Было принято решение включить эти приме-

¹ Впервые его употребление с местоимением первого лица относится к 1782 г. (Д.И. Фонвизин. «Недоросль»), т.е. не связано с романом А.С. Пушкина «Евгений Онегин», как отмечают словари (Серов 2003).

ры в выборку, руководствуясь формальным критерием, поскольку их впоследствии можно будет сравнить со случаями чистой автохарактеристики в прямой речи. Таким образом в результате мы получили 4 198 примеров типа «Я хороший».

Адъективный предикат при местоимении «я» в XVIII–XIX вв.

Общая характеристика. Наиболее частотные прилагательные. Всего было собрано 4 130 примеров. 80 прилагательных в функции предиката при местоимении «я» составляют основу лексического наполнения этой конструкции: они повторяются от 10 до 126 раз. Безусловный лидер – прилагательное *несчастный*, за которым следуют (по убыванию) *живой*, *глупый*, *хороший*, *добрый*, *молодой*, *злой*, *чужой*, *старый*, *бедный*. В таблице дана начальная форма (без дифференциации мужского и женского рода). До обработки примеров мы предполагали, что антонимичные варианты должны возникать синхронно и обладать равной или почти равной встречаемостью, но эта гипотеза не подтвердилась. В таблице топовые прилагательные выделены шрифтом **bold**. Можно увидеть одну пару с почти равным количеством примеров (*добрый–злой*) и лишь две пары, возникшие примерно в одно время (*молодой–старый* и *чужой–свой*¹). Остальные пары асимметричны по обоим параметрам.

Топ-список прилагательных и их антонимов в конструкции
«Я + адъективный предикат»

Прилагательное	Количество примеров	Хронологические рамки	Антоним	Количество примеров	Хронологические рамки
несчастный	126	1814–1989	счастливый	59	1866–2000
живой	124	1865–2000	мертвый	38	1780–2000
глупый	98	1829–2000	умный	55	1854–2000
хороший	93	1864–2000	плохой	46	1908–2000
добрый	82	1841–2000	злой	80	1856–2000
молодой	81	1853–2000	старый	68	1855–2000
чужой	80	1830–2000	свой	66	1833–2000
бедный	64	1839–2000	богатый	16	1863–2000

Для понимания истории изучаемой конструкции имеет смысл обратиться к графику, отражающему употребление четырех наиболее активно используемых прилагательных. Подъемы и спады в использовании конструкции имеют разные степени корреляции, но стоит обратить внимание на их общие особенности: кроме прилагательного «несчастный», все остальные активизируются и угасают примерно в одни и те же периоды, хотя и с разной степенью интенсивности (рис. 1).

¹ Притяжательное местоимение «свой» в функции предиката приобретает новое значение и переходит в прилагательное.

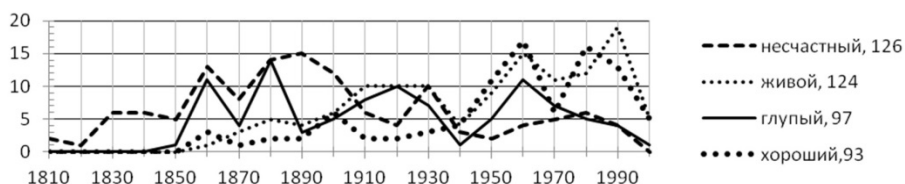

Рис. 1. Употребление прилагательных *несчастный*, *живой*, *глупый*, *хороший*

Обособленно выглядит прилагательное «несчастный», которое в рамках этой конструкции вошло в язык литературы раньше остальных. Все четыре адъектива идут на спад к 2000 г., хотя период с 1950 по 2000 г. дает около 1 800 примеров (из 4 130 за 300 лет). Это означает, что клишированные характеристики *Я* на излёте этого периода уступают место другим, реже встречающимся и – вероятно – формирующим новые клише. Процесс вряд ли можно объяснить только волей авторов-литераторов. Мы предполагаем, что нужно искать причины в социально-политической сфере, но это тема отдельной работы.

В ходе исследования обнаруживались новые и новые детали, касающиеся появления и специфики употребления конкретных прилагательных, о чем мы будем говорить в соответствующих разделах статьи.

1700–1825 гг. Судя по данным НКРЯ, для XVIII в. конструкция «*я*» + прилагательное была редкостью: всего 6 примеров, из которых 1 выражает положительную оценку (*большой*), 5 – отрицательную (*слабый*, *несчастный*, *виноватый*, *бедный*, *мертвый*). Известно, что этот период представлен в НКРЯ менее полно, чем другие, что не уменьшает ценности примеров: задан вектор в употреблении адъективов с местоимением «*я*». В-первых, это адъективы, выражающие отрицательную оценку, и именно этот состав будет относительно стабильным на протяжении следующих двух веков. В-вторых, эту отрицательную оценку нельзя воспринимать буквально, т.е. как характеризующую отрицательные качества *Я*: например, с позиций прагматики определение *бедный* может быть положительной характеристикой. Напомним, что именно в этот период фразеологизм *не первый не последний* впервые употреблен с местоимением первого лица.

С 1800 по 1825 г. появляется 7 примеров, т.е. столько, сколько за предыдущие сто лет. Прилагательное *несчастный* многократно встречается в популярном романе В.Т. Нарезного и конкурирует с конструкцией *Я + зпт + определение* (типа *О я, несчастная!*)¹.

(1) «О! я несчастная, – говорила она. – Может быть, я причиною сей потери! (В.Т. Нарезный. Российский Жилбаз (1814)).

¹ Роман В.Т. Нарезного был завершен в 1813 г., начал публиковаться в 1814 г., но сначала были опубликованы только первые три части, к которым относятся три из четырех примеров. Полный текст издали в 1838 г.

После романа Нарезного прилагательное *несчастный* в функции предиката при местоимении «я» становится общим местом, применяется в художественных текстах чаще прочих прилагательных, причем и в мужском, и в женском роде. По количеству примеров оно занимает первое место. Однако необходимо различать «*выражение* реальных эмоций и *изображение* эмоций (подлинных или инсценируемых) посредством словесных описаний, жестов, визуальных знаков» [10. С. 76], и количество употреблений прилагательного *несчастный* в этой конструкции не стоит воспринимать как часть «зрелища бедствий народных».

Наблюдается новая тенденция: в предыдущий период прилагательные в исследуемой конструкции характеризовали эмоциональное состояние, теперь же появляются новые параметры описания, включающие элемент самооценки (*безмундирный, грамотный, достойный, лишний*).

1826–1850 гг. В этот период растет количество примеров (около 90) и расширяется состав прилагательных. До 1826 года прилагательные обычно являются определениями при существительном-предикате, но не самостоятельным предикатом. Например: «*Я плохой*» не встречается, но есть *Я плохой + стрелок, доктор, рассказчик, наездник, советник, оратор, краснобай, барышник* и др. «*Я глупый*» – не встречается, но есть *Я глупый + сын, ребенок, девочка*. Начинается их «освобождение» от существительных, при которых раньше они были определениями. В литературе появляются риторические восклицания и риторические вопросы с описываемой грамматической основой. Наряду с прежними сочетаниями типа *Я + добрый + (мусульманин, солдат, малый, человек)* возможны варианты без существительного, выражающие разные интенции. Ср.:

(2) **Я добрый человек!** Я тебя люблю... (О.И. Сенковский. Висящий гость. 1833).

(3) Видишь, какой **я добрый!** Ну, поцелуй же меня. (Н.В. Кукольник. Сержант Иван Иванович Иванов, или Все заодно. 1841).

(4) Полноте шутить, сударь! **Какой я добрый?** (И.Т. Кокорев. Саввушка. 1847).

Прилагательные-предикаты представляют собой характеристику личности по разным параметрам:

– нравственная самооценка, черты характера, интеллект (*аккуратный, безрассудный, безумный, бессловесный, бесстрашный, бесчувственный, жестокосердый, ветреный, глупенький, глупый, добрый, жадный, неспособный, рассудительный, рассеянный, смирный, тихий, тихонький, недогадливый* и др.);

– состояние здоровья или физические данные (*хворый, прехорошенький, бледный, быстрый*);

– особенности самоощущения (*благородный, горемычная, грешный, лишний, мертвый, негдешний, обыкновенный, проклятый, чужой*).

Все перечисленные прилагательные до наших дней употребляются в рамках структуры *я + предикат, выраженный прилагательным*.

Положительная оценка в предикате встречается реже, чем отрицательная. Есть искушение объяснить это влиянием формул самоуничтожения предшествующего периода, в том числе в канцелярских формулярах и речевом этикете, но этого недостаточно. Ведь положительный или отрицательный компонент значения зависим от контекста. Кроме того, нельзя утверждать, что оценка, заложенная в семантике любого прилагательного, является константой. Прилагательные, выражающие безусловно положительную оценку (*добрый, честный, приличный*), в некоторых контекстах или при определенной интонации могут приобретать способность выражать отрицательную оценку (*Детям есть нечего – она себе духи покупает. Добрая!*) и наоборот – отрицательная оценка может стать положительной (*Книги глотает тоннами! Ненасытный!*). Не исключены и самоирония, кокетство, угроза и прочие варианты манипулирования, которые в действительности не могут быть поняты буквально и проанализированы посредством деления на две группы (плюс или минус). Относительные прилагательные, в которых, казалось бы, нет места оценочности, также могут выражать оценку, инспирированную дискурсом (например, *московский* может означать и *высокомерный*, и *образованный*, и *богатый*, и *принадлежащий к криминалитету*). Приписывание свойств оцениваемому объекту всегда обусловлено многими обстоятельствами, но самое главное – система представлений оценивающего субъекта [17, 18]. Из этого следует, что наши суждения о положительной или отрицательной оценке *Я* в конкретных примерах должны быть выверены на основании широкого контекста, что все равно не гарантирует точности выводов.

1851–1900 гг. В это время сохраняются практически все прилагательные, перечисленные в предыдущем разделе, но их количество увеличивается в девять раз (около 800 примеров).

– Появляется много оригинальных и неожиданных образных характеристик: *Я аржаной, горегорький, пасмурный, порядливый, разношерстный, редкостный, рьяный, трухлявый* и др.

– Значительно увеличивается количество прилагательных с приставками «без / бес» (*бездущный безногий, безродный, беспамятный, беспаспортный, беспомощный и робкий, бесприходный, беспутный, бессемейный, бессовестный, бесстыжий, бесталанный, бестолковый, бесхарактерный, бесчестный и др.*) и «не» (*невинный, неблагодарный, недостойный, незаконный, недогадливый, неистовый, неладный, нелюбимый, немилостивый, неподходящий, несмышленый и др.*). Все прилагательные, кроме «*беззаботный*» и «*невинный*», отражают отрицательные эмоции, связанные с семантикой недостатка, нехватки, изъяна.

– Намечается тенденция более широкого использования словообразовательных ресурсов: *дрябленький, дрянненький, злочастный, злючий, меленький, хорошенький*.

– Возникают характеристики внешности и физических данных: *белобрысый, здоровый, красивый, крепкий, крошечный, низкий, простоволосый, сильный, слабый, хилый, худой, шуплый*.

На фоне предыдущего периода особенно заметен рост разнообразия положительных автохарактеристик (*бодрый, бывалый, верный, веселый, гуманный, доверчивый, довольный, жалостливый, законный, ласковый, настоящий, образованный, озорной, особенный, отчаянный, неукротимый, нравственный, пронизательный, работающий, свободный, скромный, смиренный, способный, строгий, счастливый, трезвый, удалый, удачливый, умный, усердный, храбрый, честный, чувствительный*), рост характеристик по отношению к месту (*деревенский, городской, университетский, боровичский, витебский, владимирский, ростовский, самарский и др.*); рост разнообразия отрицательных характеристик (*вредный, вялый, грубый, грязный, жадный, жалкий, капризный, ленивый, коварный, нехороший, суеверный, малодушный, мокрый, нудный, подлый, подневольный, продажный, пропащий, развратный, своевольный, сердитый, скверный, скучный, смешной, старый, тщеславный, уморительный, хитрый и др.*).

В этот же период отмечены важные явления в сфере синтаксиса употребления адъективных предикатов при местоимении «я».

Во-первых, распространяются случаи с однородными предикатами: (5) **Я гадкая, грешная, нехорошая...** (Н.Н. Алексеев. Игра судьбы. 1899).

Во-вторых, появляются сложные предложения с автохарактеристикой: (6) **Я виноватая, я первая, я главная, я виноватая!** (Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы. 1880).

Наконец, обогащается состав частиц и междометий, а также вводных слов и конструкций, сопровождающих адъективный предикат. Это явление требует отдельного анализа, но даже сейчас можно сказать, что рост семантического разнообразия прилагательных и актуализация средств оформления субъективной модальности – взаимосвязанные процессы. Хотя мы имеем дело с речью литературных героев, эта речь – часть общего дискурса, т.е. отражение поисков способа заявить о своем Я, о персональной идентичности.

Таким образом, к началу XX в. сложился основной состав клишированных форм выражения автохарактеристики: 80 прилагательных, каждое из которых употреблено в исследуемой конструкции более 10 раз.

Адъективный предикат при местоимении «я» в XX в.

1901–1950 гг. В этот период увеличивается количество конструкций (всего около 1 400 примеров). Новыми по сравнению с предыдущим периодом являются адъективные предикаты:

– отражающие социальные потрясения и политическую ситуацию (*бесмертный, голодный, детдомовский, живучий, жировой, лёгкий (в значении истощенный), либеральный, малокровный, малосознательный, мирный, надломленный, нежалостливый, некультурный, нелегальный, необразованный, образованный, обреченный, односторонний, отпетый, поднадзорный, праведный, привилегированный, приписной, призывной, смертный, сознательный, темный, тщедушный, холодный, худоцавый, худячий и др.*);

– ставшие возможными вследствие распространения просторечной и диалектной лексики в художественной литературе (*могутной, привышный, срамной, послушливый, ходовой, тверезый, фартовый* и др.);

– свидетельствующие о выходе восприятия Я в философскую сферу (*беспредельный (в существе своем), вечный, новый, помысленный, прежний, потерянный, пустой, роковой, суций, трудный* и др.).

1950–2000 гг. К этому периоду относится около 1 800 примеров. Главная особенность этого времени – активная эксплуатация клишированных средств автохарактеристики, сформировавшихся в предыдущий период. Заметны следующие тенденции:

– рост популярности тавтологий (типа *несчастливая-разнесчастливая; глупая-глупая*) и повторов (типа *богатый, очень богатый; глупая, я очень глупая; голодная, какая я голодная; я голонный, я голонный* и др.);

– распространение предиката посредством конкретизации проявлений заявленного качества, аргументации в его пользу (*бездарный, ноты «мажу» – шестнадцатые комкаю; долговязый, рост сто шестьдесят; глупая, я мало читаю*) или объяснения возможных причинно-следственных связей (*дряхлый – ноги меня не слушаются; бедная, мне больше нечего вам подарить; беспечная, потому не пропаду; деревенская, мешки таскать привычная; дехретная, мне по закону поблизости положено; холодный, ободранный, жру всякую гадость* и др.);

– использование сравнений с «как» (*безынициативный, как баран в стаде; голодный, как пустая бочка; голодный, как черт; голодный как зверь; тихий, как дурак; цепкая, как репейник* и др.);

– формирование неоднокомпонентных клише, детализирующих негативную / позитивную характеристику (*глупая, никчемная и жалкая; глупая, пошлая, заурядная; рассеянная и усталая; безразличная и бездушная; хорошая и простая; хорошая и терпеливая; хорошая, обаятельная; высокий, белокожий; высокая, стройная и красивая; мудрый и опытный; юный и стройный* и др.);

– рост употреблений отглагольных прилагательных с «не» (*невоспитанный, невоспитуемый, незаменимый, неисправимый, негиббемый, непонятливый* и др.);

– усиление внимания к внешности (пара *красивый – некрасивый, лысый, толстый, миниатюрный, симпатичный, стройный* и др.);

– рост употреблений прилагательных, обозначающих закрытые для постороннего характеристики, понятные лишь адресату или самому Я (*вместительный, временный, вчерашний и сегодняшний, каменный, кислый, комнатный, разный своеобразный* и др.);

– рост употреблений прилагательных, означающих амбивалентные характеристики (*впечатлительный, непрактичный, неполноценный, несовершенный, нервный, сверхчувствительный, тихий, шальной* и др.);

– рост употреблений прилагательных, означающих постыдные качества (*безвольный, злопамятный, косорукий, легкомысленный, мелочный, мрачный, мстительный, шепелявый* и др.) или связь с рангово низкими соци-

альными группами (*бульварный, блатной, вульгарный, внебрачный, иногородний* и др.);

– формирование группы прилагательных, образованных от местоимений (*никудашний, никчемный, ничтожный, иной*).

Основная масса примеров представляет собой простые предложения, однако анализ этого материала пока не завершен. Требуется отдельная обработка предложений с вопросительной иллокутивной модальностью, которые служат для опровержения мнения собеседника, а не в качестве автохарактеристики (пример 7). Интересны и случаи с восклицательной модальностью, которые могут содержать позитивную автохарактеристику (пример 8), или (при определенной интонации и частоте основного тона) выражать самоиронию.

(7) –*Я – бездарная?* Да как вы смеете! (Юрий Никулин. Мое любимое кино (1979)).

(8) –*Давай лучше я! Я – везучий!* (В. Астафьев. Последний поклон (1968–1991)).

Заключение и дискуссия

Представленные данные показывают, что распространение адъективных предикатов оценки при местоимении первого лица единственного числа начинается с середины 20-х гг. XIX в. До этого момента предикат состоял из указания качества (прилагательное) и квалификатива-существительного (*Я хороший человек / строитель / хозяин*). «Освобождение» прилагательного от существительного – показатель того, что теперь прилагательное стало характеризовать личность вне связи с ее типом деятельности или социальной ролью. Язык таким образом запечатлел изменения в самосознании личности в России этого периода, что и нашло отражение в художественной литературе. Наши данные коррелируют с наблюдениями специалистов в области диахронической психологии.

С середины XIX в. в русском языке увеличивается разнообразие и растет количество адъективных оценочных предикатов при местоимении «я», что особенно заметно во второй половине XX в. Это может быть обусловлено тенденцией к росту индивидуального начала, которое представляется человеку более важным, чем его принадлежность к определенной социальной группе. Применительно к периоду с середины 1980-х гг. вероятно также влияние распространившихся эзотерических практик, философии, массового увлечения психологией. Существенным фактором могли стать как минимум три исторических события: революция 1917 г., XX съезд КПСС (1956), курс на ускорение и перестройку, начатый в 1985 г. Инициированные этими событиями перемены в дискурсивных практиках привели к поиску своего места в изменившемся социуме и, следовательно, к росту потребности в самоидентификации и самопрезентации, что и выразилось в распространении описываемых конструкций во второй половине XX в.

Существенны различия в употреблении положительных и отрицательных оценок *Я* в предложениях, различных с точки зрения иллюкутивной модальности. Одни и те же прилагательные могут функционировать как обозначение положительной или отрицательной оценки своего *Я*. Отрицательная оценка своего *Я* зачастую является мнимо-отрицательной, так как используется в манипулятивных целях, однако этот тезис имеет статус наблюдения и пока его нельзя считать доказанным.

Ограничения на предикат при местоимении «я» формировались на протяжении довольно долгого исторического периода, но при изучении этих ограничений в историческом аспекте необходимо учитывать, что принадлежность прилагательного к «топовому» списку в рамках изучаемой конструкции вынуждает нас ориентироваться на прагматику в большей степени, чем на семантику конкретного прилагательного. Не без влияния языка литературы (неканонические речевые ситуации) живой язык (канонические речевые ситуации) перешагнул через эти ограничения, отсюда распространение формул *я плохой / хороший, добрый / злой, несчастный / счастливый, умный / глупый* в повседневном общении. Не вошедший в статью материал, отражающий полифункциональность этих оценочных суждений, необходимо описывать отдельно.

Наше исследование позволяет по-новому объяснить феномен литературных псевдонимов-прилагательных начала XX в. типа *Демьян Бедный, Павел Беспощадный, Михаил Голодный, Максим Горький, Степан Дальний, Михаил Камский, Леонид Первомайский, Андрей Скорбный* и др. Эти псевдонимы появились не как прямое следствие революционных преобразований, а как результат отражения в сознании поэтов и писателей того процесса поиска идентичности, который начался еще в XIX в. и обострился в 1920-е гг. Если принять такое объяснение, то в ряд «революционных» псевдонимов легко вписываются и «нереволюционные»: *Андрей Белый, Александр Одинокый, Саша Черный*.

Список источников

1. *Норман Б.Ю.* Прагматический потенциал русской лексики и грамматики. Екатеринбург ; Москва : Кабинетный ученый, 2017. 464 с.
2. *Проблемы функциональной грамматики: Отношение к говорящему в семантике грамматических категорий* / отв. ред. В.В. Казаковская, М.Д. Воейкова. М. : Издательский Дом ЯСК, 2020. 488 с.
3. *Проблемы функциональной грамматики: Принцип естественной классификации* / отв. ред. А.В. Бондарко, В.В. Казаковская. М. : Издательский Дом ЯСК, 2021. 512 с.
4. *Glock H., Hacker P.* Reference and the first-person pronoun // *Language and Communication*. 1996. Vol. 16 (2). P. 95–105.
5. *Erikson E.* Identity: Youth and Crisis. New York, 1968. 336 p.
6. *Кон И.С.* В поисках себя: личность и ее самосознание/ М. : Политиздат, 1984. 335 с.
7. *Stearns P., Stearns C.* Emotionology: Clarifying the history of emotions and emotional standarts // *American historical review*. 1985. Vol. 90, № 4. P. 813–836.

8. *Интеракционизм* в американской социологии и социальной психологии первой половины XX века : сб. пер/ / сост. и пер. В.Г. Николаев ; отв. ред. Д.В. Ефременко. М., 2010. 322 с.
9. Dolcini N. The Phantasmatic “I”. On Imagination-based Uses of the First-person Pronoun across Fiction and Non-fiction // *Rivista internazionale di filosofia e psicologia*. 2016. Vol. 7, № 3. P. 321–337.
10. Махов А.Е. Исторические исследования эмоций в современном западном литературоведении // *Современная наука о литературе. Основные тенденции и проблемы* : сб. науч. тр. / отв. ред. Е.А. Цурганова. М., 2018. С. 74–103.
11. Olson E.T. Personal Identity // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* / ed. by N. Zalta. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2019/entries/identity-personal> (дата обращения: 09.07.2020).
12. Лю Г., Маркасова Е.В. Я есть я (идентичность и коммуникация) // *Коммуникативные исследования*. 2021. Т. 8 (4). С. 701–716.
13. Маркасова Е.В., Хэ Х. Конструкция «Я / ты + ж(же)»: же как средство манипулирования // *Scando-Slavica*. 2020. Т. 66 (1). С. 97–117.
14. Хесле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // *Вопросы философии*. 1994. № 10. С. 112–123.
15. Павленко В.Н., Корж Н.Н. Трансформация социальной идентичности в посттоталитарном обществе // *Психологический журнал*. 1998. № 19 (1). С. 75–89.
16. Парфит Д. Тожество личности / пер. с англ. Р.Л. Кочнева // *Омский научный вестник*. 2019. № 2. С. 95–104.
17. Вольф Е.М. Оценочное значение и соотношение признаков «хорошо / плохо» // *Вопросы языкознания*. 1986. № 5. С. 98–106.
18. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М. : Едиториал УРСС, 2002. 280 с.
19. Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений. М. : Наука, 1985. 272 с.
20. Падучева Е.В. Наблюдатель: типология и возможные трактовки. URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2006/materials/html/Paducheva.htm> (дата обращения: 15.09.2022).
21. Падучева Е.В. Семантические явления в высказываниях от 1-го лица: говорящий и наблюдатель. URL: http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/slavisty_2008.pdf (дата обращения: 20.11.2022).
22. Гращенков П.В., Кобозева И.М. Семантические классы и управление прилагательных // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной междунар. конф. «Диалог»*, Москва, 31 мая – 3 июня 2017 г. Вып. 16 (23) : в 2 т. Т. 2. М., 2017. С. 134–149.
23. Падучева Е.В., Зализняк А.А. Семантические явления в высказываниях от 1-го лица // *Finitis duodecim lustris* : сб. ст. к 60-летию профессора Ю.М. Лотмана. Таллин : Ээсти раамат, 1982. С. 142–148.
24. Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // *Семиотика и информатика*. Вып. 28. М., 1986. С. 5–33.
25. Шигуров В.В. Переходные явления в области частей речи в синхронном освещении. Саранск : Изд-во Сарат. ун-та, 1988. 88 с.

References

1. Norman, B.Yu. (2017) *Pragmatischeskij potentsial russkoy leksiki i grammatiki* [Pragmatic Potential of Russian Vocabulary and Grammar]. Yekaterinburg; Moscow: Kabinetnyy uchenyy.
2. Kazakovskaya, V.V. & Voeykova, M.D. (eds) (2020) *Problemy funktsional'noy grammatiki. Otnoshenie k govoryashchemu v semantike grammaticheskikh kategoriy*

[Problems of Functional Grammar. Attitude to the speaker in the semantics of grammatical categories]. Moscow: Izdatel'skiy Dom YaSK.

3. Bondarko, A.V. & Kazakovskaya, V.V. (eds) (2021) *Problemy funktsional'noy grammatiki. Printsip estestvennoy klassifikatsii* [Problems of Functional Grammar. The principle of natural classification]. Moscow: Izdatel'skiy Dom YaSK.

4. Glock, H. & Hacker, P. (1996) Reference and the first-person pronoun. *Language and Communication*. 2 (16). pp. 95–105.

5. Erikson, E. (1968) *Identity: Youth and Crisis*. New York: W.W. Norton.

6. Kon, I.S. (1984) *V poiskakh sebya: lichnost' i ee samosoznanie* [In Search of Oneself: Personality and its self-consciousness]. Moscow: Politizdat.

7. Stearns, P. & Stearns, C. (1985) Emotionology: Clarifying the history of emotions and emotional standarts. *American Historical Review*. 4 (90). pp. 813–836.

8. Efremenko, D.V. (ed.) (2010) *Interaksionizm v amerikanskoy sotsiologii i sotsial'noy psikhologii pervoy poloviny XX veka* [Interactionism in American Sociology and Social Psychology in the First Half of the 20th Century]. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences of RAS.

9. Dolcini, N. (2016) The Phantasmatic “I”. On Imagination-based Uses of the First-person Pronoun across Fiction and Non-fiction. *Rivista internazionale di Filosofia e Psicologia*. 3 (7). pp. 321–337.

10. Makhov, A.E. (2018) Istoricheskie issledovaniya emotsiy v sovremennom zapadnom literaturovedenii [Historical studies of emotions in modern Western literary criticism]. In: Tsuranova, E.A. (ed.) *Sovremennaya nauka o literature. Osnovnye tendentsii i problem* [Modern Science of Literature. Main tendencies and problems]. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences of RAS. pp. 74–103.

11. Olson, E.T. (2019) Personal Identity. In: Zalta, N. (ed.) *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. [Online] Available from: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2019/entries/identity-personal>. (Accessed: 09.07.2020).

12. Liu, G. & Markasova, E.V. (2021) Ya est' ya (identichnost' i kommunikatsiya) [I Am Me (Identity and Communication)]. *Kommunikativnye issledovaniya*. 4 (8). pp. 701–716.

13. Markasova, E.V. & He, H. (2020) Konstruktsiya “Ya / ty + zh(zhe)” : zhe kak sredstvo manipulirovaniya [Construction “I / you + w(s)” : same as a means of manipulation]. *Scando-Slavica*. 1 (66). pp. 97–117.

14. Hösle, V. (1994) Krizis individual'noy i kolektivnoy identichnosti [The crisis of individual and collective identity]. *Voprosy filosofii*. 10. pp. 112–123.

15. Pavlenko, V.N. & Korzh, N.N. (1998) Transformatsiya sotsial'noy identichnosti v posttotalitarnom obshchestve [Transformation of social identity in a post-totalitarian society]. *Psikhologicheskii zhurnal*. 19 (1). pp. 75–89.

16. Parfit, D. (2019) Tozhdestvo lichnosti [Personal Identity]. *Omskiy nauchnyy vestnik*. 2. pp. 95–104.

17. Vol'f, E.M. (1986) Otsenochnoe znachenie i sootnoshenie priznakov “khorosho/plokho” [Estimated value and the ratio of signs “good / bad”]. *Voprosy yazykoznaniya*. 5. pp. 98–106.

18. Vol'f, E.M. (2002) *Funktsional'naya semantika otsenki* [Functional Semantics of Evaluation]. Moscow: Editorial URSS.

19. Paducheva, E.V. (1985) Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deystvitel'nost'yu: Referentsial'nye aspekty semantiki mestoimeniy [Utterance and Its Correlation with Reality: Referential aspects of the semantics of pronouns]. Moscow: Nauka.

20. Paducheva, E.V. (2006) *Nablyudatel': tipologiya i vozmozhnye traktovki* [Observer: Typology and possible interpretations]. [Online] Available from: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2006/materials/html/Paducheva.htm>. (Accessed: 15.09.2022).

21. Paducheva, E.V. (2008) *Semanticheskie yavleniya v vyskazyvaniyakh ot 1 litsa: govoryashchiy i Nablyudatel'* [Semantic Phenomena in First Person Statements: Speaker and

observer]. [Online] Available from: http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf/slavisty_2008.pdf. (Accessed: 20.11.2022).

22. Grashchenkov, P.V. & Kobozeva, I.M. (2017) [Semantic classes and control of adjectives]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii* [Computer Linguistics and Intelligent Technologies]. Proceedings of International Dialog Conference. Moscow. 31 May – 3 June 2017. Vol. 16 (23). Part 2. Moscow: Russian State University for the Humanities. pp. 134–149. (In Russian).

23. Paducheva, E.V. & Zaliznyak, A.A. (1982) Semanticheskie yavleniya v vyskazyvaniyakh ot 1-go litsa [Semantic phenomena in statements from the 1st person]. In: *Finitis duodecim lustris*. Tallin: Eesti raamat. pp. 142–148.

24. Apresyan, Yu.D. (1986) Deyksis v leksike i grammatike i naivnaya model' mira [Deixis in vocabulary and grammar and the naive model of the world]. *Semiotika i informatika*. 28. pp. 5–33.

25. Shigurov, V.V. (1988) *Perekhodnye yavleniya v oblasti chastei rechi v sinkhronnom osveshchenii* [Transitional Phenomena in the Field of Parts of Speech in Synchronous Lighting]. Saransk: Saransk State University.

Информация об авторе:

Маркасова Е.В. – д-р филол. наук, доцент Института русского языка Пекинского университета иностранных языков (Пекин, Китай). E-mail: markasovaelena@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.V. Markasova, Dr. Sci. (Philology), associate professor, Beijing Foreign Studies University (Beijing, China). E-mail: markasovaelena@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 31.08.2022;
одобрена после рецензирования 16.10.2022; принята к публикации 13.03.2023.*

*The article was submitted 31.08.2022;
approved after reviewing 16.10.2022; accepted for publication 13.03.2023.*

Научная статья
УДК 808.5
doi: 10.17223/19986645/82/7

Сталинская «Ода» О. Мандельштама: комментарии языковеда

Василий Павлович Москвин¹

¹ *Волгоградский государственный социально-педагогический университет,
Волгоград, Россия, vasmoskvin@yandex.ru*

Аннотация. Цель статьи – на основе алгоритмов лингвистического анализа составить комментарии к стихотворению Мандельштама «Ода». Выявлены типы осложненности номинаций, приводящие к затруднениям в понимании «Оды»: 1) мотивационная, источниками которой выступают переносы; 2) интертекстуальная, обусловленная недостаточной изученностью прецедентной основы текста; 3) конситуативная: так, стиль «Оды», сближающийся с ораторским, конситуативно маркирован, поскольку такое сближение было характерно для постреволюционной поэзии.

Ключевые слова: поэтика, Мандельштам, подтекст, семантический перенос, интертекстуальность

Для цитирования: Москвин В.П. Сталинская «Ода» О. Мандельштама: комментарии языковеда // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 82. С. 118–162. doi: 10.17223/19986645/82/7

Original article
doi: 10.17223/19986645/82/7

Subtexts of Osip Mandelstam's "Ode" to Stalin: A linguist's commentaries

Vasily P. Moskvina¹

¹ *Volgograd State Socio-Pedagogical University,
Volgograd, Russian Federation, vasmoskvin@yandex.ru*

Abstract. The aim of the article is to reconstruct the semantic structure of Mandelstam's poem "Ode" using contextual, intertextual and consituative analysis. As the study showed, three types of complexity of nominations lead to significant difficulties in the adequate understanding of the "Ode": (1) motivational complication, the sources of which are semantic transfers, primarily metaphor. One of the most striking images of the "Ode" is formed by an expanded metaphor based on the comparison of a poet with an artist, a pen with charcoal, which the artist takes for the highest praise to the addressee of the "Ode". The "duality" of this image that Joseph Brodsky indicated can be explained if we take into account the fact that the line "If I took coal for

the highest praise” contains an oxymoron (perhaps with an intertextual allusion to coal in Horace’s *Satires*), i.e. conceals a contrasting characteristic; (2) intertextual complication. An axiologically significant element of the subtext of the “Ode” is the allusion to the song “Rus” in Nekrasov’s poem *Who Is Happy in Russia?*; this allusion is expressed metrically and lexically. The song is built on contrasts, which gives reason to correlate this allusion with the above oxymoron as a figure of contrast; (3) consituative complication. The style of the “Ode”, which approaches oratorical and even newspaper, should be considered as consituatively marked, since such a convergence was characteristic of revolutionary and post-revolutionary poetry. Among the facts testifying to the dialectical nature of Mandelstam’s view of what was happening in the USSR, is not only the open statement “Debtor is stronger than the claim”, but also the subtexts confirming its sincerity: (a) a reference to the song “Rus”, one of the fragments of which says that power and untruth do not get along; (b) the likening of Stalin to Prometheus in chains; (c) the above oxymoron. This semantic correlation allows asserting that the text contains elements of two-sided argumentation in relation to the assessment of the activities of the USSR’s leader; for the Stalin era, especially after the XVII Congress of the CPSU(b), the Congress of Winners (1934), this position of the author was politically and ideologically unacceptable. The fact that Mandelstam decided on such an argument confirms the validity of his evaluation as a poet who was unable to compromise in his work. The “Ode” is considered a palinody in relation to the poem “We Live Without Feeling the Country Beneath Our Feet ...” (1933). In the light of the above facts, it would be more accurate to talk about incomplete palinody, since the unambiguously negative evaluation is replaced in the “Ode” by not unambiguously positive, but dialectical, possibly with the prophetic element – power and untruth do not get along.

Keywords: poetics, Mandelstam, subtext, semantic transfer, intertextuality

For citation: Moskvina, V.P. (2023) Subtexts of Osip Mandelstam’s “Ode” to Stalin: A linguist’s commentaries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 82. pp. 118–162. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/82/7

Введение

Одним из наиболее сложных для уверенного истолкования стихотворений О. Мандельштама (далее – ОМ) является «Ода», написанная в воронежской ссылке в январе – феврале 1937 г. и прозванная, по имени своего адресата, сталинской¹:

< I >

Когда б я уголь взял для высшей похвалы –	12
Для радости рисунка непреложной, –	11
Я б воздух расчертил на хитрые углы	12
И осторожно и тревожно.	10

¹ Текст приводится по изданию [1. С. 112–114] и далее цитируется как *Ода*, с указанием строфы и стиха. Иные названия: 1) по инципиту: «Когда б я уголь взял для высшей похвалы...»; 2) по имени адресата: «Стихи о Сталине». Цифрами справа обозначен силлабический объем стихов.

Чтоб настоящее в чертах отозвалось,	12
В искусстве с дерзостью гранича,	9
Я б рассказал о том, кто сдвинул мира ось,	12
Ста сорока народов чтя обычай.	11
Я б поднял брови малый уголок,	10
И поднял вновь, и разрешил иначе:	11
Знать, Прометей раздул свой уголек, –	10
Гляди, Эсхил, как я рисуя плачу!	11

< II >

Я б несколько гремучих линий взял,	10
Все молодежью его тысячелетье,	13
И мужество улыбкою связал	10
И развязал в ненапряженном свете,	11
И в дружбе мудрых глаз найду для близнеца,	12
Какого, не скажу, то выраженье, близясь	13
К которому, к нему, — вдруг узнаешь отца	12
И задышаешься, почуяв мира близость.	13
И я хочу благодарить холмы,	10
Что эту кость и эту кисть развили:	11
Он родился в горах и горечь знал тюрьмы.	12
Хочу назвать его – не Сталин, – Джугашвили!	13

< III >

Художник, береги и охраняй бойца:	12
В рост окружи его сырым и синим бором	13
Вниманья влажного. Не огорчить отца	12
Недобрым образом иль мыслей недобором.	13
Художник, помоги тому, кто весь с тобой,	12
Кто мыслит, чувствует и строит.	9
Не я и не другой – ему народ родной –	12
Народ-Гомер хвалу утроит.	9
Художник, береги и охраняй бойца:	12
Лес человечества за ним поет ¹ , густея,	13
Само грядущее – дружина мудреца,	12
И слушают ² его все чаще, все смелее.	13

¹ Вариант *идет* [2. С. 309] неприменим к лесу, вариант *поет* в этом плане более правдоподобен, ср.: *И в сердце огненной горою // Не купина – горящий лес // Поет* (М. Кузмин. Глиняные голубки. 1913).

² Форма мн. ч. *слушают*, придающая 12-й строке неопределенно-личное значение, а значит, и смысловую автономность, выставлена по изданию Р. Хьюза и Дж. Мальмстада [3. Р. 686]. Вариант ед. ч. *слушает*, принятый в других изданиях, контекстуально неприемлем, поскольку: а) он приводит к анаколуфу (*Само грядущее – дружина мудреца и слушает*), который ОМ допустить не мог; б) неясно, почему дружина слушает *своего* мудреца *все чаще* (раньше не слушала?) и *все смелее* (преодолевая страх?).

< IV >

Он свесился с трибуны, как с горы, –	10
В бугры голов. Должник сильнее иска.	11
Могучие глаза решительно добры,	12
Густая бровь кому-то светит близко.	11
И я хотел бы стрелкой указать	10
На твердость рта – отца речей упрямых.	11
Лепное, сложное, крутое веко, знать,	12
Работает из миллиона рамок.	11
Весь – откровенность, весь – признанья медь	10
И зоркий слух, не терпящий сурдинки.	11
На всех, готовых жить и умереть,	10
Бегут, играя, хмурые морщинки.	11

< V >

Сжимая уголек, в котором все сошлось,	12
Рукою жадною одно лишь сходство клича,	13
Рукою хищною – ловить лишь сходства ось, –	12
Я уголь искрошу, ища его обличья.	13
Я у него учусь — не для себя учась.	12
Я у него учусь — к себе не зная пощады.	13
Несчастья скроют ли большого плана часть?	12
Я разыщу его в случайностях их чада...	13
Пусть недостоин я еще иметь друзей,	12
Пусть не насыщен я и желчью и слезами,	13
Он все мне чудится в шинели, в картузе	12
На чудной площади с счастливыми глазами.	13

< VI >

Глазами Сталина раздвинута гора	12
И вдаль прищурилась равнина,	19
Как море без морщин, как завтра из вчера –	12
До солнца борозды от плуга-исполина.	13
Он улыбается улыбкою жнеца	12
Рукопожатий в разговоре,	9
Который начался и длится без конца	12
На шестиклятвенном просторе.	9
И каждое гумно и каждая копна	12
Сильна, убориста, умна – добро живое –	13
Чудо народное! Да будет жизнь крупна!	12
Ворочается счастье стержневое.	11

< VII >

И шестикратно я в сознании берегу —	12
Свидетель медленный труда, борьбы и жатвы —	13
Его огромный путь — через тайгу	10
И ленинский Октябрь ¹ — до выполненной клятвы.	13
Уходят вдаль людских голов бугры:	10
Я уменьшаюсь там, меня уж не заметят.	13
Но в книгах ласковых и в играх детворы	12
Воскресну я сказать, что ² солнце светит.	11
Правдивей правды нет, чем искренность бойца.	12
Для чести и любви, для воздуха и стали	13
Есть имя славное для сильных губ чтеца.	12
Его мы слышали и мы его застали.	13

Жанром оды обусловлены: 1) установка на «ораторское действие» [4. С. 230]; 2) моменты, с одной стороны, амплифицированной похвалы адресату, с другой – смиренного самоуничижения («self-denying abasement») автора [5. С. 553–554], отсюда прием «“рекузации”, позволяющий прославлять, сохраняя вид скромной уклончивости» и состоящий в «нагромождении сослагательных наклонений» [6. С. 104–105]; 3) предсказание, в котором присутствует «...та же логика, что в классических “Памятниках”, включая и пушкинский, – я умру, а слово мое будет жить» [7. С. 232]: *Я уменьшаюсь там, меня уж не заметят. // Но в книгах ласковых и в играх детворы // Воскресну я сказать, что солнце светит* (Ода, VII: 6–8), ср.: *Нет, весь я не умру – душа в заветной лире // Мой прах переживет и тленья убежит* (А.С. Пушкин. Я памятник себе воздвиг нерукотворный... 1836). Поскольку в этом контексте *воскресну* означает ‘вернусь в книгах’ (= ‘весь я не умру’), едва ли уместно усматривать здесь «милость Господа» и «воскресение Сына» [8. С. 110], т.е. говорить о «религиозных аспектах» «Оды» [6. С. 106]. Выражение *солнце светит* означает ‘жизнь продолжается’, ср.: *Слава Богу, солнце светит, ветер шумит в листве, дети смеются. Жизнь продолжается* (Ф. Искандер. Ласточкино гнездо. 1994), с этой точки зрения в трактовке лексемы *солнце* как «солнце Сталина» [7. С. 232] видится аллегорезис³.

¹ Заглавная буква (как тематически более уместная для эпохи, в которую был написан текст) выставлена по изданию: [2. С. 310].

² Вариант: как [2. С. 311]. Если имеется в виду смысл *солнце светит* ‘продолжает светить’, т.е. (per metonymian) ‘жизнь продолжается’, то более уместен союз *что*.

³ Аллегорезис – интерпретация выражения как содержащего метафору, в частности аллегория, ср.: *Вход с трагической надписью: «Выхода нет»* (Б. Слуцкий. Дальний автобус. 1971); на мотив «Снесла курочка...»: *вот метафора сказочно точная: // его били-били – не разбили // дед и баба // (т.е. всякие объективные // социально-политические // и социокультурные // тяготы и лишения)* (Т. Кибиров. Шалтай-Болтай. 2001).

В стихотворении наблюдаем «...тот торжественный и монументальный стиль, который наиболее характеризует зрелую поэзию Мандельштама», когда стихи его «...все чаще напоминают маленькие оды или трагедийные монологи» [9. С. 131]. Возвышают стиль текста:

1. Длина стиха. Вариативный размер «Я4ж ↔ Я5м/ж ↔ Я6м/ж» приводит к колебанию силлабического объема стиха в пределах от 9 до 13 слогов. Напомним, что колоны, в частности стихи¹, принято подразделять, согласно старинной традиции, на три типа: а) комма (от 1 до 6 слогов), cf.: «...ὅτι κόμμα ἐστὶ σύνθεσις διανοίας μικροτέρα κώλου, ἀπὸ μιᾶς συλλαβῆς μέχρις ἑξ ἑκτενομένη» ‘комма сия есть выражение меньше колона, от одного слога не более чем до шести достигающее’ [12. Р. 819 / Περί εὗρ. IV, 1]; б) семиколон (от 7 до 11 слогов), напр.: «Semicolon sustinet medium naturam inter Colon, & Comma, & tamen plus est, quam Incisum, Seu Comma» ‘Семиколон занимает середину между колоном и коммой, <по длине> превышая комму’ [13. Р. 45 / Р. II, 6]; в) длинный колон (от 12 слогов), в частности colon oblongum, превышающий длину гекзаметра: «Colon mediocre est *Membrum* iustae magnitudinis, intra nimirum duodecimam, & decimam octauam, aut vicesimam *Syllabam* se continens, diciturque Graece *μέτριον*» ‘Как полагают греки, умеренной длины колон насчитывает между двенадцатью и восемнадцатью или двадцатью слогами’ [13. Р. 46 / Р. II, 7]. Стилистическая релевантность силлабического объема стиха была отмечена еще в эпоху Античности: «Γίνεται μὲν οὖν ποτὲ καὶ μακροῦ κώλου καιρὸς, οἷον ἐν τοῖς μεγέθεσιν...» ‘Речь о предметах величественных требует удлинения колонов’, поэтому «...διὰ τοῦτο καὶ ἑξάμετρον ἥρωον τε ὀνομάζεται ὑπὸ τοῦ μήκου, καὶ πρέπον ἥρωσιν...» ‘гекзаметр по своей длине приличествует героической <песне> и <повествованию> о героях», «...καὶ βραχέος οἷον, ἢ τοι μικρόν τι ἡμῶν λεγόντων...» ‘краткие же колоны к предметам мелким применимы’, их сочетание дает «ξηρὰ σύνδεσις» ‘сухое, аскетичное течение речи’ [10. Р. 6 & 4 / De eloc., 5 и 4]. Колоны «Оды» достигают нижнего предела гекзаметра, слоговой объем которого варьируется, как известно, в пределах от 13 до 17 слогов.

2. Пространность синтаксических построений, усложненная: а) различными видами параллелизма; б) характерным для Библии полисиндетоном

¹ Начиная с Античности ученые указывают на изоморфизм стихового членения поэтической речи и колометрического членения речи прозаической: «Ὡςπερ ἡ ποίησις διαίρεται τοῖς μέτροις οἷον ἡμέτροις, ἢ ἑξαμέτροις, ἢ τοῖς ἄλλοις οὕτω καὶ τὴν ἐρμηνείαν τὴν λογικὴν διαίρει καὶ διακρίνει τὰ καλούμενα κῶλα, καθάπερ ἀναπαύοντα τὸν λόγον, τὰ τε καταλεγόμενα αὐτά, καὶ ἐν πολλοῖς ὁροῖς ὀρίζοντα τὸν λόγον ἐπεῖτο μακρὸς ἂν εἴη καὶ ἄπειρος, καὶ ἀτεχνῶς πνίγων τὸν λέγοντα» ‘Подобно тому как поэтическая речь членится на такие меры (μέτροις), как полустихия и гекзаметрические стихи, а также все подобные им, так же и речь прозаическая разделяется и разрезается на так называемые колоны, кои паузами членят речь на множество частей, а иначе речь была бы пространной и безграничной, неискусной и удушающей говорящего’ [10. Р. 2 / De eloc., 1]. Иоанн Сикелиот именовал колон «риторическим стихом (ῥητορικός στίχος)», утверждая: «Κῶλον δὲ ἐστὶ στίχος...» ‘Колон является стихом...’ [11. Р. 82 / Ἐξηγ. I: 6–7].

на «и», напр.: **И** поднял вновь, **и** разрешил иначе (Ода, I: 10), ср.: **И** был вечер, **и** было утро (Бытие, I: 5).

3. Практически полное отсутствие: а) резких стиховых членений; б) резких стиховых переносов (за исключением отдельных эмоциональных вкраплений, см., напр.: (Ода, II: 6–8; III: 2–4). Еще Дионисий Галикарнаский отметил, что поэт нередко должен из одного стиха в другой «μικύνειν τὸν λόγον» ‘продлевать речение’ [14. Р. 426 / De comp. verb. XXVI: 256]. Рассматривая условия, при которых «[π]ῶς ποίημα, ἢ μέλος πεζῇ λέξει καλῇ παραπλήσιον γένοιτο» ‘[с]тихотворная речь, в частности лирика, приобретает черты сходства с прозой’, Дионисий указал на активность применения переносов как основную причину такого сходства [14. Р. 416 и 424–439], cf. latine: «Etenim pedestri quam proxime orationi acceditur, quam numeris mensuris erratum est» ‘Чем больше метрических ошибок (т.е. случаев переноса), тем более к **прозе** (букв. ‘к языку **солдат**’) речь приближается» [14. Р. 417]. Переносы применяются при стилизации сниженной речи, ОМ явно их избегает; в 68 стихах из 84 стиховые членения совпадают с грамматическими паузами, отсюда «замедленная, плавная, строгая речь, овеванная холодом бесстрастия» [9. С. 131].

4. Ксенизмы, реализующие античные мотивы (*Прометей, Эсхил, Гомер*), ср.: в стихотворениях ОМ, «тематика которых связана с архитектурой, с религией, **с греческим эпосом... с историей**, присутствует единый объединяющий элемент – элемент величия, монументальности и торжественности» [15. Р. 25].

5. Минорность не только тематики, но и фоники, в связи с чем отметим роль звука [y]. Считается, что «специфический тембр гласного у придает ...унылость и заунывность» [16. С. 25]. Речь идет о звукосимволизме, который может быть определен как метонимическое ассоциирование звука или буквы с включающим словом, а значит, и его содержанием¹, напр.: /y/ ~ **уныние**, «унылость и заунывность» = печаль, ср.: показать можно «...через **О, У, Ы** страшные и сильные вещи, гнѣвъ, зависть, боязнь и **печаль**» [18. С. 598]. В том, что минорный тон отвечает высокому стилевому регистру, убеждают результаты простого количественного эксперимента: в стихотворении ОМ «За то, что я руки твои не сумел удержать...» (1920), минорном по своей тональности, на один звук [y], представленный графемами у, ю, приходится 25 графических знаков; в стилистически сходном стихотворении «Когда городская выходит на стогны луна...» (1920) – 28; в стихотворении «1 января 1924» (1924, 1937), «мрачном и торжественном» [19. Р. 211], – 25; в торжественном и трагическом стихотворении «За гремучую доблесть грядущих веков...» (1931, 1935) – 28; в «Оде» – наибольшая плотность: 22. Данным текстам противостоят шуточные стихотворения ОМ: «Сонет» (1934–1935), где этот индекс составляет 53 единицы; «Антология житейской глупости» (1925) – 59; «Баллада о

¹ Ср.: «В стихе фонемы, составляющие слово, приобретают семантику этого слова» [17. С. 176].

горлинках» (1924) – 43; «Из альбома Д.И. Шепеленко» (1923) – 51; «Эпиграмма в терцинах» (1931) – 64; как видим, звук [у] здесь приблизительно в два раза менее частотен.

6. Установка на затемнение. Высокий стиль несовместим не только с комизмом («Ода» минорна тематически и фонетически), а также с бытовыми ассоциациями (в «Оде» они отсутствуют), но и с открытостью дескрипций. Сопоставляя речь прикрытую и открытую, Деметрий Фалерский пишет: «*νῦν δὲ ὥσπερ συγκαλύπτται τοῦ λόγου τῇ ἀλληγορίᾳ κέχρηται· πᾶν γὰρ τὸ ὑπονοούμενον φοβερώτερον, καὶ ἄλλος εἰκάζει ἄλλο τι· ὁ δὲ σαφὲς καὶ φανερόν, καταφρονεῖσθαι εἰκός, ὥσπερ τοὺς ἀποδεδυμένους*» ‘Аллегория (имеется в виду ἀλληγορία in genere, т.е. любой перенос. – В.М.) представляет собой **речь прикрытую**, а все, что заключает в себе темный намек, возбуждает гораздо больше ужаса и всяких догадок среди слушателей. С другой стороны, то, что **выражено ясно и открыто**, достойно лишь **презрения**, подобно человеку без одежды’ [10. Р. 74 / De eloc., 100]. Затемненность «Оды» вполне отвечает этому правилу.

Затемнение в текстах ОМ связано не только с возвышением стиля, но и с профетическим пафосом, что соответствует сути поэзии (ср. лат. *vates* ‘поэт’, ‘пророк’). ОМ обладал «необыкновенно точн[ым] зрени[ем] и провидчesk[им] дар[ом]» [20. С. 468]. Из воспоминаний Н.А. Павлович: «Но вот он начал читать, нараспев и слегка ритмически покачиваясь. <...> Я никогда не видела, чтобы человеческое лицо так изменялось от вдохновения и самозабвения. Некрасивое, незначительное лицо Мандельштама стало **лицом ясновидца и пророка**» [21. С. 167–168]. Сочетание высокого стиля и установки на затемнение характерно для символизма¹, от которого ОМ, строго говоря, никогда не отходил: «Осип Мандельштам, разрывая связи с символистами, оставался продолжателем символизма» [22. С. 395]. С этой точки зрения вызывает понимание позиция Г.В. Адамовича: «...Блок один в наш век Пушкину противостоит и до известной степени ему отвечает, и его продолжает. <...> Есть **царство Блока**, и сознают они это или нет, **все новейшие русские поэты – его подданные**, даже если иные среди них и становятся подданными-бунтовщиками и подданными-отступниками» [23. С. 88, 90].

1. Методика исследования

Основу любого научного исследования составляет описательный метод, который помимо наблюдения таксономически релевантных сторон объектов предполагает сопоставление последних по определенному параметру: так, метод аналогии применяется ниже для подтверждения языковой реальности выявляемых смыслов, что во многом определило отбор источ-

¹ См., напр., тексты из цикла «Стихи о Прекрасной Даме» А. Блока: *Встали надежды пророка – // Близки лазурные дни. // Пусть лучезарность востока // Скрыта в неясной тени* (А. Блок. Посвящение. 1901).

ников иллюстративного материала. Предмет и, соответственно, выбор частных методов исследования определен следующей доминантной особенностью стихотворений ОМ: известно, что с начала 20-х гг. в стихах поэта рядом с прежними, простыми и ясными, что соответствует установкам акмеизма, появляются противящиеся расшифровке темные дескрипции, «[...] недоступные вполне обычному пониманию» [24. С. 32]. Характерные для восприятия поэзии позднего ОМ «[о]тзывы “непонятно”, “загадочно”, “бессмысленно”» диктуют необходимость «найти пути, способы ее постижения» [25. С. 5]. Типовыми источниками неясности, релевантными для поэтической речи и характерными, в частности, для поэтики ОМ, являются:

1. **Мотивационное осложнение речи** (см. раздел 2), к которому приводят переносы как генераторы катахрезных, т.е. абсурдных, зачастую лишь на первый взгляд, словосочетаний, возникающих в результате конфликта внутренней формы слова с контекстом¹. Один из постулатов священной филологии, восходящий к концепции М. Лютера, гласит: «Scriptura Sacra sui ipsius interpret» ‘Священное Писание интерпретируется через себя’², т.е.: 1) через ранние издания и оригинал; 2) через контекст, в частности предтекст и «широкий контекст (totius contextus)» как «ключ (clavis)» к элокутивно затемненному тексту, в связи с чем М. Флациус (1520–1575), используя в качестве когнитивной аналогии уподобление частей текста частям тела, утверждает, что: а) часть поддается осмыслению только с опорой на целое, et vice versa (эта методика анализа известна как принцип герменевтического круга): так, для толкования частей текста, каковыми являются переносные выражения и иные loci obscuri, «considerandae materiae, & totius contextus» ‘рассматриваются содержание и широкий контекст’, т.е. целое; б) сумма частей текста подчинена замыслу («primum scopus ipse & tota summa singulis partibus»), как тело – голове. Вся аналогия выглядит так: «...tot membra aut partes ad efficiendū hoc unu corpus conueniant: quatenus sit, singulorū membrorū uel inter sese, uel etiam cum toto corpore, ac praesertim cum capite ipso, conuenientia, harmonia ac proportio» ‘все члены <телесные>, или части <текста>, должны в полной мере целому соответствовать, с тем чтобы отдельным членам между собою и со всем телом в целом, в особенности же с головою (т.е. замыслом) быть в соответствии, гармонии и пропорции’ [27. Р. 17, 23]. Современная версия контекстуального анализа диктует обращение: а) к типологии элокутивных тактик; б) к приемам экспериментальной методики, прежде всего к трансформационному анализу.

2. **Интертекстуальное осложнение речи** (см. раздел 3). Адекватное понимание такого осложнения предполагает выявление прецедентного текста.

¹ К абсурду приводит нарушение принципов правдоподобия и логики. К числу переносов, нарушающих эти принципы, отнесем: а) метафору; б) метонимию; в) таксономические переносы (с вида на род и с вида на вид), исключая abstractum pro concreto (животное вм. кот), так как этот перенос не связан с подменой понятий.

² Cf.: «Opportet ...Scriptura ... ut sit ipsa per sese certissima ... sui ipsius interpret...» [26. Р. 100].

3. *Конситуативное осложнение речи* (см. раздел 4). Еще Иоанн Златоуст указал на то, что при пояснении темных мест текста предметом изучения должны стать факты («ιστορία»¹): «Что неясно <в тексте>, поведай мне! Изучи и проясни факты, чрез них о неясностях задайся вопросами»² [28. Р. 611]. При истолковании стихотворений ОМ трудно обойтись без обращения к фактам его биографии: «...соотнесение поэтического и биографического объективному познанию не противопоказано. Тем более, что биография Мандельштама грозно нависает над его искусством – она слишком много весит, чтобы от нее можно было отвлечься» [25. С. 6]. Существует, однако, и иное отношение к этому аспекту анализа: «Есть справедливое презрение к литературным биографиям, журналистскому и обывательскому интересу к личной жизни художника, потому что здесь начинаются объяснения и трактовки, ничего общего с его произведениями не имеющие» [29. С. 317].

В указанных трех случаях возникают наиболее сложные для анализа *loci obscuri*; впрочем, анализ с контекстуальной, интертекстуальной либо конситуативной точек зрения приводит к разъяснению невязки и, соответственно, к трактовке, отвечающей авторскому замыслу. Эти три точки зрения мы принимаем за *τόποι*³, с которых следует рассматривать темные места в текстах ОМ. Не только *loci obscuri*, но и варианты текста ОМ могут быть рассмотрены: 1) с конситуативной точки зрения, напр.: *октябрь* / *Октябрь* (Ода, VII: 4); 2) с контекстуальной точки зрения, напр.: а) *Лес человечества за ним идет* / *Лес человечества за ним поет* (Ода, III: 10); б) *слушает* / *слушают* (Ода, III: 12); в) *как солнце светит* / *что солнце светит* (Ода, VIII: 8). Как показывает представленный ниже анализ научной литературы, недооценка конситуативного тестирования и названных приемов лингвистического анализа приводит к искажению связей между художественным миром и отраженной в нем действительностью, в частности к буквальному пониманию текста и к аллегорезису. Именно здесь наблюдаем методологические упущения в сфере исследования поэтики ОМ, а зачастую и «просто глубокое непонимание» [30. С. 140].

2. Мотивационный комментарий

Фактором мотивационного осложнения номинаций «Оды» выступают семантические переносы как источники не всегда понятных подтекстов, а также катахрезных словосочетаний, буквальное понимание которых приводит

¹ То есть, выражаясь языком современной филологии, фоновая фактологическая информация, в частности конситуация, ситуативный контекст.

² Cf.: «Ποῖον ἀσαφές, εἰπέ μοι; οὐχὶ ἱστορίαί εἰσὶ; τὰ γὰρ σαφῆ οἶδας, ἵνα περὶ τῶν ἀσαφῶν ἐρωτήσῃς».

³ Термин *τόπος* употребляется здесь, в соответствии с античной традицией, в логическом смысле 'аспект анализа' и не имеет отношения к термину *τοπος* в более позднем филологическом его понимании.

к абсурду. Под этим углом зрения следует рассмотреть двенадцать фрагментов текста:

1. *Когда б я уголь взял для высшей похвалы – // Для радости рисунка непреложной, – // Я б ВОЗДУХ расчертил на хитрые углы...* (Ода, I: 1–3). Зачин «Оды» построен на развернутой метафоре, уподобляющей поэта художнику, рисующему углем. По мнению И. Бродского, «...моментальная поляризация в строке возникает: уголь, **низкий** (?) материал – “высшая похвала”, – то есть не совпадающий с высшей похвалой... Тут сразу же возникает двойственность, и Мандельштам в этой “Оде” от начала и до конца минимум двойственен. То есть, разумеется, речь идет не о двойственности его чувств, это было бы слишком банально, а о двойственности <поэтических> техник, которыми он здесь пользуется» [31. С. 43]. Оценка угля как «низкого материала» (подходящая, напр., к слову *деготь*) не соответствует коннотационалу лексемы *уголь*, ср.: *черное золото, солнечный камень*. Думается, дело не в этом. Как показал анализ, целый ряд темных мест «Оды», в том числе и та «двойственность», которую почувствовал Бродский, проясняется при рассмотрении техники рисования углем. Последняя предполагает:

1.1. Твердую поверхность, ср. далее: *Я уголь искрошу, ища его обличья* [Ода, V: 4]; идея «расчертить воздух» поясняется ниже.

1.2. Предварительный эскиз, создавая который, следует обозначить основные элементы композиции, т.е. «начинать с линий» [32. С. 52], ср.: *Я б несколько гремучих линий взял* (Ода, 2: 1); применительно к тексту ОМ такой эскиз состоит в расчерчивании *на хитрые углы*. Едва ли тут подразумеваются: а) «тема углов, в которых скрываются и прячут (ср. с выражением ‘загнать в угол’, т.е. поставить в безвыходное положение)» [33. С. 300]; б) «тайный чертеж» [33. С. 291]; в) «пентаграмма», «пятиугольная звезда» [34], поскольку эти трактовки не вяжутся с мотивом рисования портрета; г) «...намек на ремесленный прием рисующих с образца портретистов, расчерчивающих образец и свою **копию** на квадраты» [34. С. 587], ибо речь идет о создании оригинального портрета, а не копии. Если исходить из того, что в стихе *Чтоб настоящее в чертах отозвалось* (Ода, 1: 5) речь идет о *чертах лица*, а в портретных изображениях «[к]лючевую роль в лице Сталина обычно играют глаза – источник взгляда...» [35. С. 176], то *хитрые углы* в эскизе ОМ составляют прежде всего уголки хитро прищуренных глаз, ср.: *Как зачарованная, глядела я на [...] его густые черные брови, хитрый прищур, кавказские усы, – пока меня не осенило, что это – Сталин* (Т. Толстая. Не кысь (2004)). Выражение *хитрые углы* образовано, скорее всего, посредством характерного для поэтики ОМ метонимического смещения (см. ниже): *уголки хитро прищуренных глаз* → *хитрые углы*. К этому же образу отнесем: а) уголки бровей: *Я б поднял брови малый уголок* (Ода, I: 10); б) отходящие лучами от уголков глаз морщинки: *Товарищ Сталин хитро улыбнулся, отчего разбежались к уголкам глаз обаятельные морщинки* (Л.Г. Бояджиева. Возвращение Мастера и Маргариты (2005)); *От уголков глаз бегут вверх, к вискам, мелкие морщины, какие образуются у людей, часто прищуриваю-*

щихся. Он и сейчас **щурился**, попыхивая трубкой (В. Кетлинская. Иначе жить не стоит. 1966), ср. в одном из ранних вариантов «Оды»: *Бегут, играя, шурые морщинки...* [36. С. 345]. Этот же прищур наблюдаем у директора Воробьевского совхоза, портрет которого создан ОМ в набросках к книге «Старый и новый Воронеж»: «Выражение его лица давало весь переход от удивительной доброты и ласки к угрозе – через насмешку, через **стрелковый прищур**: от зоркости это лицо с удивительной быстротой несло к подозрительности» [37. С. 462] ‘прищур стрелка’ (военная метафора). Если полагать, что отходящие лучами от уголков глаз морщинки напоминают *линии гремучего взрыва*¹ (ср. *гремучая смесь, ртуть, граната*²), то выражение *Я б несколько гремучих линий взял* (Ода, 2: 1) также следует понимать как построенное на военной метафоре (со сдвигом эпитета). Едва ли целесообразно видеть здесь: а) ассоциацию с гремучей змеей, увязывая с ней образ Сталина [33. Р. 296–297; 38. С. 145]; б) некую тайнопись, «зашифровку» [33. Р. 243]. Линии морщинок, отходящих лучами от уголков глаз, коррелируют: а) с улыбкой, упоминаемой ниже: *Я б несколько гремучих линий взял <...> // И мужество <бойца> улыбкою связал* (Ода, II: 1 и 3), *связал* – здесь: ‘смягчил’⁴; б) с высоко поднятыми бровями: *Я б поднял брови малый уголок, // И поднял вновь, и разрешил иначе* (Ода, I: 9–10); судя по кадрам кинохроники (см.: [40]), когда Сталин был доволен и когда улыбался, брови высокими дугами поднимались вверх, когда хмурился – опускались. Под словами *разрешил иначе* следует понимать решение художника сблизить образ Сталина с образом Прометея, ср. строкой ниже: *Гляди, Эсхил, как я рисуя плачу!* (Ода, I: 12).

1.3. Контрастный фон, прежде всего белый⁵, отсюда: а) типовая характеристика рисунка, выполненного углем как источником и ассоциатом

¹ Ср.: Они [умственные движения] влекут за собой... не **гремучие взрывы**, а тихие разряды массовой деятельности (А.Л. Чижевский. Психические эпидемии и циклическая деятельность Солнца. 1929).

² Данное словосочетание находим в известной песне о событиях Гражданской войны: *Орленок, орленок, // Гремучей гранатой // От сопки солдат отмело* (Я.З. Шведов. Орленок. 1936).

³ См. ниже: *Художник, береги и охраняй бойца* (Ода, III: 12); *Правдивей правды нет, чем искренность бойца* (Ода, VII: 12), ср.: *С ранних юношеских лет товарищ Сталин – боец за дело партии, за дело рабочего класса, за дело трудящихся* (Е. Ярославский. О товарище Сталине. 1941).

⁴ С. Баталов, усматривая в стихах *И мужество улыбкою связал // И развязал в ненапряженном свете* (Ода, II: 2–3) «аллюзии[ю] на евангельские слова: “Истинно говорю вам: что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе” (Мф. 18:18)», делает вывод: «Лирический герой посланник Бога» [39]. Но в речи Иисуса, обращенной к ученикам, глагол *связать* принято понимать как ‘осудить’, *разрешить* – как ‘простить’, ср.: *...властью Его мне данную, прощаю и разрешаю ты от всех грехов твоих* (Разрешительная молитва (XIII в.), в «Оде» же эти глаголы отнесены к процессу рисования).

⁵ Роль фона может выполнять и тонированная бумага [32. С. 49], но в бытовом сознании рисование углем ассоциируется именно с белой: *Тетя Дотя начнет рисовать*

черного цвета: «черно-белый» [41. Р. 39]; б) оценка угля как «проводника черно-белого» [42. Р. 72], ср.: «Инструментами черно-белого рисунка... являются свинцовые карандаши, мелки, уголь, а также перо и чернила» [43. Р. 1]; в) сходство выполненных углем рисунков с черно-белыми фотографиями [44. Р. 44]. Д.Г. Лахути отмечает: «Уголь, помимо прочего, задает черный цвет: похвала Сталину в той мере, в какой она присутствует в “Оде”, хочешь не хочешь, окрашена черным» [45. С. 71]. Но с этой точки зрения: 1) слово *похвала* в 1-м стихе должно обрести антифразисный смысл, а «Ода» – характер элевации¹, чего в действительности нет; 2) Сталин предстает в угольно-черном облике [45. С. 102], хотя: а) техника рисования углем облигаторно предполагает белый фон; б) художник в «Оде» рисует *линиями*, а не закрашивает портрет сплошь черным цветом. Точнее было бы считать, уже с точки зрения науки о языке, что в основу стиха *Когдаб я уголь взял для высшей похвалы* положен косвенный оксюморон, осложненный символикой черного цвета. Напомним: 1) оксюморон представляет собой сочетание противоположных по смыслу слов с целью показать противоречивость объекта: *Я царь – я раб – я червь – я бог!* (Г.Р. Державин. Бог. 1784); 2) в основе оксюморона как приема нарочитого абсурда лежит нарушение логического закона непротиворечия, в соответствии с которым суждение и его отрицание, в частности противоположные оценки (*царь* и *раб*), не могут быть одновременно истинными применительно к одному объекту; 3) нарушение это (*contradictio in adiecto*) кажущееся, поскольку оценка здесь производится по разным параметрам, ср.: *Я царь природы, но я раб страстей своих*; 4) известны два номинативных типа оксюморона: а) прямой: *горячий холод, живой мертвец*; б) косвенный: *горячий снег, живой труп, Лев Мышкин, уголь для похвалы*. Косвенный оксюморон менее очевиден, так как контраст в нём не опирается на значения, а выводится из пресуппозиций: *снег* – ‘холодный’, *уголь* – ‘черный’. В Риме символом похвалы считался мел, символом отрицательной оценки – уголь², ср.: ...*ut creta an carbone notati?* ‘оценено положительно или нет, похвала или хула?’, букв. ‘писано мелом иль углем?’ (Гораций. Сатиры (II, 3: 246). 30 г. до н. э.). «Сатиры Квинта Горация Флакка» в переводе М.А. Дмитриева (1858) – текст слишком известный,

очень внешне на бледно-белом лице, точно углем на белой бумаге (А. Белый. Крещеный китаец. 1921).

¹ Элевация – ироническое восхваление, ср.: *А я, неведомый Пиита, // В восторге новом воспою // Во след Пиита знаменита // Правдиву похвалу свою* (А.С. Пушкин. Ода его сият. гр. Дм.Ив. Хвостову. 1825).

² Пример сходной символики в русском языке: *Сейчас ото всех открытых алтарей гремит светлая похвала торжественного лика* (Д. Крючков. Последний рыцарь. 1916). В «Оде» как ассоциат черного цвета осмыслен не только уголь, но и *чад* (‘источник копоти, сажи’) – метафора-символ <черного> несчастья, противопоставленная большому плану <построения светлого будущего>: *Я уголь искрошу, ИЩА его обличья <...> Несчастья СКРОЮТ ли большого плана часть? // Я рызницу его в случайностях их чада...* (Ода, V: 4 и 7–8).

чтобы не принять во внимание возможность его прецедентной роли по отношению к «Оде».

Г. Фрейдин полагает, что ОМ «рисует горящим Прометеевым углем» [19. Р. 261]. Но мотив угля в «Оде» используется как основа двух разных образов с разными **субъектами**: а) уголь (уголек) 'инструмент художника': *Когда б я уголь взял* (Ода, I: 1), *Сжимая уголек, в котором все сошлось* (Ода, V: 1); б) уголек метонимич. 'огонек', здесь – 'священный огонь Прометея': *Знать, Прометей раздул свой уголек* (Ода, I: 11) 'раздул свой огонек', ср.: *В твоей душе огонь горит, Огонь священный Прометей! Иди смелей! Он, пламеня, Тебе дорогу озарит! Лелей в груди негодованье, Бичуй порок, на зло восстань* (К. Бальмонт. С норвежского. 1892). Первое словоупотребление отвечает узусу, второе имеет авторский характер. Замена «<Прометеев> огонь → уголек 'огонек'» стимулируется: а) фонетически – первым рифмантом (уголок); б) стилистически, ибо «[п]оэтическую речь живит блуждающий, многосмысленный корень» [46. С. 208]: уголь / уголек 'инструмент художника' → уголек 'огонек'¹. По мысли М.Л. Гаспарова, «от уголька Прометея возникает образ графического рисунка в начале Оды» [47. С. 99]. Думается, что уголь в руках художника более значим, поскольку формирует аксиологический подтекст, отвечающий стратегической идее текста – создать антиномический образ, коррелирующий с ключевым тезисом «Оды»: *Должник сильнее иска*.

И. Бродскому принадлежит уподобление «Оды» ОМ его же «Грифельной оде» (1923): «БРОДСКИЙ. Знаете, ведь у Мандельштама есть стихотворение “Грифельная ода”? Так вот, это – “Угольная ода”: “Когда б я уголь взял для высшей похвалы...”» [48. С. 25]. Данная аналогия представляется ложной, что, впрочем, отвечает ее каламбурной интенции. В этой связи укажем ряд неувязок: а) предмет «Грифельной оды» – творчество, предмет «Оды» – личность государственного деятеля; б) на грифельной доске писали, а не рисовали; в) писали грифелем, а не углем². В этом контексте не кажется убедительной попытка серьезного научного обоснования указанной шутливой аналогии, ср.:

«Сопоставление “Грифельной оды” и “Оды” Сталину выявляет множество интересных соответствий. “Грифельная ода” посвящена **гибельному, с точки зрения Мандельштама**, времени в истории России, времени сдвига. В “Оде” 1937 г. поэт **тоже** [?] указывает, что Сталин “сдвинул ось” [так в тексте, следует: *сдвинул мира ось*. – В.М.]:

Здесь пишет страх, здесь пишет сдвиг (“Грифельная ода”)

Я б рассказал о том, кто сдвинул <мира> ось (“Ода”)» [49. С. 113].

¹ Данный прием известен как антанаклаза (греч. ἀντανάκλασις ‘отражение’) – повтор слова в разных значениях: *Я болен прошлым, ибо у будущего будущего нет!* (М. Амелин. Четыре раза снег ложился, таял... 1998).

² Грифель изготавливается из глинистого сланца. И в сланце, и в угле, а также, добавим, в алмазе содержится графит, но в функциональном и коннотативном отношениях грифель, уголь и алмаз несопоставимо различны.

³ Конъектура наша. – В.М.

Согласно сходной трактовке солнце «будет светить вопреки **разрушительной** деятельности Сталина, вопреки его попыткам сдвинуть ‘мира ось’» [33. С. 328]. Вопрос о понимании метафоры *сдвинул мира ось* спорный (см. обзор: [50. С. 64–66]); вместе с тем отметим, что: а) в «Оде» речь идет о политическом сдвиге¹, в «Грифельной оде», посвященной идее творчества, – едва ли; б) в «Оде» – о *сдвиге оси*, в «Грифельной оде» – просто о *сдвиге*, ось здесь не упоминается. Если же принять тезис ОМ *Должник сильнее иска* в общеизвестной трактовке М.Л. Гаспарова (см. пункт 2), то становится трудно назвать сталинскую эпоху «гибельной» для страны, особенно «с точки зрения Мандельштама»². По мнению О.А. Лекманова, под выражением *сдвинул мира ось* подразумевается «сталинская конституция» [53], но основным закон не преобразует общество (*сдвигает мира ось*), а лишь «закрепляет те основы общественного строя и политики государства, которых оно достигло» [54. С. 22]. Рассмотрим пояснение еще одного фрагмента (*Ода*, V: 1–8): «Эзопов язык этой строфы строится на подмене грамматического значения – контекстуальным (точнее, на неоднозначной референции. – В.М.). Местоимение третьего лица мужского рода *воспринимается* адресованным Сталину (по аналогии с темой стихотворения и по привычке использовать фигуру умолчания в разговоре о нем), но на самом деле **Сталин в этой строфе даже не упоминается, речь идет об угольке**: *Я уголь искрошу, ища его обличья, я у него учусь...* В зависимости от атрибуции местоимения (точнее, от его референции. – В.М.) текст получает различное значение (точнее, различные смыслы. – В.М.)³. И если мы прочитаем его в соответствии с грамматической структурой строфы, держа в уме семантику **уголька как символа поэтической правоты, подсказанную “Грифельной одой”**, то получится совсем иной текст – о сущности времени, о сути и обличье поэзии, о роли и ответственности поэта» [49. С. 115–116]. Комментатор не принимает во внимание: а) тот факт, что уголь ни к грифельной доске (здесь видится фактическая ошибка), ни, следовательно, к «Грифельной оде» отношения не имеет; б) тот факт, что

¹ При этом речь идет не обо всем мире, а об СССР, где, с учетом сложностей в определении границ между языком и диалектом, «общее количество языков определяется от ста двадцати восьми до ста тридцати двух» [51. С. 15], ср.: *Я б рассказал о том, кто сдвинул мира ось, // Ста сорока народов чтя обычай.*

² Приведем заключительные строки стихотворения, тематически близкого к «Оде»: *И на земле, что избежит тленья, // Будет будить разум и жизнь Сталин* (ОМ. Если б меня наши враги взяли... (февр. – март 1937)). По поводу конъектуры *будить* → *губить* (Н.Я. Мандельштам): а) «Почему вся вызывающая смелость <предтекста> должна быть подытожена утверждением о том, что Сталин все будет губить?» [52. Р. 602]; б) данная конъектура возможна лишь при буквальном понимании метонимии *Сталин* ‘учение Сталина’.

³ Addenda к истории вопроса: мысль о том, что «местоимения в “Оде” **референционно двунаправленны**», высказал еще В.П. Григорьев [55. С. 118], а до него – Н. Струве: «...поди разбери, кого он имеет в виду под этим “он”, верховного вождя или самого себя?» [56. С. 103].

уголь обличьем (лицом, обликом) не обладает, следовательно, местоимение *его* однозначно относится к человеку, облик и суть которого пытается уловить художник: *Я уголь искрошу, ища его обличья* (Ода, V: 4).

2. *Должник сильнее иска* (Ода, IV: 2). Смысл этой развернутой судебной метафоры, оформляющей ключевой тезис «Оды», таков: «Иск Сталину предъявляет прошлое за все то злое, что было в революции и после нее; Сталин пересиливает это светлым настоящим и будущим. Несчастья – это случайности, чадающие вокруг большого плана. Решение на этом суде выносит народ, и оно непрекаемо...» [47. С. 94]. Ср.: *Я у него учусь – не для себя учась. // Я у него учусь – к себе не зная пощады. // Несчастья скроют ли большого плана часть? // Я разыщу его в случайностях их чада...* (Ода, V: 5–8). С этой точки зрения: а) ОМ увидел «светлое настоящее», т.е. результаты того, что было сделано в СССР под руководством Сталина: восстановление промышленности, что впоследствии обеспечило победу в Великой Отечественной войне; создание системы здравоохранения, системы всеобщего среднего обучения, современной университетской системы, etc., ср. в оде, «возможно, повлиявшей на Мандельштама» [57. Р. 41]: *Исчез племен несовершенный быт* (Н. Заболоцкий. Горийская симфония. 1936); б) в восприятии ОМ Сталин, своей волей, беспощадной к себе (*Я у него учусь – к себе не зная пощады*¹), а также трудом мыслителя, строителя (*Кто мыслит, чувствует и строит*) сделавший для страны то, что не удалось сделать предыдущим правителям, обрел положительные черты. Биограф Сталина пишет: «И эпоха, в которую он жил, и сама личность, давшая название целой эпохе, **не поддаются однозначному определению**. <...> Здесь нужны более емкие, более масштабные исторические критерии, требуются не черный и белый цвета, а вся палитра красок, чтобы более или менее объективно обрисовать Сталина и его политические деяния» [58. С. 8]. Если принять тезис *Должник сильнее иска* в трактовке Гаспарова и предложенную выше импликацию черно-белого рисунка, то из этого вытекает, что ОМ в обстановке, этому не способствовавшей², указал на диалектическую противоречивость фигуры Сталина, т.е. дал ему объективную оценку.

Под *должником* в контексте *Должник сильнее иска* имеются в виду скорее результаты работы, заслуги Сталина, чем сам Сталин (ср.: *Заслуги Сталина сильнее иска* / **Сталин сильнее иска*), под *иском* – не истец (народ), а, по формулировке Гаспарова, «то злое», что пришлось перенести

¹ И. Фролов утверждает: «Эту откровенную двусмысленность – “я у него учусь – к себе не зная пощады” читать нужно так: он (Сталин) не знает пощады **ко мне** (Мандельштаму)» [34]; данный тезис сомнителен, поскольку выражения *ко мне* и *к себе* в данном контексте не синонимичны и не взаимозаменяемы, ср.: *Я у него учусь – к себе не зная пощады* → **Я у него учусь – ко мне не зная пощады*.

² «Понятно, что в стихах о Сталине 1930-х годов не могло найтись места критике каких бы то ни было сталинских начинаний, даже такой мягкой и с оговорками критике, как в мандельштамовской “оде”: “Несчастья скроют ли большого плана часть, / Я разыщу его в случайности их чада”» [53].

народу, т.е. выражение *Должник сильнее иска* следует понимать в морально-этическом, а не административно-силовом смысле (ср.: *Должник сильнее иска* [сила правоты, моральная сила] / **Должник сильнее истца* [административная сила, сила власти]); под указанной судебной метафорой – две чаши на весах народного суда, ср.: *И что народ, как судия, судит* (ОМ. Если б меня наши враги взяли... 1937). Осмысление данного образного выражения ad litteram приводит к следующей трактовке: «Я хочу подчеркнуть: не *правее иска*, не *более прав*, чем *истец* [здесь видится если не подмена, то потеря тезиса: ‘иск’ → ‘истец, народ’], а именно *сильнее*» [45. С. 46]. В своем комментарии, в целом верном, Н.А. Богомолов утверждает: «Естественно полагать, что здесь имеется в виду **прямой** смысл выражения: должник сильнее, потому что более прав, чем предъявляющие ему иск» [59. С. 395]. Речь, однако, идет о моральной силе, о силе правоты, т.е. о переносном смысле данного выражения.

3. *Он улыбается улыбкою жнеца // Рукопожатий в разговоре* (Ода, VI: 5–6). Здесь метафора жатвы усилена звуковым сходством, ср. *жать* (жму, жмешь) *руки* и *жать* (жну, жнешь) *пшеницу*; таким способом узуальная метафора обновлена за счет поэтической этимологии. Метафорический статус выражения подтверждается возможностью компаративной трансформации (*жнет рукопожатия* → *жнет рукопожатия, как жнец пшеницу*), что ставит под сомнение следующую трактовку: «[...] он “улыбается улыбкою жнеца // рукопожатий¹ в разговоре” (троекратная метонимическая цепочка)» [49. С. 116]. Метонимии здесь, разумеется, нет: «вождь **уподобляется** жнецу» [53]. Контекст *рукопожатий* исключает постулируемую некоторыми исследователями ассоциацию слова *жнец* с жатвой смерти [33. С. 326, 345; 39], а значит, и следующее, явно основанное на аллегорезисе, понимание стихов *И каждое гумно и каждая копна // Сильна, убориста, умна – добро живое* (Ода, VI: 9–10): «...‘каждая копна’ (сноп хлеба), *сильная* и *умная*, это ‘пшеница человеческая’, которую без устали жнет Сталин. Сжатое Сталиным ‘добро живое’ – это ‘человеческое зерно’, т.е. люди или ‘чудо народное’» [33. С. 326; 39]. В действительности под *умной копной* имеется в виду (per metonymian) *умно сложенная копна*, ср.: *То ли печь покойный отец так умно сложил, то ли мать была топить мастерица* (И. Велембовская. За каменной стеной. 1962); *хитроумно* (*хитро*, *умно*) *сделанный механизм* → *хитроумный* (*хитрый*, *умный*) *механизм*.

4. *Глазами Сталина раздвинута гора // И вдаль прищурилась равнина* (Ода, VI: 1–2). Препятствие сравнивается с горой, горизонт – с прищуром глаз, отсюда метафора *вдаль прищурилась равнина* ‘открылся горизонт’². Обстоятельство места *до солнца* <борозды от плуга-исполины> (Ода, VI: 4) следует понимать как ‘до открывшегося солнца’, т.е. ‘до горизонта’; бук-

¹ Так в тексте: littera notabilior отсутствует.

² На портретах и в словесных описаниях Сталин изображался с прищуренными глазами (см. пункт 1).

вальное понимание (гипостазирование) приводит к констатации попыток Сталина «сдвинуть ‘мира ось’ и провести ‘до солнца борозды’» [33. С. 328], i. e. ad absurdum.

5. *В рост окружи его СЫРЫМ и синим бором // Вниманья влажного* (Ода, III: 2–3). Здесь наблюдаем: а) сдвиг эпитета: *влажный бор* → *влажное вниманье*; б) реализацию присущей словам *лес* и *бор* коннотации ‘защитник <воздуха, полей, водоемов>’, ср.: *лесо́полоса* ‘защитная полоса’, с одушевленным бенефициантом: *Лишь плотный, темный днем и ночью бор, друг и защитник партизан, угрожающе гудел верхушками сосен* (В.Г. Левченко. Герои 1812 года. 1987).

6. *Все моложавое его тысячелетье* (Ода, II: 2). Номинация *его тысячелетье* может быть понята (по формуле «finitus numerus pro infinito») как ‘сталинская эпоха, сталинский век’¹, *моложавое* ‘живое, бодрое’ – как смещенный эпитет, отражающий типовую для портрета Сталина середины 30-х гг. характеристику: *Крепкий, моложавый для своих пятидесяти с небольшим, Сталин входит в квартиру* (О. Кучкина. Сталин. 2009); *Мне приснился сон. Будто я еду на грузовике по вечерним улицам, а рядом в кабине, за рулем, в простой шинели, покуривая трубку, сидит моложавый Сталин. – Видишь, сколько мы всего понастроили, – говорит он* (Г. Шурмак. Нас время учило (1989)). Двустипные *Я б несколько гремучих линий взял, // Все моложавое его тысячелетье*, с учетом сказанного выше (см. пункт 1), следует понимать как свертку: ‘несколько гремучих линий <в которых отразилось> все моложавое его тысячелетье’. Буквальное осмысление слова *тысячелетье* как ‘возраст <Сталина>’ приводит к выводу о том, что «правитель он уже не земной и преходящий, а вневременный, почти божественный» [60].

7. *Как море без морщин, как завтра из вчера* (Ода, VI: 3). Применена тактика *pars pro toto*: а) *завтра* ‘<светлое, спокойное (как море без морщин)> будущее’; б) *вчера* ‘прошлое’. Если принять эту трактовку, то под выражением *завтра из вчера* необходимо понимать светлое будущее («завтра»), о котором мечтали в прошлом («вчера»).

8. *Лепное, сложное, крутое веко, знать, // Работает из миллиона рамок* (Ода, IV: 7–8). Строки темные: «Что значит “веко работает”? Какая может быть работа у века?» [45. С. 54]. Следует полагать, что имеются в виду работа наглядной агитации и, по формуле «*pars pro toto*», фотографии Сталина в газетах, его портреты в учреждениях, а также на стенах зданий, как будто бы висающие в воздухе: *Средь народного шума и сбега, // На вокзалах и пристанях // Смотрит века могучая вежа // И бровей начинается взмах. <...> // И ласкала меня и сверлила // Со стены этих глаз журиба* (О. Мандельштам. Средь народного шума и сбега... 1937). Не исключено, что идея *воздух расчертить на хитрые углы* восходит к этому наблюдению; если это так, то едва ли воздух взят лишь для того, «чтобы следов <рисунка> не осталось» [34].

¹ Ср.: *Мы именем его назвали век* (Н. Тихонов. Как он учил бесстрашию людей... 1953).

9. Для чести и любви, для воздуха и **стали** <...> // Его мы слышали и мы его **застали** [Ода, VII: 10, 12]. По мнению Гаспарова, здесь имеет место анаграмматическая рифма *стали* – *застали* [47. С. 87], т.е. анаграмма слова *Сталин*. Мы видим здесь эхо-рифму: именно ее побочным семантическим эффектом бывает метанализ¹, ср.: *сороковые* – *роковые* (привносится смысл ‘роковые’), *стали* – *застали* (привносится смысл ‘сталь’, <из> стали). Аллюзия к имени Сталина: а) со стороны первого рифманта – деривационная, апеллирующая к внутренней форме фамилии: *Сталин* <сталь>; б) со стороны второго рифманта – фонетическая: *Сталин* ~ *застали*. Уточнение *Есть имя славное для сильных губ чтеца* (Ода, VII: 11), видимо, предполагает то **имя**, артикуляция которого требует преодоления труднопроизносимого скопления **губных** согласных на стыке слов: *Иосиф Виссарионович*.

10. Он все мне чудится в шинели, в картузе // На **чудной** площади с **счастливыми глазами** (Ода, V: 11–12). Слово *площадь* ‘люди на площади’ применено здесь метонимически; отнести определение *с счастливыми глазами* к Сталину [39] мешает *totius contextus хмурые морщинки* (Ода, IV: 12).

11. И **шестикратно** я в сознании берегу – // Свидетель **медленный** труда, борьбы и **жатвы** (Ода, VII: 2). Слово *жатва* здесь следует принять в метафорическом смысле ‘результат’ (ср. *пожинать плоды труда*); эпитет *медленный* явно смещен и, видимо, связан с трудностями в осознании происходящего.

12. И я хочу благодарить холмы, Что эту **кость** и эту кисть развили (Ода, II: 10–11): *кисть* следует понимать (по формуле «pars pro toto») как ‘рука’, *кость* – как ‘грудь’: *широкий в кости* – коренастый, широкоплечий ← *И широкая грудь осетина* (ОМ. Мы живем, под собою не чуя страны... 1933)? Стих 11 построен на парефезе – сближении слов, противопоставленных фонетическим минимумом (одним звуком, порядком их следования или ударением), ср. *Архип* и *охрип*, *Осип* и *осип*, *кость* и *кисть*. Цель состоит скорее в стилистической отделке стиха, чем в ироническом намеке на атрофию левой руки.

Понимание текстов ОМ затруднено их элокутивной осложненностью. В. Гандельсман, пытаясь найти в «Оде» элементы тайнописи, пишет: «В портрете Сталина есть что-то циклопическое – это единственное число: “густая бровь кому-то светит близко” (сильно и отвратительно), “крутое веко” (имеющее сразу нелепое отношение к яйцу)...» [29. С. 315]. Но: а) на портретах Сталин *выглядел величественно, с орлиным взглядом из-под круто изогнутых бровей* (В. Войнович. Автопортрет. 2010), верхние же линии его век параллельны линиям бровей (i. e., ex analogia: *круто изогнутая бровь* → *крутое веко*); отметим и такую особенность сталинского прищура: *Из далекой светлой дали, куда он только что смотрел, Сталин*

¹ Метанализ – переосмысление фрагмента слова на основе ассоциаций по близкочуждую или омонимии: где *катарсис* сродни *катару*, // в слове «*адрес*» есть корень «*ад*» (А. Стесин. За хорошее поведение. 2004).

перевел глаза на Абакумова. С нижним прищуром век спросил: – А ты – нэ боишься, что мы тебя жи первого и расстреляем? (А.И. Солженицын. В круге первом. 1955–1958); б) грамматический перенос *singularis pro plurali* вполне привычен для русского языка, ср.: *острый глаз художника, здесь не ступала нога человека*; эта сингулярная интенция отвечает следующему наблюдению скульптора Н.В. Томского: «...когда выступил один из лучших стахановцев Ленинграда – слесарь Кировского завода, мне повезло очень близко видеть Иосифа Виссарионовича, и я, конечно, как художник, стремился уловить каждый жест, каждое выражение его лица. И когда слесарь... начал говорить об успехах завода..., каким-то невыразимым светом светились глаза Иосифа Виссарионовича, и мне казалось, что благодаря тому, что у него **очень близко сидят глаза**..., мне казалось, что **одна** лучезарная звезда светила всему залу» [35. С. 177].

Номинативная осложненность текста может быть мнимой. Разберем показательный в этом плане случай на примере следующих строк: *И каждое гумно и каждая копна // Сильна, убориста, умна – добро живое – // Чудо народное! Да будет жизнь крупна! // Ворочается счастье стержневое* (Ода, VI: 9–12). Глагол в метафоре **ворочается** счастье придает понятию ‘счастье’ коннотацию ‘тяжелое, трудное’. А.Г. Мец видит в этой метафоре зашифровку: «...поэт все же дал и ключ к своей интенции указать на двойственность содержания стихотворения. Предполагаем этот ключ в выражении “ворочается счастье стержневое”. Поясним: в русском языке абстрактное существительное *счастье* **никогда не встречается** в сочетании с глаголом *ворочается* и / или эпитетом *стержневое*. **Все выражение не имеет под собой ни физического субстрата, ни мысленного объекта описания**. Считаем, что сочетание этих слов в целом выражении не могло сложиться непреднамеренно, спонтанно. Полагаем, что поэт целенаправленно сконструировал фигуру **абсурда**, предназначая ее как “message” внимательному читателю. Кроме того, в отношении к “счастью” ...выражение несет несколько иронический или даже издевательский оттенок» [61. С. 10–11]. Данное предположение, как и мнение И. Месс-Бейер, полагающей, что стихи 11–12 строфы VI «**пародируют** традиционную ломоносовскую оду с ее библейскими реминисценциями типа “да будет свет. И бысть”» [33. С. 326], вступает в конфликт с реалиями русского языка, поскольку:

1. В анализируемом отрывке наблюдаем не «абсурд», а стилизацию народной речи. Пример аналогичной техники: *А то чувство какое бессловесное в груди ворочается, стучит кулаками в двери, в стены: задыхаясь! выпусти! – а как его, голое-то, шершавое, выпустишь? какими словами оденешь? Нет у нас слов, не знаем! Как все равно у зверя дикого, али у слеповрана, али русалки, – нет слов, мык один!* (Т. Толстая. Кысь. 2001), ср.: *Оттого что в груди у меня, как в берлоге, Ворочается зверенышем теплым душа* (С. Есенин. Пугачев. 1921). Речь и быт крестьян-колхозников ОМ изучал для документальной книги о деревне, в этой связи приведем: а) один из записанных им речевых образцов: *Мы тамочка не*

бываем, мы тутошние... А вот за 33 год семьдесят рублей – мы сено убрали – нам задерживают... [37. С. 467]; б) портрет директора Воробьевского совхоза: «Сел, наклонил плодovitую, озабоченную голову, художественно совпадающую – да простят мне это сравнение – с головой председателя пивных собраний, мудреца из бир-галя на Васильевском острове, старого шорника или каретника – одним словом, не командир, а папаша. Речь Дорохова, распаханная под научную экономику, под газетную передовицу, – была все-таки **крестьянская**. Он сколачивал ее годами как политический стиль, как оружие, как богатство и умело ею пользовался» [37. С. 468].

2. Выражение *стержневое чувство* (*переживание, ощущение, эмоция, удовольствие, etc.*) вполне привычно для русской речи, ср.: *Для Щедрина существен не психологический рисунок сам по себе, а решающие, **стержневые чувства** и мысли* (Я. Эльсберг. Мировоззрение и творчество Щедрина. 1936); *Думаю, что таково самое главное, **стержневое чувство** в Достоевском* (А. Смирнов. Всечеловеческое vs. общечеловеческое. 2019).

Думается, прав был Гаспаров, говоря о несостоятельности попыток показать, что «Ода» на самом деле написана эзоповым языком и скрывает отрицательное, протестующее отношение Мандельштама к Сталину» [47. С. 87].

3. Интертекстуальный комментарий

В плодотворности анализа текстов ОМ с интертекстуальной точки зрения убеждают работы М.Л. Гаспарова, Ю.И. Левина, О. Ронена, И.М. Семенко и др. Анализ «Оды» демонстрирует связь по меньшей мере с тремя прецедентными текстами.

3.1. Связь с мифом о Прометее

Рассматривая стихи ОМ, хронологически и метрически близкие к «Оде», Гаспаров отмечает одно «очень важное стихотворение», в котором есть такие слова: *Где связанный и пригвожденный стон? // Где Прометей – скалы подспорье и пособие?* (ОМ. Где связанный и пригвожденный стон? 1937). Ученый констатирует: «Образ Прометея уже привязывает это стихотворение к зачину сталинской “Оды”», где «Прометей отождествляется со Сталиным» [47. С. 84, 90, 98] (ср.: [56. С. 102]). Иной точки зрения придерживается И. Фролов: «Но, во-первых, Сталин не был глуп, а во-вторых, **он не мог соотнести себя с прикованным, пытаемым титаном** (такое соотнесение производит не Сталин, а автор «Оды». – В.М.) – кого же тогда он должен видеть в роли Зевса, царя богов? Ведь Зевсом – по определению для всех – и для его врагов – был он сам, Сталин»; заключение: «Сталин выведен здесь даже не Зевсом, а коршуном-орлом» [34]. Сличение «Оды» и мифа о Прометее убеждает: а) в правоте Гаспарова и Струве; б) в том, что образы Сталина и Прометея близки по ряду параметров. Их сближают:

1. Топика: **«Море шумит и грохочет, ударяясь своими валами о подножие скал...»** [62. С. 87]; связь героя «Оды» с Кавказом поддержана лексически: *И я хочу благодарить холмы, // Что эту кость и эту кисть развили: // Он родился в горах и горечь знал тюрьмы. // Хочу назвать его – не Сталин, – Джугашвили!* (Ода, II: 9–12). Если Сталин уподоблен Прометею, то теряет основу усматриваемый здесь намек по близкозвучию *Джугашвили* ~ *Иегова* и, соответственно, тезис: ОМ «сравнил Иосифа Сталина с Иисусом Христом» [34].

2. Функция: «...из горна своего друга Гефеста похитил Прометей огонь для людей. Он научил людей... всему тому, что облегчает горести жизни и делает ее счастливее и радостнее» [62. С. 87]. Судя по тексту ОМ, с этой же целью («сделать людей счастливее») были связаны и *огромный путь* адресата «Оды» (вплоть до *чудной площади с счастливыми глазами*), и **шесть клятв**, принесенные им в 1924 г. народу СССР от имени партии, отсюда: а) наречие *шестикратно* и понятие выполненной клятвы: *И шестикратно я в сознании берегу – // Свидетель медленный труда, борьбы и жатвы – // Его огромный путь – через тайгу // И ленинский октябрь – до выполненной клятвы* (Ода, VI: 12 и VII: 1–4); б) перифраза *На шестиклятвенном просторе* (Ода, VI: 8) 'на счастливых просторах СССР'. А. Кан в наречии *шестикратно* видит «коленипреклонение (genuflection)», «преувеличение, выдающее глубокое сомнение» [5. Р. 557], на самом деле здесь «имеются в виду **шесть “клятв” Сталина** в его речи, произнесенной над гробом Ленина» [63. С. 588]. Из шести клятв, которые Сталин дал народу от имени партии после смерти Ленина (21.01.1924) на II съезде Советов СССР (26.01.1924), наиболее связана с целью «сделать людей счастливее» третья: «Рабы и рабовладельцы... угнетенные и угнетатели, – так строился мир испокон веков... Десятки и сотни раз пытались трудящиеся... сбросить с плеч угнетателей... Но каждый раз... вынуждены были они отступить... Только в нашей стране **удалось угнетенным и задавленным массам трудящихся сбросить с плеч господство помещиков и капиталистов**... Вы знаете, товарищи... что этой гигантской борьбой руководил товарищ Ленин... Величие Ленина в том... и состоит, что он, создав Республику Советов, тем самым показал на деле угнетенным массам всего мира... **что царство труда** можно создать усилиями самих трудящихся, что царство труда нужно **создать на земле, а не на небе**. <...> Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам **хранить и укреплять диктатуру пролетариата**. Клянусь тебе, товарищ Ленин, что мы не поощрим своих сил для того, чтобы выполнить с честью и эту твою заповедь!...» [64. С. 47]. В представлении вождя отношение людей к этой и иным заповедям, к мечте о счастливом и радостном «царстве трудана земле» было, судя по следующему тексту, неоднозначным, ср.: *А в песне его, а в песне – // Как солнечный блеск чиста, // Звучала великая правда, // Возвышенная мечта*. В концовке – vox populi: *И песня твоя чужда нам, // И правда твоя не нужна!* (И.В. Джугашвили / Сталин. Ходил он от дома к дому...

1895). Эти стихи будто бы предваряют готовность «сделать людей счастливее» **силой**, в частности через «диктатуру пролетариата»: здесь видится существенное отличие Сталина от Прометей, а значит, некоторая редуktivность аналогии, что, впрочем, представляется скорее поэтическим допущением, чем тенденцией.

3. Аллюзии к мифу о Прометее, ср.: а) *Он свесился с трибуны, как с горы* (Ода, IV: 1) и *Не медли же, Прометей, всходи сюда и дай себя приковать к горе* [65. С. 558]; б) *Знать, Прометей раздул свой уголек* (Ода, I: 11) и *огонь // Похитил он [Прометей] для смертных* [66. С. 79]. Основание сравнить Сталина с Прометеем, похитившим огонь у богов, дает электрификация СССР [5. С. 560]. За похищение огня («уголька») Прометей был прикован к горе (скале); Гефест, сочувствуя прикованному им другу, но во исполнение воли богов протыкая ему грудь *шпом железным*, восклицает: *Ах, Прометей, я плачу о беде твоей!* [66. С. 81]; с этой репликой коррелирует строка: *Гляди, Эсхил, как я рисуя плачу!* (Ода, I: 120. Если следовать данной корреляции, то: 1) Гефест плачет о судьбе прикованного им к горе друга, художник же, рисуя Сталина прикованным к скале власти, плачет о судьбе – друга ли? Ответ находим в следующих двух строчках, связанных как следствие и причина и отражающих острый внутренний конфликт: *Пусть недостоин я еще иметь друзей, // Пусть не насыщен я и желчью, и слезами* (Ода, V: 9–100: здесь ОМ будто бы поясняет свое одиночество и отрешенность от эпохи¹. 2) Логичен вывод о том, что власть в глазах ОМ – наказание, *роковое бремя*; с учетом данного факта понятным становится мотив плача и в строчках, посвященных Ленину: *Прославим роковое бремя, // Которое в слезах народный вождь берет. // Прославим власти сумрачное бремя, // Ее невыносимый гнет* (ОМ. Сумерки Свободы. 1918). Если Ленин несет бремя власти, то Сталин оказывается прикован к ней, скован ее цепями, следовательно, как любой правитель, **не вполне волен** в своих действиях², что также имплицитно чернo-белую интерпретацию его образа. С обозначенной позиции трудно принять оторванные от вертикального контекста: а) трактовки стиха *Гляди, Эсхил, как я рисуя плачу!* как связанного «...с отношением поэта к двусмысленности своего положения» [69. С. 35], с ощущением «безысходности собственного бытия» [70. С. 135]; б) предположение, что «...“слезы” народного вождя из

¹ В. Гандельсман говорит о том, что природа ОМ не имеет «ничего общего с насильственной природой тирании» [29. С. 319], но поскольку слово *тиран* означает ‘жестокий правитель, действующий произволом и насилием, деспот’ [67. С. 709], точнее было бы говорить скорее о жесткой исторической **необходимости**, тяжесть которой принял на себя Сталин, и, в частности, о внеэкономическом принуждении, на которое пришлось пойти правительству СССР, чем о произволе и тирании.

² Философ сталинской эпохи пишет: «Разумеется, что и вождь **не волен** в своих действиях, а его действия определяются объективными условиями, которые являются результатом исторического процесса, в конечном счете результатом производительных сил и производственных отношений, т.е. предопределяются экономическим и политическим состоянием данной страны» [68. С. 113].

“Сумерек свободы” переходят к его наказанному обвинителю» в стихе *Пусть не насыщен я и желчью и слезами* [6. С. 103].

В стихе *Он свесился с трибуны, как с горы* [Ода, IV: 1] имеется в виду трибуна мавзолея, мавзолей (пирамидальный по форме, каменный¹) уподоблен горе². Соответственно, глагол *свесился* необходимо понимать в контексте уподобления Прометею (*свесился* – как Прометей, прикованный к горе). Если же принять данный глагол *ad litteram* (в бытовом смысле, несоместимом с высоким стилем стихотворения, ср. *свеситься в окно*), то: 1) окажется, что Сталина ОМ «весьма неучтиво описывает свесившимся с трибуны» [33. С. 310]; 2) данная трактовка вступает в конфликт с тем фактом, что в действительности Сталин, судя по фотографиям, с трибуны не свешивался и даже не склонялся [45. С. 20–26], отсюда заключение: тело Сталина «должно стать очень длинным», а значит, ОМ изобразил Сталина в облике «человеко-змея» [45. С. 33, 102; 20. С. 394]. Исходя из этого тезиса, аналитик обнаруживает «...исключитель[ую] концентраци[ю] свистящих, шипящих, жужжащих и зудящих звуков – “с”, “ш”, “ч”, “щ”, “ж”, “з”», т.е. «“змеящих” звуков», «в четырех строках этих звуков – двадцать два» [45. С. 38]: *Пусть недостоин я еще иметь друзей, // Пусть не насыщен я и желчью, и слезами, // Он все мне чудится в шинели, в картузе // На чудной площади с счастливыми глазами* (Ода, V: 9–12). К сожалению, автор: 1) не говорит, по сравнению с какой нормой или каким фрагментом текста фиксируется «исключительная концентрация змеящих звуков»; 2) не уточняет, к каким именно звукам относится аффриката [ч]: к свистящим, шипящим, жужжащим или «зудящим»; 3) не разъясняет, какие виды змей способны жужжать и какое отношение к образу змеи имеет звук [ч]; 4) не видит различий между буквами и звуками: а) усматривая звук [ч] в буквосочетании *с сч* (*с счастливыми*), которое в действительности обозначает звук [ш’]; б) утверждая, что в строке *Он свесился с трибуны, как с горы* (Ода, IV: 1) «звук “с” повторяется пять раз» [45. С. 38]; 5) не принимает во внимание тот факт, что в русской языковой картине мира (в отличие, напр., от древнегреческой) звук [с] ассоциируется со свистом, а не с шипением. В пространстве анализируемого образа Сталин *свесился с горы* (как Прометей), но не *стоит на горе* (как Иисус), отсюда неуместность трактовки речи Сталина как «нагорной проповеди» либо ее «пародии», «имитации» [45. С. 51–52; 34].

В свете сказанного, а также того факта, что «о Прометее говорится в третьем лице» [39], трудно принять мнение, согласно которому: а) ОМ «идентифицирует себя с Прометеем»; б) в 1-й строфе говорится об «угольке Прометея-автора» [33. С. 302, 319; 34].

О.А. Лекманов утверждает, что отождествление Сталина с Прометеем в советской поэзии 30-х гг. имело типовой характер: «Чуть более тонкий

¹ Гранитный мавзолей был возведен в октябре 1930 г., до этого он был деревянным.

² Ср. в названии стихотворения ОМ «Внутри **горы** бездействует кумир...» (1936): *гора* ‘мавзолей’, *кумир* ‘Ленин’.

вариант этого же льстивого приема заключался в отождествлении Сталина с едва ли не самым главным в античной мифологии богоборцем – Прометеем: “**Он** (кто именно? – В.М.). Прометеевым огнем согрел / Тебя, и ты, по старой сказки слову, / Из зуб дракона нижешь тучи стрел, / Орфей, с рабов сдвигающий оковы” (Мицисвили, Стихи и песни); “Новые всходы лелея, / Соединяя народы, / С новым огнем Прометея / Стал ты на страже свободы” (Яшвили, Стихи и песни)» [53]. Однако: а) П. Яшвили говорит о Сталине с новым огнем Прометея, а не о Сталине-Прометее; б) первую цитату необходимо трактовать с учетом широкого контекста: *Твой край соединил в одну слезу // Все слезы толп... // Он прометеевым огнем согрел // Тебя...* (Н. Мицисвили. Сталин / пер. Б. Пастернака. 1934). Судя по данному контексту, *прометеевым огнем согрел Сталина край родной*; как видим, указанное Лекмановым отождествление здесь также отсутствует, т. е. образ Сталина-Прометея в «Оде» ОМ оригинален.

3.2. Связь со стихотворением О. Барбье «Это зыбь»

В полуторастииши *Он свесился с трибуны, как с горы, – // В бугры голлов* (Ода, IV: 1–2) видится ассоциация не только с **горой**, к которой прикован Прометей, но и с волнующимся людским **морем**. Представление волн в образе бугров встречается: а) в поэзии: *Капля дождевая пала с тучи в море Где буграми волны ходят на просторе* (Саади. Капля дождевая пала с тучи в море... / пер. М.Л. Михайлова. 1858); *Волна идет – как из стекла литые, Идут бугры волны* (И. Бунин. Золотой невод. 1903–1905); б) в прозе: *Стоя на верхней палубе... он пристально всматривался в безбрежную даль, подернутую серою мглой, покрытую вспененными буграми* (А.С. Новиков-Прибой. Шалый. 1919); *Глубина постепенно увеличивалась, вода посинела, парус круто надулся, и, подсакивая на буграх волн, дуб резво бежал среди прозрачных брызг и плеска* (Г.А. Соколов. Встречающие солнце. 1960). Если в «Оде» **голови** людей уподоблены **буграм** волн, то в стихотворении О. Барбье «Это зыбь» в переводе ОМ (1924) **бугры** волн уподоблены (vice versa) **людским головам**:

Зыбь, льнущая к пескам, пространства орошая
 Душистой выжимкою вод,
 На горле выпуклом разнеженно качая
 Гребцов коричневый народ.
 Потом другая зыбь из этой светлой спячки
 Выходит для свирепых буч,
Раздутым теменем большеголовой качки
 Колотит крышу низких туч.
 Потом мычащую и скачущей пучиной
 В квадрате молнийных зрачков
 Бежит соленою бугристою равниной
Размахом тысячи голов.

И, выбелив себя до взбитой гневом пены,
 Блуждает, влажный рот кривит,
 Царапает песок береговой арены,
 Как умирающий, хрипит.
 И, корибанткою, вконец перебесившись,
 Вдавив бедро в намет песков,
Кидает с кровью нам, обратно в ил свалившись,
Горсть человеческих голов.

Размер Ябж/4м иконически отвечает идее «большеголовой качки», в концовке текста наблюдаем реализацию метафоры: бугро**головые** волны, окрашенные отсветом алых молний, обращаются в окровавленные человеческие **головы**. Е. Рейн пишет: «Сталина окружают бугры голов... чудовищные отрубленные головы, результат всякого палачества...» [71. С. 522]. И эта, и даже еще более смелая трактовка строки *Уходят вдаль людских голов бугры* (Ода, VII: 5) как намек на исчезновение людей «в сталинских тюрьмах и лагерях» [33. С. 328]¹ могли бы получить опору при трактовке выражения *бугры голов* как отсылки к концовке стихотворения Барбье, но в нашем случае было бы корректнее констатировать лишь сходство метафорических образов: интертекстуальная аллюзия, облигаторно предполагающая известность прецедентного текста, здесь, скорее всего, отсутствует. В этой связи показателен тот факт, что ни Месс-Бейер, ни Рейн не упоминают текст Барбье как прецедентный для «Оды»; Лахути полагает, что оборот *бугры голов* – «чисто мандельштамовский, строго индивидуальный» [45. С. 42]. Связь этого выражения с «буграми мышц» [45. С. 42–44] вступает в конфликт с контекстом, а потому сомнительна. Гандельсман утверждает: «Великолепные “бугры голов” все-таки мгновенно ассоциируются с головами арестантов (тем более что “бугор” на фене – бригадир эзков)» [29. С. 315] (ср.: [39]). Эта трактовка внеконситуативна: в лексиконе ОМ фени не могло быть, поскольку он побывал не в лагере, а в административной ссылке (в Чердыни и Воронеже). Думается, что в основе выражения *бугры голов* лежит сравнение заполненной людьми площади с морем, т.е. с *соленой бугристой равниной* // *Размахом тысячи голов*.

3.3. Связь с поэмой Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»

Рассмотрим метрическую форму следующих строк: *И каждое гумно и каждая копна* // *Сильна|, убо|риста|, умна| – добро| живо|е –* // *Чудона|родное|! Да бу|дет жи|знь крупна|* // *Воро|чае|тся сча|стье|е|ржнево|е* (Ода, VI: 9–12). Известно, что «Ода» написана ямбом, что ее размер – «6-4-ст. ямб МЖМЖ» [47. С. 87], что у ОМ «не было обычая ме-

¹ На самом деле здесь выражена идея изобразительной перспективы: «...поэт уменьшится (diminishes) и отступает назад, в толпу перед великим Правителем» [57. Р. 39].

нять размер на ходу», поскольку единство размера говорит «о единстве замысла; и наоборот, перемена размера – о перемене замысла» [47. С. 82].

В приведенном катрене нельзя не заметить инометрическую вставку: *Чудо на|родное!* Гандельсман видит здесь просто «перебой ритма» [29. С. 316], что, впрочем, несовместимо с компетенцией ОМ как поэта, Гаспаров – «сознательный перебой, ритмический курсив» [31. С. 43]. Думается, что этот перебой сознателен, но представляет собой не «ритмический курсив», а аллюзию: **дактилическая** вставка, заметная на **ямбическом** фоне «Оды» ОМ, отсылает нас к **дактилической** «песенке» в **ямбической** поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» (ок. 1863–1876), ср.:

РУСЬ

< I >

Ты и у|богая,
Ты и о|бильная,
Ты и мо|гучая,
Ты и бес|ильная,
Матушка Русь!

< II >

В рабстве спасенное
Сердце свободное –
Золото, золото
Сердце народное!

< III >

Сила народная,
Сила могучая –
Совість спокойная,
Правда живучая!

< IV >

Сила с неправдою
Не уживается,
Жертва неправдою
Не вызывается, –

< V >

Русь не шелохнется,
Русь – как убитая!
А загорелась в ней
Искра сокрытая, –

< VI >

Встали – небужены,
Вышли – непрошены,
Жита по зернышку
Горы наношены!

< VII >

Рать подымается –
Неисчислимая,
Сила в ней скажется
Несокрушимая!

< VIII >

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и забитая,
Ты и всесильная,
Матушка Русь!..¹

Бродский, обративший внимание Гаспарова на этот перебой, видит здесь «элемент фольклора»; Гаспаров ответил, что не ощущает фольклорного влияния [31. С. 43]. Как кажется, в этом споре был прав Бродский, поскольку дактилические клаузулы сближают и поэму в целом (*В каком году – рассчитывай*), и песенку «Русь» в частности (*Ты и убогая*) с народной речью, ср.: *Из того ли то из города из Муром* (былина «Илья Муромец и Соловей-разбойник»).

Сопоставленные фрагменты близки лексически и просодически, ср. *Чудо народное!* (Ода, VI: 11) и *Сердце народное!* (Песенка, II: 4). Чтобы разобрать смысл выявленной нами аллюзии, рассмотрим структуру песенки: 1) расположенный кольцом развернутый оксюморон (строфы I и VIII), который, видимо, отвечает оценке не только Руси в восприятии Некрасова, но и СССР в восприятии ОМ; 2) антитезное развитие оксюморона: а) пессимистическая констатация: *Сила с неправдою // Не уживается, // Жертва неправдою // Не вызывается, – // Русь не шелохнется, // Русь – как убитая!* (Песенка, IV: 1–4); б) оптимистическая констатация: *Жита по зернышку // Горы наношены! // Рать подымается – // Неисчислимая* (Песенка, VI: 3–4 и VII: 1–2); в) оптимистическое предсказание: *Сила в ней скажется // Несокрушимая!* [Песенка, VII: 3–4].

4. Конситуативный комментарий

Осмысление конситуативно осложненных элементов произведения предполагает учет взглядов автора, фактов его биографии, а также исторического контекста. И.З. Сурат, характеризуя полемику вокруг «Оды», пишет: «**Миф** о последовательном антисталинизме Мандельштама легко вербует сторонников, в том числе и среди профессионалов; другая линия, **уводящая в сторону**, – тема страха и приписываемое Мандельштаму желание спасти свою жизнь посредством просталинских стихов в последние годы. Всему этому хотелось бы противопоставить серьезный разговор о давлении тоталитарной идеологии на личность художника, о трагедии расщепленного сознания, о подвиге сохранения творческого дара в усло-

¹ Далее – Песенка, с указанием строфы и стиха.

виях террора» [72. С. 206]. Нам представляется, что применительно к ОМ точнее было бы говорить не о «расщепленном сознании» (И.З. Сурат) или даже «болезни» (Н. Мандельштам)¹, а о диалектическом взгляде на происходящее в СССР, что подтверждается результатами лингвистического анализа «Оды» и, добавим, согласуется со следующим (будем надеяться, отвечающим реальности) рассказом известного киносценариста: «М.Д. Вольпин <...> в конце 29-го или в самом начале 30-го оказался где-то в глубинке, в селе. И собственными своими глазами увидел все ужасы коллективизации и “ликвидации кулачества как класса”. Увиденное потрясло его до глубины души. Подавленный – лучше даже сказать, раздавленный – этими своими впечатлениями, он поделился ими с Мандельштамом. Но, вопреки ожиданиям, **сочувствия у него не нашел**. Выслушав его рассказы, Осип Эмильевич надменно вскинул голову и величественно произнес:

– **Вы не видите бронзовый профиль Истории**»² [73. С. 97].

М.Л. Гаспаров считал несостоятельными попытки показать, что ОМ «писал хвалу Сталину, но делал это принужденно, искусственно, насилуя себя» [47. С. 88]; с точки зрения науки о языке, в частности предпринятого нами лингвистического анализа, следует принять мысль о том, что «в таких интерпретациях мало смысла» [57. Р. 41]. Рассмотрим противоположное мнение: «Начало 37 года прошло у О. М. в диком эксперименте над самим собой. Вздвигая и настраивая себя для “Оды”, он сам разрушал свою психику. “Теперь я понимаю, – сказал он Анне Андреевне, – **это была болезнь**”. “Почему, когда я думаю о нем, передо мной все головы – бугры голов? Что он делает с этими головами?” – говорил мне О.М. Уезжая из Воронежа, О.М. просил Наташу <Штемпель> уничтожить “Оду”» [74. С. 247; ср.: 8; 29; 39; 52; 56. С. 100; 75. С. 690–691; 76. С. 58]. Два утверждения из воспоминаний вдовы поэта требуют комментирования: 1) «Почему, когда я думаю о нем, передо мной все головы – бугры голов? Что он делает с этими головами?»: возможно, в этот момент ОМ не вспомнил образ, созданный им в переводе стихотворения Барбье «Этo зыбь» (см. раздел 3.2); 2) «это была болезнь». Ср., однако: «Недоумение вызывает, напр., такое место в “Листках” <А. Ахматовой>: “О своих стихах, где он хвалит Сталина – ‘Мне хочется сказать, не Сталин – Джугашвили’ (1935 год?), он сказал мне: ‘Я теперь понимаю, что это была болезнь’”. Тот, кто знает хронологию встреч Ахматовой с Мандельштамом, никак не поймет, когда же было это “теперь”. Дата, с вполне понятным сомнением поставленная Ахматовой – 1935? – тут не поможет. Она ведь

¹ Ср.: «...увидеть в Мандельштаме поэта, искренне славящего “исторического” Сталина, – значит признать его **душевнобольным**» [29. С. 317].

² И. Фролов, аргументируя сомнительную идею «Сталина-Иеговы», «Сталина-Христа», «Сталина-Бога или Сталина, воплощающего здесь, на Земле, божественный замысел», усматривает в этом высказывании ОМ «...не волю отдельной человеческой личности, но Рок, воплощение божественного Плана» [34].

прекрасно помнила, что навестила в Воронеже Осипа Эмильевича в **феврале 1936 года**. Тогда «Оды» и в помине не было» [77. С. 437]. Приведем свидетельство С.Б. Рудакова: а) 4 февр. 1936 г.: «Основное событие дня приезд Анны Андреевны»; б) 11 февраля 1936 г.: «Сегодня уехала Ан. Андр.» [78. С. 330 и 336]. Особую позицию занимает А. Кушнер: «Стихи написаны по необходимости», но по мере их написания «Мандельштам увлекся – и увлекло его не только стремление спасти свою жизнь» [79. С. 243]. Думается, что «Ода» представляет собой результат не прагматического стремления «холодного версификатора», который «неискренне пытается (от страха за свою шкуру, вероятно) приспособиться к новой действительности, мимикрировать, если угодно»¹ [81. С. 220], не кратковременного «увлечения», но многолетнего (ср.: *Свидетель медленный труда, борьбы и жатвы*) осмысления одной из наиболее драматичных эпох в истории страны. В этом плане «Ода», с ее тематикой и основным тезисом (о результатах деятельности руководителя СССР: *Должник сильнее иска*), может быть поставлена рядом с поэмой «Двенадцать» А. Блока (1918), с ее тематикой и основным тезисом (о Революции: *Впереди идет Христос*), столь неожиданными с точки зрения не только современников, но и многих нынешних почитателей автора.

При анализе корпуса стихов ОМ 30-х гг. «эволюция мировоззрения поэта... видна невооруженным глазом: от активного неприятия сталинской власти (“Что ни казнь у него, – то малина. / И широкая грудь осетина” – 1933 г.) к своему покаянию (“И к нему, в его сердцевину / Я без пропуска в Кремль вошел, / Разорвав расстояний холстину, / Головою повинной тяжел...” – 1937 г.)» [34] (ср.: [25. С. 107]). Среди тематически и хронологически близких к «Оде» стихотворений М.Л. Гаспаров указывает следующее, написанное в первых числах февраля – начале марта 1937 г. [47. С. 105]:

Если б ме|ня|| наши вра|ги|| взяли
И пере|стали со| мной гово|рять|| люди,
Если б ли|шили ме|ня все|го|| в мире:
Права ды|шать|| и откры|вать|| двери
И утверждать||, что бытие|| будет
И что народ||, как судия||, судит, –
Если б меня|| смели держать|| зверем,
Пищу мою|| на пол кидать|| стали б, –
Я не смолчу||, не заглушу|| боли,
Но начерчу|| то, что чертить|| волен,
И, раскачав|| колокол стен|| голый
И разбудив|| вражеской тьмы|| угол,
Я запрягу|| десять волов|| в голос

¹ Les extrêmes convergent: в словах одного из «жилцов дома творчества», участников суда над ОМ, описанных в романе Б. Кенжеева, угадывается отзыв П.А. Павленко о стихах ОМ, в частности об «Оде» (см. [80]).

И поведу|| руку во тьме|| плугом –
 И в глубине|| сторожевой ||ночи
 Чернора|бочей| вспыхнут зе|мле|| очи,
 И – в легион|| братских очей ||сжатый –
 Я упаду|| тяжестью всей|| жатвы,
 Сжатостью всей|| рвущейся вдаль|| клятвы –
 И налетит|| пламенных лет|| стая,
 Прошелестит|| спелой грозой|| Ленин,
 И на земле||, что **избежит**|| **тленья**,
 Будет будить|| разум и жизнь|| Сталин.

Текст написан 5-стопным дактилохореем со сквозной терминальной и практически сквозной медиальной спондеической цезурами, что обеспечивает напряженный стиль рубленой речи (*sermo commaticus*). Гаспаров видит здесь «два хориямба и хорей», однако: а) этой схеме, не характерной для русской поэтики, не подчиняются стихи 2, 3 и 16, что, впрочем, отмечает и сам Гаспаров; б) равным образом можно, при большом желании, увидеть «хориямбы», напр., в следующем пентаметрическом стихе: *Дивная| прелесть| моей|| кисти – у| всех на у|стах* (А. Блок. Эпитафия Фра Филиппо Липпи. 1914). Далее читаем: «Если угодно, эта игра стыками ударений есть ритмическая палинодия знаменитого стихотворения 1911 г. “Сегодня дурной день...”» [47. С. 106], но эти стихи написаны спондеически осложненным амфибрахией: «Сегодня| дурной| день»¹, метрической палинодии тут нет. Обратимся к содержанию стихотворения «Если б меня наши враги взяли...». Здесь налицо мотив черчения (углем? грифелем?), ср.: «строчка “...Но начерчу то, что чертить волен”, – прямая отсылка к самоописанию в “Оде”» [47. С. 106]; если же принять мысль о том, что *впереди* плеяды романтиков, а затем и прагматиков Революции *идет Христос*, то их социальная доктрина, равно как мысли тех, кто начертал библейские заповеди, «будет будить разум и жизнь» и «избежит тленья», ср.: а) «Поэт стоит на том, “что бытие будет” (то светлое бытие, которое творит Сталин в “Оде”) “и что народ как судия судит”: народ имеет право судить поэта, а враги не имеют»; б) «Предпоследняя строчка о “земле, что избежит тленья” – тоже отсылка к концовке “Оды”» [47. С. 106]. Ранее, в 1924 г. (в стихотворении «1 января 1924») и в 1935 г. («Мир начинался страшен и велик...»), ОМ говорил об одной движущей силе большевизма – о Ленине. И в стихотворении «Если б меня наши враги взяли...», и в «Оде» рядом с Лениным уже стоит Сталин. Конситуативно маркированным представляется сам стиль «Оды». Ее характер считается «натужным» [77. С. 336], «вымученным» [83. С. 91; 73. С. 17]; с этим мнением коррелирует представление об искусственности ее стиля как следствии причиненного себе при работе над ней «немалого насилия» [76. С. 58]. Обосновывая данный тезис, Гандельсман адресует ОМ следующий упрек: «Мне кажется, что лексика то и дело

¹ См. разбор метрической структуры данного стихотворения в статье: [82. С. 27–28].

оступается, словно бы оглядываясь на газету...» [29. С. 315]; согласно мнению И. Месс-Бейер, «[п]о выражению “дружба мудрых глаз”, конденсату газетных и стихотворных клише, немедленно угадывается “мудрый учитель” и “самый чуткий друг литературы”» [33. С. 297]; Б.М. Сарнов отмечает, что в «Оде» ОМ «попадает в плен казенных эпитетов, штампованных оборотов, в пошлые рамки казенного, газетного славословия» [84. С. 173]. Но «оглядка на газету» была характерна для революционной и послереволюционной поэзии. Так, В. Маяковский, многие стихи которого имеют ораторский, публицистический характер, пишет: «В работе сознательно перевожу себя **на газетчика**» [85. С. 455]. Эту же тенденцию в поэтике ОМ отмечает И.А. Гурвич:

«[Н]егативный взгляд не вытесняется, но все же заметно оттеняется позитивным [...]. Поэта как будто бы привлекают люди в “красноармейских шинелях”, ему слышится “в Арктике машин советских стук”, а посещение близлежащего совхоза рождает словно бы даже несоразмерный событию отзыв: “Трудодень земли знакомой / Я запомнил навсегда, / Воробьевского райкома / Не забуду никогда”¹. Строки звучат несколько **казенно, по-газетному**, а между тем в них отложилось непосредственно увиденное... <...> Мандельштам не заподозришь в неискренности, рассказ о поразившей его картине дышит непосредственностью живого впечатления. И не узника, а именно художника...» [25. С. 107]. Некоторые строчки «Оды» действительно несут печать газетной статьи или даже плаката: *Художник, береги и охраняй бойца!* (Ода, I: 5); *Художник, помоги тому, кто весь с тобой, // Кто мыслит, чувствует и строит!* (Ода, III: 5–6). Но такие вкрапления соответствуют стилевым предпочтениям ОМ: «...умение использовать **злобу газетного дня** для своего вдохновения... лишь **увеличивает заслугу поэта**. “Собачья склока” (стихотворение О. Барбье, известное в переводе ОМ) была напечатана в газете... еще не высохла типографская краска, как имя поэта было у всех на устах. <...> Какими... средствами художественной выразительности достиг Барбье ошеломляющего впечатления на современников? Во-первых, он взял мужественный стих **ямбов**... приспособленный для могучей **ораторской речи**, для выражения **гражданской ненависти и страсти**. Во-вторых, он... умел сказать грубое, хлесткое и циничное слово... В-третьих, Барбье оказался мастером **больших поэтических сравнений**, как бы предназначенных для **ораторской трибуны**» [86. С. 304].

В «Оде» также использованы: 1) ямб, характерный для жанра оды [4. С. 235]; 2) мощные поэтические сравнения, напр. Сталина с должником, которому от имени народа предъявлен иск; 3) элементы публицистической, в частности ораторской речи. За восприятием таких элементов как простой «оглядки на газету» стоит невнимание к стилевым предпочтениям поэзии той эпохи. И ямб, и силлабический объем стихов, непредсказуемо

¹ Речь идет о стихотворении ОМ «Эта область в темноводье» (1936).

варьирующийся в пределах от 9 до 13 слогов, придают «Оде» интонацию ораторской речи. Все строфы стихотворения, исключая лишь 5-ю, построены на анизометрическом периоде (περίοδος ἄνισος)¹, крайним пределом последнего является описанный Деметрием Фалерским разговорный период (περίοδος διαλογική), который по своему устройству «[...] μόλις ἐμφαίνουσα ὅτι περίοδος ἐστίν» [...] лишь напоминает период» [10. С. 20 / De eloc., 21]; в качестве примера укажем лесенку Маяковского. Заметим: 5-я строфа «Оды» абсолютно симметрична, после 3-й стопы здесь даже просматривается медиальная цезура. Приглядимся к содержанию этой ритмически отмеченной строфы: на вопрос *Несчастья скроют ли большого плана часть?* следуют ответы: а) *Я разыщу его в случайностях их чуда...*; б) *Он все мне чудится в шинели, в картузе // На чудной площади с счастливыми глазами*. Несмотря на все несчастья, которые претерпела страна к 1937 г., правитель *чудится* автору «Оды» среди людей с счастливыми глазами. Судя по примыкающим к «Оде» текстам, поэту не давал покоя вопрос: *не ползет ли по шестиклетьвенному простору (равнинам, земле, пространству) Иуда, преступивший клятву)* и тем самым предавший идеи Ленина:

Что делать нам с убитостью² равнин,
С протяжным голодом их чуда?
Ведь то, что мы открытостью в них мним,
Мы сами видим, засыпая, зрим,
И все растет вопрос: куда они, откуда
И не ползет ли медленно по ним
Тот, о котором мы во сне кричим, –
Пространств несозданных³ **Иуда?**
(ОМ. Что делать нам с убитостью равнин... 16.01.1937)

Этот вопрос, получивший отражение в тексте от 16 января, в «Оде» был решен отрицательно: при положительном его решении «Ода», скорее всего, не была бы написана. Но 30 апреля мысль, видимо, вновь возвратилась, ср.:

Я к губам подношу эту зелень –
Эту клейкую клятву листов –
Эту **клятвопреступную** землю:
Мать подснежников, кленов, дубков.
(ОМ. Я к губам подношу эту зелень. 30.04.1937))

Возможно, задуматься заставила ситуация, сложившаяся 23 апреля: «В воронежской газете “Коммуна” – статья О. Кретовой “За литературу, со-

¹ Cf.: «Periodus ἄνισος est, quae omnia membra habet imparia [...]» ‘Период анизометричен, если все его члены неравны’ [87. Р. 47 / Rudim. rhet. III, 3].

² Ср.: *Русь – как убитая* (Песенка, IV: 4).

³ ¹ Вариант: *Народов будущих*, т.е. будущих поколений.

звучную эпохе”. “За последние годы в организацию (воронежское обл. отд. союза сов. писателей) пытались проникнуть и оказать свое влияние троцкисты и другие классово-враждебные люди (Стефан, Айч, О. Мандельштам), но были разоблачены”», ср. 30 апреля: «Заявление в Секретариат Союза советских писателей относительно измышлений в статье О. Кретовой. “Прошу Союз Советских Писателей расследовать и проверить позорящие меня высказывания Воронежского областного отделения Союза”» [21. С. 447–448]. ОМ определенно «...колебался между отрицанием и утверждением» [79. С. 249].

Печатью эпохи отмечена и лексика, в частности слова *близнец* и *отец*:

1. Анализируя полуторастиише *И в дружбе мудрых глаз найду для близнеца*, // *Какого, не скажу...* (Ода, II: 5–6), Гаспаров поясняет: «Для любого советского читателя первый напрашивающийся <...> “близнец” Сталина – Ленин» [47. С. 100], т.е. понимать следует: ‘для Сталина-близнеца, чьего / какого – не скажу’. Едва ли под близнецами имеются в виду: а) «пара Сталин-Джугашвили» [8. Р. 110], что вступает в конфликт с логикой; б) Сталин и его портрет, созданный ОМ [5. С. 553], что абсурдно: получается ‘портрета, какого – не скажу’; в) Сталин и ОМ [7. С. 232], что исключается принятым в жанре оды подчеркнутым неравенством статусов ее автора и адресата (см. введение).

2. ...то выраженье, близясь // К которому, к нему, – вдруг узнаешь *отца*... (Ода, II: 6–7). Отец ОМ, Э.В. Мандельштам, регулярно читал советские газеты, писал стихи о первой сталинской пятилетке; от него ОМ постоянно «слышит большевистскую проповедь» [88. С. 18].

3. *Не огорчить отца* // Недобрым образом иль мыслей недобором (Ода, III: 3–4). Находясь в воронежской ссылке, ОМ пишет о Воробьевском совхозе: *Общая тенденция не огорчать начальника (политотдела) и держаться бодро. Успокаивать и заверять во что бы то ни стало. Не рассказывать ничего неприятного...* [37. С. 461]. В этой же связи интересна оценка директора совхоза: *не командир, а папаша* [37. С. 468]. Здесь ОМ подметил истоки: а) советской традиции «победных рапортов наверх»; б) патернализма советской системы вертикальных взаимоотношений (применительно к ОМ возможен эмоциональный трансфер с собственного отца на отца народов). С обозначенной точки зрения трудно принять следующие явно внеконтекстные трактовки: «Ода» читается «...как стихотворение об Отце и Сыне, который, глядя в глаза Отцу, понимает, что он обречен погибнуть, спасая мир» [89]; б) «Отец, к которому он (ОМ. – В.М.) постоянно апеллирует, – сам Всевышний» [39].

5. Вопрос о тайнописи в «Оде»

В текстах ОМ исследователи находят немало случаев тайнописи, в частности анаграмм и криптограмм. Так, Н. Мандельштам, видящая в «Оде» «стержневое слово “ось”», отмечает, что по всем стихам «Оды», а также корпуса стихотворений, хронологически примыкающих к ней,

«...разбросаны рифмы и ассонансы со звуком “с”: *окись – примесь, косит – просит, голос – боролись, Эльбрус – светло-рус, мясо – часа, износ – разногolos...*» [74. С. 244]. Однако: 1) аллитерация на [с] с одинаковой степенью вероятности может подчеркивать: а) криптограмматически – слова *Иосиф* [90] или даже *Ося* [70. С. 136]; б) анаграмматически – слово *Сталин*: по мнению И. Фролова, в «Оде» «это имя в созвучиях разбросано по всему стихотворению» [34]; 2) неоднократное употребление звука [с] может представлять собой как аллитерацию, так и случайный повтор. И.З. Сурат констатирует: «Сталинская тема в творчестве О. Мандельштама породила большую исследовательскую литературу и при этом стала, в силу своей внехудожественной остроты и непреходящей актуальности, полем разного рода **спекуляций, манипуляций и честных заблуждений**. Сама судьба поэта влияет на восприятие этой темы и побуждает... в оде “Когда б я уголь взял для высшей похвалы...” **искать какой-то шифр**, позволяющий толковать ее не как оду, а как сатиру на Сталина» [72. С. 199]. Приведем пример прочтения, явно подчиненного установке на поиск такого шифра (графическую форму иллюстративного примера сохраняем): «Про что же эта “Ода”? Читаем дальше <...>:

Когда б я уголь взял для высшей похвалы
 для радости рисунка непреложной
 я б воздух рас**ЧЕР**Тил на хитрые углы
И **О**сторожно, **И** тревожно
 чтоб настоящее в **ЧЕР**Тах отозвал**ОСЬ**
 в **И**скусстве с дерз**ОСЬ**тью грани**И**ча,
 я б рассказал о том, кто сдвинул м**И**ра **ОСЬ**
С**Т****А** сорока народов чтя обычай
 я б поднял брови малый уголок
 и поднял вновь и разреши**Л** **И**наче...

Перед нами поэтический шифр. Уже 4-я строка “Оды” заключает анаграмму имени ИОС-И-/Ф/. А строкой выше и строкой ниже читается слово... малоуместное по отношению к вождю первого в мире социалистического государства, но впервые употребленное Мандельштамом по поводу Сталина еще в 1929 г. в “Четвертой прозе”. В 5-й, 6-й, 7-й, 8-й и 10-й строках вновь: **ОСЬ** – **И-ОС-И** – **И-ОСЬ** – **СТА**... **Л** **И****Н**. Слово “черт” в “Оде” зашифровано шестикратно (и, значит, сознательно): рас**ЧЕР**Тил – **ЧЕР**-**Т**ах – **о****Т**ца **Ре****Ч**Ей упрямых – зав**Т**ра из **в****Ч**Ера – **ЧЕР**ез Тайгу – **Ч**Ем **ис**-**К**Реннос**Ть**» [90].

Специалистам, однако, известно, что всегда существует возможность «...найти в среднем в трех строках, взятых наугад, слоги, из которых можно сделать любую анаграмму (подлинную или мнимую)» [91. С. 643]. Подобного рода «находки» лишний раз свидетельствуют о том, «как влиятельна типично советская привычка не читать, а вычитывать» [6. С. 108].

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. К затруднениям в адекватном осмыслении отдельных фрагментов «Оды» приводит осложненность номинаций следующих трех типов:

1.1. Мотивационная осложненность, источниками которой выступают семантические переносы, прежде всего метафора (см. раздел 2, пункты 1–9). Один из наиболее ярких образов «Оды» формирует развернутая метафора, основанная на сравнении поэта с художником, пера – с углем. В основу стиха *Когда б я уголь взял для высшей похвалы* (Ода, I: 1) положен косвенный оксюморон (возможно, с интертекстуальной аллюзией к углю в «Сатирах» Горация), а значит, данный стих таит в себе контрастную оценку.

1.2. Интертекстуальная осложненность (см. раздел 3). Аксиологически весомым элементом подтекста «Оды» является аллюзия к песенке «Русь» в поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Песенка построена на контрастах, что дает основание поставить данную аллюзию в отношения корреляции с оксюмороном *уголь для похвалы* (см. пункт 1.1).

1.3. Конситуативная осложненность (см. раздел 4): так, стиль «Оды», в отдельных моментах сближающийся с ораторским и даже газетным, следует рассматривать как конситуативно отмеченный, поскольку такое сближение было характерно для постреволюционной поэзии.

2. Утонченность образных решений и филигранность формы «Оды», представляющей собой «дань должного уважения (fitting tribute) великого мэтра словесного искусства великому мэтру политической власти» [19. Р. 260], едва ли совместимы с типовыми мнениями: а) о вымученном стиле и вынужденном характере стихотворения; б) о примитивности его формы, ср.: «В нем много косноязычия...» [80. С. 243], «...такие стихи мог написать и Лебедев-Кумач» [84. С. 170], etc.

3. К числу фактов, свидетельствующих о диалектическом характере взгляда ОМ на происходящее в СССР, следует отнести не только открытую констатацию *Должник сильнее иска*, но и логически соотнесенные с ней и в целом подтверждающие ее искренность подтексты: а) отсылку к песенке «Русь», один из фрагментов которой, впрочем, гласит: *Сила с неправдою // Не уживается* [Песенка, IV: 1–2]; б) уподобление Сталина скованному цепями Прометею (*Он свесился с трибуны, как с горы*); в) оксюморон *уголь взял для похвалы*. Рассмотренная смысловая корреляция позволяет утверждать, что текст ОМ содержит элементы двусторонней аргументации применительно к оценке деятельности руководителя СССР; для сталинской эпохи, особенно после XVII съезда ВКП(б), «съезда победителей» (1934 г.), эта позиция автора была политически и идеологически неприемлема. Тот факт, что ОМ решился на такую аргументацию, подтверждает справедливость оценки его как поэта, который оказался неспособен на компромисс в творчестве и тем самым избрал путь «мученика за правду искусства» [24. С. 13]. Н. Коржавин, считавший Сталина «зловещей фигурой», в день его смерти пишет: *Я сам не знаю, злым иль добрым*

роком // Так много лет он был для наших дней (Н. Коржавин. На смерть Сталина. 1953). Поэт так объясняет эту диалектическую оценку: «Нет, приспособленчеством здесь и не пахло. <...> Понимал я это все жестче, а написал так. А иначе не мог, что-то... мне не давало это сделать, что-то, **через что я не мог перешагнуть**. ...Я уступил художественному чувству, замыслу, **от меня не зависящему**» [92. С. 584, 585]. В стихотворении ОМ «Флейты греческой тета и йота...» (1937) в роли этого же «художественного чувства» выступает флейта – *неизвѣнная, без отчета* – как символ данной свыше *безотчетной*, никому не подвластной силы, подчиняющей поэта и ведущей его в творчестве путем истины: *И ее невозможно покинуть*, // *Стиснув зубы ее не унять*. «Ода» считается палинодией по отношению к стихотворению «Мы живем под собою не чуя страны...» (1933). В свете приведенных фактов точнее было бы говорить о неполной палинодии, поскольку однозначно отрицательная оценка сменяется в «Оде» не однозначно положительной, а диалектической, возможно – со следующим профетическим элементом в выявленном нами подтексте: *Сила с неправдою // Не уживается* (см. пункт 1.2).

Список источников

1. Мандельштам О. Ода // Собр. соч. : в 4 т. / сост. П. Нерлер, А. Никитаев. Т. 3. М., 1994. С. 112–114.
2. Мандельштам О. Когда б я уголь взял для высшей похвалы... // Полн. собр. соч. и писем : в 3 т. / сост. А.Г. Мец. Т. 1: Стихотворения. М., 2009. С. 308–311.
3. Mandelstam's «Ode» to Stalin // Slavic Review. 1975. Vol. 34, № 4. P. 683–691.
4. Тынянов Ю.Н. Ода как ораторский жанр // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 227–252.
5. Kahn A. Mandelstam's worlds: poetry, politics, and identity in a revolutionary age. Oxford : Oxford Univ. Press, 2020. 720 p.
6. Гаспаров М.Л. Метрическое соседство «Оды» Сталину // Столетие Мандельштама : материалы симпозиума. Tenaflly, 1994. С. 99–111.
7. Сурат И.З. Мандельштам и Пушкин: лирические сюжеты // Литературоведение как литература. М., 2004. С. 197–233.
8. Coetzee J.M. Osip Mandelstam and the Stalin Ode // Coetzee J.M. Giving Offense: Essays on Censorship. Chicago : Univ. of Chicago Press, 1996. P. 104–116.
9. Орлов В. Перепутья. М. : Худож. лит., 1976. 365 с.
10. Δημητρίου Φαλκρέως. Περί ἐρμηνείας. Glasgae : Ex Officina R. Foulis, 1743. 197 p.
11. Ἰωάννου του Σικελιώτου. Ἐξηγήσις εἰς τὰς ἰδέας του Ἑρμογένους // Rhetores Graeci / ed. Ch. Walz. Vol. VI. Stuttgartiae et al., 1834. P. 56–504.
12. Ἑρμογένους. Περί εὐρέσεως // Rhetores graeci / ed. Ch. Walz. Vol. 7. Pt. 2. Stuttgartiae et al., 1834. P. 695–860.
13. Vetteri I.F. Periodologia. Lubecae : Sumptibus Ionae Schmidii, 1744. 158 p.
14. Dionysii Halicarnassensis. De compositione verborum liber / ed. G.H. Schaefer. Lipsiae et al. : In libraria Weidmannia, 1808. 683 p.
15. Brown C. Introduction // The Noise of time. The prose of O. Mandelstam. San Francisco : North Point Press, 1986 [1965]. P. 13–62.
16. Жирмунский В.М. Задачи поэтики // Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977. С. 15–55.
17. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М. : Искусство, 1970. 384 с.

18. Ломоносов М.В. Риторика // Сочинения. Т. 3. СПб., 1850. С. 455–719.
19. Freidin G. A coat of many colors: Osip Mandelstam and his mythologies of self-presentation. Berkley ; Los Angeles : Univ. of California Press, 1987. 421 p.
20. Видгоф Л.М. «Но люблю мою курву Москву». Осип Мандельштам: поэт и город. М. : Астрель, 2012. 703 с.
21. Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама / сост. А.Г. Мец при участии С.В. Василенко, Л.М. Видгофа, Д.И. Зубарева, Е.И. Лубяниковой, П. Мицнера. СПб. : Интернет-издание, 2019. 509 с.
22. Померанц Г. Слово – Психея // Слово и судьба: О. Мандельштам / ред. З.С. Паперный. М., 1991. С. 389–398.
23. Адамович Г.В. Несколько слов о Мандельштаме // Воздушные пути. Альм. П. Нью-Йорк, 1961. С. 87–101.
24. Бушман И. Поэтическое искусство Мандельштама. Мюнхен : Институт по изучению СССР, 1964. 75 с.
25. Гурвич И.А. Мандельштам: проблема чтения и понимания. Нью-Йорк : Gnosis Press, 1994. 133 с.
26. Luther M. Assertio omnium articulorum per Bullam Leonis X [1520] // Luther M. Tomus secundus omnium operum. Witebergae : Per I. Lufft, 1546. P. 99–120.
27. Flacius M. Clavis Scripturae, seu de Sermone sacrarum Literarum : 2 vols. Basileae : Per Pau-lum Quecum, 1567. Vol. 2. 580 p.
28. Chrysostomos J. In Epistolam Secundam ad Thessalonicensens Commentarius // Chrysostomos J. Opera Omnia : 13 t. Parisiis : Apud Gaume Fratres, 1838. Т. 11. P. 590–631.
29. Гандельсман В. Сталинская «Ода» Мандельштама // Новый журнал. 1999. № 215. С. 311–319.
30. Беседы проф. К. Брауна с Н.Я. Мандельштам // Октябрь. 2014. № 7. С. 139–166.
31. Павлов М. Бродский в Лондоне, июль 1991 // Сохрани мою речь. Вып. 3, ч. 2. М., 2000. С. 12–63.
32. Рейн Р. Рисуи то, что видишь / пер. с англ. А.П. Пупыниной. М. : АСТ, 2019. 128 с.
33. Месс-Бейер И. Эзопов язык в поэзии Мандельштама 30-х годов // Russian Literature. 1991. Vol. 29, № 1. P. 243–394.
34. Фролов И. Откровение Мандельштама (Эзотерика «Сталинской Оды») // ArtOfWar. 21.12.2006, изменен 12.03.2012. URL: http://artofwar.ru/f/frolow_i_a/text_0101.shtml (дата обращения: 25.03.2022).
35. Плампер Я. Алхимия власти: культ Сталина в изобразительном искусстве. М. : Новое литературное обозрение, 2010. 495 с.
36. Мандельштам О. Стихотворения: (Ранние редакции и варианты) // Собр. соч. / сост. П. Нерлер, А. Никитаев : в 4 т. Т. 3. М., 1994. С. 299–363.
37. Мандельштам О. Наброски к документальной книге о деревне // Воронежские тетради / сост. В.А. Свительский. Воронеж, 1999. С. 458–568.
38. Месс-Бейер И. Мандельштам и сталинская эпоха: Эзопов язык в поэзии Мандельштама 30-х годов. Helsinki : University of Helsinki, 1997. 364 с.
39. Баталов С. Три письма Вождю: размышления о «темных» стихах Мандельштама // Prosodia.ru. 2022. URL: <https://prosodia.ru/catalog/shtudii/tri-pisma-vozhdyu-razmyshleniya-o-temnykh-stikhakh-mandelshtama/> (дата обращения: 30.03.2022).
40. И.В. Сталин: Кинохроника 1922–1945. URL: <https://lkprf.ru/video/909.html?> (дата обращения: 29.03.2022).
41. Graves D.R. Life drawing in charcoal. New York : Dover Publications, 1994 [1971]. 176 p.
42. Bloom S. Digital painting in photoshop. Oxford et al. : Elsever, 2009. 256 p.
43. Carter S.N. Drawing in black & white: charcoal, pencil, crayon, & pen-and-ink. New York: G.P. Putnam's sons, 1882. 55 p.

44. *Wolfersperger S., Carlston E.* Experimenting with art. Glenview : Good Year Books, 1991. 90 p.
45. *Лахути Д.Г.* Образ Сталина в стихах и прозе Мандельштама. М. : Рос. гос. гуманитарн. ун-т, 2008. 247 с.
46. *Мандельштам О.* Заметки о поэзии [1923] // Соч. : в 2 т. Т. 2: Проза. М., 1990. С. 207–211.
47. *Гаспаров М.Л.* О. Мандельштам. Гражданская лирика 1937 г. М. : Рос. гос. гуманитарн. ун-т, 1996. 128 с.
48. *Волков С.М.* Разговоры с Иосифом Бродским. New York : Слово-Word, 1997. 338 с.
49. *Жучкова А.В.* Загадка мандельштамовской «Оды» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 47. С. 109–122.
50. *Кухней Л.* Лично-именной код в лирике Мандельштама // *Literatūra*. 2019. Vol. 61, № 2. Р. 49–69.
51. *Климович Л.И.* Наследство и современность: Очерки о национальных литературах. М. : Сов. писатель, 1975. 415 с.
52. *Brown C.* Into the Heart of Darkness: Mandelstam's Ode to Stalin // *Slavic Review*. 1967. Vol. 26, № 4. Р. 584–604.
53. *Лекманов О.* Сталинская «Ода»: Стихотворение Мандельштама «Когда б я уголь взял для высшей похвалы...» на фоне поэтической сталинианы 1937 года // *Новый мир*. 2015. № 3. С. 171–186. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2015/3/stalinskaya-oda.html? (дата обращения: 25.03.2022).
54. *Комарова В.В.* Конституционное право России. М. : Директ-Медиа, 2014. 161 с.
55. *Григорьев В.П.* Поздний Мандельштам: хитрые углы («Ода» Сталину или / и Хлебникову?) // *Русистика сегодня*. 1998. № 3–4. С. 113–132.
56. *Струве Н. О.* Мандельштам. London : Overseas Publications Interchange, 1988. 336 с.
57. *Jangfeldt B.* Osip Mandel'stam's Ode to Stalin // *Scando-Slavica*. Vol. 22. 1976. № 1. Р. 35–41.
58. *Капченко Н.И.* Политическая биография Сталина : в 3 т. Т. 1. Тверь : Северная корона, 2004. 733 с.
59. *Богомолов Н.А.* Писал ли Мандельштам эзоповым языком? // *Новое литературное обозрение*. 1998. № 5 (33). С. 386–399.
60. *Вайман Н.* Odi et amo. Excursio: Опыт интерпретации стихотворения Мандельштама // *Крешатик*. 2022. № 1. URL: <https://magazines.gorky.media/kreschatik/2022/1/odi-et-amo-excursio.html> (дата обращения: 31.03.2022).
61. *Мец А.Г.* Взгляд на «Стихи о неизвестном солдате» и «Стихи о Сталине» Осипа Мандельштама // *Toronto Slavic Quarterly*. 2019. Vol. 70. Р. 1–12.
62. *Кун Н.А.* Легенды и мифы Древней Греции. М. : Учпедгиз, 1954. 451 с.
63. *Нерлер П.М.* Примечания // Мандельштам О. Сочинения : в 2 т. Т. 1. М., 1990. С. 441–611.
64. *Сталин И.В.* По поводу смерти Ленина: Речь на II Всесоюзном съезде Советов. 26 января 1924 г. // Соч. : в 13 т. Т. 6. М., 1947. С. 46–51.
65. *Лукиан.* Прометей, или Кавказ / пер. Б.В. Казанского // *Хрестоматия по античной литературе* : в 2 т. Т. 1. М., 1965. С. 558–563.
66. *Эсхил.* Прометей прикованный / пер. С. Апта // *Античная драма: Переводы с древнегреческого и латинского / вступ. ст., сост. и примеч. С. Апта*. М., 1970. С. 77–116.
67. *Толковый словарь русского языка* : в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 4. М. : Рус. слов., 1994. 754 с.
68. *Квитко Д.Ю.* Философия Толстого. М. : Изд-во коммунистической академии, 1930. 227 с.
69. *Сарнов Б.М.* Заложник вечности: Случай Мандельштама. М. : Книжная палата, 1990. 216 с.
70. *Данин Д.С.* Бремя стыда. М. : Московский рабочий, 1996. 384 с.

71. Рейн Е. Поэзия и «вещный» мир // Рейн Е. Заметки марафонца. Екатеринбург, 2003. С. 513–522.
72. Сурат И.З. «Я говорю за всех...»: К истории антисталинской инвективы Осипа Мандельштама // Знамя. 2017. № 11. С. 199–206.
73. Сарнов Б.М. Последний творческий акт: Случай Мандельштама. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2000. 125 с.
74. Мандельштам Н.Я. Воспоминания [Кн. 1] / подгот. текста Ю.Л. Фрейдина. М. : Согласие, 1999. 552 с.
75. Мец А.Г. Комментарии // Мандельштам О. Полн. собр. соч. и писем : в 3 т. / сост. А.Г. Мец. Т. 1: Стихотворения М., 2009. С. 517–734.
76. Аверинцев С.С. Судьба и весть Осипа Мандельштама // Мандельштам О. Соч. : в 2 т. Т. 1. М., 1990. С. 5–64.
77. Герштейн Э.Г. Мемуары. М. : Инапресс, 1998. 518 с.
78. Рудаков С.Б. Из писем 1935–1936 гг. // Воронежские тетради / сост. В.А. Свистельский. Воронеж, 1999. С. 276–356.
79. Кушнер А. «Попробуйте меня от века оторвать...» // Кушнер А. Аполлон в снегу. Л., 1991. С. 211–260.
80. Павленко П. О стихах О. Мандельштама // Шенталинский В.А. Рабы свободы. М. : Парус, 1995. С. 243.
81. Кенжеев Б. Обрезание пасынков. М. : АСТ, 2009. 379 с.
82. Москвин В.П. Ударение лексическое и ударение метрическое: разграничение понятий // Известия Российской академии наук. Серия лит. и языка. 2020. Т. 79, № 4. С. 24–50.
83. Рассадин С. Бес бесстилья // Арион. 1998. № 4. С. 87–99.
84. Сарнов Б. Сколько весит наше государство? // Осмыслить культ Сталина / ред. Х. Кобо. М., 1989. С. 160–194.
85. Маяковский В.В. Я сам // Собр. соч. : в 8 т. Т. 3. М., 1968. С. 439–456.
86. Мандельштам О. Огюст Барбье: (Поэт Парижской революции 1830 г.) // Соч. : в 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 302–305.
87. Kirchmanni Johannis. Rudimenta rhetoricae. Cellis : Sumptibus Thomae Henrici Hauensteinii, 1661. 141 p.
88. Микушевич В.Б. Осип Мандельштам и мировая культура // Мандельштамовская энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. П.М. Нерлер, О.А. Лекманов. Т. 1. М., 2017. С. 10–62.
89. Лекманов О. «Рождественская звезда»: текст и подтекст // Новое литературное обозрение. 2000. № 5. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2000/5/rozhdestvenskaya-zvezda.html> (дата обращения: 31.03.2022).
90. Чернов А. Ода рябому черту. Тайнопись в «покаянных» стихах О. Мандельштама // Несториана/nestoriana. 18.03.2016. URL: <https://nestoriana.wordpress.com/2016/03/18/oda-osipa/> (дата обращения: 15.03.2022).
91. Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М. : Прогресс, 1977. 696 с.
92. Коржавин Н. В соблазнах кровавой эпохи : в 2 кн. Кн. 2. М. : Захаров, 2007. 752 с.

References

1. Mandel'shtam, O. (1994) Oda [Oda]. In: Mandel'shtam, O. *Sobranie sochineniy* [Collected works]: in 4 vols. Vol. 3. Moscow: Art-Biznes-Tsentr; Mandel'shtamovskoe obshchestvo. pp. 112–114.
2. Mandel'shtam, O. (2009) Kogda b ya ugol' vzyal dlya vysshey pokhvaly... [When I took coal for the highest praise...]. In: Mandel'shtam, O. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete works and letters]: in 3 vols. Vol. 1: Stikhotvoreniya Moscow: Progress-Pleyada. pp. 308–311.
3. Slavic Review. (1975) Mandelstam's "Ode" to Stalin *Slavic Review*. 4 (34). pp. 683–691.

4. Tynyanov, Yu.N. (1977) Oda kak oratorskiy zhanr [Ode as an oratorical genre]. In: Tynyanov, Yu.N. *Poetika. Istoriya literatury. Kino* [Poetics. History of literature. Cinema]. Moscow: Nauka. pp. 227–252.
5. Kahn, A. (2020) *Mandelstam's Worlds: Poetry, politics, and identity in a revolutionary age*. Oxford: Oxford University Press.
6. Gasparov, M.L. (1994) Metricheskoe sosiedstvo “Ody” Stalinu [Metric Neighborhood of “Ode” to Stalin]. In: Aizlewood, R. & Myers, D. (eds) *Stoletie Mandel'shtama* [Mandelstam Centenary Conference]. Tenaflly: Hermitage. pp. 99–111.
7. Surat, I.Z. (2004) Mandel'shtam i Pushkin: liricheskie syuzhety [Mandelstam and Pushkin: lyrical plots]. In: Popova, I.L. (ed.) *Literaturovedenie kak literatura* [Literary Studies as Literature]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 197–233.
8. Coetzee, J.M. (1996) Osip Mandelstam and the Stalin Ode. In: Coetzee, J.M. *Giving Offense: Essays on Censorship*. Chicago: University of Chicago Press. pp. 104–116.
9. Orlov, V. (1976) *Pereput'ya* [Crossroads]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
10. Δημητρίου Φαληρέως. (1743) Περὶ ἐρμηνείας. Glasgae: Ex Officina R. Foulis.
11. Ἰωάννου του Σικελιώτου. (1834) Ἐξήγησις εἰς τὰς ἰδέας του Ἑρμογένους. In: Walz, Ch. (ed.) *Rhetores Graeci*. Vol. 6. Stuttgartiae et al.: Sumtibus J.G. Cottae. pp. 56–504.
12. Ἑρμογένους. (1834) Περὶ εὐρέσεως. In: Walz, Ch. (ed.) *Rhetores Graeci*. Vol. 7. Part 2. Stuttgartiae et al.: Sumtibus J.G. Cottae. pp. 695–860.
13. Vetteri, I.F. (1744) *Periodologia*. Lubecae: Sumptibus Ionae Schmidii.
14. Dionysii Halicarnassensis. (1808) *De compositione verborum liber*. Lipsiae et al.: In libraria Weidmannia.
15. Brown, C. (1986) *The Noise of Time. The prose of O. Mandelstam*. San Francisco: North Point Press. pp. 13–62.
16. Zhirmunskiy, V.M. (1977) Zadachi poetiki [Objectives of poetics]. In: Zhirmunskiy, V.M. *Teoriya literatury. Poetika. Stilistika* [Theory of Literature. Poetics. Stylistics]. Leningrad: Nauka. pp. 15–55.
17. Lotman, Yu.M. (1970) *Struktura khudozhestvennogo teksta* [The Structure of the Artistic Text]. Moscow: Iskusstvo.
18. Lomonosov, M.V. (1850) Ritorika [Rhetoric]. In: *Sochineniya Lomonosova* [Works of Lomonosov]. Vol. 3. Saint Petersburg: V" tipografii A. Dmitrieva. pp. 455–719.
19. Freidin, G. (1987) *A Coat of Many Colors: Osip Mandelstam and his mythologies of self-presentation*. Berkley, Los Angeles: University of California Press.
20. Vidgof, L.M. (2012) “No lyublyu moyu kurvu Moskvu”. *Osip Mandel'shtam: poet i gorod* [“But I love my whore Moscow.” Osip Mandelstam: Poet and city]. Moscow: Astrel'.
21. Mets, A.G. (ed.) (2019) *Letopis' zhizni i tvorchestva O.E. Mandel'shtama* [Chronicle of the Life and Work of O. Mandelstam]. Saint Petersburg: Internet-izdanie.
22. Pomerants, G. (1991) Slovo – Psikheya [Word – Psyche]. In: Papernyy, Z.S. (ed.) *Slovo i sud'ba: O. Mandel'shtam* [Word and Fate: O. Mandelstam]. Moscow: Nauka. pp. 389–398.
23. Adamovich, G.V. (1961) Neskol'ko slov o Mandel'shtame [A few words about Mandelstam]. In: Grynberg, R.N. (ed.) *Vozdushnye puti. Al'manakh* [Aerial Ways. Almanac]. Vol. 2. New York: [s.n.]. pp. 87–101.
24. Bushman, I. (1964) *Poeticheskoe iskusstvo Mandel'shtama* [Mandelstam's Poetic Art]. Munich: Institut po izucheniyu SSSR.
25. Gurvich, I.A. (1994) *Mandel'shtam: problema chteniya i ponimaniya* [Mandelstam: The problem of reading and understanding]. New York: Gnosis Press.
26. Luther, M. (1546) *Tomus secundus omnium operum*. Witebergae: Per I. Lufft. pp. 99–120.
27. Flacius, M. (1567) *Clavis Scripturae, seu de Sermone sacrarum Literarum*. Vol. 2. Basileae: Per Paulum Quecum.
28. Chrysostomos, J. (1838) *Opera Omnia*. Vol. 11. Parisiis: Apud Gaume Fratres. pp. 590–631.

29. Gandel'sman, V. (1999) *Stalinskaya "Oda" Mandel'shtama* [Stalin's "Ode" by Mandelstam]. *Novyy zhurnal*. 215. pp. 311–319.
30. Oktyabr'. (2014) Besedy prof. K. Brauna s N.Ya. Mandel'shtam [Conversations prof. K. Brown with N.Ya. Mandelstam]. *Oktyabr'*. 7. pp. 139–166.
31. Pavlov, M. (2000) Brodskiy v Londone, iyul' 1991 [Brodsky in London, July 1991]. In: Lekmanov, O. (ed.) *Sokhrani moyu rech'* [Save my Speech]. Vol. 3. Part 2. Moscow: Russian State University for the Humanities. pp. 12–63.
32. De Reyna, R. (2019) *Risuy to, chto vidish'* [How to Draw What You See]. Translated from English by A.P. Pupynina. Moscow: AST.
33. Mess-Beyer, I. (1991) Ezopov yazyk v poezii Mandel'shtama 30-kh godov [Aesopian language in Mandelstam's poetry of the 1930s]. *Russian Literature*. 1 (29). pp. 243–394.
34. Frolov, I. (2012) Otkrovenie Mandel'shtama (Ezoterika "Stalinskoy Ody") [Mandelstam's Revelation (Esoterica of "Stalin's Ode")] *ArtOfWar*. 12 March. [Online] Available from: http://artofwar.ru/f/frolov_i_a/text_0101.shtml. (Accessed: 25.03.2022).
35. Plamper, J. (2010) *Alkhimiya vlasti: kul't Stalina v izobrazitel'nom iskusstve* [Alchemy of Power: The cult of Stalin in the fine arts]. Translated from N. Edel'man. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
36. Mandel'shtam, O. (1994) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 3. Moscow: Art-Biznes-Tsentr; Mandel'shtamovskoe obshchestvo. pp. 299–363.
37. Mandel'shtam, O. (1999) Nabroski k dokumental'noy knige o derevne [Sketches for a documentary book about the village]. In: Svitel'skiy, V.A. (ed.) *Voronezhskie tetradi* [Voronezh Notebooks]. Voronezh: Izd-vo im. E.A. Bolkhovitinova. pp. 458–568.
38. Mess-Beyer, I. (1997) *Mandel'shtam i stalinskaya epokha. Ezopov yazyk v poezii Mandel'shtama 30-kh godov* [Mandelstam and the Stalin Era. Aesopian language in the poetry of Mandelstam in the 1930s]. Helsinki: University of Helsinki.
39. Batalov, S. (2022) Tri pis'ma Vozhdyu: razmyshleniya o "temnykh" stikhakh Mandel'shtama [Three letters to the Leader: reflections on mandelstam's "dark" poems]. *Prosodia.ru*. [Online] Available from: <https://prosodia.ru/catalog/shtudii/tri-pisma-vozhdyu-razmyshleniya-o-temnykh-stikhakh-mandel'shtama/>. (Accessed: 30.03.2022).
40. Leninskiy raykom KPRF goroda Moskvy [Leninsky District Committee of the Communist Party of the City of Moscow]. (n.d.) *I.V. Stalin. Kinokhronika 1922–1945* [I.V. Stalin. Newsreel 1922–1945]. [Online] Available from: <https://lkprf.ru/video/909.html?>. (Accessed: 29.03.2022).
41. Graves, D.R. (1994) *Life Drawing in Charcoal*. New York: Dover Publications.
42. Bloom, S. (2009) *Digital Painting in Photoshop*. Oxford: Elsevier.
43. Carter, S.N. (1882) *Drawing in Black & White: Charcoal, pencil, crayon, & pen-and-ink*. New York: G.P. Putnam's sons.
44. Wolfersperger, S. & Carlston, E. (1991) *Experimenting with Art*. Glenview: Good Year Books.
45. Lakhuti, D.G. (2008) *Obraz Stalina v stikhakh i proze Mandel'shtama* [The Image of Stalin in Mandelstam's Poetry and Prose]. Moscow: Russian State University for the Humanities.
46. Mandel'shtam, O. (1990) *Sochineniya* [Works]. Vol. 2. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 207–211.
47. Gasparov, M.L. (1996) *O. Mandel'shtam. Grazhdanskaya lirika 1937 g* [Osip Mandelstam. Civil lyrics 1937]. Moscow: Russian State University for the Humanities.
48. Volkov, S.M. (1997) *Razgovory s Iosifom Brodskim* [Conversations with Joseph Brodsky]. New York: Slovo-Slovo.
49. Zhuchkova, A.V. (2017) Enigma of Osip Mandelstam's the Ode. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 47. pp. 109–122. DOI: 10.17223/19986645/47/8

50. Kikhney, L. (2019) Lichno-imennoy kod v lirike Mandel'shtama [Personal-nominal code in Mandelstam's lyrics]. *Literatūra*. 2 (61). pp. 49–69.
51. Klimovich, L.I. (1975) *Nasledstvo i sovremennost'*. *Ocherki o natsional'nykh literaturakh* [Legacy and Modernity. Essays on national literatures]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.
52. Brown, S. (1967) Into the Heart of Darkness: Mandelstam's Ode to Stalin. *Slavic Review*. 4 (26). pp. 584–604.
53. Lekmanov, O. (2015) Stalinskaya "Oda". Stikhotvorenie Mandel'shtama "Kogda b ya ugol' vzyal dlya vysshey pokhvaly..." na fone poeticheskoy staliniy 1937 goda ["Ode" to Stalin. Mandelstam's poem "Were I to take up the charcoal for the highest praise..." against the background of the poetic Stalinism of 1937]. *Novyy mir*. 3. pp. 171–186. [Online] Available from: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2015/3/stalinskaya-oda.html? (Accessed: 25.03.2022).
54. Komarova, V.V. (2014) *Konstitutsionnoe pravo Rossii* [Constitutional Law of Russia]. Moscow: Direkt-Media.
55. Grigor'ev, V.P. (1998) Pozdnyy Mandel'shtam: khitrye ugly ("Oda" Stalinu ili / i Khlebnikovu?) [Late Mandelstam: Tricky Angles ("Ode" to Stalin or/and Khlebnikov?)]. *Rusistika segodnya*. 3–4. pp. 113–132.
56. Struve, N.O. (1988) *Mandel'shtam*. London: Overseas Publications Interchange.
57. Jangfeldt, B. (1976) Osip Mandel'shtam's Ode to Stalin. *Scando-Slavica*. 1 (22). pp. 35–41.
58. Kapchenko, N.I. (2004) *Politicheskaya biografiya Stalina* [Political Biography of Stalin]. Vol. I. Tver: Severnaya korona.
59. Bogomolov, N.A. (1998) Pisal li Mandel'shtam ezopovym yazykom? [Did Mandelstam write in Aesopian language?]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 5 (33). pp. 386–399.
60. Vayman, N. (2022) Odi et amo. Excrucior. Opyt interpretatsii stikhotvoreniya Mandel'shtama [Odi et amo. Excrucior. The experience of interpreting Mandelstam's poem]. *Kreshchatik*. 1. [Online] Available from: <https://magazines.gorky.media/kreshchatik/2022/1/odi-et-amo-excrucior.html>. (Accessed: 31.03.2022).
61. Mets, A.G. (2019) *Vzglyad na "Stikhi o neizvestnom soldate" i "Stikhi o Staline" Osipa Mandel'shtama* [A look at "Poems about the Unknown Soldier" and "Poems about Stalin" by Osip Mandelstam]. *Toronto Slavic Quarterly*. 70. pp. 1–12.
62. Kun, N.A. (1954) *Legendy i mify Drevney Gretsii* [Legends and Myths of Ancient Greece]. Moscow: Uchpedgiz.
63. Nerler, P.M. (1990) Primechaniya [Notes]. In: Mandel'shtam, O. *Sochineniya* [Works]. Vol. 1. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 441–611.
64. Stalin, I.V. (1947) *Sochineniya* [Works]. Vol. 6. Moscow: Gos. izd-vo politich. lit-ry. pp. 46–51.
65. Lucian. (1965) *Prometey, ili Kavkaz* [Prometheus, or the Caucasus]. Translated from Ancient Greek by B.V. Kazanskiy. In: Deratani, N.F. (ed.) *Khrestomatiya po antichnoy literature* [Reader in Ancient Literature]. Vol. 1. Moscow: Prosveshchenie. pp. 558–563.
66. Aeschylus. (1970) *Prometey prikovanny* [Prometheus Bound]. In: Apt, S. (ed.) *Antichnaya drama* [Ancient Drama]. Translated from Ancient Greek by S. Apt. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 77–116.
67. Ushakov, D.N. (1994) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Vol. 4. Moscow: Russkie slovari.
68. Kvitko, D.Yu. (1930) *Filosofiya Tolstogo* [Philosophy of Tolstoy]. Moscow: Izd-vo kommunistich. akademii.
69. Sarnov, B.M. (1990) *Zalozhnik vechnosti. Sluchay Mandel'shtama* [Hostage of Eternity. Mandelstam's case]. Moscow: Knizhnaya palata.

70. Danin, D.S. (1996) *Bremya styda* [The Burden of Shame]. Moscow: Moskovskiy rabochiy.
71. Reyn, E. (2003) *Zametki maratonsa* [Notes of a Marathon Runner]. Yekaterinburg: U- Faktoriya. pp. 513–522.
72. Surat, I.Z. (2017) “Ya govoryu za vseh...” K istorii antistalinskoy invektivy Osipa Man-del'shtama [“I speak for everyone...” On the history of Osip Mandelstam's anti-Stalinist invective]. *Znamya*. 11. pp. 199–206.
73. Sarnov, B.M. (2000) *Posledniy tvorcheskii akt. Sluchay Mandel'shtama* [The Last Creative Act. Mandelstam's case]. Moscow: Moscow State University.
74. Mandel'shtam, N.Ya. (1999) *Vospominaniya* [Memories]. Vol. 1. Moscow: Soglasie.
75. Mets, A.G. (2009) Kommentarii [Comments]. In: Mandel'shtam, O. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]. Vol. 1. Moscow: Progress-Pleyada. pp. 517–734.
76. Averintsev, S.S. (1990) Sud'ba i vest' Osipa Mandel'shtama [The fate and message of Osip Mandelstam]. In: Mandel'shtam, O. *Sochineniya* [Works]. Vol. 1. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 5–64.
77. Gershteyn, E.G. (1998) *Memuary* [Memoirs]. Moscow: Inapress.
78. Rudakov, C.B. (1999) Iz pisem 1935–1936 gg. In: Svitel'skiy, V.A. (ed.) *Voronezhskie tetradi* [Voronezh Notebooks]. Voronezh: Izd-vo im. E.A. Bolkhovitinova. pp. 276–356.
79. Kushner, A. (1991) “Poprobuyte menya ot veka otorvat'...” [“Try to tear me away from the century...”]. In: Kushner, A. *Apollon v snegu* [Apollo in the Snow]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'. pp. 211–260.
80. Pavlenko, P. (1995) O stikhakh O. Mandel'shtama [About the poems of O. Mandelstam]. In: Shentalinskiy, V.A. *Raby svobody* [Slaves of Freedom]. Moscow: Parus. pp. 243.
81. Kenzheev, B. (2009) *Obrezanie pasynkov* [Circumcision of Stepsons]. Moscow: AST.
82. Moskvina, V.P. (2020) Udarenie leksicheskoe i udarenie metricheskoe: razgranichenie ponyatiy [Lexical stress and metric stress: differentiation of concepts]. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya lit. i yazyka*. 4 (79). pp. 24–50.
83. Rassadin, S. (1998) Bes besstil'ya [Demon of stylelessness]. *Arion*. 4. pp. 87–99.
84. Sarnov, B. (1989) Skol'ko vesit nashe gosudarstvo? [How much does our state weigh?] In: Cobo, J. (ed.) *Osmyslit' kul't Stalina* [Comprehend the Cult of Stalin]. Moscow: Progress. pp. 160–194.
85. Mayakovskiy, V.V. (1968) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 3. Moscow: Pravda. pp. 439–456.
86. Mandel'shtam, O. (1990) *Sochineniya* [Works]. Vol. 2. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 302–305.
87. Kirchmanni, J. (1661) *Rudimenta rhetoricae*. Cellis: Sumptibus Thomae Henrici Hauensteinii.
88. Mikushevich, V.B. (2017) Osip Mandel'shtam i mirovaya kul'tura [Osip Mandelstam and world culture]. In: Nerler, P.M. & Lekmanov, O.A. (eds) *Mandel'shtamovskaya entsiklopediya* [Mandelstam Encyclopedia]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya. pp. 10–62.
89. Lekmanov, O. (2000) “Rozhdestvenskaya zvezda”: tekst i podtekst [“Christmas Star”: text and subtext]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 5. [Online] Available from: <https://magazines.gorky.media/nlo/2000/5/rozhdestvenskaya-zvezda.html>. (Accessed: 31.03.2022).
90. Chernov, A. (2016) Oda ryabomu chertu. Taynopis' v “pokayannykh” stikhakh O. Mandel'shtama [Ode to the pockmarked devil. Secret writing in O. Mandelstam's “repentant” verses]. *Nestoriana*. 18 March. [Online] Available from: <https://nestoriana.wordpress.com/2016/03/18/oda-osipa/>. (Accessed: 15.03.2022).

91. Saussure, F. (1977) *Trudy po yazykoznaniyu* [Works on Linguistics]. Moscow: Progress.

92. Korzhavin, N. (2007) *V soblaznakh krovavoy epokhi* [In the Temptations of a Bloody Era]. Vol. 2. Moscow: Zakharov.

Информация об авторе:

Москвин В.П. – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия). E-mail: vasmoskvin@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.P. Moskvina, Dr. Sci. (Philology), professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University (Volgograd, Russian Federation). E-mail: vasmoskvin@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 02.06.2022;
одобрена после рецензирования 19.06.2022; принята к публикации 13.03.2023.*

*The article was submitted 02.06.2022;
approved after reviewing 19.06.2022; accepted for publication 13.03.2023.*

Научная статья

УДК 81

doi: 10.17223/19986645/82/8

Фразеологические единицы с названиями времен суток и их производными как реализация номинативно-деривационного потенциала исходных слов

Татьяна Сергеевна Соколова¹, Галина Николаевна Старикова²

^{1,2} *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

¹ *tatyana_sokol-88@mail.ru*

² *gstarikova@yandex.ru*

Аннотация. Рассматриваются устойчивые сверхсловные единицы русского языка с наименованиями частей суток и их дериватами как реализация фразеологического потенциала гнездовых слов утро – день – вечер – ночь. На большом языковом материале всех типов русского национального языка (литературного, территориально и социально ограниченных форм) представлены структура фразеологизмов и их семантика, отмечены их общие и специфические черты.

Ключевые слова: фразеология, структура и семантика фразеологизмов, фразеологическое гнездо, фразеобразовательный потенциал слова, наименования частей суток утро – день – вечер – ночь

Для цитирования: Соколова Т.С., Старикова Г.Н. Фразеологические единицы с названиями времен суток и их производными как реализация номинативно-деривационного потенциала исходных слов // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 82. С. 163–190. doi: 10.17223/19986645/82/8

Original article

doi: 10.17223/19986645/82/8

Phraseological units with the names of the times of the day and their derivatives as a realization of the nominative- derivational potential of the original words

Tatyana S. Sokolova¹, Galina N. Starikova²

^{1,2} *Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *tatyana_sokol-88@mail.ru*

² *gstarikova@yandex.ru*

Abstract. The study is based on the material of phraseological units, which include the words *utro* [morning], *den'* [day], *vecher* [evening], *noch'* [night] and their

derivatives *s utra poran'she, sred' belogo dnya, dnevati' i nochevat'*, etc., a total of about a thousand units. Dictionaries of literary, dialect, slang types of language served as sources for it. The analysis showed the activity of this group of chronolexis in phrase production from the beginning of the written period (*velikaya noshch', dnevno i noshchno*), their transformations with time: *Varfolomeya noshch'* (18th century) > *Varfolomeevskaya noch'*. The formation of compound names can be presented as a result of (1) compounding of lexical means, with the development of additional figurative semantics in them (*nochnoy + medveditsa = nochnaya medveditsa* [butterfly] or without it (*utrenniy + zvezda = utrennyaya zvezda* [morning star]), (2) expansion of one-word names into compound ones with the same conceptual volume: *devichnik* > *devich vecher*, etc. Higher rates in the implementation of their phraseological and derivational potential are shown by the polysemantic items *den'* and *vecher*. In the primary meaning, *noch'* is more active in derivation as a dark, passive period, which marks deviations from the standards of light time in actions, behavior, important characteristics of everything that exists (*nochnaya krasota, belye noch', nochnye volki*). Words with the root *utr-* are the least frequent. The general ratio of phraseological family data can be expressed approximately as 50 (*den'*) : 25 (*vecher*) : 20 (*noch'*) : 5 (*utro*). The maximum realization of the derivational potential of these words is observed in the dialect and slang types of the language, mainly due to them the latest phraseological units are developing: *nachalos' v kolhoze utro, spokojnoy noch'* (political studies in the army). The similarity of the initial semantics of words in families also led to the presence of typical non-single-word formations in them: *v utro / den' / vecher / noch'*, of which most often in the phraseological family *utro* they have corresponding lacunae: *den' dnevati' / noch' nochevat' / vecher vecheryat'*, etc. Consistently the same type of stable verbal complexes form antonymous names of parts of the day: *zarnitsa vechyoroshnaya / utreshnyaya, den' v den' / noch' v noch', v dyonnuyu / nochnyuyu*, etc. According to the type of grammatical meaning, phraseologisms are represented by groups, the most frequent of which is adverbial (*po utryaku, nochnym bytom, v moroshnyj den' ne pereschitat'*), then substantive (*vechernyaya shkola, sorok dney*), interjective (*dobroe utro*), verbal (*karaulit' noch'*), adjective (*noch'yu rodilsya, vidavshiy luchshie dni*), verbal-predicative (*dni sochteny, v glazah noch' noch'yu*). They are divided into three nominative spheres; the most developed of them is temporal, which is due to the semantics of words in the family. Phraseologisms are represented by different structures, mainly in the form of coordinate and subordinate phrases. Among them, a large number of tautological constructions are noted: *dnyam-dnyam, vecher vecherushchey, noch'-v-polnoch'*. Such phrases reinforce the meaning of the expressed concepts (*den'-den'skoy, vecher vecherovat'*), and may also indicate the development of semantics in the words used: *utriy / utrenniy den'* [future, tomorrow], *vechernie noshchi* [shadows]. Fixing new meanings in the usage of the analyzed words contributes to the development of their nominative-derivational potential.

Keywords: phraseology, structure and semantics of phraseological units, phraseological nest, phraseological potential of word, names of parts of day *utro – den' – vecher – noch'*

For citation: Sokolova, T.S. & Starikova, G.N. (2023) Phraseological units with the names of the times of the day and their derivatives as a realization of the nominative-derivational potential of the original words. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 82. pp. 163–190. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/82/8

Введение в проблему

Фразеология как объект лингвистических описаний, представляя само-бытнейшую в культурно-языковом плане часть номинативных средств того или иного народа, допускает как различное понимание сути данного феномена и его границ, так и многообразные аспекты его описания. При этом, сколь бы узкое или широкое содержание ни вкладывалось в понятие *фразеологизм* (далее – ФЕ), традиции русистики предписывают рассматривать их в составе групп сверхсловных единиц, объединяемых по семантическому или формальному признакам. Первый тип работ характеризуется изучением ФЕ с близким значением¹, второй предполагает объединение фразеологизмов на основе их структурной [2–5] или лексической [6–10] общности. Родившийся первоначально для обозначения последней подгруппы, термин *фразеологическое гнездо*² (далее – ФГ) все чаще употребляется по отношению к разнообразным совокупностям ФЕ, которые включают единицы, соответствующие какому-либо общему основанию для их объединения, обычно формально-семантическому. Необходимость подобной группировки фраземики вокруг единого слова (*стержневого центра, опорной лексемы, фразеолекса, фразеоконпонента, гнездового слова*), которое определяет функционально-синтаксический тип оборота, родилась из практических нужд лексикографии, требующих систематизации материала при подаче в толковых (общих и собственно фразеологических) словарях, из задач исследования лингвокультурологического пространства языка³, а также потребностей современного языкознания в интеграционных исследованиях.

Таким образом, термином *ФГ* в современных работах могут обозначать группы ФЕ: 1) с общим для них словом: *на босу ногу, одна нога здесь – другая там, ноги протянуть* и др. [6], *хлеб-соль, соль земли, без соли что без воли: не проживешь* [13]; *под носом, с гулькиным нос* [14]; 2) с общей корневой морфемой в отдельных компонентах фразем: *тертый калач, втереть очки, стереть в порошок* [15. С. 231–241], *устроить московский звон, как в Москву съездить, московский ветер* [16], *средней руки, засучив рукава, держать в ежовых рукавицах* [17]; 3) со словами с общим значением: напр., в диссертации Н.А. Власовой «Фразеологическое гнездо с вершиной *глаз* в общенародном языке и говорах» в составе ФГ рассмотре-

¹ Их список настолько широк, что ограничимся отсылкой к литературе и ее обзору в одной из последних диссертаций подобного направления [1].

² Одно из первых определений ему было дано В.Л. Архангельским: «Фразеологическое гнездо объединяет фразеологические единицы (ФЕ), имеющие в своем составе одно и то же слово в качестве стержневого компонента и реализующие различные виды лексических значений этого слова» [11. С. 64].

³ См.: «Стержневая подача позволяет более последовательно отразить семантическую общность целых фразеологических рядов, “нанизанных” на стабильную символику одного компонента» [12. С. 16].

ны не только выражения с указанным словом и его дериватами (*глазки, глазички, глазищи*), но и с их синонимами (*буркалы, гляделки, зенки, талы* и мн. др.) [18]. В факте выделения и в дальнейшей разработке теории ФГ усматривается аналогия с гнездами слов (*лексическими, словообразовательными, корневыми, этимологическими, генетическими, историческими*), что обосновывает их совместное рассмотрение в рамках *лексико-фразеологических гнезд* (ЛФГ [19], иначе – *лексико-фразеологических комплексов* [17]. Варианты терминов: *деривационно-фразеологическое гнездо* [16], *словообразовательно-фразеологический комплекс* [6], *номинативно-деривационное гнездо* [20] – указывают как на возможность общих подходов к описанию разноструктурных единиц, так и на их разнообразие.

Одним из активно развиваемых в работах последнего времени аспектов исследования комплексных языковых единиц типа *словообразовательное гнездо* (СГ) является представление его состава как результата проявления деривационного потенциала лексемы, выступающей вершиной гнезда. Соответственно, при описании ФГ исследователи говорят о реализации гнездовым словом его *фразеоморфологического* [21], *фразеологического* [8], *фразеографического* [22] потенциала, *фразеобразующей продуктивности* [23] или *фразеоморфологических возможностей* [24], шире – *фразеодеривационном потенциале* (ФДП). Подобно признанию особых потенций к словопорождению не только у лексемы, но и у отдельных способов и средств деривации, способность к фразеоморфологизации выявляется и у отдельных структурных фразеологических моделей. В этом случае в орбиту исследований вовлекаются ФЕ на основе общего фразеоморфологического компонента их структуры, например имени в форме предложного (*на бегу, в уме, в основном*) [3], творительного падежа (*реветь белугой, валом валить*) [4] и др. В частности, подобная тематика работ характерна для представителей Челябинской фразеологической школы [2–5].

В исследованиях ЛФГ постулируется мысль, что слово- и фразеоморфологические возможности лексемы составляют ее деривационный потенциал, который на формальном уровне выражается в количестве и структурно-грамматических показателях производных единиц, на семантическом – это номинативный потенциал, проявляющийся сферами номинации, их отдельными тематическими (понятийными) сегментами, маркируемыми разноструктурными дериватами с исходными корнями. Как и в случае со словообразующими потенциями, признается различие в способности разных лексем к фразеоморфологизации, которая зависит от семантики и частотности слова, мощности его СГ, культурной проработанности концептов, стоящих за этими единицами. Например, обладателем высокого фразеологического потенциала признается соматическая лексика, поскольку телесный код номинации относится к ведущим во многих культурах – не случайно именно эти ФЕ лучше всего проработаны в лингвистических исследованиях. Так, объектом диссертационного описания становились устойчивые выражения со словом *рука* [24, 17], *нога* [6], *глаз* [18, 22] и др., с соматизмами в целом [9, 14]. Немало работ, изучающих фразеологические группы с зоонимами,

фитонимами [25, 26], рядом других лексем, отражающих сущностно значимые для человека элементы окружающего его мир.

Т.Г. Никитина, представляя концепцию «Полного фразеологического словаря русских народных говоров», создаваемого в СПбГУ под руководством профессора В.М. Мокиенко, пишет о том, что в нем под общим образом стержнем будут собраны фразеологизмы разных народных говоров, что позволит показать региональную специфику фразеологической номинации и межрегиональные фразеологические параллели, *оценить фразеомообразовательный потенциал стержневого слова* [21. С. 198]. И хотя во многих работах звучат замечания о характеристиках вершинных лексем ФГ, позволяющих им реализовать свои фразеобразующие возможности¹, при этом речь о собственно процессах фразеодеривации в них обычно не идет. Это объясняется, на наш взгляд, недостаточной разработанностью данной теории в русистике, неоднозначностью понимания ее ведущего термина, обусловленными, наряду со сложностью решаемых задач, особыми целями исследования конкретного материала в отдельных работах. О значимости проблемы говорит ее вынесение в названия научных сборников фразеологической тематики [27, 28].

Существенный вклад в разработку положений фразеодеривации внесли труды Л.В. Архангельского (1964), Н.М. Шанского (1970, 1972), А.В. Кунина (1971, 1996), И.И. Чернышевой (1961, 1975), А.М. Эмировой (1972, 1975), Ю.А. Гвоздарева (1977, 2010), В.М. Мокиенко (1980), А.М. Мелерович (1986), С.Н. Денисенко (1972, 1985, 1990, 1993), Е.Н. Ермаковой (1991, 2008) и их последователей, анализ которых не входит в круг решаемых в нашей статье задач. Так, обзор истории этого вопроса в работе Т.А. Коротких позволил выявить следующие основные значения у термина *фразеодеривация*: 1) этимология ФЕ, что предполагает установление происхождения оборота, так как способы образования ФЕ напрямую определяются источниками фразеологии; 2) образование новой ФЕ (или ее варианта – в понимании ряда лингвистов) на базе исходного фразеологизма; 3) отфразеологическое образование слова или его нового значения [29. С. 109–110]. Например, все они так или иначе представлены в работах, составляющих содержание названных выше тульских сборников 1974 и 1976 гг. [27, 28]. В исследованиях в рамках избранного подхода выявляются деривационно активные ФЕ и определяются способы фразеодеривации, так же неоднозначно выделяемые разными авторами – достаточно сравнить предлагаемые классификации в статьях в [28].

¹ Например, в статье А.А. Алешиной утверждается, что наличие у *соль* многих значений, выражающих жизненно важные реалии, позволяет слову быть «богатым источником словообразовательных и фразеомообразовательных возможностей» [13. С. 9], а Е.В. Пупыниной отмечается, что «вероятность появления единицы в качестве компонента фразеологизма прямо пропорциональна частотности употребления этой единицы в целом в языке» [23. С. 306].

Принципиально иной предстает семантика термина в указанных ранее работах – ‘образование ФЕ на основе отдельного слова или той или иной фразеобразующей модели (фразеосхемы)’. Соответственно, в рамках этой исследовательской парадигмы предлагается выделять лексико-фразеологические гнезда, представляющие совокупность ФЕ с общей лексемой¹, и грамматико-фразеологические, состоящие из ФЕ одной структуры [30. С. 163]. Подобный подход также имеет уже давние традиции в лингвистике. В частности, Р.Н. Попов указывал на детерминированность состава, грамматической формы и семантики ФЕ его стержневым словом. Он отмечал: «Лексическая система языка связана многими нитями с компонентным составом фразеологических единиц. От нее исходят импульсы логико-семантического порядка, воздействующие на структуру фразеологизмов» [31. С. 15–16]. На возможность образования ФЕ путем перефразистического преобразования слова указывал Н.М. Шанский [32. С. 191]. Как уже отмечалось, в работах такого рода способы фразеобразования обычно не рассматриваются, поскольку исследования ведутся скорее в русле общей теории номинации, когнитивной лингвистики. Чаще всего в них максимально полно восстанавливается список ФЕ с определенным словом или с какой-либо схемой построения на материале заявленных источников, выявляется выражаемое ими номинативное пространство, определяются культурные концепты носителей языка.

Представляется, между этими двумя типами исследований с внешне принципиально различными подходами анализа все же нет строгой демаркационной линии, поскольку в любом случае в центре внимания их авторов оказывается гнездовое слово и/или структурная (структурно-семантическая) модель ФЕ и их модификации. В обоих случаях цели описания соответствуют общим актуальным задачам науки, сформулированным В.Н. Телия как «выявление во фразеологизмах различных типов экстралингвистических предпосылок, соотносимых с предметной областью культуры, которая является “второй природой” для человека, – с одной стороны, а с другой – выявление тех внутриязыковых средств и способов, которые придают фразеологизмам способность к культурной референции и тем самым – к отображению в их знаковой форме черт культуры, характерных для того или иного языкового сообщества» [33. С. 13].

Материал и методология исследования

Настоящее исследование выполнено на материале фразеологии с наименованиями частей суток (*утро – день – вечер – ночь*) и их производных (*утренний – днем – вечереть – обночевать*), функционирующей в разных типах русского национального языка – литературном, диалектном, жаргонно-просторечном. Источниками для него послужили многочислен-

¹ Еще одно понимание термина ЛФГ, исключая лексические дериваты в его составе.

ные толковые словари – как общие, так и собственно фразеологические, ряд исследовательских работ.

В нашей работе ФЕ понимается максимально широко – как сложная единица, включающая все типы устойчивых неоднословных именовании, что соответствует определению Н.М. Шанского: «*Всякое языковое образование – каким бы оно по своему размеру, структуре и значению ни было – является фразеологизмом, если оно сверхсловно и воспроизводимо*» [32. С. 11]. Как следует из определения, термину ФЕ соответствуют и собственно идиомы (*на днях, денно и ночью, по утрам*), и фразеологические выражения разного вида – коммуникативного (пословицы, поговорки) и номинативного терминологизированного (*дённная вода, вечерница плакучая*). Типологическая разнородность материала дала основание использовать в работе по отношению к нему также родовое обозначение *устойчивый словесный комплекс* (далее УСК). В исследовательскую базу данной статьи, составляющую около тысячи единиц, не вошли пословицы и поговорки, рассмотренные в более ранней работе [34].

Под фразеобразующим потенциалом слова в настоящей работе понимается реализованная в сверхсловных единицах способность лексемы и ее дериватов к образованию УСК разной структуры. На формальном (собственно деривационном) уровне он выражается количественными и структурно-грамматическими показателями ФЕ, в состав которых входят лексические единицы с общим корнем, на семантическом – это номинативный потенциал, который проявляется сферами номинации, представленными отдельными семантическими зонами и подзонами, маркируемыми данными УСК. Работа содержит описание структурных типов ФЕ со словами *утро – день – вечер – ночь* и их производными, а также их семантики. Толкования приводятся преимущественно к ФЕ ограниченной сферы употребления. Исследование выполнено в синхронном аспекте с дополнением, при наличии соответствующего материала, данными исторических словарей.

Результаты исследования

Структурные типы УСК. В составе выявленных УСК выделяются два класса единиц, различающихся структурно: первые представляют собой разного рода сочетания слов, вторые – предложения, что позволяет разграничить их как единицы референциального (номинативного) и коммуникативного типа.

I. 1. Так, УСК, построенные на основе связи согласования, т.е. адъективно-субстантивные (Ad / Pro + N), представлены тремя подтипами.

Первый – это словосочетания в форме им. пад., где элементами неоднословных номинативных единиц выступают исходные существительные (*богатый вечер* ‘вечер накануне Нового года’ (АОС 4: 28), *меже/ённый день* ‘самый длинный летний день’ (СПГ 1: 209), *белый день* ‘светлое время суток’, *Вальпургиева ночь* ‘неистовый разгул’ (М: 409), *доброе утро* ‘приветствие’) или образованные от них прилагательные (*дневное све-*

тило 'Солнце', *ночная фиалка* 'любка двулистная', *жертва вечерняя* 'о людях сомнительного поведения, изображающих из себя угнетенную невинность' (М: 185), *утреннее сияние* 'цветок ипомея'. Особенно много составных наименований от *вечер* в знач. 'вечеринка, праздник': *девий / девичий вечер* 'девичник' (ПОС 3: 158), *встреченой вечер* 'вечеринка по случаю приезда гостей' (АОС 4: 28), *законный вечер* 'свадьба' (БТСДК: 75), но более всего – от *день* в значении 'время' (*черные дни, вчерашний день, красные дни* 'время удач, хорошей жизни' (ФСРЛЯ: 163), особенно – 'дата памятного события' (*Ильин день, Успенев день, родительский день*). По аналогичной модели построены также адъективно-именные сочетания, в состав которых входят дериваты вершинных слов: *вечерянка кругова(я)* 'общая деревенская вечеринка' (АОС 4: 36), *нижний полуденник* 'юго-западный ветер' (СРНГ 29: 142), *волчья полночь* 'глухое ночное время' (БТСДК: 86), *полночный цвет* 'разновидность хмеля' (Анненков: 360), *ночлежный дом, рябья ночка* 'зарница' и мн. др.

Второй подтип выделяет форма косвенных падежей словосочетаний: *спокойной / покойной ночи, доброго дня*¹, *денным делом* 'днем' (ПОС 3: 30), *одно утро* 'однажды утром', наиболее регулярно – со словом *день* в знач. 'сутки' (*никакого дня* 'никогда', *одного дня* 'в течение одного дня'; 'днем'; 'однажды'; *первого дня* 'вчера' (РГБ: 86), *другого дня* 'на второй день', *третьего дня* 'позавчера', *каждого (каждного) дни (дня)* 'ежедневно' (БТСДК: 87), *какого-то дни* 'недавно' (СПГ 1: 210).

Третий отличает наличие предлога: *с добрым утром, среди белого дня, в белый день* 'днем' (ПОС 3: 32), *до (самого) видного дня* 'до рассвета, до утра'² (ПОС 4: 6), *в старые дни* 'в старости', *в оны дни* 'когда-то, очень давно', *по сей день, на сегодняшний день, к темному дню* 'на черный день' (ПОС 3: 35), *за вчерашним днем* (ПОС 5: 170), *с первого дня* 'с самого начала' (ПОС 3: 33) и др.

Отмеченные подтипы характеризуются прямым порядком слов (*рожденный день* 'день рожденья' (СПГ 1: 210), *стыдливые / чудные / шуликинские вечера* 'вечера от Рождества до Крещения' (СРГСПК: 223), *глухая ночь*), случаи инверсии единичны: *вечеренька сидяча(я)* 'посиделки с рукодельем' (АОС 4: 28), *вечер вечерский* 'каждый вечер; в течение всего вечера' (СПГ 1: 93), *во дни оны* 'когда-то давно, некогда'.

Все эти модели известны с древнейших времен, ср. с материалами исторических словарей: *день великий* 'Пасха' (ИС 4:215), *вечерняя звезда* 'Венера' (ИС 2: 130), *ночевые лошади* 'оставляемые в городе на ночь' (ИС 11: 431); *ономь дьне, третьего дня, по вся дни* 'ежедневно', *по сяковь день* 'по любой срок' (ИС 4: 216), *ночь княжая* 'повинность ловить рыбу на князя в течение одной ночи' (ИС 11: 433), *среди бѣла дня* (ИС 1: 137),

¹ Могут также быть рассмотрены в типе Па.

² Ср. наречия: *видно, по-виденькому* 'при свете дня', а также: *с видного до видного, с видна до видна, до видного* (там же).

вечеръ глубокий, глухая ночь (ИС 4: 35; 38), *таинная вечера* (ДРС 1: 405), *утрий день* 'завтрашний день' (ПОС 9: 36) и др.

2. УСК, построенные на основе связи управления, представлены двумя типами – именным и глагольным. Первый строится по моделям: а) N1 + N2; б) (с предлогом) *прае + N + N2 / N1+ прае + N*, где падеж одного из существительных будет определяться характером предлога. Примеры а): *вечер жизни (лет)* 'старость', *утро жизни* 'юность, молодость'; *долгота дня, распорядок/режим дня, злоба дня, дневник происшествий, половина дня 'полдень'* (ПОС 3: 32), *день ангела, день учителя* и др. Ср. *ночь / полночи росолу* 'доля в соляном производстве' (ИС 11: 437). К этой же модели формально могут быть отнесены неразложимые нумерологические сочетания Num1 + N2: *девять дней, сорок дней* (поминальные дни), жарг. *сто дней* 'праздник за сто дней до приказа о демобилизации'. Примеры б): *на закате /склоне дней, в повестке дня, на повестке дня, на повестку дня, на злобу дня, по гроб дней* и др. Оба подтипа могут быть осложнены согласованными определениями: *ночь длинных кинжалов* 'кровавый заговор, мятеж', *утро стрелецкой казни* жарг. 'ответ у доски' (М: 691), *группа продленного дня, день открытых дверей, лампа дневного света, до конца своих / земных дней, в третьей половине дня* 'никогда' (ЖГ: 21), *званный вечер с итальянцами* (ирон.) 'о вечеринке с необычными гостями' (СПСКС: 76)

УСК глагольного типа представлены в основном подтипами V + N4 и V + *прае + N*. Первый образован переходными глаголами или отглагольными формами (причастием, деепричастием) и прямым дополнением при них, выраженным вершинными словами гнезд (*давать вечера, ночь ночевать* 'спать', *не знать дня-ночи* 'работать напряженно, не зная отдыха' (РГБ: 255), *отдавать вечер(а)* 'предоставлять свой дом в порядке очереди для гулянья молодежи' (СРГК 4:286) или их производными (*играть вечерки* 'устроить вечеринки-посиделки' (СРГСПК: 224), *дневник справлять* 'делать обычные повседневные дела' (ПОС 9: 121), *сидеть вечереньки* 'проводить вечернее время' (СРГНП: 68), *засиживать вечер* 'устроить засидки – осенний праздник мастеровых' (СРНГ 11: 31), *вечеру носить* 'носить кутью родственникам вечером под Рождество' (СРНГ 4: 210). Второй подтип отличается наличием предлога: *вывозить на вечера, на ночь глядя, с ночевкой прийти / появиться* 'на ночлег остановиться, расположиться', *по вечоркам вечоровать* 'ходить на вечерние гулянья', *ходить за вечёрой* 'угощение женихом родителей и подруг невесты' (БТСДК: 75), *в ночное лечь* 'уснуть' (СРГНП 2: 240). Данные конструкции также могут быть осложнены определениями: *справлять свиные полдни* 'слишком поздно (после полудня) делать то, что обычно делают рано утром' (СРНГ 29: 41-42), *в морошный день не пересчитать* 'много' (ФСРГС 134), *искать вечерашний день, окончить дни свои* 'умереть', *дождаться Юрьева дня* 'о беспочвенных надеждах на что-л.', *не видеть / видать светлого / пресветлого дня* 'быть постоянно занятым, напряженно работать', *видеть ясные дни* 'жить в достатке и благополучии', *до поднесеньева дня не пить* 'шутл. не пить спиртного до тех пор, пока не угостят' (СРНГ 28: 96) и др. Ряд гла-

гольных фразеологизмов имеют уникальную структуру и не могут быть описаны указанными моделями, например *днем с огнем не найти / отыскать / искать*, (*и*) *не ночевал* (-о, -а, -и) 'о полном отсутствии чего-л.' (Т: 676), *ночью родился* 'о необразованном, невежественном человеке' (МН: 452). Ср.: *лежати ночеґь* 'ночевать' (ИС 11: 432), *не видати ни дньи ни ночи* 'не замечать времени' (ДРС 1: 412).; *днь и ночь* 'непрерывно, постоянно' (ДРС 3: 133); *зложитиса ночью* 'воспользоваться ночной темнотой' (ДРС 3: 323).

3. Небольшую группу представляют сочетания слов в виде сочинительных рядов, которые могут быть союзными (*день-и-ночь* 'род колокольчиков' (Анненков: 211), (*и*) *день и ночь, днем и ночью, дневное и ночное, денно и ночью (ночно)* (М: 183), *день и ночью* 'постоянно, все время' (СРГНП 1: 484), *ни день ни ночь* 'никогда', *дневать и ночевать, не по дням, а по часам, тысяча и одна ночь*) и бессоюзными (*день-межень* 'самый долгий летний день' (Оп. Доп.: 40), *стрепетуха-полуночица, ноченько-полуноченько, денница-полуденница* 'бессонница' (Агапкина: 13–14). Большинство из них древнего происхождения, см.: *дневно и ночью* (ИС 4: 250), *днь и ночь, дньмь и ночью* 'непрерывно' (ДРС 3: 133). Примечательно, что *утро, вечер* и их производные в эти ряды не включаются.

4. Малочисленной является и группа фразеологизмов компаративного типа: *как в базарный день* 'много', *что у Бога день* 'ежедневно', *как Христова дня* 'с нетерпением' (СПГ 1: 209–210), *как в один день* 'быстро, незаметно' (ПОС 3: 33), *как (яко) тать в ночи* 'неожиданно, внезапно' (М: 565), *абы к ночи* 'о ленивом, нерасторопном человеке' (МН: 452), *как ночь проти дня* 'об угрюмом, хмуром человеке' (БТСДК: 324). Ср.: *яко утрення роса* (исчезнуть) 'быстро, незаметно' (Срез. 3: 1317). Их можно рассматривать как результат деривационной активности приведенных выше моделей.

5. Исключительно адвербиального типа несколько предложно-словных моделей: а) Prae + N; б) N + Prae + N; в) Prae + N + Prae + N. Примеры а): *на днях, проти(в) дня* 'до полудня' (БТСДК: 130), *в дённую* 'в день, в дневную смену' (СПГ 1: 209), *'в вечеру'* (РГБ: 42), *по вечеру, по вечеринке* 'вечером' (ПОС 3: 158, 160), *из утре, из утра* 'утром' (Касьянова: 237), *по утрецу, в ночь-полночь, вдоль ночи* 'в полночь' (ПОС 3: 61) и многие др. Помимо высокой частотности, данная структура еще может распространяться определением, как уже отмечалось выше: *на этих днях, серед белого дня* (БТСДК: 87), *в старые дни* 'в старости', *за белый день* 'бесплатно, даром (работать)', *в идный день* 'иногда', *в одно прекрасное утро* 'однажды, когда-н.' и др. Ср.: *подь вечерокъ* (СОРЯМР 2: 144), *на вечеръ* (ИС 2: 129), *в злыднях* 'в недоброе, тяжелое время' (ПОС 9: 39).

К подтипу б) относятся: *день в день, день при дне / дню / день* 'ежедневно, изо дня в день' (БТСДК: 87), *вечер по вечерке, вечер по вечеру* 'каждый вечер' (СРГСПК: 223) *ночь по ночи, ночь за ночью* 'постоянно, целыми ночами' (СПГ 1: 603), *день без утра* 'очень недолго, очень мало' (СПГ 1: 209) и др., чаще всего – при обозначении суток: *день за днем / день* 'постоянно', *день ото дня* 'постепенно', *день по*

дню 'ежедневно', *день в день* 'точно в назначенный срок'. Подтип в) иллюстрируют ФЕ: *изо дня в день, со дня в день* 'точно в срок' (ПОС 3: 33), *со дня на день* 'в ближайшее время', *с утра до вечерни* (АОС 4: 33), *с утра до утра, с утра до вечера, с утра до ночи, в ночь за ночь* 'от зари до зари' (БТСДК: 324), *с утра-день до вечеру* 'целый день' (СРЛКС: 492) и др. Ср.: *днь о дне* 'с каждым новым днем' (ИС 4: 215), *с (от) утра (и) до вечера* (ИС 2: 129), *днь дне, днь оть дне* 'постоянно, ежедневно' (ДРС 3: 134).

II. Фразеологизмы в форме предложений, иначе – глагольно-пропозициональные, характеризуются коммуникативностью, в отличие от номинативности единиц в форме сочетаний слов, описанных выше. Коммуникативный статус отличает прежде всего такой тип фразеологических выражений, как пословицы, здесь же представлены УСК, не входящие в число паремий. Во-первых, это фраземы-перформативы – речевые (этикетные) формулы приветствия (*с добрым утром, с позорным нутром* (шутл.), *с веселым днем* (МН: 185), *здорово / здоровеньки ночевали!, свят-вечер* 'приветствие в период с Рождества до Крещенья' (БТСДК: 75); *здоровы ночевали / дневали / вечеряли* (СРНГ 11: 235), *с сидением вечера!* 'вечернее приветствие сидящим' (СРНГ 37: 282)), прощания (*спокойной ночи*), пожелания при какой-либо деятельности (*по сту на день, по тысяче на неделю* – молотильщикам (Д 2: 212), утешения (*еще не вечер*), клятвенного заверения (*чтоб мне до утра не дожить*), установления контакта (*с добрым утром!* – 'в уголовном жаргоне условная фраза воров, предлагающих свои услуги' (МН: 691). В Словаре русского речевого этикета (СРРЭ), по нашим данным, зафиксировано 42 фразы такого типа.

Коммуникативно-модальная направленность характеризует и второй тип ФЕ, не столь явно этикетных. Среди них: *журавли полдни понесут* 'об уменьшении длины дня к концу лета' (СРНГ 29: 42), *темные дни и полдни* 'предупреждение о том, что следует соблюдать осторожность' (СРНГ 29: 42), *вечер доспеет* 'всему свое время' (МН 2007: 83), *не к утру идет, к вечеру* 'о приближении старости' (АОС 4: 28), *дни (кого-л.) сочтены, ни дня без строчки, не к ночи сказать / будь сказано / помянуто, едва душа полуднует* 'едва жив' (Д 3: 228), *дорого яичко к Христову дню* (М: 650), *день за день заходит* 'о движении времени' (перм.); (у кого) 'у кого-л. имеются какие-л. запасы, сбережения' (волг.), *день семером ходит* 'о непостоянстве сибирской погоды; 'о чьем-л. непостоянстве, в Петров день на льдине разорвало' о том, чего не было, *сегодня не день Бэжхема* 'о чьей-л. неудаче, невезении' (жарг. мол.); *не мой (его, ваш и т. п.) день* 'время чьих-л. неудач, что день грядущий нам готовит?' 'точка в журнале, которой учитель пометает потенциального отвечающего'; *20 дней без войны* (жарг. шк.) 'об отсутствии учителя на уроках из-за длительной болезни, *десять дней, которые потрясли мир* (арм., шутл.) 'отпуск солдату срочной службы или курсанту, *семь дней в неделю да сон свой* 'абсолютно ничего', *утро добрым не бывает; а поутру они проснулись* 'о похмелье' (сл. арг), *ясно как божий день* 'предельно ясно, понятно', *будет в третьей половине дня* (о чем-то несбыточном) (ЖГ: 21), *дней не с решето* 'впереди много хороших дней'

(СПГ 1: 210), *день на день не приходится* (РСЮ: 208). Как следует из примеров, многие из подобных выражений носят прецедентный характер.

Семантика. С позиций выражаемой семантики выявленные номинативные средства неоднословной структуры распределяются между теми же тематическими объединениями, что и словные дериваты от названий частей суток: «Время», «Природный мир», «Социальный мир». Центральной номинативной зоной является первая, что мотивировано как исходной семантикой гнездовых слов, так и тем фактом, что именно время, его движение определяет жизнь окружающего мира, природного и социального. Последний факт обуславливает не только отсутствие строгих границ между ведущими сферами номинации, но и их тесную связь между собой.

Так, в зоне «**Время**» выделяются следующие группы:

1. Названия частей суток, фаз периодов (с характеристикой их черт или без таковых): *сиден(ь) вечер* 'поздняя вечерняя пора' (МНН 2007: 83), *полное утро* (БАС 10: 1031), *поздние подвечерки* 'послеполуденное время, предвечерье' (БТСДК: 377), *ранние подвечерки* '3–4 часа дня' (СРНГ 27: 355), *половин день* 'полдень' (СПГ 1: 210), *глухой полдень* / *глухие полдни* 'тихий жаркий поздний полдень' (СРНГ 29: 41), *денное дело* 'день' (ПОС 9: 31), *свиные (свининые, свинячьи) полдни* '9–10 час. утра, время кормления свиней; время после полудня' (МНН: 515), *белая ночь* 'светлая', *волчья полночь* 'глухая полночь' (БТСДК: 86), *истинный* / *астрономический* / *солнечный* / *средний* / *гражданский полдень* (то же – с *полночь*) 'спец. момент прохождения центра Солнца через меридиан данной местности' (БАС 10: 1025), *ночь дика* 'глубокая полночь, поздний час', *ночь зряца* 'время, приближающееся к ночи, наступающая ночь' (Дуров: 255), *волчья полночь* 'глухая полночь' (СРНГ 29: 84), *глухая* / *глубокая полночь* 'темная, мрачная середина ночи' (Д 3: 229), *веселая ночь* 'ночь с громким пением петухов' (БТСДК: 73), *сиденный* / *сидён* / *сидень вечер* 'позднее время, близкое к полуночи' (СРНГ 37: 283), *солнце в подвечерках* 'предвечернее время' (СРНГ 39: 271), *вечерняя роса* 'время после ужина' (ЯОС 3: 13), *межеённый день* 'самый длинный летний день'; 'день с отличной погодой' (МН: 184), *ночное поприще* 'все время ночи, ночь целая' (ПЦС: 357) и др.

2. Адвербиальная группа (*когда?* *в какое время?* *в течение какого времени?* *как часто?* и т.п.), соответствующая по значению названной выше именной, одна из самых обширных по составу: *денным делом* 'днем', *до (самого) видного дня* 'до рассвета' (ПОС 9: 31), *в подвечёрках*, *в подвечёрки* 'после полудня' (БТСДК: 377), *в свиные полудни* 'поздно утром' (СРНГ 29: 144), *в полдня*, *в полднях* 'в 3–4 часа дня' (СРНГ 29: 41), *на ночь глядя* 'перед самой ночью', *ночь-ночью* 'поздно', *денно и ночью*, *ночь-полночь* 'поздно' (СПГ 1: 603), *деньский день* 'каждый день, постоянно' (Оп. Доп.: 40), *ночь-ноченски* 'в продолжение ночи' (Оп. Доп.: 146), *по позднему вечеру* / *поздней вечериночке* 'поздним вечером' (СРНГ 28: 326), *ночь напролет*, *по утрянке* 'ранним утром' и мн. др. Ср.: *съ завтра до вечера* (ИС 5: 330), *до полуутра* 'до середины первой половины дня' (ИС 16: 274).

3. Названия других временных отрезков и их характеристик, в том числе в наречном значении: *считанные дни* 'об очень коротком времени, оставшемся до чего-н.', *злые дни* (злой день), 'безрадостное время', до *Спасова дня* 'на неопределенный срок' (МН: 185), *день без году* 'очень недолго, очень мало' (СПГ 1: 209), *третьего дня* (дни), *по тот день* 'позавчера', во дни *царя Гороха* 'очень давно', *утро / полдень / вечер лет / жизни*, на *закате дней* 'о возрасте и проч.

4. Временные периоды, связанные с работой: *утренняя / вечерняя упряжка* 'время полевых работ с утра до обеда / с обеда до вечера или с 4 до 8 часов' (ПОС 3: 161), то же: *вечерний упряг* 'период работы от обеда до вечера' (БТСДК: 544), *утренний / дневной уповод*, *полуденная выть* 'период работы в поле до полудня', *утренняя роса* 'период работы до завтрака'. Ср.: *ночная стража* 'В ветхозаветную эпоху часы от заката до восхода солнца, согласно военному обычаю, делили на три'.

5. Названия памятных дней, исторических событий, праздников и празднеств (гуляний, игрищ, застолий), где в подавляющем числе случаев используется слово *день* в значении 'сутки' или 'календарная дата'. Список этот практически неисчерпаем, год от года появляются новые праздники. Как и предыдущая, данная группа входит и в семантическую зону «Человек». Тематически она представлена следующими подгруппами:

Первая – названия православных праздников в честь святых и / или событий церковной истории: *Василий / Василь / Васильев / васильевский вечер*, *вечер святого Василия* (31.12), *Рождественская ночь* (на 7.01), *Ильин / Ильинов / Илья-день* (2.08), *Христов день* 'Пасха' (М: 184), *Страшные вечера* 'вторая неделя святок' (СРГСПК 1: 223) и мн. др., нашедшие отражение и в диахронных словарях, ср.: *день Великий* 'Пасха', *Успения (Успеньевъ) день* (ИС 4: 215) и др.

Вторая – названия народных праздников, разного рода увеселительных или памятных мероприятий, обычно с застольями, игрищами. Среди них можно выделить:

– свадебные (*вечер / вецёр розгонной* 'последний вечер свадебного обряда', *веселое утро* 'первое утро после свадьбы' (АОС 4: 28), *паратная вечерка* 'смотрины' (СРНГ 25: 215), *медовый день* 'свадьба' (ПОС 9: 35), *красотный день* 'день до свадьбы, когда невеста отдает ленту (красоту)', *пирожный день* 'второй-третий день до свадьбы, праздник в доме жениха' (СПГ 1: 209–210), *молодухин вечер* 'вечер у новобрачной, на котором ее одаривают подарками' (СРНГ 18: 228), *княжный вечер* 'вечер накануне свадьбы' (СРНГ 13: 350), *(первая) брачная ночь* и др.);

– поминальные (*мертвый / умерший день* (СПГ 1: 209), *годовой / умерший день* (АОС 4: 31), *день сороков / сороковой*, *девятый день* (ПОС 9: 34), *родительский день* и др.);

– связанные с совместным исполнением работ, посиделки, засидки (*семеновские вечера* (Оп. Доп.: 62), *вечеренька сидяча(я)*, *званное вечерище* (АОС 4: 32);

– другие: *бабкин день* ‘день благодарения повитух’ (БТСДК: 130), *гулящий / гуляльный день* ‘день праздника, народных гуляний’, *мясов день* ‘мясоед’ (ПОС 9: 35), *розговённый день* ‘день разговления’ (Доп. Оп. 232), *тёщины вечерни* ‘пятница на Масляной неделе’ (СРНГ 44: 113), *рыбный, базарный, грязный день* ‘день предпраздничной уборки’ (МН: 183) и проч. В том числе, как вехи народного календаря, связанного с определенной хозяйственной деятельностью или изменениями в природе, могут осмысляться и православные праздники: *луков день* ‘Праздник Рождества Богородицы – время уборки лука’ (21.09), *репный день* ‘день усекования главы Иоанна Предтечи, Ивань-день’ ‘когда начинали убирать репу’ (11.09) или *грозовой / Ильинский (градобойный) день / день царю Граду* ‘за неделю до Ильина дня, день змеиных свадеб’ ‘Касьянов день’ (13.06) и др.

Третья – государственные праздники: *День Победы, Международный женский день, день рыбака / рыбаков / рыбацкий день* (ПОС 9: 34) и мн. др., широко известные. К ним примыкают названия памятных событий мировой истории: *ночь длинных кинжалов, Варфоломеевская ночь, Афинские вечера (ночи), Вальпургиева ночь, судный день*. Важно отметить, что группа гражданских праздников не только представляет открытый список, постоянно пополняемый, но и чаще всего обыгрываемый в живой коммуникации, что отмечается словарями: *день авиации* ‘день получения зарплаты у летчиков’, *Иудин день* ‘день распределения ролей в труппе’, *день фазана (фазанят)* ‘день стипендии в ПТУ, колледжах, техникумах’, *день ящерицы* ‘время сдачи «хвостов»’, *день траура* ‘1 сентября, начало учебного года’ и др.), что порождает выражения *до поднесенья дня не пить* ‘шутл. обещание’, *на куликов день* ‘никогда’ (жарг.) и подобные.

Номинативная зона «**Природный мир**», отражая циклическую (фенологическую) модель времени, включает:

1. Названия растений, преимущественно цветов, лиан: *вечерница матроны* ‘гесперис’, *ночная фиалка* ‘гесперис’, ‘маттиола – *Matthiola bicornis*’, ‘ятрышник двулистный с сильным запахом’, он же – *ночной дух (ночные духи)* (Анненков: 260); *примула вечерняя, ночная свеча, царица ночи* ‘энотера миссурийская’; *ночной жасмин, королева ночи* ‘кустарник цеструм ноктурнум из семейства пасленовых’; *королева ночи* еще – ‘эпифиллум’; *ночная красавица* ‘мирабилис’ семейства гвоздичных; *ночной гладиолус* ‘гладиолус *Tristis*’; *дневная красавица* ‘вьюнок *Convolvulus*’; *цветок Святой ночи* ‘пуансеттия’; *утренняя заря* ‘космея’; *доброе утро* ‘ахименес гибридный’; *доброе утро, день и ночь* ‘кислица’; *утреннее сияние, утренняя слава* ‘ипомея’; *добрый вечер* ‘маттиола’, *полуночный цвет* ‘растение *Trifolium spadicum* L., сем. бобовых’ (СРНГ 29:157), *ночная царица* ‘левкой однолетний’ (БТСДК: 324), *полуночный цвет* ‘разновидность хмеля’, *ночная стена* ‘американский шпинат’, а также *вечерница трава, вечерница душистая, доба вечерняя, вечерница плакучая, ночная доба, ночная красота* (Анненков) и др. Как следует из названий, растения номинируются по важнейшим признакам: так, наименование левкой дённая фиалка объясняется временем цветения (БТСДК: 130), *день-и-ночь* – марьянник луговой,

иначе *двоекраска*: на одном стебле цветы темного и светлого цвета (Коновалова: 72), *ночная красавица* (*любка, любимка*) не только выделяется красивыми цветами, но и «роса с них делает лицо красивым» (Коновалова: 145).

2. Существенно реже этими корнями маркируются представители фауны: *ночной ворон*, *ночной козодой* ‘*Caprimulgus eugoraeus*, лилок’ (Д 3: 682), *ночной голубок* (*ястреб, ястребок*) ‘козодой’, *ночные черви* ‘дождевые’ (СРНГ 21: 303), *полуденной / полуночной зверь* ‘бывающий частью ночью, а наполовину иногда и днем’ (Д 3: 682), *полудённая телка* ‘телка по второму году’ (СРНГ 29: 142), *ночная медведица* ‘крупная ночная бабочка’ (БТСДК: 324), *ночная муха* (БАС 7: 1431). Ср. *нощный врань* ‘филин, сова, нетопырь, летучая мышь, т.е. ночная птица’ (ИС 11: 435), *ночная птица / птица ночи* ‘сова’, *певец ночи* ‘соловей’, *ночной ворон (вран)* ‘филин’ (Сл. 18 в. 15: 188), *большой ночной павлиний глаз / ночной павлиний глаз* ‘общее название нескольких видов бабочек семейства павлиноглазок’.

3. Названия космообъектов и природных явлений: *светила ночные (ночи)* ‘звезды и планеты’, *светило дневное (дня)* ‘Солнце’, *светило ночное (ночи)* ‘Луна’ (все – устар., книжн.-поэт.), Полярная звезда именуется *Полночной звездой*, Венера – *Полуночной зарей* (СРНГ 29: 157), *вечерней (вечёрней, вёчёрной) звездой* (*зарей, зарницей*), а также *утренней (утрешиной) зарницей (звездой)* (БТСДК: 93, 186), (СПГ 1: 320), (СРГНП 2: 386), звезда Сириус – *вечерней зарничкой* (КСО), *заря-полуношница* (СРНГ 29: 156), *утренняя зарянка*, *вечерняя зарянка* (ПОС 3: 161), а также *полярный день* и *полярная ночь*, *дённа(я)*, *дневна(я) / вечерня(я) / ночна(я) / утрення(я)* *вода* ‘уровень воды на море в определенное время суток’ (Дуров: 25), *полдневные валы* ‘высокие волны при южном ветре’, *полдневная погода / погодка* ‘южный ветер’ (СРНГ 29: 43), *чистый полуденник* ‘южный ветер’, *нижний полуденник* ‘юго-западный ветер’, *полудённое течение* ‘морское течение с севера на юг’, *полуночное (полуношное) течение* ‘холодное морское течение с юга на север’, *полуденный вихрь* ‘степной смерч’, *полуденное / полуночное (полуношное) гирло* ‘правый / левый рукав Очаковского гирла дельты Дуная’ (СРНГ 29: 142–157), *ночной ветер* ‘северный ветер’ (СРНГ 21: 303), *успенски денички* ‘хорошая погода, солнцепечные дни перед Успеньем за несколько дней’ (Дуров: 420), характеристики изменений в природе: *день гаснет*, *полдни играют* ‘о движении воздуха в жаркий день’ (СРНГ 29: 42), *вечер вечеряется* ‘о наступлении сумерек’ (АОС 4: 37) и др. Сюда же могут быть включены номинативные единицы из раздела I.1 *воробьиная ночь* ‘короткая летняя ночь с грозами и зарницами; осенняя (сентябрьская) ночь’, то же *рябиновая (рябинная, рябая) ночь* (СРГНП 2: 240), *белые ночи*, *меженный (межонный, межоновый) день* ‘самый длинный летний или самый короткий зимний день’ и под. Ср. *заутренняя звезда* (ИС 5: 330), *камень днеродный* (знач.?) (ИС 4: 251), *денье зли непогода* (ИС 4: 215), *вечерняя зоря ‘закат’* (ИС 2: 130), *денница восходная* (ПОС 9: 30).

III. Антропосфера представлена рядом подгрупп.

1. Названия человека по должности, сфере занятий, характеризующим признакам: *ночной дежурный*, *ночная / дневная бабочка* ‘проститутка’,

ночные волки ‘члены молодежной группировки поклонников хард-рока, следящие за порядком на ночных концертах’; ‘члены мотоклуба’, *ночная кукушка* ‘жена’, *ночной подорожник* ‘разбойник’ (СРНГ 21: 304), *вечерние (вечёрные) сваты* ‘родители невесты в гостях в доме жениха’ (БТСДК: 186), *ночник краснощёрый* (жарг., презрит.) ‘милиционер’; *кому не спится в ночь глухую* (жарг., арм.) ‘дежурный по части’, *ни дня без боя* ‘отличник’, *каждённая чертяка* (бран.) (БТСДК: 203), *вечерние свахи* ‘те, что отвозят постель невесты’ (СРНГ 36: 223), *Арина Бесплодённая* (ирон.) ‘о безнадёжно глупой женщине, дуре’ (М: 32), *жертва вечерняя* (М: 185) и др.

2. Названия качеств, черт характера, особенностей поведения, обстоятельств жизни человека: *мелет день до вечера, а послушать нечего; абы к ночи* ‘о ленивом, нерасторопном человеке’, *знать свиные полдни* ‘быть взрослым, искушенным в чем-л.’, *не знать свиных полдней* ‘ничего не смыслить в жизни, не иметь никакого жизненного опыта’, *справлять свиные полдни* ‘слишком поздно (после полудня) делать то, что обычно делают рано утром’ (СРНГ 29: 41–42), *видавший лучшие дни, на дню семь пятниц, три дни намедни и два дни наководни, на дню семь погод* ‘о человеке, который часто и легко меняет свои решения, намерения’, *как ночь проти дня* ‘об угрюмом, хмуром человеке’ (БТСДК: 324), *ночью родился* ‘о необразованном, невежественном человеке’, *ночь-ночью в глазах* ‘кому-л. дурно, плохо (обычно от усталости, слабости, волнения и т.п.)’ (Ф: 336), *темная ночь* (ирон., пск.) ‘о необразованном человеке’ (М: 452), *сияше аки луна в нощи* ‘об ослепляющей красотой и благородством женщины’ (М: 352), *в куропачьем чуму ночевал* (шутл.) ‘о заблудившемся, не нашедшем домой дорожку человеке’ (СРНГ 1: 366), *не к ночи будь помянут* (М.: 409).

3. Наименования человеческой деятельности (и ее отсутствия): *утренняя гимнастика, Вечерняя / утренняя / дневная стряпня* ‘кормление скота в определенное время’ (СРНГ 42: 64), *ночной обход* ‘общественная подомовная охрана в ночное время’ (Дуров: 255), *день коротать, ночь избывать* (РГБ: 255), *дневать и ночевать* ‘постоянно находиться, проводить где-л. все свое время’ (М: 161), *сидеть вечёрку / вечереньку, вечеровки вечеровать* ‘заниматься рукоделием на посиделках, вечеринке’, *маленькое (мышие) / средовое / большое вечерованье* ‘зимние вечерние посиделки для рукоделья и развлечений’ (АОС 4: 33–34), *дневник справлять* ‘делать обычные повседневные дела’ (ПОС 9: 121), *выжинать вечерину* ‘отрабатывать на жатве в качестве оплаты за аренду помещения для гуляний молодежи’, *сидеть вечера* ‘работать по вечерам (прясть и т.п.)’ (СРНГ 37: 287), *вечернее поле* ‘вечерняя охота’ (СРНГ 4: 214), *не знать ни дня ни ночи* ‘быть постоянно занятым, напряженно работать’, *беречь на черный день* ‘запасать что-л. для трудного времени’, *искать вчерашний день* ‘заниматься заведомо бесплодной деятельностью, пытаться вернуть минувшее’ *наводить тень на ясный день* ‘вводить в заблуждение’, *день провожать* ‘бездельничать’, *плохо спать ночью* ‘воровать’, *доброе утро* ‘особый вид кражи на рассвете’, *уйти в ночное* (жарг.) ‘готовиться к экзамену ночью’; ‘занимать очередь с вечера’; ‘уйти гулять на всю ночь’ и др. Ср.: *ночная сто-*

рожа, полуночная стража (ИС 16: 270), *вечернее пѣние* ‘вечерняя’ (СОРЯМР 2: 143), *всенощное бдение* (ИС 3: 127).

4. Обозначения продуктов деятельности (артефактов): *ночная рубашка, ночной горшок, ночной столик, полденное ведро* ‘подойник’ (СРНГ 29: 41), *полуденная пушка* ‘повешающая полдни’ (МС 2: 135), *обудѣнное / будѣношное масло* (СРНГ 3: 244), *полднее молоко* ‘обеденного удоя’ (БТСДК: 394), *белые ночи* (жарг.) ‘слабо заваренный чай’, *ночной носок* ‘презерватив’ (арго), *ночевушныя песни* ‘посиделочные’ (БТСДК: 324), *вечерняя песня* ‘протяжная’ (СРГСПК: 224), *ночлежный дом, группа продленного дня, приборы ночного видения, бесова ночлежка* ‘тюрьма’, *вечерняя школа* и др. Ср.: *дневальная записка* (ИС 4: 250), *нощные молитвы* (ИС 16: 271), *обыденный храмъ* (ИС 12: 211). *хлѣбъ надѣньевныи* (ИС 10: 72).

5. Наименования антропоморфных мифологических существ: *полудѣнный домовый* ‘действующий в дневное (полуденное) время’ (СРНГ 29: 143), *полуночная баба / тетка* ‘злой дух, беспокоящий детей по ночам’ (там же: 157), *ночной батько, ночная матка, денная денница-полуденница, дневная (утренна / полуденна) полуношница* *ночница-переночница, стрепетуха-полуношница, ноченько-полуноченько / ноченка-полуноченка* (Агапкина: 13–14) (ср. *бѣсъ полудьньныи, / бѣсъ полунощныи* (ИС 16: 270)).

6. Обозначения болезней, состояния организма, средств лечения: *ночной воп* (*воплъ, вой*) ‘ночной крик младенца, воспринимаемый как болезнь сглаза и проч.’ (Дуров: 65), *ночная ломота, полутридневная лихорадка* ‘которая бывает через двое суток с половиной, самая безотвязная’ (Д 3: 686), *едва у кого-л. душа в теле полуднает* ‘едва в ком-л. теплится жизнь’ (СРНГ 29: 145), *полуношница полуденная (утренняя, вечерняя)* ‘детская болезнь’, *полунощный лихач* ‘болезнь, причиняемая злым духом’ (СРНГ 29: 157), *ночной опой, ночная чемирь, ночные переполохи* (СРНГ 21: 303), *денная рыкушка, рык денной, ночная кликушка, ночница-переночница* (Агапкина: 13–14), *каждѣнная забила (кого)* ‘болезнь, сопровождаемая судорогами’ (БТСДК: 203), *потерять дни* ‘прожить какое-то время неизлечимо больным’, *ночешнего хочется / захотелось* ‘о сонливости, желании поспать’ (М: 452), *критические дни, красный день календаря* ‘менструация’, *полуношная вода* ‘вода, взятая из реки в полночь и обладающая целебной силой от дурного глаза’ (СРНГ 29: 157). Ср.: *четверодневная трясовица* ‘четырёхдневная лихорадка’.

7. Идиомы-перформативы – речевые (этикетные) формулы: *с днем ангела! По гроб дней обязан (благодарен), спокойной вам ночи, приятного сна, здорово вечерали!* (СРРЭ: 185) и др., представленные в **Структурные типы УСК**.

8. Названия конфессиональной (православной) сферы: *обыденная церковь* ‘построенная по обету за сутки’, *вседневная церковь* ‘где ежедневно происходят богослужения’, *павечернее пение, полуночная молитва, родительский день, Введенъев день, Вечеря Господня* и многие другие названия христианских праздников – см. подгруппу Ср. др.-рус. *таинная вечеря, святая ношъ, дньн оплатѣкъ, апостольскыи дньн* ‘праздник в честь святого апостола’.

Выводы

1. Привлеченный к анализу обширный, частично разновременной, материал дает полное основание говорить об активности данной группы хронолексики во фразеопроизводстве с начала письменного периода (*великая ночь, дневно и ночью, съ завтра до вечера, дневати и ночевати, вечерний звонъ*), их возможной трансформации на временной оси: *среди бела дня* (XVII в.) > *среди (среди, серед) бела (белого, ясного, светлого) дня, Варфоломея ночь* (XVIII в.) > *Варфоломеевская ночь*. Образование составных наименований можно представить как результат: 1) сложения лексических средств – с развитием в них дополнительной образной семантики (*ночной + медведица = ночная медведица ‘бабочка’, полдни (полудни) + бежать (играть) = полдни (полудни) бегут (играют) ‘о движении воздуха в жаркий день’*) или без таковой (*утренний + звезда = утренняя звезда, ночной + сторож = ночной сторож*); 2) развертывания однословных наименований на составные с тем же понятийным объемом: *ночища > ночная кликушка, днесь > днешний день, девичник > девич вечер* и др.

2. Более высокие показатели в реализации своего ФДП являют полисеманты *день* и *вечер*; в первичном, «частесуточном», значении более активна в деривации единица *ночь* – как название темного, пассивного периода, которым маркируются отклонения от стандартов светлого времени в действиях, поведении, значимых характеристиках всего сущего (*ночная красота, белые ночи, ночные волки, ночной щипок, стрепетуха-полуночица*). Меньше всего фраземики в гнезде *утро*. На основе проанализированного материала общее соотношение мощности данных ФГ можно выразить примерно как 50 (*день*) : 25 (*вечер*) : 20 (*ночь*) : 5 (*утро*) – цифры весьма условные, если принять во внимание невозможность охватить все лексикографические источники в отдельной работе. И все же эти данные в целом согласуются с показателями мощности СГ этих слов.

3. Сходство исходной семантики гнездовых слов обусловило и наличие у них типовых неоднословных образований: *вода утренняя(я) / денна(я), дневна(я) / вечеря(я) / ночна(я)* (Дуров), различные предложно-падежные конструкции (*в утро / день / вечер / ночь*), из которых чаще всего в ФГ *утро* им соответствуют лакуны: *здорово днели / вечеровали / ночевали* (БТСДК), *день днели, ночь ночевать*, *вечер вечеровать* (ПРН), *вечер-вечерски (вечеренски) / дни-деньски / ночь-ноченски* (СПГ) и др. Последовательнее однотипные УСК образуют названия противопоставляемых в нашем сознании частей суток: *роса утренняя / вечерняя, под утро / вечер, зарница вечерошная / утренняя* (БТСДК: 178), наиболее активно – *день* и *ночь*: *ночь / день напролёт, день в день / ночь в ночь* (БТСДК: 130), *в дённую / нощную* (СПГ), *светило дня / ночи* и др. Употребление в одном обороте антонимичных темпоральных лексем образует фигуру псевдоисчерпания (*с утра до вечера, денно и ночью*) с семантикой 'всегда, постоянно, регулярно'. Возможны сходные образования и у «соседних» суточных от-

резков, но редко: *день днющей / вечер вечерущей* (АОС 11: 30; 4: 28), *вечер по вечеру / ночь по ночи* (СРГСПК).

4. По типу грамматического значения ФЕ представлены всеми выделяемыми фразеологами группами, ведущей из которых является адвербиальная (*по утраку, яко тать в ноци, полночь за полночь, ночным бытом, вечер на вечер, в вечерах, весь белый день, в морошный день не пересчитать*), далее по частотности идет субстантивная (*вечерняя школа, белые ночи, дённая фиалка, сорок дней, званный вечер с итальянцами*), междометная (этикетные обороты), глагольная (*караулить ночь, жить сегодняшним днем*), адъективная (*ночью родился, выдавший лучшие дни*), глагольно-предикативная (*дни сочтены, в глазах ночь ночью*). Они распределяются по трем номинативным сферам, наиболее проработанная из них – темпоральная, что обусловлено семантикой исходных слов и соответствует наречной сути значительной части оборотов. Их образование есть не только одно из проявлений усиления аналитического начала в языке, но и демонстрация его деривационных возможностей, восполняющих номинативную недостаточность лексических средств языка (*полночь опевать* ‘о криках первых петухов’, *хмелевые ночи* ‘праздничные купальские гулянья с игрищами’). Одновременно расчлененные наименования обладают большей конкретностью семантики по сравнению с однословными, нередко нарушающими «равновесие» связи означающего и означаемого. Напр., *ночник* может именовать светильник, ловушки для рыбы и раков, посуду, одежду, болезнь, растения и животных, ночных работников и мн. др., в то же время названия *ночной жасмин, истребитель-ночник, ночной караульщик* и под. устраняют эту проблему.

5. Среди выявленного разнообразия синтаксических структур данных УСК обращает на себя внимание наличие большого количества конструкций тавтологического характера различных типов: *со дня на день, дням-дням, по вечерам вечеровать, вечер-вечерски, ночь-в-полночь, ночи-ноченьки, с утра до утра* и др., отмеченные и в древнерусских памятниках: *день день* (дье дье) – ‘ежедневно’ (ИС 4: 215), *днесний день* ‘нынешний день; жизнь нынешним днем’ (ИС 4: 251), *ночевати ночь* (ИС 11: 431). Подобные образования «сгущают» смысл выражаемых понятий (*вечер вечерущий, день-деньской, ночь-ночью*), а также могут свидетельствовать об утрате изучаемой лексикой «частесуточного» значения, проявляемой в сочетаниях не только тавтологического типа, но шире – внешне оксюморонного вида: *утрий / утренний день* ‘будущий, завтрашний’, *вечерние дни* ‘старость’, *вечерние ноци* ‘тени’ (Сл. 18 в. 15:189), *денная полуночица, невечерний день* ‘немеркнувший’ (ИС 11: 43), *ночѣшная ноченька* ‘прошлая’ (СРНГ 21: 301). Ср.: *Девка ушла к подругам вечеровать на ночеву* (СРНГ 21: 297). Закрепление в узусе новых значений у анализируемых слов может способствовать развитию и их НДП.

6. Максимальная реализация деривационного потенциала наблюдается в народном и жаргонном типах языка, что также порождает широкое фразеологическое варьирование: *с заутра до вечера – с утра до вечера – с*

утра до вечерни – с *утра-день до вечеру* и др. Новейшая часть фраземики показывает, что ее развитие также идет преимущественно за счет средств устных форм языка: *началось в колхозе утро* ‘о начале какого-л. интенсивного действия, процесса’, *сегодня не день Бэжхема* ‘о чьей-л. неудаче, невезений’, *утро в курятнике* ‘о растрепанных волосах’, *вечер доспеет* ‘все проходит’ и др. Обновление фразеологии происходит за счет переосмысления и / или формального преобразования известных выражений: *молилась (мочилась) ли ты на ночь, Дездемона?* ‘вопрос-угроза человеку, вызывающему досаду, раздражение’. Так, у отмеченного еще В.И. Далем *день семером ходит* (о непостоянстве сибирской погоды) современные словари выделяют также значение ‘о чьем-л. непостоянстве’, *вчерашний день* – не только ‘прошрое, устаревшее’, но и *кому* (вологод.) ‘безразлично, все равно’, *доброе утро!* в уголовном жаргоне – ‘кража в утреннее время через открытое окно, форточку’, соответственно, *идти (ходить) на доброе утро* – ‘совершать кражу у проживающих в гостинице’; ‘совершать кражу в утреннее время через открытое окно, форточку’. Речи школьников свойственны выражения *утро в сосновом лесу* ‘первое по расписанию утреннее учебное занятие’, *20 дней без войны* ‘об отсутствии учителя на уроках из-за длительной болезни’, армейское *десять дней, которые потрясли мир* означает ‘отпуск солдату срочной службы или курсанту’, *спокойной ночи* – ‘политзанятия’.

Таким образом, анализ не только показал активное участие данной группы лексики в фразеобразовании в сегодняшние дни, но и выявил ее участие во фразеопроизводстве с начала письменной истории языка, что подтверждает как стабильно высокую значимость времени в восприятии мира человеком, так и возможности его многоаспектного маркировании языковыми средствами.

Источники материала

Агапкина – Агапкина Т.А. Сюжетика восточнославянских заговоров в сопоставительном аспекте. 1. Детская бессонница и крик; 2. Заговоры от кровотечения и раны // Славянский и балканский фольклор: Семантика и прагматика текста. М., 2006. С. 10–123.

Анненков – Анненков Н.И. Ботанический словарь: Справочная книга для ботаников, сельских хозяев, садоводов, лесоводов, фармацевтов, врачей, дрогистов, путешественников по России и вообще сельских жителей. СПб., 1878. 501 с.

АОС – Архангельский областной словарь / под ред. О.Г. Гецевой. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980 –.

БАС – Большой академический словарь русского языка : в 30 т / под ред. К.С. Горбачевича. СПб. : Наука, 2004 –.

БТСДК Дегтярев В.И., Кудряшова Р.И. и др. Большой толковый словарь донского казачества. М. : Рус. слов.: Астрель: АСТ, 2003. 608 с.

Д – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Об-во любителей рос. словесности, учр. при Имп. Моск. ун-те, 1863–1867.

ДРС – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / гл. ред. В.Б. Крысько. М. : Рус. яз.: ЛЕКСРУС, 1988–.

Дуров – Дуров И.М. Опыт терминологического словаря рыболовного промысла Поморья Соловецкое общество краеведения: материалы. Вып. 19. О. Соловки, 1929. 180 с.

ЖГ – Кузьмич В. Жгучий глагол: Словарь народной фразеологии. М. : Зеленый век, 2000. 286 с.

ИС – Словарь русского языка XI–XVII вв. / редкол.: С.Г. Бархударов (отв. ред.) [и др.]. М. : Наука, 1975–.

Коновалова – Коновалова Н.И. Словарь народных названий растений Урала. Екатеринбург : УрГПУ, 2000. 235 с.

М – Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии : ист.-этимол. справ. СПб. : Фолио-Пресс, 1998. 704 с.

МН – Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских пословиц / под общ. ред. проф. В.М. Мокиенко. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2007. 784 с.

МС – Самойлов К.И. Морской словарь. М. ; Л. : Воен.-мор. изд-во, 1939–1941. Т. 2. 646 с.

Оп. Доп. – Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858. 328 с.

ПЦС – Полный церковнославянский словарь: (Со внесением в него важнейших древ.-рус. слов и выражений): [ок. 30 000 слов] : пособие / сост. священник Г. Дьяченко. Репринт. воспроизведение изд. 1900 г. М. : Моск. патриархат : Посад, 1993. 1120 с.

ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными / [редкол.: Б.А. Ларин и др.]. Л. ; СПб. : Изд-во ЛГУ – СПбГУ, 1967 –.

ПРН – Даль В.И. Пословицы русского народа : в 2 т. М. : Худож. лит., 1989.

РГБ – Мызников С.А. Русские говоры Беломорья : материалы для словаря. СПб. : Наука, 2010. 496 с.

РСЮ – Исламова Ю.В., Пыхтеева А.А., Белобородов В.К., Калемина Ю.В. (сост.) Русское слово на земле Югорской (опыт словаря старожильческих говоров Обь-Иртышского Междуречья). Тюмень : Формат, 2014. 290 с.

Сл. 18 в. – Словарь русского языка XVIII века / [редкол.: Ю.С. Сорокин и др.]. Л. ; СПб. : Наука: Ленинградское отд-ние, 1984–.

СОЛЯМР – Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков / [С.Н. Варина и др.] ; под ред. О.С. Мжельской. СПб. : Наука, 2004–.

СПГ – Словарь пермских говоров / ред. А.Н. Борисова. Пермь : Книжный мир, 2000–.

СПСКС – Галынский М.С. Самый полный словарь крылатых слов и выражений. М. : РИПОЛ классик, 2008. 510 с.

Срез. – Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. СПб., 1890–1912.

СРРЭ – Балакай А.Г. Словарь русского речевого этикета: Формы доброжелат. обхождения: 6000 слов и выражений. 2-е изд., испр. и доп. М. : АСТ-ПРЕСС, 2001. 670 с.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А.С. Герд. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1994–. Вып. 4: Необрятный – подузорник. 1999. 585 с.

СРГНП – Ивашко Л.А. (ред.). Словарь русских говоров Низовой Печоры / ред. Л.А. Ивашко Т. 1: Аблемай–Ощупя. СПб. : Филол. ф-т СПбГУ, 2003. 553 с.; Т. 2: Пась-весть–Яшурка. 2005. 470 с.

СРГСРК – Словарь русских говоров севера Пермского края. Вып. 1: А–В. Пермь : Перм. ун-т, 2011. 364 с.

СРЛКС – Зотов Г.В. Словарь региональной лексики Крайнего Северо-Востока России. Магадан : Изд-во СВГУ, 2010. 539 с.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–.

Травник – Травник XVIII века: (Тобольский вариант) / науч. ред. Л.А. Глинкина. Челябинск : ЧГПУ, 2004. 251 с.

ТСУЖ – Дубягин Ю.П., Бронников А.Г. Толковый словарь уголовных жаргонов. Рыбинск : СП «Интер-ОМНИС»; СП «РОМОС», 1991. 208 с.

Ф – Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII–XX вв.: Ок. 7000 слов. ст. / [сост. Н.Т. Бухарева и др.] ; под ред. А.И. Федорова. М. : Топиал, 1995. 605 с.

ФСРСГ – Фразеологический словарь русских говоров Сибири / [сост. Л.Г. Панин, Л.В. Петропавловская, А.И. Постнова, А.И. Федоров] ; под ред. А.И. Федорова. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1983. 232 с.

Список источников

1. Залипаева Ж.П. Специфика функционирования идиоматических выражений с темпоральной семантикой в индивидуальном лексиконе человека : дис. ... канд. филол. наук. Брянск, 2020. 198 с.

2. Чепасова А.М. Семантические и грамматические свойства именных фразеологизмов : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск, 1984. 324 с.

3. Габрик Е.Ф. Структурно-семантические свойства фразеологических единиц с фразообразующим компонентом именем в форме предложного падежа : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 1998. 26 с.

4. Голощапова Т.Г. Языковые свойства фразеологизмов моделей с творительным фразообразующим : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 1986. 25 с.

5. Соловьева А.Д. Фразеологические единицы с фразообразующим компонентом существительным в форме винительного падежа : дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 1976. 231 с.

6. Лапицина С.С. Особенности словообразовательно-фразеологического комплекса с полисемантом нога в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 23 с.

7. Кабыш В.И. Структурные и семантические свойства фразеологизмов с компонентами брать / взять : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2003. 24 с.

8. Петрина В.С. Фразеологический потенциал слов *JOUER – JEU / играть – игра* и их дериватов во французском и русском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 27 с.

9. Скарёв Д.С. Фразеологизмы русского языка с компонентами-соматизмами: проблемы семантики и прагматики : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2006. 24 с.

10. Шведова Н.В. Фразеологизмы с компонентами «бог» и «черт» в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Курган, 2004. 24 с.

11. Архангельский В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке: Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. Ростов н/Д : Изд-во РГУ, 1964. 315 с.

12. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи : слов. М. : Рус. слов., 1997. 864 с.

13. Алешина А.А. Символ соль и его отражение в русской фразеологии // Русская речь. 2020. № 5. С. 7–17. doi: 10.31857/S013161170012124-5

14. Эмирова А.М. Русская фразеология в коммуникативно-прагматическом освещении. Симферополь : Научный мир, 2020. 228 с.

15. Горбушина И.А. Словообразовательное и этимологическое гнездо слов от праславянского корня *TER- в русском языке на славянском фоне : дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 323 с. URL: <http://www.ruslang.ru/doc/diss/gorbushina.pdf> (дата обращения 1.03.2019).

16. Березович Е.Л., Кривошапова Ю.А. Деривационно-фразеологическое гнездо «Москва» в русском и иностранных языках // *Slavia*. 2015. № 1 (84). С. 82–94.
17. Попова А.Р. Лексико-фразеологический комплекс как результат реализации креативного потенциала лексической единицы : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Орёл, 2013. 43 с.
18. Власова Н.А. Фразеологическое гнездо с вершиной *глаз* в общенародном языке и говорах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орёл, 1997. 26 с.
19. Балакай А.Г. Фразеологическая единица как единица лексико-фразеологического гнезда // *Фразеология – 2000 : материалы Всероссийской научной конференции «Фразеология на рубеже веков: достижения, проблемы, перспективы»*. Тула, 2000. С. 228–232.
20. Соколова Т.С., Старикова Г.Н. Об одном метафорическом термине и его производных в русистике // *Вестник Томского государственного университета*. 2019. № 448. С. 75–82. doi: 10.17223/15617793/448/9
21. Никитина Т.Г. Механизмы фразеомообразования в лексикографической интерпретации // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2019. Т. 12, вып. 2. С. 198–202.
22. Ломакина О.В. Фразеографический потенциал соматизма «глаз» (на материале текстологии Л.Н. Толстого) // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2009. № 2 (24). С. 832–836. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/frazeograficheskiy-potentsial-somatizma-glaz-na-materiale-tekstologii-l-n-tolstogo> (дата обращения: 09.08.2022).
23. Пупынина Е.В. Фразеомообразующая продуктивность локативов // *Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами : сб. науч. тр. по итогам III Междунар. науч. конф., Белгород, 19–21 марта 2013 г. / отв. ред. Н.Ф. Алефиренко*. Белгород, 2013. С. 305–309.
24. Попова А.Р. Полисемант *рука* и реализация его лексико-фразеомообразовательных возможностей в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орёл, 2004. 25 с.
25. Малафеева Е.Р. Семантическая структура фразеологизмов с компонентом-зоонимом в современном русском литературном языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1989.
26. Хабарова О.Г. Оценочные фразеологизмы, восходящие к образам животного и растительного мира : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 32 с.
27. *Проблемы русского фразеомообразования*. Тула : Изд-во ТГПИ, 1974. 156 с.
28. *Проблемы образования фразеологических единиц*: республ. сб. Тула : Изд-во ТГПИ, 1976. 162 с.
29. Коротких Т.А. О понятии фразеологической деривации // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2015 № 5 (47): в 2 ч. Ч. 1 С. 109–112.
30. Панфилов А.К. Понятие о фразеологических гнездах // *Проблемы устойчивости и вариативности фразеологических единиц : материалы межвузовского симпозиума*, ноябрь 1968. Тула, 1969. С. 158–164.
31. Попов Р.Н. О взаимодействии в языке лексической и фразеологической систем: (Образование слов на базе фразем) // *Проблемы образования фразеологических единиц*: республ. сб. Тула, 1976. С. 15–28.
32. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. М. : Высш. шк., 1969. 232 с.
33. Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в аспекте культуры // *Фразеология в контексте культуры*. М., 1999. С. 13–24.
34. Соколова Т.С. Опыт сопоставительного исследования русских пословиц и словных дериватов // *Казанская наука*. 2020. № 2. С. 50–52.

Sources

Agapkina, T.A. (2006) Syuzhetika vostochnoslavjanskikh zagovorov v sopostavitel'nom aspekte. 1. Detskaya bessonnitsa i krik; 2. Zagovory ot krovotecheniya i rany [The plot of East Slavic conspiracies in a comparative aspect. 1. Children's insomnia and cry; 2. Incantation from bleeding and wounds]. In: Tolstaya, S.M. (ed.) *Slavyanskij i balkanskij fol'klor. Semantika i pragmatika teksta* [Slavic and Balkan Folklore. Semantics and pragmatics of the text]. Moscow: Indrik. pp. 10–123.

Annenkov, N.I. (1878) *Botanicheskij slovar'* [Botanical Dictionary]. Saint Petersburg: tip. Imp. Acad. nauk.

Getsova, O.G. (ed.) (1980 – cont.) *Arkhangel'skij oblastnoy slovar'* [Arkhangelsk Regional Dictionary]. Moscow: Moscow State University.

Gorbachevicha, K.S. (ed.) (2004 – cont.) *Bol'shoy akademicheskij slovar' russkogo yazyka* [Big Academic Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg: Nauka.

Degtyarev, V.I. et al. (eds) (2003) *Bol'shoy tolkovyy slovar' donsogo kazachestva* [Big Explanatory Dictionary of the Don Cossacks]. Moscow: Russkie slovari; Astrel', AST.

Dal', V.I. (1963–1867) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Moscow: Ob-vo lyubiteley ros. slovesnosti, uchr. pri Imp. Mosk. un-te.

Krys'ko, V.B. (ed.) (1988 – cont.) *Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.)* [Dictionary of the Old Russian Language (11th – 16th Centuries)]. Moscow: Rus. yaz.; LEKSRUS.

Durov, I.M. (1929) *Opyt terminologicheskogo slovaryia rybolovnogo promysla Pomor'ya. Solovetskoe obshchestvo kraevedeniya. Materialy* [The experience of the terminological dictionary of fishing in Pomorye Solovetsky Society of Local Lore. Materials]. Vol 19. O. Solovki: [s.n.].

Kuz'mich, V. (2000) *Zhuchiy glagol: Slovar' narodnoy frazeologii* [Burning Verb: Dictionary of folk phraseology]. Moscow: Zelenyy vek.

Barkhudarov, S.G. (ed.) (1975 – cont.) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th – 17th Centuries]. Moscow: Nauka.

Konovalova, N.I. (2000) *Slovar' narodnykh nazvaniy rasteniy Urala* [Dictionary of Folk Names of Plants of the Ural]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University.

Birikh, A.K., Mokienko, V.M. & Stepanova, L.I. (1998) *Slovar' russkoy frazeologii. Istoriko-etimologicheskij spravochnik* [Dictionary of Russian Phraseology. Historical and etymological reference book]. Saint Petersburg: Folio-Press.

Mokienko, V.M. (ed.) (2007) *Bol'shoy slovar' russkikh poslovits* [Big Dictionary of Russian Proverbs]. Moscow: OLMA Media Grupp.

Samoylov, K.I. (1939–1941) *Morskoy slovar'* [Marine Dictionary]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: Voen.-mor. izd-vo.

Danilevskiy, N.Ya. (1858) *Dopolnenie k Opytu oblastnogo velikorusskogo slovaryia* [Supplement to the Experience of the Regional Great Russian Dictionary]. Saint Petersburg: Tip. Imp. Akad. nauk.

D'yachenko, G. (ed.) (1993) *Polnyy tserkovnoslavjanskij slovar'* [Complete Church Slavonic Dictionary]. Moscow: Mosk. patriarkhat: Posad. (Reprint of 1900).

Larin, B.A. et al. (eds) (1967 – cont.) *Pskovskiy oblastnoy slovar' s istoricheskimi dannymi* [Pskov Regional Dictionary with Historical Data]. Leningrad; Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.

Dal', V.I. (1989) *Poslovitsy russkogo naroda* [Proverbs of the Russian People]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

Myznikov, S.A. (2010) *Russkie govory Belomor'ya. Materialy dlya slovaryia* [Russian Dialects of the White Sea. Materials for the dictionary]. Saint Petersburg: Nauka.

Islamova, Yu.V. et al. (eds) (2014) *Russkoe slovo na zemle Yugorskoy (opyt slovaryia starozhil'cheskikh govorov Ob'-Irtyskogo Mezhdurech'ya)* [Russian Word on the Land of

Yugra (Experiment of the dictionary of old-timer dialects of the Ob-Irtysh Mesopotamia)]. Tyumen: Format.

Sorokin, Yu.S. et al. (eds) (1984 – cont.) *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka* [Dictionary of the Russian Language of the 18th Century]. Leningrad; Saint Petersburg: Nauka.

Mzhel'skaya, O.S. (ed.) (2004) *Slovar' obikhodnogo russkogo yazyka Moskovskoy Rusi XVI–XVII vekov* [Dictionary of the Everyday Russian Language of Moscow Rus' of the 16th – 17th Centuries]. Saint Petersburg: Nauka.

Borisova, A.N. (ed.) (2000 – cont.) *Slovar' permskikh govorov* [Dictionary of Perm Dialects]. Perm: Knizhnyy mir.

Galynskiy, M.S. (2008) *Samyy polnyy slovar' krylatykh slov i vyrazheniy* [The Most Complete Dictionary of Winged Words and Expressions]. Moscow: RIPOL klassik.

Sreznevskiy, I.I. (1890–1912) *Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam* [Materials for the Dictionary of the Old Russian Language According to Written Monuments]. Saint Petersburg: Tipografiya imperatorskoy Akademii nauk.

Balakay, A.G. (2001) *Slovar' russkogo rechevogo etiketa: Formy dobrozhelat. Obkhozheniya* [Dictionary of Russian Speech Etiquette: Forms are kind manners]. 2nd ed. Moscow: AST-PRESS.

Gerd, A.S. (ed.) (1999). *Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastey* [Dictionary of Russian Dialects of Karelia and Adjacent Areas]. Vol. 4. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.

Ivashko, L.A. (ed.) (2003–2005) *Slovar' russkikh govorov Nizovoy Pechory* [Dictionary of Russian Dialects of Nizovaya Pechora]. Vols 1–2. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.

Rusinova, I.I. (2011) *Slovar' russkikh govorov severa Permskogo kraya* [Dictionary of Russian Dialects of the North of the Perm Region]. Vyp. 1. Perm: Perm University.

Zotov, G.V. (2010) *Slovar' regional'noy leksiki Kraynego Severo-Vostoka Rossii* [Dictionary of Regional Vocabulary of the Far North-East of Russia]. Magadan: North-Eastern State University.

Filin, F.P. et al. (eds) (1965 – cont.) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Folk Dialects]. Moscow; Leningrad; Saint Petersburg: Nauka.

Glinkina, L.A. (ed.) (2004) *Travnik XVIII veka (Tobol'skiy variant)* [Dictionary of Herbs of the 18th century (Tobolsk version)]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State Pedagogical University.

Dubyagin, Yu.P. & Bronnikov, A.G. (1991) *Tolkovyy slovar' ugovolnykh zhargonov* [Explanatory Dictionary of Criminal Jargons]. Rybinsk: SP "Inter-OMNIS", SP "ROMOS".

Fedorov, A.I. (ed.) (1995) *Frazeologicheskiy slovar' russkogo literaturnogo yazyka kontsa XVIII–XX vv.* [Phraseological Dictionary of the Russian Literary Language of the Late 18th – 20th Centuries]. Moscow: Topikal.

Fedorov, A.I. (ed.) (1983) *Frazeologicheskiy slovar' russkikh govorov Sibiri* [Phraseological Dictionary of Russian Dialects of Siberia]. Novosibirsk: Nauka: Sib. otd-nie.

References

1. Zalipaeva, Zh.P. (2020) *Spetsifika funktsionirovaniya idiomaticheskikh vyrazheniy s temporal'noy semantikoy v individual'nom leksikone cheloveka* [The specificity of the functioning of idiomatic expressions with temporal semantics in the individual lexicon of a person]. Philology Cand. Diss. Bryansk.

2. Chepasova, A.M. (1984) *Semanticheskie i grammaticheskie svoystva imennykh frazeologizmov* [Semantic and grammatical properties of nominal phraseological units]. Abstract of Philology Dr. Diss. Chelyabinsk.

3. Gabrik, E.F. (1998) *Strukturo-semanticheskie svoystva frazeologicheskikh edinit s frazobrazuyushchim komponentom imenem v forme predlozhnogo padezha* [Structural and

semantic properties of phraseological units with a phrase-forming component 'name' in the form of the prepositional case]. Abstract of Philology Cand. Diss. Chelyabinsk.

4. Goloshchapova, T.G. (1986) *Yazykovye svoystva frazeologizmov modeley s tvoritel'nyy frazoobrazuyushchim* [Linguistic properties of phraseological units of models with creative phrase-forming]. Abstract of Philology Cand. Diss. Chelyabinsk.

5. Solov'eva, A.D. (1976) *Frazeologicheskie edinit'sy s frazoobrazuyushchim komponentom sushchestvitel'nyy v forme vinitel'nogo padezha* [Phraseological units with a phrase-forming component of a noun in the form of the accusative case]. Philology Cand. Diss. Chelyabinsk.

6. Lapshina, S.S. (2011) *Osobennosti slovoobrazovatel'no-frazeologicheskogo kompleksa s polisemantom noga v sovremennom russkom yazyke* [Features of the word-formation-phraseological complex with the polysemantic 'foot' in modern Russian]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.

7. Kabysh, V.I. (2003) *Strukturnye i semanticheskie svoystva frazeologizmov s komponentami brat'/vzyat'* [Structural and semantic properties of phraseological units with brat'/vzyat' (take) components]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tyumen.

8. Petrina, V.S. (2013) *Frazeologicheskyy potentsial slov JOUER – JEU / igrat' – igra i ikh derivatov vo frantsuzskom i russkom yazykakh* [Phraseological potential of the words JOUER – JEU / play – game and their derivatives in French and Russian]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.

9. Sknarev, D.S. (2006) *Frazeologizmy russkogo yazyka s komponentami-somatizmami: problemy semantiki i pragmatiki* [Phraseologisms of the Russian language with somatism components: problems of semantics and pragmatics]. Abstract of Philology Cand. Diss. Chelyabinsk.

10. Shvedova, N.V. (2004) *Frazeologizmy s komponentami "bog" i "chert" v sovremennom russkom yazyke* [Phraseologisms with the components "god" and "devil" in modern Russian]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kurgan.

11. Arkhangel'skiy, V.L. (1964) *Ustoychivye frazy v sovremennom russkom yazyke. Osnovy teorii ustoychivyykh fraz i problemy obshchey frazeologii* [Set Phrases in Modern Russian. Fundamentals of the theory of set phrases and problems of general phraseology]. Rostov-on-Don: Rostov State University.

12. Melerovich, A.M. & Mokienko, V.M. (1997) *Frazeologizmy v russkoy rechi* [Phraseological Units in Russian Speech]. Moscow: Rus. slovari.

13. Aleshina, A.A. (2020) Simvol sol' i ego otrazhenie v russkoy frazeologii [Salt symbol and its reflection in Russian phraseology]. *Russkaya rech'*. 5. pp. 7–17. DOI: 10.31857/S013161170012124-5

14. Emirova, A.M. (2020) *Russkaya frazeologiya v kommunikativno-pragmaticheskom osveshchenii* [Russian Phraseology in Communicative and Pragmatic Coverage]. Simferopol: Nauchnyy mir.

15. Gorbushina, I.A. (2016) *Slovoobrazovatel'noe i etimologicheskoe gnezdo slov ot praslavyanskogo kornya *TER- v russkom yazyke na slavyanskom fone* [Derivative and etymological nests of words from the Proto-Slavic root *TER- in Russian on a Slavic background]. Philology Cand. Diss. Moscow. [Online] Available from: <http://www.ruslang.ru/doc/diss/gorbushina.pdf>. (Accessed: 01.03.2019).

16. Berezovich, E.L. & Krivoshchapova, Yu.A. (2015) Derivatsionno-frazeologicheskoe gnezdo "Moskva" v russkom i inostrannykh yazykakh [Derivative-phraseological nest "Moscow" in Russian and foreign languages]. *Slavia*. 1 (84). pp. 82–94.

17. Popova, A.R. (2013) *Leksiko-frazeologicheskyy kompleks kak rezul'tat realizatsii kreativnogo potentsiala leksicheskoy edinit'sy* [Lexico-phraseological complex as a result of the realization of the creative potential of a lexical unit]. Abstract of Philology Cand. Diss. Orel.

18. Vlasova, N.A. (1997) *Frazeologicheskoe gnezdo s vershinoy glaz v obshchenarodnom yazyke i govorakh* [Phraseological nest with the top 'eye' in the national language and dialects]. Abstract of Philology Cand. Diss. Orel.
19. Balakay, A.G. (2000) [Phraseological unit as a unit of lexical-phraseological nest]. *Frazeologiya – 2000. Frazeologiya na rubezhe vekov: dostizheniya, problemy, perspektivy* [Phraseology – 2000. Phraseology at the turn of the century: achievements, problems, prospects]. Proceedings of the All-Russian Conference. Tula. 25–26 April 2000. Tula: Tula State Pedagogical University. pp. 228–232. (In Russian).
20. Sokolova, T.S. & Starikova, G.N. (2019) The metaphorical term gnezdo and its derivatives in Russian. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 448. pp. 75–82. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/448/9
21. Nikitina, T.G. (2019) *Mekhanizmy frazeoobrazovaniya v leksikograficheskoy interpretatsii* [Mechanisms of phrase formation in lexicographic interpretation]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2 (12). pp. 198–202.
22. Lomakina, O.V. (2009) *Frazeograficheskiy potentsial somatizma "glaz" (na materiale tekstologii L.N. Tolstogo)* [Phraseographic potential of somatism "eye" (on the material of L.N. Tolstoy's textology)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. 2 (24). pp. 832–836. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/frazeograficheskiy-potentsial-somatizma-glaz-na-materiale-tekstologii-l-n-tolstogo>. (Accessed: 09.08.2022).
23. Pupynina, E.V. (2013) [Phrase-forming productivity of locatives]. *Kognitivnye faktory vzaimodeystviya frazeologii so smezhnymi distsiplinami* [Cognitive Factors of Interaction of Phraseology with Related Disciplines]. Proceedings of the 3rd International Conference. Belgorod. 19–21 March 2013. Belgorod: Belgorod State University. pp. 305–309. (In Russian).
24. Popova, A.R. (2004) *Polisemant ruka i realizatsiya ego leksiko-frazeoobrazovatel'nykh vozmozhnostey v russkom yazyke* [Polysemant 'hand' and the implementation of its lexical and phraseological possibilities in the Russian language]. Abstract of Philology Cand. Diss. Orel.
25. Malafeeva, E.R. (1989) *Semanticheskaya struktura frazeologizmov s komponentom-zoonimom v sovremennom russkom literaturnom yazyke* [The semantic structure of phraseological units with a zoonym component in the modern Russian literary language]. Abstract of Philology Cand. Diss. Leningrad.
26. Khabarova, O.G. (2004) *Osenochnye frazeologizmy, voskhodyashchie k obrazam zhivotnogo i rastitel'nogo mira* [Evaluative phraseological units ascending to the images of the animal and plant world]: Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
27. Arkhangel'skiy, V.L. (ed.) (1974) *Problemy russkogo frazeoobrazovaniya* [Problems of Russian Phrase Formation]. Tula: Tula State Pedagogical Institute.
28. Arkhangel'skiy, V.L. (ed.) (1976) *Problemy obrazovaniya frazeologicheskikh edinits: Respublikanskiy sbornik* [Problems of Formation of Phraseological Units: Republican collection]. Tula: Tula State Pedagogical Institute.
29. Korotkikh, T.A. (2015) *O ponyatii frazeologicheskoy derivatsii* [On the concept of phraseological derivation]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 5 (47). Part 1. pp. 109–112.
30. Panfilov, A.K. (1969) [The concept of phraseological nests]. *Problemy ustoychivosti i variativnosti frazeologicheskikh edinits* [Problems of stability and variability of phraseological units]. Proceedings of the International Symposium. Tula. November 1968. Tula: Tula State Pedagogical Institute. pp. 158–164. (In Russian).
31. Popov, R.N. (1976) *O vzaimodeystvii v yazyke leksicheskoy i frazeologicheskoy sistem (Obrazovanie slov na baze frazem)* [On the interaction in the language of lexical and phraseological systems (Formation of words based on phrases)] In: Arkhangel'skiy, V.L. (ed.) *Problemy obrazovaniya frazeologicheskikh edinits* [Problems of the Formation of Phraseological Units]. Tula: Tula State Pedagogical Institute. pp. 15–28.

32. Shanskiy, N.M. (1969) *Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka* [Phraseology of the Modern Russian Language]. Moscow: Vysshaya shkola.

33. Teliya, V.N. (1999) *Pervoocherednye zadachi i metodologicheskie problemy issledovaniya frazeologicheskogo sostava yazyka v aspekte kul'tury* [Primary tasks and methodological problems of the study of the phraseological composition of the language in the aspect of culture]. In: Teliya, V.N. (ed.) *Frazeologiya v kontekste kul'tury* [Phraseology in the Context of Culture]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. pp. 13–24.

34. Sokolova, T.S. (2020) *Opyt sopostavitel'nogo issledovaniya russkikh poslovits i slovnykh derivatov* [The experience of a comparative study of Russian proverbs and verbal derivatives]. *Kazanskaya nauka*. 2. pp. 50–52.

Информация об авторах:

Соколова Т.С. – соискатель, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия). E-mail: tatyana_sokol-88@mail.ru

Старикова Г.Н. – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия). E-mail: gstarikova@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

T.S. Sokolova, external postgraduate student, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tatyana_sokol-88@mail.ru

G.N. Starikova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: gstarikova@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.09.2022;
одобрена после рецензирования 19.10.2022; принята к публикации 13.03.2023.*

*The article was submitted 15.09.2022;
approved after reviewing 19.10.2022; accepted for publication 13.03.2023.*

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья

УДК 821.161.1

doi: 10.17223/19986645/82/9

Концепты «Время» и «Ускорение» как константы утопического типа сознания в сверхповести В. Хлебникова «Зангези»

Светлана Леонидовна Андреева¹, Майя Леонидовна Бедрикова²

^{1, 2} *Институт гуманитарного образования Магнитогорского государственного
технического университета им. Г.И. Носова, Магнитогорск, Россия*

¹ 216zamsv@mail.ru

² mlbedrikova@gmail.com

Аннотация. Концепты «Время» и «Ускорение» исследуются как константы утопического типа сознания на материале сверхповести «Зангези» в контексте трактата «Доски Судьбы» и других произведений В. Хлебникова. Анализ метафоры и интертекстуальных связей раскрывает новаторство поэта-утописта, изменившего традиционную расстановку концептов в утопической концептосфере и отдавшего приоритет концепту «Время». Идеиную и художественную целостность сверхповести формирует широчайший гипертекст, кодируемый приемом зауми.

Ключевые слова: утопический тип сознания, концептосфера, концепты «Ускорение», «Время», футуризм, В. Хлебников, «Зангези», «Доски Судьбы»

Для цитирования: Андреева С.Л., Бедрикова М.Л. Концепты «Время» и «Ускорение» как константы утопического типа сознания в сверхповести В. Хлебникова «Зангези» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 82. С. 191–217. doi: 10.17223/19986645/82/9

Original article

doi: 10.17223/19986645/82/9

The concepts “Time” and “Acceleration” as constants of a utopian type of consciousness in Velimir Khlebnikov’s supersaga *Zangezi*

Svetlana L. Andreeva¹, Maya L. Bedrikova²

^{1, 2} *Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russian Federation*

¹ 216zamsv@mail.ru

² mlbedrikova@gmail.com

Abstract. The authors examine the concepts “Acceleration” and “Time” in the context of other constants of the utopian type of consciousness based on the material

of the works *Zangezi* (1922), the poem *Boards of Destiny* (1922), as well as other poetic, dramatic works, treatises and articles by Velimir Khlebnikov (1885–1922), a futurist poet, a consistent “budetlyanin”, a unique, not fully understood and underestimated utopian thinker. The line-by-line analysis of metaphors and intertextual connections of *Zangezi* allows the authors to show Khlebnikov’s innovation in solving the main issue of utopia – achieving happiness and likening a person to God. According to the authors of this article, the poet’s innovation consists in a special interpretation of the analyzed concepts that fit into the general conceptual framework of utopia and that are objectified by techniques familiar to the utopian thought of the late 19th and early 20th centuries and developed in the context of the futuristic ideas of their time. The artistic integrity of *Zangezi* is achieved by the widest hypertext that Khlebnikov provides by using the literary method “zaum”. Meanings, ideas, symbols, images from the seemingly disordered text transform into a harmonious embodiment of the main idea of conquering time. Zaum is a code for hypertext, a symbolic canvas Khlebnikov draws through the cultural contexts of different eras and peoples. Zaum is needed to read the new utopian idea that previous generations uncovered to the prophetic poet – “shaman”. The cultural code Khlebnikov deciphered and presented in his final supersaga *Zangezi* does not “throw off the ship of modernity” the achievements of other cultures and generations, but unites them, forming a new universal timeless continuum, where time (past, present, future) remain, but the transience of life is not essential since a person can “walk” in time. He controls it completely and he has the ability to go to the past or the future, connect with the following or previous generations. Khlebnikov offers his own solution to the problem of the “siege of time, words and multiplicities”, his own breakthrough into the Future, more precisely, into all times – into a timeless continuum.

Keywords: utopian type of consciousness, conceptual framework, concepts “Time” and “Acceleration”, futurism, Velimir Khlebnikov, *Zangezi*, *Boards of Destiny*

For citation: Andreeva, S.L. & Bedrikova, M.L. (2023) The concepts “Time” and “Acceleration” as constants of a utopian type of consciousness in Velimir Khlebnikov’s supersaga *Zangezi*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 82. pp. 191–217. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/82/9

Введение

В многообразии теорий, грандиозных футурологически-утопических экспериментов конца XIX – начала XX в. творческие и философские построения Велимира Хлебникова, безусловно, выделяются по ряду оснований, что подвигает нас к исследованию новаторства его идей именно в русле реализации и возможной трансформации утопического типа сознания (далее – УТС).

В изучении наследия Хлебникова в контексте движения футуризма намечилось несколько этапов: при жизни поэта вышла работа Р. Якобсона, отметившего особую миссию поэта в познании Времени – «быть стрелочником на путях встречи Прошлого и Будущего» [1]; в 1980-е гг. базовыми в хлебниковедении («велимироведении») стали труды В. Альфонсова [2], В. Григорьева, А. Парниса, М.Я. Полякова [3], Р. Дуганова [4], Е. Ковтуна [5]; в 1990–2000-е гг. увидели свет статьи В. Маркова (Калифорния, 1954) [6]; но-

вейший период отмечен работами Х. Барана [7], Р. Грюбеля [8], А.М. Крусанова [9. Т. 2], И. Кукуя [10], И. Ложилова [11], Д.А. Пашкина [12], А.А. Россомехина [13], К. Соливетти [14, 15] и др. В работе Х. Барана дан текстологический обзор контекстов прочтения произведений Хлебникова: будетляничество (В. Григорьев); утопии Хлебникова и открытия науки XX в. (Вяч. Вс. Иванов, В. Бабков); универсальные языки (Н. Перцов); визуальные источники (Н.И. Харджиев, Д.В. Сарабян, Е.Ф. Ковтун, А.Е. Парнис, Р.В. Дуганов) [7]. К перечисленным следует добавить прочтение «Зангези» в издании свержности к 135-летию Хлебникова (мастерская Б. Трофимова [16]), а также мифопоэтический контекст этого произведения [3, 8, 11]). Однако в контексте структуры утопического сознания новаторство Хлебникова пока не рассматривалось.

Творческий поиск Хлебникова, смысл его лингвистических, философских и литературных экспериментов проявляется в итоговом сочинении поэта – свержности «Зангези», произведении драматического рода, синтезирующем в себе черты нескольких жанров. Еще в 1922 г. межжанровость «Зангези» отметил К. Локс: «...это и поэма, и драма, скорее, трагикомедия, ещё правильнее – автобиография! <...> соответствует духовному миру Хлебникова, в котором так причудливо сочеталось доисторическое чутье к слову с инстинктом какого-то первобытного гадателя <...>. Участвуют – Зангези-поэт, птицы, боги, буквы, слушатели, горе, смех» (цит. по: [17. С. 171]). Дискуссии о жанре «Зангези» ведутся с 1960-х гг. (Р. Вроон [18], Р. Грюбель [8], И. Кукуй [10], А. Россомехин [13], К. Соливетти [15] и др.). Именно эта итоговая вещь, взятая в контексте всего творчества поэта, на наш взгляд, способна пролить свет на особенность взгляда Хлебникова-утописта на Будущее людей, нашей страны и мира. Она связала воедино хлебниковские тексты, лишила его творчество мнимой разрозненности образов и сюжетов.

В данной статье мы придерживаемся характеристик жанровой специфики свержности «Зангези», выявленных в 1985 г. Р. Дугановым, в их числе: а) сложность неканонической жанровой системы Хлебникова: малые формы (стихотворения), большие формы (поэмы, драмы, рассказы, повести) и так называемые свержности; б) установка на большую форму; в) новаторство; г) тяготение В. Хлебникова к поэме; д) внешняя разорванность, фрагментарность, хаотичность хлебниковских сюжетов в свержности, которые «обретают целостность, развернутость и системность в контексте межтекстовых связей в его творчестве» [4. С. 145–146, 150]. Кроме того, для нас важны «монтажность» свержностей (монтаж из самостоятельных стихотворений), отмеченная К. Соливетти [14], и увиденный Р. Врооном «межродовой переход» произведений Хлебникова из лирического регистра в драматический [18. С. 268].

Для выявления целостности утопической идеи и метафоричности свержности, последовательного выстраивания ее интертекстуального поля при анализе концептов «Время» и «Ускорение» мы следовали построчному и «поплоскостному» анализу текста, поскольку формальным структурным

элементом «Зангези» является «плоскость» – «математическая двухмерность, смысловая замкнутость и двухвалентная ценность», которая, по мнению Р. Грюбеля, «сохраняет, несмотря на разнородный образ частей, общий принцип распределения» [8. С. 288]. В целесообразности такого метода нас убедили трактовка «плоскостей» как жанровых символов многомерности и многослойности текста, данная В.П. Григорьевым и А.Е. Парнисом [3], и «новая текстология», предложенная А.А. Россомахиным (автор-составитель последнего масштабного издания «Зангези» [13]). «Плоскости» обнаружили в себе «интертекстуальное аксиоматическое значение» [17. С. 287], а их состав (21+1 «плоскость») стал интерпретироваться в некоторых комментариях как скрытый расклад карт Таро – способ предсказания, реализованного в макроструктуре творения В. Хлебникова [11, 19].

Методы исследования, примененные в данной работе, определяются целью представить идею Будущего в творении Хлебникова «Зангези» в аспекте сопоставления с традиционной концептосферой утопий. Применяется контекстуальный метод, предполагающий широкий охват произведений Хлебникова и установление их связи для выявления единого замысла и смысла сверхповести «Зангези». Данный метод обнаруживает сквозные мотивы и образы в поэзии автора-футуриста и, прежде всего, в репрезентации концептов «Время» и «Ускорение». В соответствии с объектом исследования использован концептуальный анализ, обнаруживающий репрезентации выбранных для анализа концептов в рамках хлебниковской утопической концептосферы, объективированной в тексте итогового произведения поэта и более широком контексте его творчества. Метод концептуального анализа позволяет установить изменения в характере и способах представленности концепта «Время» как концепта УТС в художественном мире этого автора и зафиксировать формирование и отражение нового утопического концепта советской эпохи – «Ускорение». Для обозначения новаторства Хлебникова в освоении утопических концептов в процессе создания картины Будущего нами использован метод дешифровки элементов зауми при последовательном рассмотрении частей «Зангези» на сюжетно-композиционном уровне с целью выявления смыслов каждой «плоскости» произведения и создания оснований для применения системного, историко-сравнительного методов в комплексе с семиотическим методом при анализе интертекстуальных связей и характеристике сверхповести «Зангези» как широкого гипертекста.

1. Концепты «Время» и «Ускорение»: взгляд утопистов

В трудах о художественной концептосфере литературных утопий и антиутопий на рубеже XX–XXI вв. концепт «Время» связывается с концептом «Пространство», что соответствует общенаучному подходу к интерпретации соответствующих философских категорий.

В УТС концепт «Пространство» получил статус центрального конституирующего концепта. Достаточно вспомнить, что утопия переводится с

греч. *ν-τοπος* как «место, которого нет» и что сотни утопий были сосредоточены именно на описании места для счастья (Царствие Небесное, страна на краю земли, затерянный мир, остров, горные вершины, подземный мир, космическое пространство и т. п.). Утопическое пространство служит каркасом для утопии, определяет ее образную систему, сюжет и проч. Проектирование или поиск пространства счастья – главное дело утопистов; параметру времени всегда была отведена вспомогательная роль.

Концепт «Время» поддерживал идею удаленности, недоступности пространства: в утопии события обычно происходят в далеком Прошлом или Будущем либо во сне – особом измерении категории времени (в интерпретации П.А. Флоренского [20]), отличающемся нереальной скоростью следования событий. Отдельно «утопическая судьба» концепта «Время» – не сопутствующего, но ключевого концепта утопии – до сих пор недостаточно описана, несмотря на огромный пласт имеющихся трактовок категории времени в физике, философии, лингвистике, психологии и других науках, начинающих свои исследования с интерпретации древнейших мифов, пророчеств, где присутствует толкование прошлого времени и объясняется появление человека, семьи, рода, мира. Основы анализа онтологической категории времени были заложены Платоном, Аристотелем, Зеноном Элейским и др. (см. [21. Т. 3; 22–24]). В рамках данной статьи мы не ставим перед собой задачу обзора всех научных трактовок времени, труды по проблеме времени известны и доступны [25–28]. Отметим лишь ключевые основания для категории времени в УТС, чтобы отразить специфику интерпретации выбранных концептов у В. Хлебникова.

Утопический взгляд на время просматривается в идее Греха человечества, утратившего счастье в Прошлом. Об этом и библейская идея Рая, и древнегреческая идея золотого века (рода) [14] (о динамике идеи счастья см. современные труды [19]). Традиционно будущее счастье человека считалось достижимым только через прохождение этапа страдания души, праведной и аскетичной жизни, воздержания в Настоящем. Заметим, что традиционно Будущее занимало умы человечества в большей мере (ср. футурология), чем Прошлое и Настоящее, но и в этом противопоставлении времен Прошлое было привлекательней практически обесценившегося Настоящего. Примечательно, что интерес к Будущему возрос именно с расцветом социальных утопий, продвигавших новую дерзкую идею о счастье при жизни человека, т.е. в Настоящем. И здесь возникает парадокс утопической интерпретации Настоящего: невозможность практической (технической, технологической, идеологической и т.д.) реализации идеи счастья в Настоящем делает привлекательным Будущее.

Цель достижения счастья при жизни человека вывела на авансцену УТС проблему времени, которая заключалась в решении вопроса о скоротечности жизни, потому что будет справедливо, если человек не просто построит счастье в Настоящем (при жизни), но и успеет насладиться им. Так на повестку дня утопистов вышла проблема смерти, при решении которой сам собой решался вопрос времени.

У Хлебникова сложилась своя концепция смерти. А.Д. Пашкин замечает, что нет «ни одного значимого <...> произведения поэта, где бы ни фигурировало событие смерти; но само оно часто, почти всегда, становится главным событием этих произведений («Госпожа Ленин», «Дети Выдры», «Ка», «Зангези», «Ночной обыск» и др.)» [12]. Счастье не абсолютно, потому что оно омрачается мыслью человека об уходе из жизни его самого и / или его близких. Идея Хлебникова решить проблему времени для достижения счастья возникает и воплощается в утопической сверхповести «Зангези». Концепт «Время» в ней самоценен, он основной в концептосфере его утопии: время ложится в основу сюжета («прорыв в Будущее») и функционирует как среда (пространство), по «пространственным» стереотипам утопий, открывая новые, глобальные горизонты для счастья человечества. **Суть концепции в полном времени NB!** не только будущих, но всех поколений живущих и предшествующих.

Утопическая идея Хлебникова состоит в преодолении скоротечности жизни для избавления от неполноты счастья в Настоящем. Традиционные проблемы (болезни, голод, зависть, любовь, бедность и т.п.), важные для других утопистов, кажутся Хлебникову вторичными, пока над всем довлечет проблема времени. Человеку, новому богу, управляющему миром, мало счастливого Будущего и Прошлого, ему мало даже счастливого Настоящего — ему нужно «полное время», т.е. все времена сразу: полнота счастья заключается в свободе выбора любого времени. Такой временной континуум тесно связан с утопическим концептом «Всеобщность» («Всемирность»), но Хлебников взывал не к всевластию, а к единению **со всеми поколениями человечества**. Он указал способ изжить одиночество единством родства и с предками и с потомками. Сама направленность утопии Хлебникова на «всевременную коммуникацию» (связь с поколениями «до» и «после») не характерна для большинства утопий. В этом мы видим гуманистическое новаторство его концепции и специфику его картины УТС.

В XX в. в утопической структуре концепта «Время» сформировался новый концепт — «Ускорение». Он созрел, обрел силу и содержание на рубеже XIX–XX вв., что по времени совпадает с годами жизни В. Хлебникова (1885–1922). Данный концепт даже получил черты национального утопического концепта, статус официальной константы нашей государственной политики в XX в. Ю.С. Степанов в работе «Константы: Словарь русской культуры» связывает рождение идеи «ускорения хода времени» с «панибратским обращением с концептом “Время” в культуре советского периода» [29. С. 249–250]. В числе доказательств появления концепта «Ускорение» ученый приводит стихотворение «Левый марш» (1918) и поэму «Хорошо» (1927) В. Маяковского; роман В. Катаева «Время, вперед!» (1932); сведения из нормативных актов СССР о «новом» учете времени (лозунг «Пятилетку — за три года», нормы учета труда — «за часек два дня ударной работы за три и т. п.») и др. О В. Хлебникове в Словаре Ю.С. Степанова не упоминается, но, несмотря на это, хлебниковская идея решения проблемы времени абсолютно вписывается и в общий утопический вектор проблемы

времени, и в частный, управленческий, вектор УТС. Как минимум два главных произведения Хлебникова большой жанровой формы внесли значительный вклад в утопическое осмысление сути Времени: в 1920–1922 гг. поэт создал итоговые взаимосвязанные произведения – сверхповесть «Зангези» и трактат «Доски Судьбы». Зерно концепта «Ускорение» было заложено богоборческой идеей утопии – не ждать покорно Царствия Небесного, но самим создать его аналог на земле. Известными «ускорителями» процесса выступают наука и техника (ср. технологический утопизм), отсюда доминирование, начиная с середины XIX в., утопических концептов «Машина», «Инженер», «Техника», «Наука», «Управление» и т. п. Однако технологический вектор УТС по ускорению жизни все еще направлен в Будущее, которое мыслится как ближайшее, не далекое. Но проблема Настоящего времени оставалась все еще нерешенной в УТС начала XX в.: Настоящее сохраняло статус технологически необходимого, но не главного этапа на пути к счастью, хотя именно этот период и есть жизнь человека, время, когда необходимо непременно переживание абсолютной удовлетворенности жизнью, чувства наивысшего удовольствия. Концептуальным наполнением данного этапа жизни человека (= Настоящего), согласно УТС, были концепты «Труд», «Государство», «Смерть», «Любовь» и некот. др.

Ускорение настоящего времени явилось логически обоснованной технологией решения главной задачи достижения Счастья, закономерным новым исходом критики действительности – обязательного древнейшего атрибута утопии, рожденного идеей регресса человечества в сравнении с «золотым родом». Однако если Настоящее перестает быть ценностью для человека, то и сама жизнь человека, и его поколения обесцениваются (об этом все антиутопии). Проблему «перекоса» в пользу Будущего в УТС точно выразил Б. Гройс: «...социалистическое общество нельзя назвать справедливым, ведь оно основано на дискриминации прошлых поколений в пользу будущих» [30. С. 10].

Концепция Хлебникова в решении вопроса времени снимает эту несправедливость, поэтому у человека появляется возможность быть одновременно во всех временах. Время каждого поколения, его опыт, вклад в развитие человечества, в этом случае становится бесценным, значимым. Именно поэтому концепт «Время» ключевой в проекте всеобщего Счастья и Свободы по Хлебникову. Главная задача – снять «осаду временем» так, чтобы избавить человечество от прокрустового ложа Прошлого, Настоящего и Будущего; найти гармонию между ожидаемой бесконечностью счастья и скоротечностью жизни.

При всей оригинальности цели подход Хлебникова к ее достижению в общем традиционен для УТС: ведь идея счастья человека решалась через поиск технологии управления временем (не смешивать с time management и work-life balance!) с помощью математического расчета, получение возможности войти в любое время или быть во всех временах сразу («своеобразная машина времени», ср. с романом Г.Дж. Уэллса «Машина времени»

(1895), хотя в «Зангези» собственно механизм перемещения не уточнён. Главное, время можно прогнозировать, и поэтому им можно управлять.

Новаторство автора «Зангези» в трактовке концепта «Время» заключается в изобретении технологии (а не просто машины времени) вечной жизни в трех временах – сразу во всех измерениях. Дань традиции УТС в том, что время не развивается. В.И. Мильдон, характеризуя типичное для УТС отношение к историческому течению времени, уточняет: «По своей сущности утопия не знает становления, развития – обнаружения скрытых качеств, перехода от зачаточных форм к зрелым. Развитие для нее – знак проклятия мира, его греховности. Спасение состоит в преодолении всего изменчивого и временного, в обретении неколебимого и навсегда полученного, коротко говоря, в избавлении от истории» [31. С. 15]. У Хлебникова время образует единый бесконечный временной континуум, временное пространство, где жизнь не утекает безвозвратно, а существует в разных временных состояниях. В.Н. Альфонсов подчеркивает, что, «историческое время <...> для Хлебникова, безусловно, существует, оно реальность: поэт это время “считал”, отражал, предугадывал» [2. С. 205], но во временном континууме изменчивость исторического времени – это лишь смена циклов. Ощущение глобального, полного времени примиряет человека с быстротечностью его жизни и смертью, поскольку ему доступны все временные «агрегатные» состояния.

Будучи футуристом, Хлебников подчёркивал свой статус «воина будущего», считая этот статус «сверхцелью и атрибутом подлинного поэта», «поэта как провозвестника новой эпохи и как ее демиурга» [15. С. 298–299]. Предсказуемость времени позволяет человеку (избранному провидцу) войти в ментальные миры. Каналом входа в миры времени является слово, точнее, словотворчество, своеобразный «код доступа».

2. «К материку времени, в неведомую страну». Время как пространство для Всеобщего счастья

Я хотел найти оправдание смертям
В. Хлебников

2.1. «Знать день и час, когда мы родимся вновь»

Поиск законов времени ведет Хлебникова к изучению Будущего в произведениях «Утес из будущего» [32] и «Труба марсиан» [33]. Поэт вычисляет время и управляет им с помощью «досок судьбы». Проекты построения Всеобщего Счастья всегда разбивались о смертность человека и проблему времени. Хлебников пишет: «Когда сопоставляются вместе Число и Смерть, кажется, что встретились два старинных противника на очень узкой дорожке» [34. С. 104]. В манифесте «Наша основа» (1919) поэт утверждает: «Сейчас, благодаря находке волны луча рождения <...> меняется и наше отношение к смерти <...> будем знать день и час, когда

мы родимся вновь, смотреть на смерть как на временное купание в волнах небытия» [35. Т. 6].

Новому «времямазу», «трубачу-глашатаю чистых законов времени» требовалось найти «системную ошибку» (исправить *временной аришин*), вычислить пульс Вселенной и составить ее уравнение (*уравнение внутреннего пояса светил солнечного мира*) [36. Т. 2. С. 9]. «Время» как ключевой концепт в концептосфере утопии Хлебникова теснит пространство. В «Досках Судьбы» (глава «Глашатай. Починка мозгов») сказано: «Не события управляют временем, а время ими» [36. Т. 2. С. 45]. Время – перевернутое пространство, его закон постижим: «*клик числа <...> одно и то же его дерево в трех плоскостях: 1) времени, 2) пространства, 3) множеств или толп*» [36. Т. 2. С. 36]. В «Досках Судьбы» в работе «Слово о числе и наоборот» Хлебников разъясняет связь «чистых законов времени» с пространством. Найденные формулы времени представляются Хлебникову словно бы знакомыми, ассоциируются с пространственными: «*Похожие на дерево уравнения времени, простые, как ствол в основании, и гибкие, живущие сложной жизнью ветвями своих степеней, где сосредоточен мозг и живая душа уравнений, казались перевёрнутыми уравнениями пространства, где громадное число основания увенчано единицей, двойкой или тройкой, но не далее. Это два обратных движения в одном протяжении счёта, решил я*» [36. Т. 2. С. 11]. Задача утописта – предвидеть Будущее, а предвидение есть «тонкое, изящное решение уравнений времени», альтернатива которому только война [36. Т. 2. С. 43]. Поэт подчеркивает: «*Я не выдумывал эти законы; я просто брал живые величины времени <...> и смотрел, по какому закону эти величины переходят одна в другую, и строил уравнения, опираясь на опыт. И числовые скрепы величин времени выступали одна за другой в странном родстве с скрепами пространства, в то же время двигаясь по обратному течению*» [36. Т. 2. С. 12]. Динамика времени (его движение от Прошлого через Настоящее к Будущему) циклична: «*...событие, достигшее возраста 3 в степени n дней, меняет свой знак на обратный (множитель да-единица как показатель пути сменяется множеством нет-единицей +1 и –1), что через повторные времена числового строения 3 в степени n события относятся друг к другу, как два встречных поезда, идущих по одному и тому же пути, на малых степенях n*» [36. Т. 2. С. 14–15].

Далее Хлебников дифференцирует время государств (глобальные показатели степени) и время отдельных людей (малые). Именно малые степени: «*управляя возмездием или сдвигами в строении общества, давая в числах древний подлинник, древние доски своего перевода на язык слов: “Мне отпущение и Аз воздам”*» [36. Т. 2 С.15].

Быть свободным и равным Богу – вот цель человека: «*...высота отвлечения расширяет условный круг настоящего времени <...> и под грозные завывания трубы: “несть времени!”*» [36. Т. 2. С. 36]. Божий промысел – в расчетах: «*...мы открываем страницы времямерия и судьбомерия, пишем чертежи грядущих столетий и теишем тело Бога из глыбы чистого числа,*

избегая слова» [36. Т. 2. С. 29]. Преодолеть травму смерти возможно, нужно лишь расширить «условный круг настоящего времени».

Итак, судьбы народов – это проекция в настоящем их прошлого и будущего. Уравнение «очищенного Времени» Хлебников составил и решил, измерив соотношения между событиями. В эпоху расцвета технологических утопий математика, как царица наук, заставляла утопистов примерять математический анализ к личности и социуму, стандартизировать потребности в попытке освободить человека от зависти (ср. Замятин критиковал это в антиутопии «Мы» (1920) [19, 37]). Новаторство Хлебникова в том, что традиционный для УТС (со времен Платона) концепт «Математика» помогает решить вопрос времени, избавив человечество от травмы смерти. Смерть не исчезает, но она теряет для человека свою невыносимую безысходность, безвозвратную несправедливость. Она обретает смысл и даже целесообразность в контексте вечной жизни (как своеобразного «агрегатного состояния»), ее паузы. Задача человека – научиться высчитывать эти паузы, чтобы управлять временем своей настоящей и будущей жизни.

2.2. Концепт «Время» в сверхповести «Зангези»: от периферии – к центру концептосферы утопии

Хлебников изменил взгляд на традиционно второстепенный для УТС концепт «Время», в результате чего изменилось и соотношение концептов в утопической концептосфере, где обычно доминировали концепты «Благо», «Мессия», «Избранный народ», «Наука», «Труд», «Государство», «Математика» и др.

Еще в мистерии 1916 г. «Скуфья Скифа» поэтом названы три преграды на пути к счастью – время, слово и множество (число): «Я помнил слова седого жреца: у вас три осады: осада времени, слова и множеств» [38. Т. 5]. Текст содержит математические формулы, есть даже Числобог. Слово и Множество (Число) привлекаются поэтом как боги-средства, боги-помощники, подвластные мессии-ученому, в решении главной задачи науки – указать на закономерность человеческой судьбы и измерить ее во времени и пространстве. Управление временем становится Благом, тем откровением, абсолютом, которое приравнивает Человека и Бога.

Хлебников настойчиво выводит Время на первый план, а традиционным концептам УТС отводит вторые роли. Так, концепт «Государство» (ведущий концепт со времен Платона) в концепции Хлебникова оказывается на периферии: «Точные законы <...> раздевают человечество от лохмотьев государства и дают другую ткань – звездное небо» [35. Т. 6]. В «Зангези» Слово и Число укрощены и служат для героя Зангези-мессии средствами управления стихией Времени: «Я хотел найти ключ к часам человечества, быть его часовщиком и наметить основы предвидения будущего» [3. С. 169–170]. В начале сверхповести поэт-мессия «перенастраивает оптику» читателя – от приземлённого взгляда к абстрактному «новому» взгляду на себя и человека в целом. В исходной «колоде плоскостей

слова» автор открывает сокровенные «смыслы» слов Мирового языка: он «само слово разлагал на простейшие смысловые элементы и возвращался назад, к “праязыку” – а в итоге ему виделось восстановление языка, всемирный будущий язык» [2. С. 217].

Издание «Зангези» к 135-летию поэта в 2021 г. отмечает мессианство самого Хлебникова – альтер-эго Зангези – «пророка-сверхчеловека» [17. С. 4], универсализм гения, постигающего Время через сквозные темы Судьбы, Языка и Революции. В ряде произведений поэта мы видим не столько эволюцию его мессианской идеи, сколько осмысление и закрепление ее в разных прецедентных образах, культурных контекстах. Так, в стихотворении «Видите, персы, – вот я иду...» Хлебников соотнёс своё «я» с *Гушедар-махом* (мессия зороастризма) и иными его воплощениями: Вогу Мано – благая мысль; Аша Вагиста – лучшая справедливость; Кшатра Вайрия – обетованное царство [39. Т. 2]. В «Досках Судьбы» поэт уподобил себя Христу: «*Я велик. Не во всякую дверь прохожу*» [18. С. 280–281]. Вооружённый логарифмами «воин будущего» обращался не к «нищим духом», а «нищим умом». Мессия-пророк говорит о сверхспособностях предвидения (ср. в «Здесь я бродил очарованный...» (1922): «*Я был единственной скважиной / Через которую будущее падало / В России ведро*» [40. Т. 2]). Управляя временем, Зангези предвидит Будущее и, постигая сакральное знание, несёт его людям. Его пророчества закодированы на новом языке, точнее, обнаруженный поэтом и скрытый от большинства тайный код, хранимый веками предшествующими поколениями и не считываемый большинством людей.

2.3. Речевое дело – ключ к Новому Миру, инструмент ускорения и преодоления проблемы времени

Словотворчество есть взрыв языкового молчания глухонемых пластов языка.

В. Хлебников

В 1922 г. О. Мандельштам писал: «Хлебников возится со словами, как крот, между тем он прорыл в земле ходы для будущего на целое столетие...» [17. С. 299]. Смыслы он искал в языке, – через каналы кода культуры, тайные знаки Жизни и Счастья. В языке сохранены эпохи, культуры, смена поколений. В нём закодированы и отпечатаны как тени образы прошлого и настоящего, мировые события (ср. *творецкая община тенеписьмена на тенекнигах сообщала последние новости, бросая из блистающего глаза-светоча нужные тенеписьмена*) (трактат-утопия «Лебедия будущего», 1918). Человечеству необходим новый словесный код для программы Счастливого Будущего – Мировой язык. Он обеспечит «прорыв» в Будущее.

Кому же открыты коды Мирового языка? Предсказателю всех времен и народов – ученому, астрологу, шаману, пророку. Причем наука не противопоставлена эзотерике. Мировоззрение Хлебникова определили открытия в тео-

рии пространства математика Г. Минковского: «Все события происходят в четырехмерном пространственно-временном континууме» [41. С. 96].

Свою грандиозную программу изучения Времени Хлебников раскрыл в Предисловии к «Доскам Судьбы (1-й лист). Слово о числе и наоборот» (1922). Само понятие «доски судьбы» воспринято поэтом из калмыцкой культуры, знакомой с детства: в тибетской астрологии Зурхай предмет математического расчёта времени для предсказания будущего – «зурхачин моди» (= доски судьбы). Изначально (в VII в.) Зурхай заимствовала доски судьбы из китайской астрологии. В доске и таблице «*тан-шим...* сгруппированы все данные для предсказаний» (Иродион Житецкий, 1893 г. Цит. по: [38. Т. 5]). Зурхачи пишет заострённой палочкой по доске, посыпая ее пылью и творя молитву.

В.В. Бабков пишет, что в «Досках Судьбы» Хлебников «строит чистые законы времени. “Законы времени” одинаковы для государства и для человека, славы, памяти, божества, храма и вещи» [42]. Доски судьбы показывали неслучайный набор событий. Хлебников подвел под периодичность исторического развития всех поколений и народов математическую основу. В 1922 г. в письме П. Митуричу поэт сформулирует: «*Мой основной закон времени: во времени происходит отрицательный сдвиг через $3n$ дней и положительный через $2n$ дней*» [17. С. 133]. Хлебников вычислил скорость мечты: «*Человек живёт на “белом свете” с его предельной скоростью 300 000 километров...*» (Наша основа. 1919) [35. Т. 6]. Но причём тут слово и язык?

По закону всеобщности, пронизывающему всё в УТС, откровение пророка должно дойти до всего человечества. Согласимся здесь с выводом К. Соливетти: «Хлебников мечтал о “Единой книге” как о Космографии <...> и Космогонии. Метафора “мир как стихотворение” стала <...> творческим *scredo* поэта» [15. С. 301]. Свою «Зангези» Хлебников назовет зодчеством из слов: «*Повесть строится из слов как строительной единицы здания. Единицей служит малый камень равновеликих слов. Сверхповесть, или заповесть, складывается из самостоятельных отрывков, каждый с своим особым богом, особой верой и особым уставом*» [16. С. 11]. «Строевая» единица, камень сверхповести – это повесть первого порядка. К. Соливетти именует сверхповесть «гипертекстом»: «При выборе “носителя” информации Хлебников руководствовался исключительно утилитарными целями. Он не был книжником. Его интересовали любые подручные средства для запечатления и передачи результатов творческих поисков» [15. С. 301]. «Семиотический креационизм» Хлебникова, по К. Соливетти, базируется на трех принципах, это: а) словотворчество; б) поэтическое «воображение, вера, интуиция»; в) праформы сознания («*азбука ума*» – «сумма универсальных мыслительных концептов, определяющих вербально-интеллектуальную деятельность человека») [15. С. 301]. Литературный прием зауми не просто идеально подходил творческому замыслу В. Хлебникова, но, кажется, был единственно возможным, поскольку соответствовал по функции заговорам, ворожбе, заклинальным песням и другим фор-

мам обрядового фольклора, использующим так называемую вербальную магию и обеспечивающим успех ритуального действия. Заумь Мирового языка, по замыслу поэта, объединит человечество разных религий и языков для совершения «*небесного полёта*». Зангези преодолевает Время силой воображения и особого восприятия.

Кроме того, пророческое слово должно было воплотиться в «великой» книге, как это было с Библией, Кораном, Авестой и т.д. Хлебников-мессия реализует слово в «заветной» Книге – «Зангези», централизующей сквозные образы, сюжеты.

Сверхповесть состоит из 21 эпизода (плоскости), словесные коды которых вводят читателя во временной континуум. Обнажая внутреннюю форму слов, для постижения власти над Временем, Зангези помогает читать новое откровение, он «распрограммирует», расшифровывает код Мирового языка, одинаково явленного и богам, и человеку, и природе.

3. Плоскости слова – переходы в культурные пласты времен.

Функции гипертекста в сверхповести «Зангези»

Хлебников создает «Зангези» как новый текст-код для считывания временного континуума. Главный герой сверхповести показывает, как нужно считывать знаки Природы, показывает необычность, всеохватность и нелинейность Мирового языка. Человечеству, чтобы управлять временем, нужно поменять языковой код-программу.

Демонстрация языковых кодов-знаков (речь птиц, животных, древних богов, людей, Природы и т.д.) в Единой Книге Пророка происходит в плоскостях.

Плоскость в «Зангези» – это временной срез, точка во временном континууме, где свои знаки, «свои боги». Хлебников перенастраивает «оптику» читателя, показывая коммуникативную открытость полёта в Будущее. В Плоскости I звучат «*утренние речи птиц солнцу*» [16. С. 11]. В Плоскости II даны образы древнейших богов в звуковых «соответствиях»: «Истина: боги близки! – всё громче и громче. Это сонм богов всех народов, их съезд, горный табор» [16. С. 20]. Главный на съезде – Тиэн: «*ТИЭН гладит утюгом свои длинные, до земли, волосы...*» [16. С. 20]. Есть и языческие боги Велес, Юнона, Ункулункулу (в мифологии зулусов *первопредок* – основной образ в космогонии). Тиэн и Шангти – ипостаси китайских божеств. В контексте Мирового языка *Тиэн* созвучно имени бога этрусков – Тин: как Зевс, он повелевает тремя пучками молний.

Согласно утопической традиции среди многих выделяется один. Это отшельник Зангези. О нем мы узнаём со слов простодушных прохожих в Плоскости III: «*Читает, говорит, видит, слышит, ходит, по утрам молится*». Зангези – избранный. Он противостоит толпе, учит их слушать и слышать: «*Учение лесного дурака начинается. Учитель. Мы слушаем*» [16. С. 11]. Сначала Зангези воспринимается толпой как юродивый (*лесной дурак*), его слушают из любопытства, как всегда, в словах таких

площадных «дураков» (или шутов) звучит истина. Он медитирует, слова неясны.

В Плоскостях III и IV Зангези предстаёт как альтер-эго автора «Досок Судьбы», поэт, он проповедует идею преодоления времени путём создания Мирового языка для достижения цели истории. Ключ к решению проблемы времени скрыт в идее «четвёртого измерения». В Плоскости IV проходной-резонёр призывает читать, как на «тенеписи»: *«Доски Судьбы! <...> Как на тенеписи, числа-борцы пройдут перед вами, снятые в разных сечениях времени, в разных плоскостях времени. И все их тела разных возрастов, сложенные вместе, дадут глыбу времени между падениями царств, наводящих ужас»* [16. С. 29]. Р. Грюбель комментирует: «Тени судеб соединяются в строительный, ещё не обработанный временем материал. Это время, очевидно, исчисляется как промежуток между закатами великих царств» [8. С. 288]. Тени – проекции, искажённые отражения объектов, оставленные Временем на плоскостях / сечениях истории. Их нужно читать, постигать смысл, сопоставлять и рассчитывать, чтобы управлять глыбами времени. «Полное» время возможно лишь в единстве Прошлого, Будущего и Настоящего:

*Три числа! Точно я в молодости,
точно я в старости,
точно я в средних годах, вместе
идёмте по пыльной дороге! $105 + 104 + 115 = 742$ года 34 дня* [16. С. 29].

Тройную задачу – снять «осаду времени, слова и множеств» – поэт решает также и в «Досках Судьбы», и в мистерии «Взлом вселенной» (1921) (речь Сына: *«Я понял вдруг: нет времени»* [43. Т. 4]). В «Зангези» герой измерил числом (*742 года 34 дня*) себя, получив его из суммы своих Прошлого, Настоящего и Будущего. Время Хлебников называет *«пыльной дорогой»*, т. е. это линейная (кривая, прямая, спиралевидная и т. д.) траектория движения человека. Притом эпитет *пыльная* не случаен: дорога в пыль избита-исхожена поколениями. Здесь отсылка к «доскам судьбы», которые покрыты пылью, на которых записаны формулы плоскости времени, комбинации цифр / знаков / кодов.

Перемещение через *глыбы времени* мировой истории, по этапам, и факт ускорения, «рывок» в Будущее, находим в Плоскости IV: Зангези точен в расчёте, проводимом от дат падения империй древности, и с помощью самонастроения готовит учеников к полёту во Времени. Хлебников, пребывая и в настоящем, и в «четвёртом измерении», верит в скорое реальное перемещение в Будущее.

В Плоскости V посвящённые в тайну Пророка просят Зангези рассказать словами Азбуки о текущем моменте – страшном времени войн, звучит их речь-ропот: *«<В ТОЛПЕ> Чангара Зангези пришёл! ... Смелый ходун! Мы – верующие, мы ждём. Наши очи, наши души – пол твоим шагам, неведомый. ИВОЛГА. Фио эу»* [16. С. 35]. В речетворчестве Хлебникова Фио Эу символизирует мать-Природу.

Настоящее время в «Зангези» неблагоприятно: идёт Гражданская война, что влечёт крах гуманизма, власть смерти. В Плоскостях VI–VII есть сквозной мотив судьбы России в годы раскола:

*Вылетит ЭР, как горох из стручка, из слова Россия.
Если народ обернулся в ланей,
Если на нём рана на ране,
Если он ходит, точно олени,
Мокрую чёрною мордою тычет в ворота судьбы* [16. С. 44].

Анафора и авторское сравнение народа с раненым стадом ланей олицетворяют боль поэта о России настоящей. Война – тень-проекция, знак начала перехода в иную временную плоскость, ибо смерть (война) – форма ускорения, мгновенный перевод людской массы из настоящего в прошлое. Обезумевший в братоубийстве, ослепший народ жаждет счастья. Акценты «беззащитность», «доверчивость» означают неосмысленный поиск народом своей судьбы! Зангези-Мессия управляет судьбой осмысленно и верно. Ворота судьбы – знак недоступного пространства, связан с поиском Рая на земле: народ ищет / строит свою Утопию, совершает ошибки и проливает кровь (*рана на ране*). Это и своеобразная отсылка к циклам русской истории, к смене войны и мира. Мотив страданий человечества в несправедливом мире – это исходная константа в утопии. В Настоящем Зангези ведёт народы в Будущее – к счастью в бессмертии и вневремени.

Прорыв во времени достигим через Мировой язык – звёздную Азбуку Хлебникова. В Плоскости VIII, в звездных песнях, заявлено:

*Слова – нет, есть движения в пространстве. <...>
Это звёздные песни, где алгебра слов
Смешана с ариинами и часами. Первый набросок!
Этот язык объединит некогда <всех>,
Может быть, скоро!* [16. С. 48].

В час-икс пространство и время объединит Новый язык. Хлебников слышит счастье в образе «Эль»:

*Эль – это солнышко ласки и лени, любви!
В «улье людей» ты дважды звучишь!* [16. С. 43].

Узнаваемость образов важна как условие, потому что это и есть интертекстуальный код. Так, в утопиях образы *пчёл, пчелиного улья* всегда были символами рационального устройства общества (форма сосуществования множеств), солнце всегда необходимый атрибут любого «безоблачного» Будущего и др.

В Настоящем, однако, звучит ЭР (ср. *вылетит ЭР из слова Россия*). Это и бунт-рык русского медведя, и рык паровоза – символа промышленной эпохи рубежа веков. По Хлебникову, благодаря истории и культуре России, совестливому русскому характеру в индустриальную эру народ войдёт единым и неделимым славянским государством. «Ускорение» истории по-

может ему миновать Настоящее (*ланти из лыка*) и совершить прорыв в Будущее: «Эр, ты – пар, ты гонишь поезда /цепочкой цуга крови чечевиц / По жилам северной Сибири» [16. С. 44]. Образ подсолнуха символизирует расцвет России в будущем и «расцвет» её дорог: «*Расцвет дорог живёт тобою, как подсолнух*» [16. С. 44]). Россия, как подсолнух, ориентирована на безоблачное Будущее.

В «Плоскости мысли» IX (новое название плоскости) предтеча явлен звоном Благовеста в честь Ума: «*Это большой набат в колокол ума, / божественные звуки*». Ум в «Зангези» – это не Вселенский / Божественный Разум, но способность человека постичь мировую истину. Вера в разум человека – аксиома утопии. Читатель-интерпретатор наблюдает рождение мысли в разных её «видах» (*оттенках мозга*). Здесь Хлебников использует неологизмы – символы Мирового языка: Зангези призывает подхватить его песнь для концентрации общей силы: «*Все оттенки мозга пройдут перед вами на смотр всех родов разума. Вот! Пойте все вместе за мной!*» [16. С. 52]. Краткие энергичные строки записаны столбцом, текст сложен для произнесения: «Гоум, / Соум, / Моум, / Лаум, / Чеум». Неологизмы-звукоподражания измеряют момент перехода в Новое время = Абсолютное время = Вечность. Для России колокольный звон – выражение соборности, воплощение народного единства в принятии общего решения. Звон звучит: *Бом! Бим! Бам!* [16. С. 52]. Повторы звуковых комплексов создают образ коллективного «Разума» – невероятной мощи силы мысли Мирового языка. Особая роль у *оттенка мозга Чеум, «подымающего чашу к неведомому будущему»* [16. С. 54]. Самовитые слова, быстро и энергично произносимые, сливаются в гуле в один долгий звук *оом* – «...факт осознанного или бессознательного воздействия магической древнеиндийской формулы *ом [аум]*» [17. С. 127].

Концепт «Ускорение» предполагает присутствие коллективного субъекта действия, важны массовость и слаженность. В Плоскости X Зангези собирает войнство нового человечества. В новообразованиях от глагола мочь и слов *богатырь, кудесник, помощник* и др. – *могатырь, могогур, могота, можар, можары, могесник, мощник* – заявлена утопическая идея самостоятельного обустройства людьми Рая, выражена безусловная вера в могущество человека и его равенство богам: свобода от старых богов или их замена (!) новым всемогущим Человеком. Р. Грюбель пишет: «...против свирепствования зла в политической повседневности утверждается **утопически-космическое небо** как эстетически упорядоченное помещение нового Возвышенного» [8. С. 296]. Звучит мотив пути человечества, счастливой судьбы в будущем, в отличие от его настоящего – пути земного:

Я могогур и благовест Эм!

Можар! Можаров!

К Эм, этой северной звезде человечества, этому стожару всех стогов веры, – наши пути [16. С. 58].

«Новый человек» Хлебникова, обладающий космическим сознанием, объединяет мировые религии и становится не только сверхчеловеком, но и

сверхбогом (*стожар всех стогов веры*). А. Россомахин уточняет символическое содержание слова *стожар*: «Стожар – это: а) шест, который втыкают в землю в центре стога, чтобы он не наклонился; б) народное название Полярной звезды» [17. С. 128].

Образ времени как корабля человечества заявлен в развёрнутой метафоре:

К ней плывёт струг столетий.

К ней плывёт бус человечества,

гордо надув паруса государств.

Так мы пришли из владений ума в замок «Могу» [16. С. 58].

Русское парусно-гребное судно струг, с которым часто ассоциируется освоение Сибири Ермаком, символизирует плавное течение времени. В замок Будущего отправится человечество, *«гордо надув паруса государств»*, поэтому государство не отменяется пока, но оно не цель, а средство «прорыва»: оно поможет человечеству попасть в замок «Могу» (ср. хрустальные дворцы / замки утопий, символизирующие мощь человеческого разума и прогресс, вселяют надежду на то, что каждый сам может построить счастье (согласуется с идеей северной страны Шамбалы у буддистов).

В форманте мог-утопист Хлебников закрепляет главную ценность социальных утопий – осознание собственных возможностей человека, его технологические достижения в стремлении достичь могущества, равного Богу. Теперь, накопив технический и технологический опыт, получив от Зангези знания по управлению временем, человечество может совершить прорыв во временной континуум и, объединившись со всеми потомками и предшественниками, обрести своеобразное бессмертие. В финале Плоскости X звучит ответ-клятва множества: *«ТЫСЯЧА ГОЛОСОВ: ...Мы можем!!!»* [16. С. 58].

Образ хора (многоголосья человечества и природы, всеобщего земного соборования, объединения единомышленников, МЫ), как и неологизмы Хлебникова на основе глагола *мочь*, является одновременно проекцией идей революционной России начала XX в. *Мочь* стало знаком эпохи для Хлебникова и его современников. Показательны, например, переклички Плоскости X «Зангези» со стихотворением С. Городецкого из цикла «Хаос» (1906) в понимании мировой задачи Человека: *Космос скованный низложим, – / Мы ведь можем, можем, можем!* [44]. Эта же идея покорения (колонизации) космоса лежала в основе произведений А. Богданова-Малиновского, она же составила сюжетную основу романа-антиутопии Е. Замятина «Мы», интертекстуальность которого обусловлена культурными кодами УТС.

Плоскости XI–XVII коммуникативно-открыты: это диалоги о смысле истории, в которых автор исследует «военный синдром». В Плоскости XIV Зангези-Мессия исповедуется на горе, подобно Иисусу Христу, произнесшему Нагорную проповедь о создании на земле Царства Божия. Зангези одинок, как и Иисус: *«А я, божествоварь, одинок. В ТОЛПЕ»*.

*Вперёд, шары земные!
Так я, великий, заклинаю множественным числом,
Умножать земного шара: ковыляй толпами земель,
Земля, кружись комариным роем. Я один, скрестив руки,
Гробизны певцом.
Я небыть.
Я такович [16. С. 64].*

В новейшем комментарии к сверхповести находим: «*Такович* – ср. сербохорв. вопросительное местоимение *когович* – к какому роду, клану относится собеседник» [17. С. 129].

Современник Первой мировой войны, Хлебников в своей временной утопии не идеализировал человечество: «*Выше муравейника людей, свайная постройка битвы загроздила небо столбами и плахами...*» [16. С. 61]. Настоящее время порождает хроническое неблагополучное, потому отвергается.

В Плоскости XIII в речи Зангези течет на первый взгляд неоформленный поток неологизмов:

*Летуры летят в собеса!
Летавль могучей виданой <...>
Крылом белоснежные махари,
Полёта усталого знахари,
Сияны веянами дахари [16. С. 63].*

Воображаемый полет Зангези дан в образе *летавля*, совершающего перемещение по небесам – *могучей виданой* (ср. санскрит *видана* – восприятие). Зангези поведал о полёте в *голубой тихославль* – силой могучего восприятия и воображения. Комментаторы данной части текста ссылаются на В. Даля, объясняя слово *дахарь* старой русской поговоркой: «*Будешь дахарь, будешь и взяхарь*» [17. С. 129]. Создателю Мирового языка нужен материал всех без исключения пластов общенационального языка, поэтому в плоскостях XIII, XVI–XVII поэт включает «профанный “язык улицы”, или “бытовой” язык <...> один из многих языковых пластов, осмыслявшихся Хлебниковым и воплощённых в сверхповести» [17. С. 131].

Путешествие Зангези во времени от Древней Руси к современной поэту России XX в. изображено в Плоскости XVIII, где разворачивается метафора *Мельника времен*, соединяющего и перемалывающего Прошлое, Настоящее и Будущее:

*Мельник времён
Из костей Куликова
Плотину построил, холм черепов.
<...> Волны народов одна за другой
Катились на запад: через дважды в одиннадцатой три
Выросла в шлеме сугробов Москва,
Сказала Востоку: «Ни шагу» [16. С. 77].*

Время историческое в сверхповести определяет концепция «Москва – сердце Империи».

Москва-часовой здесь воин Времени, действующий по его точным правилам – $3^{11}x2$: *три* – это элементы полного времени, а *дважды в одиннадцатой (степени)* – это алгебраический символ множественности, приближающейся к бесконечности.

Хлебников-утопист переделывает миры – реальный и ментальный, создает мир без «точной хронологии», но по законам времени: Доски судьбы до сих пор были сложены неверно, часовой механизм стал ошибаться, поэтому потребовалось перепрограммировать / перезагрузить Время человечества. Программа управления временем (укрощения стихии) представлена в монологе Зангези в Плоскости XIX:

*Хороший плотник часов,
Я разобрал часы человечества,
Стрелку верно поставил,
Лист чисел приделал,
Вновь перечёл все времена,
<...> К руке ремешком прикрепил
Часы человечества...
Гордый, еду, починкой мозгов [16. С. 82].*

Часы человечества – на руке Мессии. Починив Время, Плотник починил Разум (*гордый починкой мозгов*). Свод знаний человечества подготовлен поэтом, то есть опредмечен и олицетворён им:

*Идут как прежде
Глыбы ума, понятий кладу [16. С. 82].*

Образу Мессии противостоит образ-символ тирана – «*Кто сетку из чисел / Набросил на мир*» [16. С. 82], как силки на зверя (ср. *ловец человеков*).

Зангези – плоть от плоти человек (*Я ведь такой же простой и земной!* [16. С. 86]), но от имени человечества он готов командовать Вселенной:

*Я, человечество, м н е научу
Ближние солнца
Честь отдавать [16. С. 86].*

В Плоскости XIX дана планетарная картина: курганы *из пыли человечества (пыль рода людей)*, курганы *из тысячных толп, сугробы народов* собраны для перемещения через столетия – *в другие миры* [16. С. 87]. В образах заключена идея общего дела в космизме. Б. Гройс замечает: «Целью человеческой деятельности объявляется тотальная организация всей космической жизни» [30. С. 18]. К воину-пророку призывают великие столицы царств прошлого, чтобы он объединил всю мощь *диких звуков (диких копей)* [16. С. 87]. Задача – сохранить историческую память, а время и есть оружие воина (*Я воин, время – винтарь*).

Образ звуковой лавины, бега человечества, всех его поколений показан в Вечности. Важны сила и мощь звука: *Боги великие звука способны волновать пластину земли, наводить рябь, мерную зыбь на глади столетий.* Образ всадника («дикие всадников звука») не случаен и в начале, и в финале эпизода:

Мы, дикие звуки,

Мы, дикие кони.

Приручите нас <...>

Лавой беги, человечество, звуков табун оседлав.

Конницу звука взнуздай! [16. С. 87].

В финале звуковая лавина сменяется русской метелью, бураном: *«Свищем и дышим. / Сугробы народов метём» [16. С. 87].*

Неожиданно восторженно-счастливая Плоскость XIX сменяется скептически-мрачной Плоскостью XX. В предпоследней Плоскости XX Мессия удаляется. По замыслу автора Зангези должен победить смерть. Для воплощения этой идеи вводятся фольклорные персонажи – Смех (мужской персонаж), Горе (женский персонаж) и Старик (Судьба). Горе – возлюбленная Смеха, его спутница, неразлучная с мировой печалью. Смех и Горе идут вместе, соперничая друг с другом, *«как две ошибки» [16. С. 89].* Скорее всего, образ Горя навеян Хлебникову образом Барышни Смерти из драмы «Ошибка Смерти (Тринадцатый гость)» (1915) [45]. Эта часть текста оказывается вне событийного плана сверхповести, вне истории: время здесь не течёт, оно пребывает в образе Старика (*Хранитель точности – Веду торговые счета [16. С. 93]*), который даёт в том числе и право на гроб: *Я роздал людям пай на гроб, / их увенчал венками зависти [16. С. 93].* И снова Смерть объявляется главным препятствием на пути к счастью, главным, непреодолимым пока предметом зависти живущих в Настоящем.

Поединок Смеха с Горем описан в духе балагана [16. С. 94–95]. При кажущейся оторванности этой плоскости от предыдущих мы всё же наблюдаем связи: в тексте звучит заклинание: *Час и череп, чёт и нечет!* [16. С. 94–95]. Здесь *чёт и нечет* эквивалент «двоек» и «троек», которые составляют у Хлебникова математическую формулу управления временем, смены Досок Судьбы. Исследуя концепцию смерти у Хлебникова, Д. Пашкин пишет: «Хлебников проводит грандиозный эксперимент, провоцируя так сказать “сверхполилог” в ничем не ограниченных координатах Времени, Вселенной и самого Человека» [12].

Финал Плоскости XXI шокирует: мнимо покончивший с собой или воскресший, Зангези входит в кафе «Весёлое место»: – *Зангези жив / Это была неумная шутка. Продолжение следует» [16. С. 96].* Предположим, Зангези победил смерть, смог «переместиться», «ускориться», управляя Временем и судьбой, что вполне соответствует замыслу Хлебникова. В новейшем комментарии к Плоскости XXI читаем, что неожиданное возрождение Зангези, а также обещание «продолжения» отсутствуют в рукописи, «это добавление было внесено, вероятно, на этапе корректуры» [13. С. 135].

Меняя плоскости слова, Зангензи меняет и временные планы; он открывает новые грани Мирового языка; разноплановость слов-знаков создаёт широчайший гипертекст, который выступает как тексто- и идееобразующий фактор не только в завершающей сверхповести, но и в масштабе всего творчества Хлебникова, придавая целостность и связность его творениям, а самой сверхповести «Зангези» – статус итоговой большой поэтической формы.

Выводы

1. Концепт «Время» – главный концепт-инструмент в концептосфере утопического типа сознания В. Хлебникова, поскольку, в его понимании, только решение проблемы времени способно решить проблему всеобщего и абсолютного счастья. Все иные традиционные концепты утопий (Пространство (Локус), Государство, Благо, Труд, Жизнь, Смерть, Власть, Равенство и др.) оказываются вторичными и наполняются содержанием в зависимости от решения вопроса времени.

2. Концепт «Время» не затрагивает статуса концептов «Счастье», «Мессия», «Избранность» и «Всеобщность», содержание которых всегда меняется в УТС в зависимости от того, какие концепты-инструменты выбираются утопистом. Конституирующие функции этих концептов для УТС сохраняются.

3. Хлебников использует традиционную для УТС первой трети XX в. идею управления, но не людьми, а временем. Управляющий – это Мессия. Он не только тот, кто руководит временем, но и тот, кто открыл этот всемирный закон и несёт знание о нём людям, для чего создаёт Мировой язык и пишет на нём Книгу знания о времени.

4. Концепт «Ускорение», который самостоятельно заявил о себе в УТС в начале XX в., с нашей точки зрения, стал толчком к переосмыслению Хлебниковым концептосферы УТС и концепта «Время». «Ускорение», будучи концептом-инструментом достижения счастливого Будущего, беспощаден к Прошлому и Настоящему. Хлебникова не устраивает возникшая «дискриминация прошлых поколений в пользу будущих», потому что ускорение сворачивает (как второстепенное) Настоящее ради Будущего и не приближает Счастье для живущего поколения. Зависть предшествующих поколений в отношении будущих остаётся, как и неизбежность смерти и травма скоротечности жизни. Именно эту несправедливость устраняет идея времени В. Хлебникова – счастье сразу для всех поколений ныне живущих, ушедших и будущих. Ускорение нужно для освоения знаний о Законе Времени для перехода, но не только в Будущее, но во все времена сразу, для объединения всех поколений – «сверстанного человечества», существующего во временном континууме.

5. Сверхповесть «Зангези» – это поэма о Мессии, однако концепт «Мессианство» неотделим от концепта «Избранность (Избранный народ)». В «Зангези» таким народом назначен народ России, перед которым стоит задача – быть вечным воином-защитником мира, первым воспринявшим новое знание о Времени.

6. Для ускорения перехода во временной континуум человечеству нужно учиться читать на Мировом языке. Это особый код, понятный Природе, Вселенной, который хранится «запечатанным» в нашем языке, и наша задача – научиться его расшифровывать, читать мир как текст. В. Хлебников-мессия открыл этот язык для избранных и посвящённых, тайнопись времён прочитана. «Самовитое» слово поэта учит переходить в разные «плоскости» мысли и времени, читать предсказания на «досках судьбы». Заумь становится новым кодом и ключом к пониманию «посланий» предшествующих поколений, она призвана подготовить сознание людей для чтения «теней» событий мировой истории. Именно заумь включает мысль в широчайший гипертекст.

7. Временной континуум Хлебникова – это пространство свободы, спасения от тысячелетнего страха смерти. Это то пространство, где достижимо абсолютное счастье для всего человечества, потому что только полное время объединяет и уравнивает в праве на счастье все поколения людей одновременно, в нём происходит вселенское, вневременное объединение человечества («сверстанное человечество»). Смерть не отрицается, но она не пугает человека, так как является всего лишь необходимой «паузой» жизни перед перерождением в новом статусе.

8. Отмеченная «монтажность» сверхповести «Зангези» и трактата «Доски Судьбы» оказывается идейно обусловленной чертой содержания и формы, жанрового своеобразия итоговых произведений В. Хлебникова, которая объединила эти произведения с другими его творениями, завершив единую книгу-послание миру, современникам и потомкам.

9. Новаторство В. Хлебникова синкретично: оно затрагивает все пласты и уровни художественного восприятия мира в его познании. Кроме того, новаторство утопической модели Хлебникова затронуло статичную концептосферу утопического типа сознания, что происходит в утопической литературе достаточно редко.

Список источников

1. *Якобсон Р.* Из мелких вещей Велимира Хлебникова: «Ветер-пение...» // Работы по поэтике. М. : Прогресс, 1987. С. 250–253.
2. *Альфонсов В.Н.* Чтобы слово смело пошло за живописью: (В. Хлебников и живопись) // Литература и живопись. Л., 1982. С. 205–226.
3. *Хлебников В.* Творения: сб. / сост., подгот. текста и коммент. В.П. Григорьева, А.Е. Парниса ; общ. ред. и вступ. ст. М.Я. Полякова. М. : Сов. писатель, 1986. 734 с.
4. *Дуганов Р.* Поэт, история, природа: К 100-летию со дня рождения В. Хлебникова // Вопросы литературы. 1985. № 10. С. 130–162.
5. *Ковтун Е.Ф.* Русская футуристическая книга. М. : РИП-Холдинг, 2014. 230 с.
6. *Марков В.* О Хлебникове (попытка апологии и сопротивления) // О свободе в поэзии: Статьи. Эссе. Разное. СПб., 1994. 366 с.
7. *Баран Х.* О Хлебникове. Контексты, источники, мифы. М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2002. 416 с.
8. *Грюбель Р.* «Зангези» Хлебникова как контрфактура литургического синтеза искусств // Сверхповесть «Зангези» Велимира Хлебникова: Новая текстология. Коммен-

тарий. Рецепция. Документы. Исследования. Иллюстрации / сост. и науч. ред. А.А. Россомахин. М. 2021. С. 286–297.

9. Крусанов А.М. Русский авангард: исторический обзор : в 3 т. Т. 2, кн. 2: Футуристическая революция 1917–1921. М. : Новое литературное обозрение, 2003. 608 с.

10. Кукуй И. Сверхповесть В. Хлебникова «Зангези» как гибридный текст // Гибридные формы в славянских культурах : сб. ст. / отв. ред. Н.В. Злыднева. М., 2014. С. 222–231.

11. Лоцилов И. XX плоскость сверхповести Велимира Хлебникова «Зангези» («Горе и смех») и её «развитие» у поэтов ОБЭРИУ 1927–1929 // Modernités russes. Année 2009. № 8. Р. 407–435. URL: https://www.persee.fr/doc/modru_0292-0328_2009_num_8_1_1480 (дата обращения: 20.07.2022).

12. Пашкин Д.А. Феномен смерти в текстах Велимира Хлебникова: некоторые аспекты проблемы : дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2001. 248 с. // Электронная библиотека диссертаций DissertCat [сайт]. URL: <https://www.dissertcat.com/content/fenomen-smerti-v-tekstakh-velimira-khlebnikova-nekotorye-aspekty-problemy> (дата обращения: 20.07.2022).

13. Россомахин А. «Зангези» 1922 / 2020 // Сверхповесть «Зангези» Велимира Хлебникова: Новая текстология. Комментарий. Рецепция. Документы. Исследования. Иллюстрации / сост. и науч. ред. А.А. Россомахин. М., 2021. С. 9–11.

14. Андреева С.Л., Бедрикова М.Л. Концепты «Мессианство» и «Избранность» в романе-фантазмагории В. Аксёнова «Вольтерьянцы и вольтерьянки»: историко-культурный контекст // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 66. С. 193–224.

15. Соливетти К. Сверхповесть «Зангези» как гипертекст // Сверхповесть «Зангези» Велимира Хлебникова: Новая текстология. Комментарий. Рецепция. Документы. Исследования. Иллюстрации / сост. и науч. ред. А.А. Россомахин. М., 2021. С. 298–307.

16. Хлебников В. Зангези: Сверхповесть. М. : Бослен, 2020. 272 с.

17. Сверхповесть «Зангези» Велимира Хлебникова: Новая текстология. Комментарий. Рецепция. Документы. Исследования. Иллюстрации / сост. и науч. ред. А.А. Россомахин. М. : Бослен, 2021. 416 с.

18. Вроон Р. Генезис замысла сверхповести «Зангези»: (К вопросу об эволюции лирического «я» у Хлебникова) // Сверхповесть «Зангези» Велимира Хлебникова: Новая текстология. Комментарий. Рецепция. Документы. Исследования. Иллюстрации / сост. и науч. ред. А.А. Россомахин. М., 2021. С. 268–285.

19. Рудакова С.В., Регеци И. К вопросу изучения феномена счастья // Libri Magistri. 2020. № 3 (13). С. 49–75.

20. Флоренский П.А. Иконостас / вступ. ст. игумен Андроник (Трубачев) и др.; подгот. текста и коммент. А.Г. Дунаева. М. : Искусство, 1995. 254 с.

21. Платон. Тимей // Собрание сочинений : в 4 т. Т. 3 / под ред. А.Ф. Loseva, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи ; вступ. ст. и примеч. А.Ф. Loseva. М., 1990. С. 421–500.

22. Аристотель. Категории // Сочинения : в 4 т. Т. 2 / вступ. ст. и примеч. З.Н. Микеладзе. М., 1978. С. 51–90.

23. Аристотель. Физика // Аристотель. Сочинения : в 4 т. Т. 3 / вступ. ст. и примеч. И.Д. Рожанского. М., 1981. С. 59–262.

24. Гайденок П.П. Время и вечность: парадоксы континуума // Вопросы философии. 2000. № 6. С. 110–136.

25. Вернадский В.И. Пространство и время в живой и неживой природе // В.И. Вернадский // Философские мысли натуралиста. М., 1988. 520 с.

26. Казарян В.П. Понятие времени в системе научного знания. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980. 176 с.

27. Хокинг С., Пенроуз Р. «Природа пространства и времени» / [пер. с англ. А. Беркова, В. Лебедева]. СПб. : Амфора. ТИД Амфора, 2009. 171 с.

28. Арутюнова Н.Д. Время: модели и метафоры // Логический анализ языка: Язык и время / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко. М., 1997. С. 51–61.
29. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. 2-е изд., испр. и доп. М. : Академический проект, 2001. 900 с.
30. Гройс Б. Русский космизм: антология. М. : Ад Маргинем Пресс, 2015. 336 с.
31. Мильдон В.И. История и утопия как типы сознания // Вопросы философии. 2006. № 1. С. 15–24.
32. Хлебников В. Утёс из будущего // Хлебников В. Творения : сб. / сост., подгот. текста и коммент. В.П. Григорьева, А.Е. Парниса ; общ. ред. и вступ. ст. М.Я. Полякова. М. : Сов. писатель, 1986. С. 566. URL: <https://rvb.ru/20vek/khlebnikov/tekst/04prose/246.htm> (дата обращения: 20.07.2022).
33. Хлебников В. Труба марсиан // Электронная библиотека «Собрание классики Lib.ru [сайт]. URL: http://az.lib.ru/h/hlebnikow_w/text_0040.shtml (дата обращения: 20.07.2022).
34. Хлебников В. Мысли и заметки (из тетрадей и записных книжек разных лет) // Собр. соч. : в 6 т., 2 кн. Т. 6, кн. 2. М., 2006. С. 73–104.
35. Хлебников В. Наша основа // Собр. соч. : в 6 т. Т. 6, кн. 1. М., 2005 // Библиотека русской и советской классики. URL: <https://ruslit.raumlibrary.net/book/hlebnikov-ss06-061/hlebnikov-ss06-061.html#s002040> (дата обращения: 12.02.2021).
36. Хлебников В. Доски Судьбы // Собр. соч. : в 6 т., 2 кн. Т. 6, кн. 2. М. : ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, 2006. С. 9–70. URL: http://biblio.imli.ru/images/abook/russliteratura/khlebnikov_velimir_sobranie_sochineniy_v_shesti_tomakh_tom_6_2_2006.pdf (дата обращения: 20.07.2022).
37. Андреева С.Л. Использование математических терминов в тексте романа Е. Замятина «Мы» // Современные проблемы науки и образования : материалы XLV внутри-вуз. науч. конф. МаГУ. Магнитогорск, 2007. С. 127.
38. Хлебников В. Скуфья Скифа // Собр. соч. : в 6 т. Т. 5. М., 2004 // Библиотека русской и советской классики. URL: <https://ruslit.raumlibrary.net/book/hlebnikov-ss06-05/hlebnikov-ss06-05.html#s003024> (дата обращения: 12.02.2021).
39. Хлебников В. Видите, персы, вот я иду... // Собр. соч. : в 6 т. Т. 2. М., 2001 // Библиотека русской и советской классики. URL: <https://ruslit.raumlibrary.net/book/hlebnikov-ss06-02/hlebnikov-ss06-02.html#s002086> (дата обращения: 20.03.2021).
40. Хлебников В. Здесь я бродил очарованный // В. Хлебников: Собр. соч. : в 6 т. Т. 2. М. : ИМЛИ РАН, 2001 // Библиотека русской и советской классики. URL: <https://ruslit.raumlibrary.net/book/hlebnikov-ss06-02/hlebnikov-ss06-02.html#s002286> (дата обращения: 20.03.2021).
41. Джонс М., Флакман Л. Физика «невероятного» времени. М. : АСТ, 2014. 314 с.
42. Бабков В.В. Контексты Досок Судьбы // Велимир Хлѣбников. Доски Судьбы. Реконструкция текста, составление, комментариев, очерк. М.. 2000. С. 151–186. URL: https://www.ka2.ru/nauka/babkov_boards_2.html (дата обращения: 20.01.2022).
43. Хлебников В. Вздом вселенной // Собр. соч. : в 6 т. Т. 4. М., 2003 // Библиотека русской и советской классики. URL: <https://ruslit.raumlibrary.net/book/hlebnikov-ss06-04/hlebnikov-ss06-04.html#s002007> (дата обращения: 20.01.2022).
44. Городецкий С. Стихотворения и поэмы. Л. : Сов. писатель, 1974. 638 с.

References

1. Jakobson, R. (1987) Iz melkikh veshchey Velimira Khlebnikova: “Veter-penie...” [From the small works of Velimir Khlebnikov: “Wind-singing...”]. In: Jakobson, R. *Raboty po poetike* [Works on Poetics]. Moscow: Progress. pp. 250–253.
2. Al’fonsov, V.N. (1982) Chtoby slovo smelo poshlo za zhivopis’yu (V. Khlebnikov i zhivopis’) [So that the word boldly follows painting (V. Khlebnikov and painting)]. In:

Iyezuitov, A.N. (ed.) *Literatura i zhivopis'* [Literature and Painting]. Leningrad: Nauka. pp. 205–226.

3. Khlebnikov, V. (1986) *Tvoreniya: sbornik* [Creations: Collection]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.

4. Duganov, R. (1985) Poet, istoriya, priroda. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya V. Khlebnikova [Poet, History, Nature. To the 100th anniversary of the birth of V. Khlebnikov]. *Voprosy literatury*. 10. pp. 130–162.

5. Kovtun, E.F. (2014) *Russkaya futuristicheskaya kniga* [Russian Futuristic Book]. Moscow: RIP-Kholding.

6. Markov, V. (1994) O Khlebnikove (popytka apologii i soprotivleniya) [About Khlebnikov (an attempt of apology and resistance)]. In: Markov, V. *O svobode v poezii: Stat'i. Esse. Raznoe* [About Freedom in Poetry: Articles. Essay. Miscellanea]. Saint Petersburg: Izd-vo Chernyshova.

7. Baran, H. (2002) *O Khlebnikove. Konteksty, istochniki, mify* [About Khlebnikov. Contexts, sources, myths]. Moscow: Russian State University for the Humanities.

8. Grübel, R.G. (2021) “Zangezi” Khlebnikova kak kontrfaktura liturgicheskogo sinteza iskusstv [Zangezi by Khlebnikov as a counterfactual of the liturgical synthesis of the arts]. In: Rossomakhin, A.A. (ed.) *Sverkhpovest' “Zangezi” Velimira Khlebnikova: Novaya tekstologiya. Kommentariy. Retseptsiya. Dokumenty. Issledovaniya. Illyustratsii* [Sverkhpovest Zangezi by Velimir Khlebnikov: New textology. A comment. Reception. Documentation. Research. Illustrations]. Moscow: Boslen. pp. 286–297.

9. Krusanov, A.M. (2003) *Russkiy avangard: istoricheskiy obzor* [Russian Avant-Garde: A historical review]. Vol. 2. Book 2. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

10. Kukuy, I. (2014) Sverkhpovest' V. Khlebnikova “Zangezi” kak gibridnyy tekst [Khlebnikov's sverkhpovest Zangezi as a hybrid text]. In: Zlydneva, N.V. (ed.) *Gibridnye formy v slavyanskikh kul'turakh* [Hybrid Forms in Slavic Cultures]. Moscow: Institute of Slavic Studies RAS. pp. 222–231.

11. Loshchilov, I. (2009) XX ploskost' sverkhpovesti Velimira Khlebnikova “Zangezi” (“Gore i smekh”) i ee “razvitiye” u poetov OBERIU 1927–1929 [20th plane of Velimir Khlebnikov's sverkhpovest “Zangezi” (“Woe and Laughter”) and its “development” among the poets of OBERIU, 1927–1929]. *Modernités russes*. 8. pp. 407–435. [Online] Available from: https://www.persee.fr/doc/modru_0292-0328_2009_num_8_1_1480. (Accessed: 20.07.2022).

12. Pashkin, D.A. (2001) *Fenomen smerti v tekstakh Velimira Khlebnikova: nekotorye aspekty problemy* [The phenomenon of death in the texts of Velimir Khlebnikov: some aspects of the problem]. Philology Cand. Diss. Tyumen. [Online] Available from: <https://www.dissercat.com/content/fenomen-smerti-v-tekstakh-velimira-khlebnikova-nekotorye-aspekty-problemy>. (Accessed: 20.07.2022).

13. Rossomakhin, A. (2021) “Zangezi” 1922/2020 [Zangezi, 1922/2020]. In: Rossomakhin, A.A. (ed.) *Sverkhpovest' “Zangezi” Velimira Khlebnikova: Novaya tekstologiya. Kommentariy. Retseptsiya. Dokumenty. Issledovaniya. Illyustratsii* [Sverkhpovest Zangezi by Velimir Khlebnikov: New textology. A comment. Reception. Documentation. Research. Illustrations]. Moscow: Boslen. pp. 9–11.

14. Andreeva, S.L. & Bedrikova, M.L. (2020) Concepts “messianism” and “chosenness” in Vasily Aksyonov's phantasmagoria novel Voltairian Men and Women: a historical and cultural context. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 66. pp. 193–224. (In Russian).

15. Solivetti, K. (2021) Sverkhpovest' “Zangezi” kak gipertekst [Sverkhpovest Zangezi as a hypertext]. In: Rossomakhin, A.A. (ed.) *Sverkhpovest' “Zangezi” Velimira Khlebnikova: Novaya tekstologiya. Kommentariy. Retseptsiya. Dokumenty. Issledovaniya. Illyustratsii* [Sverkhpovest Zangezi by Velimir Khlebnikov: New textology. A comment. Reception. Documentation. Research. Illustrations]. Moscow: Boslen. pp. 298–307.

16. Khlebnikov, V. (2020) *Zangezi: Sverkhpovest'* [Zangezi: Super story]. Moscow: Boslen.
17. Rossomakhin, A.A. (ed.) (2021) *Sverkhpovest' "Zangezi" Velimira Khlebnikova: Novaya tekstologiya. Kommentariy. Retseptsiya. Dokumenty. Issledovaniya. Illyustratsii* [Sverkhpovest Zangezi by Velimir Khlebnikov: New textology. A comment. Reception. Documentation. Research. Illustrations]. Moscow: Boslen.
18. Vroon, R. (2021) Genezis zamysla sverkhpovesti "Zangezi" (K voprosu ob evolyutsii liricheskogo "ya" u Khlebnikova) [Genesis of the idea of the sverkhpovest Zangezi (On the question of the evolution of the lyrical "I" in Khlebnikov)]. In: Rossomakhin, A.A. (ed.) *Sverkhpovest' "Zangezi" Velimira Khlebnikova: Novaya tekstologiya. Kommentariy. Retseptsiya. Dokumenty. Issledovaniya. Illyustratsii* [Sverkhpovest Zangezi by Velimir Khlebnikov: New textology. A comment. Reception. Documentation. Research. Illustrations]. Moscow: Boslen. pp. 268–285.
19. Rudakova, S.V. & Regets, I. (2020) K voprosu izucheniya fenomena schast'ya [On the issue of studying the phenomenon of happiness]. *Libri Magistri*. 3 (13). pp. 49–75.
20. Florenskiy, P.A. (1995) *Ikonoostas* [Iconostasis]. Moscow: Iskustvo.
21. Plato. (1990) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 3. Moscow: Mysl'. pp. 421–500.
22. Aristotle. (1978) *Sochineniya* [Works]. Vol. 2. Moscow: Mysl'. pp. 51–90.
23. Aristotle. (1981) *Sochineniya* [Works]. Vol. 3. Moscow: Mysl'. pp. 59–262.
24. Gaydenko, P.P. (2000) Vremya i vechnost': paradoksy kontinuum [Time and Eternity: Paradoxes of the Continuum]. *Voprosy filosofii*. 6. pp. 110–136.
25. Vernadskiy, V.I. (1988) *Filosofskie mysli naturalista* [Philosophical Thoughts of a Naturalist]. Moscow: Nauka.
26. Kazaryan, V.P. (1980) *Ponyatie vremeni v sisteme nauchnogo znaniya* [The Concept of Time in the System of Scientific Knowledge]. Moscow: Moscow State University.
27. Hawking, S. & Penrose, R. (2009) *"Priroda prostranstva i vremeni"* [The Nature of Space and Time]. Translated from English by A. Berkov & V. Lebedev. Saint Petersburg: Amfora.
28. Arutyunova, N.D. (1997) Vremya: modeli i metafory [Time: models and metaphors]. In: Arutyunova, N.D. & Yanko, T.E. (eds) *Logicheskiy analiz yazyka. Yazyk i vremya* [Logical Analysis of Language. Language and time]. Moscow: Indrik. pp. 51–61.
29. Stepanov, Yu.S. (2001) *Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. 2nd ed. Moscow: Akademicheskii proekt.
30. Groys, B. (2015) *Russkiy kosmizm. Antologiya* [Russian Cosmism. Anthology]. Moscow: Ad Marginem Press.
31. Mil'don, V.I. (2006) Istoriya i utopiya kak tipy soznaniya [History and utopia as types of consciousness]. *Voprosy filosofii*. 1. pp. 15–24.
32. Khlebnikov, V. (1986) *Tvoreniya: sbornik* [Creations: Collection]. Moscow: Sovetskiy pisatel'. P. 566. [Online] Available from: <https://rvb.ru/20vek/khlebnikov/tekst/04prose/246.htm>. (Accessed: 20.07.2022).
33. Khlebnikov, V. (1999) Truba marsian [Trumpet of the Martians]. *Lib.ru*. [Online] Available from: http://az.lib.ru/h/hlebnikov_w/text_0040.shtml. (Accessed: 20.07.2022).
34. Khlebnikov, V. (2006) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 6. Book 2. Moscow: IWL RAS. pp. 73–104.
35. Khlebnikov, V. (2005) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 6. Book 1. Moscow: IWL RAS. [Online] Available from: <https://ruslit.rau.ru/book/hlebnikov-ss06-061/hlebnikov-ss06-061.html#s002040>. (Accessed: 12.02.2021).
36. Khlebnikov, V. (2006) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 6. Book 2. Moscow: IWL RAS. pp. 9–70. [Online] Available from: http://biblio.imli.ru/images/abook/russliteratura/khlebnikov_velimir_sobranie_sochineniy_v_shesti_tomakh_tom_6_2_2006.pdf. (Accessed: 20.07.2022).

37. Andreeva, S.L. (2007) Ispol'zovanie matematicheskikh terminov v tekste romana E. Zamyatina "My" [The use of mathematical terms in the text of the novel "We" by E. Zamyatin]. In: *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern Problems of Science and Education]. Magnitogorsk: Magnitogorsk State University. P. 127. (In Russian).

38. Khlebnikov, V. (2001) *Sobranie sochineniy* [Collective Works]. Vol. 5. Moscow: IWL RAS. [Online] Available from: <https://ruslit.raumlibrary.net/book/hlebnikov-ss06-05/hlebnikov-ss06-05.html#s003024>. (Accessed: 12.02.2021).

39. Khlebnikov, V. (2001) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 2. Moscow: IWL RAS; Nasledie. [Online] Available from: <https://ruslit.raumlibrary.net/book/hlebnikov-ss06-02/hlebnikov-ss06-02.html#s002086>. (Accessed: 20.03.2021).

40. Khlebnikov, V. (2001) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 2. Moscow: IWL RAS. [Online] Available from: <https://ruslit.raumlibrary.net/book/hlebnikov-ss06-02/hlebnikov-ss06-02.html#s002286>. (Accessed: 20.03.2021).

41. Jones, M.D. & Flaxman, L. (2014) *Fizika "neveroyatnogo" vremeni* [This Book is from the Future: A journey through portals, relativity, worm holes, and other adventures in time travel]. Translated from English. Moscow: AST.

42. Babkov, V.V. (2000) Konteksty Dosok Sud'by [Contexts of the Boards of Destiny]. In: Khlebnikov, V. *Doski Sud'by. Rekonstruktsiya teksta, sostavlenie, kommentariy, ocherk* [Boards of Destiny. Reconstruction of the text, compilation, commentary, essay]. Moscow: Rubezh stoletiy. pp. 151–186. [Online] Available from: https://www.ka2.ru/nauka/babkov_boards_2.html. (Accessed: 20.01.2022).

43. Khlebnikov, V. (2003) *Sobranie sochineniy* [Collective Works]. Vol. 4. Moscow: IWL RAS. [Online] Available from: <https://ruslit.raumlibrary.net/book/hlebnikov-ss06-04/hlebnikov-ss06-04.html#s002007>. (Accessed: 20.01.2022).

44. Gorodetskiy, S. (1974) *Stikhotvoreniya i poemy* [Poems and Poems]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.

Информация об авторах:

Андреева С.Л. – канд. филол. наук, доцент кафедры педагогического образования и документоведения Института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова (Магнитогорск, Россия). E-mail: 216zamsv@mail.ru

Бедрикова М.Л. – канд. филол. наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения Института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова (Магнитогорск, Россия). E-mail: mlbedrikova@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

S.L. Andreeva, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russian Federation). E-mail: 216zamsv@mail.ru

M.L. Bedrikova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russian Federation). E-mail: mlbedrikova@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.08.2022;
одобрена после рецензирования 11.08.2022; принята к публикации 05.03.2023.

The article was submitted 01.08.2022;
approved after reviewing 11.08.2022; accepted for publication 05.03.2023.

Научная статья
УДК 82.3; 82.4
doi: 10.17223/19986645/82/10

Книга очерков И.А. Бунина «Храм Солнца»: История текста

Кирилл Владиславович Анисимов¹,
Евгений Рудольфович Пономарев²

¹ Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия, kianisimov2009@yandex.ru

² Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия, eponomarev@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты текстологического исследования бунинского травелога «Храм Солнца», известного по советским изданиям как «Тень Птицы». Масштабное изучение истории текста «путевых поэм» проведено в науке впервые. В ходе анализа проявилось концептуальное движение замысла в общем контексте формирования новой поэтики автора, почти 30 лет работавшего над записками своего ближневосточного путешествия.

Ключевые слова: И.А. Бунин, травелог «Храм Солнца» («Тень Птицы»), эволюция замысла, текстология, мифопоэтика

Благодарности: Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-41004 «И.А. Бунин и Палестина».

Для цитирования: Анисимов К.В., Пономарев Е.Р. Книга очерков И.А. Бунина «Храм Солнца»: История текста // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 82. С. 218–253. doi: 10.17223/19986645/82/10

Original article
doi: 10.17223/19986645/82/10

Ivan Bunin's book of travel sketches *The Temple of the Sun*: A history of the text

Kirill V. Anisimov¹, Evgeny R. Ponomarev²

¹ Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation, kianisimov2009@yandex.ru

² A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, eponomarev@mail.ru

Abstract. The starting point for the authors is the notion of flexibility and dynamism of Bunin's text, which was treated by this writer as a narrative that almost never could reach its conclusion, be verified and, since that moment, given an unchangeable version. The travel poems *The Temple of the Sun* provide one of the instances of that kind of treatment. The uniqueness of the material derives from the following factor – efforts initiated in the 1910s to edit the travelogue were the first experience, unprecedented for Bunin, in dealing with a large form, a prevenient step towards his later and

latest works, such as *Cursed Days*, *The Life of Arseniev*, *The Liberation of Tolstoy*, *Dark Avenues* and *Memoirs*. For the first time in science, the authors undertake a full-scale reconstruction of the travel poems' textual history, which became a significant step on the way to complete an academic collection of Bunin's works that is currently prepared by a team of scholars at the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. The conceptual center of all observations in the article is an emphasis onto the primarily "semantic" character of Bunin's amendments – loaded with sense and paving the way towards the new poetics. The authors have found four versions of *The Temple of the Sun*: (1) initial publications of 1907–1911, which for the first time became an entity of "travel poems" within Bunin's collected works of 1915; (2) the 1917 edition in which travel sketches were intertwined with oriental verses; (3) the thoroughly revised Paris 1931 edition entitled *The Shadow of a Bird*; (4) the "Nobel prize" version within collected works issued by Petropolis, a publishing house in Berlin, again under the title *The Temple of the Sun*. The authors analyze the texts that belong to this outlined circle of sources in the perspective of several topographic locations that concentrate around themselves the main motifs of the travelogue. They also single out a number of essential types of correction Bunin made in his opus. Motifs representing the cosmopolitanism of world capitals (remarkably, not Western ones but Eastern, such as Constantinople and Alexandria) alongside with the specific sentiment in the narrator's voice, marked with the feeling of the all-world unity, serve as indicators of the primal, most archaic layer of the text. Its history reveals how gradually (vigorously in émigré years) Bunin tended to reject both the world capitals' narrative and hopes for a cosmopolitan future of humanity. These shifts encouraged an alteration of Bunin's oriental poetics as a whole. Now traces of modernity are excluded from East's images whereas the feeling of antiquity as a kind of a channel that could bring the reader back into the humanity's past was, on the contrary, reinforced as years went by. A less conspicuous but not less important type of correction was based on erasing from the text the traces of the narrator who sometimes presented himself as a historically authentic figure: his "literary" citations as well as a "bookish" instrumentation of the telling subject in general were radically reduced and sometimes eliminated. All of this finally contributed to a virtual, fictional relocation of this subject out of factual realities of the 1907 travel into timelessness, from history into metahistory. All these strategies of revising the text that the authors singled out are considered in close connection with the real topography of Bunin's journeys across Turkey, Greece, Egypt, Palestine, and Judaea. In the course of the comparison of the texts that refer to different stages in the travelogue's history, the dynamics of initial aesthetic and ideological concepts that Bunin applied towards such centres of ancient religions and cultures as Constantinople, Athens, Alexandria, Cairo, Jerusalem becomes more noticeable.

Keywords: Ivan Bunin, travelogue *The Temple of the Sun* (*The Shadow of a Bird*), evolution of concept, textual criticism, mythopoetics

Acknowledgments: The study was carried out at the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences and supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-012-41004.

For citation: Anisimov, K.V. & Ponomarev, E.R. (2023) Ivan Bunin's book of travel sketches *The Temple of the Sun*: A history of the text. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 82. pp. 218–253. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/82/10

Как хорошо известно, Бунин переделывал свои сочинения постоянно, и травелог «Храм Солнца» в этом отношении не является исключением. Се-

годня комментариев к правкам, почти всегда осложненным каким-то новым замыслом, поворотом семантики, а не просто стремлением к шлифовке словесной материи, уверенно становится особым направлением в науке о писателе.

Глубина переработки текста от произведения к произведению разнилась – и здесь сразу необходимо сказать, что созданные на ближневосточном материале «путевые поэмы» исправлялись настолько решительно, что к берлинскому изданию «Петрополиса» 1936 г., а также к чуть более ранней парижской версии под названием «Тень Птицы» 1931 г. они напоминали уже новую художественную реальность. В ней сравнительно с первопубликациями 1907–1911 гг. поменялось всё: поначалу в сильной степени независимые друг от друга путевые заметки обрели соподчиненность в пределах цикла, исходные границы между ними были смяты, а ряду частных фрагментов была придана роль отдельных глав, на передний план выдвинут дуализм заглавия (в каком-то прихотливом танце «Тень Птицы» и «Храм Солнца» регулярно сменяют друг друга в течение многих лет переизданий¹), отброшены десятки сюжетных и обстановочных подробностей, наконец, решительно преобразён образ повествователя, а вместе с ним – нарратология и немалая часть поэтики. Зрелый Бунин, занятый на рубеже 1920–1930-х гг. трудами над «Жизнью Арсеньева», отчетливо стремится «скрепить» своё раннее сочинение, превратить его в концептуальную иллюстрацию первого опыта работ в «большом жанре». Настоящая статья, написанная в рамках обширного проекта «И.А. Бунин и Палестина», ориентирована на подготовку Полного собрания сочинений Бунина, ведущегося в ИМЛИ РАН, и является первым в нашей науке опытом фронтального текстологического сопоставления всех редакций прозаической «крупной формы» Бунина от первопубликаций до последнего прижизненного издания.

1. Характеристика круга источников: четыре редакции книги, вопросы датировки и заглавия, отдельные публикации очерков. Инерция советских переизданий бунинского травелога по умолчанию подразумевала крупную ошибку: неразличение дат написания составляющих «путевые поэмы» отдельных очерков (публиковавшихся по отдельности в преддверии целостной книги) и даты появления самой этой книги как крупной формы. Очерки писались и выходили из печати с 1907 по 1911 г., книга же впервые была опубликована только в 1915 г. в томе 4 Полного собрания сочинений Бунина.

Вторая редакция вышла в 1917 г. Текст прозаических очерков почти не изменился, но в новом издании их предваряла группа «восточных» стихотворений. Первым шло стихотворение «Храм солнца»², вторым – «Каин», в котором говорилось о легендарном строителе храма в Баальбеке. Книга,

¹ Подробнее см.: [1].

² В этом издании в заглавиях стихотворения и очерка слово «солнца» пишется со строчной буквы. В редакции 1915, 1931 и 1936 гг. использована заглавная буква – «Солнца».

таким образом, замыкалась в кольцо (предпоследний очерк «Храм солнца» рассказывает о том же древнем городе, что и первые два стихотворения), которое, однако, разрывалось финальной главой «Геннисарет». Следующие стихотворения соответствуют маршруту повествователя, освещенному в прозаических путевых очерках (стихи о Баальбеке вынесены вперед): три стихотворения о Стамбуле; затем стихотворение «В архипелаге», описывающее то ли турецкие, то ли греческие берега, но посвященное древнегреческим богам; потом три стихотворения о Египте, наконец – десять о Палестине. Палестина выделена уже в стихотворной части как главная и конечная цель путешествия. Среди стихотворений чередуются пейзажные или даже очерковые (так, стихотворение «Иерусалим» местами неотличимо от описания города в прозаическом очерке), с одной стороны, и мифологические, представляющие древних героев и богов – с другой. Это взаимодействие современности и истории, непосредственных ощущений путешественника и мифических смыслов, вплетенных в картины руин, характеризует и книгу «путевых поэм» (как определил Бунин этот жанр в издании 1915 г.). Таким образом, стихотворная и прозаическая части в редакции 1917 г. активно взаимодействуют.

Третью редакцию Бунин создал в эмиграции. Ей предшествовала публикация нескольких переработанных очерков в парижской периодике. Книга вышла в 1931 г. под новым заглавием «Тень птицы»¹ (совпадающим с заглавием первого раздела). Писатель отказался от стихов и вновь представил читателю собрание очерков. Два из них получили новые названия («Зодиакальный свет» стал «Светом Зодиака»; «Мертвое море» – «Страной Содомской»). Огромный очерк «Иудея» был разбит на три: «Иудея», «Камень», «Шеол»; в конце был добавлен очерк «Город Царя Царей» (авторская дата – 1924; первая публикация – 1925), повествующий о Цейлоне.

Четвертая и последняя редакция книги создавалась для нобелевского собрания сочинений. Первый том собрания, увидевший свет в 1936 г., получил общее заглавие (автор поименовал каждый том собрания) «Храм Солнца». Вошедшая в него книга очерков вернула себе первоначальное заглавие. В новой редакции «Город Царя Царей» был снят (финалом книги снова стал «Геннисарет»), а между «Морем богов» и «Светом Зодиака» появился новый раздел «Дельта», вобравший в себя бывшую концовку «Моря богов» и зачин «Света Зодиака». Эта редакция и отразила последнюю авторскую волю.

¹ Слово «птицы» в тексте очерка пишется в разных контекстах то со строчной, то с прописной буквы. Заглавия очерка во всех редакциях набраны только прописными буквами. В оглавлении тома 4 Полного собрания сочинений очерк назван «Тень Птицы». В оглавлениях изданий 1917 и 1931 гг. второе слово заглавия очерка пишется со строчной буквы: «Тень птицы». В томе 1 Собрания сочинений (1936 г.) в оглавлении указано только название книги «Храм Солнца», разбивка на очерки в оглавлении не приводится. Поскольку для научного издания и научного изучения книги требуется единообразное написание, мы предлагаем писать «Птицы» с прописной буквы – в значении Птицы единственной в своем роде.

Составители наиболее авторитетных советских собраний сочинений Бунина 1960-х и 1980-х гг. неверно посчитали последней авторской волей позднюю правку, выполненную Буниным незадолго до кончины на экземпляре тома 1 Собрания сочинений 1936 г. Здесь писатель вернул книге заглавие «Тень Птицы», практически не тронув текст. С нашей точки зрения, эту правку следует считать несостоявшимся авторским замыслом.

История текста тем не менее должна учитывать и публикации отдельных очерков. Так, «Тень Птицы» была впервые опубликована в сборнике «Земля» (М., 1908. № 1), «Море богов» – в московском журнале «Северное сияние» (1908. № 1. Ноябрь), «Зодиакальный свет» – в сборнике «Слово» (Кн. 1. М., 1908), «Иудея» – в сборнике «Друкарь» (М., 1910), «Пустыня дьявола» и «Мертвое море» – в газете «Русское слово» (в 1909 г. – № 296. 25 декабря и в 1911 г. – № 158. 10 июля), «Храм Солнца» – в журнале «Современный мир» (1909. № 12), «Геннисарет» – в газете «Русское слово» в 1912 г. (№ 297. 25 дек.). Кроме того, Бунин (еще до создания книги) печатал эти очерки в сборниках собственных рассказов. В том 5 Собрания сочинений издательства «Знание» (1909) были включены «Тень Птицы» и «Зодиакальный свет», в том 6 (1910) – «Иудея», «Пустыня дьявола» и «Храм Солнца». В книгу 1912 г. «Рассказы и стихотворения 1907–1910 г. Изд. 2, доп.» включены очерки «Иудея», «Пустыня дьявола», Мертвое море», «Храм Солнца». В том 8 знаиьевского Собрания сочинений (1913) вошел очерк «Геннисарет». В книгу «Золотое дно. Рассказы 1903–1907 г. Изд. 2» (1914) включены «Тень Птицы» и «Зодиакальный свет».

Третьей эмигрантской редакции 1931 г. предшествовали отдельные публикации очерков в газетах. Еще в 1927 г. под новым заглавием «Христово озеро» был напечатан очерк «Геннисарет» (Возрождение. № 691. 24 апр.). В 1928 г. появились «Пустыня дьявола» (Последние новости. 1928. № 2605. 10 мая), затем «Страна Содомская» (Последние новости. 1928. № 2689. 2 авг.; завершался очерк стихотворением «Скользят, текут огни зеленых мух...» – вероятно, в этот момент Бунин еще не окончательно вернулся к идее освобождения своей книги от стихотворений) и «Храм Солнца» (Последние новости. 1928. № 2657. 1 июля). В 1929 г. писатель напечатал «Свет Зодиака» (с измененным, по сравнению с предыдущими публикациями, названием; Последние новости. 1929. № 3000. 9 июня) и «Море богов» (Последние новости. 1929. № 3070. 18 июля).

Наконец, в начале работы над четвертой редакцией Бунин опубликовал новый очерк «Дельта» (собранный из снятых в третьей редакции 1931 г. концовки «Моря богов» и зачина «Свет Зодиака») в газете «Последние новости» (1932. № 4085. 29 мая).

Таким образом, текст «Храма Солнца», как обычно у Бунина, – живой и постоянно меняющийся. Ключевые моменты этих изменений и призвана проанализировать настоящая статья. Поскольку состав книги и деление ее на главы менялись от редакции к редакции, для удобства рассмотрения истории текста мы выделим несколько частей, соответствующих локусам описываемого путешествия: «Черное море, Константинополь и Турция»,

«Средиземное море и Греция», «Египет», «Палестина», «Баальбек и возвращение в Палестину». Появившийся только в третьей редакции очерк «Город Царя Царей» (с новым локусом «Цейлон») будет оговорен особо.

Общая тенденция текстовых изменений – сокращение текста: избавление от ненужных деталей, многословных рассуждений, а также лишних – с точки зрения новых задач нарратива – мотивов.

2. Черное море, Константинополь и Турция. Первая структурная часть начального очерка и всей книги – отплытие. Рассмотрим на примере этой части «косметическую» правку, которая всегда характерна для Бунина. В первом издании очерка 1908 г. сказано: «...парохода, на выпелах которого – в знак скорого выхода в море – уже трепетали в жидком бледно-голубом небе узенькие флаги» [2. С. 232]. Во втором издании (1909) автор исправил эту словесную неточность на «...парохода, выпела которого – в знак скорого выхода в море – уже трепетали в жидком бледно-голубом небе» [3. С. 130]. В таком виде предложение сохранилось вплоть до последней редакции 1936 г. (разве что выделение при помощи двух тире, начиная с первой книжной редакции 1915 г., изменилось на выделение запятыми). В следующем абзаце, продолжая тему парохода, Бунин пишет: «Все заняло на нем свое определенное, ладное место...» [2. С. 232]. Точно так же это предложение напечатано в 1909 и 1914 гг., однако в первой книжной редакции писатель нашел более удачное место для эпитета: «Все ладно заняло на нем свое определенное место...» [4. С. 101]. В таком виде фраза сохранилась до самой последней редакции. Наконец, композиционный переход от отплытия к собственно плаванью маркирован следующим предложением, начинающим абзац: «Сутки в этой пепельно-синей пустыне, легким кольцом замкнувшейся под весенним сиренево-облачным небом, прошли незаметно» [2. С. 233; 3. С. 131; 5. С. 99; 4. С. 101; 6. С. 41; 7. С. 8]. В последней редакции 1936 г. предложение свернулось до лаконичного: «Сутки прошли незаметно» [8. С. 173]. В этом случае автор решил избавиться от излишних, с его точки зрения, подробностей.

Три примера «косметической» правки, приведенные здесь (терминологическое уточнение детали, изменение эпитета или изменение порядка слов, вычеркивание лишних деталей), кажутся нам основными для всего текста. Но в дальнейшем мы не будем привлекать внимание читателя к такого рода исправлениям. Нас будет интересовать правка «концептуальная», меняющая внутренние смыслы текста от редакции к редакции. Изучим виды такой правки в первом очерке «Тень Птицы».

Первый вид «концептуальной правки» – исключение неприемлемых в эмигрантских условиях тем и мотивов. В первоначальном тексте (1908) очерка после слов «...и с радостью вспоминаешь, что Россия за триста миль от тебя» следовало:

Ах, никогда-то я не чувствовал любви к ней и, верно, так и не пойму, что такое любовь к родине, которая будто бы присуща всякому человеческому сердцу! Я хорошо знаю, что можно любить тот или иной уклад жизни, что можно отдать

все силы на созидание его... Но при чем тут родина? Если русская революция волнует меня все-таки более, чем персидская, я могу только сожалеть об этом. И, воистину, благословенно каждое мгновение, когда мы чувствуем себя гражданами вселенной! И трижды благословенно море, в котором чувствуешь только одну власть – власть Нептуна! [2. С. 233; 4. С. 102; 6. С. 41].

Это философское отступление, выведившее повествование за грань национальной конкретики (от Русской революции 1905–1907 гг. и конституционной революции в Персии 1905–1911 гг.) к идее всемирного бытия, сохраняется с незначительными изменениями (знаков препинания¹) во всех дореволюционных изданиях – вплоть до второй редакции книги очерков 1917 г. В эмигрантских изданиях оно снято – очевидно, по причине нового звучания темы родины в эмигрантской литературе. После 1920 г. и Бунин, и его читатели-эмигранты почувствовали себя «гражданами вселенной» несколько иначе, чем русские путешественники дореволюционной эпохи, и вряд ли считали это ощущение «благословенным».

Поэтому обе эмигрантские редакции книги тщательно очищаются от всех мотивов, которые могут показаться «русофобскими»: в синхроническом восприятии они кажутся расхожими шутками путешественника, которого раздражают соотечественники-простаки, в эмигрантском диахроническом – оскорбительными выпадами в адрес паломников, символизирующих старую Россию.

Например, описание одного из афонских подворий, в котором путешественник проводит ночь (в 1931 и 1936 гг. ищется наиболее удачный эвфемизм):

1915 и 1917 гг.	1931 г.	1936 г.
Привратник, спящий в прохладных сенях, за тяжелыми полукруглыми дверями, не спеша отворяет – и, вместе с темнотою, меня охватывает знакомый русский запах – плесени и отхожего места [4. С. 114; 6. С. 54–55].	Привратник, спящий в прохладных сенях, за тяжелыми полукруглыми дверями, не спеша отворяет – и, вместе с темнотою, меня охватывает запах плесени, сырой прохлады [7. С. 26].	Привратник, спящий в прохладных сенях, за тяжелыми полукруглыми дверями, не спеша отворяет – и, вместе с темнотою, меня охватывает запах плесени, сырости [8. С. 185].

Снимаются в эмигрантских редакциях и не слишком лестные характеристики русских паломников из простонародья: «Неуклюжей толпой проходят русские лохматые ротозеи, наступающие всем на ноги, замученные тяжестью теплых поддевок...» [2. С. 252; 4. С. 116]. В редакции 1917 г. этот момент уже несколько смягчен: «русские лохматые ротозеи» заменены на «лохматые русские» [6. С. 56].

Впрочем, эти исправления кажутся правкой одного ряда с освобождением повествования от любой синхронии, эффекта соприсутствия, ощущение

¹ Изменения знаков препинания от варианта к варианту (несущественные для общего смысла концептуальной правки) далее не оговариваются.

ния живого путешествия. В концовке первой главки Бунин снимает большой очерковый отрывок о пароходе, пассажирах, грузе, закрепленном на палубе. От нескольких утяжеляющих повествование абзацев (о палубных впечатлениях) автор отказался в редакции 1931 г., а затем еще сократил оставшийся огромный абзац (о перевозке животных на палубе и пейзажных впечатлениях) в редакции 1936 г. Почти целиком вычеркивается страница, рассказывающая о спутниках повествователя (англичанка, держащаяся как императрица, «александрийский брюнет», как его окрестил писатель, греки и их жены), а затем почти весь абзац о том, как они, высыпав на палубу, смотрят на константинопольский берег. В редакциях 1931 и 1936 гг. сохранилось лишь описание старика-«хохла», едущего на Афон и крестящегося на берег [7. С. 12; 8. С. 175] – в отсутствие остальных спутников, изменилась функция его портрета: раньше он был одним из разнородных путешественников; теперь, единственный, предстает олицетворением древнего паломника. Снят детальный рассказ о встрече с проводником Герасимом – знакомым с предыдущей поездки, уходит подробное описание суеты Галаты – делового района Константинополя, или стамбульской конки, по-мусульмански разделенной на женскую и мужскую половины. Все это было важно в очерках, написанных и читаемых по горячим следам, и совсем не важно для путешествия, совершенного четверть века назад. При этом сохраняется до самой последней редакции милый русскому сердцу пароходный быт: клетки с курами и «странный в море запах птичника» [2. С. 235; 4. С. 103; 7. С. 10; 8. С. 174]. А функционально похожий запах стойла и крупы лошадей, видные из трюма, – вычеркиваются вместе с абзацами, повествующими о спутниках.

Исключению синхронического, переставшего со временем быть важным, близка правка, снимающая абзацы с политической публицистикой – например, уничижительный выпад по адресу турецкого султана Абдул-Хамида II (в 1907 г. еще абсолютного монарха, но в 1909 г. низложенного и отправленного в ссылку в Салоники):

Но как понять безграничную власть старичка в венском сюртке и дамасской феске, ради своей трусливой власти пренебрегающего запустением не византийского дворца, а всей Турции? – Воздастся, впрочем, каждому по вере его! Украсил себя старичок нелепым набором высокопарных имен, назвал себя «царем царей, султаном султанов, раздавателем корон, повелителем и владыкой Мраморного и Черного моей, Румелии, Анатолии, Диарбекира и Курдистана», сказал, что он – тень Аллаха на земле и что будто бы именно ему вручена Аллахом судьба пятидесяти миллионов человек – и баста! [2. С. 240].

В тексте, вошедшем в книгу очерков, этот пассаж уже был сокращен – и завершился словами «по вере его!» [4. С. 107; 6. С. 46], ибо в 1915 г. турецким султаном был уже Мехмед V; кроме того, шла Мировая война, одной из целей которой со стороны Антанты был раздел Османской империи. В эмигрантский же период эта публицистика потеряла всякое значение, поэтому писатель снял весь кусок текста – а вместе с ним и предшество-

вавшее рассуждение о безграничной власти Магомета II, покорившего Константинополь в 1453 г.

Сокращения исторических экскурсов подводят нас ко второму виду «концептуальной правки». Иногда, как в упомянутом случае, исторический экскурс исключен из-за публицистичности, всецело принадлежащей злобе дня малоактуального ныне прошлого. Однако в ряде случаев исторические рассуждения снимаются по причине нового звучания традиционных, «вечных» исторических тем. Захваченная и разграбленная мусульманами Византия так или иначе воспринималась бы в книге писателя-эмигранта с современными российскими коннотациями¹. А морально-религиозное осуждение византийской деспотии и византийской веры, погрязшей в разврате и пышности, превратившей Святую Софию в языческое капище (и спасенную от пышности исламом), оказывалось не слишком уместным для русских изгнанников во Франции, посещавших большей частью приходы, перешедшие под юрисдикцию Константинопольского патриархата. По этим причинам последовательно снимаются все пассажи такого рода (несмотря на то, что половина его – точное описание интерьера, не имеющая, казалось бы, религиозно-политического звучания; перевешивает концовка, доминанта):

Бесценно тонкой работой считается кружевная резьба из беломраморных капителей <...> Но совокупность древнего изящества с древней примитивностью линий еще более заставляет чувствовать, что ты – в капище, где девятьсот (двадцать) лет совершалось язычески-пышное богослужение Византии [2. С. 259; 4. С. 121]. В круглых скобках сделанное в 1915 г. сокращение [6. С. 62].

В обеих эмигрантских редакциях сохраняется только небольшой пассаж с упреками туркам за то, что они оголили храм, лишив его украшений. Вычеркнута же, помимо указанного, целая страница, посвященная, во-первых, средневековым христианам и Византии:

Но, во имя Бога милостивого и милосердного, (давшего тростник для писания!» –) зачем же приводить тогда слова летописцев, изображавших свирепое нашествие на Софию “христовых воинов” четвертого крестового похода <...>! Зачем вспоминать (тогда) христиан варварски-пышной, содомски-развратной и люто жестокой в убийствах и вероломстве Византии! ее императоров, ~~недобрых идиотов~~, увешанных золотом, парчой и самоцветами, – идиолов, которые почитали себя, при всей своей мерзости, воплощениями Христа и требовали, чтобы пред ними свершали богослужения!» [2. С. 260–261; 4. С. 121]. В круглых скобках – сделанные в 1915 г. сокращения [6. С. 63]. Вычеркиванием мы даем сокращение, сделанное в 1917 г.

А во-вторых, единству подлинного христианства и ислама:

И Христос и Магомет были исполнены страстной и всепокоряющей веры, не нуждавшейся в золоте, парче, брильянтах, капеллах и органах [2. С. 260–261; 4. С. 122; 6. С. 63].

¹ Подробнее см: [9].

Исключение этого исторического экскурса иллюстрирует перемену всей идейной системы эмигрантских редакций. Слово «капище», примененное к описанию собора Святой Софии и коррелировавшее с описанием собора Святого Марка в Венеции: «Помню, капищем мне показался венецианский (св.) Марк. Но как юн Марк перед Софией (, слабое и малое подражание ей!)» [2. С. 259; 4. С. 120] – в круглых скобках здесь снятое в 1915 г. [6. С. 62] – в обеих эмигрантских редакциях полностью снято, оно прочерчивало основную сюжетно-символическую линию к Храму Солнца в Баальбеке и намечало восприятие любого древнего храма как «капища». Под пером Бунина языческая древность, таким образом, представляла (что очень похоже на идеи Д.С. Мережковского 1900-х гг.) базисом христианского мироощущения и, шире, любого современного понимания Бога, каковое, по мнению повествователя, идентично в иудаизме, христианстве и исламе. Византия, с этой точки зрения, оказывалась одной из предшественниц нынешней веры, издавна соединив в себе средневековые соблазны (отзвук идей Д.С. Мережковского об исторических грехах христианства) с подлинным чувством Бога. Все эти сложные смыслы (напоминавшие о богоискательских увлечениях русской интеллигенции начала XX в.) в эмигрантских редакциях оказались излишними. Редакции 1931 и 1936 гг. создавали новый текст на основе прежнего.

Переходим ко *второму виду «концептуальной правки»*, формирующему новую идейную систему. Начальная главка очерка «Тень Птицы» в дореволюционных редакциях завершалась важной декларацией:

Всякий дальний путь – таинство: он приобщает душу бесконечности времени и пространства. А там – колыбель человечества. И я подойду к выходу из капища истории, – из руин, древнейших в мире, загляну в туманно-голубую бездну Мифа [2. С. 237; 4. С. 105; 6. С. 44].

Словосочетание «капище истории» усложняет теософские коннотации храмовой темы. Получается, травелог развивается ретроспективно: от более новых «капищ» к более древним, а из самого древнего открывается дверь в иное измерение – к непосредственному общению с Богом. Есть у этого сочетания и дополнительные коннотации: вся человеческая история может восприниматься как единое «капище», т.е. храм, в котором идет соборная молитва всех человеческих поколений. Выход за нижнюю границу истории – излюбленный мотив исторических романов символизма (первого романа трилогии Д.С. Мережковского «Христос и Антихрист» и иных, чуть более поздних, текстов о Римской империи, Древнем Египте и Древней Греции, включая травелоги и стихотворения, созданные К.Д. Бальмонтом и В.Я. Брюсовым), который усваивается Буниным. Как и другая популярная символистская тема – попадание героя в пространство мифа, выход в которое постоянно присутствует рядом, надо лишь его поискать. Таким образом, именно этот пассаж формировал основную тональность дореволюционных редакций книги – паломнический нарратив, соединенный с мифопозитикой [10].

В этой системе значений «древнейшие в мире» руины уже в момент отплытия намечали конечную точку травелога: Храм Солнца в Баальбеке – тот самый локус, в котором историческое переходит в довременное, совершается выход из истории в мир богов и героев. Однако в процессе формирования книги Баальбек, во-первых, перестал быть конечной точкой и географического и историко-временного перемещения (очерк «Храм Солнца» был создан в 1909 г.; через два года после этого появился очерк «Геннисарет», наметивший принципиально новый финал книги); во-вторых, «бездна Мифа» в поэтике очерка «Храм Солнца» оказалась довольно «туманной». В 1931 г. в третьей редакции книги Бунин попытался вернуть тональность финала к первоначальному замыслу: функцию перехода к довременному стал выполнять написанный в эмиграции текст «Город Царя Царей». Он существенно менял и географию Мифа (от Средиземноморья повествование перепрыгивало в центр Индийского океана), и форму травелога (вместо «живого путешествия», разворачивающегося в процессе рассказывания, происходил скачок к «путешествию в памяти, над географической картой»). От этого решения Бунин отказался через несколько лет, завершив последнюю редакцию книги, как и обе дореволюционные, очерком «Геннисарет». Вместо выхода за пределы времени в финале книги читатель обретал чувство живого Христа на Геннисаретском озере.

Второй вид правки существенно поменял поэтику всей книги. В ней сохранилась паломническая идея поиска божественного откровения, но совершенно ушла строгая последовательность посещения исторических «капищ», а также мысль о движении от сегодняшнего дня к началу истории человечества и попытка выхода из нее в (как выразился бы Мережковский) «прошлую вечность». Благодаря этому травелог стал менее паломническим, но более экзотическим. В этом есть некоторое противоречие, которое разрешается довольно просто: целью паломнической идеи перестают быть храмы, их заменяет сам дух священных земель, который надо прочувствовать и пропустить через себя. Травелог перестал обращать внимание на подробности и сиюминутный контекст передвижений (транспорт и его загрузка, спутники, бытовые детали) и сосредоточился на духе места, постижении древних тайн. Необычным оказывается и то, что мифопоэтический нарратив дореволюционных редакций наполнен злободневной информацией, а метафорический нарратив эмигрантских редакций стал менее подробным, но более сфокусированным на значениях мест.

Третий вид «концептуальной правки» связан с отказом от космополитической идеи «гражданина вселенной», каковым ощущает себя путешественник в уже цитировавшемся «морском» отступлении. Путешествие к началу мира и к выходу из него делает национальную принадлежность чем-то незначительным. Отказ от прямого мифологизирования географической реальности существенно ослабил и пафос «всемирности». В дореволюционных редакциях книги путешествие намечало цепочку «мировых столиц», первой из которых становится Константинополь. Его можно по-

считать мировой столицей и «сегодня», т.е. в момент путешествия, но истинное величие этого города в прошлом – и, возможно, в будущем.

Первый эпизод расширения значения Константинополя до всемирности (во II главе очерка) оставлен неизменным во всех редакциях. Картинка исламского «святого города», купленная в Стамбуле, делает святым городом и сам Стамбул – его древний район руин и кладбищ Скутари. Второй эпизод – рассказ о Галате, деловой части столицы Османской империи, существенно различается в дореволюционных и эмигрантских редакциях (в последних он практически вычеркнут):

1908 г.

Но жизнь творит неустанно, а на земном шаре слишком мало мест, подобных Золотому Рогу и Босфору. И вот, среди нищеты останков бывшего величия и среди красоты запустения, возникает новая красота – красота величайшего в мире рейда и величайшей в мире лаборатории космополитизма! Галату, сердце этой лаборатории, часто называют помойной ямой Европы, Галату сравнивают с Содомом. Но как была, вероятно, особая красота в бесстыдстве Содома, так есть красота и в бесстыдстве и грязи Галаты. Только Галата не погибнет: сброд, населяющий ее, кипит в работе. Он нищ и бешено жаждет жизни. Сам того не сознавая, он созидает новую вавилонскую башню – и не боится смешения языков: в Галате уже нарождается новый язык – язык труда, нарождается беспримерная терпимость ко всем языкам, ко всем обычаям, ко всем верам [2. С. 247].

1915 и 1917 гг.

Но жизнь творит неустанно, а на земле слишком мало мест, подобных Золотому Рогу и Босфору. Галату, сердце этой лаборатории, часто называют помойной ямой Европы, Галату сравнивают с Содомом. Но Галата не погибнет: сброд, населяющий ее, кипит в работе. Он нищ и бешено жаждет жизни. Сам того не сознавая, он созидает новую вавилонскую башню – и не боится смешения языков: в Галате уже нарождается новый язык – язык труда, нарождается беспримерная терпимость ко всем языкам, ко всем обычаям, ко всем верам [4. С. 112; 6. С. 52].

1931 и 1936 гг.

Не то Галата. Недаром Галату называют помойной ямой Европы, сравнивают с Вавилоном, Содомом [7. С. 22; 8. С. 182].

В дореволюционных редакциях рассуждение о космополитической Галате занимало важнейшее место. Элементы социал-демократической риторики («язык труда», «кипит в работе») можно не принимать во внимание – эти элементы встречаются во многих дореволюционных текстах Бунина. Центральным понятием здесь оказывается «лаборатория космополитизма», в которой, как из огромной реторты гомункулуса, рождается новое человечество – всемирное и свободное. Мировую столицу отличают кипящая

жизнь, смешение языков, свобода нравов и обычаев, а также терпимость ко всему «другому»¹. Сравнение Галаты с Содомом (который, в отличие от прежнего, никогда не погибнет) нужно понимать именно в положительном смысле всяческих проявлений свободы личности² (категория же метафизического «разврата» отнесена к прежней Византии³), а упоминание далее вавилонской башни соединяет мотив многоязычия с мотивом близости Галаты Божьему замыслу о человеке. Недаром Святая София и Галата соединились в одном великом городе.

В эмигрантских редакциях все эти смыслы оказались не востребовавшими (идея растущего в мировых столицах космополитического человечества не прошла проверку Мировой войной и серией европейских революций). Вавилон был перенесен к Содому: упоминание двух «развратных» библейских городов стало менее конкретизированным. А общее звучание отрывка свелось к самым общим метафорическим смыслам. Линия мировых столиц древности, которая лишь начиналась Константинополем, будет ликвидирована в дальнейшем повествовании.

Обратим внимание и на захлебывающуюся восторгом интонацию всего эпизода – совершенно пропадающую в лаконичном аналитизме эмигрантских редакций.

Четвертый вид «концептуальной правки» поначалу кажется «техническим». Он снимает точные отсылки к цитируемым и упоминаемым текстам. На первой же странице очерка цитируется стих из «Tristia» Овидия: «Quosumque aspicio, nihil est nisi pontus at aer» (Сколько бы я ни смотрел, нет ничего, кроме моря и воздуха). Во всех дореволюционных изданиях цитата предвлялась именем великого поэта: «И, как всегда, вспоминались жалобы Овидия на сарматскую нелюдимость этих мест» [2. С. 231]. В первой книжной редакции 1915 г. «как всегда» пропало [4. С. 100]; во второй

¹ См. еще один (выпущенный в эмигрантских редакциях) абзац из этого эпизода: «И только в домах Галаты существует то, чего нет нигде в мире: бывает, что четверть дома принадлежит армянину, четверть – греку, четверть – румыну, четверть – человеку совершенно неизвестного происхождения. В кофейнях, в парикмахерских, в конторах, в магазинах зачастую висят рядом портреты властителей всех стран земли – и ни к одному-то из этих властителей Галата и Пера не чувствуют ни даже малейшего почтения! Можно быть монархистом, анархистом, республиканцем – до этого в Галате нет никому никакого дела... Можно быть язычником, христианином, поклонником дьявола или Пророка – это тоже никого не касается...» [2. С. 247–248; 4. С. 112; 6. С. 52].

² См. дальнейшее развитие эпизода, тоже снятое в эмигрантских изданиях: «...с моста текут на набережную все новые и новые толпы, полные страстного и волнующего зноя жизни. И когда в этот зной врывается свежее дыхание ночи и моря, я пьянею от сладкого сознания, что и я в этом новом Содоме и свободен так, как может быть свободен человек только в Галате» [2. С. 250; 4. С. 114; 6. С. 54].

³ Ср. эпизод на ипподроме, тоже исключенный в эмигрантских редакциях: «Но меня уже тяготит пребывание среди гробниц Византии, среди (тысячелетних) останков ее Акрополя – может быть, самого кровавого места на всей земле» [2. С. 247–248; 4. С. 124; 6. С. 52]. В круглых скобках вычеркнутое в 1915 г.; в [6. С. 52] слово «тысячелетних» возвращено.

книжной редакции было снято «сарматскую» [6. С. 39]. Из эмигрантских изданий ушла вся фраза, как и имя Овидия, – стих сохранился без указания авторства. Он же изначально повторялся в конце первой главки – между абзацами, рассказывающими о пассажирах корабля – и ушел вместе с большими сокращениями уже в первой эмигрантской редакции. Таким образом, слова Овидия как бы перестали быть значимой цитатой: они превратились в эпизодическую фразу и растворились в сознании повествователя. Этот, казалось бы, «технический» прием, маскирующийся под снятие перегружающего книгу комментария, на самом деле – один из тех, что формировали новую поэтику. В эмигрантских редакциях именно он позволяет сделать из путешествия в иной мир путешествие к истокам формирования культуры, из пантеистического космополитического паломничества – паломничество за обретением духа Христа.

С этой точки зрения обращает на себя внимание упоминание повествователем взятых с собой книг. Изначально их было две: Тезкират (т.е. сборник) Саади, присутствующий во всех редакциях книги, включая эмигрантские, и «бейрутское издание истории Баальбека – Храма Солнца, к которому я совершаю паломничество» [2. С. 233; 4. С. 102; 6. С. 41], вычеркнутое в редакциях 1931 и 1936 гг. Это изъятие перекликается с разобранный выше концептуальной правкой, нацеленной на архитектуру: место Храма Солнца в композиционной структуре книги изменилось, «паломничество» получило менее конкретную цель.

Обильные цитаты из Саади, сделанные в дореволюционных редакциях, в обеих эмигрантских редакциях сокращены. Это можно посчитать «техническим» решением, но можно увидеть и тематическую перестройку системы цитат. Две исключенные цитаты прославляют божественную природу творчества: «...и бесплотные на небесах, слушая его, говорили, что один бейт Саади равняется годичному славословию ангелов»; «Как прекрасна жизнь завоевавшего землю мечом красноречия!» [2. С. 234; 4. С. 102; 6. С. 42]. Трудно сказать однозначно, почему в поздних редакциях автор избавляется от указания на книжные источники, но ощущение божественности Слова, как и воплощенность древней литературы в настоящей жизни, так или иначе, несет слишком сильный модернистский привкус. Возможно, поздний Бунин пытался его ослабить. Тогда цитатные сокращения оказываются одной природы с сокращениями мест, где напрямую упоминается Миф.

Можно сказать, что в целом наблюдается стремление уравновесить сокращаемый текст: с одной стороны, вычеркиваются аллегорические обобщения и слишком «цветистые» цитаты, с другой – нарочито бытовой материал. Помимо вычеркнутых тем и связанных с ними мотивов, снимаются чрезмерно «туристические» страницы: травелог эмигрантских редакций должен погрузиться в созерцание культуры иных стран. Духовный взгляд христианина (в отличие от болтливой паломника-космополита) лишь умеренно отвлекается на быт.

Об этом, *ключевом для всех видов «концептуальной правки»* моменте свидетельствует и сокращение, сделанное в эмигрантских редакциях после

слов, центральных для всей книги, о земле, на которую пала тень Птицы Хумай. Исключаются следующие моменты:

Я думаю о нем (только) как о великом космополитическом царстве будущего. Царства древние, созидавшиеся на костях и рабстве, земля уже много раз пожирала <...>. Великую свободную семью, которая в будущем займет место свирепого византийского и султанского деспотизма, земля пощадит. Поля Мертвых – так хотел я назвать свою путевую поэму. Разве не Поля Мертвых – Баальбек и Пальмира, Вавилон и Ассирия, Иудея и Египет? <...> Но Восток – царство солнца. Востоку принадлежит будущее [2. С. 268–269; 4. С. 126–127]. В круглых скобках снятое в этой редакции [6. С. 68–69].

Во всех дореволюционных редакциях повествователь-паломник обрел, погрузившись в Древний мир, забытую тайну бытия, которую следовало привнести в современную жизнь. Это сродни вере Мережковского в очищение современного ему христианства от исторических грехов и наносных традиций – через философскую ревизию. Эмигрантские редакции «Храма Солнца» меняют основную идею текста: теперь повествователь стремится найти в древности живое чувство Бога, которое важно не для преображения человечества, а для собственной души путешественника. Этим вызваны основные сокращения тем и мотивов. Пафос раннего модернизма больше не вдохновлял Бунина. Вместе с ним ушла и поэтика раннего модернизма.

3. Средиземное море и Греция. В «Море богов», втором очерке, сразу отмечаем уже виденное в «Тени Птицы» избавление от излишних туристических впечатлений (спутники на палубе, подробности быта, длинные описания греческих берегов). Особенно важно последовательное вычеркивание сравнений Греции с Крымом («чужого» со «своим»). Эти сближения были понятны в «космополитическом» замысле дореволюционных редакций, в эмигрантскую идею текста они не укладывались. Такие изменения встречаются в каждом очерке эмигрантских редакций – в дальнейшем не будем говорить о них специально. Сконцентрируемся на семантических узлах дореволюционных редакций, полностью вычеркиваемых Буниным в годы изгнания. Именно эти узлы существенно меняют поэтику всей книги.

Первое концептуальное изменение касается вида афинского Акрополя:

1908 г.	1915 и 1917 гг.	1931 и 1936 гг.
– Акрополис! – упавшим голосом сказал возле меня какой-то человек в черной шляпе, похожий на караима. И, взглянув на голый холм пелазгов, я впервые в жизни всем существом своим ощутил древность. Средневековые замки и соборы, Notre Dame, св. Марк и София – тоже гробницы былой веры	– Акрополис! – упавшим голосом сказал возле меня какой-то человек, похожий на караима. И взглянув на этот голый холм пелазгов, я впервые в жизни всем существом своим ощутил древность. Средневековые замки и соборы, Св. Марк и София – это старина из нашего мира.	И, взглянув на этот голый холм пелазгов, впервые в жизни всем существом своим ощутил <i>я древность</i> [7. С. 53; 8. С. 204] (Полужирным дана вставка в последней редакции, отсутствующая в редакции 1931 г.; курсивом – выделенное автором).

и жизни, тоже старина, но старина из нашего мира. А эти руины – я живо почувствовал это – из какого-то другого, от тех времен, когда и человечество было иное... [11. С. 34].

А эти руины – я живо почувствовал это – из другого, от тех времен, когда и человечество было иное... [4. С. 133; 6. С. 76].

В дореволюционных редакциях таким образом прочерчивалась четкая линия: Святая София из предшествующего очерка (как и венецианский собор Св. Марка, упоминавшийся в качестве «малого капища» на фоне огромного «капища» Софии; в первоначальном тексте рядом с ними был еще парижский Notre Dame, но был снят почти сразу) – первый топос, позволяющий ощутить религиозный смысл истории. Афинский акрополь оказывался следующим шагом погружения в древность: недаром холм акрополя назван «холмом пелазгов», т.е. тех племен, что населяли еще домикенскую Грецию, несмотря на то, что весь архитектурный ансамбль акрополя создан примерно на тысячелетие позже, во время расцвета Афин. Идея «иногo человечества» чрезвычайно важна в структуре дореволюционной книги «Храм Солнца» – именно к нему и нисходит по лестнице истории повествователь.

В эмигрантских редакциях сохраняется лишь центральный тезис этого идейного пассажа: снимается и голос спутника (первый вид правки), и идея лестницы истории как таковая (второй вид правки). Слово «древность», оказавшись в абсолютном конце абзаца, обретает мощное семантическое ударение и в дополнение выделяется курсивом. Поэтику травелога теперь определяет не захлебывающийся восторженным перечислением достопримечательностей голос туриста, а лаконично-весомое рассуждение о чувстве древности, проникшем в душу повествователя.

При этом во всех редакциях сохранено наименование Афинского акрополя алтарем Солнца. Первый отблеск храма Солнца появился в Константинополе, в Афинах повествователь поклонился первому древнему храму. Солярный стержень сюжета в эмигрантских редакциях сохранен, однако на уровне коннотаций выделяется не погружение повествования в бездну Мифа, как в дореволюционных редакциях, а размышление современного сознания о древнем культе Солнца.

С этим связано исчезновение всей второй половины очерка в эмигрантской редакции 1931 г. (было убрано порядка 15 страниц: вместе с финальными главками «Моря богов» были сняты и две первые главки очерка «Зодиакальный свет», в этом издании переименованного в «Свет Зодиака»). Выпали из текста «Моря богов» подернутая легким эротизмом история с пассажиркой-мулаткой, привлечшей внимание повествователя и разговоры с иными спутниками (правка первого вида), а также целый ряд нарративных ходов, ранее создававших ощущение попадания внутрь мифа (правка второго вида). Это созерцание – посреди ночного моря – древнего Хаоса, из которого возник мир; упоение видом берегов Крита – родины Зевса (с переска-

зом легенд о детстве верховного бога); миф о рождении Афродиты, вспомнившийся при взгляде из-под бака на пенные валы и, наконец, видение Святого Семейства на пути в Египет (повествователь тоже движется в Египет) во время дневного сна: «И я вижу, как изумленно поднялись черные ресницы Женщины, как засияли глаза Ребенка и преобразилось лицо старика...» [11. С. 42; 4. С. 142; 6. С. 87] – зачеркиванием нами отмечено исправление, сделанное в последней редакции.

В редакции 1936 г. из части изъятых страниц «Моря богов» и первых двух главок очерка «Зодиакальный свет» был создан новый очерк «Дельта», однако вся мифологическая линия в него не вошла. Последовательно вычеркнуты из текста V главки «Зодиакального света» – при переработке ее в «Дельту» – все рассуждения об Александрии как великом космополитическом городе и о сверхисторической роли ее основателя. Например, внутренний монолог, вызванный названием встречного парохода «Дельта»:

Александрия, Дельта, Нил! Я хорошо знал, что почти ни единого следа великолепнейшего в древнем мире города не осталось теперь на песчаной косе, между морем и огромной лагуной Марейотис. Но ведь именно на этой косе впервые осуществилось и изменило лицо земли то «великое смещение народов», о котором грезил человек, равный (по своей миссии только) Колумбу [11. С. 44; 4. С. 143] – в круглых скобках снятое в 1915 г. [6. С. 88].

Чуть далее выпущена почти страница текста:

...Ведь сюда и доныне текут торговые пути Европы и Азии, Нубии и Аравии, Индостана и Австралии. А когда-то стеклись чуть не все древние религии и цивилизации, которые (, выйдя из стран Золотого Века, от младенческого поклонения первобытному солнцу) уже свершили свои пути и, воздвигнув им памятники, (инстинктивно) искали спасения в космополитизме, готовые возвратиться к первобытному братству и к первобытному Безымянному Богу. Через пятьдесят лет после основания Александрия стала величайшим портом, через сто – городом, блистающим мраморными театрами, храмами, портиками, библиотеками, Серапеумом – “храмом погребенного Солнца”, – и вот в нем сошлись жрецы, философы, грамматик, софисты, поэты и ученые всех стран, чтобы Солнце возродилось <...>.

...Александр, которого увлекла к пределам земли не только слава, но и молодость, проведенная близ Аристотеля, увлек за собою в море исканий и все древнее человечество. Недаром персидские легенды говорят, что Искандер мечтал найти “воду жизни”. И походы его изумили, раздвинули грани земли до сказочного <...>. Заложив город и гавань в Дельте, в Месопотамии Египта, он как бы снова создал человечество на равнине Сенаарскую – к построению новой Вавилонской башни. Пусть снова смешаются языки! Даже одна попытка (постигнуть небо) **достигнуть неба** перерождает мир! (И Александрия переродилась).

Так была пустыня песчаная отмель Марейотиса <...>. Человек, стерший грани почти всех царств земли, совершивший жертвы во всех ее капищах, но поклонявшийся, может быть, только Неведомому Богу Сократа и Платона, родился для того, чтоб, соединив царства востока и запада, построить первый международный город и заложить первые основания какого-то нового храма, взамен опустевших храмов Греции, Иудеи и Египта. И на его город выпала беспримерная в истории роль – стать (бурным) центром всех религий и всех знаний древности, стать предшественни(цей)ком Назарета [...] [11. С. 44–45 ; 4. С. 144–145] – в круглых скобках снятое, полужирным – вставленное в 1915 г. [6. С. 89–90].

Александрия (центр прежнего мира, забытый современным человечеством, но до сих пор находящийся в точке скрещения торговых путей – следовательно, символически остающийся этим центром) воспринимается еще одной всемирной столицей – величайшим городом прошлого. Божественное творение города использует серию мотивов из пушкинского «Медного всадника» («пустынна песчаная отмель», «прошло сто лет» и т.п.), однако эти отсылки важны большей частью для коннотативных значений. Основной смысл формирует эклектичная группа идей: строительство Александрии – это новая попытка строительства Вавилонской башни, которая в данном контексте (в отличие от библейского) есть положительный символ единения человечества – вне рас, наций и религий. Александрия соединила все древние религии и, во-первых, попыталась возродить Солнце (не культ Солнца, а Солнце как таковое – подлинное Божество); во-вторых, обрела воспоминание о едином Боге (лирически соотносится с Солнцем), которого знало самое древнее человечество; в-третьих, стала предшественницей Назарета, т.е. предвестницей рождения Христа. Все эти следы авторской рефлексии смотрятся сомнительно с точки зрения традиционной исторической науки, но дают немало возможностей для конструирования исторических мифов – в духе популярной в 1900–1910-е гг. мифопоэтики. Снятие всех этих рассуждений демонстрирует нам идейную близость второго (освобождение текста от прямой власти мифа) и третьего (освобождение от идеи «космополитизма») типов концептуальной правки.

4. Египет. Этот комбинированный вид правки (третий + второй) переходит и в египетскую часть книги: из египетских впечатлений наряду с туристическими подробностями (первый вид правки) вычеркивается все, что напоминает об английском присутствии в Египте, а также все, что говорит о европеизированном, колониальном Египте.

В первой эмигрантской редакции (книга «Тень Птицы» 1931 г.) Бунин поступил радикально, вычеркнув две первые главки целиком: очерк «Свет Зодиака» (переименованный «Зодиакальный свет» дореволюционных редакций) начинался сразу Каиром, «космополитическая» Александрия совсем пропала из травелога. В последней же редакции 1936 г. снятые главки об Александрии вернулись в книгу в составе очерка «Дельта», но с сильными сокращениями. Например:

1908, 1915 и 1917 гг.

Начало очерка «Зодиакальный свет»

...сидел (огромный) **большой** араб в пиджаке сверх длинного халата-подрясника, в плоской феске, обмотанный золотисто-пестрым платком... И пошли шумные людные коридоры, в которых все смешалось: и ослы, и английские полицейские, и коляски, и верблюды, и маленькие греки в соломенных шляпах, и (огромные) **рослые** негры, одетые изысканно-модно, и пегие

1936 г.

Середина очерка «Дельта»

...сидел большой араб в пиджаке сверх длинного халата-подрясника, в плоской феске, обмотанный золотисто-пестрым платком... [8. С. 215].

бедуинские плащи, и несметные голубые рубахи, и восточные лавочки с зеленью, бараниной и рисом, и зеркальные витрины банкиров... [12. С. 14; 4. С. 146–147 – в круглых скобках вычеркнутое, полужирным – вставленное в 1915 г.; 6. С. 93].

В последней редакции сохраняется описание аутентичного араба в национальной одежде, но все элементы «вавилонской» темы (смешение культур) вычеркнуты. Первый, второй и третий типы правки осуществляются комбинированно и с новой функцией: текст избавляется от всего современного, во-первых, потому, что все изменилось (в 1907 г. Египет был фактически оккупирован Британской империей при сохранении формальных прав Османов на его территорию; в 1930-е гг. Египет – уже независимое государство); во-вторых, потому, что с усилением метафор путешествия и погружением в «дух места» главной темой египетских очерков стала египетская древность. Европеизированность североафриканской страны, ранее бывшая фоновой темой «Зодиакального света», в «Свете Зодиака» стала не нужна.

Еще ошутимее этот момент в описании площади Консулов (она много раз меняла названия; сегодня это площадь Тахрир). В дореволюционных редакциях многочисленные детали создавали ощущение почти европейского города («гудел трамвай»), «из какой-то лавки орал арабскую оперную (! – К.А., Е.П.) арию граммофон»; разнородная толпа, занимающая «несметные столики сквера», пьет воды, болтает, читает «уличные газетки» (это почти Париж, только в Африке. –) [4. С. 147; 6. С. 93–94]. Все эти строки были сняты. Сохранилось лишь окончание большого абзаца: два огромных негра из Судана, их скуластые лица, пыльные туфли, «короткие халаты цвета полосатых гиен» [12. С. 15; 4. С. 147–148; 6. С. 94; 8. С. 216];

¹ Отметим, что еще в очерке «Тень Птицы» звучал мотив сходства восточной и западной городской суеты; он был тоже снят в эмигрантских редакциях:

...в этих сводчатых коридорах, (старых, сырых,) пряно пахучих и вместивших в себя все, что есть на (всех) базарах Востока и в пассажах Европы [2. С. 266; 4. С. 125] – в круглых скобках снятое в 1915 г.; [6. С. 67] – вычеркивание в первых круглых скобках в 1917 г. восстановлено).

...в этих сводчатых коридорах, пряно пахучих и вместивших в себя, кажется, все, что есть на базарах Востока [7. С. 42; 8. С. 196].

При этом сопоставление портовых переулков Стамбула и европейских средиземноморских городов сохраняется во всех редакциях, в поздних оно лишь слегка сокращено:

Переулки между этими высокими домами возле набережной похожи на переулки в Старом городе Ниццы, в порту Генуи, Марселя [2. С. 252–253; 4. С. 116; 6. С. 56].

Переулки между этими высокими домами возле набережной похожи на переулки в порту Генуи, Марселя [7. С. 28; 8. С. 187].

а также проходящие по площади женщины, закутанные в черный шелк. Если ранее абзац создавал контрастность нового и древнего, то теперь все внимание текста сфокусировано на древности: два суданских негра обретают полусимволическое значение. См. далее: «Как древен этот смуглый люд!» [8. С. 216]¹. И сам отрывок существенно меняет поэтику: исчезает пестрота толпы, из которой выхвачены два негра – теперь фокус наведен лишь на них, они безраздельно господствуют в эпизоде².

Сложная работа Бунина над начальными главами «Зодиакального света» (исключенными в 1931 г. и возвращенными в 1936 г. в качестве финала нового очерка «Дельта») завершена правкой второго типа – полным исключением обширного (и весьма вольного) экскурса в египетскую мифологию, связанную с солярной темой и единобожием. Вера Древнего Египта, утверждает писатель, была «по чудесному выражению Шамполиона, пантеистическим единобожием» [12. С. 20; 4. С. 152; 6. С. 99]³. Она изначально связана с Солнцем (все солнечные боги – чада Праматери Вселенной). Но в Египте «Солнце изменило свой лик и стало все чаще менять свои имена: Пта, Ра, Озирис, Гор, Аммон» [12. С. 17; 4. С. 149; 6. С. 96]. Из морского свечения, описанного в «Море богов», оно ушло вглубь континента и создало пустыню. И вот – все дальнейшее путешествие по Египту строится под знаком мистической борьбы солнечных божеств с Сетом, богом зла и пустыни. Не забывает писатель упомянуть и об Озирисе, который – убитый и воскресший – напоминает Христа.

Ничего этого нет в последней редакции. Очерк «Дельта» завершается впечатлениями от железнодорожной поездки из Александрии в Каир, в которых – семантической рифмой к Александрии – даны два портрета сидящих напротив: феллаха и копта. Оба они, как и два суданских негра, олицетворяют древность африканской земли и африканских народов. В «Зодиакальном свете» дореволюционных редакций мифологический экскурс интерполировался этим двойным портретом. В редакции 1936 г. последний завершает эпизод и весь очерк «Дельта». Роль портрета значительно усилена – это редкий случай не сокращения, а дополнения эпизода:

**Середина очерка «Зодиакальный свет»,
1908, 1915, 1917 гг.**

И опять против меня – копт и феллах.
Копт – толстый, в черном халате, в черной
и туго завернутой чалме, с темно-
оливковым круглым лицом, карими гла-

Финал очерка «Дельта», 1936 г.

И опять против меня – копт и феллах.
Копт – толстый, в черном халате, в черной
туго завернутой чалме, с темно-
оливковым круглым лицом, карими гла-

¹ В дореволюционных редакциях этот момент был оформлен иначе, не так однозначно – при помощи риторического вопроса, а не восклицания: «Разве не (библейски) древен этот смуглый люд [...]?» [12. С. 17; 4. С. 149] – в круглых скобках вычеркнутое в 1915 г. [6. С. 95].

² Анализ этого фрагмента в контексте темы феллахов, не раз описывавшихся русскими авторами второй половины XIX – начала XX в., см. в статье: [9].

³ В первом издании 1908 г. к этому добавлено: «“чистой и великой”, по определению Стенли» [12. С. 20]. В дальнейшем от этого излишества автор отказался.

зами и раздувающимися ноздрями. На коленях у него зонт. Феллах – в белой чалме и грубом балахоне, расстегнутом на груди. Это совершенный бык по своему нечеловеческому сложению и спокойствию, с бронзовой шеей изумительной мощи. Но еще изумительней то, что ему, кажется, совсем не жарко! [12. С. 18; 4. С. 150; 6. С. 96–97].

зами и раздувающимися ноздрями. Феллах - в белой чалме и грубом балахоне, расстегнутом на груди. Это совершенный бык, по своему нечеловеческому сложению, с бронзовой шеей изумительной мощи. И сидит он так, как и подобает ему, прямому потомку древнего египетского человека: прямо, нечеловечески спокойно, с поднятыми плечами, ровно положивши ладони на колени... [8. С. 219].

Вновь мифологические рассуждения дореволюционных редакций заменяются в эмигрантской версии непосредственным ощущением древности. Из портрета копта вычеркнут зонт – бытовая деталь, выбивающаяся из общего символического контекста. Феллаху, названному «прямым потомком» древних египтян, придана поза египетских статуй – как бы генетически усвоенная, благодаря чему поезд, на котором едет повествователь, прибывает не столько в Каир, сколько в Древний Египет. Передвижение в пространстве все более оказывается путешествием во времени: этот общий смысл травелога, имплицитно присутствующий и в дореволюционных редакциях, усиливается в редакциях эмигрантских. Впрочем, если в дореволюционной версии травелога древность как бы прорастала в настоящее (выстраивалась временная перспектива древних царств и мировых столиц, завершавшаяся в современном путешественнике Константинополе), то в эмигрантской версии травелога время движется вспять – от довоенного Константинополя, уже канувшего в лету, к древним царствам; от ушедшей эпохи, в которую совершалось описываемое путешествие, к погибшим царствам и богам, которых тоже поглотило время.

Третья главка «Зодиакального света» (дореволюционные редакции) начиналась описанием Каира, как и обе эмигрантские редакции очерка «Свет Зодиака». В описаниях Каира, как и Александрии, снимаются лишние мотивы современного «космополитического» города. Исключительная россыпь этих мотивов характерна для первой публикации очерка: «Даже европейцев удивляет европейский Каир своими проспектами, скверами, бульварами, зданиями» [12. С. 21]. В книге 1915 и 1917 гг. часть их (включая приведенную цитату) ушла. Дальнейшая правка такого рода заметна и в эмигрантских редакциях: такие детали, как трамваи, автомобили, английские отели, местами вычеркнуты, чтобы они не перевесили главное – ощущение древнейшего кладбища земли, каковым представлена долина пирамид. Оркестры, играющие в садах, сохранены и в эмигрантских редакциях – но уже в редакции 1917 г. убраны космополитические «вальсы», которыми «разливаются» оркестры [12. С. 22; 4. С. 153].

Первый семантический узел, вычеркнутый из финальной редакции, касается третьей (или четвертой – включая Афины? этот момент недостаточно артикулирован в тексте) древнейшей столицы мира – Мемфиса. Это второе видение повествователя – после видения «Бегства в Египет» на борту парохода. Инте-

ресно, что оно наполовину сохранялось еще в первой эмигрантской редакции 1931 г. – вероятно, ради информации о первоначальном облике пирамиды, с вычеркнутыми ключевыми мотивами «столица мира» и «связь времен»:

1908 г.

На мгновение все исчезает во мне, – остается лишь мысль... И я вижу в долине под солнцем, в светлом утреннем паре, смутный очерк первой столицы мира, жившей почти три тысячи лет, – тусклый блеск крыш и храмов Мемфиса. Вижу его толпу, улицы, яркую полихромную одежду, обелисков, пилонов, столь любимую древним Египтом... Вижу пирамиду такую, какой была она шесть тысяч лет тому назад, – обведенную каналом из Нила, донизу покрытую разноцветными гладкими плитами, увенчанную золотым пирамидионом... Ничего, кроме камня и мумий, не осталось от древнего царства! Но ничто и не исчезает. Все из праха прошлого. И вот – я опять ее чувствую, эту связь со всем миром, с богами всех стран и с людьми, стократ истлевшими! [12. С. 32].

1915 и 1917 гг.

На мгновение превращаюсь я в мысль... И вижу в долине под солнцем, в светлом утреннем паре, смутный очерк первой столицы мира, жившей почти три тысячи лет, – тусклый блеск крыш и храмов Мемфиса. Вижу его толпу, улицы, яркую полихромную одежду, обелисков, пилонов, столь любимую древним Египтом... Вижу пирамиду такую, какой была она шесть тысяч лет тому назад, – обведенную каналом из Нила, донизу покрытую разноцветными гладкими плитами, увенчанную золотым пирамидионом... Ничего, кроме камня и мумий, не осталось от древнего царства! Но ничто и не исчезает. Все из праха прошлого. И вот – я опять ее чувствую, эту связь со всем миром, с богами всех стран и с людьми, стократ истлевшими! [4. С. 161; 6. С. 108–109].

1931 г.

На мгновение превращаюсь я в мысль... И мысленно вижу в долине под солнцем, в светлом утреннем паре, тусклый блеск крыш и храмов Мемфиса. Вижу его толпу, улицы, яркую полихромную одежду, обелисков, пилонов, столь любимую древним Египтом... Вижу пирамиду такую, какой была она шесть тысяч лет тому назад, – обведенную каналом из Нила, донизу покрытую разноцветными гладкими плитами, увенчанную золотым пирамидионом... [7. С. 77].

В дореволюционных редакциях повествователь вживается в жизнь древней столицы – как вживался он в жизнь современного Константинополя. Внутри этого видения органически входят сведения из путеводителя – о том, что пирамиды изначально были облицованы, о том, как ярко раскрашены были храмы и памятники Египта. Завершается видение характерным бунинским ощущением связи с жизнью далеких предков и декларацией «Смерти нет!», особенно важной на древнейшем кладбище земли. Египет, таким образом, становился новым этапом погружения в древность – к первоначальному «царству», к первой великой цивилизации Средиземноморья. В редакции 1931 г. от погружения в древность остались лишь ощущение толпы и восходящая к путеводителю «полихромия». Но само погружение в древнюю жизнь в общем контексте существенно сокращенной книги казалось уже лишним и было окончательно вычеркнуто в 1936 г.

После очередного туристического абзаца (о попадании внутрь пирамиды) видение продолжено: утро, когда клали эти камни, ничуть не отличалось от этого, а рука повествователя, прикасающаяся к камням, как бы соединяется с рукой аравийского пленника, клавшего камни. После этих строк в дореволюционных редакциях шло видение фараона-победителя и цитата из гимна солнцу – богу Амону-Ра. Солярная символика, как уже отмечалось, была сильно прорежена в эмигрантских редакциях. Без этого продолжения видение перестает быть видением, превращается из реальности в метафору. Толпа Мемфиса перестает отражаться толпой современного Каира.

5. Палестина. Палестинские очерки – центральные в общем замысле книги. Они переключают повествование от созерцания древних царств к мыслям о Христе, от разнородных историй средиземноморских богов – к размышлениям о Боге. В дореволюционных редакциях очерка «Иудея» много места занимали новые спутники повествователя, оказавшиеся вместе с ним на корабле, а затем едущие поездом из Яффы в Иерусалим. Это прежде всего американский пастор, призванный символизировать иные христианские конфессии, а также некий «русский», который, отвечая пастору, ощущает враждебность к «правоверным»: «Чему-то не живому молиться вы...» [4. С. 168; 6. С. 117]. В первой публикации 1910 г. уточнялось: «Чему-то не живому, церковному молитесь вы...» [13. С. 43]. Повествователь солидаризируется с мнением этого русского, а под «правоверными» начинает понимать как христиан разных конфессий, так и иудеев – все они не имеют собственного чувства Бога, а лобызают Святую Землю, потому что так надо.

Это первый семантический узел очерка. В эмигрантских редакциях сняты разговоры со спутниками и завершающий их декламационный пассаж от повествователя, разложенный на два абзаца:

Чувствовали ли они (правоверные. –), что ведь действительно был, действительно существовал когда-то *живой* Иисус – худой, загорелый, с блестящими черными глазами, с темно-лиловыми сухими руками и тонкими, сожженными зноем ногами?

Только минутами, только забывая об *их* Христе, мое сердце содрогалось от близости к Тому, чье имя ожило, очеловечилось для меня при виде берегов Его родины» [13. С. 43; 4. С. 168; 6. С. 117].

Так входит в повествование важнейшая идея – паломничество духа, исхождение «Бога живаго». Разделив, таким образом, не только композиционно, но и по имени «живого Иисуса» (имеющего подробный портрет, в котором выделяются «темно-лиловые сухие руки» – они семантически рифмуются с «сизой рукой» аравийского пленника, которой коснулся повествователь у пирамид, кладя руку на камень) и «их Христа», путешественник ощущает себя подлинным паломником среди толпы «непонимающих». Вероятно, во многом этим объясняются и те немногочисленные колкости, что отпущены в адрес паломников из простолюдинов в дореволюционных редакциях. Тема мертвой древности, достигшая апогея в египетском очерке, сохраняется

и тут (Палестина обладает большей «древностью», чем Египет, несмотря на то, что исторически она моложе, – ибо в ней нет ничего от «современности»), но вступает в диалектическое соревнование с живой тайной, которая начинает проступать на этих берегах.

Функция спутников здесь несколько иная, чем в предыдущих очерках. Они не просто создают массовку, но еще и вводят важные темы, заполняющие сознание повествователя; они одновременно и *alter ego* путешественника, и *другие* по отношению к нему. Не случайно в редакции 1931 г. образ американского пастора сохранился, но речи персонажа стало значительно меньше. В редакции 1936 г. Бунин избавился от него окончательно. Устранив пассажи о живом Иисусе, писатель-эмигрант радикально изменил и поэтику эпизода: Яффа стала ближе к египетской «древности», даже древнее ее. Здесь все «проще, старее, восточнее» [13. С. 42; 4. С. 167; 6. С. 116; 7. С. 87] – в редакции 1936 г. исчезло «проще» [8. С. 237], основной акцент перенесся на «старее». Скрип деревянных колес, качающих воду из цистерн, в дореволюционных редакциях назван «палестинско-ветхозаветным» [13. С. 43; 4. С. 168; 6. С. 117], в редакции 1931 г. фраза о скрипе колес передана от повествователя пастору, в редакции 1936 г. она оставлена в кавычках как чужое слово, но упоминание о пасторе исчезло. В обеих эмигрантских редакциях скрип стал просто «ветхозаветным» [7. С. 88; 8. С. 238], усилив основное впечатление от Яффы: за два тысячелетия в ней ничего не изменилось.

Дальнейшая правка преследует те же цели: так, в обеих эмигрантских редакциях снимается впечатление незначительности «гор окрест Иерусалима», сохраняется только мотив «здесь Давид поразил Голиафа». Отметим и первый тип правки, переводящий синхронное восприятие места в диахронное. Например, про иерусалимскую «цитадель Давида» дореволюционные редакции сообщают, что она занята турецким гарнизоном. В эмигрантских изданиях эта информация отсутствует. В описании города снимаются историко-туристические подробности (городские стены в дореволюционных редакциях названы стенами крестоносцев), а также снижающие подробности (нечистоты и падаль вокруг Иерусалима). В центре панорамы города – второй семантический узел очерка «Иудея»: Голгофа.

В дореволюционных редакциях созерцание Голгофы анонсировалось в начале очерка американским пастором («Но чувствуете ли вы, – говорит он, подумав, – что завтра мы увидим Голгофу?») [13. С. 42; 4. С. 167; 6. С. 116]). В первом, отдельном издании очерка пастору резко отвечал некий русский: «Что до нас, то, думаю, нет...» [13. С. 43]. В редакциях 1915 и 1917 гг. этого ответа уже не было, но остался другой: «Правоверный вопрос!» [13. С. 43; 4. С. 168; 6. С. 117]. Таким образом, именно вопрос о Голгофе задает в дореволюционных редакциях тему «правоверных». Поэтому путешественник, увидев Голгофу издалека, вновь думает на ту же тему:

Это – рыдание над Христом каменно-золотых, большеглазых мозаик Византии, над Христом коронованных и окровавленных распятий Рима, над Христом, лежащем в мраморном киоске, в жарком огне свечей и окладов... [13. С. 49].

В редакциях 1915 и 1917 гг. отточие поставлено после «распятый Рима», концовка фразы убрана как излишне резкая. В редакциях же эмигрантских снят весь этот пассаж – ибо он, по сути, продолжает риторику о «правоверных», вычеркнутую уже в первом семантическом узле очерка. Таким образом, тема Голгофы в эмигрантских редакциях звучит неподготовленно, внезапно – и совершенно неожиданно, ибо в эмигрантских редакциях сняты все мотивы, подводящие к описанию византийской роскоши Храма Гроба Господня (в них нет резких слов о византийских капищах, нет и «правоверных» паломников, не чувствующих живого Христа). Сохранившиеся в эмигрантских редакциях строки, посвященные Храму, существенно смягчены благодаря замене эпитета: «византийские своды» есть во всех редакциях, но «языческое великолепие несметных лампад» сменилось в 1931 и 1936 гг. на «жуткое великолепие несметных лампад», ибо тема храмов-капищ и «языческого христианства» вследствие правки второго вида (освобождение от Мифа) тщательно вычищалась из текста.

Завершают панораму Иерусалима ночь и острое ощущение веяния Смерти. Из этого абзаца в эмигрантских редакциях убрана фраза: «Ветхозаветный бог давно покинул и народ свой, и страну свою» [13. С. 49; 4. С. 173; 6. С. 123]. Однако в данном случае правка не меняет общей тональности финала: Иудея оказывается не Святой Землей, а царством Смерти.

В «Иудее» включается почти не применявшийся в предыдущих очерках четвертый вид правки – снятие атрибуции цитат и самих цитат. По дороге в Вифлеем повествователь вспоминает «Песнь Песней». В дореволюционных редакциях (а также в редакции 1931 г.) сюжет книги пересказывался – и не оставалось сомнений, откуда взята завершающая его цитата:

И вспоминались сады и виноградники Соломона, опаленная солнцем девочка, с трепетом ожидавшая на виноградниках возлюбленного, прятавшаяся от прохожих под зелеными лозами, просвечивающими на солнце, припадавшая к горячему суглинку в их сквозной тени. Все цвело и благоухало вокруг нее, расплавленным золотом млели в знойной дали кровли дворцов и храма. И каждый день доносился оттуда к этой босой девочке, как виноград наливавшейся вином жизни, голос милого:

– Цветы показались на земле... [13. С. 50; 4. С. 174; 6. С. 124].

В редакции 1931 г. пересказ был несколько сокращен и переделан в той части, которая должна была передать «внутреннее ощущение» жителя той эпохи:

И вспоминались сады и виноградники Соломона, опаленная солнцем девочка, с трепетом ожидавшая его на этих виноградниках. Все цвело и благоухало вокруг нее, расплавленным золотом млели в зное кровли Сионских дворцов и Храма. И каждый день доносился оттуда к этой босой девочке, как виноград наливавшейся вином жизни, голос милого:

– Цветы показались на земле... [7. С. 98].

Тут можно говорить о не доведенной до конца правке второго типа – частичном сокращении оживающего Мифа. Сокращение показалось автору недостаточным, и в редакции 1936 г. был снят весь пересказ «Песни песней»

(после «виноградники Соломона» поставлено двоеточие, переводящее повествование сразу к цитате), цитата осталась без атрибуции. В связи с этим смысловая наполненность «виноградников Соломона» увеличилась, а цитата (с сопровождающим ее комментарием, сохранившимся во всех редакциях) утратила литературно-эротическое значение, но обрела значительно больше символично-метафорического. Путешественник теперь не восстанавливает в видении древнюю жизнь, а вспоминает фразу из великой книги; не попадает в иной мир, а нисходит к первым лирическим строкам, написанным человеком.

В дальнейшем путешествии в обеих эмигрантских редакциях вновь снимается указание на источник. Вместо следующего текста: «По пути в Вифлеем зеленели те сады, где, по апокрифам, деревья опускали цветы долу...» [13. С. 51; 4. С. 174; 6. С. 124] – появляется такой: «По пути в Вифлеем зеленели когда-то сплошные сады, где “деревья опускали цветы долу...”» [7. С. 99; 8. С. 245]. Ссылка на апокрифы убрана, благодаря чему нарисованная картина обретает большую объективность. Вместо ссылки поставлены кавычки, указывающие на точность цитирования (впрочем, неизвестно откуда) и как бы восстанавливающие картины жизни Богоматери. На этот же эффект работает и элиминирование позиции путешественника, проявляющееся в устранении глаголов:

1910, 1915, 1917 гг.

Целый день видишь только глинистые
ковриги гор...

1931 и 1936 гг.

Целый день только глинистые ковриги
гор...

Похожие моменты встречаем и далее. Например, фраза с указанием источника: «Есть предание, что ее (Иудей. – К.А., Е.П.) необозримые развалины ужаснули самого Адриана» [4. С. 176; 6. С. 126]¹. В эмигрантских редакциях предложение сразу начинается с «Ее необозримые...» [7. С. 103; 8. С. 248].

Последний семантический узел этой части связан с идеей превращения Иудей в мертвую страну, «отдыха от истории», возвращения к дням патриархов. Словосочетание «Город Мира», сохраняющееся во всех редакциях, помещает Иерусалим (вслед за Константинополем, Александрией, Мемфисом) в перечень мировых столиц прошлого. Однако в очерке «Иудея» изначально (с первой редакции) космополитической темы нет. Она оборачивается своей противоположностью: все народы мира приходили сюда, чтобы истребить Иудею (а теперь приходят, чтобы поклониться своим святыням). В дореволюционных редакциях в этот контекст попадали и все участники крестовых походов. За фразой «Жить обычной жизнью после всего того страшного, что случилось, Палестина не могла» – следовало:

Снова и снова вторгались в тишину ее завоеватели всех народов Востока и Запада. Но поле мертвых так и оставалось полем мертвых. Рать за ратью гибло на

¹ В первой публикации очерка в этом предложении даны подробности, со второго издания исключенные в рамках регистрирующей стратегии текста: «Есть предание, что необозримые развалины, как бы потрясенные до основания вулканами, ужаснули самого Адриана» [13. С. 53].

нем и несметное «воинство Христово». Покорить Иисусу врагов Его избиением их, новыми опустошениями и новыми кровопролитиями, стоять у гроба Его с обнаженным мечом – это было безумием. Вернуть трижды мертвую страну к жизни, исторгнуть ее из ее священного запустения – кощунством. Пусть исчезнет сперва с лица ее память о прошлом [13. С. 54; 4. С. 177]. Дополнение в варианте 1915 г. дано полужирным: [6. С. 127].

В эмигрантских редакциях весь отрывок был снят до слова «кощунством». Последнее же предложение отрывка сохранилось: в редакции 1931 г. оно читалось так: «Пусть исчезнет сперва с лица ее всякая память о прошлом» [7. С. 104], в редакции 1936 г. Бунин вернулся к первоначальному варианту. Так (в рамках второго типа правки) книга освобождалась от идей об исторических грехах христианства и дополнительных (формируемых непосредственно в тексте) мифов о мертвой земле. Эмигрантским редакциям достаточно было оставить «поле мертвых» как метафору.

С этого места текст дореволюционных и эмигрантских редакций вновь отличается композиционно. В дореволюционных редакциях далее следует IV глава очерка «Иудея», в эмигрантских редакциях текст бывших главок IV и V оформлен как новый очерк – «Камень» (при этом новый очерк разбит не на две главки, а на три). Благодаря этому во многом техническому решению усилена семантика как финала укороченного очерка «Иудея» (метафора «поле мертвых»), так и концовка очерка «Камень» (священный камень Мориа, соединяющий мистическим смыслом Иегову, Христа и Магомета).

В начале «Камня» (IV глава дореволюционных редакций) отмечаем концептуальную правку первого типа (перевод синхронии в диахронию): в эмигрантских редакциях выпущены подробности о массе русских и еврейских паломников. О русских сказано: «Русские живут в скучных казенных корпусах Православного общества за Западными воротами» [7. С. 107; 8. С. 251]. В эмигрантских изданиях тут поставлена точка, в дореволюционных же было продолжение:

...убивая время едой, перебранками, хождением ко Гробу, в Вифлеем, на Иордан – и просто по базарам: там они приторговываются и к луку, и к картофелю, и к четкам, и к лубочным афонским картинкам – без даже малейшего намерения купить хоть на копейку [13. С. 55–56; 4. С. 178; 6. С. 128].

Предложение о евреях изменено несколько сложнее:

1910, 1915, 1917 гг.

А евреи ютятся в трущобах южного квартала, бегают по родным и знакомым, с жадностью ловят вести о своих палестинских колониях – и плачут у останков древнего Сиона, нарядившись в бархатные халаты и польские шапки из острого собачьего меха, под которыми видны на затылках ермолки, а на висках – огромные завитки [13. С. 56; 4. С. 178–179; 6. С. 128–129].

1931 и 1936 гг.

А евреи ютятся в трущобах южного квартала и плачут у останков древнего Сиона, нарядившись в бархатные халаты и польские шапки из острого меха, под которыми видны на затылках ермолки, а на висках огромные завитки [7. С. 107–108; 8. С. 251].

И то и другое сокращение – следствие новой задачи текста: противопоставление массы наивных паломников тонко чувствующему повествователю больше не требуется. Уходит и «собачий» мех, который мог быть воспринят как скрытое ругательство.

Единственный семантический узел очерка «Камень», вызвавший правку второго типа, расположен в самом его конце. Завершая описание мечети Омара (из него удаляются многие туристические подробности), повествователь говорит о камне Мориа – в его честь новый очерк и получил свое имя. Этот камень, на котором первый человек принес первую жертву Богу (функционально рифмуется с храмом в Баальбеке), имеет мистическую силу, которую последним (после иудаизма и христианства) оживил ислам. В эмигрантских редакциях этот абзац существенно сокращен.

1910, 1915, 1917 гг.

Для Иудей Камень Жизни замер, застыл навеки. За Иисусом, говорит Ислам, сила Камня перешла к Пророку. И прав Ислам: Пророк снова дал движение Камню, он вознес его к небу. И сила этого движения была необычна, жизнь живших ею – юношески пламенна, полна (истинно) страстного служения Богу. Но недолго сияло и солнце Ислама во всей славе своей. Вот уже гаснет и его вера, и сам он, сам признает ныне, что слабеют размахи Камня, затопляют воды Бездны Святое Имя, начертанное на нем... Что же готовит миру будущее? [13. С. 64–65; 4. С. 186]. (Вычеркнутое в 1915 г. дано в круглых скобках [6. С. 136–137].)

1931 и 1936 гг.

После Иисуса, говорит Ислам, сила Камня перешла к Пророку. И прав Ислам: Пророк дал «движение» Камню. «Но недолго сияло солнце Ислама во всей славе своей». Что же готовит Миру будущее? [7. С. 123; 8. С. 262].

Помимо сокращения подробностей, эмигрантские редакции помещают предложение о солнце Ислама в кавычки, как бы намекая на неизвестный источник, из которого заимствован афоризм. Здесь правка второго типа (снятие подробностей творимого текстом Мифа: «Святое Имя», забытое человечеством, вновь должно просиять, как Солнце) соединяется с правкой четвертого типа (за цитату выдается текст, который ею изначально не воспринимался). Вопрос, первоначально поставленный в конце абзаца в самом прямом смысле (возрождение древнего Мифа в будущем), превращается в объемную, но не «оживающую» (как в дореволюционных редакциях), а культурологическую метафору.

В дореволюционных редакциях за этим абзацем следовал еще один, работающий на мифологические смыслы и потому полностью снятый в эмигрантских редакциях:

Взволнованный, смотришь на темную глыбу скалы среди мечети, и полным великого смысла начинает казаться это сочетание земли и неба – храма и камня. И, покидая мечеть, думаешь: должен мир снова возвратиться ко Христу, – к то-

му Христу, что некогда воспринял силу Камня и был истинным сыном земли и духа. Разве Он, с такою несказанной полнотой воплотивший в Себе божественное Начало Жизни, говоривший: «Я в Отце и Отец во Мне», не сочел небесного с земным, между тем как под стопой Пророка Камень Жизни не касался ни земли, ни неба? [13. С. 65; 4. С. 186; 6. С. 137].

Финальный абзац окончательно выводил чудо в жизнь, формируя надежду на возвращение силы Камня в недалеком будущем. С изживанием Буниным мифопоэтики раннего модернизма этот абзац неминуемо должен был покинуть текст.

Далее в дореволюционных редакциях идет VI (последняя) главка очерка «Иудея», в эмигрантских редакциях она выделена в отдельный очерк «Шеол». Здесь можно отметить единственный семантический узел. Это наложенные друг на друга восприятия круга собственной поездки, круга всего путешествия, жизненного круга, колеса истории, прокатившегося по Иудее. Все это звучало в двух предложениях: «Да, совершила жизнь огромный круг! Всем существом пережил я за эти месяцы долгую и страшную летопись Востока» [13. С. 65; 4. С. 187; 6. С. 137]. В эмигрантских изданиях оба предложения сняты: во-первых, позднемодернистский травелог на всех уровнях становился менее субъектным; во-вторых, эта таинственная подсветка – с изменением основной задачи текста от постижения тайны к обретению Духа – была более не нужна.

В очерке «Пустыня дьявола» изменился семантический узел, касающийся непосредственного восприятия Иудейской пустыни и ее символического значения. В дореволюционных редакциях на «середине пути», за которой начиналась земля дьявола, появлялся следующий комментарий:

Чувство, с которым глядишь на пустыню с крыш Иерусалима, величие, которым звучит пролог евангельской летописи, исчезает в пустыне. Она ведь только камениста и мертва. Но и в этом есть что-то мистическое, невыразимо тоскливое, азазеловское, ветхозаветное. Почему «те, коих не стоил весь мир, блуждали по пустыням и горам, по пещерам и ущелиям земли»? Почему человеческая душа (так жалко) верит в легенду, что на этой «середине пути», который считался путем в преисподнюю, плакал сам Прародитель, лишенный Эдема? [14; 4. С. 196–197]. В круглых скобках снятое в 1915 г. [6. С. 148].

В эмигрантских изданиях это лирическое отступление было вычеркнуто – вместе с его субъективностью, противопоставлением пейзажа легенде, соединением «ветхозаветного» начала с Азазелем, а также тайной, за которой уходили в пустыню все великие предки человечества – от Адама до Иисуса. Стилистически и тематически более однородные эмигрантские редакции обрели на этом месте четкую формулировку, лишенную риторического вопрошания: «На этой “середине пути” (и далее по тексту последнего предложения, –)» [7. С. 143]. В редакции 1936 г. «середина» была заменена «серединой» [8. С. 276], дополнительно уменьшающей риторичность. Многоаспектность постижения пустыни сменилась четкостью путевых впечатлений, сопровождаемой лишь неким метафорическим отблеском.

Другой семантический узел в дореволюционных редакциях был тесно связан с заглавием. В конце третьей главки за предложением: «И как только стемнеет, ни души не останется на этой страшной древней дороге» – следовало: «Здесь сам Азазел вселяется в человека. Он искушает быть сильным, беспощадным – и сладострастным, как ночи Содомы и Гоморры...» [14; 4. С. 197; 6. С. 149]. И это правка второго вида: звучание Мифа приглушается, и соответствующие мотивы почти изымаются из текста. Остается лишь древнее чувство дьявола, хотя сам он теперь отсутствует в пейзаже.

Следующий очерк «Мертвое море» (сохранив общую структуру) получил в эмигрантских редакциях новое заглавие – «Страна Содомская». Его единственный семантический узел можно разложить на два элемента: зачины двух пейзажных абзацев и внутреннюю идею пейзажа. Зачины помещались только в последней редакции:

1911, 1915, 1917, 1931 гг.

Все живое смолкло. Бесплодным и безлюдным долом тянется с севера на юг, от самого моря Тивериадского, известково-песчаная пустыня...

Мертвенно тихо. Впереди пепельно-серые дюны... [15; 4. С. 202; 6. С. 154; 7. С. 153].

1936 г.

Глухой котловиной, бесплодным и безлюдным долом тянется с севера на юг, от самого моря Тивериадского, известково-песчаная пустыня...

Впереди все то же: пепельно-серые дюны... [8. С. 283–284].

В результате изменения зачинов мифический пейзаж мертвого царства лишается прямого значения мертвенности. Внутренняя идея пейзажа была переключена уже в 1931 г. – снятием деталей, превращавших долину в подобие ада:

Небо здесь так просторно, (бездонно,) как нигде: нигде нет долины, столь глубокой, как эта, и нигде не (скрывается) **кроется** так долго за горными вершинами солнце, как за ровной стеной Моавы [15; 4. С. 202]. В круглых скобках вычеркнутое, полужирным – вставленное в 1915 г. [6. С. 154].

Показательно дважды повторенное «нигде», создававшее абсолютное значение смерти, минус-локус. Вместо этого в эмигрантских редакциях осталось лишь «Небо <здесь> так просторно, огромно» [7. С. 153; 8. С. 284] (Вычеркивание в последней редакции дано в угловых скобках) – обычная пейзажная деталь, в контексте бессубъектного нарратива наполненная легкой метафоричностью¹.

¹ В этой же сфере значений – изменение эпитета, который должен восприниматься как ключевой в описании Мертвого моря. В дореволюционных редакциях и редакции 1931 г. завершающий фразу и абзац эпитет передает не только цвет, но и безжизненность воды: «Но синее он (залив. – К.А., Е.П.) тускло, свинцово...» [15; 4. С. 202; 6. С. 154; 7. С. 154]. В последней редакции эпитет становится более метафорическим – связывающим пейзаж с цветом горения керосиновой лампы: «Но синее он тускло, керосинно...» [8. С. 284].

Вслед за этим – при переформулировании предложения – снято значение, которое в доэмигрантских редакциях было наиважнейшим, ибо продолжало тему божественного солнечного света, разлитого по всему Средиземноморью. В дореволюционных редакциях предложение звучало так: «Но и до нее («звезды Венеры». – *К.А., Е.П.*) уже достигает свет, охвативший полвселенной, – сухой, золотисто-шафранный свет, на котором так нежно-сиренева заступившая весь восток горная громада» [15; 4. С. 202; 6. С. 154]. В эмигрантских редакциях предложение изменилось: «Но и до нее уже достигает восходящий из-за гор Моава, охвативший полвселенной сухой, золотисто-шафранный свет» [7. С. 153–154; 8. С. 284]. Повтор слова «свет» исчез, географическое уточнение «восходящий из-за гор Моава» попало в это предложение из предыдущего, где имя Моав вычеркнуто. От этого мифический свет, охвативший половину Вселенной, превратился в обычную метафору солнечного света.

6. «Баальбек и возвращение в Палестину». Можно заметить, что в эмигрантских редакциях очерков «Пустыня дьявола» и «Мертвое море / Страна Содомская» существенно меньше правки, чем у очерков начальных. Помимо того, что эти очерки принципиально меньше по объему, они могут быть названы «транзитными главами», повторяющими и усиливающими идеи, высказанные в главах предыдущих [10. С. 314]. Однако и в финальных очерках радикально измененных семантических узлов значительно меньше, чем в очерках первой половины книги. Полагаем, это связано со спецификой композиции «путевых поэм», определяемой характером мышления Бунина.

В эмигрантских редакциях очерка «Храм Солнца» вновь отмечаем вычеркивания подробностей травелога, связанных с перемещением на поезде, и созерцаемых пейзажей. Правка основного семантического узла, казалось бы, – правка уточняющая. Предложение, в котором сформулировано исключительное значение Храма Солнца в Баальбеке, в дореволюционных редакциях звучало так:

Баальбеку уступали не только все финикийские, но даже египетские храмы. Там лик Солнца дробился: там были боги, нисходившие до людских распрей, воплощавшиеся в царях и вождях; здесь был Бог... [16; 4. С. 209; 6. С. 161].

В эмигрантских изданиях перед словом «Бог» видим уточнение – «единный» [7. С. 167; 8. С. 293]. Появление одного слова существенно меняет смысл предложения и всего очерка. В дореволюционном тексте речь шла о Боге подлинном, живом, изначальном, том самом, которого когда-то слышал Каин, а потом – жители Мемфиса и мудрецы Александрии. В эмигрантских редакциях это значение меняется на сомнительный, с исторической точки зрения, монотеизм строителей великого храма. Паломничество обратилось в исторический экскурс, завершая второй тип правки.

Последовательное вычищение из эмигрантских редакций слова «капище» касается и храма в Баальбеке. Одна толщина колонн сверху и внизу первоначально комментируется: «как капище первобытное» [16; 4. С. 214;

6. С. 166]. Интересно, что в редакции 1931 г. комментарий остается [7. С. 178]: действительно, слово «капище» может показаться кощунственным, если употреблено по отношению к христианским соборам, в данном же контексте оно точно называет объект. Но в 1936 г. автор снимает его и в этом контексте: остается только «первобытно» [8. С. 301]. «Капища истории», из которых в первом очерке книги повествователь хотел выйти в пространство Мифа, в последней редакции перестали существовать.

Показательно, что автор почти не исправляет вторую половину очерка «Храм Солнца», восходящую к стилистике путеводителя. Этот «дельный» стиль повествования подходит как дореволюционной, так и эмигрантской поэтике книги.

Финальный очерк «Геннисарет» правлен несколько более интенсивно, но все привнесения – второго типа и составляют единый семантический узел. Начало очерка (посещение Храма Рождества в Вифлееме) менялось от редакции к редакции. В первоначальном варианте оно звучало так: «...блещет среди мраморного пола, неровного от времени, от несметных уст, касавшихся его, большая серебряная звезда» [17]. Уже в первом варианте текста книги сняты целующие пол уста, слишком отдававшие просто-народным паломничеством – тем, которое противопоставляется просвещенному паломничеству повествователя. Предложение звучало так:

...блещет среди мраморного пола, неровного от времени, большая серебряная звезда [4. С. 216; 6. С. 168].

В следующем абзаце, посвященном пещере Рождества, в дореволюционных редакциях в полный голос звучал паломнический нарратив:

И кто бы ни вошел сюда, что бы ни исповедовал он, – затихая, сдерживая дыхание, не сводя глаз с этой средневековой надписи, преклоняет он колени:
Hic de Virgine Maria Iesus Cristus natus est [17; 4. С. 216; 6. С. 168].

В эмигрантских редакциях осталась только латинская надпись (она уже звучала в конце первого абзаца, теперь вновь звучит в конце второго; таким образом, правку никак нельзя объяснить желанием избежать повтора). Снимается само паломническое отношение к святому месту. И далее Бунин-эмигрант отказывается от излишне сентиментальных, восторженно-наивных фраз, создававших в дореволюционных редакциях эстетику умиленного созерцания. Например, следующая правка, внесенная только в последнюю редакцию:

1911, 1915, 1917, 1931 гг.

...поэму Его рождения. На торжественных церковных языках рассказана она. Но, когда благоговейно склоняешься над нею в Вифлееме, проступает живая, трепетная красота подлинного, красота простых, первых писем [17; 4. С. 216; 6. С. 168].

1936 г.

...поэму Его рождения. Но, когда благоговейно склоняешься над нею в Вифлееме, проступает простое, *первое* [8. С. 304].

В следующем случае эмигрантская правка проходила в два этапа: часть абзаца была снята в 1931 г., часть в 1936 г.:

1911, 1915, 1917 гг.	1931 г.	1936 г.
...там ласковая рука Матери чинила Его детскую рубашечку, там таинственно нисходила в Его душу недетская мудрость, и ясное галилейское небо отражалось в очах, задумчиво устремленных в синь зеленых долин Эздrelона на лилии полевые и птицы небесные [17; 4. С. 217; 6. С. 169].	...там ласковая рука Матери чинила Его детскую рубашечку, там таинственно нисходила в Его душу недетская мудрость, и ясное галилейское небо отражалось в глазах [7. С. 182].	...там ласковая рука Матери чинила Его детскую рубашечку... [8. С. 304].

Отметим замену «очей» на «глаза» в редакции 1931 г. – общая тенденция к снижению пафоса проявляется уже при первой правке. В последней же редакции акцент сделан на основную деталь – рубашечку; благодаря отточию и паузе, маркирующей окончание предложения, эта деталь как бы дважды подчеркнута. Все остальное на фоне «рубашечки» становится неважным, слишком спекулятивным – и вычеркивается. При этом рассказ обрывается на артефакте, а портрет «живого Христа» оказывается неуместен.

После фразы «нигде так не чувствуется Он!» шел целый абзац, соединявший «великое запустение» Иудеи-Галилеи и «живого Христа»:

Как над всей Святой Землей, почует и над нею великое запустение. Многолюдные города и селения, все многообразие древней галилейской жизни, а среди этого многолюдства – Он, юный, неустанный, вдохновенный, окруженный Любимыми, – вот что оставляют в воображении Евангелие, история. Но надо видеть страну Геннисаретскую: теперь она, молчаливая, пустынная, делит участь всей Палестины [17; 4. С. 217; 6. С. 169–170; 7. С. 183–184].

Вероятно, в изначальном замысле книги историческая «пустота» Иудеи должна была оборачиваться полнотой обретенных духовных смыслов (по аналогии с идеей стихотворения Ф.И. Тютчева «Эти бедные селенья...»). С исчезновением из текста эмигрантских редакций многочисленных видений «живого Христа» потеряло смысл и повторение лейтмотива очерка «Иудея»: сон истории, отдых Святой Земли. Не случайно после фразы «Тивериада спала», легко воспринимаемой в прямом смысле, в эмигрантских изданиях вычеркнуто последнее предложение абзаца – откровенно метафоричное, лексически удваивающее значения «смертного сна»: «И вся ее мертвая страна покоилась в мертвой тишине» [17; 4. С. 218; 6. С. 171].

По той же причине в обеих эмигрантских редакциях уходит сравнение внешности одного из гребцов на лодке с Петром Апостолом. Впрочем, в 1936 г. этот момент компенсирует вставка, сделанная чуть далее: видение, как «Он... идет по берегу» [17; 4. С. 219; 6. С. 172], продолжается так:

«мимо таких же рыбаков, как наши гребцы» [8. С. 307]. После «берегу...» в дореволюционных текстах звучало восклицание повествователя: «Здесь, на этом благословенном озере, все так просто, – так легко чувствовать близость Его!» [17; 4. С. 219; 6. С. 172]. Это восклицание сохранилось в редакции 1931 г. [7. С. 188], но в 1936 г. оно было снято по причине последовательного элиминирования позиции повествователя и потому, что прямые указания на «видение Христа» в новой версии книги стали не нужны.

К этому типу правки относится и последнее значимое вычеркивание в финале последнего очерка. Повествователь читает те страницы Евангелия, которые повествуют о море Галилейском. Далее в дореволюционных редакциях было: «Я, читая о нем (море. – К.А., Е.П.), видел и его, и светлый, неизреченно прекрасный Образ, донныне не покинувший его берегов. Солнце было в зените» [17; 4. С. 220; 6. С. 174]. Этот текст полностью сохранился в первой эмигрантской редакции [7. С. 189], где следом за «Геннисаретом» шел очерк «Город Царя Царей», выводивший логику книги к райскому локусу (Цейлон – одно из мифологических месторасположений Рая). В окончательной редакции 1936 г. травелог вновь завершался «Геннисаретом», однако видение божественного Образа, более не вписывавшееся в художественную концепцию, было снято.

7. Итог. Книга «Храм Солнца» в дореволюционных редакциях осмыслялась как откровение писателя-паломника, прорывающееся сквозь художественную ткань привычных путевых записок. В эмигрантских редакциях книги исчезли многие признаки путевых записок («путешествие здесь и сейчас» превратилось в «путешествие вне времени») и ощущение откровения – оно сменилось художественным восприятием древности. Если в дореволюционных редакциях постижение древности во многом определяло будущее, то в эмигрантских редакциях древность многозначительно застыла в прошлом. В ходе последовательного разбора концептуальной правки (в основном существенных сокращений и крайне редко – вставок нового текста) мы выделили четыре типа исправлений, в результате которых мифопоэтика дореволюционной книги «Храм Солнца» преобразилась в метафорику историко-культурного повествования.

Список источников

1. Пономарев Е.Р. Книга очерков «Храм Солнца»: проблема заглавия и основного текста // И.А. Бунин и его время: контексты судьбы – история творчества / отв. ред.-сост. Т.М. Двинятина, С.Н. Морозов; ред. А.В. Бакунцев, Е.Р. Пономарев. М., 2021. С. 881–889. (Академический Бунин).
2. Бунин Ив. Тень Птицы // Земля. Сб. 1. М., 1908. С. 231–272.
3. Бунин Ив. Тень Птицы // Бунин Ив. Рассказы. Т. 5. СПб., 1909. С. 129–175.
4. Бунин И.А. Храм Солнца // Полн. собр. соч. : в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 100–220.
5. Бунин Ив. Тень Птицы // Бунин Ив. Золотое дно. Рассказы 1903–1907 гг. М., [1914]. С. 97–141.
6. Бунин И.А. Храм Солнца. Пг. : Книгоизд-во «Жизнь и знание», 1917. 174 с.
7. Бунин Ив. Тень Птицы. Париж : Современные записки, 1931. 209 с.
8. Бунин И.А. Храм Солнца // Собр. соч. : [в 11 т.]. Т. 1: Храм Солнца. [Берлин] : Петрополис, 1936. С. 169–308.

9. Анисимов К.В., Щавлинский М.С. Историко-литературный контекст бунинского травелога «Храм Солнца». На фоне кого Бунин «вышел в гении»? // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 80. С. 183–210.

10. Пономарев Е.Р. «Храм Солнца» или «Тень Птицы»? Поэтика «путевых поэм» И.А. Бунина // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 69. С. 298–320.

11. Бунин Ив. Море богов // Северное сияние. 1908. № 1. Нояб. С. 31–46.

12. Бунин Ив. Зодиакальный свет // Слово. Кн. 1. М., 1908. С. 11–39.

13. Бунин Ив. Иудея // Друкарь. М., 1910. С. 41–69.

14. Бунин Ив. Пустыня дьявола // Русское слово. 1909. № 296. 25 дек. С. 3.

15. Бунин Ив. Мертвое море // Русское слово. 1911. № 158. 10 июля. С. 3.

16. Бунин Ив. Храм Солнца // Современный мир. 1911. № 12. С. 33–42.

17. Бунин И.А. Геннисарет // Русское слово. Москва. 1912. № 297. 25. дек. С. 4.

References

1. Ponomarev, E.R. (2021) *Kniga ocherkov “Khrām Solntsa”: problema zaglaviya i osnovnogo teksta* [The book of essays Temple of the Sun: the problem of the title and the main text]. In: Dvinyatina, T.M. & Morozov, S.N. (eds) *I.A. Bunin i ego vremya: konteksty sud'by – istoriya tvorchestva* [Ivan Bunin and His Time: Contexts of fate – the history of creativity]. Moscow: IWL RAS. pp. 881–889.

2. Bunin, I. (1908) *Zemlya* [Earth]. Collection 1. Moscow: Moskovskoe knigoizdatel'stvo. pp. 231–272.

3. Bunin, I. (1909) *Rasskazy* [Short Stories]. Vol. 5. Saint Petersburg: Izdatel'stvo tovarishchestva “Znanie”. pp. 129–175.

4. Bunin, I.A. (1915) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 4. Petrograd: Izdatel'stvo A.F. Marksa. pp. 100–220.

5. Bunin, I. (1914) *Zolotoe dno. Rasskazy 1903–1907 gg.* [The Golden Bottom. Stories 1903–1907]. Moscow: Knigoizd-vo pisateley v Moskve. pp. 97–141.

6. Bunin, I.A. (1917) *Khrām Solntsa* [Temple of the Sun]. Petrograd: Knigoizd-vo “Zhizn' i znanie”.

7. Bunin, I. (1931) *Ten' Ptitsy* [Bird's Shadow]. Paris: Sovremennye zapiski.

8. Bunin, I.A. (1936) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 1. Berlin: Petropolis. pp. 169–308.

9. Anisimov, K.V. & Shchavlinskiy, M.S. (2022) Historical and literary context of Bunin's travelogue The Temple of the Sun. Whose background let Bunin “come out as a genius”? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 80. pp. 183–210. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/80/9

10. Ponomarev, E.R. (2021) Temple of the Sun or Bird's Shadow? The Poetics of the Travel Poems by Ivan Bunin. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 69. pp. 298–320. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/69/15

11. Bunin, I. (1908) More bogov [The Sea of Gods]. *Severnoe siyanie*. November. 1. pp. 31–46.

12. Bunin, I. (1908) Zodiakal'nyy svet [Zodiacal light]. *Slovo*. 1. pp. 11–39.

13. Bunin, I.A. (1910) Iudeya [Judea]. In: Teleshov, N.D. (ed.) *Drukar'* [Drukar: A Literary Collection]. Moscow: Vspomog. kassa tipografov. pp. 41–69.

14. Bunin, I. (1909) Pustynya d'yavola [Desert of the Devil]. *Russkoe slovo*. 25 December. 296. P. 3.

15. Bunin, I. (1911) Mertvoe more [Dead Sea]. *Russkoe slovo*. 10 July. 158. P. 3.

16. Bunin, I. (1911) Khrām Solntsa [The Temple of the Sun]. *Sovremennyy mir*. 12. pp. 33–42.

17. Bunin, I.A. (1912) Gennisaret [Gennesaret]. *Russkoe slovo (Moskva)*. 25 December. 297. P. 4.

Информация об авторах:

Анисимов К.В. – д-р филол. наук, зав. кафедрой журналистики и литературоведения Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия). E-mail: kianisimov2009@yandex.ru

Пonomarev Е.Р. – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: eronomarev@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

K.V. Anisimov, Dr. Sci. (Philology), head of the Department of Journalism and Literary Studies, School of Philology and Language Communication, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: kianisimov2009@yandex.ru

E.R. Ponomarev, Dr. Sci. (Philology), leading research fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: eronomarev@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 08.07.2022;
одобрена после рецензирования 08.08.2022; принята к публикации 13.03.2023.*

*The article was submitted 08.07.2022;
approved after reviewing 08.08.2022; accepted for publication 13.03.2023.*

Научная статья
УДК 882-054.72 (092) Ремизов
doi: 10.17223/19986645/82/11

Литературная личность А.М. Ремизова в сибирской периодической печати 1910-х гг.

Екатерина Евгеньевна Вахненко¹

¹ *Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия, katy250579@mail.ru*

Аннотация. Рассматривается оценка творчества Ремизова критиками и журналистами на материале публикаций, размещенных в центральных газетах Западной и Восточной Сибири. Представлен анализ произведений в контексте реалистического и модернистского подходов к художественному творчеству, а также дана оценка уровня восприятия читателем литературной личности писателя через ряд спорадических пародийно-критических отзывов, опубликованных на страницах сибирских повременных изданий.

Ключевые слова: Ремизов, Чужак-Насимович, Колтоновская, периодика, «Сибирская жизнь», «Голос Сибири», «Восточная заря», «Сибирь», пародия

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 20-18-00007, <https://rscf.ru/project/20-18-00007/>, ИРЛИ РАН.

Для цитирования: Вахненко Е.Е. Литературная личность А.М. Ремизова в сибирской периодической печати 1910-х гг. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 82. С. 254–270. doi: 10.17223/19986645/82/11

Original article
doi: 10.17223/19986645/82/11

The literary personality of Alexei Remizov in the Siberian periodical press of the 1910s

Ekaterina E. Vakhnenko¹

¹ *Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, katy250579@mail.ru*

Abstract. Based on the material of publications published in the central Siberian periodicals, the article examines critical reception of Alexei Remizov's works. Particular attention is paid to the analytical reviews of Elena A. Koltonovskaya, a Moscow columnist who collaborated with the Tomsk newspaper *Sibirskaya zhizn'*, and Nikolai F. Chuzhak-Nasimovich, a leading journalist and critic of the Irkutsk newspapers *Vostochnaya zarya*, *Sibirskie otgoloski*, *Irkutskoe slovo*. Remizov's works "The Indefatigable Tambourine" and "The Cross Sisters" are analyzed in the context of the realistic and modernist approaches of critics to art, critics' dialogue with representatives of the literary environment of Central Russia. As an example of a lively reaction to Remi-

zov's works, the author of the article presents the view of an anonymous reader, who opposed the Irkutsk critic on behalf of the local intelligentsia, called "The Indefatigable Tambourine" "the delirium of a madman" thus demonstrating not only an absolute rejection of the writer's artistic style, but also unwillingness to perceive new literary trends. The author devotes a separate analytical section to the reviews of Remizov's works, presented sporadically and written without interest in the writer's personality and works; Remizov's legacy was analyzed in the context of the creative approaches of his contemporaries. Particular attention is paid to the parodies published on the pages of the newspapers *Sibirskie otgoloski* (Tomsk) and *Vechernie izvestiya* (Irkutsk) in 1910 and 1918. In line with the editorial policy of the newspapers, oriented mainly towards the mass reader, who got an idea of the writer from publications in the press, parodies of contemporary authors' works were perceived as a vivid characteristic, a kind of a literary portrait. The texts dedicated to Remizov ridiculed the specificity of his language and style, the peculiarities of his creative manner. His socio-political position, which was voiced in one of the key and iconic texts of the revolutionary time, "The Commandment to the Russian People", was presented to the reader in an absolutely destructive ironic manner, distorting Remizov's idea. As a result of the analysis, the author came to the conclusion about the formation of a controversial opinion about Remizov's art, which developed both among the profane readers and the intellectuals. On the one hand, the analytical performances of Koltonovskaya and Chuzhak-Nasimovich contributed to the emergence of a deep and conscious appreciation of Remizov's works; on the other hand, sporadic parodic critical responses deprived the reader of the opportunity to form a holistic view of the constants of the writer's artistic world. Unlike numerous reviews published in St. Petersburg and Moscow, where Remizov's artistic practices were perceived in the context of the contemporary historical and literary atmosphere, and the critics were analyzing the genesis of the author's creative world, the publications of Siberian journalists aroused in readers feelings of antipathy, misunderstanding and rejection of Remizov's manner rather than a desire to comprehend the specifics of the writer's gift.

Keywords: Remizov, Chuzhak-Nasimovich, Koltonovskaya, periodicals, *Sibirskaya Zhizn'*, *Golos Sibiri*, *Vostochnaya Zarya*, *Sibir'*, critical reception, parody

Acknowledgments: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 20-18-00007, <https://rscf.ru/project/20-18-00007/>

For citation: Vakhnenko, E.E. (2023) The literary personality of Alexei Remizov in the Siberian periodical press of the 1910s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 82. pp. 254–270. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/82/11

Творчество известного прозаика-модерниста А.М. Ремизова в 1910-х гг. было достаточно освещено на страницах столичной повременной печати. К этому времени в художественно-литературной среде и в широкой аудитории читателей уже сформировалось вполне устойчивое мнение о писателе, его творческом потенциале, авторской манере письма, специфике языка произведений¹. Однако в провинциальных периодических изданиях, в частности, в сибирской периодике, представление о литературной лично-

¹ См. информацию об откликах и рецензиях на произведения Ремизова в электронной научной системе «Наследие А.М. Ремизова в литературном процессе XX–XXI вв.» (раздел «Библиография»). URL: <http://pushkinskijdom.ru/remizov/Bibliografiay/index.html>

сти¹ Ремизова формировалось достаточно своеобразно: ранние опыты писателя², составившие автору имя и репутацию в интеллектуальных кругах, профессиональной среде, среди читателей Петербурга и Москвы, остались за пределом интереса корреспондентов местных изданий и критиков. Даже история с обвинением Ремизова в плагиате в июне 1909 г., прозвучавшая на разные лады не только в центральной прессе, но и отзвуками в провинциальных газетах³, не нашла упоминания в сибирской печати. Цель настоящей работы – обозначить специфику восприятия личности и творчества Ремизова в сибирской повременной печати 1910-х гг. Наиболее продуктивными в определении сущности творческой личности писателя, его роли и месте в литературном процессе представляются рецептивный и историко-функциональный методы, которые также позволяют обозначить уровень восприятия и понимания специфики художественного мира писателя в генезисе.

Впервые имя Ремизова появилось на страницах ведущих газет Западной и Восточной Сибири в 1910 г.⁴ В начале января в томской газете «Сибирские отголоски» в разделе «Юмористика» была представлена перепечатка из московского издания «Раннее утро» стихотворных анонимных пародий на творчество современных писателей: Вас. И. Немировича-Данченко, Ф.К. Сологуба и А.М. Ремизова. Текст «А. Ремизов. Трогательный рассказ с новейшими славянскими окончаниями глагольных форм», наспигованный словами и выражениями, стилизованными под старославянскую речь, в карикатурной манере подчеркивал чрезмерную увлеченность автора сборника древнерусских легенд и сказаний «Лимонарь сиречь: Луг духовный» (1907) архаической лексикой, старинными сюжетами и темой дьявольского искушения человека: «Бысть нѣкій челоувѣк, / Распростиховѣ с Божескимъ страхомъ, / Прекратиша отцовский вѣкъ / И мать свою уби-

¹ Термин Ю.Н. Тынянова (работа «Литературный факт», 1924). Под литературной личностью понимается представление о писателе как о художественно-эстетическом феномене, которое не только отражает сложившееся общественное мнение о репутации (реноме) автора, но и во многом зависит от его творческих интенций и художественной стратегии, которую он выстраивает в коммуникации с читателем.

² Роман «Пруд» (1905, 1908), книга сказок «Посолонь» (1907), сборник легенд и преданий «Лимонарь сиречь: Луг духовный» (1907), роман «Часы» (1908), сборник «Чортов лог и Полунощное солнце: Рассказы и поэмы» (1908).

³ Ремизов в письме Мих. Мирова <А.И. Измайлов?> «Писатель или списыватель» (Биржевые ведомости. 1909. 16 июня. № 11160. С. 5–6) несправедливо обвинялся в плагиате на основании текстологического сопоставления сказок «Мышонок» (Италии: Лит. сб. СПб., 1909) и «Небо пало» (Всемирная панорама. 1909. № 5. 22 мая. С. 7) с фольклорными источниками из сборника Н.Е. Ончукова «Северные сказки» (СПб., 1908). Подробнее см.: [1–3].

⁴ Материалом для исследования послужили периодические издания 1900–1910-х гг.: иркутские газеты «Восточная заря», «Голос Сибири», «Сибирь», «Новая Сибирь», «Молодая Сибирь», «Вечерние известия», «Наша мысль» / «Сибирская мысль», «Иркутская жизнь», «Иркутское слово»; томская повременная печать: «Сибирская жизнь», «Сибирская мысль», «Сибирские отголоски», «Сибирское слово».

вахомъ. / Дьяволъ быхъ въ мерзости съ нимъ, / Направляхояся длани артиста, / Аще стяжаньемъ немнымъ / Духовныя блага убиста. / Сидящу въ немъ червяку / Онъ почуяхъ глоданіе нынѣ, / И пошедше злодѣй к старику, / Что спсасховѣ душу в пустынѣ; / Паки злодѣя старикъ / Угощаша кнутомъ на дорогу, / Но, сдержаста въ устахъ своихъ крикъ, / За пустынникомъ шедше онъ къ Богу. / Бысть онъ прощенъ отъ отца / И отъ матери взядше прощенье, / И живоша злодѣй до конца, / Замолиховъ свое прегрѣшенъ» [4]. Если о творчестве и особенностях художественного мира Сологуба и Немировича-Данченко сибиряки имели представление, в частности, благодаря критическим статьям, заметкам и сообщениям, публиковавшимся на страницах местной газетной периодики¹, то литературный портрет Ремизова, отраженный в кривом зеркале пародии, не имел в сознании большей части читателей оригинального образа, и представление о творческой манере писателя сложилось в искаженном ракурсе.

Литературно-критический контент ведущих западносибирских временных изданий пополнялся публикациями критиков и журналистов Центральной России. Так, с одним из самых известных и распространенных печатных проектов – политической, литературной и экономической газетой Томска «Сибирская жизнь» – с февраля 1910 г. тесно сотрудничала столичный критик Елена Александровна Колтоновская²; региональные журналисты – поэт Георгий Андреевич Вяткин (московский корреспондент газеты) и Анна Семеновна Кочаровская³, оппозиционно настроенные

¹ До начала 1910 г. о творчестве Сологуба неоднократно писал Н. Чужак в иркутской «Восточной заре» (1909. № 44, 48, 49, 119, 153), корреспонденты томской «Сибирской жизни» (1909. № 74, 212) А. С. Кочаровская и сотрудник под псевдонимом Л. С.; к творчеству Вас. Немировича-Данченко также обращались журналисты иркутских газет «Сибирь» (1908. № 220) и «Восточная заря» (1909. № 24). Стихотворения Сологуба печатались на страницах газеты «Сибирская заря» (1907. № 1; 1908. № 2, 6).

² В 1910-х гг. публиковалась на страницах ведущих петербургских изданий: «Русская мысль», «Вестник Европы», «Образование», «Речь». Подробнее о литературно-критической деятельности Е.А. Колтоновской см.: [5].

³ См.: Георгий В. <вяткин>. Литературные акробаты // Сибирская жизнь. 1911. 1 апр. № 73. С. 5; «Электрическая» литература. (Вместо критической заметки. <о сборнике И. Северянина «Электрические стихи»> (Там же. 1911. 7 мая. № 101. С. 4); У модернистов. (Письмо из Москвы) (Там же. 1911. 15 нояб. № 252. С. 2). Однако поэтическое творчество Вяткина, автора сборника стихов «Под северным солнцем» (1913), было признано близким к модернистскому искусству, в частности к художественной манере С. Городецкого (см.: Роменко Е. Поэзия красоты // Сибирский архив. 1914. Янв. С. 11–16), неоднократно отмечалось влияние символистов и звучание декадентских мотивов в его лирике. Реалистичность прозы Вяткина отмечала Е. Колтоновская (см. отклик на рассказ «Праздник»: Колтоновская Е. Новости беллетристики // Сибирская жизнь. 1911. 10 апр. № 80. С. 2). Также о критико-библиографической работе Вяткина 1900–1910-х гг. см.: [6]. Об истории и редакционной политике газеты см.: [7]. А.С. Кочаровская помимо работы в томских изданиях в сентябре – декабре 1914 г. активно сотрудничала с газетой «Иркутская жизнь», публикуя аналитические статьи о классиках русской и зарубежной словесности, о творчестве современных писателей реалистического направления.

к модернизму, формировали представление о современной словесности в контексте устоявшихся реалистических взглядов на литературный процесс, подвергая критике творческие импульсы писателей нового течения.

В Восточной Сибири ведущим литературным критиком был Николай Федорович Насимович, который в 1908 г. приехал в Иркутск из ссылки в Братско-Острожной волости, стал сотрудником газеты «Восточная заря». Под псевдонимом Чужак, заимствованным из партийной работы, он печатался в местных газетах 1910-х гг., выступая с обзорами современной беллетристики. Его позиция как ведущего журналиста и критика основывалась на утверждении, что современная словесность далека от классической традиции и литературы в этом понимании уже не существует. Однако творчество ряда авторов – Л.Н. Андреева, Ф.К. Сологуба, М.П. Арцыбашева, С.Н. Сергеева-Ценского – все же привлекло его внимание: отстаивая позиции модернистов, восхищаясь возможностями их свободного, выразительного и яркого языка, Насимович открывал для иркутских читателей новые грани отечественной словесности. Практически в каждой статье он апеллировал к творчеству Сологуба, считая его одним из ведущих модернистов и оригинальных современных писателей, отмечая импрессионистичность языка произведений¹. В этот же ряд писателей нового искусства в июле 1910 г. был помещен и А.М. Ремизов.

Глубокому критическому анализу в сибирской периодической печати подверглись два произведения Ремизова: «Неуемный бубен» и «Крестовые сестры», увидевшие свет в 1910 г.

11 июля 1910 г. в ведущих газетах Томска «Сибирская жизнь» и Иркутска «Восточная заря» синхронно появились отклики Н. Чужака и Е. Колтоновской на повесть «Неуемный бубен», опубликованную в первой книге петербургского «Альманаха для всех». Специфическая художественная манера писателя трактовалась Колтоновской как стремление автора к новому типу словесного искусства, позже обозначенному как неореализм²: «Повесть Ремизова в высшей степени интересна симптоматически – как новое доказательство большого настойчивого стремления теперешней молодью литературы к реализму» [8. С. 4].

К июлю 1910 г. были известны четыре отклика на «Неуемный бубен» в повременной печати, представленные сотрудником газеты «Киевская мысль» и журнала «В мире искусств» Н. Валентиновым (Вольским)³,

¹ См., например, пространную статью о специфике языка Сологуба «Творчество слова» (Восточная заря. 1910. 28 сент. № 218. С. 2; 30 сент. № 220. С. 2). В полемической статье «Быть или не быть русскому символизму? Или: г. Львов-Рогачевский в модернистской шкуре» он ясно обозначил приоритет символистского искусства над реалистическим (Восточная заря. 1910. 5 дек. № 277. С. 2).

² К неореализму Е. Колтоновская также относила творчество Б.К. Зайцева, С.Н. Сергеева-Ценского, А.Н. Толстого.

³ См.: Валентинов Н. Альманах для всех. Кн. 1. Изд. «Нового журнала для всех», 1910 // Киевская мысль. 1910. 6 апр. № 96. С. 2; К. 3. <Вольский Н.В.> Альманах для всех. Кн. 1. Изд. «Нового журнала для всех». СПб., 1909 // В мире искусств. 1910. № 1/3. С. 57–58.

М. Кузминым и К. Чуковским в апрельском выпуске журнала «Аполлон» и в июньском номере газеты «Речь». Общий тон этих выступлений был воспринят и передан сибирскому читателю в двух основных постулатах. Следуя за мнением Кузмина о хаотичности и вялости повествования, создающейся за счет чрезмерной детализации, эпизодичности, перегрузки снами и рассказами персонажей [9], Колтоновская отметила избыточность содержания повести: перегруженность мелкими деталями, подробностями быта, описанием картин действительности, в которых нет цельности и не чувствуется пульса жизни: «У описываемой им жизни постепенно испарилась душа; остался один ее внешний скелет, одни детали, яркие, красноречивые, но все же мертвые» [8. С. 4]. Мысль К. Чуковского, назвавшего Ремизова «виртуозом по изображению всяческого страха», мастером изображения «от мелкого ночного кошмара до необъятного вселенского ужаса» [10], она продолжила, выделив доминанту произведения – деградирующие герои, потерянные во мраке жизни: «Развеется ли когда-нибудь мрак, окутывающий эту Русь? Взойдет ли для нее солнце новой жизни?.. Пока-то, во всяком случае, материала для гоголевской кисти в ней (в повести. – Е.В.) достаточно» [8. С. 4].

Совершенно иной взгляд на «Неуемный бубен» был высказан критиком иркутской газеты «Восточная заря» Н. Чужаком-Насимовичем, воспринявшим литературную личность писателя с позиций поклонника модернистского искусства – как творца особого мира, для которого немаловажной сутью мировидения являются фантазия и воображение. Если Колтоновская отметила, что в повести Ремизова «нет художественного центра и нет естественных границ» [8. С. 4], то Насимович, тяготеющий к эстетике модернизма, акцентировал внимание на богатстве художественного мира произведения и авторских новациях. Впервые сибирскому читателю был дан небольшой экскурс в творчество Ремизова, проделывающее «прелюбопытные зигзаги <...> по своей неожиданности. Не эволюцию, а именно зигзаги» [11]. Поставив повесть в один ряд с «Мелким бесом» Сологуба и «Лесной топью» Сергеева-Ценского (по принципу погружения читателя в быт), он отметил, что Ремизов более глубоко изображает мир вещей и человека в нем. В «Неуемном бубне», заявил критик, показаны «только отношения между вещами», но это мнимый натурализм, напоминающий Золя и Боборыкина, поскольку через этот мир вещей виден человек, который «говорит через вещь», вещи живут, в них есть душа, которая открывает читателю и душу их хозяина. Чужак также подчеркнул выразительность, красочность, новизну языка Ремизова, который «может идти в сравнение с талантливейшим из модернистов». В отличие от Колтоновской, увидевшей лишь деградирующего героя, растворенного во мраке вещей и мелких деталей быта, иркутский критик отметил детерминацию человека бытом: Стратилатов, являясь рабом бессистемной, разрозненной обстановки, существует с вещами, оказывается не способным эти вещи «претворить в себе», но герой сохраняет «живую искру» – чувство, которое выше «мертвенной разрозненности» вещей.

Такая интерпретация повести Ремизова вызвала негодование одного из иркутских читателей, приславшего в редакцию «Восточной зари» письмо от лица местной интеллигенции и подписавшегося криптонимом К.Л. Оно было адресовано лично Чужаку. В третьей части статьи-отповеди «Два читателя» критик назвал это письмо анонимным плевком и довел до сведения читающей публики это возмутительное послание полностью: «М. г., Вас считали умным и дельным. Но вы взялись за критику бреда сумасшедшего “Неумный бубен” и разобрали эту повесть глупо, а потому от интеллигенции заслуживаете только презрения» [12]. Ответ Чужака был ироничен и экспрессивен: «Вы простите меня за нескромность, но я должен присланное вами мне письмо привести здесь полностью. Во-первых, мы уже условились с вами не бояться щекотки, а во-вторых, оно, ваше письмо, конечно, по рассеянности вашей, послано без подписи. Да мне и не к чему знать, *кто* вы: вы ведь для меня – *явление*, вы – тот, *другой* читатель, познакомиться с которым *и не только мне* полезно¹ <...> Одно мне утешение в моей печали остается, г-н читатель. Не всякий гром, как вам известно, бывает из тучи... Вы, шлющий мне свое “презрение” (“заслуженное” мною... за одну лишь “глупость”), вы откройте мне, от имени какой “интеллигенции” орудуете вы своим “презрением”? Скажите мне, кто ваши доверители, и скажу вам, из какой иркутской “тучи”, столь сердитой, гром раздался!..» [12].

В октябре 1910 г. Насимович, размышляющий об интересах и художественных ориентирах современного читателя, взволнованный претенциозным обвинением иркутского анонима, в первый и последний раз разместил статью в томской еженедельной газете «Сибирские отголоски», вероятно, стараясь донести свою позицию и до западносибирской аудитории. В статье «Читатель наших дней» Чужак отмечал тенденцию снижения в обществе интереса к серьезной литературе и увлечения беллетристикой. Развенчивая миф о том, что писатель так или иначе знает свою аудиторию, называя читателя «капризным существом», «трудно уловимым определением» [13], он с горькой иронией отозвался о современных авторах (Арцыбашеве, Каменском, Рославлеве, Андрееве), выбравших новый способ коммуникации со своими реципиентами – диалог «слуг» с «повелителями». Чтобы не быть развенчанными и заклеяменными, писатели, самоуничужаясь, все чаще «обнажаются» перед читателем, признаваясь публично в своих «проступках»². Уже через месяц на страницах «Восточной зари» Чужак продолжил свои рассуждения о многоликости современного читателя, которого критик и писатель разными способами пытаются познать, отметив эклек-

¹ Речь идет о первой части статьи, в которой автор рассуждал о двух типах современного читателя.

² Тему необходимости раскрытия писателя как личности в контексте бытовой и социальной жизни поднимал и Г. Вяткин в статье, посвященной И.С. Тургеневу: *Вяткин Г.* Литература и писатели. IV. К характеристике взаимоотношений между писателями и читателями // Сибирская жизнь. 1910. 15 июля. № 155. С. 2.

тичность в содержательном контенте и засилье анкет на страницах периодической печати¹. И наконец, в обзоре минувшего литературного года он вынес вердикт образу современного читателя: «Читатель... Читатель, как и в 1909 году, был таким же непонятным и таким же – да простит мне повелитель! – чуточку нелепым и... разрозненным» [14].

17 сентября 1910 г. в тринадцатой книге «Литературно-художественного альманаха издательства “Шиповник”» вышла в свет повесть Ремизова «Крестовые сестры», которая была также неоднозначно представлена читательской аудитории Западной и Восточной Сибири.

10 октября свой взгляд на произведение отразила Е. Колтоновская в газете «Сибирская жизнь», назвав Ремизова достойным современником и наследником модернистов Л. Андреева и Ф. Сологуба: «Искалеченные, отвернувшиеся от жизни, сидят эти писатели в душном подполье и строчат там свои пародии на жизнь и вопят, что они задыхаются без воздуха»² [15. С. 2]. Взгляд автора «Неуемного бубна» и «Крестовых сестер» на мир и человека в нем критик определила как неизменно пессимистичный: «К Ремизову я присматривалась давно и почему-то не доверяла его пессимизму. <...> Но относительно философии Ремизова я сомневалась. Мне казалось, что его “отрицание” и пристрастие к уродствам – главным образом вычурность, дань моде; что внутренне <так!>, его влечет к себе жизнь во всей ее полноте и разнообразии. Судя по этой новой, беспросветно пессимистической повести, я ошиблась...» [15. С. 2]. Отметив эволюцию писателя в художественном отношении, настойчиво относя его творчество к молодой литературе неореализма (по принципу сочетания лирического и бытового начала), она писала о философии фатализма, жестокости жизни и обреченности человека. Герой повести – чиновник Маракулин – в силу обстоятельств сломился, стал скептиком и пессимистом, как и все действующие лица, населяющие Бурков дом (символизирующий как центр Петербурга, так и весь мир), несет свой крест и ждет конца. И все же Колтановская заключила, что Ремизову неприятны всякая инициатива и тяга к протесту, осознание человеком своего достоинства. Мысль о фаталистической обреченности человека она повторила и в ноябрьском номере петербургского журнала «Отклики художественной жизни».

В конце декабря Н. Чужак в газете «Голос Сибири» (переименованная с 10 декабря 1910 г. «Восточная заря») опубликовал статью «Кошмар быта», продолжая уже заявленную тему «ремизовщины», которую понимал как

¹ Чужак Н. Литературный дневник // Восточная заря. 1910. 21 нояб. № 265. С. 3.

² Впервые о подполье, из которого Ремизов смотрит на мир, высказался К. Чуковский (см.: Чуковский К. Для чего мы живем («Крестовые сестры», повесть Алексея Ремизова: Альманах «Шиповника», кн. XIII // Речь. 1910. 26 сент. (9 окт.). № 264. С. 2–3). Колтоновская, вновь опираясь на замечание петербургского критика, пишет об атмосфере подполья (тотального страха писателя и его героя перед жизнью); в ноябре эту мысль подхватит и разовьет Владимир Кранихфельд, отзывавшись на произведения Ремизова «Крестовые сестры» и роман «Пруд» (1905): Кранихфельд Вл. В подполье. Закржевский, Арцыбашев, Ремизов // Современный мир. 1910. № 11. Отд. 2. С. 82–100.

неустанную борьбу писателя с бытом. Утверждая, что Ремизов, как и Сологуб, «стихийно не приемлет быта» [16], Насимович попытался развенчать формирующийся в среде литературных критиков миф об авторе «Неуемного бубна» и «Крестовых сестер», с декадентской тоской воспевающим ужасы темной и беспросветно-тупиковой российской действительности, представленные в нескончаемой череде мелких подробностей и нелепых жизненных реалий¹.

Автор статьи впервые обратил внимание читателя не на изображаемый объективный мир повести, создающий впечатление косности жизни, гнетущего существования человека в мире страха, зла и насилия, а на способ обличения Ремизовым этой действительности и своеобразной борьбы с ее сутью: «Ремизов подходит к быту ласково, беседует с ним вкрадчиво, и не подходит – *входит* в быт, – затем... чтобы изнутри <так!> его взорвать» [16]. Ремизов, по утверждению Насимовича, наметил путь выхода человека из хаоса и давления быта в воле и эмпатии человека, в отклике на страдания и беды окружающих его людей, в сопричастности к ним («если бы люди вглядывались в друг друга и замечали друг друга»): быт может победить только герой, преображающий и творящий жизнь. Однако в образе отчаявшегося и сломленного бедами чиновника Маракулина, который способен чувствовать, переживать и страдать, но оказался духовно слаб и не нашел в своем одиночестве силы противостоять социуму, Ремизову не удалось создать художника жизни: «<...> быт, удушающий, кошмарный быт отпраздновал свою вампирову победу над художником, пошедшим по *тяжелому* пути, но с *ограниченным* запасом сил. Быт задушил художника – как тот же быт задушил и героя его кошмарной удручающей повести – обиженного, но не замечающего обид, уволенного бухгалтера Маракулина» [16]. Говоря не только о Ремизове, но и о Маракулине как о созидателе, творце, потенциально способном вступить в поединок с омертвелыми душами и давящей затхлой средой, критик лишил автора и его героя силы возможного преображения действительности, изменения человека и заключил: «И места Маракулину не оказывается... Так кончилось сражение художника с бытом. Исход его можно было предвидеть. Для художника с большим, нежели у автора, запасом сил, оно продлилось, может быть, дольше, – Ремизов свой поединок *кончил*. Быт отпраздновал свою победу <...> И вот – когда придет этот великий художник – с ясным взором, мощным духом, с огненным, ведущим словом, – лишь тогда, когда только настанет в творчестве-искусстве “настоящий день”. Ну, а пока мы – “накануне” <...>» [16].

Статьи Н. Чужака, симпатизирующего модернистам и акцентирующего внимание читателя на идее жизнестроительства в искусстве и личности

¹ См. отзывы в центральной печати: Б-н А. (Однодум). VIII. Ва-банк // Русская жизнь. 1910. № 8. С. 16–170; Кузмин М. XIII Альманах издательства Шиповник (СПб. 1910) // Аполлон. 1910. № 11. С. 49–50; Чуковский К. Для чего мы живем («Крестовые сестры»), повесть Алексея Ремизова. Альманах «Шиповника», кн. XIII // Речь. 1910. 26 сент. (9 окт.). № 264. С. 2–3.

художника-творца¹, значительно отличались от взглядов на современный литературный процесс других журналистов и критиков, сотрудничавших с иркутскими газетами. Например, в июльском номере 1911 г. газеты «Голос Сибири» появилась пространная статья о «Крестовых сестрах», в которой автор, подписавшийся криптонимом С. Ф., повторил уже прозвучавшую в работе Колтоновской мысль о фатализме автора и его героя: «Так Ремизов, не найдя выхода и не видя ничего в жизни, кроме злых и темных сил, заставил своего героя покончить с жизнью. Только в смерти нашел Маракулин свою потерянную радость» [18].

В отличие от развернутых аналитических разборов Чужака-Насимовича произведения Ремизова интересовали представителей восточносибирской журналистики опосредованно, их критические отзывы и спорадические оценочные отклики не представляли оригинального взгляда на творчество писателя. Так, журнальным обозревателем иркутской газеты «Сибирь» Л. С-ва (криптоним раскрыть не удалось) творчество Ремизова было определено, в сравнении с произведениями А.Н. Толстого, как лишенное «чувства живой, теплой любви к писателю», несмотря на глубину его проникновения в жизнь и широту наблюдений. Манера изображения действительности Ремизовым была названа вымученной, язык и стиль вычурным и манерным, а «свой небольшой, но безусловный талант», заключил журналист, автор «Крестовых сестер» «разменивает на пустячки» (речь идет о рассказах «Стан половецкий» и «Чертыханец»²). В отзыве вновь отмечены страх Ремизова перед жизнью, болезненное увлечение ужасами, кошмарными снами и чертовщиной. Автор заключил: «Нам чуждо и неприятно такое творчество, которое проходит мимо светлой стороны жизни, не хочет видеть и признавать ее, оно тенденциозно и утомительно» [19].

Рассказ «Чертыханец» не оставил равнодушным и сотрудника иркутской газеты «Наша мысль» Михаила Казанцева³, который, отметив в руб-

¹ Так, в статье 1909 г. критик высказал взгляд на способ отображения действительности в современной литературе: «Я вовсе не сторонник той идеи, что художник должен непременно давать “иконографию действительности”. Но то, что Сологуб дал только “иконографию своей души” – это совершенно правильно. Тем более, что всякий вообще художник рисует жизнь не так, как она есть, а так, как она ему представляется» [17].

² Рассказ «Стан половецкий» увидел свет в первой книге 1910 г. журнала «Русская мысль»; «Чертыханец» был опубликован в четвертой книге «Русской мысли» за 1911 г. См. отзывы критика под общим названием рубрики «Журнальное обозрение» (Сибирь. 1910. 21 февр. № 43. С. 2; 1911. 22 мая. № 114. С. 2).

³ Михаил Казанцев сотрудничал в качестве литературного и театрального критика, журнального обозревателя с иркутскими газетами «Наша мысль» (переименованная в 1911 г. газета «Сибирская мысль», где публиковал аналитические статьи об отечественной и зарубежной литературе и современной критике, театральной жизни и искусстве, вел рубрики «Современное искусство и литература» / «Летопись современного искусства и литературы», «Театр и музыка», «Библиография») и «Иркутская жизнь» (в 1915–1916 гг. вел рубрику «Литературные заметки», публиковал отзывы на произведения современников и классиков (Белинского, Достоевского, Чехова); как московский

рике «Летопись современной литературы и искусства» факт интереса критиков к «Крестовым сестрам», акцентировал внимание читателя на сути яркого и оригинального дара Ремизова, в сравнении с творчеством А.Н. Толстого: «Первый <Толстой> пока еще своими талантливими рассказами находится в области “обещаний” и “надежд”, а на второго критика обратила внимание немного поздновато. Ибо талантливый писатель настолько много написал и так определенно сложился в своем писательском облике, что его давно уже пора было признать одним из выдающихся писателей нашей литературы» [20]. Отметив зависимость Ремизова от поэтики Достоевского (по уровню изображения страдания человека в мире), критик, первым откликнувшийся на рассказ, заявил, что доминантой всего творчества писателя становится стремление к инфернальности на уровне быта, обозначение фатальной предопределенности трагического конца героев его произведений, которые «живут, как все *обыкновенные* люди, имеют все *обыкновенные* свойства обывателя, а кончают обязательно как-нибудь трагически и часто со вмешательством “нечисти”. “Чертовщина” эта так и сливается с обыденностью, что трудно их отличить. Черт ли есть обыденщина, или заедающая скука прозаической бессмыслицы – жизнь есть черт, герои не могут разобраться. Но чувствуют, что это два родственные явления» [20]. Мысль о неделимости ужасного и обыденного как сущности жизни человека отметил и петербургский литературный критик Валериан Чудовский в статье, частично посвященной рассказу Ремизова¹.

В декабре 1912 г. в иркутской газете «Сибирь» в серии критических очерков «Литературные письма» появился отклик на повесть Ремизова «Пятая язва» недавнего ссыльного, журналиста, критика и этнографа Наума Леонтьевича Геккера, который в это время уже жил в Одессе, но продолжал сотрудничество с иркутскими изданиями². Пересказав повесть читателю, сосредоточив внимание на фигуре главного героя – следователя Боброва, он отметил лишь гнетущее впечатление от произведения, написанного тягучим и тяжеловатым языком³.

С середины 1911 г. в восточносибирской периодике личность и творчество Ремизова перестали привлекать интерес литературных критиков и

корреспондент издания в 1916 г. писал о новинках периодической печати и событиях литературно-книжного мира Центральной России).

¹ См.: Чудовский В. О «Русской мысли» <...> «Чертыханец» Алексея Ремизова // Аполлон. 1911. № 8. С. 64–65.

² Н.Л. Геккер (наст. имя и отчество Нахман Левикович) с 1883 по 1891 г. находился в якутской ссылке. С 1896 г. жил в Иркутске, изучал архивные и этнографические материалы о жизни и быте якутов (является автором антропологического очерка «К характеристике физического типа якутов», Иркутск, 1896). Печатался в сибирских газетах: «Восточное обозрение», «Сибирская жизнь», «Сибирь»; центральных и региональных изданиях: «Русское богатство», «Современник», «Заветы», «Северные записки», «Одесские новости».

³ См.: Геккер Н. Литературные письма. IV. «Земля», сборник 10. – «Шиповник», альманах 18 // Сибирь. 1912. 16 дек. № 284. С. 2–3.

публицистов¹. После 1911 г. интерес Чужака-Насимовича к творчеству писателя постепенно угас: уже в апреле 1912 г. в статье, посвященной выходу московского альманаха «Жатва», он холодно отозвался о «Попрании клятвы Адамовой»: «...о ней, как и о других апокрифах этого талантливом в общем автора, сказать ровно нечего. Кроме того, что читать их нужно с “источниками” в руках. Список “источников” автор, кстати, так предупредительно всегда и прилагает» [21. С. 2]. В это время Насимович в определенной степени отстранился от активной позиции литературного критика и журнального обозревателя, с весны 1911 г. он перестал сотрудничать с «Голосом Сибири», газетой, в которой сформировал четкую редакционную политику в области словесности и, несомненно, поднял уровень читательского интереса к современной литературе. Можно с уверенностью утверждать, что яркие, независимые и, несомненно, оригинальные публикации Чужака в ряде иркутских изданий наметили формирование литературного диалога между Сибирью и Центральной Россией².

¹ Отметим редкие упоминания о произведениях писателя «Неумный бубен», «К морю – океану», «Чайничек». См.: М. П.-н. Литературная неделя <обозрение> // Восточная заря. 1910. 2 мая. № 100. С. 2–3; Дубровский К. Литературные заметки. Шаг вперед или обращение вспять? («Всеобщий журнал». – Январь 1911 г.) // Сибирь. 1911. 12 февр. № 35. С. 2; Казанцев Мих. Мертвецы: (Литература и жизнь) // Иркутская жизнь. 1915. 25 дек. № 327. С. 4.

² В дореволюционный период с 1912 г. он продолжил редакторскую и критическую работу в газете «Иркутское слово», редко выступая с обзорными статьями, сотрудничал с «Молодой Сибирью», где с осени опубликовал в рубрике «Литературный дневник» впечатления о региональной словесности, размещал заметки о театральной жизни, в этом же направлении в 1912–1914 гг. работал в газетах «Иркутская жизнь», «Новая Сибирь»; в журнале «Сибирский архив» (с середины 1916 г. выходил под заголовком «Сибирская летопись») в 1913–1916 гг. писал статьи о творчестве местных поэтов (И.В. Федорове-Омулевском, П. Драверте, И.И. Тачалове), размышления о сибирской интеллигенции. В 1915 г. в Иркутске в книгоиздательстве «Ирисы» вышла в свет книга Чужака «Сибирские поэты и их творчество. Вып. I», в которой автор тематически объединил критические очерки, ранее опубликованные в повременной печати (также см. рецензию на сборник: *Забиранник* М. Н.Ф. Чужак. Сибирские поэты и их творчество. Вып. I <...> // Алтайское дело. 1916. 10 янв. № 7. С. 3–4). В 1916 г. Насимович практически отстранился от критической работы в периодических изданиях. Ф. Сологуб, совершивший поездку по Сибири, в частности в октябре останавливавшийся в Иркутске, свидетельствует: «Познакомился с Чужаком. Молодой человек довольно жизнерадостного вида, по манерам нечто вроде смеси Минского и Луначарского. Заведует какою-то маленькою типографией <так!>. В сибирских газетах не участвует. <...> Под руководством Чужака образовался кружок поэтов, выпустили сборник “Иркутские вечера”, издают журнал “Багульник”» [22. С. 366]. Доминантой поэтического творчества молодых поэтов – не сибиряков, объединившихся под руководством Чужака в этих проектах, отчасти авангардных для иркутской интеллектуальной среды, стал призыв к обновлению, к свежим и оригинальным, самобытным образам, мотивам, языку (обозначен Чужаком в итоговой статье 1920 г.): «В стране непробужденных просторов и злых морозных туманов, где искусство живет вчерашним днем, где поэзия кажется тихой заводью, пугающей свежего ветра, мы, немногие, случайно спянные временем и местом, дерзаем вступить на путь действенного и гласного творчества» [23. С. 67]. После рево-

Также внимание к наследию Ремизова угасло и в Западной Сибири: после аналитических статей Е. Колтоновской имя автора «Крестовых сестер» практически не появлялось на страницах повременной печати, как неотмеченной осталась повесть «Пятая язва», а также ключевой момент творческой биографии писателя – выход в свет в 1910–1912 гг. в издательстве «Шиповник» восьмитомного Собрания сочинений, переизданного в 1912 г. редакцией «Сирина». Вероятно, это было связано с изменением в составе сотрудников ведущей томской газеты и их литературными приоритетами: с середины 1911 г. публикации Е. Колтоновской редко появлялись на страницах издания, новости современной литературы освещались критиками А. Южаниным (А.М. Иерусалимский), Иосифом Ивановым, Альфредом Глютом и Георгием Вяткиным. В 1913 и 1914 гг. в газете «Сибирская жизнь» в рубрике «Литературный дневник» анонсировались рассказы писателя, готовившиеся к публикации в петербургских изданиях¹.

С сибирскими журналами и газетами Ремизов никогда не сотрудничал: на страницах ведущих периодических изданий в 1910-х гг. не было напечатано ни одного произведения писателя. Но интерес автора «Крестовых сестер» и «Неуемного бубна» к фольклору и культуре сибирских народов возник в конце 1913 г., когда он познакомился с начинающими авторами-сибиряками Вяч. Шишковым и Г. Гребенщиковым и намеревался посетить Алтай². В период исторических потрясений, в 1915 и 1919 гг., редакции уральских газет разместили перепечатки из центральной прессы легенд и сказаний Ремизова, отвечавших событиям и духу времени, без ссылок на источник³.

люции Насимович сблизился с лефовцами, публиковал отзывы и рецензии под уже известным и новым псевдонимом Дилетант, выпустил книгу «Сибирский мотив в поэзии» (Чита, 1922), посвященную творчеству поэтов-областников и футуристов (Д. Бурлюку, Н. Асееву, С. Третьякову).

¹ См. публикации в номерах: 1913. 3 дек. № 266. С. 4; 1914. 4 марта. № 46. С. 3. Речь идет о произведениях: Святочное. Оказион: рассказ [I–IV] // Заветы. 1913. Кн. 12. Отд. 1. С. 13–34; Весеннее порошье: рассказы // Ежемесячный журнал. 1914. № 1. С. 41–44; Кузовок: Вещь темная // Альманах «Сирин». СПб., 1914. Сб. 3. С. 357–409; Несекомая пуповина // Нива. 1914. 1 марта. № 9. С. 162–169; 8 марта. № 10. С. 182–189; Свет неприкосновенный: рассказы. От наших старинных повестей русских // Северные записки. 1914. № 1. С. 48–57. Также в мартовском номере 1914 г. было анонсировано первое монографическое исследование творческого наследия Ремизова, выполненное профессором кафедры русской словесности Новороссийского университета А.В. Рыстенко «Заметки о сочинениях Алексея Ремизова: Сочинения Алексея Ремизова, тт. I–VIII, издательство: “Шиповник”, СПб., 1911–1912 г.» (Одесса, 1913).

² О личных контактах Ремизова с Шишковым и Гребенщиковым и о цикле авторских сказок, художественно обработанных сюжетах устного творчества коренного населения Восточной Сибири: якутов, манегров, карагасов, чукчей и бурят, см.: [24].

³ См.: Народное сказание // Уральский старообрядец. 1915. № 1. С. 19–22; Доля солдатская // Голос сибирской армии. 1919. 4 апр. № 4. С. 4; За родину // Голос сибирской армии. 1919. 4 апр. № 4. С. 2–3; Сибирские стрелки. 1919. 20 марта. № 47. С. 2; Уральский маяк. 1919. 20 апр. № 36. С. 3–4; Николин завет // Сибирские стрелки. 1919. 12 апр. № 70. С. 3; Хлебный голос // Там же. 1919. 10 апр. № 68. С. 2.

Последним откликом на общественно-политическую позицию писателя, выраженную в «Заповедном слове Русскому народу», стала перепечатка из «Красной газеты» пародии Д. Бедного «Заповедное слово» (подписана псевдонимом Дед Софрон), размещенная на страницах иркутского рабоче-крестьянского издания «Вечерние известия». Слово Ремизова – это воззвание к русскому народу, который многие века олицетворял святую Русь, а в настоящем, по мнению автора, несет каинову печать, погряз в воровстве, стяжательстве и насилии¹. В контексте революционной антихристианской позиции Бедного – глашатая ценностей большевизма – идея произведения Ремизова представлена читателю в абсолютно деструктивном ироническом смысле в контексте классовой борьбы: «Очень, ребята, господа убиваются, / Слезами так и заливаются, / Выводят на бумаге вензеля: / Горе тебе, русская земля! / Дожили мы, хоть с моста в воду? – / Читал я “Заповедное слово русскому народу” / Писателя Ремизова Алексея: / – Пропала, говорит, Рассея! <...> Так лопочет Ремизов Алексей, / Почитает он мужиков за карасей. / Забыли, дескать, караси свое предназначение, / Поперли на широкое течение, / Замутили все русские реки, / Оставшись без господской опеки, / Прошлой покорности нету в помине, / Не хотят караси смиренно лежать в тине, / Речи господские слушать, / Крохи господские кушать, / Заглатывать червячка / С господского крючка, / И после кухонной обработки / Плясать среди горячей господской сковородки <...>» [25].

Несомненно, подобные оценочные отклики и редкие публикации небольших произведений на страницах сибирской периодики способствовали формированию довольно противоречивого представления о творчестве Ремизова у основной читательской аудитории. Петербургские и московские критики рассматривали становление художественных практик Ремизова в контексте историко-литературной атмосферы, отмечая генезис его творчества. Интеллектуальная публика Западной и Восточной Сибири была лишена целостного представления о литературной личности писателя, константах его художественного мира. Спорадические пародийные и критические отклики на отдельные произведения Ремизова вызывали у читателя, скорее, чувства антипатии, непонимания и неприятия авторской манеры, чем желание постичь специфику его писательского дара.

Список источников

1. Данилова И.Ф. Писатель или списыватель?: (К истории одного литературного скандала) // История и повествование : сб. ст. / под ред. Г.В. Обатнина, П. Песонена. М. : Новое лит. обозрение, 2006. С. 279–316.
2. На вечерней заре. Письма А.М. Ремизова С.П. Ремизовой-Довгелло: 1909 год (вступ. ст., подгот. текста и коммент. Е.Р. Обатниной) (окончание) // Русская литература. 2016. № 2. С. 162–211.

¹ См.: *Заповедное слово Русскому народу* // Россия в слове. 1918. 12 апр. № 1. С. 17–19.

3. Вахненко Е.Е. А.М. Ремизов в изданиях С.М. Проппера «Биржевые ведомости» и «Огонек»: к истории сотрудничества (1907–1911) // Сибирский филологический журнал. 2016. № 4. С. 79–92.
4. Пародии // Сибирские отголоски. 1910. 6 янв. № 4. С. 4.
5. Грачева А.М. Колтоновская Елена Александровна // Русские писатели. 1800–1917: биограф. слов. / гл. ред. П.А. Николаев. М.: Большая Российская энциклопедия. Т. 3: К–М. 1994. С. 29–30.
6. Яковенко А.В. Г.А. Вяткин как рецензент сибирских изданий начала XX века и исследователь культуры чтения в Сибири // Вестник Омского университета. 2007. № 2. С. 86–90.
7. Жиликова Н.В., Шевцов В.В., Евдокимова Е.В. Периодическая печать томской губернии (1857–1916): становление журналистики и формирование регионального самосознания : учеб. пособие. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2015. (Гл. 4: Томская журналистика 1910-х годов).
8. Колтоновская Е. Новости молодой литературы // Сибирская жизнь. 1910. 11 июля. № 152. С. 3–4.
9. Кузмин М. Альманах для всех. Кн. 1. Изд. «Новый журн. для всех», 1910 <...> Огни: Литературный альманах памяти В. Башкина. СПб.: Новый журнал для всех, 1910 // Аполлон. 1910. № 7. С. 43–44.
10. Чуковский К. Последние рассказы Алексея Ремизова («Рассказы», СПб., 1910. «Неуемный бубен». Альманах для всех, 1910) // Речь. 1910. 14 июня. № 160. С. 3.
11. Чужак Н. Неуемный бубен: (Повесть А. Ремизова в «Альманахе для всех») // Восточная заря. 1910. 11 июля. № 154. С. 2.
12. Чужак Н. Литературный дневник. III. Два читателя // Восточная заря. 1910. 15 авг. № 182. С. 2–3.
13. Чужак Н. Читатель наших дней // Сибирские отголоски. 1910. 30 окт. № 72. С. 3.
14. Н. Ч. <Чужак Н.>. Литературные заметки. (Минувший год) // Голос Сибири. 1911. 1 янв. № 1. С. 3.
15. Колтоновская Е. Молодая литература. (Альманах «Шиповник», кн. тринадцатая) // Сибирская жизнь. 1910. 10 октября. № 225. С. 3–4.
16. Чужак Н. Литературный дневник. II. Кошмар быта // Голос Сибири. 1910. 25 дек. № 14. С. 3.
17. Чужак Н. Без творчества: (Ф. Сологуб. «Старый дом») // Восточная заря. 1909. 18 июня. № 49. С. 1.
18. С.Ф. Заметки читателя. «Крестовые сестры» Ал. Ремизова // Голос Сибири. 1911. 13 июля. № 155. С. 2–3.
19. Л. С-ва. Журнальное обозрение // Сибирь. 1911. 22 мая. № 114. С. 2.
20. Казанцев Мих. Литературные штрихи // Наша мысль. 1911. 1 мая. № 117. С. 2.
21. Чужак Н. «Жатва». Журнал литературы. Зима 1912 г. Москва // Иркутское слово. 1912. 30 апр. № 18. С. 2–3.
22. Неизданный Федор Сологуб / под ред. М.М. Павловой, А.В. Лаврова. М. : Новое лит. обозрение, 1977. 576 с.
23. Чужак Н. От Бальдауфа до наших дней: (Сибирский мотив в поэзии) // Сибирский мотив в поэзии. Чита, 1922. С. 61–79.
24. Вахненко Е.Е. Рецепция и трансформация фольклорных сюжетов коренных народов Сибири в сказках А. Ремизова // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 431. С. 19–28.
25. Дед Софрон <Бедный Д.>. Заповедное слово // Вечерние известия. 1918. 15 мая. № 56. С. 2.

References

1. Danilova, I.F. (2006) Pisatel' ili spisovatel'? (K istorii odnogo literaturnogo skandala) [Writer or copyist? (On the history of a literary scandal)]. In: Obatnin, G.V. & Pesonen, P. (eds) *Istoriya i povestvovanie* [History and Narrative]. Moscow: Novoe lit. obozrenie. pp. 279–316.
2. Obatnina, E.R. (ed.) (2016) Na vecherney zare. Pis'ma A.M. Remizova S.P. Remizovoy-Dovgello: 1909 god (Okonchanie) [At evening dawn. Letters from A.M. Remizov to S.P. Remizova-Dovgello: 1909 (End)]. *Russkaya literatura*. 2. pp. 162–211.
3. Vakhnenko, E.E. (2016) A.M. Remizov v izdaniyakh S.M. Proppera "Birzhevye vedomosti" i "Ogonek": k istorii sotrudnichestva (1907–1911) [A.M. Remizov in the S.M. Propper's Birzhevye Vedomosti and Ogonek: on the history of cooperation (1907–1911)]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal*. 4. pp. 79–92.
4. Sibirskie otgoloski. (1910) Parodii [Parodies]. *Sibirskie otgoloski*. 6 January. 4. P. 4.
5. Gracheva, A.M. (1994) Koltonovskaya Elena Aleksandrovna. In: Nikolaev, P.A. (ed.) *Russkie pisateli. 1800–1917: biograf. slovar'* [Russian Writers. 1800–1917: biographical dictionary]. Vol. 3. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya. pp. 29–30. (In Russian).
6. Yakovenko, A.V. (2007) G.A. Vyatkin kak retsenzent sibirskikh izdaniy nachala XX veka i issledovatel' kul'tury chteniya v Sibiri [G.A. Vyatkin as a reviewer of Siberian publications of the early 20th century and a researcher of the culture of reading in Siberia]. *Vestnik Omskogo universiteta*. 2. pp. 86–90.
7. Zhilyakova, N.V., Shevtsov, V.V. & Evdokimova, E.V. (2015) *Periodicheskaya pechat' tomskoy gubernii (1857–1916): stanovlenie zhurnalistiki i formirovanie regional'nogo samosoznaniya* [Periodical Press of the Tomsk Province (1857–1916): The formation of journalism and the formation of regional self-consciousness]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 220–275.
8. Koltonovskaya, E. (1910) Novosti molodoy literatury [News of young literature]. *Sibirskaya zhizn'*. 11 July. 152. pp. 3–4.
9. Kuzmin, M. (1910) Al'manakh dlya vsekh. Kn. 1. Izd. "Novyy zhurn. dlya vsekh", 1910 <...> Ogni: Literaturnyy al'manakh pamyati V. Bashkina. SPb.: Novyy zhurnal dlya vsekh, 1910 [Almanac for everyone. Book. 1. Novyy zhurnal dlya vsekh, 1910 <...> Lights: Literary almanac in memory of V. Bashkin. St. Petersburg: Novyy zhurnal dlya vsekh, 1910]. *Apollon*. 7. pp. 43–44.
10. Chukovskiy, K. (1910) Poslednie rasskazy Alekseya Remizova ("Rasskazy", SPb., 1910. "Neuemnyy buben". Al'manakh dlya vsekh, 1910) [The last stories of Alexei Remizov (Short Stories, St. Petersburg, 1910. The Indefatigable Tambourine. Al'manakh dlya vsekh, 1910)]. *Rech'*. 14 June. 160. P. 3.
11. Chuzhak, N. (1910) Neuemnyy buben. (Povest' A. Remizova v "Al'manakhe dlya vsekh") [Indefatigable tambourine. (A short novel by A. Remizov in the Almanac for Everyone)]. *Vostochnaya zarya*. 11 July. 154. P. 2.
12. Chuzhak, N. (1910) Literaturnyy dnevnik. III. Dva chitatelya [Literary diary. III. Two readers]. *Vostochnaya zarya*. 15 August. 182. pp. 2–3.
13. Chuzhak, N. (1910) Chitatel' nashikh dney [The reader of our days]. *Sibirskie otgoloski*. 30 October. 72. P. 3.
14. N. Ch. <Chuzhak, N.>. (1911) Literaturnye zametki. (Minuvshiy god) [Literary notes. (The year passed)]. *Golos Sibiri*. 1 January. 1. P. 3.
15. Koltonovskaya, E. (1910) Molodaya literatura. (Al'manakh "Shipovnik", kn. trinadtsataya) [Young Literature. (Shipovnik Almanac, book thirteenth)]. *Sibirskaya zhizn'*. 10 October. 225. pp. 3–4.
16. Chuzhak, N. (1910) Literaturnyy dnevnik. II. Koshmar byta [Literary diary. II. The nightmare of everyday life]. *Golos Sibiri*. 25 December. 14. P. 3.
17. Chuzhak, N. (1909) Bez tvorchestva. (F. Sologub. "Staryy dom") [Without creativity.

(F. Sologub. The Old House)] *Vostochnaya zarya*. 18 June. 49. P. 1.

18. S.F. (1911) Zametki chitatelya. "Krestovye sestry" Al. Remizova [Reader's notes. Sisters of the Cross by A. Remizov]. *Golos Sibiri*. 13 July. 155. pp. 2–3.

19. S-va, L. (1911) Zhurnal'noe obozrenie [Journal review]. *Sibir'*. 22 May. 114. P. 2.

20. Kazantsev, M. (1911) Literaturnye shtrikhi [Literary sketches]. *Nasha mysl'*. 1 May. 117. P. 2.

21. Chuzhak, N. (1912) "Zhatva". Zhurnal literatury. Zima 1912 g. Moskva [Zhatva. Journal of Literature. Winter 1912. Moscow]. *Irkutskoe slovo*. 30 April. 18. pp. 2–3.

22. Pavlova, M.M. & Lavrov, A.V. (eds) (1977) *Neizdannyy Fedor Sologub* [Unpublished Fedor Sologub]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

23. Chuzhak, N. (1922) Ot Bal'daufa do nashikh dney [From Baldauf to the present day]. In: Chuzhak, N. *Sibirskiy motiv v poezii* [Siberian Motif in Poetry]. Chita: [s.n.]. pp. 61–79.

24. Vakhnenko, E.E. (2018) The reception and transformation of folklore plots of the indigenous peoples of Siberia in the tales of A. Remizov. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 431. pp. 19–28. (In Russian).

25. Ded Sofron (Bednyy, D.). (1918) Zapovednoe slovo [The sacred word]. *Vechernie izvestiya*. 15 May. 56. P. 2.

Информация об авторе:

Вахненко Е.Е. – канд. филол. наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия). E-mail: katy250579@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.E. Vakhnenko, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: katy250579@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.07.2022;
одобрена после рецензирования 21.07.2022; принята к публикации 13.03.2023.

The article was submitted 04.07.2022;
approved after reviewing 21.07.2022; accepted for publication 13.03.2023.

Научная статья

УДК 82.091

doi: 10.17223/19986645/82/12

«Убивающее мастерство»: роман Э. Тrollope «Бертрамы» в оценке Л.Н. Толстого

Ирина Федоровна Гнусова¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, irbor2004@mail.ru*

Аннотация. Исследуются читательские реакции Л.Н. Толстого на роман Э. Тrollope «The Bertrams». Показана близость художественного метода авторов, которая заключается в смещении фокуса с фабульного действия на логику поведения героев. Рассматривается общая для Толстого и Тrollope проблематика произведений, связанная с выбором жизненного пути молодым героем. В качестве важной «точки схождения» выделены также религиозная тема в «Бертрамах» и способ ее введения в художественный текст.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, Э. Тrollope, художественный метод, психологизм, повествователь, религиозная проблематика

Для цитирования: Гнусова И.Ф. «Убивающее мастерство»: роман Э. Тrollope «Бертрамы» в оценке Л.Н. Толстого // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 82. С. 271–287. doi: 10.17223/19986645/82/12

Original article

doi: 10.17223/19986645/82/12

“A killing excellence”: Anthony Trollope’s *The Bertrams* in Leo Tolstoy’s evaluation

Irina F. Gnyusova¹

¹ *Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, irbor2004@mail.ru*

Abstract. The article aims to explore Leo Tolstoy’s reader reactions to Anthony Trollope’s novel *The Bertrams* (1859) and to identify the probable “points of convergence” between the two masters of psychological realism. “Trollope kills me with his excellence”, – the writer noted in his diary on 2 October 1865. The essential basis for the comparison of the two writers’ works is their creative method: it has a considerable commonality, which consists in a shift of focus from the plot to the logic of the characters’ behaviour. The two scenes of an explanation between characters in love are analysed as an example. The author of the article notes that Trollope’s narrative style has a significant difference: the narrator is always present in his works, he “accompanies” the reader by commenting on the characters’ thoughts and behaviour. In

Tolstoy's works it is the characters themselves who reveal their psychological state: this is clearly visible in the epilogue of *War and Peace* in the scene of Nikolai Ros-tov's visit to Princess Marya. The author of the article shows that the images of the main characters of *The Bertrams* could be also close to Tolstoy and notices their identical auto-psychological basis. Arthur Wilkinson embodies the type of an unsuccessful character, tormented by the awareness of his own mistakes. A similar image, as shown in the article, is portrayed by Tolstoy in *Youth*. Another character of Trollope's novel, George Bertram, is presented as a young man in a situation of life choices. He is compared to Dmitry Olenin from *The Cossacks*. In this character Tolstoy reproduces the portrait of a young man in confusion who has no clear goals in life. The author indicates that both characters choose a common way out – "escape from civilization": Olenin goes to the Caucasus and George Bertram to Jerusalem. Another reason for Tolstoy's interest in *The Bertrams* may have been Trollope's appeal to religious themes. In depicting the holy places of Jerusalem, the writer uses the same method of "defamiliarisation" as Tolstoy did in describing the church service in *The Resurrection*. What refers to Tolstoy's future religious treatises is the fact that the protagonist of *The Bertrams* writes books reinterpreting the main statements of the Bible. The author also pays attention to the faults of Trollope's novel, which Tolstoy mentions: "diffuseness" is interpreted as a flaw in the writer's style, conventionality as a reference to the novel's plot. The author points out the artificiality of the happy ending, as well as the contradictory image of Bertram's beloved Caroline Waddington. The article concludes that Tolstoy's reviews of Trollope's novel help clarify the question of the formation of his creative manner and artistic principles: Tolstoy often succeeded in understanding his place in literature through the knowledge of others' works. The comparative typological analysis carried out may provide new material in the field of interaction and mutual influence of English and Russian cultures.

Keywords: Leo Tolstoy, Anthony Trollope, creative method, psychologism, narrator, religious problems

For citation: Gnyusova, I.F. (2023) "A killing excellence": Anthony Trollope's *The Bertrams* in Leo Tolstoy's evaluation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 82. pp. 271–287. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/82/12

Среди исследователей англо-русских литературных связей хорошо известен восторженный отзыв Л.Н. Толстого об Энтони Троллопе, записанный им в дневнике 2 октября 1865 г.: «Тролоп убивает меня своим мастерством. Утешаюсь, что у него свое, а у меня свое» [1. Т. 48. С. 64]. Неизученным при этом остался вопрос, чем же восхищался русский писатель в тот момент – а читал он малоизвестный роман «Бертрамы» («*The Bertrams*», 1859). В статье будет предпринята попытка прочесть этот роман с точки зрения Толстого и определить вероятные «точки схождения» двух мастеров психологического реализма.

Отсутствие исследований, посвященных роману «Бертрамы», во многом объясняется тем, что это произведение ни разу не было переведено на русский язык и фактически не стало предметом читательской рефлексии в России. Толстой читал роман в оригинале и, вероятнее всего, приобрел его в числе других изданий знаменитой серии «*The Collection of British and American Authors*», выпускаемой в Лейпциге издательством Бернарда

Таухница в 1842–1939 гг. По крайней мере, именно к этой серии принадлежат 12 других романов Тrolлопа, сохранившихся в яснополянской библиотеке (к сожалению, без каких-либо помет). Неизвестно, были ли «Бертрамы» первым произведением Тrolлопа, с которым познакомился Толстой (в его личной коллекции есть и роман «Смотритель» («The Warden»), также издание 1859 г.). Однако обилие отзывов о чтении «The Bertrams» и, главное, их характер убедительно говорят в пользу этого предположения¹.

В конце сентября и весь октябрь 1865 г. Толстой завершал работу над второй частью первого тома «Войны и мира». Это был очень тяжелый труд, значительно затянувшийся против ожидания писателя: он планировал приступить к печатанию части уже в сентябре, однако смог отправить рукопись только в начале ноября². Дневник этого периода полон недовольства собой, раздражительности, жалоб на здоровье и даже упоминаний об отчаянии. В таком настроении Толстой и приступает к чтению Тrolлопа.

29 сентября: «Целый день писал Сражение – плохо. Неидет – не то. Читал Тrolлопа. – Коли бы не diffusness. Хорошо» [1. Т. 48. С. 63].

30 сентября: «Читал Тrolлопа хорошо. Есть поэзия романиста: 1) в интересе сочетания событий – Braddon, мои казаки, будущее; 2) в картине нравов, построенных на историческом событии – Одиссея, Илиада, 1805 год; 3) в красоте и веселости положений – Пиквик – Отъезжее поле, и 4) в характерах людей – Гамлет – мои будущие» [1. Т. 48. С. 64].

1 октября: «Всё... записываю дни и не пишу. <...> Поэзия труда и успеха нигде и никем не тронута. Читаю Bertrams – славно» [1. Т. 48. С. 64].

2 октября: «Писал. Но я отчаиваюсь в себе. Тrollop убивает меня своим мастерством. Утешаюсь, что у него свое, а у меня свое. Знать свое – или, скорее, что не мое, вот главное искусство. Надо мне работать, как пьянист» [1. Т. 48. С. 64].

3 октября: «Вчера и нынче поработал с напряжением, хотя бесплодно... Это меня отчаивает. Надо ограничивать свою volupté³ чтения с мечтами. <...> Кончил Тrolлопа. Условного слишком много» [1. Т. 48. С. 64].

Стоит отметить, сколь велика была увлеченность Толстого чтением «Бертрамов»: роман из трех частей в издании Таухница занимает более 1100 страниц. Замечания, оставленные писателем по ходу чтения, позволяют сделать несколько предварительных выводов. Очевидно, что знакомство с творчеством Тrolлопа вызывает у Толстого сильные эмоции – восхищение, граничащее с завистью, – во многом на фоне переживаний писа-

¹ Примечательно, что Толстой оставил отзывы всего лишь о двух романах Тrolлопа: вторым стал известный роман из «парламентского» цикла «Премьер-министр». «Prime Minister прекрасно», – упоминает Толстой в письме к брату Сергею Николаевичу в январе 1877 г. [1. Т. 62. С. 302]. При этом в 1891 г., составляя перечень «сочинений, произведших впечатление», писатель указывает романы Тrolлопа в графе «С 35-ти до 50-ти лет» с пометкой «большое» [1. Т. 66. С. 68]. В 1865 г. Толстому было как раз 37 лет.

² См.: Зайденинур Э.Е. История писания и печатания «Войны и мира» [1. Т. 16. С. 70].

³ Наслаждение (фр.).

теля о собственной творческой несостоятельности. Но примечательно, что именно Тrollop¹ заставляет писателя серьезно задуматься о проблемах романа: он пытается не просто определить свое место в литературе, но указать на своеобразие и значение самых разных авторов – от античного классика Гомера до популярной английской писательницы М.-Э. Брэддон, от Шекспира и Диккенса до Тургенева.

Однако заметно и другое: наряду с похвалами писатель отмечает недостатки Тrolloпа. Сначала он сдержан в оценке романа и указывает на некую «diffusness»² как на недостаток художественной манеры автора. А к концу чтения практически охладевает к Тrolлопу, перечеркивая недавние восторги заключением о значительной условности – вероятнее всего, романного сюжета.

Обратившись к тексту «Бертрамов», можно обнаружить подтверждение этих полярных оценок. Роман был написан Тrolлопом на заре его блестящей писательской карьеры³, вскоре после первых произведений из знаменитого «клерикального» цикла «Хроники Барсетшира» – «Смотритель» (1855), «Барчестерские башни» (1857), «Доктор Торн» (1858). На их фоне «Бертрамы» оказались не так заметным явлением. Тrollop сам признавал это в «Автобиографии» (1875–76): «Не знаю, слышал ли я когда-нибудь хорошие отзывы о нем даже от моих друзей, и не могу припомнить, был ли в нем какой-то герой, который поселился бы в умах читателей» [3]. Более того, английский писатель откровенно заявлял, что взялся за написание «Бертрамов» буквально на следующий день после окончания «Доктора Торна» из «решимости преуспеть если не в качестве, то, по крайней мере, в

¹ В этот же период Толстой активно читает и других авторов: П. Мериме («очень умен и чуток, а таланта нет» [1. Т. 48. С. 62]), Жорж Санд («что за превратная дичь» [1. Т. 48. С. 63]), а также «глупую» [1. Т. 48. С. 62]) Джулию Кавана.

² Это определение Толстого не подлежит однозначному толкованию – это может быть «неравномерность», «распыленность», «рассредоточенность», «размытость», «расплывчатость». Это могло быть как указание на качественную «неровность», неоднородность троллоповского текста, так и чрезмерную размытость, рассредоточенность сюжетного действия.

Обращает на себя внимание, что Толстой дважды употреблял схожий эпитет «diffus» в дневнике во время путешествия по Европе в 1857 г. Первый раз он упоминает: «Написал 3/4 Люцерна. Diffus» [1. Т. 47. С. 144], причем комментаторы переводят это как «расплывчато»; во второй раз, буквально через три недели, Толстой использует то же слово при описании ситуации реального общения: «Обедал у Пуцциных, там Масловы; – с ними на балконе, там diffus» [1. Т. 47. С. 149]. В примечаниях это интерпретировано как «многословен, расплывчат». Такой вариант перевода, по всей видимости, был принят за основной известным советским специалистом по европейской литературе А.А. Бельским, который в статье о Тrolлопе в «Краткой литературной энциклопедии» 1972 г. упомянул, что «Л.Н. Толстой ценил мастерство Т<rolloпа>, отмечая, однако, его многословность» [2. Т. 7. Стб. 625]. Этому же мнению придерживается и Б.М. Проскурнин: «Для меня это, конечно же, пространность, излишняя, как казалось многим. Но не Тrolлопу, который именно так видел жизнь и ее “реконструировал”...» (из личной переписки).

³ Тrollop является автором 47 романов и ряда документальных произведений.

количестве». «Но я думаю, что это не совсем постыдно, если автор может заставить себя смотреть на свой труд так же, как и любой другой работник», – прибавляет Тrolлоп [3], неосознанно откликаясь на реплику Толстого о необходимости «работать как пьянист».

Роман «Бертрамы» построен по достаточно традиционной для Тrolлопа схеме: сюжет его состоит из двух переплетающихся линий, каждая из которых раскрывает отношения пары героев, хотя базируется преимущественно на одном главном характере. В первом случае таким характером является Джордж Бертрам – молодой человек, к началу повествования блестяще окончивший Оксфорд с «двойной» первой степенью и пытающийся найти свое призвание в жизни. Однако не менее важный образ – возлюбленная Бертрама Кэролайн Уоддингтон, из-за противоречивого характера которой в романе происходит необычный поворот: героиня выходит замуж не за главного героя, а за его более успешного старшего товарища.

Другая сюжетная линия гораздо беднее событиями и в определенной мере оттеняет насыщенное драматизмом основное действие: речь в ней идет об отношениях молодого священника Артура Уилкинсона и подруги его детства Аделы Гонтлет. Однако именно эта линия открывает роман, погружая читателя во внутренний мир людей с простыми и ясными характерами – отягощенными больше внешними обстоятельствами, чем внутренними метаниями и неопределенностью желаний. Мастерство Тrolлопа в изображении человеческих чувств, безусловно, можно поставить на первое место в ряду достоинств «Бертрамов», на которые обратил внимание Толстой.

Здесь необходимо подчеркнуть, что сам творческий метод Толстого и Тrolлопа имеет определенную общность: английский писатель полагал, что «сюжет всего лишь средство» для того, чтобы представить «персонажей, наполненных известными чертами характера» [3]. Речь не идет о стремлении к типизации – основой такого подхода оказывается принципиальное смещение фокуса с фабульного действия на логику поведения героев. Как объясняет Б.М. Проскурнин, «роман Тrolлопа – это не столько роман событий, сколько хроника психологических реакций и мотивов поведения персонажей в их сложнейших связях и взаимодействиях» [4. С. 64].

Схожие с Тrolлопом размышления можно обнаружить в дневниковой записи Толстого от 31 октября 1853 г.: оценивая «Капитанскую дочку» Пушкина, он заявляет, что «теперь уже проза Пушкина стара... В новом направлении интерес подробностей чувства заменяет интерес самих событий» [1. Т. 46. С. 187–188]. Б.М. Эйхенбаум отмечает стремление Толстого сосредоточиться на отдельных «положениях» в судьбе героев: анализируя начало работы над «Войной и миром», он указывает: «Основа художественного метода осталась у Толстого той же, какой была вначале: ему важны состояния, положения, моменты, а все остальное служит только связью, сочетанием. <...>. Если извлечь из «Войны и мира» всю генерализацию, то останутся яркие изображения отдельных состояний человеческой души» [5. С. 48]. По сути, именно об этом сам Толстой размышляет

во время паузы в работе над «Войной и миром», читая «Бертрамов»: ему хочется создать произведение, где интерес заключался бы не в «сочетании событий» или «картине нравов», а исключительно в «характерах людей».

Ярким примером того, как это получалось у Тrolлопа, является раскрытие характеров Артура и Аделы. Оно происходит в двух ключевых сценах, наполненных глубочайшим напряжением и невероятной точностью в описании душевных движений, психологических реакций героев. В главе, открывающей роман «Бертрамы», Артур Уилкинсон представлен разочарованным и глубоко несчастным: именно он, умный и трудолюбивый сын небогатого священника, рассчитывал по окончании Оксфорда получить ту степень, которая досталась яркому и общительному Бертраму. Душевное состояние Артура показано здесь через неспособность написать о своем провале отцу, возлагавшему большие надежды на Уилкинсона-младшего: «Перо, чернила и бумага лежали на столе, и он сел в кресло, чтобы писать. Там он просидел около получаса, но так и не написал ни слова, а его стул каким-то образом притащился к огню» [6]. Еще более мучительным испытанием для героя становится визит его более удачливого друга: Уилкинсон поздравляет Бертрама, «едва сдерживая слезы», «однако он все же смог произнести несколько слов, как бы тяжело ни было у него на сердце» [6].

Троллоп, тем не менее разрешает ситуацию в юмористическом ключе: видя затруднения приятеля и искренне желая поддержать его, Бертрам сам набрасывает текст послания к отцу. «Бедняга Уилкинсон», который всего несколько минут назад не желал открывать другу дверь, «взял это сочинение, прочел, чтобы убедиться, что там нет никаких глупостей, и машинально скопировал написанное» [6].

Блестящий психологический анализ душевного состояния Уилкинсона в этой сцене американский исследователь Лоуренс Десснер объясняет ее автобиографическим характером, хотя Троллоп в свое время проваливает не университетский экзамен, а конкурсные испытания при приеме на работу. В статье 1990 г. исследователь высказывает предположение, что роман «Бертрамы» в целом имеет скрытый автобиографический характер, возможно, более точно было бы назвать его автопсихологическим¹. Персонажей романа Десснер называет «психологическими паттернами» [8. Р. 31] самого Троллопа, особо указывая на сложные взаимоотношения героев с родителями. Характеры и сюжетные коллизии «Бертрамов» становятся, по мысли исследователя, «выражением глубоко укоренившихся и сильно переживаемых семейных противоречий и обид» [8. Р. 36] писателя. Поразительным образом трактует Десснер и образы двух главных героев: по его

¹ Термин впервые был введен Л.Я. Гинзбург: она указывала, что «Детство», «Отрочество» и «Юность» Толстого – «произведения скорее автопсихологические, нежели автобиографические» и что «подлинная сущность» «документальности» Толстого заключается «в той прямой и открытой связи, которая существовала между нравственной проблематикой, занимавшей Толстого, и проблематикой его героев» [7. С. 314].

мнению, Джордж Бертрам и Артур Уилкинсон – персонажи-двойники, поскольку оба они воплощают разные «проявления бытия их автора» [8. Р. 44] – собственные установки, мечты и устремления Тrolлопа.

В целом именно в этом не характерном для писателя использовании автобиографического материала Десснер видит причину неудачи «Бертрамов». Однако возможно, что интерес Толстого к роману вызвала в том числе и эта повышенная напряженность и неровность повествования, часто обусловленная, с точки зрения исследователя, «неспособностью автора интегрировать личные чувства... в цельный и гармоничный эстетический объект» [8. Р. 41].

Помимо этого, сам образ неудачливого героя, терзаемого осознанием собственных ошибок и одновременно пытающегося найти оправдание своим несчастьям, был чрезвычайно близок Толстому. Он также имеет автопсихологическую основу: начинающий писатель долгое время был в тени своих старших братьев, одному из которых писал в начале 1849 г.: «Я знаю, что ты никак не поверишь, чтобы я переменялся, скажешь – “это уже в 20-й раз и все пути из тебя нет, самый пустяшной малой”; нет, я теперь совсем иначе переменялся...» [1. Т. 59. С. 29]. А в финале повести «Юность» (1857) Толстой описывает и ситуацию, схожую с завязкой «Бертрамов»: герой проваливает экзамен, что вызывает в нем сильнейший душевный кризис: «Я был оскорблен, унижен, я был истинно несчастлив. Три дня я не выходил из комнаты, никого не видел, находил, как в детстве, наслаждение в слезах и плакал много» [1. Т. 2. С. 225]. Здесь же присутствуют и визиты друга Дмитрия, который «был все время чрезвычайно нежен и кроток» [1. Т. 2. С. 225], хотя это сочувствие герою «казалось всегда больно и оскорбительно» [1. Т. 2. С. 225–226]. Впрочем, этот финальный эпизод носит слишком обобщенный характер для того, чтобы говорить о серьезных типологических переключениях между образами Толстого и Тrolлопа.

Общий интерес Толстого и Тrolлопа к анализу душевного состояния своих героев не отменяет и существенной разницы в их повествовательной манере. Это хорошо видно на примере другой психологически напряженной сцены «Бертрамов», когда Тrolлоп описывает визит Артура к Аделе Гонтлет. К этому моменту герой уже вернулся в родную деревню и после внезапной смерти отца-викария занял его место – но на крайне невыгодных для себя условиях. Он жертвует собой, соглашаясь на минимальное жалование, чтобы сохранить дом для матери и младших сестер, и теперь считает необходимым сказать своему близкому другу Аделе, что не имеет возможности на ней жениться. Внутренний драматизм этой ситуации связан с тем, что герои никогда не говорили друг с другом о любви, и потому своим объяснением Артур коренным образом менял характер их отношений.

Описание меняющихся чувств героев в ходе беседы выполнено Тrolлопом с ювелирной точностью. Мучительная неловкость положения Артура Уилкинсона заостряется автором с помощью такой «материальной» детали, как трость. По дороге к дому Аделы Артур пытался обдумать свою

речь – «а затем он глубоко вздохнул и стал рубить тростью камыши» [6]. Приступая к объяснению, герой смотрит в пол, «ковыряя тростью узор ковра, не в силах более встречаться с ясным взглядом ее мягких глаз» [6]. А после решающих слов, «по-прежнему глядя в землю, он старательно тыкал своей палкой среди узоров» [6].

Помимо этого, Троллоп тщательно комментирует почти каждый жест и каждое слово обоих собеседников, показывая нарастание непонимания и взаимной обиды. Если до объяснения герой беспокоится только о том, «как лучше объяснить приносимую им жертву, не приписывая себе слишком много чести» [6], то затем, после молчания ошеломленной Аделы, он внутренне начинает обвинять и возлюбленную в своем несчастье. Ее скованность и вежливые слова утешения он принимает за равнодушие и начинает жалеть себя, повторяя при этом, как хотелось бы «иметь сердце, которое полностью принадлежало бы только одному» ему [6]. И тут уже оскорблена Адела, внутренне она возмущена его жестокостью: «Теперь все было улажено; но почему он должен оставаться здесь, разбивая ей сердце намеками на свою былую нежность?» [6].

Артур уходит, обиженный на бессердечие и холодность героини, а Адела остается в негодовании, потрясенная тем, что герой так легко готов отказать от нее: «“Знаете, это совершенно невозможно, что я смогу когда-либо жениться!” Почему он не спросил ее, возможно ли это; если не сейчас, то через десять лет... через двадцать?» [6]. Страстный внутренний монолог героини завершает главу, еще сильнее подчеркивая скудность и ограниченность вежливой беседы, в которой возлюбленные не смогли достичь взаимопонимания.

Резюме Троллопа к этой сцене Джеймс Кинкейд, автор монографии о творчестве писателя, считает одной из ключевых идей роман: «Все находится “в полном неведении относительно желаний другого сердца”» [9]. Однако в структуре «Бертрамов» есть субъект, который, напротив, обладает полным всеведением: это повествователь, который в традиционной для Троллопа манере «сопровождает» читателя в каждой сцене, комментируя мысли и поведение героев. Такой подход является основой психологического метода писателя – постоянное присутствие повествователя с его чутким, обостренным пониманием того, что происходит в душе персонажей (писатель и публицист Ч.П. Сноу называл эту способность видеть суть человеческих поступков «апперцепцией» [10. С. 43] и считал ее главным даром Троллопа). В то же время рассказчик выполняет и другие функции: на него, например, «ложится ответственность за установление любых возможных связей» [9] в структуре романа, о чем подробно пишет Дж. Кинкейд. И одновременно через образ повествователя Троллоп ведет сложную литературную игру, то и дело «напоминая читателю, что история, которую он рассказывал, была всего лишь выдумкой» [11. Р. 116]. Такими комментариями пестрят и «Бертрамы»: например, представляя Аделу как героиню романа, Троллоп пишет: «Адела Гонтлет была... Нет, в кои-то веки я рискну дать героиню, не описывая ее. Пусть каждый чи-

татель сделает из нее, что захочет; пусть он придаст ей любую форму и вид, какие ему нравятся, и наделит ее любой степенью божественной красоты» [6].

Возможно, именно эти обширные комментарии, сопровождающие основное действие в романе Тrolлопа и стали причиной легкой досады Толстого: «Коли бы не diffusness». Да и в целом неизменная иронически-легкая тональность Тrolлопа совершенно нехарактерна для автора «Войны и мира». В то же время повествователь есть и у Толстого – недаром еще в 1851 г. он ругал себя в дневнике за «дурную привычку к отступлениям» [1. Т. 46. С. 82]. Однако эти «отступления» играют у Толстого иную роль – раскрытие психологического состояния героев писатель доверяет им самим. Это отличие психологического метода Толстого хорошо заметно, например, в эпилоге «Войны и мира», где речь идет о визите Николая Ростова к княжне Марье.

Сюжетно эта ситуация очень близка той, что описывается в «Бертрамах»: герои любят друг друга, однако внешние условности и, главное, гордость Ростова, находящегося в бедственном положении, мешают им показать свои истинные чувства. Княжна Марья, впрочем, оказывается милосерднее Аделы – и не столь способной к английской сдержанности в решающих обстоятельствах. Хотя она также «призыва[ет] на помощь свою гордость» [1. Т. 12. С. 251] после своего неловкого посещения Ростовых, героиня хорошо понимает, что «холодный, учтивый тон» Николая «не вытекал из его чувства к ней» [1. Т. 12. С. 252]. Внешняя благопристойность ответного визита Ростова разрушается неспособностью княжны Марьи притворяться, а ее минутная рассеянность вызывает у героя прилив жалости и нежности. Ростов выдает себя, вспоминая счастливые времена и признаваясь, что «дорого дал» бы, чтобы «воротить это время... да не воротить» [1. Т. 12. С. 253]. Здесь сцена приобретает максимальную близость к роману Тrolлопа: в ответ на признания героя княжна Марья пытается приободрить его, говоря о «самоотвержении» ради семьи.

«Бертрамы»	«Война и мир»
<p>Это красноречивое молчание первой нарушила Адела; и тяжелы были усилия, которых ей стоило это сделать.</p> <p>– Но с вами будут ваша мать и сестры, мистер Уилкинсон... <...> Вам будет приятно знать, что вы делаете счастливой свою мать и милых девушек... и... и я не сомневаюсь, что вы очень скоро привыкнете к этому. <...> Вы должны смириться с миром, каким вы его видите, мистер Уилкинсон.</p> <p>– О, да, конечно. Но когда видишь такие счастливые сны, просыпаться, знаете ли, бывает грустно. <...></p>	<p>Княжна пристально глядела ему в глаза своим лучистым взглядом, когда он говорил это. Она как будто старалась понять тот тайный смысл его слов, который бы объяснил ей его чувство к ней.</p> <p>– Да, да, – сказала она, – но вам нечего жалеть прошедшего, граф. Как я понимаю вашу жизнь теперь, вы всегда с наслаждением будете вспоминать ее, потому что самоотвержение, которым вы живете теперь...</p> <p>– Я не принимаю ваших похвал, – перебил он ее поспешно, – напротив, я беспрестанно себя упрекаю; но это совсем неинтересный и невеселый разговор.</p>

Они пожали друг другу руки в их обычной манере, но Уилкинсон чувствовал, что ему не хватает чего-то в ее прикосновении, какой-то теплоты от мягкого пожатия, какой-то искры сочувствия, которая обычно сообщалась ему в последние минуты его визитов [6].	И опять взгляд его принял прежнее сухое и холодное выражение. Но княжна уже увидала в нем опять того же человека, которого она знала и любила, и говорила теперь только с этим человеком [1. Т. 12. С. 253].
---	--

Толстому не нужно давать дополнительных объяснений тому, что происходит между героями, – таким «комментарием» можно признать разве что финальный лирический аккорд сцены: «Несколько секунд они молча смотрели в глаза друг другу, и далекое, невозможное вдруг стало близким, возможным и неизбежным» [1. Т. 12. С. 254]. В остальном писатель изображает психологическое состояние героев через детали, сопровождающие диалог, а также сами реплики персонажей, в том числе их внутренние монологи. В художественном мире Тrolлопа сюжет часто, как и в «Бертрамах», строится на непонимании персонажей; Толстой же наделяет своих лучших героев той чуткостью, которой у Тrolлопа обладает, кажется, лишь повествователь. В описанной сцене именно княжна Марья догадывается об истинном состоянии Николая; впрочем, в других эпизодах младшие Ростовы также очень чувствительны к настроению друг друга.

Фокусировка Тrolлопа на внутреннем состоянии своих героев может быть не единственной причиной, вызвавшей пристальный интерес Толстого к тексту «Бертрамов». В романе Тrolлопа есть еще один характер, который мог быть очень близок русскому писателю, а именно образ Джорджа Бертрама. С ним связан целый ряд проблем, актуальных для Толстого. Линия Бертрама начинается с вопроса о выборе призвания, того единственного занятия, которое могло бы стать делом всей жизни. Герою, получившему «двойную первую» степень Оксфорда, казалось бы, не составит труда сделать блестящую карьеру; однако в реальности этого не происходит: Бертрам просто не знает, чем хотел бы заниматься. Все его дальнейшие решения максимально спонтанны и зависят от ряда случайностей: в Иерусалиме он переживает религиозный восторг и решает стать священнослужителем, но увлечение Кэролайн Уоддингтон, раскритиковавшей его решение, приводит к отказу от этой мысли. Под влиянием своего старшего товарища Генри Харкорта он выбирает адвокатуру, но затянувшаяся помолвка вызывает охлаждение к юриспруденции, и Бертрам начинает писать книги на религиозную тематику. Возможно, что именно эта линия романа, связанная с поиском себя, с достижениями, которые происходят не благодаря, а вопреки раннему успеху, стала импульсом для записи Толстого рядом с упоминанием «Бертрамов»: «Поэзия труда и успеха нигде и никем не тронута»¹.

¹ Обращает на себя внимание само определение «поэзия», которое употребляется Толстым и в предшествующей записи о «поэзии романиста». Э.М. Жиликова в статье о структуре повествования в «Казаках» пишет о соседстве двух «тонов» повествования у

Юношеская порывистость, сердечная горячность, идеализм и искренность молодого героя – это то, что было дорого и Толстому в своих лучших образах. Таковы почти все ключевые характеры «Войны и мира» – прежде всего, Николай и Наташа Ростовы, таковы Николенька Иртеньев и Дмитрий Оленин. Во многом следуя традициям классического «романа воспитания», писатель изображает взросление героев, которые в начале повествования находились в состоянии неопределенности, запутанности, смутных, а порой весьма восторженных надежд на будущее, и при этом обладали чистой душой и стремлением к добру. В образе главного героя «Казаков», уезжающего в начале повести на Кавказ, Толстой максимально подробно воспроизводит автопсихологический портрет того самого запутавшегося молодого человека, не имеющего ясных целей в жизни, – в определенном смысле, типичного «героя времени»: «Оленин был юноша, нигде не кончивший курса, нигде не служивший (только числившийся в каком-то присутственном месте), промотавший половину своего состояния и до двадцати четырех лет не избравший еще себе никакой карьеры и никогда ничего не делавший. Он был то, что называется “молодой человек” в московском обществе» [1. Т. 6. С. 7].

Схожую «каталогизацию» своего героя производит и Тrolлоп, указывая, что Бертрам «происходил из хорошей семьи; он получил лучшее образование, какое только могла дать ему Англия; он был быстр в речах и скор в мыслях; у него была двойная первая степень, и он сразу же получил стипендию... Таковы его торговые капиталы, и как же ему вывести их на лучший рынок? И какой рынок был бы лучшим?» [6].

Хотя у героев, казалось бы, совершенно противоположные «стартовые позиции», оба писателя одинаково уделяют внимание их увлеченности и мечтательности: Оленин «ни во что не верил и ничего не признавал. Но, не признавая ничего, он... увлекался постоянно. Он решил, что любви нет, а всякий раз присутствие молодой и красивой женщины заставляло его замирать. Он давно знал, что почести и звание – вздор, но чувствовал невольное удовольствие, когда на бале подходил к нему князь Сергей и говорил ласковые речи» [1. Т. 6. С. 8]. Бертрам слушал аргументы своего приятеля в пользу адвокатуры «не равнодушно, но всегда с духом противоречия. Когда Харкорт рассказывал о судебных триумфах, Бертрам говорил о радости спасения... какой-то деревенской души в тихом уголке далекого прихода» [6]. Оба героя пренебрежительно относятся к деньгам: один проматывает состояние, другой отказывается зависеть от богатого дяди.

Главная цель молодых идеалистов – не деньги и не положение в обществе: «...денежная часть любой профессии была, согласно его теперешним

Толстого – очерково-эпического и лирического, «субъективно-взволнованного», способствующего, в частности, «психологически глубокому воссозданию процессов внутреннего развития героя» [12. С. 56]. Круг чтения Толстого, как замечает исследователь, «свидетельствует о его интересе к художественной манере письма, направленной на точное, ясное изображение, но вместе с тем поэтически одухотворенное» [12. С. 59].

взглядам, неизбежным побочным злом», – пишет Тrollop о своем герое [6]. Бертрам мечтает «делать добро другим, и чтобы его имя было на устах людей». А Толстой прямо указывает, что Оленин ощущает себя и свою молодость как великую, неизмеримую ценность, и именно от этого он (как, по сути, и герой Тrolloпа) не может так просто определиться с вопросом о жизненном поприще: «Он раздумывал над тем, куда положить всю эту силу молодости, только раз в жизни бывающую в человеке, – на искусство ли, на науку ли, на любовь ли к женщине, или на практическую деятельность, – не силу ума, сердца, образования, а тот неповторяющийся порыв, ту на один раз данную человеку власть сделать из себя всё, что он хочет, и как ему кажется, и из всего мира всё, что ему хочется» [1. Т. 6. С. 8].

Толстой, завершивший «Казаков» в 1862 г., всего за три года до чтения «Бертрамов», не мог не заметить, что герой Тrolloпа выбирает схожее решение для разрешения проблемы призвания: он уезжает в Иерусалим, на Восток, меняя привычное окружение на экзотический быт Святой Земли. Впрочем, на мотиве побега от цивилизации сходство сюжетов и завершается: пребывание Бертрама в Иерусалиме имеет конкретный прагматический повод – встречу с отцом, а главное, описывается Тrollopом в точности как туристическая поездка, с массой юмористических описаний, типичных для сюжетов с путешествующими англичанами.

Если Оленин, подъезжая к горам, заранее готовится к тому, что это «такая же выдумка, как музыка Баха и любовь к женщине» [1. Т. 6. С. 13], а потом был ошеломлен их торжественным видом, то в эпизоде въезда Бертрама в Иерусалим все происходит ровно наоборот: когда герой отправляется туда верхом из Яффы, «его сердце было готово растаять в экстатическом воодушевлении» [6]. Но, спрашивает с иронией Тrollop, «какое благоговение может выдержать двенадцать часов в турецком седле?» [6] – и реакция Бертрама на Иерусалим в итоге была совершенно иной: въезжая в ворота, он «готов был послать ко всем чертям проклятое седло, специально придуманное для того, чтобы терзать низменного христианина» [6]. Речь героя также была далека от восторгов: «“Где же этот чертов отель?” – сказал он, когда они с драгоманом и дорожной сумкой уже минут пять тащились по крутому, узкому, плохо вымощенному переулку с полуразрушенным водостоком посередине, очень скользкому от апельсиновой кожуры и гнилых овощей и заполоненному тюрбанами людей всех восточных рас. <...> После всех своих чувств... и благочестивых намерений именно так наш герой вошел в Иерусалим!» [6].

Однако за обилием английской иронии в описаниях туристического Иерусалима можно обнаружить еще один прием, который окажется очень значимым для позднего творчества Толстого. Это метод остранения (термин В.Б. Шкловского), к которому Тrollop максимально приближается в эпизоде посещения Бертрамом Гроба Господня. С трудом проникнув в тесное помещение с низким и узким входом, герой кладет руку на святую гробницу, пытаясь вновь ощутить величие момента, – и в это время два человека рядом с ним «страстно прижались губами к мрамору. Они были

грязными, с остриженными в кружок головами, опасного вида» [6]. Однако Бертрам испытывает зависть к этим паломникам: «Христос для них был настоящей живой истиной, хотя поклоняться ему они умели не лучше, чем целуя камень, который на самом деле имел не большее отношение к Спасителю, чем любой другой камень, который они могли бы целовать в своей собственной стране» [6]. Подобным «аналитическим» способом описывается и наблюдение Бертрама за молитвой женщины в православном храме, поведение которой кажется чрезвычайно странным и нелепым прихожанину англиканской церкви:

Войдя в церковь быстрым шагом, она расположилась так, как будто выбрала особый камень, на котором должна была стоять. Там, с поднятой головой, но кланяясь между церемониями, она трижды перекрестилась; потом, опустившись на колени, трижды прижалась лбом к полу; потом снова поднялась и снова перекрестилась. Сделав это несколько раз справа от иконостаса, она совершила то же самое на соответствующем камне слева, а затем еще раз то же самое на камне позади остальных, но в центре. После этого она отступила еще назад и совершила еще три таких поклона, всегда выбирая камень с учетом архитектурной закономерности; затем, пойдя обратно, она сделала это еще три раза, выполнив тем самым поставленную задачу: перекрестившись тридцать шесть раз и двадцать семь раз прижав голову к полу. И наконец, закончив, она быстро удалилась. Входила ли хоть малейшая молитва, хоть одна мысль о молении и о том, что Бог дарует милость и прощение, если только попросить его об этом, в душу этой кланявшейся? [6]

Толстой прибегает к тому же способу остранения, когда описывает богослужение в романе «Воскресение». Синтетический жанр этого произведения, определяемый как публицистический роман, роман-трактат и даже антироман, располагает к тому, что Толстой здесь прямо выражает свое отношение к целому ряду социальных институтов, в том числе и Церкви. Он сам становится тем героем, который наблюдает за тюремным богослужением «со стороны», удивляясь, как и Бертрам, странности действий, производимых с максимальной серьезностью. По сути, Толстой тоже смотрит на православное богослужение как представитель (и создатель) иной ветви христианства.

Богослужение состояло в том, что священник, одевшись в особенную, странную и очень неудобную парчовую одежду, вырезывал и раскладывал кусочки хлеба на блюде и потом клал их в чашу с вином, произнося при этом различные имена и молитвы. Дьячок же между тем не переставая сначала читал, а потом пел попеременно с хором из арестантов разные славянские, сами по себе мало понятные, а еще менее от быстрого чтения и пения понятные молитвы. <...> Сущность богослужения состояла в том, что предполагалось, что вырезанные священником кусочки и положенные в вино, при известных манипуляциях и молитвах, превращаются в тело и кровь Бога. Манипуляции эти состояли в том, что священник равномерно, несмотря на то, что этому мешал надетый на него парчовый мешок, поднимал обе руки кверху и держал их так, потом опускался на колени и целовал стол и то, что было на нем [1. Т. 32. С. 134–135].

Герой «Воскресения» вслед за автором ощущает «давно не испытанный восторг» [1. Т. 32. С. 444], читая в финале Евангелие. Герой Тrolлопа желанный религиозный восторг испытывает только на вершине Елеонской горы – но его искренний порыв посвятить себя Церкви тут же нивелируется автором: «Читатель! Вы, может быть, уже догадываетесь, что Джордж Бертрам не стал священником. <...> Этот энтузиазм, сильный, искренний, настоящий, каким бы он ни был, длился не дольше, чем его последняя прогулка вокруг Иерусалима» [6].

Образ Бертрама и его попытки найти приложение своим способностям привносят в роман еще одну неожиданную тему: избрав путь юриста, герой продолжает размышлять о религии и пишет несколько трудов на библейскую тематику. Первый из них носил «ужасное» название «Священное Писание как роман» (“Romance of Scripture”), и в ней Бертрам пытался трактовать Библию с точки зрения современных представлений, переложив поэтический восточный язык, полный «высокопарности» и «поэтических преувеличений», на современный язык «опыта и индукции» [6]. Делает это герой на примере Книги Иова. Хотя Тrolлоп очень обтекаемо описывает концепцию книги (можно догадаться, что в ней также приводится «остраненный» взгляд на библейскую историю), он прямо подчеркивает степень ее революционности для викторианского общества. Об этом свидетельствует уже предупреждение, сделанное Бертрамом в первой главе своей книги: в ней «нет ничего, что могло бы послужить основанием для обвинения его в неверии» [6]. Тем не менее, книга вызывает скандал в Оксфорде, глубокое возмущение наставницы Кэрлайн, а также сомнения у самой невесты Бертрама в правильности ее выбора. Но авторское отношение очевидно: «книга, несомненно, умная» [6]. Да и ничего радикального в ней не было: просто «люди, которые твердо верят, не будут высказывать свои сомнения» в «буквальности» [6] основных положений Библии, – с иронией заключает Тrolлоп.

Однако Бертрам не останавливается – и пишет книгу под названием «Заблуждения ранней истории», вновь подвергая сомнению «самые очевидные утверждения книги Бытия» [6]. Введение в роман этой смелой проблематики было приметой времени: в 1859 г., одновременно с романом Тrolлопа, выходит подлинно революционный труд Чарльза Дарвина «Происхождение видов». А до того появляются книги с критикой Библии, например «Жизнь Иисуса Христа, критически переработанная» немецкого теолога Д.Ф. Штрауса, переведенная на английский язык Джордж Элиот в 1846 г. Как замечает Дэвид Скилтон в предисловии к английскому изданию «Бертрамов» 1993 г., это было «время, когда в христианской вере ощущались двойные удары геологии и немецких библейских исследований» [13. Р. X]. Однако для Толстого эти схематично описанные исследования героя «Бертрамов» получают через какое-то время личное значение: тем же путем он пойдет в своих религиозно-философских трактатах – таких, например, как «Исследование догматического богословия» (1879–1880) и «Соединение и перевод четырех Евангелий» (1882).

Итак, мастерство психологического рисунка, образы молодых героев в поисках себя, затронутая вскользь религиозная проблематика – это то, что могло стать причиной восхищения Толстого «Бертрамами». Вместе с тем писатель акцентировал и нечто принципиально отличное, «не мое» в романе Тrolлопа. И здесь ответом могут стать не только различия в повествовательной манере писателей, но и наиболее слабые места в сюжете и прорисовке характеров. К таковым относится, например, противоречивый и не до конца проясненный автором образ возлюбленной Бертрама Кэролайн Уоддингтон. Представляя ее как главную героиню, Тrolлоп уделяет внимание не столько душевным качествам, сколько внешности, сравнивая гордые точеные черты Кэролайн с обликом Юноны (акцент на описании шеи, лба, зубов вызывает ассоциацию с образом Элен Курагиной). О характере героини мы узнаем меньше – но черты его сразу внушают опасения: они выдают «недостаток нежности... и слишком много самоуверенности»; «ее голос был иногда достаточно суров, а взгляд далеко не мягок»; «она предпочитала остроумие поэзии, и ее улыбка была скорее циничной, чем радостной» [6].

Поведение Кэролайн во время помолвки подтверждает эти смутные намеки на холодность и расчетливость: она довольно долго не дает герою окончательного ответа, пока не решает для себя, «что эту партию... она должна рассматривать как подходящую» [6]. Тем не менее, узнав, что для получения адвокатского места и стабильного дохода Бертраму понадобится еще несколько лет, она предлагает ему отложить свадьбу до этого времени. Эта отсрочка приводит пылкого героя в отчаяние, он сердится на возлюбленную, постепенно теряет интерес к юридическим занятиям, начинает надолго уезжать за границу и под самый конец назначенного срока разрывает их отношения под влиянием обиды и ревности.

Можно легко заметить близость этого сюжетного «узла» (термин Толстого) с тем, который писатель сделает одним из самых значительных в «Войне и мире»: отсрочкой свадьбы Наташи Ростовской и Андрея Болконского. Искусственно затянутая помолвка также имела роковые последствия для отношений героев, и причиной тому также стало непонимание спокойно-холодного по натуре князя Андрея жизненной полноты и горячности чувств Наташи. «Непонятное, вынужденное, ненужное ожидание грозит разрушить то непосредственное, нерассудочное знание жизненного смысла в Наташе, которое у нее совпадает с ее чувством настоящего времени», – писал об этом С.Г. Бочаров [14. С. 72].

Но на этом сходство вновь заканчивается. После ситуации разрыва образ Кэролайн неожиданно меняется: она обнаруживает, сколь глубоко любила героя. Из гордости, а также желания «наказать себя» [9], как указывает Дж. Кинкейд, героиня принимает предложение успешного адвоката Харкорта, но вскоре с несвойственной ей пылкостью признается в ненависти к мужу и уходит от него. Они вновь сближаются с Бертрамом, и для счастливой концовки Тrolлопу остается только убрать с пути возлюбленных неудачливого супруга. Что он и делает: герой-адвокат, поданный вна-

чале как хороший друг, оттеняющий характер Бертрама своей прагматичностью, стремительно превращается в расчетливого тирана, оказывается кругом в долгах и – также с совершенно нетипичной для него импульсивностью – пускает себе пулю в лоб. После этого не вызывает особого удивления финальное замечание Толстого: «Условного слишком много».

Проведенный сравнительно-типологический анализ является лишь первым подступом к теме «Толстой и Тrollope», которая может дать новый материал в области взаимодействия и взаимовлияния английской и русской культур. Читая «Бертрамов», Толстой не мог не заметить, что эстетика Тrollope близка его собственным принципам: «интерес подробностей чувства» точно так же преобладает у английского писателя над событийной стороной сюжета. Не меньший интерес могла вызвать и проблематика романа, связанная с выбором жизненного пути молодым героем, – при этом примечательна ее автопсихологическая основа, одинаковая для писателей. Толстой-читатель, конечно, обратил внимание и на сюжет с переосмыслением Священного Писания главным героем, а также на активное использование Тrollope приема остранения. Отзывы Толстого о «Бертрамах», таким образом, позволяют уточнить и углубить вопрос о формировании его собственной творческой манеры и художественных принципов: «знать свое», как указывал и сам писатель, ему часто удавалось именно через познание чужого художественного мира.

Список источников

1. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. М. ; Л., 1928–1958.
2. Бельский А.А. Тrollope А. // Краткая литературная энциклопедия : в 9 т. М., 1962–1978. Т. 7: 1972. 1008 стб.
3. Trollope A. An Autobiography. URL: <https://www.gutenberg.org/files/5978/5978-h/5978-h.htm#c7> (дата обращения: 02.04.2022).
4. Проскурнин Б.М. «Парламентские» романы Энтони Тrollope и проблемы эволюции английского политического романа. Пермь, 1992. 111 с.
5. Эйхенбаум Б.М. Лев Толстой // Эйхенбаум Б.М. Лев Толстой : Исследования. Статьи. СПб. : Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. 952 с.
6. Trollope A. The Bertrams. URL: <https://www.gutenberg.org/files/26001/26001-h/26001-h.htm> (дата обращения: 03.04.2022).
7. Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. Л., 1971. 464 с.
8. Dessner L.J. The Autobiographical Matrix of Trollope's «The Bertrams» // Nineteenth-Century Literature. 1990. Vol. 45, № 1. P. 26–58.
9. Kincaid J.R. The Novels of Anthony Trollope. Oxford: Clarendon Press, 1877. URL: <https://victorianweb.org/authors/trollope/kincaid/2.html> (дата обращения: 16.01.2023).
10. Сноу Ч.П. Творчество Тrollope // Сноу Ч.П. Портреты и размышления. М., 1985. 368 с.
11. James H. Partial Portraits. London : Macmillan, 1888. 408 p.
12. Жиликова Э.М. Структура повествования в «Казаках» Л.Н. Толстого // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2011. № 1 (13). С. 55–65.
13. Skilton D. An Introduction // Trollope A. The Bertrams. London : Folio Society, 1993. 531 p.
14. Бочаров С.Г. Роман Л. Толстого «Война и мир». М., 1978. 103 с.

References

1. Tolstoy, L.N. (1928–1958) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Moscow; Leningrad: Izd. tsentr “Terra”.
2. Bel’skiy, A.A. (1972) Trollop A. [Trollope A.] In: Surkov, A.A. (ed.) *Kratkaya literaturnaya entsiklopediya* [Brief Literary Encyclopedia]. Vol. 7. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
3. Trollope, A. (2013) *An Autobiography*. [Online] Available from: <https://www.gutenberg.org/files/5978/5978-h/5978-h.htm#c7>. (Accessed: 02.04.2022).
4. Proskurnin, B.M. (1992) “Parlamentskie” romany Entoni Trollopa i problemy evolyutsii angliyskogo politicheskogo romana [“Parliamentary” Novels by Anthony Trollope and the Problems of the Evolution of the English Political Novel]. Perm: Perm State University.
5. Eykhenbaum, B.M. (2009) Lev Tolstoy [Leo Tolstoy]. In: Eykhenbaum, B.M. *Lev Tolstoy: Issledovaniya. Stat’i* [Leo Tolstoy: Research. Articles]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.
6. Trollope, A. (2010) *The Bertrams*. [Online] Available from: <https://www.gutenberg.org/files/26001/26001-h/26001-h.htm>. (Accessed: 03.04.2022).
7. Ginzburg, L.Ya. (1971) *O psikhologicheskoy proze* [On Psychological Prose]. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura.
8. Dessner, L.J. (1990) The Autobiographical Matrix of Trollope’s “The Bertrams”. *Nineteenth-Century Literature*. 1 (45). pp. 26–58.
9. Kincaid, J.R. (1877) *The Novels of Anthony Trollope*. Oxford: Clarendon Press. [Online] Available from: <https://victorianweb.org/authors/trollope/kincaid/2.html>. (Accessed: 16.01.2023).
10. Snow, Ch.P. (1985) Tvorchestvo Trollopa [Trollope’s work]. In: Snow, Ch.P. *Portrety i razmyshleniya* [Portraits and Reflections]. Moscow: Progress.
11. James, H. (1888) *Partial Portraits*. London: Macmillan.
12. Zhilyakova, E.M. (2011) The structure of the narrative in the Cossacks by L.N. Tolstoy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 1 (13). pp. 55–65. (In Russian).
13. Skilton, D. (1993) An Introduction. In: Trollope, A. *The Bertrams*. London: Folio Society.
14. Bocharov, S.G. (1978) *Roman L. Tolstogo “Voyna i mir”* [Leo Tolstoy’s Novel War and Peace]. Moscow: Goslitizdat.

Информация об авторе:

Гнюсова И.Ф. – канд. филол. наук, доцент кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия). E-mail: irbor2004@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.F. Gnyusova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: irbor2004@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 31.01.2023;
одобрена после рецензирования 09.02.2023; принята к публикации 13.03.2023.

The article was submitted 31.01.2023;
approved after reviewing 09.02.2023; accepted for publication 13.03.2023.

Научная статья

УДК 821.111

doi: 10.17223/19986645/82/13

«Гофмановский комплекс» в рассказе Э. По «Без дыхания»

Вера Владимировна Королева¹

¹ *Владимирский государственный университет им. братьев Столетовых,
Владимир, Россия, queenvera@yandex.ru*

Аннотация. На примере рассказа Э.А. По «Без дыхания» поднимается вопрос о влиянии Э.Т.А. Гофмана на формирование сатирического стиля американского писателя в цикле рассказов «Гротески и арабески». Черты поэтики немецкого романтика в рассказе Э. По рассматриваются как «гофмановский комплекс», включающий в себя трансформацию романтического сюжета о потерянном отражении, переосмысление идеи двоемирия, смешение реально-бытового и театрального планов повествования, оппозицию живое – неживое и стилистические приемы (романтическая ирония, гротеск, алогизм, гипербола, говорящие названия и др.).

Ключевые слова: Э.Т.А. Гофман, Э.А. По, романтический сюжет, двоемие, романтическая ирония, гротеск, стилистические приемы

Для цитирования: Королева В.В. «Гофмановский комплекс» в рассказе Э. По «Без дыхания» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 82. С. 288–302. doi: 10.17223/19986645/82/13

Original article

doi: 10.17223/19986645/82/13

“Hoffmann’s complex” in Edgar Allan Poe’s story “Loss of Breath”

Vera V. Koroleva¹

¹ *Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs,
Vladimir, Russian Federation, queenvera@yandex.ru*

Abstract. In the article, based on the theory of intertextuality (Roland Barth, Julia Kristeva), the question of the influence of E. T. A. Hoffmann on the formation of the satirical style of Edgar Allan Poe in the cycle of stories *Grotesques and Arabesques* (*Tales of the Grotesque and Arabesque* (1839)). The author argues that Hoffmann’s recognizable plots (“The Sandman”, “Princess Brambilla”, “Elixirs of Satan”, etc.), which were popular during this period in Europe, as well as the relevance of the problems of his works and the original style, could become a source of not only satire (the story “Loss of Breath” is written as a parody of works from *Blackwood’s Edinburgh*

Magazine, where Hoffmann was also published during this period), but also samples for the early works of Poe. The hypothesis of the article is the statement about the possibility of applying in American literature, on the example of Poe's story "Loss of Breath", the previously developed methodology of "Hoffmann's complex" (characterized by the integrity of the reproduced content, the unity of issues, images and stylistic techniques), which allows highlighting the traditions of the German romantic in Poe's works, where they are not obvious. The features of Hoffmann's poetics are considered in Poe's "Loss of Breath" (1832) in the form of "Hoffmann's complex", which includes the following components. Firstly, it is the transformation of the romantic plot (Hoffmann's "Adventure on New Year's Eve"), which Poe reinterprets ironically, depriving it of an infernal context. He rethinks the idea of a two-world and mixes the real-life and theatrical narrative planes by combining the puppet element with the human one, by characters' behaving theatrically, by acting out the roles that are imposed by society (a corpse, a criminal), by replacing household details with theatrical attributes (a false jaw, two busles, a false eye). Secondly, it is the actualization of the problem of mechanization of life and man, which is realized in the opposition of the living – the inanimate ("The Sandman", "Princess Brambilla") and is aimed at criticizing society, which devalues a person and turns him into a "living" corpse, a doll. In contrast, objects come to life, and abstract concepts (breath) become materialized. Another manifestation of the problem of mechanization of life and man is the comparison of a man with an animal, and an animal with a man. Thirdly, it is the use of stylistic techniques characteristic of Hoffmann ("The Golden Pot", "Little Zaches Called Cinnabar", "Princess Brambilla", etc.): hyperbole, self-explanatory names, romantic irony and grotesque, which are characterized by a sharp change of the serious and the frivolous, a combination of the objective and the subjective, a continuous parody, as well as the use of alogism – reasoning that violates the laws of logic, when something terrible (execution, autopsy of the body) is described as funny, etc.

Keywords: E. T. A. Hoffmann, Edgar Allan Poe, romantic plot, living – inanimate opposition, romantic irony, grotesque, stylistic techniques

For citation: Koroleva, V.V. (2023) "Hoffmann's complex" in Edgar Allan Poe's story "Loss of Breath". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 82. pp. 288–302. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/82/13

Вопрос о связи Э.Т.А. Гофмана и Э.А. По неоднократно обсуждался в зарубежной литературной критике начиная с середины XIX в. Одни ученые считают гофмановские заимствования очевидными (П. Кобб (1908) [1], Г. Грюнер (1904) [2], В. Стедман (1896) [3]). По свидетельству Ю.В. Ковалева, в Европе сложилось мнение об Э. По как об «американском Гофмане» [4. С. 17]. Другие же отрицают влияние немецкого романтика на американского писателя (Г.А. Почманн (1961) [5], Г. Гофман (1983) [6], Г.Е. Вудберри (1909) [7], Т.М. Хансен и Р. Поллин (1995) [8]). Тем не менее большинство сходятся во мнении, что черты гофмановской поэтики прослеживаются в творчестве Э. По.

Одним из первых, кто указал на значимость немецкого писателя для английской и американской литературы, в том числе для Э. По, был В. Скотт, написавший в 1827 г. статью «О сверхъестественном в литературе и, в частности, о сочинениях Эрнста Теодора Вильгельма Гофмана» [9. С. 13–14]. На рубеже XIX–XX вв. изучение гофмановских традиций в творчестве

Э. По становится особенно популярным. Р.Г. Стоддард указывает на важность Гофмана для формирования писательского таланта Э. По: «...если хозяином Готорна был Тик, как утверждал По, то хозяином По, насколько он его знал, был Гофман» [10. С. 14]. В. Стедман в предисловии к изданию произведений Э. По 1896 г. делает акцент на том, что некоторые рассказы Э. По предположительно были заимствованы у немецкого писателя, и заключает: «Гофман неоспорим» [3. Р. 96–97]. Он также обращает внимание на черты гофмановской стилистики у Э. По: «...в некоторых его произведениях... достаточно метода Гофмана, чтобы предположить, что блестящий автор “Phantasie Stueke” (Гофман) был одним из ранних учителей Э. По» [3. Р. 97]. В 1899 г. традиции Гофмана в американской литературе были отмечены и в статье А. Мостовича «Американский Гофман» [11]. П. Кобб в книге «Влияние Э.Т.А. Гофмана на рассказы Э.А. По» (1908) выделяет в рассказах Э. По мотивы, которые были характерны для немецкого писателя [1].

В конце XX – начале XXI в. в литературоведении можно наблюдать возрождение интереса к немецкому романтику на фоне роста популярности американской литературы. Имя Гофмана упоминает М.Н. Боброва в книге «Романтизм в американской литературе XIX века», размышляя о художественном методе Э. По [12]. В монографии Ю.В. Ковалева «Эдгар Аллан По» [4] находит подтверждение мысли о значимости Гофмана для американской литературы и формирования творческого метода Э. По. Э. Руссо в статье «Э. По и Э.Т.А. Гофман: пример влияния», опираясь на теорию Ю. Кристевой [13] об интертекстуальности текста, считает вполне закономерной попытку Э. По переосмыслить гофмановские тексты, а также стиль немецкого писателя [14]. С такой постановкой проблемы нельзя не согласиться. В поисках своего стиля Э. По часто менял манеру повествования, подражал современникам или пародировал их. Узнаваемые сюжеты Э.Т.А. Гофмана, актуальность проблематики его произведений и оригинальная стилистика не могли не привлечь внимание Э. По, учитывая необычную популярность немецкого писателя в 1830-е гг. не только в Европе (Франция, Россия, Англия и др.), но и в Америке. Г. Грюнер, например, утверждает, что Гофман в те дни был более известен и более читаем во Франции, чем в своей собственной стране, а французские литературные журналы постоянно были заняты Гофманом [2].

Однако в литературной критике акцент в большинстве своем делается на гофмановских традициях в страшных рассказах Э. По из цикла «Гротески и арабески» («Tales of the Grotesque and Arabesque», 1839): «Падение дома Ашеров» и «Майорат», «Вильям Вильсон» и «Эликсиры дьявола» и др. в то время как сатирические произведения Э. По, как правило, остаются без внимания. На наш взгляд, выделение черт гофмановского стиля и в сатирических рассказах Э. По является актуальным вопросом. Не случайно гротеск, который стал неотъемлемой частью стиля Гофмана, заявлен в названии сборника американского писателя. На этот факт обращает внимание В. Скотт, который отмечает близость гофмановского гротескного стиля гротескам и арабескам Э. По [9].

Ярким примером функционирования гофмановского иронического стиля в творчестве американского писателя является рассказ «Без дыхания» («Loss of Breath»), который вышел в свет в 1832 г. под названием «Решительная потеря» («A Decided Loss»), а в 1835 г. был переименован Э. По в «Без дыхания» («Loss of Breath»). В новом варианте рассказ стал публиковаться в последующих изданиях начиная с 1846 г. Э. По в письме к Джону Кеннеди от 11 февраля 1836 г. свидетельствует, что написал «Без дыхания» в качестве сатирической пародии на произведения, печатавшиеся в журнале «Блэквуд» («Blackwood's Edinburgh Magazine») [15. С. 733], в котором в этот период публикуют и Гофмана (в частности, роман «Эликсиры дьявола» в номере за июль – декабрь 1824 г.). Известно, что к моменту появления рассказа Э. По «Без дыхания» на английский язык были переведены несколько произведений Гофмана: «Эликсиры дьявола» («Die Elixiere des Teufels») (1824), «Мадмуазель Скудери» («Das Fräulein von Scudéry») (1826), «Майорат» («Das Majorat») (1826), «Повелитель Блох» («Meister Floh») (1826), «Золотой горшок» («Der goldene Topf») (1827).

Для анализа рассказа Э. По «Без дыхания» мы предлагаем использовать подход, основанный на исследовании традиций немецкого романтика как «гофмановского комплекса», который характеризуется целостностью воспроизводимого содержания и позволяет выделить гофмановские заимствования не только в тех произведениях, где они очевидны, но и там, где они прослеживаются неявно. Этот комплекс был описан нами на примере русской литературы в монографии «“Гофмановский комплекс” в русской литературе конца XIX – начала XX веков» [16], где утверждается мысль, что феномен увлечения Э.Т.А. Гофманом, наблюдавшийся в России, способствовал появлению заимствований и подражаний, которые часто отражались в произведениях других писателей системно, в виде «гофмановского комплекса». Однако в зарубежной литературе «гофмановский комплекс» проявляется иначе. В связи с этим целью нашего исследования стало рассмотрение возможности применения ранее выработанной методологии «гофмановского комплекса» в американской литературе. Согласно нашей гипотезе гофмановские традиции нашли выражение и в творчестве американских писателей, ярким примером этому служит творчество Э. По. Мы предлагаем рассматривать черты поэтики Э.Т.А. Гофмана в рассказе Э. По «Без дыхания» как систему, которая включает следующие компоненты: трансформацию романтического сюжета (гофмановский сюжет о потерянном отражении («Приключение в ночь под Новый год»)), переосмысление идеи двоемирия, мотив театральной игры), актуализацию проблемы механизации человека и общества (оппозиция *живое* – *неживое*, прием оживления предметов и превращения человека в куклу, «живого» мертвеца, антропоморфизм) и сходные стилистические приемы (романтическая ирония и гротеск, алогизм, гипербола, говорящие названия и др.).

Трансформация романтического сюжета в рассказе Э. По

Переосмысление романтического сюжета в рассказе Э. По «Без дыхания» происходит за счет нарушения законов построения немецкой роман-

тической сказки, которую он берет за основу своего рассказа. Писатель отказывается от некоторых ее традиционных черт или же воспроизводит гофмановскую традицию, которая характеризуется «преодолением» романтизма.

Во-первых, Э. По в рассказе «Без дыхания» меняет один из сложившихся сюжетов романтизма – утрату героем своей тени (А. Шамиссо «Удивительные приключения Петера Шлемеля» («Peter Schlemihls wundersame Geschichte», 1814) или отражения (Гофман «Приключение в ночь под Новый год» («Die Abenteuer der Silvesternacht», 1815) и др. В произведениях немецких романтиков такая потеря воспринимается как трагедия, поскольку это происшествие связано с заключением сделки с дьяволом, что приводит героя к неизбежному наказанию. Он испытывает муки совести за свой грех, а общество его отвергает. У Э. По мотив вины за связь с дьяволом и необходимости искупления своего поступка снимается, а сюжет переосмысливается иронически. Э. По делает акцент на восприятии обществом человека без дыхания.

Во-вторых, Э. По отказывается от традиционного романтического двоемирия, которое у романтиков строится на представлении о разделении мироздания, о наличии другого мифологического сверхчувственного мира. В сказках Гофмана идея двоемирия подвергается ироническому переосмыслению: происходит смешение мира реального и идеального (мифологический): мир идеальный приобретает бытовые черты (например, образ золотого горшка), а мир мифологический становится частью реальной жизни (например, оживший кафтан в новелле «Крошка Цахес» («Klein Zaches, genannt Zinnober», 1819). По словам Д.Л. Чавчанидзе, страшная действительность у Гофмана неотделима от жизни человека, потому он обречен на трагизм: «Реальный мир, враждебный, игнорирован, но и идеальный по сути дела развенчан» [15. С. 348].

У Э. По двоемирие направлено на отражение конфликта «человек и общество». Автор дает новую интерпретацию двоемирия – это взаимодействие мира живых и мира мертвых. Но и оно у Э. По происходит лишь в сознании главного героя – мистера Литтлтона Бэрри: он чувствует себя живым, поэтому ведет себя как живой человек, а окружающие воспринимают его как мертвого. Пересечение этих миров порождает забавные ситуации и приводит к появлению фантастического элемента в рассказе: «...standing upon tiptoe, seizing her by the throat, and placing my mouth close to her ear, I was preparing to launch forth a new and more decided epithet of opprobrium... when... I discovered that I had lost my breath» [17. P. 152]. («...я встал на цыпочки, схватил жену за горло и, приблизив губы к ее уху, собрался было наградить ее каким-нибудь еще более оскорбительным эпитетом... в тот самый миг... я вдруг обнаружил, что у меня захватило дух» [18. С. 21]).

В-третьих, Э. По использует в рассказе мотив театральной игры, который восходит к новелле Гофмана «Принцесса Брамбилла» («Prinzessin Brambilla», 1820), где двоемирие создается за счет того, что главные герои

под влиянием атмосферы карнавала переносят свои театральные роли и мечты (принц Корнельо Кьяппери и принцесса Брамбилла) в обычную жизнь. Реальные события переплетаются с мотивом театральной игры и в романе Э.Т.А. Гофмана «Эликсиры дьявола». По словам, Л.А. Мишиной, этот роман «может быть интерпретирован как цикл своеобразных “спектаклей”, сквозным персонажем в которых является монах Медард, посланный приором с миссией в Ватикан» [19. С. 911].

Э. По также обращается к этому приему, соединяя в рассказе «Без дыхания» реально-бытовой план и театральный, при этом мотив театральной игры становится сатирическим приемом, который помогает подчеркнуть недостатки современного общества. Главного героя рассказа Литтлтона театральные атрибуты окружают в повседневной жизни. Например, разыскивая дыхание, в своей комнате он вместо привычных вещей находит фальшивую челюсть, два турнюра, вставной глаз. Театральностью характеризуется его поведение. Бэрри сначала сам разыгрывает сцены из спектакля, например декламируя трагедию «Метамора», подражает игре актеров, что выглядит искусственно и нелепо: «It is not to be supposed, however, that in the delivery of such passages I was found at all deficient in the looking askint – the showing my teeth – the working my knees – the shuffling my feet – or in any of those unmentionable graces which are now justly considered the characteristics of a popular performer» [17. P. 155] («Не следует, однако, полагать, что, исполняя подобные отрывки, я обходился без косых взглядов, шарканья ногами, зубовного скрежета, дрожи в коленях или иных невыразимо изящных телодвижений, которые ныне по справедливости считаются непременным атрибутом популярного актера» [18. С. 24]). Этим он напоминает Джильо Фава из новеллы Гофмана «Принцесса Брамбилла»: «...er dann mit verdrehten Augen, mit den Händen die Lüfte durchsägend, bald sich auf den Fußspitzen erhebend, bald wie ein Taschenmesser zusammenklappend, mit hohler Stimme die Verse holpricht und schlecht hertragierte» [20. Bd. 3. S. 107] («...он, закатив глаза, пилил воздух руками, то привставая на цыпочки, то складываясь пополам, как перочинный нож, и, спотыкаясь на словах, глухим голосом скандировал свои трагические монологи» [21. Т. 3. С. 296]). Затем общество навязывает Литтлтону роли трупа и преступника, которые он достойно играет. В духе Гофмана описывается сцена казни героя, когда он устраивает для зрителей представление, как на театральных подмостках, симулируя судороги и спазмы для большего эффекта: «My convulsions were said to be extraordinary. My spasms it would have been difficult to beat. The populace encored. Several gentlemen swooned; and a multitude of ladies were carried home in hysterics» [17. P. 162] («Все признали мои конвульсии из ряда вон выходящими. Судороги мои трудно было превзойти. Чернь кричала “бис”. Несколько джентльменов упало в обморок, и множество дам было в истерике увезено домой» [18. С. 27]). Создается впечатление, что Литтлтон, как актер на сцене, получает удовлетворение от своей игры, которая производит такой сильный эффект. Э. По подчеркивает игровое начало в поведении главного героя и в эпизоде

в склепе, когда тот перед гробами пускается в рассуждения о жизни и смерти тех, кто в них лежит.

Таким образом, следуя традиции построения романтической сказки, Э. По переосмысливает ее черты по-своему: двоимирие утрачивает мифологическую подоплеку; понятие идеала утрачивается; конфликт становится бытовым; повествование же строится на переплетении мотива театральной игры и реально-бытового плана.

Актуализация проблемы механизации жизни и человека

В основе рассказа Э. По «Без дыхания» лежит восходящая к новелле Гофмана «Песочный человек» («Der Sandmann», 1817) проблема механизации человека в современном обществе, которая проявляется в оппозиции *живое – неживое* и образах мертвеца, куклы, вытесняющих собой живого человека. С главным героем Литтлтоном Бэрри происходит несчастье: в приступе гнева у него «захватывает дыхание», и он превращается в «живого» мертвеца: «alive, with the qualifications of the dead – dead, with the propensities of the living» [17. P. 153] («...живой, но со всеми свойствами мертвеца, мертвый, но со всеми наклонностями живых» [18. С. 22]). Он по-прежнему может двигаться, размышлять и даже говорить: «...I discovered that had I, at that interesting crisis, dropped my voice to a singularly deep guttural, I might still have continued to her the communication of my sentiments» [17. P. 153] («...я обнаружил, что, стоило мне в ту критическую минуту понизить голос и перейти на гортанные звуки, – я мог бы и дальше изливать свои чувства» [18. С. 22]).

И самое главное, несмотря на отсутствие физической боли, он по-прежнему способен испытывать чувства. Равнодушие окружающих к герою отражает общую проблему общества – обесценивание человека. Люди наносят физические увечья Литтлтону еще до того, как замечают, что у него нет дыхания: «... a third, of a size larger, requesting pardon for the liberty he was about to take, threw himself upon my body at full length, and falling asleep in an instant, drowned all my guttural ejaculations for relief, in a snore» [17. P. 157] («...а третий джентльмен еще большей величины, предварительно попросив извинения за вольность, во всю длину растянулся на мне и, мгновенно погрузившись в сон, заглушил мои гортанные крики о помощи таким храпом...» [18. С. 24]). На факт причинения вреда герою никто не обращает внимания, пока он не становится похож на изуродованный труп: «Seeing that I remained motionless (all my limbs were dislocated and my head twisted on one side), his apprehensions began to be excited» [17. P. 157] («Но, увидев, что я остаюсь недвижим (все мои суставы были как бы вывихнуты, а голова свернута набок), он встревожился» [18. С. 24]).

Рассказ «Без дыхания» отчасти повторяет основную идею новеллы Гофмана «Песочный человек», где в центре повествования – любовь Натанаэля к кукле-автомату Олимпии, которую создал профессор физики Спаланцани и ради забавы выдал за свою дочь. Натанаэль влюбляется в нее,

так как она идеально красива, а также потому, что она мало говорит и много слушает. Гофман в своем произведении изображает реальный мир бездуховным. В нем нет различий между куклой и человеком. Многие не только не замечают кукольности Олимпии, но и превозносят ее, ставя выше человека. Не случайно лишь после ее разоблачения молодые люди из опасений повторить судьбу Натанаэля стали требовать, чтобы их возлюбленная могла продемонстрировать свои умения: «Um nun ganz überzeugt zu werden, daß man keine Holzpuppe liebe, wurde von mehrern Liebhabern verlangt, daß die Geliebte etwas taktlos singe und tanze, daß sie beim Vorlesen sticke, stricke, mit dem Möpschen spiele usw.» [20. Bd. 2. S. 29]. («Многие влюбленные, дабы совершенно удостовериться, что они пленены не деревянной куклой, требовали от своих возлюбленных, чтобы те слегка фальшивили в пении и танцевали не в такт, чтобы они, когда им читали вслух, вязали, вышивали, играли с комнатной собачкой и т.д.» [21. Т. 2. С. 320]).

Э. По продолжает развивать гофмановскую проблему механизации человека в современном обществе с той разницей, что у Э.Т.А. Гофмана общество принимает куклу за живое существо и восхищается ее совершенством, а у Э. По общество живого человека делает мертвым: «Having cut off my ears, however, he discovered signs of animation. <...>. In case of his suspicions with regard to my existence proving ultimately correct, he, in the meantime, made an incision in my stomach, and removed several of my viscera» [17. P. 158] («...отрезав мне уши, он обнаружил в моем теле признаки жизни. <...>. На тот случай, если его подозрения, что я еще жив, в конце концов, подтвердятся, он пока что сделал надрез на моем животе и вынул оттуда часть внутренностей» [18. С. 25]).

Э. По считает, что опасны не автоматы, а люди, которые готовы превратить *живое* в *мертвое* (отправляют на виселицу невиновного, вынимают органы из «живого» тела). Э. По видит угрозу для современного общества и в ученых, которые ради эксперимента готовы пожертвовать человеком. Так, Литтлтон Бэрри, попав к хирургу, становится объектом его медицинских экспериментов. Доктор не обращает внимания даже на признаки жизни, которые демонстрирует герой, объясняя движения Литтлтона следствием действия гальванической батареи, которую применяет в целях научного эксперимента, а не для спасения человека. Иронически выглядит желание самой «жертвы» вступить в спор по поводу «остроумных, но фантастических» теорий, которые аптекарь выдвигает в результате своих опытов. Критика ученых в рассказе проявляется и в эпизоде с шумом из склепа, реакцией на который в обществе стала не попытка проверить, что там происходит, а появление трактата «О природе и происхождении подземных шумов», а также последующие возражения на этот трактат, опровержение и вновь подтверждение. Общественность ждет научных сенсаций, а вероятность «живого» захоронения не рассматривается.

Осуждая ученых, Э. По следует традиции Э.Т.А. Гофмана, который был одним из первых, кто поднял проблему вмешательства человека в законы природы. В произведениях Гофмана образ ученого часто подается в иро-

ническом ключе. Например, в новелле «Повелитель блох» («Meister Floh», 1822) ученые Левенгук и Сваммер искусственно вернули к жизни Гамахею. Гофман под влиянием Ф. Шеллинга, утверждавшего, что «характер природы есть нераздельное, еще до разделения пребывающее единство бесконечного и конечного» [22], враждебно принимал все стремления ученых расчлнить природу на отдельные составляющие, поэтому ученые Сваммердам и Левенгук, нарушившие ее гармонию, становятся объектом сатиры.

Безразличие людей друг к другу в современном обществе в рассказе «Без дыхания» проявляется и в эпизоде с казнью. Спящий кучер и двое пьяных новобранцев-пехотинцев принимают Литтлтона Бэрри за приговоренного грабителя почтовых дилижансов В. и ведут его на виселицу. Э. По подчеркивает, что для окружающих не важно, кого повесить, главное, чтобы казнь состоялась. Сходство с преступником демонстрирует обезличенность в обществе. Человек у Э. По уподобляется предмету, который можно купить: «The landlord of the “Crow”... sent forthwith for a surgeon of his acquaintance, and delivered me to his care with a bill and receipt for ten dollars» [17. P. 158] («Хозяин “Ворона”... тут же послал за знакомым хирургом и передал меня в руки последнего вместе со счетом на десять долларов» [18. С. 25]). Другим примером равнодушного отношения к человеку является история, приключившаяся с мистером Вовесьдух, которого поразило «второе дыхание». Это не помешало ему избежать участи соседа: его приняли за мертвеца и похоронили живым в склепе.

Для достижения иронического эффекта и усиления контраста между *живым* и *мертвым* Э. По использует прием овеществления абстрактного понятия. Например, Литтлтон воспринимает дыхание как некий предмет, который можно потерять, найти и вернуть: «It was possible, I thought, that, concealed in some obscure corner, or lurking in some closet or drawer, might be found the lost object of my inquiry. It might have a vapory – it might even have a tangible form» [17. P. 154] («Быть может, думал я, то, что я ищу, скрывается где-нибудь в темном углу, в чулане или притаилось на дне какого-нибудь ящика. Может быть, оно имеет газообразную или даже осязаемую форму» [18. С. 23]). Этот прием восходит к Э.Т.А. Гофману, у которого предметы оживают, как в новелле «Золотой горшок», чтобы подчеркнуть мертвенность окружающего мира: «aber als er nun... den Türklopfer ergreifen wollte, da verzog sich das metallene Gesicht im ekelhaften Spiel blauglühender Lichtblicke zum grinsenden Lächeln» [20. Bd. 1. S. 134] («Но только что он хотел взяться за этот молоток... как вдруг бронзовое лицо искривилось и ослабилось в отвратительную улыбку и страшно засверкало лучами металлических глаз» [21. Т. 1. С. 201]).

Обезличенность человека в современном обществе Э. По также показывает через смешение оппозиции *человек* – *животное*, когда внешний облик или поведение животных описывается, как у человека, и наоборот. Так, голос у Литтлтона Бэрри после потери дыхания превращается в «frog-like and sepulchral tones» [17. P. 156] («замогильный лягушачий» [18. С. 25]), в

то время как животные демонстрируют не только силу голоса, но и его музыкальность: кошки поют фиоритур *a la* Каталани (музыкальные украшения в вокальной или инструментальной партии), а ньюфаундленд демонстрирует рулады (переливы голоса в пении). Кроме того, Э. По по отношению к животным применяет эпитеты, которые используются для описания характера человека (кошки: «a greedy and vituperative» [17. Р. 156] «жадные и сварливые кошки» [18. С. 25]) и его чувств (о кошках: «to their extreme horror and disappointment» [17. Р. 156] «к величайшему ужасу и разочарованию» [18. С. 25]).

Литературная традиция сопоставлять человека с животным восходит к Э.Т.А. Гофману. В его романе «Житейские воззрения кота Мурра...» («*Lebensansichten des Katers Murr*», 1819–1821), а также в произведении «Известие о дальнейших судьбах собаки Берганца» («*Nachricht von den neuesten Schicksalen des Hundes Berganza*», 1814) животные испытывают человеческие чувства: Кот Мурр: «*Ich fühlte mich von Reue, von Scham durchdrungen*» [20. Bd. 3. S. 163] («раскаяние, стыд терзали меня» [21. Т. 5. С. 45]), или ведут себя как человек: кошка: «...*Augenblick schrie die Gefleckte, indem ihr die hellen Tränen aus den Augen*» [20. Bd. 3. S. 163] («слезы брызнули из глаз пестрой красавицы» [21. Т. 5. С. 42]).

Стилистические приемы Э.Т.А. Гофмана в новелле Э.А. По

Э. По использует гофмановский иронический стиль повествования, который характеризуется резкой сменой серьезного и несерьезного, смешением объективного и субъективного и основан на комплексном использовании ряда стилистических приемов, направленных на отражение процесса обезличивания человека в обществе и создающих особый иронический тон. Обратимся к анализу сходных стилистических приемов у Э.Т.А. Гофмана и Э.А. По.

Прежде всего, следует выделить романтическую иронию и гротеск, которыми проникнут весь рассказ Э. По «Без дыхания». Ирония Э.Т.А. Гофмана часто переходит в гротеск – прием, который активно разрабатывался романтиками. Одним из первых понятие гротеска было сформулировано Ф. Шлегелем, который считал, что в основе гротеска лежат три принципа: нелепое смешение, причудливое переплетение, трагикомедия. В нем он видел черты парадокса и карикатуры. Романтический гротеск усиливает контрасты реального мира путем заострения, укрупнения явлений. Введение невероятного искажает формы действительности, подчеркивает скрытую сущность реального [23]. Гротеск стал неотъемлемой частью прозы Э.Т.А. Гофмана, его сознания и видения. Образцом гротескного искусства он считал творчество французского графика Жака Калло, который привлекал немецкого писателя элементами фантастики и гротеска, а также субъективной манерой видения мира. Гофмановская манера повествования, когда даже самые трагические события не имеют серьезных последствий и преподносятся как шутка, как в новелле «Принцесса Брамбилла», лежит в

основе рассказа Э. По «Без дыхания» и направлена на критику общества. Все, что происходит с Литтлтоном, не воспринимается как трагедия даже им самим, напротив, он даже подыгрывает происходящему.

Э. По задействует и ряд других стилистических приемов, которые входят к Э.Т.А. Гофману и в совокупности придают рассказу особый тон, имеющий сатирическую направленность. Например, прием алогизма – рассуждение, нарушающее законы логики: «...without meeting with any farther accident than the breaking of both my arms...» [17. P. 158] («...со мною не произошло больше никаких неприятностей, если не считать перелома обеих рук...» [18. С. 25]).

У Э.Т.А. Гофмана обращение к приему алогизма находим в новелле «Крошка Цахес»: «Beide stimmten darin überein, daß Dschinnistan ein erbärmliches Land sei, ohne Kultur, Aufklärung, Gelehrsamkeit, Akazien und Kuhpocken, eigentlich auch gar nicht existiere» [20. Bd. 2. S. 128] («Они оба согласились на том, что Джиннистан – прежалкая страна, без культуры, просвещения, учености, акаций и прививки оспы, и даже, по правде говоря, вовсе не существует» [21. Т. 3. С. 183]).

Э. По часто использует развернутые сравнения, в которых иронический эффект появляется благодаря сопоставлению частного, бытового с чем-то важным, общечеловеческим. Например, Литтлтон сравнивает свою духовную стойкость с осаждением крепостей (Троя, Нивея, Самария). Или описание потери своих ушей герой сопровождает размышлениями о том, как утраченные у исторических лиц части тела повлияли на ход истории: «But, as the loss of his ears proved the means of elevating to the throne of Cyrus, the Magian or Mige-Gush of Persia... so the loss of a few ounces of my countenance proved the salvation of my body» [17. P. 160] («Однако, подобно тому, как потеря ушей способствовала восшествию персидского мага Гауматы на престол Кира, ...так потеря нескольких унций моей физиономии оказалась спасительной для моего тела» [18. С. 26]). У Э.Т.А. Гофмана, например, в новелле «Принцесса Брамбилла» любовные страдания Джильо сопоставляются с болью от укола иголкой: «„Meine Giacinta“, sprach Giglio im Schmerz der Liebe und des Nadelstichs» [20. Bd. 3. S. 107] («Моя Джачинта, сказал Джильо, страдая от любви и от укола иголки» [21. Т. 3. С. 333]).

Прием градации у Э. По усиливает эффект театральности происходящего и вызывает ироническое восприятие героя читателем. Например, «Imagine... my wonder – my consternation – my despair!» [17. P. 154] («вообразите... мое изумление, мой ужас, мое отчаяние» [18. С. 21]). Подобное стилистическое средство характерно и для произведений Э.Т.А. Гофмана. Например, в новелле «Крошка Цахес»: «solch ein Mann – solch ein Talent! – solcher Eifer – solche Liebe» [20. Bd. 2. S. 174] («...какой человек! Какой талант! Какое усердие! Какая любовь!» [21. Т. 3. С. 229]).

Особый иронический эффект у Э. По достигается благодаря использованию приемов парадокса и гиперболы. Американский писатель часто создает парадокс за счет необычного сочетания прилагательных и предметов, которые они характеризуют, при этом трагическое лишается отрицатель-

ной семантики. Например, раскоренный чемоданом череп описывается не как трагедия, а как нечто необычное и интересное с помощью прилагательных *interesting and extraordinary*. Гипербола характерна как для Э. По: «...a thousand vague and lachrymatory fancies took possession of my soul» [17. P. 154] («Сотни смутных, печальных фантазий теснились в моем мозгу» [18. P. 154]), так и для Э.Т.А. Гофмана: «...sieben Tage hindurch vom frühesten Morgen bis in den späten Abend hatten die Sitzungen gedauert» («Крошка Цахес» [20. Bd. 2. S. 126]) («Семь дней напролет, с раннего утра до позднего вечера, длились совещания» [21. Т. 3. С. 230]).

Ярким сатирический прием Э. По, как у Э.Т.А. Гофмана – бытовые описания с философскими рассуждениями, что способствует появлению особой комичности. Главный герой рассказа Э. По «Без дыхания», например, размышляет о жизни, находясь в склепе среди гробов: «He was the originator of tall monuments – shot-towers – lightning-rods – Lombardy poplars. His treatise upon "Shades and Shadows" has immortalized him... He then came home, talked eternally, and played upon the French-horn» [17. P. 164]. «Он был создателем высоких памятников, башен для литья дробы, громоотводов и пирамидальных тополей. Его трактат "Тени и оттенки" обессмертил его имя. Затем он возвратился домой, вечно болтал всякую чепуху и играл на валторне» [18. С. 28]. У Э.Т.А. Гофмана, например, в романе «Эликсиры дьявола» Пьетро Белькампо сравнивает процесс стрижки с творчеством великих писателей и правлением императоров.

Подобные философствования и у Э.Т.А. Гофмана, и у Э. По обычно сопровождаются ссылками на авторитетных авторов, что не соответствует ситуации или важности темы размышлений и вызывает комический эффект. Иронический эффект создают у Э. По и Э.Т.А. Гофмана говорящие имена и названия. У Э. По: Lyttleton, Windenough, Lackobreath. У Э.Т.А. Гофмана, например, в «Королевской невесте»: Karotte (морковь), Amandus Nebelstern (туманная звезда), der Herr von Schwarzrettig (черная редька) и др.

Чтобы подчеркнуть позерство, театральность поведения своего героя в рассказе «Без дыхания», а также для выражения эмоций недовольства Э. По использует прием парцелляции: «I met Blab at the corner of the street – wouldn't give me a chance for a word – couldn't get in a syllable edgeways – attacked, consequently, with epilepsy – Blab made his escape – damn all fools! – they took me up for dead, and put me in this place – pretty doings all of them!» [17. P. 165] («Встретил на углу Пустослова... не дал мне ни слова вымолвить... я ни звука произнести не мог... в результате припадок эпилепсии... Пустослов сбежал... черт бы побрал этих идиотов!.. Приняли меня за мертвого и сунули сюда... не правда ли, мило?» [18. С. 29]). Такую же функцию этот прием выполняет и у Э.Т.А. Гофмана («Крошка Цахес, по прозванию Циннобер»): «Ministers – Kollegen – Kameraden – beinahe glaub ich, der große Magus hat recht und wir sind – nun mögen wir sein, was wir wollen!» [20. Bd. 2. S. 147] («Министры... Коллеги... Друзья... Пожалуй, маг был прав, обозвав нас... ну да ладно, кто бы мы ни были...» [21. Т. 3. С. 348]).

Таким образом, одним из источников сатирического стиля для американского писателя Э. По в рассказе «Без дыхания» могло стать творчество Э.Т.А. Гофмана, о чем свидетельствует комплексное воспроизведение в рассказе Э. По гофмановской проблематики, сюжета и стилистических черт сказок-каприччио. На наш взгляд, дальнейшее изучение восприятия и трансформации гофмановской традиции в цикле «Гротески и арабески» Э. По (рассказы «Бон-Бон», «Черт на колокольне», «Делец» и др.), основываясь на методологии «гофмановского комплекса», является перспективным, так как это позволяет найти новые доказательства присутствия гофмановского интертекста в сатирических произведениях Э. По, что станет вкладом в исследование «гофмановского комплекса американской литературы».

Список источников

1. Cobb P. The Influence of E. T. A. Hoffmann on the Tales of Edgar Allan Poe // Studies in Philology. University of North Carolina Press, 1908. Vol. 3 (1908). P. 1–105.
2. Gruener G. Poe's Knowledge of German // Modern Philology. 1904. Vol. 2. P. 125–140.
3. Stedman E.S. Introduction to the Tales // The Works of E. A. Poe. Chicago, 1896. Vol. 1. P. 91–121. URL: <https://www.eapoe.org/works/stedwood/sw0103.htm>. (accessed: 22.07.2021).
4. Ковалев Ю.В. Эдгар Аллан По. Л. : Худож. лит., 1984. 296 с.
5. Pochmann H. A. German Culture in America. Philosophical and Literary Influences. Madison : University of Wisconsin Press, 1957. 865 p.
6. Hoffmann G. Edgar Allan Poe and German Literature // American-German Literary Interrelations in the Nineteenth Century. München : Fink, 1893. P. 52–104.
7. Woodberry G.E. The Life of Edgar Allan Poe : in 2 vol. Boston : Houghton Mifflin, 1909. Vol. 1. 540 p.
8. Hansen T.M., Pollin Burton R. The German Face of Edgar Allan Poe: A Study of Literary References in His Works. Columbia : Canadian House, 1995. 152 p.
9. Скотт В. Собрание сочинений : в 20 т. М. : Худож. лит., 1960–1965. Т. 20. 838 с.
10. Stoddard R.H. The Works of Edgar Allan Poe, London, 1884. I, p. XIV. URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=mdp.49015002781806&view=1up&seq=13> (accessed: 22.05.2022).
11. Мостович А. Американский Гофман // Книжки «Недели». СПб., 1899. Нояб. С. 226–228.
12. Боброва М.Н. Романтизм в американской литературе XIX века. М. : Высш. шк., 1972. 286 с.
13. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Вестник МГУ. Сер. 9: Филология. 1995. № 1. С. 97–124.
14. Russo E.E. A. Poe and E.T.A. Hoffmann: a case of influence // Amendola A., Barone L. Edgar Allan Poe across Disciplines. Genres and Languages. Cambridge Scholars Publishing, 2018. P. 121–138.
15. Королева В.В. «Гофмановский комплекс» в русской литературе конца XIX – начала XX веков. Владимир : Шерлок – Пресс, 2020. 305 с.
16. Чавчанидзе Д.Л. «Романтическая ирония» в творчестве Гофмана // Ученые записки МГПИ им. Ленина. 1967. Вып. 280. С. 340–355.
17. Poe E.A. The complete works: in 17 Vol. New York : Thomas Y. Crowell & Company, 1902. Vol. 2. 395 p.
18. По Э. Полное собрание рассказов. М. : Наука, 1970. 296 с.

19. Мишина Л.А. Роман Э.Т.А. Гофмана «Эликсиры сатаны» как «рассказываемый театр» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 4 (2). С. 911–914.
20. Hoffmann E.T.A. Werke. Frankfurt am Main : Insel Verlag, 1967. 531 s.
21. Гофман Э.Т.А. Собрание сочинений : в 6 т. М. : Худож. лит., 1991–1999.
22. Шеллинг Ф. Философия искусства. М. : Мысль, 1966. 496 с.
23. Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика. М. : Искусство, 1983. 448с.

References

1. Cobb, P. (1908) The influence of E. T. A. Hoffmann on the tales of Edgar Allan Poe. *Studies in Philology*. 3. pp. 1–105.
2. Gruener, G. (1904) Poe's Knowledge of German. *Modern Philology*. 2. pp. 125–140.
3. Stedman, E.S. (1896) Introduction to the Tales. In: Stedman, E.C. & Woodberry, G.E. (eds) *The Works of E. A. Poe*. Vol.1. Chicago: Stone & Kimball. pp. 91–121. [Online] Available from: <https://www.eapoe.org/works/stedwood/sw0103.htm>. (Accessed: 22.07.2021).
4. Kovalev, Yu.V. (1984) *Edgar Allan Po* [Edgar Allan Poe]. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura.
5. Pochmann, H.A. (1957) *German Culture in America. Philosophical and Literary Influences*. Madison: University of Wisconsin Press.
6. Hoffmann, G. (1893) Edgar Allan Poe and German Literature. In: Wecker, C. (ed.) *American-German Literary Interrelations in the Nineteenth Century*. München: Fink. pp. 52–104.
7. Woodberry, G.E. (1909) *The Life of Edgar Allan Poe*. Vol.1. Boston: Houghton Mifflin.
8. Hansen, T.M. & Burton, P.R. (1995) *The German Face of Edgar Allan Poe: A Study of Literary References in His Works*. Columbia: Canadian House.
9. Scott, W. (1960–1965) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 20. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
10. Stoddard, R.H. (1884) *The Works of Edgar Allan Poe*. Vol. 1. New York: A.C. Armstrong and Son. P. 14. [Online] Available from: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=mdp.49015002781806&view=1up&seq=13>. (Accessed: 22.05.2022).
11. Mostovich, A. (1899) Amerikanskiy Gofman [American Hoffmann]. *Knizhki "Nedeli"*. *Peterburg*. November. pp. 226–228.
12. Bobrova, M.N. (1972) *Romantizm v amerikanskoj literature XIX veka* [Romanticism in American Literature of the 19th Century]. Moscow: Vysshaya shkola.
13. Kristeva, J. (1995) Bakhtin, slovo, dialog i roman [Bakhtin, word, dialogue and novel]. *Vestnik MGU. Ser. 9. Filologiya*. 1. pp. 97–124.
14. Russo, E.E. (2018) A. Poe and E.T.A. Hoffmann: a case of influence. In: Amendola, A. & Barone, L. (eds) *Edgar Allan Poe across Disciplines. Genres and Languages*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing. pp. 121–138.
15. Koroleva, V.V. (2020) "Gofmanovskiy kompleks" v russkoj literature kontsa XIX – nachala XX vekov ["Hoffmann complex" in Russian Literature of the late 19th – Early 20th Centuries]. Vladimir: Sherlok-Press.
16. Chavchanidze, D.L. (1967) "Romanticheskaya ironiya" v tvorchestve Gofmana ["Romantic irony" in the work of Hoffmann]. *Uchenye zapiski MGPI im. Lenina*. 280. pp. 340–355.
17. Poe, E.A. (1902) *The Complete Works*. Vol. 2. New York: Thomas Y. Crowell & Company.
18. Poe, E.A. (1970) *Polnoe sobranie rasskazov* [Complete Short Stories]. Moscow: Nauka.

19. Mishina, L.A. (2010) Roman E.T.A. Gofmana “Eliksiry satany” kak “rasskazyvaemyy teatr” [E.T.A. Hoffmann’s novel Elixirs of Satan as “narrative theater”]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 4 (2). pp. 911–914.

20. Hoffmann, E.T.A. (1967) *Werke*. Frankfurt am Main: Insel Verlag.

21. Hoffmann, E.T.A. (1991–1999) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

22. Schelling, F.W.J. (1966) *Filosofiya iskusstva* [Philosophy of Art]. Translated from German. Moscow: Mysl’.

23. Schlegel, K.W.F. (1983) *Estetika. Filosofiya. Kritika* [Aesthetics. Philosophy. Criticism]. Translated from German. Moscow: Iskustvo.

Информация об авторе:

Королева В.В. – д-р филол. наук, заведующий кафедрой второго иностранного языка и методики обучения иностранным языкам Педагогического института, Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых (Владимир, Россия). E-mail: queenvera@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.V. Koroleva, Dr. Sci. (Philology), head of the department, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs (Vladimir, Russian Federation). E-mail: queenvera@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.07.2021;
одобрена после рецензирования 11.04.2022; принята к публикации 13.03.2023.*

*The article was submitted 28.07.2021;
approved after reviewing 11.04.2022; accepted for publication 13.03.2023.*

Original article

UDC 821.111

doi: 10.17223/19986645/82/14

Staged history: Concept of theatricality in the modern utopia (*England, England* by Julian Barnes)

Alexandra P. Filimonova¹, Shara M. Mazhitayeva²

^{1,2} Buketov Karaganda University, Karaganda, Kazakhstan

¹ alexfilia@yandex.ru

² s_mazhit@mail.ru

Abstract. The work explores the concept of theatre and the role of theatrical conventions in Julian Barnes's utopian novel *England, England*. This article discusses theatricality as the principal artistic strategy of the novel, heavily influencing its formal and thematic structure. It outlines the main characteristics of the theatrical chronotope, and considers the similarities between theatricality and the conventions of the utopian novel per se. It examines closely the way Barnes exploits the various semantic implications of the chronotope in his critique of contemporary society. Methodologically the article is based on the findings of theatre semiotics and employs them as its theoretical framework (Alter, Fischer-Lichte, Pavis), while also considering sociological (Debord), anthropological (Milton Singer, Geertz Clifford), and psychological (Erving Goffman) approaches to the phenomena of theatre. Tightly intertwined with actual cultural and social strategies, theatre has always been an essential integrative part of social life. The author uses theatricality to take a reflective attitude towards the contemporary culture, to examine and display the political and social strategies which are considered as immanently theatrical. Under the theory of theatrical semiotics, the decisive aspects of theatre as an aesthetic system are theatrical space and time. The main characteristics of the theater are conceptualized primarily in the theatrical chronotope. On this ground, it can be argued that the significant structural element through which theatricality is incorporated in novelistic discourse is that of the artistic chronotope. The specific enclosure of the theatre universe manifested within the typical utopian locus serves to arrange it as the space of utopian social experiment perfecting the latent tendencies of the culture and exposing them to critical observation. Theatrical "a-temporality" correlates with utopian "a-historicity" and unfolds the rupture with the historical continuum which gives free rein to its purposeful reconstructions. Theatrical images are subjected to regrouping in eclectic totality and re-combinations of disrupted elements of the historical continuum. The cyclicity of the performances representing historical and mythical figures and the re-enacting events essential for national identity involves the spectators in pseudo-communication. It actually deprives them of experiencing real time and space, replacing it with the comfortable pseudo-experience of consuming surrogate images. Thus, the main characteristics of theatrical chronotope are employed to develop the novel's essential concerns with such issues as reconstruction of individual and national identity and their subjection to distorting speculations. Theatricality reveals the nature of a forward-looking industrial society as a commercial spectacle turning national culture and history into a manipulated commodity.

Keywords: theatricality, concept of theatre, utopia, chronotope

For citation: Filimonova, A.P. & Mazhitayeva, Sh.M. (2023) Staged history: Concept of theatricality in the modern utopia (*England, England* by Julian Barnes). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 82. pp. 303–320. doi: 10.17223/19986645/82/14

Introduction

French theatrical semioticians are credited with having first coined the term *theatricality* (*theatralité*), acknowledging the special position of theatre as an aesthetic system and as the specific organisation of a theatrical code. In modern culture, theatricality appears as a capacious multifaceted philosophical and aesthetic concept related to different areas of human thought and, though initially originating from the art of theatre, transcending its boundaries and manifesting itself in all kinds of cultural experience. “Theatre” and the related term “performance” have “acquired different metaphorical significations during its course of evolution” and shifted “into a master concept” of the modern culture [1. P. 67].

Barnes characterised *England, England* as a ‘political novel’, thus revealing his principal concern with the actual affairs of British society. The novel is the author’s commentary on the current cultural, political and economic situation; as Barnes himself states, “a letter to my own country at the turn of the millennia” [2. P. 70]. This article discusses theatricality as the principle artistic strategy of the novel, heavily influencing its formal and thematic structure. As an organising principle, theatricality shapes representation of reality and constitutes the novel’s text according to the principles of a theatrical performance.

Theatre is one of the most significant nationally marked concepts of English culture which largely determines “the peculiarities of the national behavior of the British and <...> the formation of the ethnospecific English linguaculture” [3. P. 2]. This is acknowledged by the studies concerned with a variety of aspects of English literature. The concept is also a fertile area for research in the field of literary imagology, analysis of ethnic stereotypes, national myths revealed in artistic texts.

Thus, in a similar aspect we consider the theatre in the article “Theatricality and the Chronotope in the *Magus* by J. Fowles and *England, England* by J. Barnes,” which considers, among other questions, the features of the cognitive incorporation of the “theatre” concept by the national English mentality [4].

This article focuses on theatre as a philosophical and semiotic system embodied in the artistic world of the modern utopian novel, where the utopian world picture is immanently shaped in the space-time characteristics of theatricality.

Purpose of the study

The article aims to investigate theatricality as one of the constitutive poetic principles of the novel by considering its historical contexts and theoretical applications. It examines the ways in which theatricality is embodied in novelistic discourse, i.e. how the structural features of theatre as a specific aesthetic system

are introduced in literary texts, and how theatricality, in turn, manifests the author's artistic conception and generates the meanings of the novel.

Research theoretical framework

Methodologically the article is based on the findings of theatre semiotics and employs them as its theoretical framework (Jean Alter, Erika Fischer-Lichte, Tracy Davis), while also considering sociological (Guy Debord), anthropological (Milton Singer, Geertz Clifford), and psychological (Erving Goffman) approaches to the phenomena of theatre. Under the theory of theatrical semiotics, the decisive aspects of theatre as an aesthetic system are theatrical space and time. On this ground, it can be argued that the significant structural element through which theatricality is incorporated in novelistic discourse is that of the theatrical chronotope, and hence it is the most expedient feature for applying theatricality to an analysis of the novel. Of special relevance is the typical division of theatrical space involving the duality of the stage-auditorium opposition; spatial and temporal isolation and distancing; and specific temporal dialectics depending on an ever recommencing present as its main temporal stratum, presupposing its cyclicity and atemporality.

The studies concerned with utopia as a literary genre (Richard Gerber, Jerzy Szacki, Frederick Polak) provide a basis for revealing similarities between the conventions of the genre and theatricality. Louis Marin in his article "The Utopic Stage" explains the analogy between utopia and the theatre and claims that utopia inevitably requires performative techniques for its realisation, it "dissimulates, within its metaphor, historical contradiction <...> *by projecting it onto a stage*. It stages it as a representation by articulating it in the form of a structure of harmonious and immobile equilibrium" [5. P. 115].

These similarities fall into three main areas. (1) First, there is the specific cultural function of providing a critical standpoint for scrutinising the present state of society, which presupposes the use of performative techniques. (2) Second, the above-mentioned duality of the stage/auditorium spatial opposition reflects a spatial demarcation which is also constitutive for utopia. Congruent with theatre, the reality of utopia is presented as a dual entity, the different segments of which are loaded with different types of significance. As Polak explains, reality is split into two: into the actually existent, and the other, speculatively projected. One who experiences utopian reality is, accordingly, to learn dual comprehension, to "behave purposefully as a 'citizen-of-two-worlds'" [6. P. 282] and this evokes the requirements of dual behaviour for a participant in theatrical performance. (3) Finally, there is the spatial and temporal isolation which is realised in a temporal present or "complete contemporaneity" (Fischer-Lichte) [7. P. 7] of theatre and a utopian "frozen present" (Szacki) [8. P. 99], presenting a perfect static state of reality structured in a temporal vacuum.

Thus, what is especially important for this article is that the chronotopes of theatre and utopia reveal their structural similarity, which makes them expedient for analysis as mutually complementary.

Furthermore, important elements of Bakhtin's genre theory reveal the nature of the novel as an incorporative self-reflective genre that engages in a continuous search for its own authenticity and has a great integrative capacity readily employing the principles of other literary (as well as non-literary) forms. That is all the more true for a postmodern novel that consciously employs the discourses of different artistic languages to explore its ultimate boundaries and authenticity, as well as the effects of their transgression. Theatricality, as well as play, is considered as a device used to realise the novel's self-reflexive and metafictional nature, "the definitive condition or attitude for postmodern art and thought" [9. P. 1].

In modern literary criticism, theatricality is viewed not only as a phenomenon related exclusively to drama, but also as a cultural concept and structural principle of a novelistic discourse. Relevant studies which analyse theatricality among specific characteristics of prosaic works include *Victorian Theatricality and Authenticity* by Lynn M. Voskuil, *The Dickens Theatre: A Reassessment of the Novels* by Robert Garis, and *Caught in the Act: Theatricality in the Nineteenth-Century English Novel* by Joseph Litvak.

In this article, theatricality is used as a cultural concept, as well as a descriptive and interpretative term, one of the possible codes for reading and analysing multiply-coded postmodern novels. Following the conclusions of the semiotic theory of theatre, the typical theatrical chronotope organisation is considered an essential feature of theatricality.

Results and discussion

Theatricality and utopia as isomorphic phenomena

In *England, England*, theatricality is realised in its essential features primarily as a technique for scrutinising the nature of contemporary society as Barnes conceives it. By means of theatricality Barnes pointedly raises an important problem for English literature, that of national authenticity. As Margaret Sonmez remarks with regard to the Victorian novel, authenticity was recurrently the "part of a network of ideas related to truth, origins, stability, and hierarchy, and it could be associated with the moral qualities of truth and integrity" [10. P. 638].

As a socially and culturally determined phenomenon, theatre provides unique resources for such an observation. As a social institution, theatre contributes to the culture's self-comprehension which is possible due to the specific character of the theatrical signifying process.

Theatre <...> reflects the reality of the culture in which it originated in a double sense of the word: it depicts that reality and presents it in such a depiction for reflective thought <...> In this sense, theatre can be understood as an act of self-presentation and self-reflection on the part of the culture in question [7. P. 10].

In Barnes's novel, theatricality can be conceptualised mainly within the context of Debord's characterisation of modern society as a kind of totalising com-

mercial spectacle, as well as within Jean Baudrillard's conceptions of simulacrum. Both concepts are indicated in the novel as guiding theories of the spectacular reality of the perfected state of England, England.

This article argues that through the use of theatricality Barnes constructs in the novel specific features of the new utopia. As a literary genre utopia is traditionally loaded with both artistic and political commitments ensuring its main concern with providing a critical stance for observing the potential of current society. Thus, it appears to be linked to the cultural function of the theatre. As Marin states in his suggestive article "The Utopic Stage", the representation of an ideal society necessarily "conjures up, as a negative referent, real society; it thus encourages a critical consciousness of the society" [5. P. 131].

In line with the discussed artistic intentions, the author uses the generic conventions of utopia to create a specific utopian universe. A utopian ideal world is based on the practical manifestation of essential characteristics derived from the actual culture, which often are those most valued by this culture. In the utopia, they are presented as perfectly accomplished, having reached the desired maturity. This places Barnes in close quarters with utopian writers, who scrutinise the society to find out what its essential characteristics are.

Barnes states that *England, England* represents a universalising "idea of England novel", thus regarding it as the representation of what the ideal England would be like. The properly organised reality of the new state *England, England* is presented as a perfect commonwealth, a kind of possible future that is prospective, auspicious, and, even if only ironically, welcomed. " 'The new Island state' is enthusiastically claimed to 'prove a role model for more than just the leisure business' " [11. P. 178]. It actually manifests what Barnes's own society's significant elements are, portraying them as developed and properly organised: "The Island Experience, as the billboards have it, is everything you imagined England to be, but more convenient, cleaner, friendlier, and more efficient" [8. P. 184]. Quite in accord with the values of the commercial society, the new England, England represents "a locus of uncluttered supply and demand, somewhere to gladden the heart of Adam Smith. Wealth was created in a peaceable kingdom: what more could anyone want, be they philosopher or citizen?" [11. P. 202]. The newly created state of England, England, traced back to the conventions of classical utopias, represents the spectacular display of "[t]he best of all that England was, and is, can be safely and conveniently experienced on this spectacular and well-equipped diamond of an Island" (emphasis added) [11. P. 185].

Theatrical and utopian chronotope

As mentioned, the theatrical and utopian chronotopes share some essential structural features, enabling us to analyse them in the novel as mutually correlated. To begin with, the division of the artistic space continuum in the novel reflects that which is essential for utopia. Both are premised upon a similar mental assumption, as a result of which reality is conceived as a dualistic entity. For the theatre, it is realised as the opposition of stage and auditorium. In a utopia, a

speculatively projected ideal society is displayed against the actually available social reality.

The contexture of *England, England* structurally reflects the theatrical spatial “stage-auditorium” division. Over the course of the novel, the perspective of the narration successively proceeds from one spatial segment to another and then back again. The movement of the plot is pointedly presented in terms of space; thus the three parts of the novel are entitled by toponyms, which foregrounds the distinctness of the novel’s different spatial segments. The first part, “England”, presents Martha Cochrane’s childhood, which she recalls from the distance of time, retrospectively. The main themes of the novel, such as the quest for reliable reality, individual authenticity, and fallibility of human memory, are initially introduced as related to personal existence. The next part entitled “England, England” describes the organising and functioning of the “Project” – a technological tourist destination created on the Isle of Wight – which is presented as a model society in the state of England, England. The last part returns to the old deserted and decayed “Anglia”, which being reflected and self-reflected in the mirror of the flourishing state of England, England, is trying to find its own new ways. This correlates with the pragmatic position of spectators in the theatre, who are to leave their actual reality (the existent) to experience the other one (the performance), and then to return back, transformed in some way by having gone through the experience.

Thus, according to the principles of both theatrical and utopian chronotopes, the distinctive spatial segments in the novel are bonded in the specific interconnection. The Old Anglia serves as the authentic source of the Theme Park’s creative transforming activity. It is doomed to provide the crude raw material for the Project’s artistic cultivating inspiration. The new England, England, the mirroring replica of the Isle of Wight, establishes itself as the artificially accomplished version of the old one and provides the ground for its observing and self-reflecting. As such, Anglia and England, England constitute the two juxtaposed realities with different ontological statuses, in Debord’s phrasings, the space of the world directly lived and the space of the world of “re-presentation” [12. P. 12] in the Project’s artificial spectacles.

The spatial division in the theatre also arranges the corresponding cultural division, which Fischer-Lichte explains as the opposition of “a culture of those who depict it and a culture of those who watch it”. The role of this opposition with respect to the theatre is to create an observable “model of cultural reality in which the spectators confront the meanings of that reality” [7. P. 10]. Essential both for the artistic dialogue of theatre and for the social communication of utopia, these interrelations reflect the confrontation of the two cultural and social orders and aim at observing and juxtaposing their meanings. In *England, England*, such a confrontation reveals the practical affinity of the two worlds, in which the supposedly opposite theatrical world in fact magnifies the actual one. The main ideas on which the Project thrives are displayed as having originated in the old, non-artificial reality, only to be properly developed and accomplished by Sir Jack’s sagacious genius.

By this token, the theme of the perfidy and evanescence of human memory as an unreliable instrument for securing any authentic past, which the art of the Project is claiming to reconstruct, is initially raised precisely with regard to the ordinary experience of the old Anglia. As Martha reflects: "A memory was by definition not a thing, it was ... a memory. A memory now of a memory a bit earlier of a memory before that of a memory way back when <...> she was never to come across a first memory which was not in her opinion a lie" [11. P. 3].

Furthermore, the main Project's originating conception – the insecure borderline between the authentic and the artificial, the original and the replica – is firstly clearly revealed as related to the old England. The ultimate value of the former original is discredited in favour of the replica, a persuasive example of the new construction.

Similarly, role-play as a socially accepted communication strategy is also pervasively exercised and socially approved in the present culture. It is shown as being rooted in the general practices of social life. In this way, social interoperation in Pitco is contingent on role-like employee positions, which are accepted as an effective means of identifying individuals and forcing them into certain models of required stereotyped behavior: a Concept Developer, an Official Historian, an Appointed Cynic, an Ideas Catcher etc. The nonfailure functioning of the social system is secured only by individuals' total adherence to the prescribed functions. No personal excess would be tolerated by the system, something which Martha cautions herself against in her function as an Appointed Cynic: "[D]on't confuse professional cynicism with amateurish contempt" [11. P. 120]. Even Sir Jack, as powerful and almighty as he is, has to conform his behaviour to the laws of spectacle, under which he must enact as the role of "Sir Jack". The scrupulous performance of his spectacular self in public has little to do with the real Sir Jack, quite in accordance with Alter's claim: "All social life is theatre where everyone plays roles determined by rules of social behavior" [13. P. 46].

Personal identity is completely replaced and neutralised by a functional role which is radically displayed in the manner of corporative communication. Stereotypical professional names – Susie, the PA, – are assigned to every person newly employed in a particular business position, thus depriving people even of a basic indicator of unique personality – an individual name.

In theatrical reality, any object or even human being can be replaced by any other. Moreover, this interchangeability is encouraged in order to manifest the nature of theatricality and its secondary signs which can take on an almost unlimited number of meanings: "a chair can <...> be utilised to signify not only a chair, but also a mountain, a staircase, a sword, an umbrella, an automobile, an enemy soldier, a sleeping child, an angry superior, a tender lover, a raging lion, etc." In England, England, this characteristic of theatrical signs has specific implications and manifests a general devaluation of human spiritual significance as an important feature of modern society resulting in the destruction of an individual self. As the narrator concludes: "it was not really her name he was unsure of, but her identity" [11. P. 34]. In this regard, the question of her "reality" is at is-

sue, as posed by the great social spectacle's main producer, Sir Jack: "You are real to yourselves, of course, but that is not how these things are judged at the highest level. My answer would be No" [11. P. 31].

According to the flexible character of the theatrical signifying mechanism, the new England implements a society that easily accepts a random replacement of one human being by another. As Sir Jack assures his employees, they can be easily "replaced with substitutes, with ... simulacra" [11. P. 31].

Thus, the nature of the society in question is revealed as that of a spectacle insisting on the nullification of personal existence by forcing individuals into external ready-made roles imposed by the dominant social ideology and making them personally undistinguished both for others and for themselves. Debord explains this effect as follows: "In a society where no one can any longer be *recognised* by others, every individual becomes unable to recognise his own reality" [12. P. 152].

This distinctly follows the postulates of theatre theory, similarly emphasising the insignificance of personal existence beyond the roles people play: "[T]heir material existence is of interest for theatre with regard neither to its uniqueness nor to its specific functionality <...>. What is crucial is not existence as such but rather the meanings to be created using existence as a sign" [7. P. 140]. Later, in the project of England, England, this reduction of individuals to external role-like functions and properly imposed requisites – that is, to empty signifiers – is efficiently accomplished in the staged social spectacles.

Martha shrewdly acknowledges that the Island's theatre-like reality is capable of exteriorising the internal properties of objects, isolating them from the objects themselves. Likewise, Sir Jack reduces the functioning of Parliament to puppet performances, lacking any actual significance but serving as a sign of a sign, in some sense brilliantly mocking the practices exercised in modern politics. The new Parliament functions perfectly with "non-speaking backbenchers able to master some simple choreography – rising to their feet at a signal <...> utter[ring] various nonverbal but interpretable noises – contemptuous baying, sycophantic groaning, rabid muttering and insincere laughter being the main categories" [11. P. 173–174].

Therein, the existent society itself is shown as being the direct source of the Project's modelling activities. Habitual social performances of the "old Anglia" are reincarnated in the staged shows of the new England, England according to the Project's utopian ambitions as formulated by Sir Jack: "We want our Visitors to feel that they have passed through a mirror, that they have left their own worlds and entered a new one, different yet strangely familiar" [11. P. 120]. The Island frames and magnifies the general intrinsic characteristics of the present society within the conventions of the stage, employing them as material, a part of the process of its own creation.

However, the performances of England, England profess not just to mirror and display, but rather to usurp and replace the basic reality which they plagiarise for their own constructions. Ultimately, there are two contending versions of reality in question – the objective original reality and its artificial, theatrically represented substitution.

Space of substituted reality

Theatrical and utopian chronotopes both seek to maintain the modelling potential of some framed, isolated space. They also need to ensure a specific distance to provide the perspective required for proper observation. “<Theatre> places the culture at the scrutiny of a distanced and distancing gaze” [7. P. 10]. Similarly, utopia as a genre engages the society in question in the process of self-reflection, hence employing features analogous to the theatrical chronotope. To fulfil its modelling and observing functions, the universe of utopia needs distancing from factual reality in terms of time and space. The typical utopian space, created under generic utopian conventions, must be simultaneously “something quite different from the ordinary world and yet part of this world” [11. P. 3].

The characteristic enclosure and distancing of stage space is utilised within England, England. By constituting “a different world” as a re-presentation of the present one, an act of spectating is arranged, which estranges the culture at issue from itself and thereby makes it expedient for observation and self-identification. According to this intention, in *England, England*, the representational image of the culture comprehending itself is re-located on an island. The Isle of Wight housing the doubled England is portrayed as a topographically ideal setting for performing and exercising the “conceptualisation and visualisation of change” required by utopia [8. P. 282]. “The island <...> is a diamond <...>. In short, perfect for our purposes. *A location dying for makeover and upgrade*” [11. P. 73, 76] (emphasis added). The pointed allusion to Shakespeare’s presentation of England once more highlights the Isle of Wight’s role as a model, factually embracing the whole of Britain.

Moreover, the stage space is especially conscious of marking and securing its boundaries in order to secure its own specificity and way of communicating with other types of reality, which normally affords correlation but not interpenetration. Since the stage intends to delimit itself from the other, it naturally accepts the spatial and temporal remoteness of utopia. As canonised by More’s prototypical *Utopia*, this distancing serves also to preclude the integrity of the ideal world from any outside invasions. In this manner, the Island is rather anxious to insure its boundaries; in view of this a new patriotism is enthusiastically conjured to foster “a proud new insularity”. It advisably ignores what is left outside, which is characteristically formulated in terms of space and time employing the traditional utopian motif of the journey: “Why become voyeurs of social strain? Why slum it where people were burdened by yesterday, and the day before, and the day before that?” [11. P. 203].

Further, any chronotope is strongly determined by the characteristics of the objects available within its boundaries and by the way they can function within it. In this respect, the specifics of the chronotope of spectacles are determined by objects functioning as theatrical signs of signs. Likewise, the objects of utopian space are not to be directly experienced but only speculatively comprehended, since by their nature they are presented as belonging to nonexistent time and

place (οὐ τόπος – no place). The lack of direct referential definiteness characteristic of utopias makes their ontological status rather ambiguous on the whole. On this ground, a comparison between utopia and theatrical performance can be further developed and argued: that the reality of spectacle, as well as that of the utopia, is “figured out as a simulacrum so that it can be contemplated” [5. P. 122].

In Barnes’s novel, the artificial reality of the theme park is initially intended and designed for performative purposes. This is claimed to provide the audience with a cultivated ideal version of England and in so doing to double it through artistic representation, which the name of the new state – England, England – produced by reduplication of the original toponym also proves. Thus, the Island as a whole functions as a stage space to be equipped with proper attributes of set design and decorations. According to theatre’s basic requirement, it is deliberately reconstructed to present things as different from what they really are, as Fischer-Lichte puts it, “donning a different appearance and acting in a different way in a different space” [7. P. 8].

The space of the Isle of Wight is constructed as a special place of performance which is able to renunciate its actual ontological status and authentic practical functions to signify any other spaces the performers may find themselves in. Designed to represent the space of England, it contains some spatial micro-images that fulfil such a substitute function. “[T]he White Cliffs of Dover [were] relocated without much linguistic wrenching to what had previously been Whitecliff Bay”, “Parkhurst Forest easily became Sherwood Forest, and the environs of the Cave had been arboreally upgraded by the repatriation of several hundred mature oaks from a Saudi prince’s driveway” [11. P. 147] etc.

Consequently, only the objects that homologate with such a space and are susceptible to its influence can be tolerated within the theatrical universe – objects that can bear high semantic mobility and function as theatrical signs, practically, standing for something different from what they actually are: “All, however, is not as it seems. [...] the guardsmen are actors, Buckingham Palace is a half-size replica, and the gun salute electronically produced. Gossip has it that the King and Queen themselves are not real” [11. P. 178].

These objects are designed to artificially double the culture underlying the performances and so to preserve the features of Englishness most recognisable to the mass audience. This evokes the mechanism of theatrical meaning-generating which “interprets the signs generated by the culture [...] as the theatrical signs of signs” [7. P. 140]. As signs, they correlate not to objects of actual reality, but to other signs which the culture produces and in which it manifests its main concepts. The theme park, reduplicating the old England in every significant and standard cultural object in miniature, operates as a collection of simulacra. As Baudrillard states,

[n]o more mirror of being and appearances, of the real and its concept <...> rather, genetic miniaturisation is the dimension of simulation. The real is produced from miniaturised units, from matrices, memory banks and command models - and with these it can be reproduced an indefinite number of times [14. P. 167].

Barnes highlights the predominance in contemporary society of the technologically produced “replica” over “the original”. As the French intellectual claims in a suggestive allusion while addressing the Project’s Committee:

[W]e are talking of something profoundly modern <...> nowadays we prefer the replica to the original. We prefer the reproduction of the work of art to the work of art itself, the perfect sound and solitude of the compact disc to the symphony concert in the company of a thousand victims of throat complaints [11. P. 53].

This reversed priority is caused by fear of the original, of its insecurity and the “existential indecision” that a modern human experiences as existential anguish, the atavistic fear that forces people to seek shelter in artificial simulative replica and hence to prefer the predictability of copies – governable and thus approachable for comfortable digestion.

To understand this, we must understand and confront our insecurity, our existential indecision, the profound atavistic fear we experience when we are face to face with the original. We have nowhere to hide when we are presented with an alternative reality to our own, a reality which appears more powerful and therefore threatens us [11. P. 54].

Occupying one level beyond the real, the meta-reality of simulacra not only challenges the distinction between the natural and the artificial, but also desires to totally usurp the realm of the real, to absorb it and, thus, to impose itself as the one and only reality available. The project of the reduplicated England, England appears as an annexationist endeavor to suggest not a mere copy but rather “*the thing itself*” [11. P. 59]. Sir Jack Pitman exemplifies this by reference to an initially artificial object that evolved into natural functions ultimately acknowledged as such:

That lake you discern on the horizon is a reservoir, but when it has been established a few years, when fish swim in it and migrating birds make it a port of call, when the treeline has adjusted itself and little boats ply their picturesque way up and down it, when these things happen it becomes, triumphantly, a lake, don’t you see? It becomes the thing itself [11. P. 60–61].

This importantly bespeaks the function of theatrical space in England, England. It is presented as the terminal stage of simulation, in which a copy, desiring to be the only thing available, no longer requires any relation to any actual reality whatsoever, becoming “its own pure simulacrum”.

The objects of such a simulative reality are available for any degree of transformation in order to generate their own domain of the “real” that will be beyond substantiated justification. The theatrical meaning-generating process sanctions the meanings to be re-interpreted and thus possibly and presumably distorts and falsifies them depending upon the current expectations and needs of the social and cultural context. Moreover, what is supposed to ensure and justify fidelity to the real – an authentic individual and cultural memory – in fact maintains the falsifications. As Martha’s insight reveals, “[a] memory was by definition not a thing, it was ... a memory. A memory now of a memory a bit earlier of a memory before that of a memory way back then” [11. P. 3].

So the cultural as well as individual memory on which we rely to secure the past relates not to reality, but only to its own previous distorted version that in turn is based on references to previous ones. Consequently, memory itself functions as a sign of a sign, responsible for inevitable distortions and ultimate dissolving of any original facts. In this manner, in the spectacles of the new England, England, “all unflattering traits of Englishness are discarded, and all the major historical figures and episodes are caricatured and simplified” [3. P. 109]. Moreover, accepted as the general principle of England, England’s existence, the authorised replica is aggressively “seeking to abolish the reality of those old edifices” [11. P. 54]. Struggling to replace the original, the copies reveal “the murderous capacity of images: murderers of the real; murderers of their own model as the Byzantine icons could murder the divine identity” [14. P. 170]. Thus, the cultural and national identity that they are supposed to accumulate and secure, appear irreversibly destroyed, lost in some arbitrary re-presentations, and that is one of the most significant revelations of the novel.

Expectedly, the more the Island of replicas is flourishing, the deeper the competitive Island of the original is getting buried in decay and destruction. So the access to the original, likewise to the authentic memory or past, appears to be blocked by intrusive simulations: “Old England had lost its history, and therefore – since memory is identity – had lost all sense of itself” [11. P. 251]. The imposed false memory/images of England are regarded as the only true reality usurping and annulling the real England.

Thus, in the novel the relations of the two spaces and hence of the two realities are presented not as those of mere reflection, but of substituting and usurping, an attempt to “deter every real process by its operational double, a metastable, programmatic, perfect descriptive machine” [15. P. 2].

Time of immobilised pseudo-cyclicity

Theatrical art is persistently concerned with the concept of Time as an object of artistic and philosophical reflection. In *England, England*, time is presented as the main concept, the Project’s “keyword”. The Theme Park recognises time as a commercial value; it is engaged as an object for creative, even though manipulative, endeavors of the Project’s producers to fabricate “an accumulation of time. Time” [11. P. 39]. Time itself is turned into raw material for constructing the artefact of England. As such, it is exposed to volitional rearrangement and purposeful representation as theatrical time.

First of all, theatre’s important function is to provide the conditions in which phenomena can exist and be experienced as ultimately developed in their innate nature though, for in actual reality, ever continuous and ever unfolding, they are always vague and incomplete. To perform this function, theatre constructs the chronotope as completed. In this respect, the theatrical atemporal present, its “*complete contemporaneity*” [7. P. 7], which creates such wholeness of the stage time, matches a utopian “frozen present”, enabling the utopian reality to exist as having come to its “perfect and static states” [16. P. 10]. To present perfect con-

structs, the utopian reality must necessarily be out of time. "In the Earthly Paradise time comes to a stop" [16. P. 6].

According to these principles of utopian projecting, perfected reality is vigorously implanted on the Isle of Wight constituted in the immobilised static present. As Gerber explains, "[t]he utopian imagination cannot remain content with far-off bliss and perfection. It not only wants to effect a radical change here, it also wants it now" [16. P. 45]. Echoing this, the Project's main concerns are enunciated in similar terms, preserving the ordinary within the scopes of the enclosed time and space, which makes it extraordinary: "We want *here*, we want *now*, we want the *Island*, but we also want *magic*" [11. P. 120].

Characteristically, when England, England is depicted in its final arrangement, the tense of the narrative shifts from the retrospective past to the synchronic present – the everlasting "now":

It is a classic springtime day outside Buckingham Palace. The clouds are high and fleecy, William Wordsworth's daffodils are blowin' in the wind, and guardsmen in their traditional 'busbies' are standing to attention in front of their sentry boxes. Eager crowds press their noses to the railings for a glimpse of the British Royal Family [11. P. 178].

This is the utopian temporal stop, the situation of a perpetual bliss that demands no further development. Reality is immobilised in certain qualities, authoritatively selected, deliberately frozen, and so always available now and here:

And what about the traditional chilly weather? That's still around. There is even a permanent winter zone, with robins hopping through the snow, and the chance to join the age-old local game of throwing snowballs at the bobby's helmet, and then running away while he slips over on the ice. You can also don a wartime gas-mask and experience the famous London 'pea-soup' fog. And if it rains, it rains. But only outdoors. Still, what would England, 'original' or otherwise, be without rain? [11. P. 184.]

The utopian reality accommodates itself in an ontological and historical vacuum. The resulting rupture with the historical continuum is one of the main principles of the Project's ontological conception. The performative England, England glorifies rejection of historical determination and the historical process, an important precondition for utopian thought: "In comparison with the absolute bliss awaiting man outside time, the existence in time must be considered miserable, and the way out of time is the only satisfactory solution" [16. P. 6–7].

In the same way, inclusion in history itself is regarded as an inefficient burden threatening the whole mechanism of England, England's utopia. Quite logically, the idea of disapproving and dispensing with history in the new social order is eagerly propagated and directed at the residents' social consciousness:

Here, on the Island, they had learnt how to deal with history, how to sling it carelessly on your back and stride out across the downland with the breeze in your face. Travel light: it was true for nations as well as for hikers [11. P. 203].

Furthermore, to display the essential break with history, *England, England* employs other important qualities of the theatrical chronotope, the cyclicity and

multi-dimensionality of theatrical time and space, its ability to embrace other temporal and spatial dimensions. However, these qualities are reactualised according to the novel's conception. Having been turned into an object of observation, history is incorporated into collections of aesthetic-technological hybrids designed to present stereotypical Englishness. This echoes Debord's postulation that "[t]he end of cultural history" becomes apparent from "organisation of its *preservation as a dead object in spectacular contemplation*" (emphasis added) [12. P. 131–132].

Historical images are represented as withdrawn from their original context and accumulated in some limited place. The required temporal discontinuity is manifested in the spatially concurrent coexistence of different segments of historical time. "It was also [Sir Jack's] original stroke of lateral thinking which brought together in a single hundred-and-fifty-five square mile zone everything the Visitor might want to see of what we used to think of as England" [11. P. 179].

The constructs of the theme park's reality depend on the nature of theatrical time and space that accept any combinations of their units since they are relatively independent from exacting referential bounds. As semiotics postulates, theatricality allows regrouping "the significative structure by undertaking in the stage space a quasi-factual restructuring of the material structure of signs in that culture and presenting this to the audience" [7. P. 141]. As in theatre, the materiality of signs generated by other cultural systems is used to rearrange these "primary signs" into some eclectic assemblage where all of them can visually co-exist. By this token,

[t]hey had a half-size Big Ben; they had Shakespeare's grave and Princess Di's; they had Robin Hood (and his Band of Merrie Men), the White Cliffs of Dover, and beetle-black taxis shuttling through the London fog to Cotswold villages full of thatched cottages serving Devonshire cream teas; they had the Battle of Britain, cricket, pub skittles, Alice in Wonderland, The Times newspaper, and the One Hundred and One Dalmatians. The Stacpoole Marital Memorial Pool had been excavated and planted with weeping willows <...> The National Gallery had been hung and varnished. They had Bronte country and Jane Austen's house, primeval forest and heritage animals; they had music-hall, marmalade, clog- and Morris-dancers, the Royal Shakespeare Company, Stonehenge, stiff upper lips, bowler hats, in-house TV classic serials, half-timbering, jolly red buses, eighty brands of warm beer, Sherlock Holmes and a Nell Gwynn [11. P. 142].

The geographical and temporal distinctions that keep all these clearly attributed objects distinct are obliterated inside the stage space of the theme park, which embraces all the items of an "all-time list of The Fifty Quintessences of Englishness". It is a kind of historical museum, in which every installation is well equipped with an appropriate attribute, furnished by stereotypical tokens, made easily identifiable by visitors. These material attributes are ascribed to the recognisable social, ethical, and cultural context of a certain historical period typified by mass consciousness.

Thus, the Isle of Wright is constructed as an eclectic totality of distinct typified fragments of historical time epitomising the situation as follows: if there is

no historical continuum in which the society recognises itself and which is able to subject the space of the spectacular twilight world to lived time, “the forces of *historical absence* begin to compose their own exclusive landscape” [12. P. 126]. This historical absence is manifested as the dense accumulation of time in some limited space.

Theatrical representation paves the way for the regrouping of culturally and socially determined meanings. The manipulations of time and space correlate with manipulations of the present matrixes of historical meanings. This ultimately leads to “the invention of tradition”, as Barnes puts it, to a “way [to] forget our own history” (emphasis added) [2. P. 27], which the author acknowledges as one of the main issues of the novel.

Extracted from their authentic environment and merged into the new unity of England, England’s performance, the fragments of historical continuum appear amenable to realignment according to some ideological code in agreement with that of the audience. The images are provided with features adjusted to the modern social and cultural reality, to contemporary public tastes. In this manner, “a primal English myth” of Robin Hood is made politically correct and adapted to the present visitors’ expectations: “Band personnel had been realigned with great sensitivity; offensive elements in the scenario – old-fashioned attitudes to wildlife, over-consumption of red meat – had been expunged or attenuated” [11. P. 222]. By the same retouching transformations some other key events and figures of English history have been providently polished.

Real historical events as well as identifying national myths are introduced not authentically, but in the form in which they can be utilised for contemporary exploitation, and as such they appear detached from connection to any reality whatsoever, being their own simulacra. Their elements, serving as empty theatrical signs of historical and cultural signs, are naturally relativised in their similar role *as commodities*. This chronotope allows a high degree of variability, being at the same time essentially undifferentiated.

This displays the totalitarian ambitions of the spectacle society that ultimately aims at total ‘homogenisation’ of all events and things. Individual distinctions are rendered irrelevant to their functioning as images to be consumed by a spectacular society. The whole culture is turned into an article for trade, properly reduced to some catalogue of “digestible” and marketable items of national identity. Thus, the spectacle serving as an ideological system strives to subdue and neutralise the complexity of real life and history, reducing them to cartoonish simplifications to make them function effectively in utopian ideal reality.

Also importantly, the fabricated events of England, England’s spectacle are arranged in recurrent successions. They represent temporal fragments that having been abstracted from the historical continuum function within the theatrical eternal present. Mythical and historical micro-events, representative of the popular view of Englishness at its most favourable, such as “[t]he Trial of Oscar Wilde”, “the Battle of Britain”, “the Execution of Charles I” [11. P. 185], and the matches of Manchester United [11. P. 142], are repeatedly re-enacted. Staged according to a spectacle time-table, at regular intervals, they are submitted to some sped-up circular time.

This non-stop reappearance of temporal cycles does not aim, however, to provide a transpersonal experience for the participants like traditional theatre which “induces a change of consciousness in which the subject and the object merge” [17. P. 64]. Reality, fabricated out of some disjointed fragments, can be indirectly observed only, not immediately experienced, and in this sense becomes a pseudo-reality. In such a spectacle, theatrical cyclicity misses its primary purpose, which theatre inherited from the primordial ancient forms of Mystery and Festivals. The purpose of theatre in most of developed cultures is to involve individuals in a personal re-enactment of transpersonal events, and by so doing, complete their self-realisation. In England, England, on the other hand, actually explored and comprehended historical time and space are extracted from personal experience as inefficient forms of living. They are replaced by the technologically produced, easily digestible and efficiently commercialised time and space of the spectacle, in which the spectator’s consciousness is immobilised by illusive dynamics, so that cyclic time fails to be experienced as a movement toward an individual’s self-realisation.

Moreover, incorporated into this pseudo-cyclicity and subjected to the rules of spectacle, individual time is transformed into an empty revolving image and thus inevitably death as the culminating unique event of human existence appears socially rejected. The inherent desire of utopias for human immortality is finally satisfied in the Island’s theatrical pseudo-cyclic time. The social absence of life available through the spectacle appears homologous to the social absence of death. This is illustrated by the case of Sir Jack himself whose life and death are submitted to the “logic of marketing <...>. Sir Jack must live again” [11. P. 258]. A human being totally deprived of his personal self and replaced by an empty image to be recurrently reproduced by spectacle and likewise consumed by spectators is deprived also of his unique personal death. By this token, Sir Jack is to persist forever through a re-enacted theatrical pseudo-existence, as a sign of a sign of Sir Jack.

Break with history

The single actual purpose of the spectacle’s pseudo-involvement of the audience naturally is to ensure the existence and continuity of the spectacle (along with the commercial benefits associated with its continuation). Pseudo-events, crowdedly collected in some fixed time and space and inflated in their accelerated cyclical representations, merely inform the audience about themselves. The performances have no real intent to communicate a message. They are not designed to include the audience in any interpersonal meaning-generating communication. The main epistemological function of theatre is degenerated to the benefit of the secondary functions – entertainment and commerce; as Sir Jack prudently remarks, “people won’t be shelling out to learn things <...>. We don’t insult their ignorance” [11. P. 71].

The performance and the audience are related in mere commercial communication, which is totally detached from any epistemological or aesthetical significance. The only requirement the spectacle imposes upon the audience is the passive acceptance of its unquestionable and satisfying goods, and hence of its totalising utopian conception. The utopia of England, England appears to be a

“spectacle whose function is *to make history forgotten within culture*” (emphasis added) [12. P. 137]. Therefore it can ensure its existence only through the ignorance, indifference, and cognitive passivity of the audience, qualities on which it thrives and due to which it successfully projects its own history as the only reality available and accepted as such.

In this regard *England, England* depicts not only the fear of the real but more importantly the fear of the past and historical knowledge inherent in any utopia, since history is by nature a hazard to utopian equipoise and indeed to the very existence of utopia. Real history is fraught not only with the forces that lead to utopia, but also with the disruptive and disintegrating attitudes that prevent it from ever being accomplished.

Conclusion

Tightly intertwined with actual cultural and social strategies, theatre has always been an essential integrative part of social life. The constitutive principles of the chronotope of the novel under consideration allow it to be considered as a theatrical one. The author uses theatricality to take a reflective attitude towards the contemporary culture, to examine and display the strategies of political and social behaviour which are considered as immanently theatrical.

The specific enclosure of the theatre universe manifested within the typical utopian locus serves to arrange it as the space of utopian social experiment perfecting the latent tendencies of the culture and exposing them to critical observation. Theatrical “a-temporality” correlates to utopian “a-historicity” and unfolds the rupture with the historical continuum which gives free rein to its purposeful reconstructions. Theatrical images are subjected to regrouping in eclectic totality and re-combinations of disrupted elements of the historical continuum. The cyclicity of the performances representing historical and mythical figures and the re-enacting events essential for national identity involves the spectators in pseudo-communication. It actually deprives them of experiencing real time and space, replacing it with the comfortable pseudo-experience of consuming surrogate images.

The main characteristics of theatrical chronotope are employed to develop the novel’s essential concerns with such issues as reconstruction of individual and national identity and their subjection to distorting speculations. Theatricality reveals the nature of a forward-looking industrial society as a commercial spectacle turning national culture and history into a manipulated commodity.

References

1. Ghaeli, R. & Pirnajmuddin, H. (2016) Life is a Play: Reading David Mamet’s Sexual Perversity in Chicago and Glengarry Glen Ross through Cognitive Poetics. *3L: Language, Linguistics, Literature®*. 22 (2). pp. 67–79. [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/307430905_LIFE_IS_A_PLAY_Reading_David_Mamet's_Sexual_Perversity_in_Chicago_and_Glengarry_Glen_Ross_through_Cognitive_Poetics
2. Guignery, V. & Roberts, R. (eds) (2009). *Conversations with Julian Barnes*. Jackson, MS: University Press of Mississippi.

3. Ilova, E.V. (2008) *Linguacultural concept "theatre" in the collective and individual author's consciousness*. Philology Cand. Diss. Volgograd.
4. Filimonova, A.P. (2010) *Theatricality and the Chronotope in the Magus* by J. Fowles and *England, England* by J. Barnes. Ankara. [Online] Available from: <http://etd.lib.metu.edu.tr/upload/3/12611248/index.pdf> (Accessed: 12.01.2023).
5. Marin, L. (1997) *The Utopic Stage*. In: Timothy, M. (ed.) *Mimesis, Masochism, and Mime*. Michigan: The University of Michigan Press. pp. 115–135.
6. Polak, F. L. (1966). *Utopia and Cultural Renewal*. In: Frank, E.M. (ed.) *Utopias and Utopian Thought*. Boston: Houghton Mifflin Company. pp. 281–309.
7. Fischer-Lichte, E. (1992) *The Semiotics of Theatre*. Bloomington: Indiana Press University.
8. Szacki, J. (1990) *Utopia and Tradition*. Moscow: Progress.
9. Davis, T. & Postlewait, T. (2004) *Theatricality*. Cambridge and New York: Cambridge University Press.
10. Sonmez, M.J.-M. (2014) *Authenticity and non-standard speech in Great Expectation*. In: *Victorian Literature and Culture*. Cambridge UP. pp. 637–669.
11. Barnes, J. (1999) *England, England*. London: Picador.
12. Debord, G. (1995) *The Society of the Spectacle*. New York: Zone Books.
13. Alter, J. (1990). *A Sociosemiotic Theory of Theatre*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
14. Baudrillard, J. (1988) *Selected Writings*. Stanford: Stanford University Press.
15. Baudrillard, J. (1994) *Simulacra and Simulation*. Ann Arbor: The University of Michigan Press.
16. Gerber, R. (1973) *Utopian Fantasy*. London: McGraw-Hill Book Company.
17. Kolk, M. (2015) *The Performativity of Sacrality and Christian Theatre*. *Methis*. 12 (15). pp. 64–80.

Information about the authors:

A.P. Filimonova, Buketov Karaganda University (Karaganda, Kazakhstan). E-mail: alexfilia@yandex.ru

Sh.M. Mazhitayeva, Buketov Karaganda University (Karaganda, Kazakhstan). E-mail: s_mazhit@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*The article was submitted 05.10.2021;
approved after reviewing 31.01.2023; accepted for publication 13.03.2023.*

*Статья поступила в редакцию 05.10.2021;
одобрена после рецензирования 31.01.2023; принята к публикации 13.03.2023.*

ЖУРНАЛИСТИКА

Научная статья
УДК 316.48
doi: 10.17223/19986645/82/15

Медиа и социальные конфликты: теоретико-методологические вызовы междисциплинарного подхода

Елена Леонидовна Вартанова¹,
Андрей Владимирович Вырковский²

^{1, 2} *Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия*
¹ *evarta@mail.ru*

² *a.v.vyrkovsky@gmail.com*

Аннотация. Современный корпус научной литературы, посвященной репрезентации социальных конфликтов в медиа, страдает от ограниченности методического арсенала. В данной статье ставится вопрос о необходимости перенесения исследовательского фокуса с медиатекстов на аудиторию. Авторы предлагают активизировать изучение процессов принятия решений аудиторией, а также ввести в полноценный научный оборот концепты памяти и травмы. Для этого медиаисследователям необходимо адаптировать методики, применяемые в психологии, антропологии, этнографии, фольклористике, экономике.

Ключевые слова: медиа, конфликты, репрезентация, общество, журналистика, объект, память, травма, человек

Благодарности: Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда (проект № 22-18-00225).

Для цитирования: Вартанова Е.Л., Вырковский А.В. Медиа и социальные конфликты: теоретико-методологические вызовы междисциплинарного подхода // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 82. С. 321–338. doi: 10.17223/19986645/82/15

Original article
doi: 10.17223/19986645/82/15

Media and social conflicts: Theoretical and methodological challenges of an interdisciplinary approach

Elena L. Vartanova¹, Andrey V. Vyrkovskiy²

^{1, 2} *Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation*
¹ *evarta@mail.ru*

² *a.v.vyrkovsky@gmail.com*

Abstract. Currently, the study of social conflicts in the media environment is becoming increasingly relevant: large-scale mediatization has significantly changed the

course and consequences of any kind of social processes, including those with conflict potential. However, as the critical analysis of the relevant scientific discourse carried out in this article shows, there are many gaps in the existing body of literature, the appearance of which is caused by both objective and subjective reasons. The insufficient level of scientific development of social conflicts in the media is associated both with the imperfection of the methodological tools and with the historically established traditions of the scientific field. The extreme heterogeneity of the “field” of this kind of research is obvious, due primarily to the phenomenological complexity of the object – social conflicts unfolding in the media environment. On the one hand, the interpretation of any kind of data on the representation of conflicts in the mass media is possible and often takes place within the framework of the institutional-normative approach. On the other hand, scientists often implement approaches that only record the influence of the media on unfolding conflicts. In this article, as part of the study of representations of social conflicts in the media, the question is raised about the need to shift the focus of research attention from media texts to the figure of a person – both as a recipient of numerous conflict messages and as a participant in any conflict media discourse, which, thanks to digital technologies, itself turns into a separate subject of media communication. In particular, it seems very fruitful to intensify research into the causes of the audience’s behavior – their making decisions that contribute to the escalation of the conflict or its relief. A separate important scientific direction is the development of memory issues at the level of personal and, further, group experience associated with certain conflict contexts, most often represented in the media. These studies can get a legitimate epistemological perspective, which is to study the trauma of participants in a mediated conflict and/or audiences/communities receiving such information through traditional or new media. The application of interdisciplinary approaches can open up original promising directions for further research. Modern media research discourse, which traditionally exists within the framework of content-analytical methods and is focused on the study of media texts, should be supplemented by attracting the methodological achievements of modern psychology, economics, anthropology, ethnography, which will significantly enrich the research process aimed at mastering the essence of social conflicts in the media and understanding the impact of media representations of the conflict on the audience and on the modern person as a whole.

Keywords: media, conflict, representation, society, journalism, object, memory, trauma, human

Acknowledgments: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-18-00225.

For citation: Vartanova, E.L. & Vyrkovskiy, A.V. (2023) Media and social conflicts: Theoretical and methodological challenges of an interdisciplinary approach. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 82. pp. 321–338. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/82/15

Введение

Медиатизация всех сфер общественных отношений, ставшая возможной в результате масштабной цифровизации [1], привела к переосмыслению сущности многих социальных процессов, протекающих уже не только в реальном мире, но и в онлайн-среде. При этом, как показывает ряд исследований, многие социальные феномены в цифровом контексте реализуются совершенно иначе, чем в реальной жизни, приобретая новые онто-

логические черты и реализуя новый *modus operandi* [2]. Вышесказанное относится и к одной из самых интересных, важных и, как будет показано далее, все еще недостаточно исследованной в отечественном академическом дискурсе области общественных отношений: к социальным конфликтам. Последние репрезентируются сегодня не только индустриально организованными вокруг журналистских редакций медиакомпаниями, но и бурно развивающимися медиакоммуникационными средами – Интернетом и социальными медиа, в которых наряду с профессиональными создателями текстов активно действуют и непрофессионалы, в том числе представители активной аудитории [3]. Как отмечает Т. Зелицкофф, социальные медиа снижают стоимость коммуникации, увеличивают скорость и качество распространения информации, обеспечивают участников процессов массовой коммуникации, в рамках которых происходит освещение социального конфликта, новыми данными, которые не только становятся важным ресурсом, но и коренным образом изменяют суть доступной участникам (конфликта) информации, тем самым влияя на сам конфликт [4].

Несмотря на богатую историю изучения и солидный корпус научной литературы, созданный в «конфликтологических» рамках [5], специфика данной области дает основание говорить о существенных эпистемологических перспективах, связанных с научным освоением этого феномена и его бытования в цифровой среде [6].

Помимо сугубо внутренних предпосылок для активизации изучения конфликтов в медиа и, прежде всего, в онлайн-среде, существуют и внешние: в современном мире количество возникающих разнотипных конфликтов (политические / геополитические, военные, экологические, этнические, корпоративные, информационно-психологические, локальные и т.п.) достаточно велико, и каждый из них имеет свое медийное «измерение», которое по-своему влияет на эскалацию или разрешение конфликта [7–9]. К примеру, давно и с разных сторон изучающийся конфликт на Украине [10, 11] сейчас перешел в новую стадию, которая, безусловно, на новом этапе, аккумулируя прежние особенности, приобретает иной формат отражения в цифровой онлайн-среде, вызывая соответствующий интерес у исследователей.

Еще одним фактором, актуализирующим конфликтную тематику в контексте медиа, является развитие новых технологий, которые предоставляют новые возможности для производства и распространения контента и меняют, таким образом, роль и функции как традиционных и новых медиа в конфликтных ситуациях, так и природу и формы воздействия аудитории на процессы коммуникации, распространения и даже производства содержания [6, 7].

С реторической и методологической точек зрения все это дает основание говорить о перспективах данного направления в качестве объекта комплексного исследования.

Теория и литература: критический взгляд

Изучение взаимодействия конфликта и массмедиа, конфликтологического дискурса медиа имеет богатую историю как в зарубежной, так и в отечественной теории журналистики и медиа. Важность этой исследовательской области определяется текущей информационной повесткой СМИ, изобилующей сообщениями о социальных конфликтах в области внутренней и внешней политики, межэтнических и межрелигиозных отношений, неравного положения в обществе уязвимых социальных групп [12, 13]. К настоящему моменту уже сформирован целый корпус метаисследований соответствующей тематики, которые суммируют научные достижения предыдущих лет [6, 14, 15].

Многие ученые указывают на крайнюю неоднородность поля исследований такого рода, которая обусловлена, прежде всего, феноменологической сложностью объекта – социальных конфликтов, разворачивающихся в медиасреде. С одной стороны, интерпретация любого рода данных о репрезентации конфликтов в массмедиа возможна и часто происходит в рамках институционально-нормативного подхода, шире – в парадигме эмпирико-функционализма [14, 16, 17], который предполагает наличие у массмедиа социальной функции, реализуемой в коммуникативном действии [18], причем в случае конфликта она направлена на его конструктивную модерацию, на его регулирование и разрешение. Здесь важным концептуальным подходом выступают выявление и анализ функций (или дисфункций) в деятельности профессиональных СМИ, выполняемых при репрезентации конфликта в целях общественного интереса [12].

На другом исследовательском полюсе – подходы, которые лишь фиксируют влияние медиа (или его отсутствие) на разворачивающиеся конфликты, основываясь на сугубо онтологическом базисе: коль скоро медийная среда существует, необходимо изучать ее воздействие на социальные процессы, в том числе и несущие в себе конфликтогенный потенциал [19, 20]. На этом полюсе, который отчасти пересекается с ненормативной критической (политэкономической) парадигмой [17. С. 8–9], мы сталкиваемся с более широкой областью академических подходов к медиаэффектам (медиавоздействиям), сфокусированным на эффектах конфликтогенной или конфликторепрезентирующей массовой коммуникации. Некоторые исследователи идут дальше простой фиксации наличия или отсутствия таких эффектов, пытаясь дать им определенную характеристику. По мнению некоторых авторов, эффекты распространения медиатекстов могут носить и позитивный и негативный характер, они будут зависеть от того, как происходит транслирование информации в сообщении, на какие элементы журналистского материала авторы ставят акценты, к каким интерпретациям конфликта подводят [21].

Между этими базовыми концептуально-методологическими парадигмами находится множество подходов, интерпретаций и теорий, которые так или иначе рассматривают особенности репрезентаций конфликтов в

медиа в качестве ключевого исследовательского объекта (освещение, анализ, репрезентация, информационная повестка и т.д.), а также концентрируется на природе «жизненного цикла» конфликтов в ее взаимосвязи с медиа (субъектность, параметры взаимодействия, потенциал регулирования и разрешения, роли, коммуникативные технологии, ценности и т.д.).

Представляется, что именно в такой широте исследовательского поля кроется и самая главная методологическая сложность в изучении конфликтов и медиа. Большая часть исследователей данной тематики указывают на отсутствие комплексного подхода и большое количество лакун при изучении роли и значения медиа в контексте социального конфликта. «В системе научных умозаключений есть серьезные пробелы, и большинство материалов находится в «серой зоне» или в нормативных документах», – пишут Э. Шумейкер и Н. Стремлау [6]. Примерно то же фиксирует К. Рюбен [15].

Многочисленные исследователи, которые де-факто изучают именно социальные конфликты в контексте медиа, трактуют их в рамках предпочитаемых ими парадигм, выбирая соответствующие тезаурус и методологическую базу. Очевидно, ярким примером такого рода является корпус медиаисследований в рамках *mobilization studies*, которые сконцентрированы на роли массмедиа (в последнее время чаще всего онлайн-овых) в организации и стимулировании протестных массовых действий [22, 23]. В мировом академическом дискурсе также, например, сформированы обширные корпуса литературы по *minority studies*, *ethnic studies*, *gender studies* и даже *digital divide research* [24], которые, не будучи как таковые частью конфликтологического дискурса, де-факто рассматривают именно его проявления.

Еще одну важную оговорку при анализе медийных репрезентаций конфликта следует сделать в связи с тем, что в академическом дискурсе конфликтологии в фокус исследовательского внимания чаще попадают масштабные (гео)политические конфликты, что детерминируется их объективной социальной значимостью, особенно если они имеют «военную» или «насилованную» экспликацию. Именно по этой причине исследовательское внимание в значительной степени концентрируется именно на них [8, 25, 26]. В силу вовлеченности, к примеру, международных организаций в процессы урегулирования и разрешения межгосударственных или региональных конфликтов значительная часть аналитики, касающейся и деятельности СМИ, оказывается представленной в документах государственных и негосударственных агентств, материалах научно-практических семинаров и рабочих встреч и т.п. [27, 28]. Безусловно, подобные документы имеют высокую ценность в качестве инструментов смягчения последствий серьезных конфликтов, непосредственно угрожающих жизни и здоровью множества людей, но их сложно «встроить» в классический научный дискурс во многом по сугубо формальным причинам.

Медиа и конфликты: методологические и методические несовершенства

Как уже было отмечено выше, именно феноменология конфликта в медиа является основным фактором, обуславливающим разнообразие исследовательских подходов. Наиболее очевидным объектом изучения в данном случае является сама по себе «проявленность» конфликта в медийной среде, т.е. непосредственно содержание медиа, прежде всего журналистское и пользовательское, представленное как в онлайн-овой, так и офлайн-овой медиасреде.

Безусловно, развитие новых медиа значительно разнообразили набор видов и форм медиатекстов, присутствующих в медийной среде, а мультимедийные возможности количественно и качественно изменили конфликтный дискурс, представленный в медиа [18]. Однако еще более важным свойством новых медиа стала интерактивность, которая и позволила формировать колоссальные по объему корпуса пользовательских материалов (постов, так называемых реакций – комментариев, репостов, лайков), сопровождающих конфликт и часто порождающих его [7].

Процесс научной документализации конфликтного дискурса породил, очевидно, самый обширный корпус научных текстов, посвященных данной тематике. Он основан на исследовании непосредственно свойств «конфликтного» дискурса в массмедиа [25, 29, 30]. Методологический арсенал такого рода текстов чрезвычайно разнообразен, но в основном базируется на контент-аналитических и лингвистических методах, на подходах дискурс-анализа [7, 31]. Анализ речевых стратегий, языковых средств, лингвистических инструментов создания медиатекста, репрезентирующего конфликт и одновременно порождающего его, – одно из самых распространенных исследовательских полей в анализе взаимовлияний конфликта и медиа.

Тем не менее сам по себе анализ специфики «конфликтного» дискурса в большинстве работ по данной тематике имплицитно или эксплицитно подразумевает возможность реализации потенциала влияния массмедиа на протекающие социальные процессы, в том числе и конфликтного характера. Это связано с традициями основного положения упоминавшейся выше нормативной парадигмы, которая предполагает безусловное влияние содержания массмедиа на взгляды, ценности и даже поведение аудитории [16].

Во многих работах в качестве классического примера влияния приводятся призывы к геноциду на *Radio Mille Colline* в Руанде в апреле 1994 г., завершившиеся гибелью около 800 000 человек [25]. Чтобы избежать подобного, многие авторы в последнее время сосредотачиваются на подходах «конструктивной журналистики», «журналистики мира», «журналистики решений» [32, 33], реализующейся в рамках нормативного подхода. С. Хемелинк пишет о трех подходах к предотвращению массовой медиатизированной агрессии: о системе раннего предупреждения о подстрекательстве к насилию, о стимулировании «мирного» дискурса и об обучении «со-страдательному общению» [34].

Как правило, способность медиатизированного дискурса влиять на реальные действия, осуществлять реализацию артикулированных в медийной среде идей в конкретные шаги в таких работах признается априорно. Даже несмотря на некоторые свидетельства далеко не столь явной зависимости поведения людей и тем более институтов от медиа (в том числе и новых) [20], этот магистральный подход остается неизменным. Своеобразным исключением из него являются работы, исследующие не влияние, но взаимосвязь социальных процессов и медиатизированного дискурса, в частности вопросы о том, могут ли изменения в морфологии медийного дискурса служить предиктором грядущих социальных конфликтов [10].

В качестве концептуально-методологического «моста» между репрезентацией явления, процесса, фактов в медиа и вызванным ею реальным действием в научной литературе часто используются теории фрейминга, которые позволяют объяснить специфику «восприятия», оценки медиатекстов, их влияния на убеждения и мнения аудитории особенностями презентации информации [35]. Например, было установлено, что использование различного вида метафор в медиатекстах влияет на суждения аудитории относительно той или иной социальной проблемы [36].

В целом, если опираться на классические теории фрейминга, можно провести прямую связь между медиатекстом, изменением суждений реципиентов сообщения и, предположительно, осуществлением действия в ходе развертывания социального конфликта. Впрочем, большая часть исследователей, опирающихся на теории фрейминга, не выстраивают длинных цепочек умозаключений, останавливаясь чаще всего только на фиксировании особенностей медиатекстов и интерпретируя их в контексте теории фрейминга [37].

Таким образом, несмотря на то, что концептуальная основа фрейминга часто разрабатывается в рамках более общих теорий медиаэффектов, она сама по себе не служит инструментом, позволяющим оценивать влияние медиатекстов на разрешение социального конфликта или его предотвращение. Именно это в настоящее время ограничивает конструктивный потенциал использования теорий фрейминга в работе с «конфликтным» дискурсом.

С этим, на наш взгляд, связана одна из ключевых особенностей, которая отличает современное состояние конфликтологических медиаисследований. В большинстве работ, исследующих конфликты в медиа, в фокусе анализа находится прежде всего текст, но «изъят» человек, отсутствует аудитория как предмет анализа. Это объясняется многими причинами: желанием ограничиться более простым и привычным исследовательским инструментарием; традицией нормативного подхода, полагающего влияние медиатекстов на аудиторию явлением априорным; широким присутствием в исследовательском дискурсе государственных и негосударственных агентств [6]. К тому же это стимулирует проведение исследований с использованием более простого и привычного инструментария (а контент-анализ – базовый и не самый сложный исследовательский инструмент).

Такая ситуация также объясняется значительным влиянием устоявшейся традиции отечественных исследований медиа и журналистики на со-

временный научный процесс. Например, при изучении всего массива диссертационных работ, защищенных в РФ по специальности «Журналистика» в период 2012–2016 гг. (всего 405 работ), российскими исследователями было установлено, что среди всех элементов коммуникационного процесса, выделенных Г. Лассуэллом, наибольшее внимание исследователей в качестве объекта изучения привлекли: контент (48% работ), канал коммуникации (36%), коммуникатор и эффекты (по 6%). Работ же, использовавших аудиторию в качестве объекта, выявлено не было [38. С. 81].

На наш взгляд, сегодня для обновления подходов к изучению конфликтов в медиа необходимо произвести «гуманистический», даже «антропологический» поворот, перенеся исследовательский фокус на «целостного человека», на многомерный мир человека [39], что в случае анализа медиакоммуникации переносит внимание на аудиторию, на реципиентов информации, распространяемой в цифровом медиaprостранстве.

Медиа и конфликты: антропологический поворот

Наиболее актуальным способом обновления исследовательской парадигмы в контексте медиа и конфликтов может стать максимальное расширение использования классических теорий медиаэффектов с целью оценки непосредственного влияния конфликтного дискурса в медиа на поведение людей. Даже самые простые исследовательские приемы, основанные, например, на массовых опросах, в комбинации с уже упомянутым контент-анализом способны дать оригинальные и социально значимые результаты.

Так, А. Климова, С. Куликов и К. Чмель, изучавшие роль дискуссии в социальных медиа по вопросу строительства мусорного полигона, в ходе усиления протестной активности жителей одного из российских регионов (Архангельская область) выбрали в качестве эмпирической базы данные репрезентативного опроса населения, а также материалы, собранные из посвященных обсуждению строительства мусорного полигона сообществ в социальной сети «ВКонтакте» [22]. В результате авторами была выявлена зависимость между обсуждением темы строительства полигона в социальных медиа и вероятностью участия аудитории в протестах против этого строительства, что продемонстрировало плодотворность применения разных исследовательских инструментов для анализа этого резонансного примера недавнего социального конфликта.

При исследовании новых медиа уже доказала свою релевантность теория двухступенчатого потока информации, которая в применении к дискурсу конфликта и медиа дает интересные результаты. Как показывает ряд работ, именно «лидеры мнений» становятся чрезвычайно важным «узлом» при распространении информации самого разного свойства – в том числе и конфликтной [40].

Потенциально важным и оригинальным «продолжением» теорий медиаэффектов в контексте изучения конфликтов в медиа может стать группа научных направлений, связанных с исследованием операций. В частности,

речь может идти о классических и поведенческих разделах теории принятия решений, которые потенциально могут объяснить механизм социального действия, несущего конфликтный потенциал, как результата решения, принимаемого под влиянием самых разнообразных факторов – от экономических до нейропсихологических [41, 42]. В качестве одного из ключевых факторов, оказывающих влияние на принятие решений, в особенности стратегических в условиях высокорисковых и конфликтных ситуаций, рассматривается полученная в медиа информация, как целенаправленно разыскиваемая, так и в виде фоновой глобальной информационного контекста [43].

К тому же на уровне индивидуального принятия решений сторонами конфликта появляется существенное влияние поведенческих искажений (*behavioral biases*). Известно, что медиавоздействие на индивидов, подверженных поведенческим искажениям, может как полностью подавить их влияние, так икратно усилить [43]. Традиционно используемые в рамках экономических дисциплин теории принятия решений в последнее время все чаще выбираются медиаисследователями для объяснения многих важных социальных феноменов [4]. Дальнейшее развитие модельного аппарата исследования медиаконфликтов целесообразно связывать с теорией игр – разделом прикладной математики, моделирующим поведение нескольких субъектов в условиях, когда критерий принятия решения каждого зависит от решений, принимаемых остальными [44].

Одним из важных эпистемологических последствий имплементации теорий принятия решений при изучении социальных конфликтов в контексте медиа может и должно стать движение в сторону психологической парадигмы, т.е. принятие как данности неоднородности аудитории с точки зрения психологических особенностей отдельных ее представителей, что обуславливает как особенности и последствия восприятия конфликтной медийной информации, так и, в итоге, специфику действий социального характера, предпринятых на основании рефлексии [13].

Медиа, память и травма

Перенос фокуса исследовательского внимания на человека, являющегося реципиентом потенциально конфликтной информации, которую распространяют традиционные СМИ и новые медиа, на человека, самостоятельно участвующего в конфликтном медийном дискурсе, на человека, принимающего собственные решения и осуществляющего онлайн и офлайн действия, в результате может объяснить причины либо эскалации конфликта, либо его затухания. В целом конфликтность медиакommunikation снижает уровень информационной безопасности не только общества, но и отдельной личности [45]. При анализе новой полисубъектной цифровой медиасреды и поведения аудитории, когда многие профессиональные компетенции журналиста «примеряют» на себя и даже неплохо выполняют активные пользователи [46], очевидно требуется применение меж- и мультидисциплинарного научного подхода.

Выше уже было упомянуто несколько исследовательских парадигм, которые с успехом могут быть применены в процессе анализа медийных репрезентаций социального конфликта, изучения взаимовлияния конфликта и медиа. Очевидно, что при исследовании медиавоздействий, вызываемых освещением конфликтов, для полноценного погружения в психологию конкретных людей, так или иначе затронутых конфликтным медийным дискурсом, необходимо активизировать использование качественных исследовательских методов, ориентированных на работу с конкретными пользователями и конкретными целевыми аудиториями.

Расширение исследовательского инструментария следует направить как в сторону применения новых инструментов, так и в сторону интеграции с новыми дисциплинарными полями гуманитарных – и не только – наук. Например, плодотворным может оказаться применение реконструкционных интервью [47], которые позволяют воссоздать контекст той или иной коммуникативной ситуации, вызвавшей тот или иной ответ у представителя аудитории [4]. Более того, необходимым выглядит и применение полуструктурированных и даже глубинных интервью, которые позволят лучше понять механизмы воздействия сообщений, несущих конфликтогенный потенциал, а также их эффект, проявленный в индивидуальных психологических изменениях или в конкретных действиях социального характера [48].

Данная методологическая база дает возможность активизировать реализацию чрезвычайно перспективной исследовательской парадигмы, связанной с изучением памяти людей, затронутых конфликтным дискурсом в медиа. В настоящее время память в контексте медийного конфликта изучается прежде всего с позиций конструирования национальной или групповой идентичности на базе исторического, в первую очередь медиатизированного, прошлого. В случае анализа медиарепрезентаций социального конфликта представляется актуальным интенсифицировать изучение памяти на уровне персонального и, более того, группового опыта, связанного с конфликтогенными контекстами, которые представлены чаще всего именно в медиа. Так, Е. Малая с помощью глубинных интервью смогла зафиксировать в конфликтном контексте «зависимость восприятия новости от встраивания ее в первичную по отношению к медиа картину мира, в ряд устойчивых интерпретативных моделей». Тем самым можно сделать важный шаг в поиске ответа на один из ключевых вопросов в изучении медиа: являются ли они своего рода триггерами в процессе разворачивания социального конфликта или даже его инициаторами, или они всего лишь элемент, дополняющий уже сложившуюся у реципиента информации картину реального конфликта [48].

Исследования памяти в контексте медиа и конфликта могут получить вполне закономерную эпистемологическую перспективу, которая заключается в изучении травмы у участников медиатизированного конфликта и / или аудитории / сообществ, получающих такую информацию посредством традиционных или новых медиа. Данные подходы уже получили отражение в академическом дискурсе [49], однако остаются весьма редкими, особенно в отечественном академическом поле. При этом конструк-

тивный потенциал данного подхода при изучении медиатизированных конфликтов является существенным, особенно с учетом значительной, иногда ключевой, роли медиа в осмыслении конфликта и травмы. Так, доказано, что формирование тематических сообществ (в частности, онлайн-овых), фиксирующих последствия и свидетельства военных, социальных, этнических конфликтов, становится своеобразным консервантом, закрепляющим память о насилии и травме [49].

Данные тематические направления требуют соответствующего методического инструментария, который может быть заимствован из арсеналов близких гуманитарных областей. Так, весьма плодотворной представляется идея максимальной интенсификации использования этнографических теоретических концепций и исследовательских методов в контексте конфликта в медиа. Речь идет, например, о сравнительно недавно вошедшей в обиход ученых этнографии [49], которая, с нашей точки зрения, может стать одной из методик при анализе эффектов, вызываемых медиарепрезентациями социального конфликта. Несмотря на высокую трудоемкость применения любого рода этнографических методов исследования, в ряде случаев только они способны дать объяснение специфике поведения людей под влиянием информации, представляемой медиа. Например, социально-психологические особенности конфликтного поведения в рамках онлайн-овых микрогрупп могут быть изучены только в режиме онлайн-ового «наблюдения» [50].

Перспективной при изучении конфликтов в контексте медиа может быть и идея адаптации методов фольклористики, например вовлечение в исследовательский оборот мемуаров: устных или письменных воспоминаний о прошлом, «бывалом». Чрезвычайно востребованным в контексте исследований медиатизированной памяти и травмы окажется весь богатейший психологический арсенал – от уже упомянутых глубинных интервью до специализированных тестов и опросников.

Выводы и перспективы

Данная статья имеет постановочный характер и не ставит целью решение тех вопросов, которые сразу потребуют ответов у исследователей. Наша задача – предложить новые направления расширения исследовательского горизонта в, казалось бы, давно изучаемой области медиа и конфликтов. Перенос исследовательского фокуса на фигуру человека и как реципиента многочисленных конфликтогенных сообщений, и как участника любого конфликтного медиадискурса, который благодаря цифровым технологиям сам превращается в отдельного субъекта медиакommunikации, поможет обогатить знания о том, к каким социальным последствиям может привести медиатизация конфликта.

Современный медиаисследовательский дискурс, традиционно существующий в рамках контент-аналитических методик и сконцентрированный на изучении медиатекстов, должен расширять имеющиеся скромные

эпистемологические перспективы, которые как раз и определяются обозначенными выше методологическими ограничениями. Между тем применение междисциплинарных подходов способно открыть оригинальные, новаторские и перспективные направления для дальнейших исследований. Привлечение методологических и методических достижений современной психологии, экономики, антропологии, этнографии позволит значительно обогатить исследовательский процесс, направленный на освоение сущности социальных конфликтов в медиа и понимание воздействий медиарепрезентаций конфликта на аудиторию, на современного человека во всей его многомерности и целостности [39]. При этом разработка проблематики памяти и травмы для понимания конфликтологического дискурса медиа поможет получить результаты, которые способны заложить научные основы конструктивного решения множества современных социальных конфликтов.

Несмотря на присутствующий выше эпистемологический оптимизм, работа в предложенных выше направлениях представляется нелегкой. Прежде всего требуется перенастройка всего методического аппарата медиаисследований, который, как отмечалось выше, уже сформировал прочные методологические традиции и форматы их применения. Поэтому адаптация новых методик, заимствованных из иных гуманитарных направлений, может оказаться существенным вызовом.

Помимо научной инерции и необходимости осваивать непривычный методический аппарат, медиаисследователям неизбежно придется сталкиваться и с необходимостью интерпретации полученных результатов в новых для себя парадигмах, основанных, к примеру, на теориях принятия решений или игр, на концептах памяти и травмы. Насколько данные интерпретации окажутся успешными, может показать только реализация междисциплинарного комплексного подхода, предусматривающего изучение медиатизированных конфликтов не только в традиционном «медиаисследовательском» ключе, но и в направлениях, которые были предложены в данной статье.

Список источников

1. *Hjarvard S.* The Mediatization of Religion: A Theory of the Media as Agents of Religious Change. In *Northern Lights* 2008. Yearbook of Film & Media Studies. Bristol : Intellect Press, 2008. 132 p.
2. *de Zúñiga H. G., Barnidge M., Scherman A.* Social Media Social Capital, Offline Social Capital, and Citizenship: Exploring Asymmetrical Social Capital Effects // *Political Communication*. 2017. № 34 (1). P. 44–68. doi: 10.1080/10584609.2016.1227000
3. *Макеенко М.И., Вырковский А.В.* Возможности влияния неинституционализированных производителей развлекательного и познавательного контента на аудиторию // *Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика*. 2021. № 5. URL: <https://vestnik.journ.msu.ru/books/2021/5/vozmozhnosti-vliyaniya-neinstitutstionalizirovannykh-proizvoditeley-razvlekatelnogo-i-poznavatel'nogo/>
4. *Zeitoff T.* How Social Media Is Changing Conflict // *Journal of Conflict Resolution*. 2017. № 61(9). P. 1970–1991. doi: 10.1177/0022002717721392
5. *Cottle S.* Mediatized Conflict: Developments in Media and Conflict Studies. N.Y. : Open University Press, 2006. 211 p.

6. Schoemaker E., Stremmlau N. Media and conflict: An assessment of the evidence // Progress in Development Studies. 2014. № 14 (2). P. 181–195. doi: 10.1177/1464993413517790
7. Bodrunova S. S., Blekanov I., Smoliarova A., Litvinenko A. Beyond Left and Right: Real-world Political Polarization in Twitter Discussions on Interethnic Conflicts // Media and Communication. 2019. № 7 (3). P. 119–132.
8. Лабуш Н.С., Пуя А.С. Медиатизация экстремальных форм политического процесса: война, революция, терроризм. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2019. 340 с.
9. Новгородова А.И. Освещение войны 2003 года в Ираке в материалах «Нью-Йорк Таймс» // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. 2019. № 3. С. 141–162.
10. Азаров А.А., Бродовская Е.В., Дмитриева О.В., Домбровская А.Ю., Фильченков А.А. Стратегии формирования установок протестного поведения в сети Интернет: опыт применения киберметрического анализа (на примере Евромайдана, ноябрь 2013 г.) // Мониторинг общественного мнения. 2014. № 2 (120). С. 63–78.
11. Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Азаров А.А., Фильченков А.А., Абрамов М.В., Карзубов Д.Н. Интернет-технологии мобилизации политического протеста (на примере Евромайдана) // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. № 4. С. 54–69.
12. Смирнова О.В., Шкондин М.В. Исследования медиа и журналистики в контексте конфликтологии: системно-теоретические аспекты // Вопросы теории и практики журналистики. 2021. Т. 10. № 1. С. 5–21.
13. Zinchenko Y.P., Veraksa A.N., Leonov S.V. Methodological foundations of military psychology and psychological security // Psychology in Russia: State of the Art. 2011. doi: 10.11621/pir.2010.0001
14. Вартанова Е.Л., Дунас Д.В., Гладкова А.А. Медиа и конфликты: исследование взаимовлияния в актуальном академическом дискурсе // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2021. № 4. С. 3–32.
15. Reuben R. The Impact of News Coverage on Conflict: Toward Greater Understanding. Marquette Law Review Conferences, 2009. P. 45–83.
16. McQuail D. McQuail's Mass Communication Theory. 5th Edition. London : Sage Publications Ltd., 2005. 612 p.
17. Дунас Д.В. Парадигмальный подход к изучению СМИ: опыт зарубежных исследований // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2010. № 4. URL: <https://vestnik.journ.msu.ru/books/2017/4/paradigmalnyy-podkhod-k-izucheniyu-smi-opyt-zarubezhnykh-issledovateley/>
18. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2006. 377 с.
19. Мартыанов Д.С., Лукьянова Г.В. Эмоциональная публичная сфера: поляризация паралингвистического интернет-дискурса // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2021. № 2. С. 25–48. doi: 10.30547/vestnik.journ.2.2021.2548
20. Lim M. Many Clicks but Little Sticks: Social Media Activism in Indonesia // Journal of Contemporary Asia. 2013. № 43 (4). P. 636–657. doi: 10.1080/00472336.2013.769386
21. Ball-Rokeach S.J., Defleur M.L. A Dependency Model of MassMedia Effects // Communication Research. 1976. № 3 (1). P. 3–21.
22. Климова А.М., Куликов С.П., Чмель К.Ш. Роль социальных медиа в формировании регионального экологического протеста в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 28–52. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2024>.
23. Ениколопов Р.С., Макарыш А.А., Петрова М.А. Социальные медиа и политические протесты // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2015. № 3–4 (121). С. 149–159.
24. Acharya B. Conceptual Evolution of the Digital Divide: a Systematic Review of the Literature Over a Period of Five Years (2010–2015) // World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies. 2017. № 1. P. 41–74.

25. *Romero-Trillo J.* The representation of liminality conflicts in the media // *Journal of Multicultural Discourses*. 2011. № 6:2. P. 143–158. doi: 10.1080/17447143.2010.545412
26. *Ndinojuo B.E., Ihejirika W.C., Okon G.B.* Prevalent news frames in news reports about military operations against Boko Haram in North-East Nigeria // *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies*. 2020. № 1. P. 51–72. doi: 10.30547/worldofmedia.1.2020.3
27. *Harlander J., Morrison M.* Social Media Codes of Conduct: Reflections for Mediators. Centre for Humanitarian Dialogue, 2020. URL: <https://www.hdcentre.org/updates/social-media-codes-of-conduct-reflections-for-mediators/>
28. *Lanz D., Eleiba A.* The Good, the Bad and the Ugly: Social Media and Peace Mediation, Policy Brief 12/2018, swisspeace, 2018. URL: <https://www.swisspeace.ch/assets/publications/downloads/Policy-Briefs/aa3fc8830f/Social-Media-and-Peace-Mediation-Policy-Brief-12-2018.pdf>
29. *Демин П.В., Сорочан Е.А.* Социальные эффекты онлайн-сообществ: нетнография YouTube-сообщества вышивальщиц // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020. № 5. С. 312–343.
30. *Гольбрайх В.Б.* Экологический конфликт на российском телевидении: дискурсивные возможности протестного движения // *Медиаскоп*. 2015. № 3. URL: <http://www.mediascope.ru/1774>
31. *Белоконов С.Ю., Титов В.В., Усманова З.Р.* Резонансные события и непопулярные политические решения: специфика репрезентации в пространстве рунета // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2019. № 5. С. 365–381. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.17>
32. *Лукина М.М., Толоконникова А.В.* Конфликт в повестке дня российских информационных агентств: исследование в контексте конструктивной журналистики // *Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика*. 2021. № 5. С. 27–50
33. *Якова Т.С.* «Мирная журналистика» в противодействии терроризму // *Медиаскоп*. 2018. № 3. URL: <http://www.mediascope.ru/2477>
34. *Hamelink C.J.* Media and Conflict: Escalating Evil (1st ed.). Routledge, 2011. 192 p.
35. *Казаков А.А.* Атрибутивные повестки дня и фреймы «Российской газеты» и «Новой газеты» в контексте методов воздействия на аудиторию (на примере освещения конфликта на юго-востоке Украины) // *Медиаскоп*. 2015. № 2. URL: <http://www.mediascope.ru/1706>.
36. *Асланов И.А.* Метафорический фрейминг в медиатекстах и коммуникации о депрессии: результаты контент-анализа и эксперимента // *Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика*. 2020. № 6. С. 3–22.
37. *Кудряшов И.А., Чернышева А.Ю.* Проблема фреймирования трагического события в зоне военно-политической напряженности в репортажном дискурсе идеологически альтернативных СМИ // *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2021. № 1. С. 60–72.
38. *Фундаментальные основы теории медиа в контексте общественного развития: опыт разработки* / под ред. Е.Л. Варгановой. М. : Факультет журналистики, 2019. 204 с.
39. *Клочко В.Е., Галажинский Э.В., Красноярецова О.Н., Лукьянов О.В.* Системная антропологическая психология: понятийный аппарат // *Сибирский психологический журнал*. 2015. № 56. С. 9–20.
40. *Рябенко Н.А., Мальшева О.П., Катермина В.В., Гнедаш А.А.* Модель коммуникации «Говорящий – Слушающий» в условиях цифровизации лингвистического поворота: опыт сетевого и лингводискурсивного анализа контента видеохостинга YouTube // *Политическая лингвистика*. 2021. Т. 1, № 85. С. 81–94. doi: 10.12345/1999-2629_2021_01_07
41. *Tversky A., Kahneman D.* Judgment under Uncertainty: Heuristics and Biases // *Science*. 1974. № 185. P. 1124–1131. doi: 10.1126/science.185.4157.1124
42. *Simon H.* A Behavioral Model of Rational Choice // *The Quarterly Journal of Economics*. 1955. № 69 (1). P. 99–118. URL: <https://doi.org/10.2307/1884852>

43. Вартанов С.А. Модели экономических эффектов влияния медиа как основа методологии стратегирования медиасистемы // Вопросы теории и практики журналистики. 2021. № 4. С. 711–733.

44. Вартанов С.А. Использование модели трехстороннего рынка в стратегировании медиаиндустрии // Экономика и математические методы. 2021. Т. 57, № 1. С. 43–52.

45. Zinchenko Y.P., Zolotova O.Y. Security in the worldview of Russians // Psychology in Russia: State of Art. 2014. № 7, 1. P. 50–61.

46. Dunas D.V., Vartanov S.A. Emerging Digital Media Culture in Russia: Modeling the Media Consumption of Generation Z // Journal of Multicultural Discourses. 2020. № 15 (7). P. 1–18. doi: 10.1080/17447143.2020.1751648

47. Reich Z. The Process Model of News Initiative // Journalism Studies. 2006. № 7 (4). P. 497–514.

48. Малая Е.К. «Факты, в которые верят»: фреймирование новостей в условиях поляризации общества // Антропологический форум. 2016. № 31. С. 180–208.

49. Meek A. Trauma and Media: Theories, Histories, and Images (1st ed.). Routledge. 2009. 232 p. doi: 10.4324/9780203863190

50. Ваторопин А.С., Миронова Е.Н. Процесс институционализации полиаморов как социальной группы // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2021. № 5 (74). С. 145–156.

References

1. Hjarvard, S. (2008) The Mediatization of Religion: A Theory of the Media as Agents of Religious Change. *Northern Lights: Film & Media Studies Yearbook*. 6. pp. 9–26.

2. de Zúñiga, H.G., Barnidge, M. & Scherman, A. (2017) Social media social capital, offline social capital, and citizenship: exploring asymmetrical social capital effects. *Political Communication*. 34 (1). pp. 44–68. DOI: 10.1080/10584609.2016.1227000

3. Makeenko, M.I. & Vyrvskiy, A.V. (2021) Vozmozhnosti vliyaniya neinstutsionalizirovannykh proizvoditeley razvlekatel'nogo i poznavatel'nogo kontenta na auditoriyu [Possibilities of influence of non-institutionalized producers of entertaining and educational content on the audience]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10: Zhurnalistika*. 5. [Online] Available from: <https://vestnik.journ.msu.ru/books/2021/5/voz-mozhnosti-vliyaniya-neinstutsionalizirovannykh-proizvoditeley-razvlekatelnogo-i-poznavatel'nogo/>.

4. Zeitzoff, T. (2017) How social media is changing conflict. *Journal of Conflict Resolution*. 61 (9). pp. 1970–1991. DOI: 10.1177/0022002717721392

5. Cottle, S. (2006) *Mediatized Conflict: Developments in Media and Conflict Studies*. New York: Open University Press.

6. Schoemaker, E. & Stremlau, N. (2014) Media and conflict: An assessment of the evidence. *Progress in Development Studies*. 14 (2). pp. 181–195. DOI: 10.1177/1464993413517790

7. Bodrunova, S.S. et al. (2019) Beyond left and right: real-world political polarization in Twitter discussions on interethnic conflicts. *Media and Communication*. 7 (3). pp. 119–132.

8. Labush, N.S. & Puyu, A.S. (2019) *Mediatizatsiya ekstremal'nykh form politicheskogo protsesssa: voyna, revolyutsiya, terrorizm* [Mediatization of Extreme Forms of the Political Process: War, revolution, terrorism]. Saint Petersburg: Saint Petersburg University.

9. Novgorodova, A.I. (2019) Osveshchenie voyny 2003 goda v Irake v materialakh “N’yu-York Tayms” [Coverage of the 2003 war in Iraq in the materials of the New York Times]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10: Zhurnalistika*. 3. pp. 141–162.

10. Azarov, A.A. et al. (2014) Strategii formirovaniya ustanovok protestnogo povedeniya v seti Internet: opyt primeneniya kiberneticheskogo analiza (na primere Evromaydana, noyabr’ 2013 g.) [Strategies for forming attitudes of protest behavior on the Internet: the experience of using cybermetric analysis (on the example of Euromaidan, November 2013)]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya*. 2 (120). pp. 63–78.

11. Brodovskaya, E.V. et al. (2016) Internet-tehnologii mobilizatsii politicheskogo protesta (na primere Evromaydana) [Internet technologies for political protest mobilization (on the example of Euromaidan)]. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk*. 4. pp. 54–69.
12. Smirnova, O.V. & Shkondin, M.V. (2021) Issledovaniya media i zhurnalistiki v kontekste konfliktologii: sistemno-teoreticheskie aspekty [Studies of media and journalism in the context of conflictology: system-theoretical aspects]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*. 1 (10). pp. 5–21.
13. Zinchenko, Y.P., Veraksa, A.N. & Leonov, S.V. (2011) Methodological foundations of military psychology and psychological security [Methodological foundations of military psychology and psychological security]. *Psychology in Russia: State of the Art*. DOI: 10.11621/pir.2010.0001
14. Vartanova, E.L., Dunas, D.V. & Gladkova, A.A. (2021) Media i konflikty: issledovanie vzaimovliyaniya v aktual'nom akademicheskome diskurse [Media and conflicts: a study of mutual influence in the current academic discourse]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika*. 4. pp. 3–32.
15. Reuben, R. (2009) The impact of news coverage on conflict: toward greater understanding. *Marquette Law Review*. 1 (93).
16. McQuail, D. (2005) *McQuail's Mass Communication Theory*. 5th Edition. London: Sage Publications Ltd.
17. Dunas, D.V. (2010) Paradigmal'nyy podkhod k izucheniyu SMI: opyt zarubezhnykh issledovaniy [Paradigm approach to the study of the media: the experience of foreign studies]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika*. 4. [Online] Available from: <https://vestnik.journ.msu.ru/books/2017/4/paradigmalnyy-podkhod-k-izucheniyu-smi-opyt-zarubezhnykh-issledovateley/>.
18. Habermas, J. (2006) *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deystvie* [Moral Consciousness and Communicative Action]. Translated from German. Saint Petersburg: Nauka.
19. Mart'yanov, D.S. & Luk'yanova, G.V. (2021) Emotsional'naya publichnaya sfera: polarizatsiya paralingvisticheskogo internet-diskursa [Emotional Public Sphere: Polarization of Paralinguistic Internet Discourse]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*. 2. pp. 25–48. DOI: 10.30547/vestnik.journ.2.2021.2548
20. Lim, M. (2013) Many Clicks but Little Sticks: Social Media Activism in Indonesia. *Journal of Contemporary Asia*. 43 (4). pp. 636–657. DOI: 10.1080/00472336.2013.769386
21. Ball-Rokeach, S.J. & Defleur, M.L. (1976) A Dependency Model of MassMedia Effects. *Communication Research*. 3 (1). pp. 3–21.
22. Klimova, A.M., Kulikov, S.P. & Chmel', K.Sh. (2021) Rol' sotsial'nykh media v formirovaniy regional'nogo ekologicheskogo protesta v Rossii [The role of social media in the formation of regional environmental protest in Russia]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 6. pp. 28–52. DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.2024
23. Enikolopov, R.S., Makar'in, A.A. & Petrova, M.A. (2015) Sotsial'nye media i politicheskie protesty [Social media and political protests]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii*. 3–4 (121). pp. 149–159.
24. Acharya, B. (2017) Conceptual Evolution of the Digital Divide: A Systematic Review of the Literature Over a Period of Five Years (2010–2015). *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies*. 1. pp. 41–74.
25. Romero-Trillo, J. (2011) The representation of liminality conflicts in the media. *Journal of Multicultural Discourses*. 6:2. pp. 143–158. DOI: 10.1080/17447143.2010.545412
26. Ndinojuo, B.E., Ihejirika, W.C. & Okon, G.B. (2020) Prevalent news frames in news reports about military operations against Boko Haram in North-East Nigeria. *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies*. 1. pp. 51–72. DOI: 10.30547/worldofmedia.1.2020.3
27. Harlander, J. & Morrison, M. (2020) Social Media Codes of Conduct: Reflections for Mediators. *Centre for Humanitarian Dialogue*. [Online] Available from: <https://www.hdcentre.org/updates/social-media-codes-of-conduct-reflections-for-mediators/>.

28. Lanz, D. & Eleiba, A. (2018) The Good, the Bad and the Ugly: Social Media and Peace Mediation, *Policy Brief 12/2018, swisspeace*. [Online] Available from: <https://www.swisspeace.ch/assets/publications/downloads/Policy-Briefs/aa3fc8830f/Social-Media-and-Peace-Mediation-Policy-Brief-12-2018.pdf>.
29. Demin, P.V. & Sorochan, E.A. (2020) Sotsial'nye efekty onlayn-soobshchestv: netnografiya YouTube-soobshchestva vyshival'shchits [Social effects of online communities: netnography of the YouTube community of embroiderers]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 5. pp. 312–343.
30. Gol'braykh, V.B. (2015) Ekologicheskii konflikt na rossiyskom televidenii: diskursivnye vozmozhnosti protestnogo dvizheniya [Ecological conflict on Russian television: discursive possibilities of the protest movement]. *Mediascope*. 3. [Online] Available from: <http://www.mediascope.ru/1774>.
31. Belokonev, S.Yu., Titov, V.V. & Usmanova, Z.R. (2019) Rezonansnye sobytiya i nepopulyarnye politicheskie resheniya: spetsifika reprezentatsii v prostranstve runeta [Resonant events and unpopular political decisions: the specifics of representation in the Runet space]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 5. pp. 365–381. DOI: 10.14515/monitoring.2019.5.17
32. Lukina, M.M. & Tolokonnikova, A.V. (2021) Konflikt v povestke dnya rossiyskikh informatsionnykh agentstv: issledovanie v kontekste konstruktivnoy zhurnalistiki [Conflict on the agenda of Russian news agencies: a study in the context of constructive journalism]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*. 5. pp. 27–50.
33. Yakova, T.S. (2018) “Mirnaya zhurnalistika” v protivodeystvii terrorizmu [“Peace journalism” in countering terrorism]. *Mediascope*. 3. [Online] Available from: <http://www.mediascope.ru/2477>.
34. Hamelink, C.J. (2011) *Media and Conflict: Escalating Evil*. 1st ed. New York: Routledge.
35. Kazakov, A.A. (2015) Atributivnye povestki dnya i freymy “Rossiyskoy gazety” i “Novoy gazety” v kontekste metodov vozdeystviya na auditoriyu (na primere osveshcheniya konflikta na yugo-vostoke Ukrainy) [Attributive agendas and frames of Rossiyskaya Gazeta and Novaya Gazeta in the context of methods of influencing the audience (on the example of covering the conflict in the South-East of Ukraine)]. *Mediascope*. 2. [Online] Available from: <http://www.mediascope.ru/1706>.
36. Aslanov, I.A. (2020) Metaforicheskii freyming v mediatekstakh i kommunikatsii o depressii: rezul'taty kontent-analiza i eksperimenta [Metaphorical framing in media texts and communication about depression: results of content analysis and experiment]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10: Zhurnalistika*. 6. pp. 3–22.
37. Kudryashov, I.A. & Chernysheva, A.Yu. (2021) Problema freymirovaniya tragicheskogo sobytiya v zone voenno-politicheskoy napryazhennosti v reportazhnom diskurse ideologicheskii al'ternativnykh SMI [The problem of framing a tragic event in the zone of military-political tension in the reporting discourse of ideologically alternative media]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*. 1. pp. 60–72.
38. Vartanova, E.L. (ed.) (2019) *Fundamental'nye osnovy teorii media v kontekste obshchestvennogo razvitiya: opyt razrabotki* [Fundamentals of Media Theory in the Context of Social Development: Development experience]. Moscow: Moscow State University.
39. Klochko, V.E. et al. (2015) System Anthropological Psychology: Framework of Categories. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 56. pp. 9–20. (In Russian). DOI: 10.17223/17267080/56/2
40. Ryabchenko, N.A. et al. (2021), Model' kommunikatsii “Govoryashchiy – Slushayushchiy” v usloviyakh tsifrovizatsii lingvisticheskogo povorota: opyt setevogo i lingvodiskursivnogo analiza kontenta videokhostinga YouTube [The “Speaker – Listener” communication model in the context of the digitalization of the linguistic turn: the experience of network and linguo-discursive content analysis of YouTube video hosting]. *Politicheskaya lingvistika*. 85 (1). pp. 81–94. DOI: 10.12345/1999-2629_2021_01_07

41. Tversky, A. & Kahneman, D. (1974) Judgment under uncertainty: heuristics and biases. *Science*. 185. pp. 1124–1131. DOI: 10.1126/science.185.4157.1124
42. Simon, H. (1955) A behavioral model of rational choice. *The Quarterly Journal of Economics*. 69 (1). pp. 99–118. [Online] Available from: DOI: 10.2307/1884852
43. Vartanov, S.A. (2021) Modeli ekonomicheskikh effektivov vliyaniya media kak osnova metodologii strategirovaniya mediasistemy [Models of economic effects of media influence as a basis for the methodology of media system strategizing]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*. 4. pp. 711–733.
44. Vartanov, S.A. (2021) Ispol'zovanie modeli trekhstoronnego rynka v strategirovanii mediaindustrii [Using the tripartite market model in strategizing the media industry]. *Ekonomika i matematicheskie metody*. 1 (57). pp. 43–52.
45. Zinchenko, Y.P. & Zolotova, O.Y. (2014) Security in the worldview of Russians. *Psychology in Russia: State of Art*. 1 (7). pp. 50–61.
46. Dunas, D.V. & Vartanov, S.A. (2020) Emerging digital media culture in Russia: modeling the media consumption of generation Z. *Journal of Multicultural Discourses*. 15 (7). pp. 1–18. DOI: 10.1080/17447143.2020.1751648
47. Reich, Z. (2006) The process model of news initiative. *Journalism Studies*. 7 (4). pp. 497–514.
48. Malaya, E.K. (2016) “Fakty, v kotorye veryat”: freymirovanie novostey v usloviyakh polarizatsii obshchestva [“Facts in which they believe”: news framing in conditions of social polarization]. *Antropologicheskii forum*. 31. pp. 180–208.
49. Meek, A. (2009) *Trauma and Media: Theories, Histories, and Images*. 1st ed. New York: Routledge. DOI: 10.4324/9780203863190
50. Vatoropin, A.S. & Mironova, E.N. (2021) Protsess institutsionalizatsii poliamorov kak sotsial'noy gruppy [The process of institutionalization of polyamorous as a social group]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 5 (74). pp. 145–156.

Информация об авторах:

Варганова Е.Л. – д-р филол. наук, академик РАО, декан факультета журналистики, заведующая кафедрой теории и экономики СМИ факультета журналистики, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: evarta@mail.ru

Вырковский А.В. – д-р филол. наук, доцент кафедры теории и экономики СМИ факультета журналистики, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: a.v.vyrkovsky@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.L. Vartanova, Dr. Sci. (Philology), academician of the Russian Academy of Education, dean of the Faculty of Journalism; head of the Department of Media Theory and Economics, Lomonosov Moscow State University. E-mail: evarta@mail.ru

A.V. Vyrkovskiy, Dr. Sci. (Philology), associate professor, Department of Media Theory and Economics, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University. E-mail: a.v.vyrkovsky@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.08.2022;
одобрена после рецензирования 16.08.2022; принята к публикации 13.03.2023.

The article was submitted 02.08.2022;
approved after reviewing 16.08.2022; accepted for publication 13.03.2023.

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вестник Томского государственного университета. Филология» был выделен в самостоятельное периодическое издание из общенаучного журнала «Вестник Томского государственного университета» в 2007 г.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29496 от 27 сентября 2007 г.), ему присвоен международный стандартный номер сериального издания (ISSN 1998-6645).

«Вестник ТГУ. Филология» выходит 6 раз в год и распространяется по подписке, его подписной индекс – 44041 в объединенном каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/philology>

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/philology>

Редакция не вступает с авторами в переписку по методике написания и оформлению научных статей и не занимается доведением статей до необходимого для публикации уровня.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей. Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор. При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, филологический факультет.

Ответственный секретарь редакции журнала – М.М. Угрюмова.

Научный журнал

**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.
ФИЛОЛОГИЯ**

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

2023. № 82

Редактор Т.В. Зелева
Редактор-переводчик В.В. Кашпур
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцова

Подписано в печать 28.04.2023 г. Формат 70×100 ¹/₁₆.
Печ. л. ; усл. печ. л. . Цена свободная.
Тираж 50 экз. Заказ № 5412.

Дата выхода в свет 19.05.2023 г.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Журнал отпечатан на оборудовании Издательства ТГУ
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru